

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского

Научный журнал

Серия «Филология. Социальные коммуникации»
Том 24 (63) № 2. Часть 2

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, 2011

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – д-р геогр. наук, проф., член-корр. НАНУ (председатель)

Шульгин В. Ф. – д-р хим. наук, проф. (зам. председателя)

Дзедолик И. В. – д-р физ.-мат. наук, проф. (секретарь)

Члены совета (редакторы серий)

Богданович Г. Ю. – д-р филол. наук, проф.
 Берестовская Д. С. – д-р филос. наук, проф.
 Вахрушев Б. А. – д-р геогр. наук, проф.
 Габриелян О. А. – д-р филос. наук, проф.
 Казарин В. П. – д-р филол. наук, проф.
 Кальной И. И. – д-р филос. наук, проф.
 Канов А. А. – д-р экон. наук, проф.

Копачевский Н. Д. – д-р физ.-мат. наук, проф.
 Лазарев Ф. В. – д-р филос. наук, проф.
 Подсолонко В. А. – д-р экон. наук, проф.
 Темурьянц Н. А. – д-р биолог. наук, проф.
 Ротань В. Г. – д-р юрид. наук, проф.
 Шульгин В. Ф. – д-р хим. наук, проф.
 Петрова Э. Б. – д-р ист. наук, проф.

Редакционный совет серии «Филология. Социальные коммуникации»

Богданович Г. Ю., д-р филол., проф., ТНУ (редактор раздела «Социальные коммуникации»)
 Казарин В. П., д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Филология»)
 Александров А. В., д-р филол. наук, проф., Одесский национальный университет
 Борисова Л. М., д-р филол., проф., ТНУ
 Гуменюк В. И., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Ищенко Н. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Меметов А. М., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Новикова М. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Селендили Л. С., канд. филол. наук, доц., ТНУ
 Орехова Л. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Петренко А. Д., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Прадид Ю. Ф., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Ризун В. В., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
 Сидоренко Н. Н., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
 Яценко Т. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Егорова Л. Г., канд. филол. наук, доц., ТНУ (ответственный секретарь)

Печатается по решению Ученого Совета

Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Протокол № 4 от 14.04.2011 г.

© Таврический национальный университет, 2011 г.

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60x84 ²/₃ усл. изд. л. 37,75. Тираж 500. Заказ № 93.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.

Проспект Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

„Ученіє запискі Таврічеського національного універсітета ім. В. І. Вернадського”

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 24 (63). №2. Часть 2.

Сімферополь, Таврійський національний універсітет ім. В.І.Вернадського, 2011

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у інформаційно-видавничьому відділі Таврійського національного універсітету
ім. В.І. Вернадського. Проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

РАЗДЕЛ 4. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

УДК 81'42:32

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Бессонова Л.Е., Сегал Н. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Украина*

В статье исследуется специфика функционирования слов с пространственной семантикой, моделируются бинарные оппозиции, на основе которых формируется категория «пространство» в политическом тексте.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический текст, бинарные оппозиции.*

В современных измерениях научного познания фокус исследовательского внимания закономерно смещается с системно-структурной парадигмы на парадигму антропоцентрическую, когнитивно-прагматическую, определяя тем самым важные лингвистические направления, связанные с изучением базовых категорий концептуализации мира. Одной из таких категорий является категория *пространство*, языковые единицы которой служат средством актуализации не только наивной картины мира, но и сферы политической коммуникации. При всем многообразии работ и подходов к исследованию *пространства* в современной лингвистической науке проблема языковой манифестации пространственных смыслов по-прежнему остается дискуссионной. *Актуальность* предлагаемой *статьи* заключается в необходимости описания механизмов языковой репрезентации *пространства* и его переосмысления, в выявлении специфики функционирования слов с пространственной семантикой в политическом тексте. Языковые единицы с пространственной семантикой являются важным средством категоризации и концептуализации сферы политики и отражают особенности политической коммуникации. Для проведения комплексного анализа сферы-источника *пространство* в политическом тексте важным является исследование как горизонтального, так и вертикального вектора, что позволяет структурировать дискурсивное пространство политического текста. Коммуникативно-прагматический подход к анализу политического текста на основе построения системы координат позволяет определить когнитивные механизмы порождения и восприятия политического текста.

По убеждению ученых, особая значимость вертикальной оси обусловлена вертикальным строением человека, поскольку именно его тело становится основой

структуризации пространства. В работах Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, Т.В. Булыгиной, М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, В.Г. Гака, А.А. Зализняк, О.П. Ермаковой, И.М. Кобозевой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, О.Н. Селивёрстовой, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, Г.М. Яворской, Е.С. Яковлевой и др. выдвигаются важные для лингвистики концепции, связанные с антропоцентрической ориентацией пространства, организованного вокруг человека как центра микро- и макрокосмоса. Данная категория, как известно, репрезентируется языковыми единицами с семантикой пространственной локализованности предметов и отношений, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Таким образом, пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств как репрезентантов локусных концептуальных оппозиций. Эти положения тесно связаны с известными научными идеями Ю.М. Лотмана о текстовом и семиотическом *пространстве*: всякая модель культуры и языка может быть описана в пространственных понятиях и терминах [8]. По мнению ученого, семиотика *пространства* имеет исключительно важное значение в создании картины мира той или иной культуры, а природа этого явления связана с самой спецификой *пространства*. Анализируя категорию *пространство*, лингвисты приходят к выводу о необходимости разграничения двух аспектов: пространственной структуры картины мира и пространственных моделей как метаязыка описания типов культуры. В первом случае пространственные характеристики принадлежат описываемому объекту, во втором – метаязыку описания. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни. Отмечая значимость категории *пространство* в картине мира той или иной культуры, В.Г. Гак подчеркивает: «для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [2, с.130]. Отмечая безграничность концептуального *пространства*, Е.С. Кубрякова отмечает, что «взор человека может останавливаться как на том, что его непосредственно окружает, так и не ограничиваться этим, т.е. быть устремленным вдаль, до естественного «края земли» – горизонта, а это объясняет возможность приписать пространству самые разные размеры и масштабы, отождествляя его то со вселенной, то со всем миром, то, напротив, ограничивая его непосредственно видимым полем зрения и придавая ему смысл какого-либо очень небольшого, вместилища» [7, с.26].

Рассматривая пространственные отношения в рамках мифологической модели, В.А. Ермакова указывает, что именно они отражают координацию объектов, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Сам человек есть материальное тело, занимающее определенное место в пространстве и обладающее известными пространственными признаками (величина, форма, направление движения в пространстве [4].

Таким образом, локативные отношения занимают большое место в языковой системе, отражая способы концептуализации внешнего мира.

С целью описания когнитивных механизмов порождения и восприятия политического текста в предлагаемом исследовании рассматривается ряд бинарных оппозиций, обусловленных архетипическими представлениями человека о мире. Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Л.А. Новиков справедливо отмечал, что «единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [9, с. 136]. Выявление концептуального содержания членимых оппозиций горизонтального и вертикального векторов текста через систему средств вербальной репрезентации является *целью работы*.

Необходимо отметить, что при описании концептуальных оппозиций необходимо исследование не только концептуального содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинативное поле ключевого слова *пространство* объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данной единицы будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о релевантности репрезентантов пространственных единиц в языковой картине мира. Контекстный анализ показал, что категория *пространство* является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст на основе горизонтальной (*путь, дорога, тропа, тропинка, стезя, колея и др.*) и вертикальной (*гора, вершина, пик, пропасть, обрыв и др.*) текстовых парадигм. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных единиц в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

По замечанию лингвистов, вторичность «отпространственных» значений в языке интерпретируется по-разному: как метафорическое преобразование семантики у предлогов, как развитие вторичных (непространственных) функций у пространственных моделей в языке, как система непространственных смыслов, формирующихся вокруг пространственного прототипа у полисемичного слова, как параллелизм пространственных и темпоральных отношений и задание когнитивных операций для преобразования членов разных категорий [5, с. 195-196]. Для характеристики явлений и отношений, принадлежащих не физическому, а социально-политическому пространству, в текстах выявляются топологические оппозиции, построенные на основе горизонтального и вертикального векторов. Семное варьирование возможно в процессе контекстного противопоставления лексических единиц. Бинарными оказываются не только *верх* и *низ* конкретного объекта вертикальной плоскости, но и конечные точки всей вертикальной оси, образуя при этом соответствующие оппозиции. Например, для текстов политического дискурса последних пяти лет наиболее активными являются такие конечные точки оси, как *гора, вершина, пропасть, яма, дно: Страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильная стратегия и видение, если появится правильное*

лидерство, то страна, безусловно, серьезно **поднимется в гору** (ЗН, 23.08.2007). **От дна до вершины: Почему в странах Ближнего Востока возник феномен НРПО** (i-r.ru/page/stream-library/index-3756.html). **Политик может чувствовать себя вершиной даже на дне пропасти** (leloo.com.ua). **Из всех вершин, существующих на политическом высокогорье Российской Федерации, Примаков покорил почти все** (Политика, 11.04.2007). **Украину ведут в политическую долговую яму** (Киевские новости, 16.02.2010). ... **упав на дно, российская экономика может просто не найти ресурсов, чтобы с этого дна подняться** (Эхо Москвы, 21.04.2010). **ПР оказалась абсолютно незащищенной. Черновецкий будет постоянно тащить ее на дно** (ЗН, № 15 (795) 17-23 апреля 2010). **Если к власти придет Ющенко, человек абсолютно прозападных политических взглядов, то между Украиной и Россией развернется такая пропасть, что отношений, которые есть сейчас, не удастся достичь никогда** (KM.RU, 23.11.2004). **Перед Украиной стоит выбор между старым и новым. Выбрать старое – обречь Украину на олигархат, на увеличение пропасти между властью и обществом, на безрадостную жизнь для нескольких поколений вперед** (Телеграф, 29.10.2009). **Снова украинский мир оказался перед пропастью, через которую не в силах был перебросить мост** (ЗН, № 38 (818) 16-22 октября 2010). При погашении архисемы 'пространство' в таких контекстах происходит значительная перестройка семной структуры рассматриваемых единиц. Политическая семантика лексической единицы *гора* возникает в результате актуализации сем 'цель', 'желаемый результат'. Прагматические смыслы позволяют лексеме *пропасть* актуализировать в тексте семы 'нежелательный результат', 'провал'. Таким образом, за счет противопоставления лексических единиц *гора* – *пропасть* актуализируются коннотативный и оценочный компоненты: *гора* ('цель') – это хорошо, *пропасть* ('провал') – это плохо. Такие локусно ориентированные аксиологические характеристики весьма важны для осмысления внешнего мира человеком, прежде всего, его социального пространства. Аксиологические характеристики в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. Предметом оценивания может стать не всякое явление действительности, но лишь то, что нужно человеку. «Для того чтобы оценить объект, – подчеркивает Н.Д. Арутюнова, – человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [1, с.181].

Метафорическое переосмысление движения вниз выявляется в конструкции «спуститься с гор», реализация смыслового содержания которого, как правило, характеризуется конкретной политической ситуацией – выборами: **досрочные выборы спустились с гор, электорат спустился с гор, голоса избирателей спускаются с гор, кандидаты спустились с гор: Янукович увидел, как досрочные выборы спустились с гор** (Новый регион, 06.02.2008). **Кандидаты спустились с гор** (НГ, № 35 от 6 апреля 2009 г.). **С. Тигипко: пришло время спускаться с гор к людям** (liga.net, 21.08.2004).

Референтное событие «выборы» обуславливает не только изменение значения слова, но и его морфологическое поведение: рассматриваемая лексема, как правило, в такой композиции используется в форме множественного числа, что не свойственно пространственной лексике в целом. Это определяется прагматическим

компонентом высказываний: *горы* в политическом тексте не только имеют большую протяженность по вертикали, но и занимают значительное пространство по горизонтали. По мнению В.З. Демьянкова, пространственно-временная и/или этическая локализация (фокус эмпатии) автора текста являются важными координатами референтного события и лежат в основе когнитивной интерпретации политического текста [3, с. 59 – 60]. При погашении сем ‘направление’ и ‘движение’, обусловленных лексикографической характеристикой конструкции, происходит актуализация сем ‘неожиданность’, ‘непредсказуемость’, ‘закрытость’, ‘искусственность’, наведенных политическим контекстом.

В политическом тексте *гора* может представляться как искусственно созданное препятствие, преодоление которого не приводит к желаемым результатам. Так, продвижение к вершине становится не способом достижения цели, а причиной возникновения новых проблем и общественных конфликтов: *Есть что-то несуразное в том, что «восьмерка» забирается все выше в горы для того, чтобы решать проблемы глобального характера, а количество людей, возражающих против этого, становится все больше* (<http://2004.kremlin.ru>). В таких контекстах присутствует смысловая модификация семы ‘высота’, при которой происходит расщепление семы с появлением нового семного конкретизатора ‘сложность при достижении вершины’. Наряду с локусной оппозицией «под горой» – «на вершине горы» в политическом тексте активно функционирует оппозиция «под горой – за горой». Так, в первом случае *гора* становится препятствием для передвижения в пространстве, а во втором – преградой для обозрения пространства. Видеть то, что происходит за горой, может только пронизательный и заинтересованный субъект: *Прокуратура должна продемонстрировать, что это элита, которая смотрит не на то, что делается под горой, а на то, что делается за горой. Она дальше всех видит, у нее есть тот уникальный инструментарий, который может поставить точку в этих вопросах* (<http://2006.liga.net/news.asp?nid=181756>). Таким образом, *гора* как фрагмент пространственного мировосприятия становится важным объектом не только для динамического субъекта, но и для статического. Важным аспектом функционирования языковой единицы «гора» в политических текстах является ее участие в экспликации прецедентных высказываний. Контекстологический анализ подтверждает факт об основных источниках прецедентности: библейские тексты, древнегреческая и древнеарабская литература, русский фольклор. Коммуникативное пространство политического текста реализуется за счет изменения семантики, а иногда и структуры прецедентных высказываний.

Выводы. Таким образом, украинский политический дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Эти признаки способствуют реализации метафорических значений в коммуникативном пространстве текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств: [сборник статей] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-135.
3. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.59-60.
4. Ермакова В.А. К вопросу о мифологической модели пространства [Электронный ресурс] / В.А. Ермакова. – Режим доступа: // <http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=515>.
5. Королева Ю.В. Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) / Ю.В. Королева // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эммер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с. – С.188-226.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств : [сборник статей] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84-93.
7. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка / Е.С. Кубрякова // СЛЯ. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22-31.
8. Лотман Ю.М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 386-472.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982 – 272 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

Бессонова Л.Ю., Сегал Н.О. Політичний текст: метафоричні моделі побудови концептуального простору // Ученіє записки Тавричского національного університета ім. В.І.Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.3-8.

У статті досліджено специфіку функціонування слів із просторовою семантикою, змодельовано бінарні опозиції, що формують категорію «простір» у політичному тексті.

Ключові слова: політичний дискурс, політичний текст, бінарні опозиції.

Bessonova L.Ye., Segal N.A. Policy text: metaphorical model construction of the concept of space // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.3-8.

The article investigates the specifics of the functioning of words with spatial semantics, modeled binary oppositions on which formed the category "space" in a political text.

Key words: political discourse, political text, binary oppositions.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.1 «19»20:165.242(420)

ОСВОЕНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Иванова Л.П.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

В статье рассматривается коннотонимизация онимов английского происхождения в русском языковом сознании, среди которых абсолютно преобладают имена персонажей художественных произведений, особенно из драматургии В. Шекспира.

Ключевые слова: *онимы, коннотонимы, русское языковое сознание, английская культура.*

Проблема языкового сознания активно обсуждается в лингвистической и психолингвистической литературе. Основы ее разработки заложил В. фон Гумбольдт, обратившись к категориям духа народа, народного мировоззрения. В пределах статьи обзор изучения языкового сознания представить невозможно, поэтому ограничимся собственной трактовкой: языковое сознание – это воплощение в языке окружающего человека мира, следствие его осмысления в соответствии с культурой, мировоззрением и традициями того или иного народа.

Русский народ, по словам А. С. Пушкина, весьма «переимчив» [5, с. 396], поэтому в его языковом сознании осваивались и откладывались реалии различных народов и культур. Данный процесс сложный, многообразный и практически необозримый. Чтобы прикоснуться к нему, обратимся к труду Е. С. Отина «Словарь коннотативных собственных имен», содержащему преобразованные в русском языковом сознании онимы.

Е. С. Отин пишет: «В языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах встречается своеобразный прием вторичной («иносказательной») номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). При этом такие слова продолжают оставаться онимами, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами, воспринимаются в одном ряду с ними» [4, с. 5].

Обращение к словарю Е. С. Отина обусловлено тем, что его материал прекрасно обработан, снабжен многочисленными убедительными иллюстрациями, а главное – обозрим.

В словаре представлены факты 40 языков и культур. В процентном выражении они выглядят так: русский – 52, 5 %, античность – 10,9 %, библеизмы – 7 %,

французский – 5 %, еврейский – 3,8 %, английский – 3,5 %, украинский и США – по 2,1 %, Испания – 1,9 %, Италия – 1,7 %, общеевропейский – 1 %, немецкий – 0,8 %, Китай – 0,6 %, узбекский, турецкий, армянский – по 0,4 %, Австралия, Ассирия, арабский, Япония, Швейцария, Индия, Греция, Швеция, Киргизия, Египет, Канада, Мексика, Португалия, Азербайджан, Саудовская Аравия, Австрия, Бразилия, Норвегия, общеазиатские, Панама, Персия – по 0,2 %.

Обратимся к Англии. Русский народ никогда не расценивал английский как близкий, братский, но интерес к Англии и ее культуре был неизменным на протяжении нескольких веков.

Мы уже рассматривали представленность Англии в русском языковом сознании XIX века на материале романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина – «энциклопедии русской жизни», по оценке В. Г. Белинского [2; 3].

А. С. Пушкин использует целый ряд варваризмов английского происхождения: 1) цитаты и аллюзии («Poor Yorick – молвил он уныло» [6, с. 53]; «Прямым Онегин Чильд Гарольдом Вдался в задумчивую лень» [6, с. 94]); 2) реалии быта: а) названия еды («Пред ним roastbeef окровавленный» [6, с. 15], Beef-steaks [6, с. 26]); б) внешний вид («Как dandy лондонский одет» [6, с. 10]); 3) настроение («Подобен англицкому сплину» [6, с. 25, 27]).

В романе представлено 9 имен английских писателей и ученых, хотя ни одно не стало коннотонимом: Байрон, Бентам, Гиббон, Прадт, Ричардсон, Сей, Скотт, Смит, Шекспир. Особенно важна для великого русского поэта личность Дж. Г. Байрона. Его имя, его герои многократно упоминаются в романе. А. С. Пушкин посвятил великому английскому поэту статью «О Байроне и о предметах важных», в которой пытался объяснить, как сформировался характер «гордого поэта».

Еще в 1822 г. в письме из Кишинева к Гнедичу Пушкин обращал внимание своих друзей на то, что «английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» [5, с. 447].

Тем не менее, русский поэт высказался относительно Англии и английской литературы довольно резко: «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства» [5, с. 61].

Обратимся к коннотонимам. Они четко распадаются на 2 группы: топонимы и антропонимы. Среди последних преобладают герои художественных произведений, ставшие прецедентными.

а) топонимы (2).

Бедлам. Дом для умалишенных в Лондоне. На русской почве развиваются значения:

1. Сумасшедший дом; 2. Место, где царит безумие, хаос, беспорядок; 3. Беспорядок, кавардак, сумятица, безалаберщина; ocasionальное значение – безумие, сумасшествие [4, с. 69].

Данный топоним может стать вершиной словообразовательного гнезда, развивая значения:

1. **Бедлам**, бедлах. Хаос, неразбериха, беспорядок (в жаргоне уголовников).
2. **Сверхбедлам**. Невыносимые условия жизни [4, с. 69].

Гайд-Парк. Парк в Лондоне, где традиционно проводятся политические митинги. На базе метонимии формируется значение: Место политических митингов, собраний, дискуссий [4, с. 111].

б) антропонимы (16)

По аналогии с русским Иваном функционируют английские Джон и Джон Буль.

Джон. Английское личное мужское имя. Формируется значение 'иностранец', в свою очередь, на его основе **джонить** – 'выдавать себя за иностранца' [4, с. 124]. Автор словаря делает примечание: «В последние годы в газетных публикациях стал появляться английский откоттонимный апеллатив **джон** (< john) – 'клиент проститутки, путаны', который нельзя связывать с русским **джон** 'иностранец' [4, с. 124].

Джон Буль. Английское антропонимное словосочетание с типичными компонентами. Формируется значение: Англичанин или англичане; английский обыватель, буржуа [4, с. 124-125].

Робин Гуд. Легендарный английский народный герой. В средневековых балладах и хрониках показан как благородный предводитель лесных разбойников, который, нападая на замки и монастыри, не обижал бедных, заступался за обездоленных людей. Коннотоним получает следующее значение: 'народный заступник; благородный разбойник, защитник обездоленных бедняков' [4, с. 296].

Герои художественных произведений связаны прежде всего с творчеством В. Шекспира.

Гамлет. Главный герой одноименной трагедии В. Шекспира. Коннотативные значения: 1. Терзаемый сомнениями человек. 2. «Лишний человек». С уменьшительным суффиксом (Гамлетик) сформировалось пренебрежительное значение «Человек, страдающий рефлексией, самоедством» [4, с. 112].

Джульетта. Героиня драмы В. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1595 г.). Безграничная любовь к Ромео обусловила коннотативное значение 'Пылко любящая девушка' [4, с. 125].

Ромео. Персонаж той же драмы. Развивается значение: Возлюбленный; романтический поклонник; охваченный страстью мужчина. В жаргонах формируются следующие: 1. Мужчина, занимающийся промышленным шпионажем, задача которого – соблазнять секретарш государственных чиновников, руководителей фирм; 2. Активный гомосексуалист [4, с. 300].

Возникают устойчивые словосочетания: 1. **Танцевать Ромео**. Играть роль активного партнера; 2. **Ромео с засосом** – сильный поцелуй или след от него [4, с. 300].

Составитель словаря объединяет указанные персонажи в одной статье:

Ромео и Джульетта – возлюбленный и возлюбленная; любовники [4, с. 300].

Монтекки и Капулетти. Фамилии двух враждующих семейств в пьесе В. Шекспира «Ромео и Джульетта» – 'Непримиримые враги; противоборствующие, враждующие стороны' [4, с. 242].

Фальстаф. Персонаж комедии В. Шекспира «Виндзорские проказницы» 1602 г.) – 'жизнерадостный толстяк, обжора, кутила, хвастун и крикун' [4, с. 349-351].

Отелло. Персонаж одноименной трагедии В. Шекспира (1604 г.) – ‘слепой ревнивец’ [4, с. 265].

Таким образом, с героями В. Шекспира связаны 6 словарных статей из 18. Данный факт полностью соответствует нашим наблюдениям, сделанным ранее: в языковом сознании киевских школьников В. Шекспир – главное ключевое имя зарубежной культуры [1]. У остальных авторов коннотонимизации подвергается по одному имени персонажа.

Ловелас. Вариант (устарелый): Ловлас. Имя персонажа романа английского писателя С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1747-1748) – ‘Волокита, франт, обольститель’ [4, с. 211-212].

С вершиной словообразовательного гнезда **ловелас** (современный отконнотонимный апеллиатив) создаются слова **ловеласничать** (волочиться, ухаживать за женщинами); **ловеласничество** (волокичество) [4, с. 212].

А. С. Пушкин отмечает указанный роман и его персонаж в «Евгений Онегине»: им зачитывались Татьяна («Татьяне нравились романы, Они ей заменяли всё; Она влюблялася в обманы И Ричардсона и Руссо» [6, с. 48]) и ее мать («от Ричардсона без ума» [6, с. 49]; «она любила Ричардсона Не потому чтобы прочла, Не потому, чтоб Грандисона Она Ловласу предпочла» [6, с. 49]). Сам А. С. Пушкин писал из Тригорского брату: «Читаю Кларису: мочи нет, какая скучная дура» [3, с. 60].

Мальвина. Попало в Россию вместе с поэмами шотландского барда Оссиана. Е. С. Отин со ссылкой на М. Петровского отмечает: «Явленные миру в конце XVIII века английским литератором Джемсом Макферсоном, эти произведения, как выяснилось потом, были грандиозной мистификацией. Имя Мальвины – спутницы престарелого Оссиана и подруги его погибшего сына Оскара – приобрело огромную литературную популярность и стало самым привлекательным знаком романтической возлюбленной. В бесчисленных переводах, пересказах, перепевах Оссиана, в массиве подражаний ему русские авторы ставили имя Мальвина даже там, где в оригинале стояли другие имена. Потом это имя проникло в романс и стало устойчивым знаком романсовой героини» [4, с. 220-221]. Сформировались значения: 1. Романтическая возлюбленная; 2. Женщина легкого поведения; проститутка [4, с. 221].

Робинзон. Главный персонаж приключенческого романа английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо» – 1. Одиноким житель (чаще человек, но также зверь, животное) необитаемого острова; 2. Человек, по своей воле или не по своей воле попавший на какой-либо малоприспособленный для жизни остров, на оторвавшуюся от берега льдину и т.п.; 3. Отшельник; человек, добровольно решившийся на уход от людей, общественной жизни, связанных с нею стрессов; 4. Турист; любитель путешествовать по родному краю; 5. Человек, живущий в экстремальных условиях, где он может надеяться только на себя, полностью лишенный поддержки со стороны; 6. Одиночка [4, с. 296-298].

От данного корня образуются производные: 1. **Робинзонство:** Добровольный уход от активной жизни в обществе, нежелание участвовать в ней; 2. **Робинзоида:** а) путешествие по неизвестным, глухим местам; б) высадка человека на необитаемый остров; в) самоизоляция, демонстративный уход от людей.

3. **Робинзоний**. Свойственный «робинзону». 4. **Робинзонить**. Жить, находиться на острове [4, с. 298-299].

Тарзан. Главный персонаж романа Эдгара Берроуза «Тарзан, царь обезьян» (1912), впоследствии ставший также одним из самых популярных героев комиксов и кино. Сформировались коннотативные значения: 1. Одичавший человек; 2. Обросший грязью человек (часто о подростке); 3. Отконнотонимное производное – 'Прозвище человека, который «не может связать двух слов»' [4, с. 327].

Шерлок Холмс. Главный герой детективных рассказов английского писателя Артура Конан Дойля. Развилось значение: 'сыщик; полицейский' [4, с. 391-392].

Таким образом, в русском языковом сознании подвергаются коннотонимизации преимущественно антропонимы, прежде всего – герои художественных произведений, особенно близки нашему сердцу персонажи В. Шекспира.

Список литературы

1. Иванова Л. П. Когнитивный уровень языковой личности киевского школьника. Представленность мировой культуры / Л.П. Иванова // Язык и культура. Выпуск. I. Т. V. Проблемы гуманизации обучения и культурологический подход к преподаванию языка и культуры. – К., 2000. – С. 77-83.
2. Иванова Л. П. Представленность английской культуры в русской литературе XIX в. / Л.П. Иванова // Вісник Житомирського університету ім. І. Франка. Вип. 17. – 2004. – С. 63-65.
3. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»): [Учебное пособие к спецкурсу] / Л.П. Иванова – 2-е изд., доп. – К.: Освіта України, 2006. – 140 с.
4. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. / Е.С. Отин – Донецк: ООО «Юго-Восток» Лтд, 2004. – 412 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений: [в 10-ти томах]. / А.С. Пушкин – Т. VI. Критика и публицистика. – М., 1962.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Полное собрание сочинений: [в 10-ти томах]: издание 3-е. – М., 1964, т. V.

Іванова Л.П. Освоєння іншопольтурних онімів у російській мовній свідомості // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.9-13.

У статті розглядається коннотонімизація онімів англійського походження у російській мовній свідомості, серед яких абсолютна більшість імен персонажів художніх творів, зокрема з драматургії У. Шекспіра.

Ключові слова: *оніми, коннотоніми, російська мовна свідомість, англійська культура.*

Ivanova L.P. Familiarization of foreign onims in Russian linguistic consciousness // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.9-13.

The article is considering the connotation of onims coming from English to Russian linguistic consciousness. The most of them are the names of fiction heroes, in particular, from Shakespeare's plays.

Key words: *onims, connotonims, Russian linguistic consciousness, English culture.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 81.411.2-33

РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Кассина Т.А., Продайко В.Н.

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье рассматривается функционирование антипословиц русского народа с позиции методологии постмодернизма.

Ключевые слова: *паремия, антипословицы, демократизация языка, постмодернизм.*

Современная речевая и литературная языковая практика, а также практика средств массовой информации демонстрируют настоящее цунами экспрессивных форм лексики. Исследователи отмечают резкий рост использования так называемых трансформированных паремий – видоизмененных пословиц типа «тише едешь – никому не должен»; «чем дальше в лес, тем третий лишний»; «старый конь борозды не портит, а ложится в нее и спит» и т.п. Такие трансформации нередко именуется как антипословицы или квазипословицы. Это довольно яркое явление, и потому оно не могло пройти мимо внимания специалистов, которые, используя не только литературоведческий и лингвистический анализ, но и социологические, психологические, а также философские методы исследования, взялись за описание и систематизацию видоизмененных паремий, стараясь тем самым ответить на вопросы относительно природы их появления и механизмов функционирования, а также их роли в современном социуме. Несомненным успехом в этом направлении являются работы Х.Вальтера и В.М. Мокиенко, под авторством которых в 2006 году вышел словарь «Антипословицы русского народа», представляющий на сегодня наиболее фундаментальное собрание различных современных вариантов и переделок известных русских пословиц [1].

Многие исследователи, рассматривая квазипословицы или антипословицы в качестве формы «осмеяния» материнских пословиц или как ироническое «выворачивание наизнанку» вековой пословичной мудрости, придерживаются тезиса о природе экспрессивности в различных типах фразеологизмов. Не случайно специалист в области жаргона современной польской молодежи Е. Невзорова-Кмеч пишет, что сегодня в языковом фольклоре мы наблюдаем нарушение тех табу, норм и чувств, которые общество закладывает в сознание людей еще в их детстве [4]. Крупный американский паремиолог В. Мидер объясняет это тем, что в настоящее время в сознании людей укореняется представление об отсутствии в пословицах какой-то универсальной внеисторической истины и именно поэтому, как полагают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, «пословичная система ценностей вступает в

конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой» [4]. В целом же не вызывает сомнения тот факт, и это подтверждается исследованиями русского, чешского, английского, немецкого, польского фольклора, что смеховую экспрессию в паремиологических неологизмах создает соответствующее противоречие между каноном и соответствующей формой его нарушения.

Полагаем, что рассматривать видоизмененные пословицы лишь в качестве своеобразного «стеба» недостаточно для более или менее полного ответа на поставленные ими же вопросы, поэтому *цель* данной *статьи* – попытка увидеть, какую пользу в этом вопросе могут принести методологические и методические достижения постмодернизма.

Одним из наиболее известных тезисов постмодернизма является понимание мира как совокупности различных текстов. Правда, при этом не следует забывать, что механизмом, который продуцирует все эти тексты, является культура. В свое время на это обратил внимание еще Ю. Лотман, когда подчеркивал, что тексты есть реализация культуры. Усматривая основную «работу» культуры в деле структурной организации окружающего человека мира, он специально делал ударение на том, что устройством, штампуящим указанную структуру, является как раз естественный язык в его различных формах. Важно также и его утверждение о том, что если одним культурам свойственно представление о себе как о совокупности нормированных текстов, то другие моделируют себя как систему правил, определяющих создание текстов [4, с. 492]. Последнее замечание приобретает для нас особое значение тогда, когда мы ищем ответ на вопрос о том, являются ли трансформированные паремии искажением (осмеянием, стебом, выворачиванием, отвержением) на лингвистическом материале тех или иных культурных реалий или это необходимая стадия развития данных реалий.

Если воспользоваться идеей Ю. Лотмана о существовании двух типов культур, несложно сделать вывод о том, что при первом типе культуры трансформированные паремии являются наступлением на некую «сакральность» наработанных обществом текстов, что, в конечном счете, означает собой попытку отрицания или дезавуирования определенного этапа развития общества. Во втором же типе культуры антипословицы уже не несут в себе ярко выраженного разрушительного начала, а выполняют некую «развлекающую» роль. Важно, что и в том и в другом случае мы имеем своеобразную, хотя и преследующую разные цели языковую игру. Такая игра, согласно теории постмодернизма, становится возможной именно потому, что культура представляет собою интертекстуальную реальность (Ю. Кристева), а не арифметическую сумму отдельных, да еще и автономных текстов. В такого рода реальности каждый текст может быть связан с любым другим текстом, причем независимо от его буквального значения или заложенной в нем той или иной нормативной истины, что и создает механизм осуществления языковой игры, выражением которой, в частности, и являются трансформированные паремии.

Согласно теории постмодернизма культура, не творится заново, а воспроизводится, причем нередко в неких пародийных формах. Другими словами, культуру, если рассматривать ее как набор текстов, не создают, а как бы складывают по-новому из уже существующих элементов прежней культуры. Именно в этом и

проявляется игровое начало как всей культуры, так и отдельных ее проявлений. А поскольку культурным устройством, организующим мир в определенную структуру, является язык, то становится очевидной неслучайность и важность той роли, которую выполняет языковая игра в жизни общества. Это прочувствовал еще видный поэт эпохи позднего немецкого Просвещения И. Гельдерлин, утверждавший, что язык есть самое опасное из всех благ, которыми пользуется человечество.

Понимание важности игровой роли языка, но уже на материале паремий можно обнаружить в утверждении В. Мидера, когда он обращает наше внимание на то, что «шутливая» или «серьезная» (выделено нами) игра с пословицами отнюдь не нова, хотя в последнее время она и приобретает особо заметные масштабы [3]. Объединяя мысль Ю. Лотмана относительно характера функционирования текстов в различных культурах со ссылкой В. Мидера на два варианта игры с пословицами, мы приходим к следующему выводу: то, что в одной культуре представляет собой серьезную игру, в другой есть всего лишь шутка. Следовательно, прежде чем рассматривать характер и механизм появления трансформированных паремий, особенности их функционирования, мы должны определиться с типом той культуры, внутри которой и исследуются видоизмененные пословицы. Мы убеждены, что невнимание к этой стороне вопроса и не позволяет увидеть многие характерные особенности квазипословиц именно в реалиях сегодняшнего дня. Еще раз обратимся к Лотману, который подчеркивал, что одним «из наиболее существенных вопросов является отношение культуры к естественному языку» [4, с. 486]. Это означает, что мы при анализе процесса функционирования трансформированных паремий должны ответить на вопрос о том, чем является культура, в которой происходит это функционирование, – «охранительницей» текстов или же набором правил, по которым создаются эти самые тексты. В первом случае «пародийность» квазипословиц есть форма отражения карнавальной смеховой культуры (М.М. Бахтин), при которой осмеяние традиции, «снижение» ее пафоса в действительности не отрицает вековой порядок вещей, а наоборот, с помощью «живого примера» напоминает о традиции, тем самым утверждая ее для передачи следующим поколениям [2, с. 28]. При втором же варианте мы имеем прямо противоположную ситуацию, где уже преследуется не цель сохранения и продолжения традиции, а как раз наоборот, ее разрушения и уничтожения. Иначе говоря, теперь перед нами вариант, о котором в свое время К. Маркс афористично заметил, что «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым».

При поиске ответа относительно влияния культуры на ту социальную роль, которую выполняют трансформированные паремии, мы сталкиваемся с проблемой выбора социальной теории, обладающей соответствующим объяснительным потенциалом. Привычные для подобного рода случаев модернистские теории, опираясь на такие свои категории как прогресс и разум, логично приходят к выводу о «революционном» характере трансформированных паремий. Для доказательства этого они, как правило, ссылаются на модернистский принцип бинарных оппозиций, согласно которому буквально все может развиваться только в диалектической борьбе своих противоположностей (Гегель, К. Маркс). И тогда получается, что

антипословицы как противоположность пословицам выполняют определенную авангардную роль, отражая в ней прогрессивный ход общественной истории, осуществляемый в форме диалектического отрицания. Именно так понимают роль трансформированных паремий специалисты в этой области В. Мидер, Е. Невзорова-Кмеч, В.М. Мокиенко и ряд других, которые разделяют мнение о том, что антипословицы есть форма «осмеяния» вековой и уже потому отжившей мудрости.

Но подобное понимание есть не что иное, как выражение идеи классического детерминизма, характерного для методологии модернизма. Применение этой идеи для объяснения социальных явлений, в частности языковых процессов, порождает упрощенное, «механическое» представление о линейной динамике этих процессов, т.е. о наличии у них как начала, так и конца. Согласно этой концепции, развитие языка понимается как предзаданная безальтернативная реализация некоей общественной сущности. Отсюда напрашивается вывод о том, что эволюция языка есть лишь усложнение его организации на пути к достижению основной цели существования общества. А это, во-первых, отрицает наличие процессов самоорганизации в языковой системе, что противоречит современным научным представлениям, во-вторых, утверждает возможность какого-то исчерпывающего объяснения функционирования языка, в-третьих, отрицает многовариантность развития языковой системы, что не подтверждается практикой.

Ближе к действительности представление о том, что развитие языка многовариантно и потому в нем нет какого-либо единого определяющего начала. Это означает, что языковые процессы надо понимать не в духе классического функционализма, а в духе холизма, согласно которому динамическое существование целого предполагает как изменение роли отдельных его частей, так и существование у части возможности брать на себя функции целого. Отсюда мы делаем вывод о том, что цели существования языка меняются в ходе его развития, а потому меняется направленность языковых процессов и их функциональная нагрузка. Причем последнее происходит не постоянно, а только в момент прохождения языка через так называемые «точки бифуркации», представляющие собой «развилки», на которых язык принципиально непредсказуемым образом делает выбор в направлении своего дальнейшего движения. А это уже признание факта, что языку присущи процессы самоорганизации, которые вносят определенный «беспорядок» в его функционирование.

Заметим, что точки бифуркации присущи любой эволюционирующей системе. Например, филогенетическое дерево, изображающее историю развития жизни на Земле, имеет вид типичной бифуркационной диаграммы. Социологи также хорошо знают, что спокойные периоды развития общества чередуются с периодами социальных потрясений, когда за исторически ничтожное время распадаются традиционные социальные институты и возникают совершенно новые социальные образования. В этом плане из языковой практики последнего времени можно привести пример изменения роли ненормативной лексики в молодежной среде, при которой почти полностью утрачено ее экспрессивное значение.

Осознание сложности организации жизни общества, присутствие в ней необходимого для развития беспорядка и породил постмодернизм с его

оригинальной методологией познания, согласно которой следует отказаться от идеи универсальности таких качеств реальности как «прогресс», «новое», «центральное» и даже б кардинально переосмыслить само понятие реальности. Последняя стала пониматься теперь не как нечто независимое от нашего сознания, а как очень сложная знаковая система, включающая в себя бесконечное число «языковых игр» в виде столь же бесконечного числа текстов. Тем самым постмодернисты отказались вообще от понятия истины, понимая ее только как слово, как элемент текста, как сам текст, но не более. Если применить сказанное относительно постмодернистской методологии к объяснению антипословиц, то можно поставить ряд вопросов.

Во-первых, нужно ли вообще отличать антипословицы от пословиц, тем более в качестве собственных противоположностей. С точки зрения постмодернизма любые тексты, в том числе и их разновидности, в принципе равноценны и потому бесполезно усматривать между ними какую-то «вечную» иерархию или зависимость. Последнее устанавливает определенную линейность в развитии текстов, а следовательно, предполагает присутствие в них некоего «вечного смысла», переходящего из материнской паремии в ее трансформацию. Причем неважно, что происходит с этим смыслом – отрицается ли он или утверждается, но в новой форме. Главное, что он сохраняется. Это мы и отмечаем, когда рассматриваем вышеуказанные гипотезы М.М. Бахтина или К. Маркса. Но не случайно постмодернизм, постулируя прерывность реальности, ее фрагментарность и коллажность, отрицает эвристическую ценность так называемых «больших» теорий (нарратий), объясняющих единственно правильным образом какое-то явление от момента рождения до момента его гибели. Вместо этого обращается внимание на факт самоосуществления текста, его процессуальные характеристики как единственно возможные способы его бытия.

Следовательно, текст «материнской» паремии нельзя рассматривать как изначально презентующий какой-то исходный и притом единственно возможный объективный смысл, передаваемый затем в другие варианты этой паремии и который затем выявляется с помощью специальных герменевтических процедур. В действительности же каждый текст, в том числе и его видоизмененный «вариант», имеет своего автора или, в терминах постмодернизма, скриптора. Причем свобода последнего как раз и проявляется в произвольности центрации текста, его семантизации и семиотической вариативности. Важно, такая свобода появляется не как произвол скриптора, а как следствие принципиальной открытости любого текста, в нашем случае традиционной паремии, в плане возможности его изменения, причем изменения непредсказуемого.

Трансформированные паремии могут выполнять любые роли, а не только роль, скажем, «карнавала» или «агента революции». Все зависит от вызовов того общества, на которые они призваны ответить. В нашем случае, видимо, видоизмененные пословицы не имеют отношения ни к выводам Бахтина, ни к выводам Маркса. Указанные в них реалии относятся к другим социальным условиям, а не к тем, которые имеются сегодня. Для нашей же ситуации наиболее эвристичной является концепция гиперреальности известного французского философа Ж. Бодрийара.

Согласно его пониманию, в настоящее время культурные представления и знания уже не выполняют функцию описания реальности, утрачивая тем самым связь с ней и становясь свободными от нее. Бодрийяр назвал их симулякрами, т.е. явлениями, не имеющими никаких референтов. При этом существенно то, что такой разрыв не возникает одновременно, а проходит через ряд стадий. На первой – текст (знак, понятие, код) отражает объективную реальность. И тогда мы можем расшифровать данный текст применительно к той реальности, в которой он функционирует. Именно это мы и имеем в случае с идеями Бахтина и Маркса. На второй стадии происходит извращение связи текста с реальностью. На третьей – рассматриваемая связь исчезает, но это само исчезновение маскируется и потому об этом чаще всего невозможно даже догадаться. И наконец, на последней – четвертой – стадии всякая связь исчезает и возникает совершенно новая реальность – гиперреальность или искусственная реальность, в которой существуют только симулякры.

Если применить концепцию Бодрийяра к трансформированным паремиям, то можно заметить, что здесь мы наблюдаем весь спектр перехода от реальности к ее симуляции. В качестве примера приведем трансформации пословицы «одна голова хорошо, а две лучше». В частности, такие ее переделки как «одна голова хорошо, а двух не бывает», «одна голова хорошо, а две много» представляют собой стадию извращения связи материнской пословицы с содержанием той реальности, которое она призвана отражать. «Одна голова хорошо, а две некрасиво» – это третья стадия – стадия маскировки того факта, что трансформированная паремия уже не отражает никакой реальности. И, наконец, объединение двух или более форм в одну (контаминацию) представляют собой типичный симулякр, не делающий никакого различия между «словами» и «вещами». Например, «одна голова сытому в колодец не плюет», «одна голова хорошо: вылетит – не поймаешь». Все приведенные нами примеры показывают, что переделанные пословицы являются не столько выразителем какого-то исторического опыта, сколько своеобразным механизмом мистификации общественного сознания, что собственно и характерно для постиндустриального информационного общества, в котором все подчинено мощному и плохо структурированному потоку информации.

Выводы. Подводя итог сказанному, заметим, что появление огромного числа трансформированных паремий, в которых уже не отражаются «реальные» объекты свидетельствует о том, что в эпоху, когда основным источником знаний являются средства массовой информации, бытие человека в мире становится призрачным и неаутентичным. Это положение дел, как нам представляется, является точкой бифуркации, то есть тем состоянием языка, которое не позволяет в принципе спрогнозировать дальнейшее его развитие. Разумеется, что наши предположения требуют дальнейшей проверки как на других языковых подсистемах, так и на собственно трансформированных паремиях, но с использованием иных методологических концепций и методических приемов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М. 1990.
2. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрияр. – К., 2004.
3. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб., 2006.
4. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман. – М.: Семиосфера, 2000.

Кассина Т.А., Продайко В.М. Російські антиприслів'я в дискурсивному просторі постмодерну // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.И. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.14-20.

У статті розглядається функціонування антиприслів'їв з точки зору методології постмодернізму.

Ключові слова: *паремія, антиприслів'я, демократизація мови, постмодернізм.*

Kassina T., Prodajko V. Anti-proverbs in post-modernist discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.14-20.

The article deals whith functioning of the anti-proverbs of the Russian people from the position of postmodernist methodology.

Key words: *paremia, anti-proverbs, democratism of the language, post-modernism.*

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.

УДК 811.161.1'373"712.4"

ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Келарева Е.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В данной работе делается попытка описать интерпретативное поле концепта «сниженная лексика», а также выявить его актуальное содержание. Проследить, как исследуемый лингвистический пласт лексики отображается в сознании молодёжи.

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт, сознание молодёжи, сниженная лексика, социальный диалект, общенациональный язык, когнитивный ассоциативный эксперимент, интерпретативное поле.*

Русский молодежный сленг представляет собой интересный лингвистический феномен, использование которого ограничено не только определенными возрастными особенностями, как это ясно из его определения, но и социальными, временными факторами.

«Он функционирует в среде городской учащейся молодежи и отдельных более или менее замкнутых референтных группах» [3, с. 32-33]. Как и большинство социальных диалектов, он представляет собой пласт лексики, который пополняется через общенациональный язык на его фонетическом и грамматическом уровне.

Нами была сделана попытка описать языковую картину мира (ЯКМ) современного студента. «Безусловно, каждому временному отрезку соответствует своя картина мира, которая зависит от этнической принадлежности, социального статуса группы или отдельной личности» [4, с. 52]. *Актуальность исследования* обусловлена тем, что сленг участвует в процессе развития языка, обеспечивает его пополнение и многообразие.

«Сленг противопоставляется литературному языку и, по мнению лингвистов, понятен лишь представителям узкого круга лиц, принадлежащих к той или иной социальной или профессиональной группе, которая ввела в употребление слово или выражение» [1, с. 162-163]. Оппозиция кодифицированному языку объединяет сленг с такими понятиями, как жаргон и арго. Стоит отметить, что сленг противопоставляет себя не только общепринятому языку, но и всей официальной системе как таковой. Второй чертой, которая роднит сленг с арго и жаргоном, является его метафоричность. Третья особенность заключается в том, что русскому молодёжному сленгу свойственна некоторая размытость границ. Вычленив его как объект наблюдения можно только условно. Главное же отличие молодёжного сленга от других социальных диалектов заключается в том, что он является средством общения людей одной возрастной категории. Исходя из этих наблюдений, мы не можем причислить сленг ни к одной вышеназванной группе нелитературных слов,

что позволяет рассматривать его как явление, которому присущи черты каждой из них.

Молодежный сленг – особая форма языка. Для определённой возрастной группы характерно овладение и активное использование данных языковых средств, но по истечении времени происходит возвращение к литературной норме. Несмотря на признанное существование слега, явление это не устоялось во времени, оно является подвижным и меняющимся, поэтому есть трудности в изучении данной темы. Этим определяется *практическая ценность* работы.

«Наметившаяся в современном языкознании тенденция по усилению интереса исследователей к языку говорящих субъектов поставила перед лингвистами ряд новых проблем, в том числе выявления, характеристики и классификации лексики, непосредственно связанной с выражением человеческих чувств и эмоций. Трудность ее изучения связана с межпредметностью вопроса, который находится на стыке языкознания, психологии, философии и других наук, изучающих психосоциальную деятельность человека. Затруднения лингвистического характера обусловлены недостаточной разработанностью как самой проблемы, так и отсутствием единого терминологического аппарата» [6, с. 13-14], что обуславливает *теоретическую ценность* работы.

Новизна исследования заключается в использовании для описания ЯКМ свободного и направленного ассоциативного эксперимента, проведенного в студенческой среде, результаты которого послужили *материалом исследования*.

Целью работы явилось по полученным данным выявить актуальное содержание концепта «сниженная лексика» и описать его интерпретативное поле. Понять, как через этот лингвистический пласт отображается сознание молодежи, ее ценностные и нравственные ориентиры.

Для описания языковой картины мира современных студентов нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент, основанный на когнитивном представлении, который заключался в предъявлении респондентам слов-символов, на которые они должны были ответить любой словесной реакцией, приходящей им в голову. Обработка данных результатов позволила отразить те или иные концептуальные признаки исследуемого концепта. Предлагалось записать первые 3-5 слов пришедших в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул (в нашем случае – «сниженная лексика»). При обработке результатов учитывались все ассоциации, в том числе и единичные. «При этом следует иметь в виду, что одинаковые или похожие универсалии могут вызывать сходные ассоциации даже у носителей разных языковых культур» [4, с. 55]. Под ассоциациями можно понимать «связь между некими объектами или явлениями, основанную на личном, субъективном опыте. Этот опыт может совпадать с опытом культуры, к которой принадлежит человек, но также является сугубо личным, укорененном в прошлом опыте отдельного индивида» [2, с. 189]. Непременным условием ассоциативного эксперимента является ответ: «первое слово, которое придет на ум». Если возникает отбор, вести речь об ассоциациях неправомерно.

С учетом языковой компетенции студентов концепт, вербализируемый словосочетанием «сниженная лексика», представлен шире и может быть дополнен

следующими лингвистическими единицами: блин – 11, капец – 7, пипец – 6, лох – 3, ни фига себе – 3, чувак – 3, дебил – 2, дурак – 2, жесь – 2, ок – 2, придурок – 2, трындец – 2, это самое – 2, базар – 1, балбес – 1, болван – 1, ботан – 1, брехло – 1, бухло – 1, врубиться – 1, гон – 1, дурочка – 1, ёшкин кот – 1, задрали – 1, заточ – 1, идиот – 1, идиотина – 1, кабздец – 1, капут – 1, козёл – 1, короче – 1, косяк – 1, лошара – 1, нафига – 1, нефоры – 1, нормос – 1, однокурснички – 1, офигенно – 1, офигеть – 1, охренеть – 1, париться – 1, пацыки – 1, препод – 1, прикид – 1, прикол – 1, прикольно – 1, твою мать – 1, типа – 1, типа того – 1, тукан – 1, улёт – 1, универ – 1, чёрт – 1, чувак – 1.

Набор лингвистических средств, репрезентирующих концепт «сниженная лексика» представителями разных национальностей (например, русскими, украинцами и крымскими татарами), будет существенно отличаться.

Сниженная лексика, используемая русскими:

блин – 7, пипец – 4, капец – 3, дебил – 2, лох – 2, чувак – 2, базар – 1, ботан – 1, брехло – 1, бухло – 1, врубиться – 1, дурочка – 1, дурак – 1, жесь – 1, задрали – 1, заточ – 1, идиотина – 1, кабздец – 1, короче – 1, косяк – 1, лошара – 1, нафига – 1, нефоры – 1, ни фига себе – 1, однокурснички – 1, ок – 1, офигенно – 1, офигеть – 1, охренеть – 1, пацыки – 1, прикид – 1, прикольно – 1, твою мать – 1, типа – 1, типа того – 1, трындец – 1, тукан – 1, улёт – 1.

Сниженная лексика, используемая украинцами:

капец – 4, блин – 3, ни фига себе – 2, пипец – 2, придурок – 2, болван – 1, дурак – 1, ёшкин кот – 1, жесь – 2, идиот – 1, капут – 1, козёл – 1, лох – 1, ок – 1, трындец – 1, чёрт – 1.

Сниженная лексика, используемая крымскими татарами:

это самое – 2, балбес – 1, блин – 1, гон – 1, нормос – 1, париться – 1, препод – 1, прикол – 1, универ – 1, чувак – 1.

Приведенные данные свидетельствуют, что ассоциативные представления, вербализированные студентами разных национальностей, специфически запечатлеваются в языке и являются выражением определенного концепта.

Проведённый эксперимент дал нам возможность разделить сленговую лексику на следующие разряды:

1.	Эмоциональные слова и выражения (экспрессивы)	Блин, пипец, жесь, трындец, кабздец, капут, нормос, офигенно, офигеть, охренеть, прикольно, улёт, ёшкин кот, чёрт
2.	Слова и выражения с эмоциональным значением	Офигеть, париться, врубиться, в лом
3.	Слова с эмоциональным компонентом значения	Препод, однокурснички, заточ, ботан, универ, ок, базар, бухло
4.	Презрительная и пренебрежительная лексика	Чувак, нефоры, пацыки; лох, дебил, дурак, придурок, балбес, болван, брехло, дурочка, идиот, идиотина, козёл, лошара, тукан
5.	Слова, служащие для связи слов в предложении (слова-связки)	Это самое, короче, типа, типа того

1. Эмоциональные слова и выражения. К этой группе мы отнесли следующие языковые единицы: *блин, пипец, жесьть, трындец, кабздец, капут, нормос, офигенно, офигеть, охренеть, прикольно, улёт, ёшкин кот, чёрт*, используемые студентами только в качестве эмоциональных восклицаний. Они практически полностью теряют своё первичное толкование, которое вытесняется доминирующим экспрессивным компонентом значения. Эти лексемы выполняют в речи междометную функцию.

Особенностью всех вышеперечисленных слов и выражений является то, что они передают эмоциональное содержание в общем виде, и потому неоднозначны. Однако в некоторых случаях эмоциональные слова и выражения могут отображать отношение говорящего к факту действительности более четко: по ряду эмотивов можно сказать, что они являются выразителями общеположительных или общеотрицательных эмоций.

Эмоциональные единицы, выражающие общеположительные эмоции: *«нормос, офигенно, офигеть, охренеть, прикольно, улёт, нифига себе»*. Их значение может быть вербализовано словами «хорошо», «отлично».

Эмоциональные единицы, выражающие общеотрицательные эмоции: *«капец, пипец, жесьть, трындец, кабздец, капут, блин, ёшкин кот, чёрт, твою мать, нафига»*. Значение данных эмотивов сводится к определениям «плохо», «ужасно».

2. Слова и выражения с эмоциональным значением характеризуются тем, что, функционируя в языке, они не только выражают эмоциональное состояние говорящего, но и называют переживаемую им эмоцию. В эту группу мы включили глаголы типа: *«офигеть, париться, врубиться»*. Необходимо отметить, что, как и в предыдущем случае, переживаемые эмоции выражаются не конкретно, а в общем виде, как состояния психологического комфорта или, наоборот, дискомфорта.

Но, будучи употребленными в речи не в качестве эмоциональных междометных восклицаний, а в контекстах типа «мне в лом париться», «ты что, не можешь врубиться», данные эмотивы выражают не только эмоциональное состояние говорящего, но и называть его, конкретизируя свое значение»: *«офигеть»* – быть крайне поражённым чем-то, удивлённым, *«в лом»* – лень, *«париться»* – вступать в противоречие с внутренними моральными принципами. Следует заметить, что в подобных ситуациях вышеприведенные сочетания демонстрируют промежуточные положение между высказываниями с эмоциональным значением и категориями состояния.

3. Слова с эмоциональным компонентом значения имеют определенное значение, передающее эмоциональное отношение говорящего к слушающему. «Слова этого лексического слоя не имеют оценочного значения, но употребление подобных эмотивов в речи демонстрирует фамильярность говорящего по отношению к предмету речи, выражающуюся в стремлении снизить его (предмета речи) социальную значимость. Так, студенты употребляют следующие лексические единицы: *«препод»* – преподаватель, *«однокурсники»* – студенты, *«учащиеся на одном курсе, «заточ», «ботан»* – отличник. Использование этих выражений не имеет функции оценки называемых людей («препод» – это не плохой преподаватель,

а преподаватель университета как таковой), но в то же время демонстрирует намерение говорящего снизить их общественный статус в глазах слушающего.

4. Презрительная и пренебрежительная лексика составляет ещё одну значительную группу слов. В отличие от фамильярной лексики, она обладает оценочным компонентом. Разграничить презрительный и пренебрежительный оттенки в эмоциях достаточно трудно и не всегда возможно. Понимая условность подобного разделения, мы исходили из положения, что у пренебрежительных слов эмоциональный компонент значительно ярче оценочного: «нефоры» – лица, принадлежащие к определённой субкультуре, «пацыки» – лица мужского пола. У **презрительных** же слов преобладает оценочный компонент: *лох, дебил, дурак, придурок, балбес, болван, брехло, дуручка, идиот, идиотина, козёл, лошара, тукан*.

Необходимо отметить, что и презрительная, и пренебрежительная лексика зачастую используется в качестве бранной.

Кроме экспрессивной лексики в нашем исследовании представлены так называемые **слова-связки**, выраженные следующими единицами: «*это самое, короче, типа, типа того*». Как правило, эти выражения служат для связи слов в предложении, а также, в зависимости от контекста, являются показателем неуверенности говорящего в чем-либо.

В данном исследовании делается попытка на основе сленгового материала теоретически и практически обосновать функционирование концепта «сниженная лексика» в разговорной речи молодёжи и таким образом описать языковую картину мира современного студента.

Для описания ЯКМ послужили материалы свободного ассоциативного эксперимента, основанного на когнитивном представлении, в котором принимали участие 41 человек, 6 из них воздержались от ответов. По данным проведённого эксперимента выявлено актуальное содержание концепта «сниженная лексика», а также описано его интерпретативное поле. Необходимо отметить, что в представленном исследовании участвовали представители разных национальностей. Нами было отмечено, что ассоциативные представления, вербализированные русскими, украинскими и крымско-татарскими студентами будут значительно отличаться, специфически отражаясь в языке.

На основании результатов этого эксперимента мы разделили всю сленговую лексику на следующие группы: эмоциональные слова и выражения, слова и выражение с эмоциональным значением, слова с эмоциональным компонентом значения, презрительная и пренебрежительная лексика, а также слова-связки. Таковы основные разряды изученных единиц. Даже при поверхностном взгляде на этот материал становится ясно, что в описанных словах отражены не все возможные эмоциональные состояния человека. Но не следует забывать о том, что молодежный сленг – явление подвижное, которое пополняется новыми единицами. И уже поэтому дальнейшие исследования в данной области могут привести к неожиданным результатам.

Сленг – явление непостоянное. Со сменой одного поколения другим старые слова забываются, уходят на периферию, но им на смену приходят новые лексемы, отражающие происходящие в обществе изменения, ведь «...язык – это зеркало,

показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека. Мир в данном случае – это окружающая человека реальность. Одновременно в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей...» [5, с. 259]. Таким образом, сленговые слова и выражения специфически запечатлеваются в сознании их носителей, вербализируя ту культурно-историческую эпоху, в которую они возникли.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
2. Арутюнова С. А. Язык – культура – этнос / С. А. Арутюнова, А. Р. Багдасаров, В. Н. Белоусов. – М.: Наука, 1994. – 233 с.
3. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32-33.
4. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2003. – 397 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: [учебное пособие] / С. Г. Терминасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
6. Шаховской В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховской. – Воронеж, 1987. – С. 13-14.

Келарева О.В. Фрагмент мовної картини світу сучасного студента // Ученіе записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.21-26.

У цій статті робиться спроба описати інтерпретативне поле концепту «знижена лексика», а також виявити його актуальний зміст. Простежити, як досліджуваний лінгвістичний шар лексики відображається у свідомості молоді.

Ключові слова: мовна картина світу, концепт, свідомість молоді, знижена лексика, соціальний діалект, загальнонаціональна мова, когнітивний асоціативний експеримент, інтерпретативне поле.

Kelareva H. V. Fragment of the world language picture of the modern student // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.21-26.

In the given work attempt to describe an interpretive field of the concept «the lowered lexicon» becomes, and also to reveal its actual maintenance. To track, as the investigated linguistic layer of lexicon is displayed in consciousness of youth.

Key words: a language picture of the world, concept, consciousness of youth, the lowered lexicon, a social dialect, national language, cognitive associative experiment, an interpretive field.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1; 81'366; 81'28

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ С ДРУГИМИ МОРФЕМАМИ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ОСНОВ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ)

Кирилова Е.А.

Вологодский педагогический колледж, г. Вологда, Россия

Статья посвящена семантическому анализу аффиксальных морфем и их взаимодействий в структуре сложных основ диалектного слова. При анализе разграничиваются семантические отношения аффиксов прикорневой зоны одного из двух семантических центров сложного слова и аффиксов, относящихся к сочетанию этих центров.

Ключевые слова: *диалектное сложное слово, вологодские говоры, структура слова, аффиксальные морфемы, семантические отношения аффиксальных морфем.*

Прежде чем описать семантические отношения аффиксов диалектной сложной основы с другими морфемами, необходимо уточнить, что понимается под определением морфемная структура слова, а также в каких отношениях могут быть рассмотрены морфемный состав слова и его морфемная структура. В теории морфемики эти термины рассматриваются либо как синонимы, либо как две стороны одного явления: под «составом» понимается **«совокупность** морфем, входящих в состав слова (словоформы)», тогда как «структурой» принято именовать **«взаимосвязь** этих морфем на формальном и семантическом уровнях [5, с. 97; см. также 7, с. 7].

На структуру слова в русском языкознании впервые обратили внимание представители Казанской лингвистической школы [подробнее об этом: 6, с. 7-29]. На развитие учения о структуре слова оказала также известная работа Г.О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию», впервые опубликованная в 1946 году [Винокур, 1959]. Вместе с тем в лингвистической литературе до сих пор нет единого толкования этого важного лингвистического понятия. Под «морфемной структурой слова» исследователи понимают состав входящих в него морфем, а также структурно-семантические характеристики их сочетаемости в производных (с точки зрения способа образования) и непроизводных словах [см. об этом: 3, с. 7]. В ряде работ по теории морфемики прямо ставится задача разграничить понятия морфемных «состава» и «структуры»: так, Н. М. Шанский полагает, что «морфемный состав слова представляет собой совокупность выделенных в слове значимых частей, в то

время как структура слова является системой взаимосвязанных и соотносительных друг с другом морфем, образующих слова как лексико-грамматическое целое» [7, с. 7]. Сходной с ним позиции придерживаются исследователи В. В. Лопатин, А. Н. Тихонов, И. Г. Милославский, Л. Г. Яцкевич, считая необходимым при анализе морфемной структуры слова «получить все его конечные смысловые составляющие, идентифицировать, т.е. определить, квалифицировать их, установить их соотношение» [см., например: 2, с. 18].

В данной работе под морфемной структурой понимается «взаимосвязь, взаимодействие между морфемами, входящими в состав определяемого слова (словоформы)» [5, с. 99] и анализируя в этой связи «вычленяемые в слове морфемы, находящиеся в определенных отношениях друг с другом и составляющие слово как единство» [4, с. 30].

Итак, рассмотрим семантические отношения аффиксов диалектной сложной основы с другими морфемами, входящими в её состав. Данные отношения весьма разнообразны. Они зависят от того, по отношению к какому семантическому центру их следует рассматривать. Уместно разграничивать семантические отношения аффиксов прикорневой зоны одного из двух семантических центров сложного слова (подобно исследованию соотношения главных и второстепенных членов предложения, входящих в *группу подлежащего* и *группу сказуемого*) и аффиксов, относящихся к сочетанию этих центров (подобно исследованию соотношения *грамматической основы* и детерминирующих второстепенных членов предложения). При описании семантических типов аффиксов в данной работе пойдет опора на исследование Л. Г. Яцкевич [8, 9, 4], где семантические отношения аффиксов в морфемной структуре сложных прилагательных характеризуются отношениями *изосемии* (семантического согласования между ними) и отношениями *неизосемии* (семантического несогласования).

1. Отношения корней и аффиксов прикорневых зон изосемичны с точки зрения выражения каждым из них общего значения, связанного с категориально-грамматической принадлежностью корня и аффикса (словообразовательного: *однонит/очный, семибат/ечный, солновос/ход, свежесвы/рубка просторук/авочка*; основообразующего: *тон/коледица, ред/колесица*) или словообразовательной семантикой предыдущей ступени деривации (*пустосме/ишный, жвухжёлт/ышный*). По отношению друг к другу аффиксальные морфемы разных семантических центров сложного слова, как правило, находятся в неизосемических гетеросемии: *размокропогодиться, тро[йэ]житочный, дво[йэ]жительный* и др.

2. Аффиксы, относящиеся к обоим семантическим центрам сразу, выполняющие функцию словообразовательного форманта последней ступени деривации, могут быть изосемичны другим морфемам основы (*гладкословный, середнокрестный, высоконосный, широколистный*), но чаще всего находятся с ними в отношениях семантической разнородности: *пустосмеишный, двухжёлтыишный, двуполовинчатый старообрядный, трисменный*. При этом изосемичными с точки зрения выражения общего словообразовательного значения будут компоненты конфиксов:

нарыболовиться ‘полностью удовлетвориться действием’: *наестся, напиться, нагуляться; размокропогодиться* ‘интенсивно начаться’: *расплакаться, разбушеваться; бездоброходный* ‘характеризующийся отсутствием чего-либо’: *бессовестный, бесполезный* и др.

Выводы. Таким образом, между аффиксами и другими морфемами основы сложного слова обнаружилось как изосемические, так и неизосемические отношения. Среди изосемических отношений уместно выделить отношения синсемии, проявляемые в сочетаниях морфем одной ступени деривации (общего конфикса) (*нарыболовиться*) или между корнями и аффиксами, маркирующими категориально-грамматическую семантику (*тон/коледица*) и отношения гипосемии, когда категориальная семантика одной морфемы является видовой по отношению к семантике другой (солновос/ход). Из всех видов неизосемических отношений морфем в структуре слова (энантиосемия, транссемия, гетеросемия) нам встретились только случаи проявления гетеросемических отношений: *размокропогодиться, смеходолить*. Это связано с тем, что в процессе создания сложного слова возле каждого семантического центра группируются собственные морфемы-конкретизаторы, сочетание которых дополняет семантику корней сложной основы в самых различных направлениях.

Семантические отношения аффиксов с другими морфемами сложной основы в сочетании с их позицией (контактной или дистантной) существенно влияют на членимость сложной основы. Наименьшую отчётливость будет иметь выделение одноименных контактно расположенных аффиксов сложной основы: *двоеколеч/н/ик, дироверч/ен/к/а, однозуб/еч/н/ый, односторон/оч/н/ый, розночу/[й/э]ва/тый* и др., а также выделение посткорневых суффиксальных элементов в первой семантической зоне сложной основы: *узкополосица, редколесица, тонколедица* и др.

Список литературы

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 419-442.
2. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М., 1977. – 316 с.
3. Максимов В. И. Структура и членение слова / В. И. Максимов. – Л., 1977.
4. Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2002.
5. Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и Словообразование / В. Н. Немченко. – Нижний Новгород, 1994.
6. Николаев Г. А. Современный русский язык. Словообразование. [учебное пособие] / Г. А. Николаев. – Набережные Челны, 2007.
7. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968.
8. Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 1993.
9. Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: [словарь-справочник] / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

Кирилова О.А. Семантичні відношення афіксальних основ з іншими морфемами в структурі складених основ діалектних слів // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.27-30.

Статтю присвячено семантичному аналізу афіксальних морфем та їх взаємодії у структурі складених основ діалектного слова.

Ключові слова: *діалектне складене слово, вологодські говори, структура слова.*

Kirilova E.A. Semantic relations of affixes morphemes with other morphemes in the structure of compound stems of dialects (based on vologda dialects) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.27-30.

This article is devoted to semantic analysis of affixes morphemes and their interaction in the structure of compound stems of dialects. Semantic relations of root affixes of one from two semantic centers of compound word and affixes relating to combination of these centers are separated while analyzing of these words.

Key words: *dialect compound word, Dialectology of the Russian Language, word structure, affixes morphemes; semantic relations of affixes morphemes.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 81'373'27:398.21

ЛОГОЭПИСТЕМЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Кольцова Ю. И.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье проанализировано понятие логоэпистемы, как единицы культурного знания, в частности – логоэпистемы из русских народных сказок. Раскрыты такие понятия как фрейм и рефрейминг. Предложена одна из возможных объяснительных моделей перехода от устойчивых стереотипов русских народных сказок к функционированию этих стереотипов в качестве логоэпистем в коммуникативном пространстве носителей русского языка.

Ключевые слова: *логоэпистема, фрейм, рефрейминг, языковая игра фольклорная картина мира.*

Исследовательский интерес к проблеме «Язык и культура», а также культурологический бум последнего десятилетия XX столетия послужили толчком к изучению присущих в принципе любой национальной культуре языковых единиц – логоэпистем.

Последнее время ученые постоянно ищут рациональный подход к слову как единице описания и усвоения языка, а также и единице обучения для обеспечения взаимопонимания в диалоге культур. Особое значение в этом плане приобретает изучение той языковой единицы, которая выступает в то же время символом, сигналом, знаком некоторых артефактов. Она с одной стороны, принадлежит языку, а с другой, культуре. Предложено несколько терминов для обозначения этого явления: *концепт* у Ю. С. Степанова, В. Н. Телии; *лингвокультурема* у В.В. Воробьева, *национальный социокультурный стереотип* у Ю. Е. Прохорова.

Одной из наиболее удачных терминологических и методологических находок последних лет можно считать выделение *логоэпистемы* как существенной категории в парадигме научного знания, функционирующей на уровне языка и культуры. У В. Г. Костомарова и И. Д. Бурвиковой этот термин составлен по образу *фонема, морфема* из греческих лексем «логос» (язык, речь, учение, смысл) и «эпистема» (сочетание, стема идей, ведущая к знанию, пониманию). Речь идет о знании, которое несёт некоторая языковая единица в её скрытой «внутренней форме», индивидуальной культурной историей и собственными связями с национальной культурой. Анализ таких единиц авторы считают отдельным направлением науки – лингвоэпистемологией или логоэпистематикой.

В нашем понимании логоэпистемы – языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения ими фольклорных ценностей культуры. Все концепты как ассоциации образного мышления, представленные в мифах, сказках, легендах являются логоэпистемами – основными единицами описания фольклорной картины мира. Мы подразделяем логоэпистемы на: логоэпистемы-номинации (*Иван-Царевич; Змей Горыныч; Тридевятое царство; добрый молодец*), логоэпистемы-устойчивые выражения (*поля чистые; леса темные; воды студенькие; соколы ясные*), логоэпистемы-сентенции (*Жили-были; шел он близко ли, далеко ли, долго ли коротко*). Так как любой фольклорный текст является отражением сознательного и (чаще) подсознательного уровней миропонимания, он содержит в себе следы общечеловеческих воззрений и верований, идущих из глубокой древности.

Новизна работы заключается в применении к русским логоэпистемам следствий, вытекающих из мифологических исследований, в использовании при анализе понятий «фрейм» и «рефрейминг», в прослеживании появления сказочных логоэпистем при реализации тех или иных сказочных функций.

Целью исследования является построение одной из возможных объяснительных моделей перехода от устойчивых стереотипов русских народных сказок к функционированию этих стереотипов в качестве логоэпистем в коммуникативном пространстве современных носителей русского языка.

Производной некоторых факторов национального менталитета и национальной культуры является картина мира, имеющаяся в национальном сознании. Формой существования национального сознания является логоэпистема, которая является сочетанием (соединением) систем, идей, образующих национальный менталитет и связанную с этим менталитетом национальную культуру.

Образ мира, существующий в национальном сознании, должен получить некоторое материальное воплощение и самым естественным образом он воплощается в языковой картине мира, т.е. в той модели мира, которая представлена в конкретном национальном языке.

Логоэпистема – разноуровневая лингвострановедчески ценная единица, в «скрытой внутренней форме» которой четко и полно воплощаются ее индивидуальная история и собственная связь с культурой народа – носителя языка. Логоэпистема больше и шире по объему страноведческой информации, глубже и богаче по степени насыщенности ею, чем языковые единицы.

К особенностям сказочного культурного пространства можно отнести тесную связь с миром идеального, элементами язычества, специфику временных и пространственных отношений, связь красоты, добра, зла, истины, фольклорную мораль.

Национально-художественный образ мира, в котором разворачиваются сказочные события, в словесном плане опирается на логоэпистемы. Например, логоэпистемы-имена собственные: *Иван – купеческий сын, Финист Ясный Сокол, Царевна-Несмеяна, Варвара-Краса длинная коса*; логоэпистемы-названия

волшебных предметов: *скатерть-самобранка, гусли-самогуды, меч-кладенец, ковер-самолет, волшебное кольцо*; логоэпистемы-формулы сравнения: *ни в сказке сказать, ни пером описать; ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* и т.д.

Использование логоэпистем за пределами сказочных текстов опирается на рефрейминг – трансформацию некоторого фрейма при сохранении его инварианта. Например: *«Ловитесь, пришельцы, большие и маленькие»*. Это заглавие статьи об ученых, создающих новые инструменты для поиска жизни на других планетах. Здесь автор явно ссылается на известные слова *«Ловись, рыбка, большая и маленькая»* из русской сказки *«Лисичка-сестричка и серый волк»*.

В рамках проведенного лингвокультурологического анализа отобранных из русских народных сказок логоэпистем с точки зрения их фреймовой организации, мы представили фрейм, являющийся концептуальной структурой для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации, содержащей слоты, связанные между собой определенными семантическими отношениями.

Существует много пониманий термина фрейм. Фрейм в его базовом определении (по М. Минскому) – это структура данных для представления визуальной стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти. Это организация представлений, хранимых в памяти, структура знаний, информация об определенных фрагментах человеческого опыта [8, с. 59-60].

Фреймы, по А. Н. Баранову, описывают два вида знаний – декларативные и процедурные. Декларативные знания представляются обычно в виде совокупности пропозиций, утверждений о чем-либо. Типичным примером декларативных знаний можно считать толкование слов в обычных толковых словарях. Декларативные знания поддаются процедуре верификации в терминах «истина – ложь». Процедурные знания представляются как последовательность (список) операций, действий, которые следует выполнить. Это некоторая общая инструкция о действиях в некоторой ситуации. Логоэпистема относится к декларативным знаниям.

Мы представили фрейм, состоящий из гнезда логоэпистем, имеющегося в русской народной сказе и связанного с таким ее персонажем, как Баба-Яга.

«Персонаж» / («роль», «маска») – «Баба-Яга»:

1) номинации: Баба-Яга, Ягая баба, Егибова, Баба-Яга костяная нога; старая ведьма; Баба-Яга морда жилиная, нога глиняная;

2) внешние устойчивые признаки: старая, сгорбленная, у неё большой, загнутый вниз, крючковатый нос; худая, кости у нее «местами выходят наружу из-под тела»; у неё «костяная нога» / хромая. Слепая на один глаз / у нее болят глаза; черная, лохматая, растрепанная, одета в старые рваные лохмотья;

3) характеристика жилища: Баба-Яга обычно обитает вне обычной сферы жизни человека, чаще всего в густой и непроходимой лесной чаще, «в избушке на курьих ножках»;

4) способ передвижения: Баба-Яга ездит в железной ступе, погоняя ее пестом и заматавая следы помелом; иногда Баба-Яга может перемещаться с места на место,

принимая облик вихря или бури; вообще, она, как и ведьма, может оборачиваться змеей, кобылой или коровой, деревом, различными предметами и т.д.

5) общая характеристика персонажа: Баба-Яга – похитительница, уносящая людей и в особенности детей, которых она потом пытается изжарить и съесть; Баба-Яга – дарительница, которая принимает героя, иногда испытывает его и вручает ему чудесные предметы; Баба-Яга – воительница, сражающаяся с героями и побеждающая многих из них.

6) наиболее частая связь с другими персонажами: Баба -Яга – одинокая или может имеет дочь / дочерей; Баба-Яга – антагонист героя сказки, противник богатыря, хозяйка зверей, мать змеев. В подчинении у нее могут находиться всякая нечистая сила. Также различные фантастические существа (например, сказочный Кот Баюн, наделенный голосом, слышным за семь верст, и способный видеть за семь верст, а своим мурлыканьем напускающий колдовской сон, неотличимый от смерти);

7) особенности речи: Фу-фу, русским духом пахнет. Здравствуй, дорожный человек / добрый молодец / внучек! Чей ты, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын? Напоила, накормила, спать в постель уложила. Много молодец проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня. Мой конь будет бойчее, доведет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит [1].

Французский семиотик Патрис Пави пишет, что сам по себе персонаж не означает ничего, кроме самого себя [9, с. 229], но он интегрируется в систему других персонажей; представляет ценность и значимость ввиду различия в семиологической системе, состоящей из соотнесенных единиц. Далее Патрис Пави замечает, что персонаж визуализируется только тогда, когда мы добавляем информацию к его физическим и моральным характеристикам, высказанной эксплицитно, когда мы воссоздаем его портрет на основе разрозненных элементов (т.е., нужно создать фрейм). Этот процесс Патрис Пави называет процессом заключения и обобщения [9, с. 230]. Характеры персонажей, по мнению Патриса Пави, представляют собой совокупность физических, психологических и моральных черт того или иного действующего лица [9, с. 418].

Очевидно, что во фрейме «Баба-Яга» можно выделить некое ядро, основу, центр, затем – основную массу и, наконец, периферию. На периферии оказываются некоторые номинации, внешние и внутренние характеристики Бабы-Яги, характеристики способов передвижения и т.п., которые носителями русского языка и культуры не воспринимаются как типичные ее особенности. Таким образом, любой фрейм несёт в себе возможности преобразования, поскольку, являясь структурой представления знаний и опираясь на некоторые содержательные компоненты, фрейм может претерпевать различные преобразования своей поверхностной структуры в том случае, когда происходят изменения в предпочтениях относительно этих внутренних компонентов. Интересно отметить, что практически во всех случаях логоэпистемы из русских народных сказок в современном дискурсе получают коми-

ческую окраску – во всем диапазоне комизма – от доброго юмора до сарказма и иронии.

Именно подобное преобразование фрейма с формальной и содержательной стороны называется рефреймингом. Сама внутренняя форма этого термина указывает на процессуальный характер данного явления. Следует учитывать, что рефрейминг происходит как переход некоторых стереотипов, клише, устойчивостей от одного типа текста – в нашем случае дискурса русских народных сказок – к совершенно иной текстово-дискурсной форме.

В качестве примера интерпретации рефрейминга мы рассмотрели отрывок из повести Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу» [12], так как нам представилось интересным сопоставить фрейм логоэпистемы «Баба-Яга» и образ Наины Киевны Горыныч – персонажа данной повести. А. и Б. Стругацкие ни разу не назвали свою героиню Бабой-Ягой, но авторы часто называют ее старухой, а это одна из номинаций Бабы-Яги. То, что она живет в «*памятнике соловецкой старины*» – «*избе на куриных ногах*», а так же ее внешность, особенности ее речи указывают на то, что Наина Киевна – сказочная Баба-Яга.

Н. Д. Костомаров и В. Г. Бурвикова справедливо отмечают, что «смысл логоэпистемы по отношению к содержанию исходного текста во многом случаен, произволен» [4, с. 47] и «будучи рождена, логоэпистема отрывается от текста, живет своей жизнью, ее значение приобретает устойчивость и однозначную определенность. Чтобы приписать ей новое значение, надо воскресить в сознании исходный текст, отыскать в нем какую-то зацепку, позволяющую исказить уже закрепившееся значение. Форма представления текстов, стоящих за логоэпистемами, может быть самая разная; и совсем не обязательно, чтобы исходный текст предьявлялся полностью» [4, с. 60].

Вывод. Таким образом, использование логоэпистем за пределами сказочных текстов опирается на рефрейминг – трансформацию некоторого фрейма при сохранении его инварианта. Причем, логоэпистемы из русских народных сказок в современном дискурсе обычно получают комическую окраску.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки / А. Н. Афанасьев. – М., 2009. – 192 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М., 2003. – 349 с.
4. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб, 2001. – 72 с.
5. Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте / Науч. совет по истории мировой культуры. / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 2002. – с. 171-175.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / Д. С. Лихачев. – М., 1997. – с. 280-287.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. – М.: Наука, 2004. – 296 с.

8. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
9. Патрис Пави. Словарь театра. Перевод с французского / [под. ред К. Разлогова] / Пави Патрис. – М., 1994. – 504 с.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2004. – 332 с.
11. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М., 1998. – 351 с.
12. Стругацкий А. Н. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М.: Текст, 1992. – 608 с.

Кольцова Ю. И. Логоепістемі як ключові слова фольклорної картини світу // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.31-36.

У статті проаналізовано поняття логоепістемі, як одиниці культурного знання, зокрема – логоепістемі з російських народних казок. Розкриті такі поняття як фрейм і рефреймінг. Запропонована одна з можливих пояснювальних моделей переходу від стійких стереотипів російських народних казок до функціонування цих стереотипів у якості логоепістем у комунікативному просторі носіїв російської мови.

Ключові слова: *логоепістема, фрейм, рефреймінг, мовна гра, фольклорна картина світу.*

Kolcova J. I. Logoepisteme as the key words of the folklore picture of the World // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.31-36.

The article analyses the notion of logoepisteme, as a unity of cultural knowledge, in particular – logoepistememes from russian fairy tales. Such notions as frame and reframing are exposed. It is proposed one of the possible explanatory models of changing from stable stereotypes of russian fairy tales to operation of these stereotypes as logoepistememes in a communicative area of russian native speakers.

Key words: *logoepisteme, frame, reframing, linguistic game, folklore picture of the World.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 81'282.8

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ, ЗАИМСТВОВАННОЙ В XVIII-XIX СТ.)

Лановая Т.В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В работе анализируется судьба лексических заимствований, ставших следствием многочисленных взаимодействий русского с другими языками в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: *языковые контакты, лексические заимствования, адстрат, субстрат, суперстрат, перстрат, инстрат.*

Постановка проблемы. Актуальность исследования языковых контактов и как следствия этого процесса лексических заимствований определяется, с одной стороны, важностью исследований изменения лексического состава русского языка как результата его контактирования в период коренных перемен в политической, экономической и культурной жизни общества, с другой – важностью оценки самого факта заимствования. Сегодня, когда русский язык снова ощущает влияние иностранных языков, особенно английского, важно знать особенности процесса заимствования.

«Важность изучения языковых контактов и их результатов обуславливается тем фактом, что оно способно пролить свет и на особенности самого строения языковой системы» [12, с. 292].

Проблема языкового контактирования и заимствования всегда находилась в центре внимания лингвистов. Одним из аспектов исследования является изучение круга вопросов, связанных с анализом процессов и закономерностей освоения заимствованной лексики. В области функционального исследования языковых контактов существуют фундаментальные работы, в которых предложены оригинальные методы описания языкового материала, сделаны важные теоретические обобщения в ходе анализа языковых фактов. Несмотря на ценность научных исследований в этой области, лингвистических изысканий в работах Л. Л. Аюповой [2], Е. Э. Биржаковой [3], Н. С. Валгиной [4], В. К. Журавлева [5], Э. Косериу [6], Л. П. Крысина [8], Н. Б. Мечковской [9], Б. А. Серебренникова [12] и др., существует немало проблем, требующих дальнейшей разработки и уточнения.

В данной статье рассматривается путь лексических заимствований, которые стали результатом взаимодействия русского с другими языками в период XVIII-XIX вв.

Цель – изучение процесса взаимодействия русского языка с другими языками и результатов этого взаимодействия на примере заимствованной лексики XVIII-XIX вв.

Задачи:

- выявить принципы классификации заимствованной лексики;
- определить явления, характеризующие результаты языковых контактов и проследить их историю;
- соотнести заимствования с языковой нормой.

Как уже было сказано, условием появления лексических заимствований являются языковые контакты. Традиционно в лингвистике выделяют три типа контактов: адстрат («разновидность двуязычия, порожденного длительным сосуществованием разных языков на одной территории [13, с. 34]), субстрат («следы побежденного языка в составе языка-победителя при скрещивании двух языков» [13, с. 461]) и суперстрат («следы языка пришельцев в составе языка коренных жителей» [13, с. 463]).

В теории стратов много неоднозначных, спорных вопросов, поэтому в данной работе мы принимаем концепцию В. К. Журавлева, в которой, помимо названных трех, включены еще два страта: инстрат («понятие инстрата введено для случаев территориального, географического контакта двух языков, когда территория социалемы – носителей одного языка включает в себя клинья и островки социалемы – носителей другого языка» [5, с. 177]) и перстрат («взаимодействие языков в сфере духовной культуры, науки и техники» [5, с. 179]). Данную терминологию, вслед за В. К. Журавлевым, мы используем в отношении не только типов контактов, но и результатов этих контактов, т.е. конкретным лексическим заимствованиям.

Взяв за основу «Словарь редких и забытых слов» [15], мы сформировали корпус лексики, заимствованной XVIII-XIX вв. Для того чтобы выяснить судьбу конкретного заимствования и определить характер взаимодействия (явление адстрата, субстрата, суперстрата и т.д.), было проведено сравнение исследуемых лексем со словарями русского языка XX в.

1. Адстратно-инстратное явление в лексике. К этому явлению мы отнесли синонимические пары и ряды, дублетные формы, т.е. два и более слов, имеющих общую семантику.

Большинство заимствований не вошло в активный словарный запас по причине своей непонятности носителям русского языка. Отсутствие понятной внутренней формы слова может стать значительным препятствием для массового, частотного употребления слова. Например, использование слова *бонмотист* (от франц. bon mot) – остроумный, остряк [15, с. 56]. Как правило, слово, закрепившееся в словаре и активно используемое носителями языка, степень своей ассимиляции демонстрирует способностью образовывать однокоренные слова, включаться в словообразовательные гнезда, включаться в аббревиатуры, приобретать новые оттенки значений и т.д. В данном случае мы видим затруднения в образовании производных (найдено всего 5 контекстов).

Только приезжает он раз, а швейцар наш... ты знаешь, Василий? Ну, этот толстый. Он бонмотист большой [Л. Н. Толстой, Анна Каренина (1878)].

Примером, когда войти в активный лексикон помешали лингвистические законы и тенденции, может служить заимствование из франц. *ампоше* (франц. empocher – класть в карман; poche – карман) – красть, прикарманивать деньги [15, с. 21]. Однако

это слово не похоже на форму русского глагола (нет традиционной формы инфинитива на -ать, -ить), следовательно, затруднительно изменение данного слова по спряжениям. Национальный корпус русского языка располагает только двумя контекстами.

Чего захотел – Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь? Боркин. А вот как женится человек да набьет себе ампоше, тогда и увидите гусяный чай [А. П. Чехов, Иванов (1887)].

2. Субстратное явление. В эту группу мы включили заимствования, которые с разной степенью ассимилированности вошли в словарный состав носителей русского языка и активно используются.

Конфидент (лат. *confidens* – доверяющий) – лицо, которому доверяют свои секреты, тайны, с которым ведут интимные разговоры [7, с. 184] → **конфиденция** – доверительная беседа → **конфидентка**, **конфидент** → **конфиденциальный** (не подлежащий огласке, сообщаемый по доверию; секретный, доверительный) → **конфиденциально**.

*Все потихоньку ушли, остались только самые верные из **конфидентов*** [К. Букша, Эрнст и Анна (2002)].

*Беседу на **конфиденциальные** темы вёл Дмитрий Лысак* [Д. Лысак, Секретная миссия простого брелка (2003) // «Stuff», 2003.03.06].

*Размер суммы сообщила мне – конечно, **конфиденциально** – одна из его сотрудниц* [И. Грекова, Перелом (1987)].

Интересно проследить историю изменений, произошедших со словом эгоистка. Так, В. П. Сомов закрепляет за этой лексемой значение ‘экипаж для одного седока’. *В два часа садился в собственную **эгоистку** и ехал завтракать к Дюсо* [15, с. 672]. Но в современных словарях отсутствует прежнее понимание слова, возможно, в связи с тем, что исчезла необходимость в наименовании данной реалии. Несложно проследить, что, скорее всего, значение было метафоричным, переносным, т.к. опиралось на традиционное и современное значение (эгоистка – жен. к эгоист. Эгоист (фр. *egoiste* < лат.) – человек, отличающийся эгоизмом, себялюбием) [14, с. 785].

*Ты же знаешь, какая я **чёрствая эгоистка*** [Ю. О. Домбровский, Факультет ненужных вещей (1978)].

3. Перстратное явление. К этому явлению относятся все случаи заимствования, появившиеся в результате взаимодействия языков в сфере духовной культуры, науки и техники. Исходя из этого определения, взаимодействие русского языка с западноевропейскими можно отнести не только к адстратным, инстратным и другим, но и перстратным явлениям. Зачастую очень сложно провести границу между перстратом и другим явлением, поэтому в этот мы в этот класс отнесем заимствования, пополнившие терминологическую базу русского языка. Подчеркнем, что данное деление является условным, т.к. множество слов, закрепленных за определенной сферой функционирования, являются общеупотребительными.

Термин **аспид** одновременно можно отнести к двум наукам. Во-первых, горнодобывающей, т.к. первоначально слово вошло со значением ‘кристаллическая слоистая горная порода, употребляемая для грифельных досок, крыш и т.п.’ [15, с. 32], но сегодня это значение признано устаревшим. В словарях мы можем найти **аспид**

(гр. *aspis* – ядовитая змея) – 1) под ядовитой змеи. 2) злой, коварный человек (закрепляется метафорическое значение) [14, с. 29].

Аспид → **аспидный** 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: аспид, связанный с ним. 2) Сделанный из аспида. 3) Имеющий цвет аспида (синева-черный); 1) Свойственный аспиду, характерный для него. 2) перен. трудный, невыносимый) → **аспидски** 1) Как свойственно аспиду (1 и 2), как характерно для него; зло, враждебно. 2) перен. Очень сильно.

4. Суперстратное явление. Судьба языковых заимствований, относящихся к разным областям общественной жизни, бывает различна. Некоторым из них, особенно если они представляются семантически или морфологически неоправданными, приходится выдерживать яростное противодействие со стороны не только пуристов, но и главное сопротивление – со стороны языковой системы. Именно эти иноязычные слова не выдерживают натиска, синонимической конкуренции и исчезают из активного запаса, переходя в пассивный, или исчезают из словарей, оставшись лишь употребляемыми в период заимствования. Именно такую судьбу заимствований мы относим к суперстратному явлению, т.к. слова языка-пришельца растворились в языке коренного населения, т.е. заимствование уступило место русскому эквиваленту. Вот лишь неполный список примеров, подводимых под это явление: *юнгфров* (нем. *jungfrau*) – барышня [15, с. 678], *цуфуски* (нем. *Zu Fuss* – пешком) – 1. ноги. 2. пешком [15, с. 618], *шу* (франц. *chou*) – пышный бант [15, с. 666], *турписсима* (лат. *turpissime*) – гадко, безобразно [15, с. 558], *пур селетан* (искажен. фран. *pour passer le temps*) – скуки ради [15, с. 428], *импет* [15, с. 166], *поттишомания* (франц. *potiche* – фарфоровая ваза в восточном стиле) – страсть к наклеиванию картинок на стеклянные вазы и другие предметы [15, с. 402], *жоскрис* (франц. *jocrisse* – дурень, дурачина, простофиля) – простак, профан [15, с. 142], *хурда-мурда* (от перс. *hurda-murda*) – мелкий скарб, пожитки [15, с. 612] и др.

Доказательством закрепления в русском языке заимствований стали контексты, демонстрирующие частотность использования рассматриваемых лексем. Контексты были подобраны с помощью Национального корпуса русского языка. Контекстами мы продемонстрировали, что заимствованная лексика не пассивно принимается языком, а активно им осваивается, пополняя лексическую систему новыми средствами номинации, расширяя грамматические, словообразовательные возможности русского языка.

Выводы. Способность языка изменяться обеспечивает выполнение его главной функции – быть универсальным средством общения между людьми. Ни одна языковая система не находится в изоляции от других языков, следовательно, процессы взаимодействия и взаимовлияния неизбежны. Существует точка зрения, согласно которой заимствования ведут к порче языка, его ассимилированию с другим, потере национальной самобытности и т.д. То есть одни исследователи рассматривают заимствования как признак засорения языка, другие – как признак того, что язык не остановился в своем развитии и продолжает эволюционировать. Мы придерживаемся второй, доминирующей точки зрения. В языке непрерывно происходит процесс отбора необходимых средств для успешной коммуникации. Поэтому закономерным представляется как появление иноязычного слова для

обозначения новой реалии или уточнения значения уже существующей, так и исчезновение таких слов за ненадобностью. Ведь не говорят о лексике, покинувшей язык или ушедшей в пассивный запас, что она обеднила русскую речь, так и не стоит считать новоприбывшую – «порчей» русского языка. Однако не рекомендуется использовать в речи излишнее количество заимствований, делая акт коммуникации недоступным для адресата. Но целесообразно заменять русские аналоги иностранными для более точной передачи смысла.

Заимствования – это неотъемлемая составляющая функционирования языка. Без этой возможности приспособляться к потребностям общества любой «живой» язык превратится в «мертвый», несуществующий, поэтому на явление взаимодействия языков нужно смотреть с точки зрения исторической необходимости и социальной обусловленности.

В ходе данной работы исследованию подверглись причины конкретных лексических заимствований и причины освоения или неосвоения этих лексем русским языком. Для этого было проведено сопоставление нескольких словарей: словаря редких и забытых слов, словаря иностранных слов, словаря синонимов и некоторых других словарей. Опираясь на терминологический аппарат В. К. Журавлева, полученный корпус слов был распределен между четырьмя языковыми явлениями, описывающими не только типы языкового взаимодействия, но и результаты такого взаимодействия.

Перспективы проведенного исследования мы видим в расширении корпуса исследуемого материала и построении целостной теории языкового взаимодействия и лексических заимствований, которые возникают как следствие этого процесса.

Список литературы

1. Александрова З. А. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. – Изд. 4-е, репродуцированное. – М. : Русский язык, 1975. – 600 с.
2. Аюпова Л. Л. Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте / Л. Л. Аюпова. – М. : Учпедгиз, 1991. – 61 с.
3. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерк по исторической лексикологии русского языка XVIII века / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина– Л. : Наука, 1972. – 430 с.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
5. Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В. К. Журавлев. – М. : Наука, 2004. – 336 с.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
7. Краткий словарь иностранных слов языка / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М. : Гос. изд. иностранной и национальных словарей, 1950. – 456 с.
8. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
9. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: [курс лекций по общему языкознанию] / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., сор. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Кибрика / Э. Сепир. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с. – (Филологи мира).

12. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – 597 с.
13. Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
14. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. – Изд. 3-е. – М. : Гос. изд. иностранной и национальных словарей, 1963. – 848 с.
15. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 764 с.

Ланова Т.В. Іншомовні слова в російській мові (на матеріалі лексики, що була запозичена у XVIII-XIX вв.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.37-42.

У роботі аналізується доля лексичних запозичень, які стали наслідком численних взаємодій російської з іншими мовами у XVIII-XIX ст.

Ключові слова: мовні контакти, лексичні запозичення, адстрат, субстрат, суперстрат, перстрат, інстрат.

Lanovaya T.V. Foreign words in the Russian language (on the material of the vocabulary borrowed in the XVIII-XIX cc.) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.37-42.

In the article fate of lexical borrowings as a consequence of numerous interactions between Russian and other languages in the XVIII-XIX cc. is analysed.

Key words: language contacts, lexical borrowings, adtstratum, substratum, superstratum, perstratum, instratum.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811.161.1:070

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАДИСКУРС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЦЕНКИ

Малярчук У.О.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье на примере материалов еженедельника «Зеркало недели» анализируется реализация ценностных установок, транслируемых СМИ.

Ключевые слова: *масс-медиа, ценности, социум, коммуникация, медиадискурс.*

Актуальность. Масс-медиа стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества, они претендуют на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и, бесспорно, активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры. Но средства массовой информации и сами принимают участие в формировании этих ценностей, причем эти процессы часто остаются бесконтрольными и малоизученными. Отчасти это обусловлено традиционными функциональными характеристиками СМИ, определяющими сферу их влияния [4].

С.И. Сметанина выделяет следующие специфические особенности текстов СМИ:

- разделение труда в создании общего смысла высказывания;
- отсутствие непосредственного включения в общение адресата сообщения;
- возникновение новых смыслов и оценок, ориентирующих в процессах реального мира;
- комплексный характер содержания: выбор средства номинации и синтаксических конструкций, корректировка стилистического регистра, определение жанрового макета и формы общения с читателем, "размещение" автора в тексте, владение категориями актуализации и приемами объемно-графического членения текста;
- ценностные ориентиры: рекламность, конкурентоспособность, сенсационность, увлекательность, подчеркнутая оппозиционность, комплиментарность, желание (или необходимость) скомпрометировать противника [3, с. 27-28].

Цель статьи – на примере материалов еженедельника «Зеркало недели» проследить реализацию ценностных установок, транслируемых СМИ.

Главная особенность публицистического стиля – принцип "чередования стандартных и экспрессивных сегментов текста", обусловленный функцией воздействия на адресата (В. Г. Костомаров, С. И. Сметанина [1; 3]). Например: «Комитет Верховной Рады по вопросам национальной безопасности и обороны, возглавляемый Анатолием Гриценко, направил президенту Украины Виктору Ющенко письмо, в котором рекомендует на заседании Совбеза рассмотреть готовность

органов исполнительной власти к противодействию чрезвычайной ситуации, связанной с возможностью паводка. Подобное письмо от имени возглавляемого им комитета Анатолий Гриценко направил премьер-министру Юлии Тимошенко. К сожалению, политикам было недосуг думать о перспективах прихода большой воды – помешали выборы президента. Быть может теперь, когда выборы уже позади, а «мокрые» перспективы могут стать реальностью, власть все же озаботится вопросом: отображает ли реальное положение вещей существующая отчетность об исполнении результативных показателей готовности к возможному паводку?» («Мокрые» перспективы, ЗН № 6 (786) 20-26 февраля 2010).

Внешняя раскрепощенность (иногда вседозволенность), отсутствие жесткой цензуры, снятие табу на обсуждение многих тем приводит к авторизации и повышению выразительности медиадискурса. В то же время нередко журналисты используют сниженную лексику: *Кто ответит за «базар»?* (ЗН № 38 (766) 10-16 октября 2009); *«Постсоветский доходром»* (ЗН № 2 (781) 23-29 января 2010); *«Науку снова хотят «кинуть»?»* (ЗН № 5 (785) 13-19 февраля 2010).

Автор в современном медиадискурсе выступает как личность со всеми особенностями его менталитета и стремлением к самовыражению: *«Написал это, и через несколько минут увидел на телеэкране того самого нардепа, что год назад хоронил отечественное кинопроизводство... Тьфу, сгинь, нечистый! Легко, одним нажатием клавиши... Жмите и вы!»* (Зачем отечеству кинематограф? ЗН № 46 (774) 28 ноября – 4 декабря 2009); *«Лично я горд, что никакие обвинения в несовременности, непродвинутости и ханжестве не заставят меня читать и смотреть разные пакости, придавать концептуальное значение девиациям, жадно внимать обильному мату как живому слову правды. Пусть даже фигуранты, выпускающие всю сию продукцию, лояльные к ней, в жизни очень хорошие люди. Все, что стекает самотеком, не стоит и ломаного гроша...»* (В зоне абсурда, ЗН № 12 (792) 27 марта – 2 апреля 2010).

По мнению Э.В. Чепкиной, образ текстового автора имеет имплицитные и эксплицитные средства выражения, «причем преобладают смыслы, выражаемые в подтексте» [4, с. 20]. Автор медиатекста по отношению к адресату выполняет «сервильную функцию» [2], одновременно отождествляя себя с читателем. Он «создает условия для того, чтобы заручиться доверием своего читателя» [2]: *«Мы давно подозревали, что вода в наших кранах далека от идеала. Точку в этих сомнениях поставил бывший министр жилищно-коммунального хозяйства, который год назад открыто заявил, что в Киеве водопроводная вода скорее техническая, чем питьевая, но повлиять на ситуацию в столице ни министерство, ни правительство не в состоянии»* (Вода из крана – питьевая, или условно пригодная?.. ЗН № 12 (792) 27 марта – 2 апреля 2010); *«Скорее всего, в 2010-м, а может, и в 2011-м, нам придется донашивать то, что было модно в прошлых политических сезонах – старых лидеров, затасканные команды, надоевшие правила игры и традиционные попытки их перекройки, проверенное предательство, верное лицемерие, всем известную коррупцию, устоявшуюся государственную беспомощность. Словом, все то, под тяжестью чего ссутулился народ и что сделало его взгляд затравленным, но все более озлобленным. Но ничего, мы терпеливы – переморгаем. Тем более что выбор, который мы сделаем, это будет выбор наш, и определит он наш же образ жизни. На несколько лет. Пока «божьё*

росу» с глаз смаргивать не устанем» (Холодный теплый год, ЗН № 51 (779) 26 декабря – 14 января 2010).

Многие исследователи (А.Д. Васильев, С.М. Гурвич, В.Г. Костомаров, С.И. Сметанина и др.) отмечают усиление выразительности языковых средств в текстах СМИ. «Журналисты печатных изданий <...> форсируют выразительную сторону высказывания, “нарезая” новые слова, монтируя цитаты» [3, с. 42]: «Мы в ответе за тех, кого выбираем. Эта фраза уместна не только для подведения итогов истекшей пятилетки. В канун пятилетки грядущей данное утверждение должно служить предостережением. Чтобы иметь право призывать их к ответу, надобно иметь смелость делить с ними ответственность. Они такие, какими мы позволяем им быть. Этот урок еще только предстоит усвоить. Промежуточные итоги великого политического состязания убедили, сколь не востребована в обществе требовательность». (ЭПИЗОДическое, ЗН № 2 (781) 23-29 января 2010); «Слегка перефразируя классику, можно было бы сказать, что больной скорее умер, чем жив. Давно и прочно впавший в вялотекущую кому Укрпробанк упокоился окончательно, завещав расчеты с миром по своим долгам через банк «Родовид». Тоже, кстати, не беспроблемный и удержанный на плаву обильными рекапитализационными вливаниями с переводом в госсобственность» (В чью пользу счет? Заметки неравноправного партнера, ЗН № 13 (793) 3-9 апреля 2010); «Мышеловка популизма: утром налоги – стулья потом...» (ЗН № 36 (764) 26 сентября – 2 октября 2009).

В.Г. Костомаров отмечает “всеохватное стремление к обновлению”, которое, как считает автор, практически отсутствовало в языке советской эпохи: “Здесь главное – любой ценой обратить на себя внимание. <...> И речевая изобретательность, языковая шутка оказывается важнейшим способом поразить, рассмешить, создать непринужденную обстановку и тем оставить след в памяти” [1, с. 51]: «Две Украины стоят оцетинившись и объединяют их общие крайности – провинциализм и национализм. Оставим спорный вопрос о том, что второе может быть обусловлено первым, если это, конечно, не так называемый профессиональный национализм. Было бы наивно думать, что «достаток всех примирит»... Но факт остается фактом: Украина разломана, как пирог, и два вида национализма работы разных резцов смыкаются именно в этом месте. Монастырь в городке Сатанов, на самой границе Хмельницкой и Тернопольской областей, обласканный Петром I, – последнее место, куда дошел российский самодержец со словами: «А дальше – Европа», и одновременно последний форпост сколько-нибудь пророссийских взглядов. «Дальше – Европа» (Национализм: однополая любовь, ЗН № 37 (765) 3-9 октября 2009); «Сенсационная новость. В Украину с тайной предвыборной целью прибывает певица из Гондураса – КОНТРА ОМНЕС. Лауреат многочисленных конкурсов эстрадной песни северной части центральноамериканского перешейка. В творческом арсенале смуглянки: три сережки (в носу, а также в правом и в левом ухе); концертные наряды в стиле украинского дизайнера Айны Гасе. И., а это главное, – заранее заготовленные политтехнологами гондурасские хиты с ключевыми припевками, которые дива собирается выкрикивать на Майдане, громыхая своими металлическими украшениями: «I love you, Vitja!» (правда, неизвестно, которого); «Yulja, ne nerviyu!» (это на тот случай, если певицу перекупит вражеский штаб); «Senin poceluyu posle zarkogo leta, быть может, ты

один «так!» почувствовал «это»...» (Песня гада. Попса уходит в агитаторы, ЗН № 35 (763) 19 – 25 сентября 2009).

Следует отметить, что читатель в первую очередь обращает внимание на заголовки, а зачастую, просматривая прессу, этим и ограничивается. В заголовках журналисты и редакторы стремятся отразить свою оценку, отношение к тому или иному событию, максимально привлекательно сформулировать суть материала. Поэтому именно заголовки являются квинтэссенцией номера, неким «коллективным сообщением» издания читателю».

Чтобы привлечь внимание, выделиться из общего ряда, заголовки статей в изданиях иногда формулируются заведомо провокационно или двусмысленно: «*Мода или некрофилия?*» (ЗН № 41 (769) 24-30 октября 2009); «*Сексизм, бессмысленный и беспощадный*» (ЗН № 9 (789) 6-12 марта 2010); «*Сладкие похороны*» (ЗН № 10 (790) 13-19 марта 2010).

В то же время в исследуемом издании – еженедельнике «Зеркало недели» довольно много ярких и образных заголовков. Часто присутствует языковая игра и различные «новообразования» (например, комбинация двух слов в одно, выделение или изменение части слова, что придает ему какой-то новый смысл): «*Уже dura, но еще не lex*» (ЗН № 16 (796) 24-29 апреля 2010); «*Рейтингоносцы*» (ЗН № 14 (794) 10-16 апреля 2010); «*Три сапога – пара*» (ЗН № 6 (786) 20-26 февраля 2010); «*Не майтесь маем*» (ЗН № 3 (782) 30 января – 4 февраля 2010); «*Вы слышали, как звучит абсурд?*» (ЗН № 45 (773) 21-27 ноября 2009); «*ПРОба сил*» (ЗН № 36 (764) 26 сентября – 2 октября 2009).

Еще одна особенность языка заголовков – авторы статей любят играть на контрастах. Так, в заголовках комбинируются позитивные и негативные слова, что позволяет достичь «эффекта парадокса»: «*Проблемные банки: дорогие и мертвые*» (ЗН № 16 (796) 24-29 апреля 2010); «*О скульптуре большой и маленькой*» (ЗН № 9 (789) 6-12 марта 2010); «*Частные прибыли из общественных убытков*» (ЗН № 48 (776) 12-18 декабря 2009); «*ЕВРО-2012. Полнопустой стакан*» (ЗН № 45 (773) 21-27 ноября 2009).

Выводы. Сегодня газетный текст являет собой пример взаимодействия нормированного книжного языка, народно-речевой стихии и жаргона. Отступления от литературной нормы в процессе порождения текста создают определенную тональность (иронии, юмора, сарказма), оценочность, экспрессивность, способствует созданию реалистичности при описании явлений. Таким образом, журналист выступает творцом языка СМИ, в частности печатного, в позиции адресант – адресат. СМИ влияют на формирование взглядов (а иногда и формируют их) как социума в целом, так и его отдельных представителей: «*Итак, пришла пора подбивать промежуточные бабки. За «бабки», конечно, прошу прощения, хотя кто знает, какой стиль у нас будет в моде в ближайшее время. А промежуточные – потому что Украина все равно «ще не вмерла», а бодро и уверенно продолжает куда-то шкандыбать*» (ЗН № 8 (788) 27 февраля – 5 марта 2010) – данный фрагмент медиатекста ярко демонстрирует стремление журналистов чутко следовать за изменениями в социуме – как экономико-политическими, так и ценностными.

Издание «Зеркало недели» тяготеет к глубокой аналитике, стремится дать оценку (подчас негативную, но объективную, всестороннюю) всем явлениям жизни современного украинского общества, это издание можно назвать элитарно направленным (как правило, его аудитория – политологи, политикум и граждане, занимающие социально активную позицию). Адресант здесь позиционирует себя

как высокоинформированный и открытый для контактов с адресатом знаковый субъект, способный в тексте актуализировать индивидуально-личностные смыслы, опираясь на ценностные расхождения позиций и интересов.

Следует отметить, что внешняя раскрепощенность, отсутствие жесткой цензуры, снятие табу на обсуждение многих тем приводит к авторизации и повышению выразительности медиадискурса. Постоянная установка на выразительность, экспрессивное воздействие на адресата вынуждают авторов использовать все большее количество эмоционально окрашенных языковых средств. Еще одной особенностью языка средств массовой информации является использование узкой, специальной лексики, терминов, зачастую заимствованных. Например, в заголовках журналисты и редакторы стремятся отразить свое отношение к тому или иному событию, максимально привлекательно сформулировав суть материала.

Оказывается широко представленным такой признак масс-медийного дискурса, как деформация фразеологизмов, цитат, прецедентных текстов. При этом отсылка к другим текстам (высказываниям, афоризмам, выражениям) согласуется с принципом распространенности, известности в обществе. Постоянная установка на выразительность, экспрессивное воздействие на адресата вынуждают авторов использовать все большее количество эмоционально окрашенных языковых средств.

Список литературы

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 1999.
2. Милевич И. Г. Язык масс-медиа: отражение современных мифов и идеологий / И. Г. Милевич // *Respectus Philologicus*. – VU KHF, 2003. – № 4 (9). – С. 2.
3. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) : [научное издание] / С.И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
4. Чепкина Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации / Э. В. Чепкина // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография* / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003.

Малярчук У.О. Сучасний медіадискурс крізь призму оцінки // Ученіе записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.43-47.

У статті на прикладі матеріалів тижневика «Дзеркало тижня» прослідковано реалізацію ціннісних установок, що їх транслюють ЗМІ.

Ключові слова: мас-медіа, цінності, соціум, комунікація, медіадискурс.

Malyarchuk U. Contemporary media discourse through the prism of evaluation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.43-47.

In the article on the materials of the weekly "Mirror of week" examines the implementation of the values, broadcast media.

Key words: mass media, values, social environment, communication, media discourse.

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 811.161.1

ЧАСТИЦЫ И РЕЧЕВЫЕ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СЛАВЯНСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Нагорный И.А.

Белгородский государственный университет, г. Белгород, Россия

Устанавливается статус предположительной квалификации как ментальной операции субъекта. Основания и цель модальной квалификации в коммуникативном процессе. Иерархия речевых персуазивных смыслов в предложении.

Ключевые слова: *частица, смысл, квалификация, предположение, мотивация.*

Предположительные частицы *вряд ли, едва ли, будто, точно, словно, как бы, чай, авось, якобы, небось неужели, разве, не то* включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых смыслов, которые, в свою очередь, прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. *Цель статьи* – определение статуса предположительной квалификации как ментальной операции субъекта.

Рассматриваемые частицы являются средствами, специально предназначенными для экспликации смысла «предположение». Это так называемые специализированные персуазивные показатели в предложении. Актуализация смысла «предположение» является для предположительных частиц наиважнейшей функцией в языке. Реализация этого смысла в высказываниях с предположительными частицами закономерна, так как именно этот смысл является семантическим центром, вокруг которого группируются другие квалификативные смыслы. «Предположение» является смыслом, актуализированным в высказывании говорящим для решения конкретной коммуникативной задачи: *А другой сон был и того страшнее: стояла она будто бы в полдень в жаркой пустой избе, замирала, ждала чего-то* (И. Бунин); *А он думал: авось все еще сладится* (В. Иванов).

Актуализируемые частицами в высказывании смыслы «возможность» и «предположение» при наличии в их семантике ряда общих черт нельзя отождествлять, так как они имеют разную природу и служат для обозначения разной степени достоверности факта. Предположение исходит из возможности, но предположение не есть сама возможность. Предположение, в отличие от возможности, всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, существующих вне его в объективной реальности. Возможность – это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий [1, с. 268-269]. Она актуализируется как указание на некоторые условия,

могущие повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения. Данные условия могут быть либо связанными с говорящим, либо не предполагать такой связи.

Смыслу «предположение», как и смыслу «возможность», присущи свои оригинальные средства выражения: знаменательные части речи с соответствующим значением, функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции), просодические средства, модальные слова и частицы со значением недостоверности сообщаемого.

По отношению к конкретизирующим квалификативным смыслам «сомнение», «избыточность» и «эвиденциальность» общий квалификативный смысл «предположение» характеризуется как базовый. Концептуальный компонент значения, составляющий его ядро, служит фактором фиксации высказывания на соответствующем отрезке модальной шкалы степеней достоверности в границах смысловой сферы «предположение».

Предположение имеет своим содержанием предварительное суждение о чем-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности. Здесь, естественно, имеет место градация оттенков. Их диапазон – от высокой степени уверенности до полной неуверенности в сообщаемом. Однако главное состоит в том, что предположительная уверенность никогда не может быть приравнена к констатирующей уверенности в достоверности или недостоверности факта: - *Неужели не любил? – Право, не сумею вам ответить, – замялся старик, поднимаясь с кресла* (А. Куприн); *А мне показалось, что как будто это не тот голос, да и впотьмах даже и рожка его не представляется* (Н. Лесков); *Мой собеседник, человек рассудительный, вроде решал, как ему дальше вести себя со мной* (“Новый мир”). Важным оказывается то, что зачастую говорящий просто не имеет веских аргументов (базирующихся на объективных данных) для констатирующего утверждения или отрицания факта. При этом он часто оперирует только своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому событию: *Да он и был почти мальчиком, очень нежным и красивым с виду, но по натуре резким и жестоким, мальчиком как будто самоуверенным, но легко и чуть ли не до слез смущающимся* (И. Бунин); *Когда я шел в канцелярию ялтинского генерал-губернатора, мне казалось непонятным и странным: неужели о таком пустяке, как проживание в Крыму – нужно еще хлопотать?* (А. Аверченко); - *Знаешь, Ласточка? – сказала она, – батюшка выдает меня за арапа. Карлица вздохнула глубоко... – Разве нет надежды, – продолжала Наташа, – разве батюшка не сжалится надо мною?* (А. Пушкин); *Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой?* (В. Ерофеев). Отстраненность от ответственности за фактичность высказанного мнения дает говорящему право предполагать о развитии и конечном результате события: *Лиза: Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни чай, от скуки, – повольнее* (А. Грибоедов); *Мы, видишь ли, народ молодой! Да ведь авось и там-то, в Европе-то, тоже давили немало – монголы всякие* (И. Бунин); –

Неужели это – результат операции? – Скорее всего – нет (В. Головачев); *На вид ему лет двадцать, едва ли больше* (Р. Штильмарк).

Выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, образующихся на его основе, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень уверенности (Ср.: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила* (И. Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А. Грибоедов); *“Неужто же, – вскрикивает она, – неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?”* (Н. Лесков); *Считаю, что **чуть ли не** половина списков утеряна* (“Версия”), а с другой стороны, сам факт возникновения актуальных квалификативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я **едва ли не** менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В. Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, **чай**, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что **вряд ли** стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* (“Мир новостей”) (степень уверенности обусловлена известностью факта). В более широком аспекте все это подводит к мысли о том, что модально-персуазивная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Выделение смысла «предположение» ориентирует на учет комплекса как собственно лингвистических, так и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы характеризуются как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней языка. Как следствие этого возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «предположение», фиксируемого только частицей (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой **Разве** ты со мною не была?* (А. Блок) (сомнение, осложненное желательностью); *Скептики на это замечали, **мол, как бы** не случилось непоправимого* (Е. Носов) (предположение, осложненное опасением и под.).

Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Однако там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении

модально-квалификативного высказывания. Указанный критерий опирается на логические параметры категорий возможности и вероятности.

В пределах рассматриваемого квалификативного смысла фактор обоснованности тоже имеет место. Предположение в этом аспекте можно условно разделить на две разновидности.

Необоснованное или слабо обоснованное предположение проявляется спонтанно, в основном в активном диалоге. Данное предположение – незакономерное, случайное, основывающееся в большей мере не на объективных данных, а на спонтанной реакции говорящего, желании расширить объем информативного материала, актуализировать те или иные аспекты речевой ситуации и т.п.: – *Ну, теперь еще две зорьки осталось... Авось, бог даст, полегчает маленько* (И. Бунин); – *Вы слышали новость, Корейко, – спросил вошедшего Ланидус-младший. – Неужели не слышали? Ну? Вы будете поражены* (И. Ильф, Е. Петров); – *Кто же напугал мирных травоядных? – спросил Каштанов. – Уж не пещерный ли медведь?* (В. Обручев). Экспликация слабо обоснованного предположения не означает, что путь развития ситуации будет повторен в иное время и при иных обстоятельствах, как и не означает того, что такое же предположение может быть сделано в схожих обстоятельствах другим субъектом. Для слабо обоснованного предположения характерно отсутствие контекстно-речевого указания на его обоснованность, предполагающую обусловленность: *Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней* (И. Бунин); *Неужель я виноват Тем, что из-за взгляда Твоего я был бы рад Вынести муки ада?* (А. Григорьев).

Сильно обоснованное предположение проявляется тогда, когда говорящий при его актуализации опирается не только на субъективные факторы, но и на частичное знание объективных условий. Последнее определяет такую степень осведомленности, которая, с одной стороны, позволяет говорящему при предположении опереться на нее, а с другой стороны, не является причиной, определившей знание условий в той мере, которая может стать основанием констатирующей уверенности в сообщаемом: – *Это, брат, хорошо. Летом-то небось вашему брату легче... – Да оно как будто послободнее. – Зимой холодно ведь, чай? – Да, холодно* (А. Аверченко); – *Будто на танцы его везу, а не в трибунал. Свихнулся, что ли? Вот было бы хорошо! Комиссовали бы – и с плеч долой* (А. Ким); “*Здорова?*” – “*Здорова*”, – *говорит. – “И выросла небось?” – Евгенья Семеновна рассмеялась и отвечает: “Разумеется, – говорит, – выросла”* (Н. Лесков). Достаточно сильно обоснованное предположение обусловлено обстоятельствами внешнего характера. Оно базируется на частичном владении объективной информацией, которая является достаточной для того, чтобы предположение выглядело вполне аргументированным, но в то же время недостаточной для того, чтобы превратиться в констатирующую характеристику события.

В тексте характерными признаками достаточно сильно обоснованного предположения являются контекстно-речевые показатели его обусловленности: *Он не сводил глаз с крыльца, – и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже*

будто бы требовал какой-то старинный обычай... (И. Бунин); – *Еще полевел!* – *Опять небось газету читал, – вскочила жена. – Говори! Читал?* (А. Аверченко); – *Почему? – раздраженно спросил новый пассажир. – Потому что они (манжеты) у вас совершенно черные. Не от грязи ли? – Вы жалкий, ничтожный человек! – быстро заявил Паниковский* (И. Ильф, Е. Петров); *Ихтиозавр, что ли? – спросил Макиеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии* (В. Обручев); – *Не думаю. Хотя если хозяин под статью своему логову...* *Думать о приятном отдыхе вряд ли придется* (В. Назаров); *Живя в отдаленном лесу, Лев едва ли знает, какая беда постигла его друзей* (А. Волков).

Выводы. Таким образом, описание функций предположительных частиц в высказываниях подтверждает гипотезу о том, что смысл «предположение» не является статичным образованием. В процессе коммуникации данный смысл характеризуется как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленной перед говорящим коммуникативной задачи. Тем не менее, фактор необходимой иерархизации, упорядочивания и систематизации кваликативных смыслов при исследовании заявленного аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место, что в перспективе представляется актуальным.

Список литературы

1. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958.

Нагорний І.А. Частки та мовленнєві суб'єктивно-модальні смисли слов'янського висловлювання // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.48-52.

Встановлюється статус імовірної кваліфікації як ментальної операції суб'єкта. Підстави і мета модальної кваліфікації в комунікативному процесі. Ієрархія мовленнєвих персуазивних смислів у реченні.

Ключові слова: частка, смисл, кваліфікація, припущення, мотивація.

Nagornyy I.A. Particle and speech subjectively modal meanings slavic statements // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.48-52.

The report explains the status of modal-persuasive cvalification as the mental operation of the subject. The foundation of cvalification are characterized here, and also the connection of the cvalification with communicative aim of a speaker. We explain the aim of persuasive cvalification and the sphere of its using.

Key words: particle, meaning that qualifications, assumptions, motivation.

Поступила в редакцию 17.03.2011 г.

УДК 811.161.1'37

БАЗОВАЯ ОСНОВА ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА РУССКОГО ЯЗЫКА

Немогай Ю. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается языковое значение, критерии отбора и формирование единиц базовой основы лексического минимума русского языка.

Ключевые слова: лексика, лексический минимум, лексическая единица, языковая компетенция.

Актуальность темы определяется спецификой коммуникативного уровня языковой личности. Современное сознание лингвистической науки, ее связь с экстралингвистическими возможностями общества определяют базовые лексические составляющие участников коммуникативного процесса, ориентируясь на полилингвальную языковую ситуацию.

Объектом исследования является базовый лексический минимум русского языка, необходимый для освоения и использования языковой личностью в зависимости от уровня подготовки.

На основе научных исследований предполагается определить условия формирования базового лексического уровня для носителей языка и для тех, кто изучает его как неродной.

Результаты научного исследования имеют прикладное значение в области теоретических возможностей языка.

Исследованием данной темы занимались Н. П. Андрюшина, В. В. Виноградов, В. В. Морковкин, Г. Ю. Богданович, Е. М. Бастрикова, Т. Ю. Новикова и др.

Русский язык – важное средство формирования языковой компетенции носителей языка и тех, кто изучает его как иностранный. Значительная роль при этом отводится созданию словарной базы, которая представляет собой открытую, трудно обозримую систему. В методических целях необходимо определить рамки наиболее актуального на определенном этапе овладения русским языком лексического материала, который включается в лексические минимумы.

Лексические минимумы служат ориентиром при определении необходимого объема лексики, подлежащей усвоению на том или ином этапе изучения.

Составители лексических минимумов должны решать ряд проблем: что принять за единицу счета, какое количество и какие именно лексические единицы следует отобразить. Традиционно единицей счёта называют графическое слово в его исходной форме. Некоторые исследователи предлагают учитывать слово в определенном значении.

При составлении лексических минимумов важными вопросами являются вопросы о текстовой базе, критериях отбора и структурировании лексических единиц. В качестве материала для отбора слов в лексические минимумы используются следующие источники: лексика учебников и учебных пособий; словари, из которых берутся наиболее употребительные русские слова, материалы толковых и частотных словарей, а также словарей синонимов, антонимов, паронимов, фразеологизмов.

В качестве критериев отбора лексических единиц выступают:

- 1) стилистическая немаркированность,
- 2) способность слова входить в словосочетания (слова с широкой лексической сочетаемостью),
- 3) семантическая ценность (слова, обозначающие часто встречающиеся предметы и явления),
- 4) высокая словообразовательная способность слова,
- 5) частотность.

Следует отметить, что отбор материала, его распределение по ступеням обучения производится на базе экстралингвистических (внелингвистических) потребностей и возможностей, с одной стороны, и интралингвистических (собственно лингвистических) данных – с другой. Потребности общения, цели и задачи обучения определяют тот объем материала, к усвоению которого надо стремиться. Возможности усвоения материала, связанные с отводимым на обучение временем, условиями и организацией обучения и прежде всего с психологическими особенностями учащихся, ограничивают рамки этого оптимального объема материала [4].

При отборе языкового материала весьма существенным фактором оказывается частотность употребления тех или иных слов. Главные возражения, как правило, строятся на непонимании возможностей статистического анализа текстов, а также на критике источников частотного исследования. Как известно, частотность языковых явлений зависит от содержания текста, на который следует ориентироваться и опираться при изучении языка. Считается, распределение по употребительности не должно обязательно означать отказа от изучения данного явления вообще, в том числе даже на первом этапе [3].

Существуют различные подходы к структурированию лексического минимума. При традиционном подходе слова расположены в алфавитном порядке (как, например, в градуальных лексических минимумах В. В. Морковкина [6]). В серии лексических минимумов для элементарного, базового, первого и второго сертификационных уровней алфавитный список слов сопровождается переводом на два-пять языков (английский, испанский, немецкий, французский, китайский) и, кроме того, в них предложен еще один способ организации лексики – объединение слов в тематические группы. Лексические единицы «сгруппированы в тематические классы, которые представляют собой центральные понятия, составляющие основу картины мира (“Человек”, “Природа”, “Абстрактные категории”))» [1, с. 24-26].

Формирование лексических минимумов не должно совершаться по принципу случайной выборки. Критериями отбора лексики должны стать частотность

употребления слова и актуальность выражаемого им понятия, принадлежность лексической единицы к определенной тематической группе, свойственной языку данной специальности, сочетаемость, словообразовательная ценность, частота речевых ситуаций в научной сфере общения, сочетаемость и вероятность использования данной лексической единицы в дальнейшей деятельности обучаемого.

Объем лексического минимума должен быть достаточным для удовлетворения коммуникативных потребностей учащихся того или иного уровня подготовки.

Главным принципом составления лексического минимума является удобство для потребителя. С этой целью целесообразно представление лексического материала в алфавитном порядке с указанием управления и иллюстрацией сочетаемости, особо следуют характеризовать фразеологизированные структуры научной речи. Лексические единицы, не имеющие формальных показателей частеречной принадлежности, должны содержать соответствующие пометы.

Кроме алфавитного списка и тематических групп, лексические минимумы содержат перечень наиболее употребительных русских имен, синонимические и антонимические пары, а также ограниченный круг лингвистических терминов, понимание которых необходимо при освоении грамматики русского языка на соответствующем этапе.

Лексический минимум дает иностранному гражданину, изучающему русский язык, четкое представление о лексической базе, которая является основой тестовых заданий. Выполняя ориентирующую функцию, лексический минимум является одним из способов повышения мотивации иностранных учащихся, изучающих русский язык в Украине и за рубежом. Лексический минимум позволяет осознать минимальный необходимый объем лексики, который им предстоит усвоить; оценить в количественном и качественном отношении динамику развития словарного запаса при переходе на более высокий уровень владения языком, обеспечивает базу, необходимую для тестирования, прохождение которого само по себе является движущим фактором в изучении русского языка.

Иными словами, отбор лексики для лексического минимума определяется целым рядом условий, важнейшими из которых являются:

- соответствие целям обучения и требованиям учебной программы, т.е. необходимо иметь точную цель обучения, точно знать, "какому языку" вы собираетесь обучать;
- лексический минимум для начального уровня должен содержать наиболее продуктивную и наиболее репрезентативную лексику с точки зрения словообразовательных моделей;
- лексический минимум должен отражать национально-культурную специфику как страны изучаемого языка, так и страны изучающего этот язык.

Например, обучение русскому языку в Крымском регионе представляет собой весьма нестандартное явление. Большинство населения говорит и думает на русском языке, являющимся традиционно языком межнационального общения и коммуникации на этой территории. Поэтому лексический минимум – многофункциональный компонент крымской системы образования, который требует

более глубокой теоретической разработки (в частности, поиска наиболее объективных и методически целесообразных критериев отбора лексических единиц, решения вопроса о возможных способах структуризации материала).

Выводы. Таким образом, составление лексических минимумов имеет важное методическое значение при формировании языковой компетенции учащихся. Тексты, а также иные языковые элементы из учебных материалов по русскому языку должны содержать лексику, соответствующую по качественным и количественным характеристикам определению лексического минимума, который четко определен и существует как материальная основа формирования и контроля лексических навыков учащихся.

Список литературы

1. Андриюшина Н. П. Лексические минимумы в системе тестирования по русскому языку как иностранному / Н. П. Андриюшина // Преподаватель. – М., 1998. – Вып. 4 (6). – С. 24-26.
2. Балашова И. Г. О коммуникативно-культурологической концепции обучения украинско-русско-крымскотатарский тематический словарь / И. Г. Балашова, Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2002. – № 44. – С. 162-167.
3. Бастрикова Е. М. Проблемы создания лексических минимумов при обучении языку специальности / Е. М. Бастрикова // Труды и материалы: [в 2 т.] – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 127-128.
4. Богданович Г. Ю. Устойчивые выражения как явление межкультурной коммуникации / Г. Ю. Богданович // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2006. – Т.1 (82) – С. 28-31.
5. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании: [учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному] / В.В. Морковкин. – М.: Русский язык, 1986. – С. 109.
6. Морковкин В. В. Лексические минимумы современного русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1985. – С. 99-104.
7. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1989. – С. 88-91.

Немогай Ю. В. Базова основа лексичного мінімуму російської мови // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.53-56.

У статті розглядається мовне значення, критерії відбору та формування одиниць базової основи лексичного мінімуму російської мови.

Ключові слова: *лексика, лексичний мінімум, лексична одиниця, мовна компетенція.*

Nemogay Y.V. Basis of lexical minimum russian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.53-56.

The article considered a linguistic value, criteria of selection and forming of units of basis of lexical minimum of russian language.

Key words: *lexis, lexical minimum, lexical unit, linguistic competence.*

Поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 81'367.4

СЛОВО КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ «ПРЕДМЕТНОСТЬ», «ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА», «ЧИСЛО И КОЛИЧЕСТВО»

Нуреева И. И.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассмотрены специализированные и неспециализированные средства выражения языковых смыслов «предметность», «признак предмета» и «количество и число». Автор показывает их роль и соотношение в системе ономаσιологических единиц русского языка.

Ключевые слова: *языковой смысл; предметность, признак предмета, количество и число; категоризатор языкового смысла; ономаσιологические средства выражения.*

Семантика как один из ведущих разделов языкознания получила активное развитие во 2-й половине XX века. На первом этапе основное внимание уделялось семасиологии, то есть исследованию знака (слова) от формального выражения к содержанию (значению слова). В последние 20–30 лет в русистике произошло переключение внимания на ономаσιологию, изучающую язык в направлении от значения к знаку. Переход к ономаσιологии является естественным продолжением семантических исследований, он стал возможным после накопления определённого объёма семасиологических знаний. Именно это направление получило развитие в коммуникативной, функциональной лингвистике и в наибольшей степени – в теории языковых смыслов, современный вариант которой предложен Н.Ю. Шведовой (работы 1995, 1998 годов) и популяризирован Ю. Л. Воротниковым. В наше время он активно разрабатывается Е. Н. Сидоренко и её учениками. Евдокия Николаевна уточнила количественный состав языковых смыслов, углубила теорию местоименных категоризаторов, разработала типологию единиц именования, выражающих языковые смыслы. Мы учитываем достижения всех лингвистов, работающих над проблемами языковых смыслов, но за основу принимаем идеи Е. Н. Сидоренко. Языковой смысл мы рассматриваем как самое общее универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических, объединённых в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заменителями – лексиями). Вслед за автором мы выделяем 13 языковых смыслов, которые, как и любое сложное лингвистическое явление, имеют ряд дифференциальных признаков.

Каждый языковой смысл обслуживается системой ономаσιологических средств его выражения, в число которых входит 1) слово; 2) предложно-падежная форма;

3) словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову; 4) лексия; 5) фразовый номинант. Слово (п. 1) можно назвать синтетической ономасиологической единицей; остальные единицы именованья (п. 2–5) – расчленёнными, имеющими свои собственные особенности [3, с. 42].

Важнейшим критерием выделения языковых смыслов является, как совершенно справедливо определила Н. Ю. Шведова, наличие местоименного категоризатора. По мнению автора, категоризатором являются все местоимения. С Натальей Юльевной не соглашается Е. Н. Сидоренко, рассматривающая в качестве категоризатора языковых смыслов только вопросительные местоимения: «именно они противопоставлены всем «ответным» формам и в наиболее чистом, концентрированном виде выражают энергетiku языкового смысла. Местоимения других семантических разрядов имеют дополнительную семантику неопределённости, указания, отрицания, обобщения с выделением, которая “размывает” значение, затрудняет его выделение. При этом каждому языковому смыслу не обязательно соответствует один категоризатор, их может быть несколько. В качестве местоименных категоризаторов могут выступать только стилистически нейтральные вопросительные прономинативы в основном значении (если слово полисемично или представляет собой омоним)» [3, с. 32]. Нам представляется убедительной последняя точка зрения.

Основной единицей именованья является знаменательное слово. Служебные части речи (предлог, союз) в ономасиологии изучаются только в составе расчленённых единиц именованья: предложно-падежной форме, фразовом номинанте.

Целью настоящей работы является изучение особенностей русских знаменательных слов, обслуживающих языковые смыслы «предметность», «признак предмета», «число и количество» в ономасиологическом аспекте. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать слово как основную ономасиологическую единицу;
- 2) выявить закрепление лексико-грамматических классов слов за определёнными языковыми смыслами;
- 3) показать особенности использования слова для выражения трёх языковых смыслов: «предметность», «признак предмета», «число и количество».

Объектом исследования являются ономасиологические средства выражения языкового смысла.

Предметом исследования является знаменательное слово как основное средство выражения языковых смыслов «предметность», «признак предмета», «число и количество».

Актуальность. Теория языковых смыслов базируется на серьёзных наработках в области теории ономасиологии, некоторых типов расчленённых единиц именованья, обладает высокой методологической ценностью, опирается на понятийные категории, в которых отражено соотношение языка и мышления. Её направленность от «значения – к средствам выражения» позволяет уйти от «словоцентризма», показать разнообразный и чрезвычайно содержательный мир расчленённых ономасиологических единиц. Теория языковых смыслов, основываясь на

достижениях семасиологии, переводит их в план ономаσιологических исследований.

Методы и приёмы исследования определяются спецификой материала, а также целями и задачами его изучения. В работе использованы описательный метод; дистрибутивный метод, изучающий совокупность всех окружений, в которых данная языковая единица встречается, обеспечивший контекстуальное исследование знаменательного слова; контекстологический метод, служащий основанием для определения конкретного лексического значения; статистические подсчеты для определения процессов пополнения языковых смыслов при помощи «ухода» различных частей речи в чужие языковые смыслы. В этой связи при изучении слова как ономаσιологической единицы возникает необходимость ввести разграничение *специализированного и неспециализированного* выражения языковых смыслов.

Представляя слово как ономаσιологическую единицу, мы рассматриваем его прежде всего как «словарное слово», то есть слово, выступающее в толковых словарях в качестве заголовочного в соответствующих словарных статьях. При этом изменяемое слово должно находиться в начальной форме (для имени существительного – это именительный падеж единственного числа, для имени прилагательного и категориально и грамматически соотносительного с ним местоимения – именительный падеж единственного числа мужского рода, для имени числительного – именительный падеж единственного числа, для глагола – инфинитив). В то же время как для изменяемого, так и для неизменяемого слова очень важным является употребление его в роли морфологизованного члена предложения – закреплённой за ним первичной функции, когда категориальное значение слова совпадает с категориальным значением языкового смысла. В этом случае мы говорим об использовании слова как специализированного средства выражения языкового смысла. Морфологизованными членами предложения для имени существительного являются подлежащее и дополнение, для имени прилагательного – согласованное определение, глагола – сказуемое, наречия – обстоятельство, безлично-предикативного слова – главный член односоставного предложения. Морфологизованные члены предложения для местоимения определяются по их категориальной соотносительности. Количественные числительные употребляются, как правило, не самостоятельно, а в качестве компонента сочетания с именем существительным. Необходимость использования понятия «морфологизованный член предложения» возникла в связи с тем, что именно в этом случае знаменательное слово выполняет предназначенную ему роль основного выразителя того или иного языкового смысла. При использовании его во вторичной функции вместе с синтаксическим происходит семантический сдвиг, слово передвигается в другой языковой смысл, на его окраину, помогая выразить его в качестве функционального заменителя отсутствующей ономаσιологической единицы или – при наличии таковой – выступая в качестве синонимичной ей, например, в сочетании *изба лесника* имя существительное выражает не предметность, а признак предмета, заменяя менее употребительное или по каким-либо причинам менее желательное использование притяжательного прилагательного

лесникова. В этом случае мы говорим о неспециализированном выражении языкового смысла.

Опираясь на понятие «специализированного» и «неспециализированного» средства выражения языковых смыслов, введённое в научный обиход Е. Н. Сидоренко [3], рассмотрим особенности выражения на словном уровне трёх языковых смыслов: «предметности», «признака предмета» и «количества и числа».

Языковой смысл «предметность» в русском языке представлен именами существительными и местоимениями, категориально соотносительными с ними. Категоризаторами этого языкового смысла являются вопросительные местоимения **кто?** и **что?**; прономинальное наполнение его составляют два местоименных ряда: **кто?** – *тот, этот, я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, себя, никто, кто-то, кто-либо, кто-нибудь, некто, кое-кто, всякий, любой, другой, иной, каждый*; **что?** – *то, это, он, они, ничто, что-то, что-либо, что-нибудь, нечто, кое-что, всё, всякое, любое, другое, иное, каждое*.

Основное вербальное содержание языкового смысла «предметность» составляют имена существительные, прежде всего их костяк – субстантивы (*книга, доброта, дуб, источник, сливки* и под.) и субстантиваты, образованные путём перехода из других частей речи (*мостовая, парадное, учёный, командующий* и др.).

Неспециализированными средствами выражения языкового смысла «предметность» является небольшое количество слов, прежде всего – инфинитив в позиции подлежащего и дополнения (*Куришь* – здоровью вредить), частично – собирательные числительные (*Семеро одного не ждут*).

Богато представлен языковой смысл «признак предмета». Его обслуживают имена прилагательные качественные (*синий*), относительные (*стеклянный*), притяжательные (*лисий*), порядковые (*девятый*); прономинативы местоименных рядов **какой?** (*такой, никакой* и др.), **чей?** (*ничей, чей-то, мой* и др.), **который?** (*седьмой, девяносто девятый* и под.). По отношению к порядковым словам чаще всего используют вопрос **какой?** (*Брат учится в девятом – каком?, а не которым? классе*), но возможно и равнозначное употребление их (*Младшему брату девятый год – который? и какой?*). Случаев, когда допустимо использование только вопроса **который?**, нами не выявлено.

Особое место в системе ономаσιологических средств выражения языкового смысла «признак предмета» занимают причастия. Они, как и имена прилагательные, называют признак предмета, но, в отличие от них, – *признак по действию*, т.е. признак предмета действующего или действовавшего, испытывавшего или испытывающего действие. В роли категоризатора в абсолютном большинстве случаев выступает местоимение **какой?** (*работающий, работавший мотор – какой?*), но в редких контекстах на первое место выходит категоризатор **что делающий?, что (с)делавший?**, например: *ветер, гнавший пыль по улице; мальчик, присевший на край причала*.

По отношению к кратким причастиям прошедшего времени страдательного залога вопросы в большинстве случаев отсутствуют: *Не так давно в Мурманске были устроены первые олени бега* (К. П.). *Поиски пробковых деревьев начаты недавно* (К. П.).

Неспециализированными средствами выражения языкового смысла «признак предмета» выступают наречия [1, с. 392]. Определения, выраженные наречиями, обозначают признак предмета, характеризуя его в отношении качеств, направления, времени, образа и способа действия. Например: *прогулка верхом, рубаха навывпуск, яйца всмятку*.

Особую группу составляют количественные числительные, выражающие языковой смысл «количество и число». При этом число мы понимаем как величину, при помощи которой производится счёт в математике (*Пять во второй степени равно двадцати пяти*), а количество – как мерную характеристику чего-либо, кого-либо; в этом случае за ним следует имя существительное (*пять аудиторий, девятнадцать слушателей*). В первом случае местоименным категоризатором может служить не *сколько?*, а *что?* (равно *чему?* – двадцати пяти). Во втором случае на первое место выходит *сколько?* (*Для занятий в первую смену факультету нужно двадцать аудиторий – сколько аудиторий?*). При уменьшении значения количества в определённых контекстах всё сочетание рассматривается как единое целое и к нему может быть использован вопрос *кто?*: *Шум на улице создавали два щенка*.

Изучение русского знаменательного слова в ономаσιологическом аспекте на материале трёх языковых смыслов позволило сделать следующие *выводы*.

1) За каждым языковым смыслом исторически закрепились слова определенных частей речи, например: за языковым смыслом «предметность» – имена существительные и категориально соотносительные с ними местоимения; за языковым смыслом «признак предмета» – имена прилагательные и соответствующие местоимения, а также причастия; за языковым смыслом «число и количество» – количественные и собирательные имена числительные.

2) Слова разных знаменательных частей речи могут быть использованы как специализированные и неспециализированные средства языковых смыслов. Специализированными средствами они являются в тех случаях, когда они выполняют роль морфологизованных членов предложения: для имени существительного это роль подлежащего и дополнения; для имени прилагательного – определения.

3) Неспециализированные средства выражения языковых смыслов свидетельствуют об асимметрии языкового знака, о смещении языковых средств в сторону «чужих» языковых смыслов и их поглощении.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык : (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Сидоренко Е. Н. Функциональная ономаσιология и проблемы развития современной лингвистики / Е. Н. Сидоренко // Функциональная лингвистика: Итоги и перспективы. Материалы конференции. – Ялта, 2002. – С. 243–245.
3. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения: монография / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 128 с.
4. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1995. – 120 с.; табл. 10.

Список условных сокращений

К. П. – Константин Паустовский

Нуреева И. И. Слово як основний засіб вираження мовних змістів «предметність», «ознака предмета», «число та кількість» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.57-62.

У статті розглянуто спеціалізовані та неспеціалізовані засоби вираження мовних змістів «предметність», «ознака предмета» і «кількість і число». Автор показує їх роль і співвідношення в системі ономазіологічних одиниць російської мови.

Ключові слова: мовний зміст; предметність, ознака предмета, кількість і число; категоризатор мовного змісту; ономазіологічні засоби вираження.

Nureeva I. I. The word as basic means of the expression of language meanings “objectivity”, “feature of the subject”, “number and quantity” // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.57-62.

The specialized and unspecialized means of the expression of language meanings “objectivity”, “feature of the subject” and “number and quantity” are considered in the article. The author emphasizes their role and interrelation in the system of onomasiologic units of the Russian language.

Key words: language meaning, objectivity; feature of the subject, number and quantity; categorizer of language meaning; onomasiologic means of expression.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.1'33:659.148

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА МУЖСКУЮ И ЖЕНСКУЮ АУДИТОРИЮ

Семиколенова Е.И., Каширина М.М.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Использование разнообразных приёмов языковой игры более характерно для рекламы, предназначенной для мужской аудитории. Часто в результате такой игры возникают двусмысленности и намеки сексистского характера, что является следствием совмещения разных значений многозначного слова.

Ключевые слова: *реклама, языковая игра, трансформация фразеологизма, полисемия, паронимазия, метафора.*

Важное место в массовой культуре занимает телевизионная реклама. Её главная цель – заставить человека купить товары или услуги, поэтому она должна привлекать внимание как можно большего числа людей (разного возраста, социального положения, образования, даже чувства юмора). Эту функцию выполняют приемы языковой игры. Чем они ярче и необычнее, тем более сильное впечатление могут производить на потребителя.

Объектом исследования стали 378 рекламных роликов, демонстрирующихся на украинских и русскоязычных телевизионных каналах Украины.

Цель исследования – выявить, какие приёмы языковой игры используются в телевизионной рекламе, ориентированной на мужскую и женскую аудиторию.

Впервые термин «языковая игра» был употреблен австрийским философом Л. Витгенштейном. По его мнению, вся человеческая речевая деятельность, и даже отчасти деятельность неречевая, есть совокупность языковой игры. В современной лингвистике термин «языковая игра» определяется по-разному. Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова понимают языковую игру как «явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)» [6, с. 172]. Это определение многие лингвисты считают слишком широким, так как под него попадает вся художественная литература. Например, В.З. Санников утверждает, что языковая игра «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [11, с. 15]. В энциклопедические и толковые словари термин «языковая игра» не включен [2, 3, 4]. Однако в них есть статья «игра слов», что трактуется как «каламбур, использование многозначности

(полисемии), омонимии или звукового сходства слов, зачастую с целью достижения комического эффекта» [4, с. 211]. С другой стороны, термин «каламбур» определяется как «игра слов, использование многозначности (полисемии), омонимии или звукового сходства слов с целью достижения комического эффекта» [4, с. 815]. На наш взгляд, статьи носят взаимоотсылочный характер и нуждаются в дальнейшем уточнении.

В нашем исследовании мы опираемся на определение, данное в Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи»: «Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/ речеповеденческой/ логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [7, с. 802].

Выделяют такие приёмы языковой игры, как сопоставление омонимов, созвучие слов в узком контексте, разрушение и переосмысливание устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и прецедентных высказываний, полисемия, явления паронимии, использование метафор и т.п. [7, с. 801]

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в телевизионной рекламе приёмы языковой игры.

Метафора – «способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии» [7, с. 324]. Метафора возникает при сопоставлении объектов, принадлежащих к разным классам. Она «отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он входит, и включает его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании» [1, с. 35]. Взаимодействие с двумя различными классами объектов и их свойствами создает основной признак метафоры – ее двойственность. Именно это помогает создателям рекламы выгодно обыграть предлагаемый товар и привлечь к нему больший интерес. Например, в рекламе автомобилей, ориентированной на женщин, используются метафоры, которые связаны с одеждой, женскими аксессуарами:

5) **«машина как часть гардероба»:** *«Всегда мечтала о белом автомобиле в моём гардеробе»;*

6) **«машина как гигантская сумка»:** *«Признайтесь, ваша машина – это гигантская сумка. Быстрая и мощная, но всё равно сумка. Разве не должен ваш самый большой аксессуар источать стиль? Почему бы не заскочить в выставочный зал Тойота и не примерить цвет «Серебристый кристалл». Если вам это не подходит, то у нас есть ещё четыре потрясающих цвета, от которых можно «охать» и «ахать». И, как и самые лучшие сумки, она имеет стильный внутренний дизайн, который наполнен мелочами, без которых вы не сможете обойтись. Сегодня. Завтра. Всегда. Тойота».*

Паронимия – «стилистическая фигура, состоящая в преднамеренном смысловом сближении, соположении, а иногда и противопоставлении однокоренных слов – паронимов, а также в установлении окказиональных (случайных, не соответствующих принятому употреблению) смысловых связей между близкозвучными словами, не обнаруживающими этимологического сходства».

Парономазия придает дополнительную выразительность характеристикам, которые содержатся во фрагментах текста, «чем неожиданнее соединение слов, входящих в парономастическую пару, тем она ярче, тем большее впечатление производит на читателя или слушателя» [7, с. 453].

Этот прием встретился в рекламных роликах, которые ориентированы на мужскую аудиторию.

Таблица 1. Парономазия как прием языковой игры в рекламе

Рекламируемый товар	Слоган	Значение паронимов
Автомобиль	<i>«Русская <u>гончая</u> или <u>гоночный</u> велосипед? Возьмите с собой и то, и другое! Ведь с новым Opel Meriva не придётся идти на компромисс»</i>	ГО́НЧИЙ, -ая, -ее. Быстрый в беге, приученный гнать зверя (о породе охотничьих собак). Гончая собака. в знач. суц. гончая, -ей, ж. ГОНОЧНЫЙ, -ая, -ое. Предназначенный для гонок.
	<i>«<u>Лётное</u> снаряжение или <u>улётная</u> компания? Возьмите с собой и то, и другое! Ведь с новым Opel Zafira не придётся идти на компромисс»</i>	ЛЁТНЫЙ, -ая, -ое. 1. Относящийся к полету (летательных аппаратов). Предназначенный для полета, используемый в полете. УЛЁТНЫЙ, -ая, -ое. рахг. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению, веселый.

Наиболее часто в рекламных слоганах используется прием **трансформации фразеологизмов** – «приём, состоящий в изменении структуры или семантики фразеологизмов с целью усиления выразительности (эмоционального воздействия), а также для достижения стилистического эффекта, чаще всего – комического» [7, с. 737]. Он применяется в рекламе, рассчитанной как на женскую, так и на мужскую аудиторию.

Таблица 2. Трансформация фразеологизмов в рекламе для женщин

Рекламируемый товар	Слоган	Исходный фразеологизм
Моющие средства	<i>«Твой дом – в твоих руках!»</i>	<i>«Все в твоих руках» [10]</i>
Косметика	<i>«Не теряя времени – теряй годы!»</i>	<i>«Терять (тратить) время» [10]</i>
Мобильная связь	<i>«Где наша не пополнялась!»</i>	<i>«Где наша не пропадала» [10]</i>

Таблица 3. Трансформация фразеологизмов в рекламе для мужчин

Рекламируемый товар	Слоган	Исходный фразеологизм
Недвижимость	«Рабочее место под солнцем»	«Место под солнцем» [10]
	«Кто первый встал, того и лапты! Первый дом в районе со своим бассейном»	Двойная трансформация: «Кто рано встает, тому Бог подает» [10] – «Кто первый встал, того и тапки»
	«Даже лосю ясно, где дом покупать лучше. На границе с национальным парком «Лосиный остров»	«(И) ежу понятно (ясно)» [10]
	«Ваши желания – в ваших руках»	«Все в ваших руках!» [10]
Автомобиль	«Renault предупреждает: Комфорт полезен для Вашего здоровья»	«Минздрав предупреждает: курение вредит вашему здоровью»
	«Chevrolet плюс достижимый идеал. Истинное удовольствие, когда автомобиль удовлетворяет вашим потребностям и подчёркивает ваши возможности»	«От каждого по способностям, каждому по труду»
Банковские услуги	«Кредит – друг человека»	«Собака – лучший друг человека»
	«В деньгах счастье»	«Не в деньгах счастье» [10]

Прием трансформации фразеологизмов чаще используется в рекламе для мужской аудитории – 7, в то время как для женской – 3. Содержание роликов также различно: для женщин рекламируются моющие средства, косметика, мобильная связь, для мужчин – автомобили, недвижимость, банковские услуги.

Многозначность лексических единиц как прием языковой игры встречается только в роликах, ориентированных на мужскую аудиторию. Использование этого приема приводит к тому, что в словах намеренно совмещается два значения, ибо «слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [5, с. 21].

Таблица 4. Многозначность как прием языковой игры

Рекламируемый товар	Слоган	Совмещенные значения слов
Банковские услуги	«Кредит быстрого приготовления!»	ПРИГОТОВЛЕНИЕ, -я, ср. 1. (сов. приготовить) что. Делать годным для чего-н. Приготовление документов. 3. (сов. приготовить и сготовить) что и без доп. Изготавливать кушанья, стряпать.
	«Ипотека: готовим вместе. У каждого дома свой рецепт»	ГОТОВИТЬ, -влю, -вишь; несов., перех. 1. (сов. приготовить). Приводить что-л. в годное к употреблению или использованию состояние. Готовить документы. 3. (сов. приготовить и разг. сготовить) также без доп. Приготавливать кушанья; стряпать.
	«Стабильный курс. Держит курс на успех»	КУРС, -а, м. 1. Направление движения, путь. 2. Цена денежной единицы одной страны, выраженная в денежных единицах другой страны.
Пиво	«Утоли им жажду. Жажду импровизации»	ЖАЖДА, -ы, ж. 1. Желание, потребность пить. 2. перен.; чего или с неопр. Сильное, страстное желание чего-л.
Автомобиль	«Топ-модели доступны»	Эффект двусмысленности создают оба компонента: ТОП-МОДЕЛЬ – 1. женщина, работающая моделью и которая достигла высшего профессионального уровня. 2. перен. автомобиль высшего класса. ДОСТУПНЫЙ, -ая, -ое; -пен, -пна, -пно. 2. Такой, который подходит для многих, для всех (благодаря невысокой цене, широкой известности, распространенности и т. п.). 4. Легко допускающий к себе; Доступная женщина – женщина легкого поведения, нестрогих нравов.
	«Заведи любимую»	Эффект двусмысленности создают оба компонента: ЗАВЕСТИ, -веду, -ведёшь. 6. кого-что. Приобрести, обзавестись чем-нибудь 8. Привести в действие механизм чего-л.; привести в движение. Возможно и другая интерпретация, например, завести – привести в состояние сексуального возбуждения. ЛЮБИМАЯ – 1. о любимой женщине; 2. о машине.

В «многосмыслие» языковой игры могут включаться и сексистские намёки или смыслы. Создателями рекламы, к сожалению, это делается намеренно.

Таблица 5. Совмещение смыслов как прием создания сексистской рекламы

Рекламируемый товар	Слоган	Возникающие ассоциации
Автомобиль	<i>«Нельзя не заметить и нельзя не желать. Не откладывайте встречу»</i>	нельзя не заметить машину/женщину желать машину/женщину с машиной/с женщиной
	<i>«Приручи и наслаждайся!»</i>	приручи машину/женщину наслаждайся машиной/женщиной
	<i>«Достойна быть Вашей»</i>	машина/женщина
Автомобильная сигнализация	<i>«Она теперь может спать одна!»</i>	машина/женщина
Тротуарная плитка	<i>«Ляжет, как миленькая»</i>	плитка – женщина

В результате исследования можно сделать следующие *выводы*. С одной стороны, использование приёмов языковой игры более характерно для рекламы, ориентированной на мужскую аудиторию. По-видимому, создатели рекламы считают, что мужская аудитория более требовательна и более готова к языковой игре. С другой стороны, результатом такой игры являются двусмысленности, намеки сексистского характера. Женщина в них ассоциируется с предметом, вещью, сексуальным объектом. Такие рекламные ролики нарушают статью 8 Закона Украины «О рекламе», согласно которой запрещено размещать рекламу, в которой содержатся «утверждения, являющиеся дискриминационными по признакам происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола...» [8, с.144]. Такой запрет может стать результатом как государственного, так и общественного контроля. Но многое зависит и от культуры, мировоззрения, моральных ценностей самих создателей рекламы.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь (гл. ред. В.Н.Ярцева). – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов/ О. С. Ахманова // – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 1998. – 1536 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): [учеб. пособие – 3-е изд., испр.] / В.В. Виноградов // – М.: «Просвещение», 1986. – 609 с.
6. Земская Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1983. – 321 с.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
8. Мы разные – мы равные. Основы культуры гендерного равенства: [учебное пособие для учеников 9-12 классов общеобразовательных учебных заведений] / Под ред. Е.И. Семиколеновой. – К.: К.І.С., 2008. – 176 с.
9. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 251 с.
10. Русский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glossword.info/index.php/index/6-russkij-frazeologicheskij-slovar-.xhtml>
11. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / [ред. А. П. Евгеньева] – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

Семиколенова О. І., Каширіна М. М. Мовна гра як прийом телевізійної реклами, орієнтованої на чоловічу та жіночу аудиторію // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.63-69.

Використання різноманітних прийомів мовної гри більш характерне для реклами, призначеної для чоловічої аудиторії. Часто в результаті такої гри виникають двозначності і натяки сексистського характеру, що є наслідком суміщення різних значень багатозначного слова.

Ключові слова: *реклама, мовна гра, трансформація фразеологізму, полісемія, паронимазія, метафора.*

Semikolenova E., Kashirina M. The language game as reception of the TV advertizing focused on man's and female audience // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.63-69.

Usage of various methods of language games is more typical for the advertising intended for male audience. Ambiguities and sexist allusions are often appeared as a result of this game, which is the consequence of combining different meanings of the same word.

Key words: *advertising, language game, transformation idiom, polysemy, paronomasia, metaphor.*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1'366.55

ЦЕННОСТНЫЕ ЗНАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ КОМПАРАТИВА

Семиколенова Е.И., Чабаненко Т.С.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь,
Украина

Статья посвящена исследованию семантики компаратива. Наблюдения показывают, что исходным признаком для сравнения становятся реалии, которые являются сакральными, витальными, социальными, моральными ценностями. Эти культурные феномены и их признаки закреплены в сознании носителей языка и влияют на значение компаратива.

Ключевые слова: компаратив, признак, значение, ценности, концепты.

На протяжении столетий компаратив (сравнительная степень имени прилагательного и наречия) привлекает внимание лингвистов разных поколений и школ. Сравнительная степень имени прилагательного и наречия становилась предметом рассмотрения в работах М. Смотрицкого, А. Востокова, А. Пешковского, В. Виноградова, А. Гвоздева, А. Шапиро. Однако до сих пор вопрос о значении компаратива и его месте в грамматике остается открытым.

Традиционно считается, что компаратив выражает увеличение признака по сравнению с прилагательным или наречием в исходной форме: *сильный* → *сильнее*, *красивый* → *красивее*. Этот взгляд отражен в Русской грамматике (1980), лингвистических словарях, школьных и вузовских учебниках. Но ряд исследователей (А. Гвоздев, Е. Кржижкова, Ю. Воротников, Ю. Князев, Е. Семиколенова) отмечает, что компаратив может указывать на усиление признака не только по сравнению с исходным (*стена твердая* → *скала тверже*), но и с противоположным ему (*мягкий пирог* → *стал тверже*). На это свойство компаратива обратил внимание Ю. Воротников. Он приходит к выводу, что вопрос о том, «какой именно признак приписывается носителям – обозначенный корневой морфемой компаратива или обозначенный антонимом, – часто остается без ответа» [5, с. 222].

Таким образом, у компаратива целесообразно выделить три значения: 1. Признак, более интенсивный по сравнению с исходным: *Мануил кричал громко, а Яков еще громче* (В. Нарезный). 2. Признак, более интенсивный по сравнению с противоположным: *Стукнул, сначала довольно тихо, медной скобою в толстую дубовую дверь: ответа не было; я застучал громче: никто не шевелился в целом доме* (М. Загоскин). 3. Признак, исходный для сравнения, определить невозможно: *Музыка стала громче*. В подобных случаях информации недостаточно для того, чтобы определить, какой музыка была раньше: громкой (*громкая* → *громче*) или тихой (*тихая* → *громче*) [10].

Исследования показали, что в речи подобная грамматическая многозначность преодолевается с помощью как внеязыковых знаний, так и языковых средств.

К внеязыковым знаниям следует отнести информацию об объектах и их признаках, которые закреплены в языковом сознании носителей языка, т.е. являются общеизвестными и общепризнанными. Прежде всего это реалии, которые отражают сакральные, нравственные, социальные и иные ценности.

Цель статьи – изучить, какие значения компаратива формируются в языковом сознании носителей языка под влиянием ценностных знаний.

Культура каждого народа включает определенный круг понятий, обозначающих нравственные идеалы, принятые в данном обществе и имеющие моральную, социальную, религиозную ценность. А. Коршунов дает следующее определение ценности: «Ценность есть положительная значимость или функция тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека» [9, с. 107-108]. Ценности формируют ядро концептов. По определению Ю. Степанова, концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [12, с. 43]. В. Карасик называет 3 компонента концепта: образный, понятийный и ценностный; последний исследователь считает определяющим «для того, чтобы концепт можно было выделить» [8, с. 8]. В зависимости от того, какая ценность лежит в основе той или иной культурной реалии, целесообразно рассматривать сакральные, витальные, моральные и социальные концепты. Во многих текстах они становятся отправной точкой для сравнения, выраженного формой компаратива. Наиболее часто это:

Сакральные ценности.

Жизнь. Как отмечает Г. Ивина, «оценка жизни, как и смерти, – едва ли не центральная мировоззренческая тема и для научного, и для обыденного сознания» [7]. Для русской языковой картины мира, по мнению О. А. Ипатовой, характерно «амбивалентное отношение к ‘жизни’» [1, с. 368]: чаще ее оценивают положительно, реже – как нечто тяжелое, приносящее горе. Национальный образ мышления отражается в концептуальных метафорах, в которых жизнь представляется весьма разнообразно: как книга, ресурс, путь, доброжелатель, учитель, судья и др. Ей присущи признаки: важная, дорогая, драгоценная.

Жизнь – важна: *Художественный образ был для него всегда **важнее жизни*** (Н. Воронель); *Все это было неважно, а важно было другое, и с Юрой она впервые почувствовала это «другое» так ясно, что оно стало для нее **важнее жизни*** (А. Берсенева); *В одном из ответов прозвучала кощунственная, на мой взгляд, фраза: «Долг и честь **важнее жизни**»* («Известия», 2002.04.09).

Жизнь – дорога: *О да... Зося для меня была **дороже жизни*** (Д. Мамин-Сибиряк); *Лечили несколько месяцев, денег перевели пропасть, а кончилось дело кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была **дороже жизни** и всего завода* (Д. Фонвизин); *Да помилуйте, Семен Иванович, за кого же вы меня считаете, моя репутация **дороже жизни**, что обо мне скажут?* (А. Герцен).

Жизнь – драгоценна: *Ее спокойствие для меня **драгоценнее жизни*** (В. Нарезный); *Чулки **драгоценнее жизни** людской* (Р. Штильмарк).

Смерть. В культуре многих народов жизнь неразрывно связана со смертью. Л. Грузберг приходит к выводу, что в русском языковом сознании сложились два разных представления о смерти, которые вместе формируют соответствующий концепт: с одной стороны, «представление о ней как о явлении угрожающе-ужасном», а с другой – «смерть открывает врата вечности, она торжественно-

возвышенна, сакральна» [6]. О трагичности смерти пишет О. Вовк: «каждого человека, как и всякое живое существо на свете, где-то впереди ожидает трагическое, неведомое и неотвратимое событие, имя которому – смерть» [3, с. 48]. Признаки смерти: неведомая, неотвратимая, верная, страшная, ужасная.

Смерть – неизбежна, неотвратима (верная): *Дело было вернее смерти и обещало страшные барыши* (Д. Мамин-Сибиряк); *Да верно ли ты вызнал-то, Савельюшко? – Да уж вернее смерти...* Дока на все Ардальон Павлыч и правильный документ с Поликарпа взял (Д. Мамин-Сибиряк); *Вот счастливица-то у нас на разделе, стоит только задумать ей: хочу этого – и вернее смерти достанется это* (И. Панаев).

Смерть – страшна: *И это молчание было страшнее смерти* (А. Серафимович); *Может, это ей страшнее смерти – узнать то, что она хочет узнать* (А. Битов); *Кипренский не знал, да и не мог знать, что слава для таких людей, как он, – страшнее смерти* (К. Паустовский); *Ушедшая из жизни любовь может оказаться пострашнее смерти* (Г. Щербакова).

Смерть – ужасна: *Если Провидение пощадит меня; если не случится того, что для меня ужаснее смерти...* займусь Историею (К. Сербинович); *И потому не говорю: возвратите его святым его обязанностям, – напоминаю только гибель любимого человека, твержу только: спасите его от плахи и унижения, которое для него еще ужаснее смерти* (И. Лажечников); *Игорь отвечал: «Мы будем осмеяны, когда, не обнажив меча, возвратимся; а стыд ужаснее смерти»* (Н. Карамзин).

Смерть – самое плохое, что может быть: *На этот счет мы имеем в самой драме страшное свидетельство, говорящее нам, что жить в «темном царстве» хуже смерти* (Н. Добролюбов); *Такие приливы крови делаются к голове, что того и жду, что с ума сойду, а это хуже смерти для меня...* (А. Писемский); *Это не смерть, но может быть – это хуже смерти* (С. Лукьяненко).

Во многих текстах *жизнь* и *смерть* противопоставлены друг другу, но особым образом. Это выражается в следующих конструкциях:

Лучше смерть, чем ...

Лучше смерть в борьбе, чем жизнь в неволе! (А. Фадеев); *Лучше гибель, но со славой, Чем бесславных дней позор* (Ш. Руставели); *Лучше смерть, чем жить в рабстве и потерять свое* (Ф. Гладков).

В подобных текстах смерти придается большая общественная значимость. Героическая смерть в борьбе за свободу, против рабства, неволи, ради жизни других людей становится наивысшей ценностью. Как отмечает Ю. Боров, в искусстве разных народов проявляется закономерность, согласно которой «трагическая гибель оборачивается воскресением, а скорбь – радостью» [2, с. 74]. С такой позиции смерть *торжественно-возвышенна*. Это трагический и всепобеждающий финал борьбы за высокие нравственные идеалы, которые ценятся выше жизни.

Лучше смерть, чем такая жизнь:

– *Лучше смерть, чем такая жизнь*, – отвечает Пятихвост и беспечно машет рукой (В. Войнович); *Он впустился в роскошь, нажил много долгу и должен или умереть в тюрьме, или заключен быть вечно дома с своими родителями, чему предпочтет он лучше смерть, нежели такую скучную жизнь* (Н. Новиков); *Лучше*

голодная смерть, лучше смерть от хищных зверей, чем такая жизнь! (В. Дорошевич).

Такая жизнь хуже смерти:

И очень скоро, уже по дороге домой, Тим почувствовал, что такая жизнь хуже смерти (В. Крапивин); *Им человек обрекается, если не всегда на смерть, то всегда на такую жизнь, которая хуже смерти* (В. Дорошевич).

Сочетание *такая жизнь* означает *скупная, тяжелая, бесцельная*. Местоимение *такой/такая* в подобных конструкциях «употребляется для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или усиления оценки» [11]. Жизнь, утратившая свою ценность, становится хуже смерти.

Витальные ценности.

Здоровье. А. Н. Усачева подчеркивает, что «здоровье является *ценностью*, способной побуждать человека к действию» [1, с. 82], причем ценностью как общечеловеческой, так и личностной. Его стараются всячески сохранить, улучшить, укрепить, оно – залог длительной жизни. Признаки здоровья: важное, дорогое, необходимое.

Здоровье – важно: *Не дают профессионалам нормально зарабатывать и традиции, и наша медицинская система с чиновниками, для которых гораздо важнее здоровья нации хмурые брови начальства* («Известия», 2002.01.25).

Здоровье – дорого: *Стекло было донизу, так что в случае облавы предоставлялся запасный выход тем, кому воля дороже здоровья* (Л. Леонов).

Здоровье – нужно: *Вообще, продукты своего хозяйства поселенец продает очень охотно, даже в ущерб своему здоровью, так как, по его соображениям, деньги ему нужнее здоровья* (А. Чехов).

Хлеб. Ю. Степанов отмечает, что «хлеб, «хлебушко» в теперешней России все еще, как и в старые времена, основной продукт питания... Хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания» [12, с. 284–285]. Это отражено и в словарной дефиниции. Например, хлеб – «пищевой продукт, выпекаемый из муки», «зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта», «пища, пропитание», «средства к существованию» [11]. Качества хлеба: важный, дорогой, нужный.

Хлеб – важен: *Солдат обвешан боеприпасами (...) на поясе болтаются прочие нехитрые причиндалы, которые важнее хлеба* (Е. Хаецкая); *И как ни важен был, особенно в те дни, насущенный хлеб, – это [человеческое достоинство и свобода] было важнее хлеба* (Г. Иванов); *Он никогда и представить себе не мог, что вода – самое главное, сама основа жизни: важнее хлеба, пороха, патронов* (Б. Васильев).

Хлеб – дорог: «*Это – философ, – сказал с усмешкою провожатый, – бумага и чернилица ему дороже хлеба*» (Н. Карамзин); *Потому – в этих грамотах правда положена, правда эта дороже хлеба для нас должна быть, – вот!* (М. Горький); *Голодному человеку дали кусок хлеба и сказали ласковое слово – ему показалась ласка дороже хлеба* (Л. Шестов).

Хлеб – нужен: *Теперь значит «Раковый корпус» и «В круге первом» будут напечатаны там, где они никому не нужны, а не у нас, где они нужнее хлеба* (Л. Чуковская, К. Чуковский); *И нужнее насущного хлеба мне единое слово о нем* (А. Ахматова).

Моральные ценности.

Любовь. Как отмечает С. Воркачев, концепт любви «входит в число мировоззренческих универсалий, образующих «основания культуры» и относится к числу базовых ценностей и «экзистенциальных благ», где выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели» [4, с. 8]. Любовь загадочна и неподвластна человеческому разуму, всемогуща, она может подарить человеку высшее счастье, а может принести невыносимую боль. Л. Вольф утверждает, что в русском языковом сознании «любовь» – *самое важное* в жизни человека» [1, с. 109]. Признаки любви: важная, дорогая, высокое чувство, сильная.

Любовь – важна: *Она и сама в нескольких спектаклях объясняла своим юным зрителям, что дружба **важнее любви*** (А. Алексин); *Но не нагружайте любовь, не навешивайте ее всей своей жизнью, потому что все-таки жизнь вся больше и **важнее любви** и никакая любовь ее не выдержит* (Н. Пунин).

Любовь – дорога: *Все-таки и на войне жизнь имела собственную ценность и была **дороже любви*** (В. Быков).

Любовь – высокое чувство: *Любовь не прощает любопытства, если оно ставит себя **выше любви*** (Е. Евтушенко); *Борода у него не растет, меры ни в чем он не знает, говорит, что **выше любви**, а поссорившись с Раневской, сваливается с лестницы* (А. Эфрос).

Любовь как высокое чувство может сравниваться не только с чувством более высоким, но и с более низким: *А я вот, должно быть, **ниже любви*** (А. Чехов); *И так же точно, как честь ниже совести, так и правда **ниже любви*** (Г. Гачев).

Любовь – сильное чувство: *Это чувство [ненависть] в сто раз **сильнее любви**, уважения, дружбы* (В. Спектр); *Должно быть, я по-настоящему привязался к ней, и эта привязанность – **сильнее любви*** (М. Горький); *Чувство **сильнее любви**, и неведомое людям, отражалось в глубоком взоре его очей* (Ф. Сологуб); *Мне кажется, он любит, а ты увлекаешься, увлечение **сильнее любви**, и поэтому у тебя все ярче* (М. Пришвин).

Дружба – это «отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.» [11]. Еще Аристотель считал этот феномен величайшей социальной и личной ценностью, самым необходимым в жизни. Дружба «образно интерпретируется как хрупкая ценная вещь, ценность которой заключается в ее целостности» [1, с. 54]. Этот концепт осознается как «превалирующий над формальными, установленными человеком предписаниями» [1, с. 59]. Признаки дружбы: важная, дорогая, высокое чувство, сильная.

Дружба – важна: *Однако философия истории **важнее дружбы**, и потому нельзя забыть на илистом дне провинциального архива доктрину пономаря Феодора Троянского* (Ю. Давыдов).

Дружба – дорога: *У меня сохранилась ее книга «Разлука», на которой она написала: «Вам, чья дружба мне далась дороже любой вражды и чья вражда мне **дороже** любой **дружбы*** (И. Эренбург).

Дружба – высокое чувство: *Справедливость **выше дружбы** и должна быть выше рабства* (В. Дорошевич).

Дружба – сильное чувство: *Были еще обстоятельства, которые держали ее в Москве **сильнее**, чем **дружба Маши**, – ученье и будущее место в жизни – то, что*

переполняло ее уже сейчас торжественным ощущением долга (Б. Васильев); Но все-таки в тоне и в выражении лица, когда он говорил о девушке, сквозило что-то **сильнее** обыкновенной дружбы (С. Степняк-Кравчинский).

Социальные ценности.

Деньги. Особенность русского сознания – сложное и неоднозначное отношение к материальному богатству. Однако в современном мире деньги играют все большую роль. Они обеспечивают существование в обществе, более того, как отмечает Н. Агаркова, «деньги властвуют, их почитают как божество» [1, с. 304]. С этих позиций деньгам присущи такие качества: важные, дорогие, ценные.

Деньги – важны: *Если бы вы сказали ему, что на свете существуют вещи **поважнее** денег, он посчитал бы вас сумасшедшим* (Н. Леонов); *Значит, эта кассета была им важнее денег!* (Е. и В. Гордеевы); *Но в случае с Наилей – принцип был **важнее** денег* («Аргументы и факты», 2001.04.04); *И, честно говоря, считаю, что для меня это [писать стихи, прозу] **важнее** денег* (А. Грачев); *А там владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт ВЛАСТИ и инстинкт НАЖИВЫ. (Особенно – власти. В наши десятилетия она оказалась **важнее** денег)* (А. Солженицын).

Деньги ценятся дорого: – *Не в зачёт, – твоя воля... И то сказать: душа **дороже** денег... Тут и сам застынешь...* (В. Короленко); *А мне-то что за дело! Уговор **дороже** денег.* (Ф. Сологуб); *Мы еще с осени выложим фундамент, а за зиму выстроимся. Время-то **дороже** денег* (Д. Мамин-Сибиряк); *А Василий Иванович неизменно отвечал: – Доброе дело **дороже** денег* (Б. Васильев).

Цена денег высока: *Она «подняла его **выше** денег и выше богатства»* (Л. Утесов); *К деньгам арестант жаден до судорог, до омрачения рассудка, и если действительно бросает их, как щепки, когда кутит, то бросает за то, что считает еще одной степенью **выше** денег* (Ф. Достоевский).

Деньги – ценны: *Почет был для него **ценнее** денег* (П. Сиркес).

В результате исследования мы пришли к следующим *выводам*. Нравственные идеалы, сакральные, моральные ценности могут выступать в позиции аргумента при компаративе. В таких случаях признаки, исходные для сравнения, даны имплицитно как общепризнанные и общеизвестные свойства объекта – культурного феномена: *жизни, смерти, здоровья, хлеба, любви, дружбы, денег* и др. Большинство мировоззренческих концептов обладает рядом общих качеств, характеризующих их ценность: *важный, дорогой, высокий* (в значении *важный*), *сильный, нужный, ценный*. Ценности и их признаки абсолютны, поэтому компаративы, как правило, называют свойства, более интенсивные, чем исходные признаки ценностных концептов. При этом в русской культуре нравственные идеалы, духовные ценности ставятся выше материального богатства и даже жизни: *долг и честь важнее жизни, репутация дороже жизни, воля дороже здоровья, достоинство и свобода важнее хлеба, правда дороже хлеба, писать стихи важнее денег, душа дороже денег, уговор дороже денег, доброе дело дороже денег, время дороже денег, почет ценнее денег* и т. п.

Список литературы

1. Антология концептов / [ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин]. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Боров Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1975. – 399 с.

3. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
4. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
5. Воротников Ю. Л. Конструкции с синтетическим компаративом в русском языке / Ю. Л. Воротников // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб. : Наука, 2000. – С. 211-225.
6. Грузберг Л. А. Концепт, или Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? [Электронный ресурс] / Л. А. Грузберг // Филолог. – 2002. – № 1. – Режим доступа: <http://philolog.pspu.ru/>
7. Исина Г.И. О концептах «судьба», «смерть», «жизнь» в ценностных ориентациях [Электронный ресурс] / Г. И. Исина // Кыргызско-турецкий университет «Манас» – 2009. – Режим доступа: http://www.manas.kg/pdf/sbdpdf18/14_Isina.pdf
8. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.
9. Коршунов А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании / А. М. Коршунов. – М., 1982. – 134 с.
10. Семиколенова Е. И. Грамматический миф и прагматическая реальность / Е. И. Семиколенова // Когнитивные процессы в языковом общении: доклады конференции. – Симферополь, 1995 г.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / [ред. А. П. Евгеньева] – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд-е 2-е. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.

Семіколенова О. І., Чабаненко Т.С. Ціннісні знання та значення компаративу // Ученіє записки Тавріського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.70-76.

Стаття присвячена дослідженню семантики компаративу. Спостереження показали, що вихідною ознакою для порівняння стають реалії, які є сакральними, вітальними, соціальними, моральними цінностями. Ці культурні феномени та їх ознаки закріплені у свідомості носіїв мови та впливають на значення компаративу.

Ключові слова: компаратив, ознака, значення, цінності, концепти.

Semikolenova E., Chabanenko T. Value Knowledge and Meaning of the Comparative // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.70-76.

The article is devoted to the research of semantics of the comparative. Observations show that realities which are sacral, vital, social and moral values often become the initial sign for comparison. These cultural phenomena and their signs are fixed in consciousness of the native speakers and influence on the comparative meaning formation.

Key words: the comparative, a sign, the meaning, value, a concept.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 821.161.1

ФУНКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Сидельников В.П.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

В статье рассматриваются проблемы функционирования русского языка в современных геополитических и социокультурных условиях.

Ключевые слова: *геополитика, культура, ноосфера, функционирование, языковая среда.*

Слово, однажды возникнув, переживает в разные эпохи свою особую историю. Так, слово «геополитика», получившее прописку в политическом лексиконе в первой половине XX века, в 30-е годы этого же столетия было основательно дискредитировано фашистской идеологией. В советскую пору за этим словом значилось «политическая концепция, использующая географические данные... для обоснования империалистической экспансии. Геополитика связана с расизмом, мальтузианством, социал-дарвинизмом» [5, с. 294]. Если отбросить идеологический аспект, приносящий в само значение термина, то для нас геополитика – это: 1) определение места той или иной сути на земле (гео), т.е. что есть она (суть) сейчас, её настоящее; 2) что нужно делать для будущего этой сути (политика).

Актуальность. Определяя геосуть русского языка, достаточно сказать, что он относится к числу международных. По различным данным к таковым относятся китайский, арабский, хинди, английский, французский, русский, испанский, португальский. Отнесение того или иного языка к числу международных обусловлено целым рядом признаков на основании которых и определяется таковой статус: количество людей, говорящих на этом языке; территория распространения языка; изучение языка в различных образовательных учреждениях; наличие официального статуса этого языка в международных организациях; международное признание престижности культуры, представленной на этом языке. Так, русский язык считает своим родным языком 165 млн. человек, а для 155 млн. – он является вторым языком; русский язык распространен в Восточной Европе, Северной и Средней Азии. Многочисленные диаспоры русских имеются в странах Западной Европы, в Северной и в некоторых странах Южной Америки; русский язык как иностранный изучается во многих странах, одной из распространенных форм изучения русского языка являются курсы для бизнесменов, журналистов, таможенных служб, туристических фирм, для офицеров армий Индонезии и Кипра. Русский язык имеет статус официального: а) в странах – Россия, Белоруссия, Казахстан, а также в странах частично признанных (Абхазия, Южная Осетия);

б) в регионах: Автономная Республика Крым (Украина), Гагаузия (Молдавия), Приднестровье (Молдавия); в) в международных организациях: СНГ, МАГАТЭ, ОБСЕ, ООН и во всех её дочерних организациях (ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др.).

Цель. Рассмотрение проблем функционирования русского языка в современных геополитических и социокультурных условиях.

Статус международного языка непостоянен, изменчив, т.е. со временем одни языки обретают этот статус, другие его теряют в силу сочетания демографических, географических, культурных, а в последнее время и экономических факторов. Так, ранее популярные греческий и латинский давно утратили эту функцию. Такие языки, как итальянский, голландский, шведский, польский, турецкий обретали её на очень кратковременный период. Кстати, немецкий язык, имевший международное значение в начале XX века, фактически утратил эту функцию в пользу английского или русского даже в регионах некогда традиционного распространения (Польша, Словакия, Галиция). В то же время ряд языков укрепили международную позицию в последнее время. К их числу относятся китайский, ставший официальным в ООН и испанский, который набирает особую силу даже в США.

А теперь мы снова возвратимся к самому *объекту* нашего доклада – к русскому языку. Еще сравнительно недавно, по данным приведенным в 1987 году, в книге канадского лингвиста М. Лапонса, русский язык занимал второе место после английского по экономическому значению, а по количеству переводов с него (с учетом переводов на языки народов СССР) был на третьем месте в мире после английского и французского. Как замечает российский ученый В. М. Алпатов «теперь для каждого очевидно на сколько все изменилось за 10 лет с небольшим» и далее он же продолжает: «Постоянно слышишь жалобы на сужение функции русского языка, на снижение количества часов, отводимых на изучение русского языка в школах, уменьшение количества изучающих его детей и взрослых в самых разных странах. Проблемы эмоционально задевают многих, однако эмоции нередко мешают объективному рассмотрению сложившейся ситуации» [1, с. 426].

По-разному эта проблема видится в России, в «ближнем зарубежье», в странах бывшего социалистического лагеря и в остальном мире. В России позиции русского языка, естественно, остаются прочными, однако есть регионы, где позиции русского языка ослабили или могут ослабнуть: Саха (Якутия), Тува, отчасти Татарстан и, разумеется, Чечня. Иная ситуация сложилась в странах СНГ и Балтии. Русский язык в сферах официальных стал заменяться титульными языками. Идет процесс деруссификации, который определяется как факторами субъективными, так и объективными. Естественно, что снизить роль русского языка было легче там, где в первую очередь численно преобладает титульная нация (Литва, Армения, Грузия, Туркменистан). В других государствах этот процесс замедлялся и прежде всего значительной ролью русского языка в ряде ключевых областей экономики, особенно в промышленности. Так, в Узбекистане к моменту получения независимости на Ташкентском авиазаводе узбеки составляли 1% работников, не говоря уже о том, что научно-техническая информация представлена на русском языке. Для новых государств среднеазиатского региона русский язык и русская культура были

связующим звеном не только с Западом, но и остальным миром. Правда, сейчас на роль межнационального языка общения в Евразии претендует еще и турецкий. И, наверное, не случайно, что на IV Международном конгрессе русского языка турецкий ученый К. Вели Нериманоглу в своем докладе утверждал, что в Евразии сейчас существует два основных межгосударственных языка – турецкий и русский и что соотношение между ними в каждой из стран региона складывается неодинаково.

Совсем по иному сложилась языковая ситуация в Белоруссии, где русский язык получил не просто статус официального, а осознается как наиболее престижный, как язык науки, экономики, культуры, администрации. По мнению уже ранее цитируемого российского лингвиста В. М. Алпатова, языковая ситуация в Белоруссии напоминает Ирландию, где и после обретения этой страной независимости английский язык полностью господствует над ирландским, хотя формально ирландский – первый государственный, а английский – лишь второй.

В некоторых странах остального мира роль русского языка всегда была достаточно велика, а где-то почти нулевой. В таких странах Западной Европы, как Франция, Италия, Германия культурные, экономические факторы весомо определяли престижность русского языка. По мнению одного исследователя среди мотивов выбора русского языка для изучения как иностранного главным был инструментальный. В Японии был период, когда выпускники университетов по естественно-научным специальностям стремились изучать русский язык для того, что бы читать советскую научную литературу. Именно научный, экономический, культурный потенциал, который стоит за языком и определяют его престиж. Точно и образно сформулировал Алпатов три стимула к изучению языка, проявления к нему интереса в советскую пору: язык Ленина, язык Гагарина, язык Пушкина. Следует сейчас отметить, что идеи Ленина дискредитированы, новой притягательной экономической, социальной, философской теории пока что мы не дали миру. В наше время, конечно, сохраняется потенциал культурный и, в какой-то мере, научный, что привлекает по-прежнему к русскому языку.

Язык как явление развивающееся существует в определенной среде, главными составляющими которой являются почва (собственно культура) и атмосфера, идеи, которыми пропитана человеческая среда и которыми дышит сама культура. Одной из особенностей русской культуры является ее духовность. Да и само противопоставление западной и русской культуры идет по таким признакам различия как: религиозно-духовное – материальное, логос – рэцио, цель – средство, идеал – модель. И не случайно Чаадаев, «призывая учиться у Европы, критикует отрицательные стороны её культуры («хаос частных интересов», «индивидуализм», «нарастание груды искусственных потребностей»), и в то же время выделяет ряд качеств, которые свидетельствуют о непроявленности национального духа русских людей: бескорыстие, способность к самопожертвованию, смиренный аскетизм, открытость сердца, совестливость и прямоту» [3, с. 91-92]. Осознание сущности культуры, творцом которой является человек, невольно приводит к вопросу: что же является системообразующим, главным фактором, центром самой культуры, основным двигателем её развития?

В. Г. Белинский первым обосновал идею «литературоцентризма». Вот как сербская писательница определила влияние русской литературы на всю культуру Сербии: «До Пушкина русская литература была ученицей, а после Пушкина – учительницей. Великие русские писатели оставили славянам и всему миру, кроме великого искусства, и своего рода предания. Пушкин показал сколь для народа важен язык, Достоевский – в чем миссия человеческого духа, Толстой – каков путь человека на земле». Именно на благодатно духовной почве русской культуры произрастали такие выдающиеся деятели, как Фонвизин, Владимир Даль, Феофан Прокопович, Николай Гоголь и др., не русские по своему этническому происхождению.

Культура, и прежде всего духовная, является той почвой, на которой произрастает язык, становящийся стержнем самой культуры. Для развития культуры очень важна атмосфера, которая её окружает, ибо из неё культура вдыхает живительный кислород – идеи. Творцами таких идей являются мыслители: ученые, богословы, художники, композиторы, государственные деятели, т.е. интеллектуально-духовная элита. Приходится горько сожалеть что элитарный слой русской ноосферы катастрофически истощился. Волнами эмиграции в те или иные поры социально-политических и экономических потрясений унесены на Запад, в Америку блестящие умы. Так, один из американских учёных во время встречи с академическими работниками из СССР признался, что многие американцы – мастера технологического обеспечения в организации дела, в науке питались идеями, принесёнными русской эмиграцией, бежавшей и изгонявшейся от самого начала двадцатых годов (Добжанский – биология, Леонтьев – экономика, Сикорский – авиация, Зворыкин – телевидение и т.д., не говоря уже о великих русских философах: Бердяеве, Розанове, Соловьёве). Во Франции сейчас трудами профессора Сорбонны Вероники Лосской готовится биографический словарь русской эмиграции, который будет включать 8-10 тысяч имён, охватывающих разные сферы – литературу, музыку, архитектуру, математику и др. Это только французский кусочек того генофонда, об утрате которого мы повторяем часто и прискорбно. И, видимо, не случайно возникает представление, что великая русская культура осталась в прошлом. Правда, и греческая, и римская, и испанская («золотые культуры») тоже остались в прошлом. И как замечает русская писательница Татьяна Шубина: «Париж тоже с большим трудом сохраняет статус столицы мировой культуры – в его пределах ещё жив дух той красоты, того изящества, той элитарности, о которых многие давно уже не ведают, как и о навек утраченных мифах. А кто так сердечно, открыто, с восторгом умеет поощрять, раздувать и поддерживать мифы как Россия?»

Когда в интеллектуальной мировой элите Россия мало-помалу исчезает, перестаёт быть такой загадочной, то в этом есть и резон, в России нынешней такой же материализм, как и на Западе. Россию, как и другие страны мира, поглощает поток глобализации. Мир превращается в громадный рынок. Всё приобретает рыночный характер: экономика, политика, культура, образ жизни. Известно всем, в каких единицах измеряются ценности, в том числе человеческие. Товаром становится и художественная продукция. Элитарное искусство исповедует идеи

«чистого искусства» и погружено в эгоцентрические художественные поиски [7, с. 123]. В нынешних социально-культурных условиях изменяется роль языка, происходит перераспределение его функций. Голова перестаёт быть «домом мысли» и превращается в хранилище информации. Соответственно язык превращается в основное орудие её передачи.

И как замечает декан факультета иностранных языков МГУ им. Ломоносова профессор С. Г. Тер-Минасова, «знания превращаются в сумму фактов, соответственно и «дом мысли» должен заменяться прилавком и компьютером, а язык становится товаром»; «размываются и расшатываются нормы языка, отклонения от них, как известно, имеют наиболее мощный стилистический эффект, и именно такие языковые средства – привлекающие внимание любым способом, игрой слов, юмором, нецензурной лексикой – сейчас особенно востребованы. «Они шокируют, эпатируют, но привлекают внимание, а значит, продают, покупают все (в том числе и людей), влияют на вкусы, нравы голосование)» [6, с. 28].

Язык, как и жизнь, как и культура, бесконечно сложен и многообразен. Язык – это зеркало культуры, а потому все беды, связанные с языком, а точнее с речью, нужно искать в ней, в культуре. В наш век прагматиков культура приобретает однобоко материальный характер с постепенным выветриванием её духовной основы, культура технизируется и становится преимущественно материально-вещной, в своей интеллектуальной направленности технологичной. Так, среди приводимых Михаилом Эпштейном (эссеист, философ, филолог, работающий в одном из университетов США) слов, которые обогатили лексику современного английского языка, преобладают слова, обслуживающие сферу современной культуры, связанную с компьютерным пространством, заполненным массово-культурной и технической информацией: *xerox tore* (современный городской фольклор, распространяемый по факсу), *cornography* (насилие), *belligerati* (писатели – сторонники войны и империализма), *glure* (сентиментальная история, распространяемая по электронной почте), *internetese* (язык сетевого общения). Как много эти слова добавляют в копилку духовности?! О последствиях этого процесса нетрудно догадываться. *Выводы.* Пусть и Россия перестаёт быть для западной элиты загадкой, но духовность, которая всегда характеризовала русскую культуру, пустила очень глубокие корни, а потому, по словам одного словацкого журналиста, недавно посетившего Россию и Украину, духовность уменьшается в направлении от Востока к Западу. Так что ещё не всё потеряно...

Вначале было слово. Всевышний его дал нам. От нас требуется только дело.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Русский язык в современном мире / В. М. Алпатов // Решение современных языковых вопросов в современном мире. – М. – СПб: Златоуст, 2003. – С.426-430.
2. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова/ В. В. Колесов. – СПб: Златоуст, 1999. – 364 с.
3. Мамонтов С. П. Культура России от Петра Великого до «серебряного века» (XVIII-XIX вв.): [учебное пособие] / С. П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. – М.: 2003. – 136 с.

4. Между прошлым и будущим литературы: От текстологии рукописной книжности к футурологии искусства: К 100-летию со дня рождения Д.С.Лихачева / Н. Б. Мечковская // Русский язык и литература в учебных заведениях: Научно-методический журнал. – 2006. – №6. – С. 50-57.
5. Советский энциклопедический словарь – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – 1600 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Изменение социальной роли русского языка в современных условиях / Тер-С.Г. Минасова // Мир русского слова. – №2(10). – 2002. – С. 351-357.
7. Шубина Т. Россия перестала быть загадкой / Т. Шубина // Литературная учёба. – 2006. – №5. – С. 112-123.

Сидельников В.П. Функції російської мови у нових геополітичних та соціокультурних умовах // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.77-82.

У статті розглянуті проблеми функціонування російської мови у сучасних геополітичних та соціокультурних умовах.

Ключові слова: *геополітика, культура, ноосфера, функціонування, мовне середовище.*

Sidelnikov V.P. Russian language in new geopolitical and socio-cultural conditions // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.77-82.

The article reviews the problems of Russian language functioning in contemporary geopolitical and socio-cultural conditions.

Key words: *geopolitics, culture, noosphere, functioning, language environment.*

Поступила в редакцию 17.03.2011 г.

УДК 81' 373. 611' 367. 623

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ АДЪЕКТИВОВ С СУФФИКСОМ -ОВАТ-²/-ЕВАТ-² В РАМКАХ СИНКРЕТИЧНОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОДТИПА

Субботина О. А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина

В статье исследуется одна из синкретичных зон русского словообразования на материале имен прилагательных с суффиксом -оват-²/-еват-², образованных в рамках мутационно-модификационного словообразовательного подтипа. Функционально-когнитивный подход позволяет всесторонне изучить особенности производных адъективов и выявить закономерности пересечения мутационного и модификационного словообразовательного значения.

Ключевые слова: синкретичная зона, синкретичный словообразовательный подтип, мутационно-модификационный подтип, адъектив, производное слово.

Развитие современной научной мысли не может быть абстрагировано от интеграционных процессов и явлений в обществе. Границы таких обособленных явлений и процессов не только размываются, но и обретают живую взаимосвязь, единую природу. В связи с этим, как отмечают исследователи, феномен синкретизма обретает особую значимость (Ю.В. Архипова, В.И. Вернадский, Р. Шредер, С.Г. Федосин) и является одним из способов осмысления реальности как целостности во всем многообразии этой сложноструктурной системы. Языковые факты, которые наиболее быстро и точно отражают меняющуюся действительность и составляют многоуровневую систему языка, должны быть также изучены в контексте синкретизма. Так, например, еще А. А. Реформатский, исследуя явление грамматической полисемии, говорил о полифункциональности (синкретичности) грамматической формы [8, с. 314]. Со временем стало очевидно, что такой целостный подход необходим и для изучения словообразовательного уровня. Вследствие этого З. И. Резанова в монографии «Функциональный аспект словообразования» вводит термин *синкретичное словообразование* [7]. Кроме того, подобную необходимость определяет все более пристальное внимание дериватологов к функционально-когнитивному описанию языка [6]. Рассмотрение словообразовательной подсистемы языка с точки зрения функционально-когнитивного подхода позволяет органически соединить и синтезировать достижения в области когнитивной науки (работы Л.А. Араевой, И.К. Архипова, О.В. Афанасьевой, Е.С. Кубряковой, Н.Б. Лебедевой, М.Г. Шкуропацкой) с теми, что были получены в рамках системно-структурного и коммуникативного подходов.

Актуальность работы определяется, с одной стороны, общей тенденцией в словообразовании, направленной на целостное изучение номинативных единиц, а с

другой – недостаточным исследованием синкретичной зоны словообразовательной системы русского языка.

Цель статьи – изучить механизмы функционально-семантического пересечения мутационного и модификационного словообразовательного значения в процессе формирования синкретичного словообразовательного подтипа адъективов с суффиксом *-оват⁻²/-еват⁻²*.

Выделение синкретичных словообразовательных типов проявляется как тенденция в исследованиях польских и украинских лингвистов [12; 11; 4]. На это обращает также внимание и И.С. Улуханов, отмечая, что суффикс *-оват-* совмещает модификационную («небольшая степень признака») и мутационную («имеющий признаки того, кто(что) назван(о) мотивирующим существительным») словообразовательную семантику [10, с. 165]: *кудреватый* – «несколько кудрявый» ← *кудри*.

И.С. Улуханов рассматривает такие значения производных, формирующиеся посредством суффикса *-оват-*, в пределах суффиксальной полисемии. Однако более подробное изучение отсубстантивных прилагательных мутационного типа показывает, что приобретенная ими признаковая семантика также предрасположена к некоторому видоизменению.

Это говорит о том, что четких границ между мутацией и модификацией не существует и есть основания предполагать большую или меньшую степень перерождения категориальной семантики. Таким образом, к производным мутационно-модификационного подтипа следует относить имена прилагательные, которые сформировались в результате мутации семантико-словообразовательной структуры мотивирующего существительного и характеризуются квантитативными видоизменениями признака: *нос* → *носатый* – «с большим носом»; *губа* → *губастый* – «с большими толстыми губами»; *глаз* → *глазастый* – «с большими глазами или с глазами навыкате».

Основной семантической составляющей производных слов данного подтипа, как и прилагательных, образованных в процессе мутации, является «*наличие той или иной субстанции*». Соответственно их тематические группы включают лишь некоторые отличия. К мутационно-модификационному подтипу мы относим узуальные и потенциальные имена прилагательные, образованные от имен существительных, которые обозначают:

1. названия лиц по характерным качествам: *трус* → *трусоватый*; *озорник* → *озорниковатый*; *жила²* → *жиловатый²*.

2. явления, характеризующие человеческую деятельность: *лень* → *леноватый*; *шик* → *шиковатый*; *чепуха* → *чепуховатый*.

3. названия лиц по возрастным признакам и социальной принадлежности: *старик* → *стариковатый*; *старуха* → *старуховатый*; *интеллигент* → *интеллигентноватый*.

4. объекты, имеющие отношение к человеческому телу: *морщина* → *морщиноватый*; *ребро* → *реброватый*; *скула* → *скуловатый*; *жила¹* → *жиловатый¹*; *ноздря* → *ноздреватый*; *колени* → *коленоватый*; *локоть* → *локтеватый*.

5. части растений: *сук/сучок* → *суковатый/сучковатый*; *мочка* → *мочковатый*; *куст* → *кустоватый*.

б. названия предметов, которые относятся к разным лексическим группам: *щель* → *щелеватый*; *узел* → *узловатый*.

Однако вектор модификации качественной семантики дериватов названных групп может быть направлен как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения признака. Это относится к именам прилагательным всех тематических групп, перечисленных нами. Рассмотрим лексико-словообразовательные особенности некоторых отсубстантивных прилагательных мутационно-модификационного подтипа:

1. названия лиц по качествам характера

Производные прилагательные, образованные от имен существительных, характеризуются словообразовательным значением “имеющий свойства того, что названо мотивирующим существительным” [9, с. 288]. Однако в словарных толкованиях БАСа при интерпретации отсубстантивных дериватов используются имена прилагательные (а не существительные) и наречия с количественной семантикой. По-видимому, это связано с тем, что производные прилагательные обладают качеством по производящему существительному только в некотором количестве: качество выражено именем прилагательным, а количество – наречием. В соответствии с этим необходимо уточнить и словообразовательное значение отсубстантивных имен прилагательных “имеющий в некотором количестве свойства того, что названо мотивирующим существительным”. Например, *трусаватый* – «**несколько трусливый**» ← *трус* – «**трусливый человек**»:

Трусаватый командир полка полковник Савицкий нервно прислушался к отдельным выстрелам... (А. Степанов, Порт-Артур);

озорниковатый – «разг. **несколько озорной, озорной**» ← *озорник* – «**тот, кто озорничает**»:

Озорниковатый март капризничал, как балованное дитя, – то сеет на землю густой тучей тяжелые пушинки снега, то вдруг зажжет в небе яркое солнце, и в час растопит пуховые цветы на темных сучьях деревьев (М. Горький, Гривенник).

В процессе формирования имен прилагательных данной группы субстантивная семантика мотиваторов мутирует в качественную и одновременно сопровождается модификацией – видоизменением, которое указывает на невысокую степень проявления признака.

Аналогичные явления характерны и для производных слов следующей группы.

2) явления, характеризующие человеческую деятельность

Общее словообразовательное значение производных адъективов этой группы – “обладающий тем, что названо мотивирующим словом” – также нуждается в уточнении и дополнении: *леноватый* – «**несколько ленивый**» ← *лень* – «**отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью**»:

... аудитории заполнили *леноватые*, хорошо натасканные на знания, но бесталанные отпрыски уважаемых пап и мам (www.proza.ru).

Именно наличие субстантивной составляющей в семантике данного производного прилагательного (превращение предметного значения в качественное) смягчает степень проявления признака: *леноватый* – “обладающий некоторой склонностью к тому, что названо мотивирующим существительным” (*лень*). Ср. также *шиковатый* – «разг. **отличающийся некоторым шиком (в манере держаться, одеваться и т. п.)**» ← *шик* – «**особая изящность, изысканность в**

манере держаться, одеваться // роскошь, великолепия, пышность, рассчитанные, бьющие на эффект».

Словарная дефиниция прилагательного **шиковатый** фиксирует “некоторую” (то есть “небольшую”) степень видоизменения признака производного слова, сформированного в процессе мутации мотивирующего существительного **шик**. Однако в контексте направление количественной модификации может меняться, чему способствует наречие “*весьма*”, обозначающее большую интенсивность проявления качества:

Есть [на пароходе] старушка-мать с тремя несколько перезрелыми, но весьма шиковатыми дочками (Ф. Достоевский, Маленькие картинки).

3) названия лиц по возрастным признакам и социальной принадлежности

Производные имена прилагательные этой группы характеризуются словообразовательным значением “*похожий на того, кем названо мотивирующее слово*”. Кроме того, вычленяется дополнительный компонент “*такой на вид, как тот, кто назван мотивирующим существительным*”. Например: **стариковатый**, **старуховатый** – «*похожий на старика, на старуху, старый на вид ← старик, старуха*»:

- Это ты что мне хочешь сказать? Что я старая?!

- Ну, если и не старая, то так, **старуховатая...** (www.channel4.ru).

В контексте, чаще всего, реализуется компонент значения “*старый на вид*”. Это может свидетельствовать о том, что употребление производных прилагательных **стариковатый** и **старуховатая** связано, как правило, не только с обозначением признака, но и с его количественным видоизменением: “*немного старый*”, “*довольно старый*”, “*слишком старый*”. Например:

Лица, судя по всему, молодая и красивая девушка, а он – стариковатый для нее (www.natali.ua).

Наречие с количественно семантикой “несколько” определяет степень проявления признака и в производном адъективе интеллигентноватый.

Вот гаишник, по-моему, несколько интеллигентноват. Хотя тоже хорош... (www.creatiff.ru).

1. объекты, имеющие отношение к человеческому телу

Количественная модификация признака, которой характеризуются следующие отсубстантивные дериваты, ориентирована на норму – стандарт и эталон внешности [3, с. 21-32; 2, с. 27; 1, с. 238-240] и соответствует невысокой степени проявления качества. Это отражено в словарных дефинициях:

морщиноватый – «*покрытый небольшими морщинами, слегка морщинистый*» ← **морщина**:

Морщиноватые кисти рук ее... сложены крестообразно

реброватый – «с несколько выдающимися ребрами» ← **ребро**:

Андрей почернел, задохнулся. Припав к чугуну с водой голой реброватой грудью, пил и кусал края зубами (М. Шолохов, Поднятая целина);

скуловатый – «разг. с несколько выдающимися скулами» ← **скула**:

*Сейчас эту смугловатую, **скуловатую**, круглоплечую степнячку он видел прозревающими глазами, как если бы первый раз* (А. Солженицын, Март Семнадцатого).

Таким образом, в семантико-словообразовательной структуре данных производных прилагательных вычленяется компонент “*обладающий в небольшой степени тем, что названо мотивирующим существительным*”. В контексте мера проявления признака, выраженная производными прилагательными, как правило, остается невысокой.

1. части растений

В семантико-словообразовательной структуре отсубстантивных прилагательных этой группы можно выделить элемент “обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом”: *суковатый/ сучковатый* – «с большим количеством сучков» ← *сук/ сучок* – «*боковой отросток от ствола дерева*»; *мочковатый* – «с большим количеством мочек» ← *мочка* во 2 – м знач.: «*веточка корня*».

Необходимо отметить, что семантика производных прилагательных *суковатый/сучковатый* и *мочковатый* отличается по способу проявления количественности от семантики имен прилагательных предыдущих групп. Если, например, в прилагательных *леноватый, шиковатый* и др. степень количественной модификации признака фиксируется дополнительными языковыми средствами (*выражение степени обладания предметом*), то в именах прилагательных *суковатый/сучковатый* и *мочковатый* количественность проявляется в самом обладании предметом (численностью предметов), который называет мотивирующее существительное (*отражение реального факта*).

2. названия предметов, которые относятся к разным лексическим группам

Производные прилагательные, формирующие разные лексические группы, отличаются не только семантическими особенностями, но и способом выражения количественной модификации признака. Словарные дефиниции некоторых из них указывают на наличие большого количества субстанции, названной мотивирующим существительным:

щелеватый – «*испещренный щелями*» ← *щель* – «*узкое продолговатое отверстие; скважина*»:

Перегородки не строганы и так щелеваты, что все видать через две комнаты в третьей (nasledie-rus.ru).

узловатый – «с утолщениями, уплотнениями мышечной ткани» ← *узел*¹ в 4 – м знач.: «*в живом организме: скопление клеток, утолщение*»: *узловатые* пальцы.

Выводы. Таким образом, дериваты синкретичного мутационно-модификационного подтипа характеризуются варьированием количественного значения признака: границы данного словообразовательного подтипа формируют имена прилагательные, выражающие “недостаток” признака, с одной стороны, и его “интенсивность” – с другой. Промежуточную зону составляют имена прилагательные, в словообразовательном значении которых совмещается “невысокая степень” и “чрезмерность” проявления признака. Механизмы, формирующие семантику производного слова, конкретизируются в языке с когнитивных позиций и служат «для объективации и последующей фиксации в языке определенной структуры знания или отражения и оценки определенного фрагмента мира» [5, с. 521]. Комплексное когнитивно-функциональное исследование производных слов позволит расширить рамки русских словообразовательных типов и выделить новые синкретичные зоны.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека / В.М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 336 с.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
4. Карпіловська Є.А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація / Є.А. Карпіловська. – Київ: УкрНДІПСК, 1999. – 298 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики: Когнитивно-функциональный аспект: дисс..... кандидата филологических наук: 10.02.01. / О.В. Нагель. – Томск, 2005. – 224 с.
7. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 218 с.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение: [учебник для вузов] / А. А. Реформатский; Под ред. В. А. Виноградова / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 536 с.
9. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
10. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М.: РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – 221 с.
11. Gramatyka wspolczesnego jezyka polskiego. Morfologia, cz. 2. / – Warszawa: PWN, 1998. – Wyd. 2-ie. – 633 s.
12. Puzynina J. Transpozycja, mutacja, modyfikacja / J. Puzynina // Poradnyk jezykowy. – 1978. – № 5. – S. 193-199.

Суботина О. А. Семантика похідних ад'єктивів із суфіксом -оват⁻²/еват⁻² у рамках синкретичного словотвірного підтипу // Ученіє записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.83-88.

У статті досліджено одну із синкретичних зон російського словотвору на матеріалі прикметників із суфіксом -оват⁻²/еват⁻² утворених у рамках мутаційно-модифікаційного словотвірного підтипу. Функціонально-когнітивний підхід дозволяє всебічно вивчити особливості похідних ад'єктивів і виявити закономірності перетину мутаційного та модифікаційного словотвірного значення.

Ключові слова: синкретична зона, синкретичний словотвірний підтип, мутаційно-модифікаційний підтип, ад'єктив, похідне слово.

Subbotina O.A. Semantics of derived adjectives with -оват⁻²/еват⁻² suffix within the framework of syncretic derivational subtype // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.83-88.

The article deals with one of syncretic zones of Russian derivation on the material of adjectives with -оват⁻²/еват⁻² suffix being derived within the framework of mutation and modification derivational subtype. Functional and cognitive approach allows thorough studying of peculiarities of derived adjectives and identifies regularity of crossing of mutation and modification derivational meaning.

Key words: syncretic zone, syncretic derivational subtype, mutation and modification subtype, adjective, derivative.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161: 81'42

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТОНИМОВ, ОСНОВАННЫХ НА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕНАХ И ТЕКСТАХ

Сунь Юйминь

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*Статья посвящена сравнительному анализу крымских прагматонимов,
связанных с прецедентными именами и текстами.*

Ключевые слова: *прагматоним, прецедентное имя, прецедентный текст,
Крым.*

В современной лингвистике отмечается значительный интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры. Одним из направлений таких исследований является изучение прецедентных имен [ПИ] и прецедентных текстов [ПТ], относящихся к области прецедентных феноменов (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. С. Брилева, И. В. Захаренко и др.).

В нашей работе ПИ понимается как индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией [3]. К ПИ относим и топонимы, наполненные историко-культурным содержанием и известные большинству представителей национального лингвокультурного общества. К ПТ относятся произведения фольклора, художественной литературы, публицистики, тексты фильмов и песен.

Предпринимаемое нами исследование крымских прагматонимов, в котором мы опираемся на понимание их как «товарных знаков и знаков обслуживания, связанных с практической деятельностью человека» [6, с. 55], показало, что во многих случаях источниками прагматонимов являются именно ПИ и ПТ.

В опубликованных ранее статьях уже были рассмотрены вопросы отражения в прагматиконе полилингвокультурности Крыма (понятие разработано Г. Ю. Богданович [1]), заимствования из европейских языков в роли прагматонимов, а также специфика их информативности [5; 8].

Новизна материала, предлагаемого в данной статье, заключается в том, что впервые проводится сопоставительный лингвокультурологический анализ прагматикона главных городов Крыма – Симферополя и Севастополя.

Актуальность работы заключается в исследовании феномена аккумуляции в прагматонимах Крыма культурных фоновых знаний и системы ценностей.

Цель работы – выявление языковых и лингвокультурологических особенностей использования прецедентных имен и текстов в роли прагматонимов в городах Крыма. Для достижения данной цели решаются следующие *задачи*: 1) сбор, анализ и систематизация фактического языкового материала; 2) лингвокультурологический анализ материала картотеки; 3) определение соотнесенности использованных ПИ и

ПТ с определенными типами культур; 4) сопоставление особенностей прагматикона Симферополя и Севастополя.

Практическое значение работы заключается в возможности использования ее результатов в лексикографических изданиях, в крымоведении, а также в лингводидактике.

В симферопольских и севастопольских прагматонимах преобладают ПИ и ПТ, связанные с русской культурой. Они делятся на следующие группы: 1) названия мифологических существа (*Домовой, Домовёнок, Русалка*); 2) названия сказок, былин, имена героев («*Садко*», «*Теремок*», «*Алёнушка*»); 3) названия литературных произведений, имена героев («*Белая Гвардия*», «*Золотой петушок*», «*Золотая рыбка*», «*Алые паруса*», «*Ассоль*»); 4) прецедентные топонимы (*Арбат, Чистые пруды, Марьино роца*); 5) имена известных людей (*Столыпин, Гагарин*); 6) названия фильмов и песен («*Волга-Волга*», «*Черный кот*»).

В самой наполняемости этих групп существуют определенные особенности, связанные со своеобразием каждого города, о чем будет сказано ниже.

Среди имен мифических и былинных героев преобладают: *Домовой* (магазины бытовой техники и стройматериалов, Симферополь), *Богатырь* (магазин мужской одежды больших размеров, Севастополь), *Добрыня* (магазин бытовой техники, Симферополь). Отмечено их употребление в уменьшительно-ласкательной форме с суффиксами субъективной оценки: *Домовёнок* (магазин, Севастополь), *Добрынюшка* (детский сад, Симферополь). Имя славянского языческого женского божества *Берегиня* (в дохристианских верованиях – главная богиня жизни, добра и защиты от всякого зла, покровительница; в переносном значении – хранительница домашнего очага, женщина-мать) используется как название агентства по недвижимости в Симферополе.

В приведенных примерах прослеживается связь между внутренней формой слов (*дом, добро, беречь, оберегать*), современным значением, семантикой ПИ и их функционированием в роли прагматонимов определенных групп.

Среди названий сказок, былин и их персонажей популярны: «*12 месяцев*» (магазины одежды), *Садко* (ресторан, кафе), *Алёнушка* (детские сады, магазины), *Жар-птица* (детский сад).

Среди прагматонимов, восходящих к названиям литературных сказок, лидируют: сказки А. С. Пушкина «*Золотая рыбка*» и «*Золотой петушок*» (названия детских садов и магазинов в обоих городах), сказка С. Т. Аксакова «*Аленький цветочек*» (детский сад, магазин косметики, Симферополь) и сказка А. Н. Толстого «*Золотой ключик*» (названия агентств и магазинов). Среди имен героев литературных сказок преобладают: *Буратино, Мальвина* (кафе, закусочная, магазины детских товаров), *Чебурашка, Крокодил Гена, Пятачок* (кафе, магазины детских товаров, детские сады).

Анализ собранного материала показал, что использование сказочных ПИ в роли прагматонимов в большей мере характерно для Симферополя.

Среди ПТ наиболее частотны: роман И. Ильфа и Е. Петрова «*Двенадцать стульев*» (магазины мебели в Симферополе и Севастополе), стихотворение С. Я. Маршака «*Мистер Твистер*» (магазин обуви в Симферополе, магазин мужской одежды в Севастополе) и роман-феерия А. Грина «*Алые паруса*» (детский сад, туристическое агентство, парикмахерская в Симферополе).

Имя героини «Алых парусов» – *Ассоль*, возможно, в силу своей необычности и благозвучности, используется для названия различных заведений и учреждений: крымская радиоккомпания, салоны красоты, парикмахерские, туристические агентства.

Отмечено также обращение к ПТ М. Булгакова: «*Мастер и Маргарита*» (салон красоты, Симферополь) и «*Белая Гвардия*» (ресторан, Севастополь). Первое из них кажется не совсем удачным из-за переосмысления знакового имени *Мастер*. А вот название «*Белая Гвардия*» вызывает ассоциации не только с самим автором произведения, бывавшем в Севастополе, но и с драматическими событиями эмиграции белой армии (1920 год), также связанными с Севастополем.

Название «*Листригоны*», которое носят гостиница и кафе в Севастополе, восходит к прецедентному тексту А. И. Куприна, посвященного Балаклаве. Название симферопольского кафе «В городе С.» повторяет название одноименного фильма, снимавшегося в Симферополе по мотивам известного рассказа А. П. Чехова «*Ионыч*», события которого связаны с неким губернским городом С.

Таким образом, в исследуемых группах прагматонимов в определенной степени отражается «лицо города», но думается, что это направление реализовано не в полной мере.

ПИ, связанные с украинской лингвокультурой, примерно одинаково представлены в прагматиконе Симферополя и Севастополя. По происхождению они связаны с названием государства – *Киевская Русь* (банк в Симферополе, кафе в Севастополе); мифическим основателем Киева – авиакомпания «*Кий Авиа Крым*»; с названием главной улицы столицы – банк «*Хрещатик*» (Симферополь), магазин «*Хрещатик*», ресторан и кафе «*Крещатик*» (Севастополь) (обратим внимание, что название улицы в последнем случае дается в русифицированной форме); с топонимами, ставшими особенно известными в связи с использованием в классических литературных текстах – ресторан «*Диканька*» в Симферополе, см.: цикл рассказов Н. В. Гоголя «*Вечера на хуторе близ Диканьки*»; с именами исторических деятелей – закусочная «*Богдань*», кафе «*Богдан*» (Симферополь). Показательно, что это кафе расположено на улице Богдана Хмельницкого, напротив памятника украинскому гетману.

ПИ, связанные с крымскотатарской лингвокультурой и другими восточными культурами, шире представлены в прагматиконе Симферополя, чем в прагматиконе Севастополя, что можно объяснить демографическими особенностями городов. По происхождению они связаны с топонимикой или ее компонентами – *Учан-су* (ресторан, Симферополь), *Даг* (автосервис, Симферополь), *Ахтиар* (ресторан, Севастополь) – от старого крымскотатарского названия севастопольской бухты (Ахтиарская бухта); с именами литературных героев – рестораны *Али-баба* и *Шахеризада* (Симферополь); с сакральными именами – ресторан и бар «*Звездный Ильяс*» (Севастополь), ресторан *Айше* (Симферополь). Вопрос о прагматонимах, восходящих к крымскотатарской лингвокультуре, более подробно рассматривается в отдельной статье.

Таким образом, в прагматиконе Симферополя и Севастополя представлены ПИ и ПТ, восходящие к культурам трех основных народов, населяющих Крым.

Значительное место среди симферопольских и севастопольских прагматонимов занимают ПИ, связанные с культурой Древней Греции и Древнего Рима. Как показал

анализ, они в равной степени представлены в обоих городах, хотя повторяются редко.

Эти ПИ преимущественно выступают как названия фирм, туристических агентств, магазинов, гостиниц и ресторанов. В ряде случаев отмечается непосредственное соответствие между семантикой ПИ и характером деятельности предприятия: *Юнона*, свадебный салон в Севастополе (в древнеримской мифологии Юнона – царица богов, жена Юпитера, покровительница брака и рождения); *Фемида*, адвокатская фирма в Симферополе (в древнегреческой мифологии Фемида – богиня правосудия); *Орфей*, магазин музыкальных инструментов в Севастополе (в древнегреческой мифологии Орфей – певец, пение которого очаровывало не только людей, но и диких зверей, деревья, скалы, реки).

В большинстве случаев в прагматонимах этой группы актуализируется одна или несколько сем ПИ. Так, например, в названии симферопольского рекламного агентства *Атлант* актуализирована сема ‘сила’ героя древнегреческой мифологии Атланта, державшего на своих плечах небесный свод. В названии севастопольской фирмы по охране квартир и домов *Титан* актуализировались семы ‘сила’, ‘твердость’, ‘надежность’. В древнегреческой мифологии титаны – дети Урана (неба) и Геи (земли), вступившие в борьбу с Зевсом за обладание небом и сброшенные за это в Тартар. Можно предположить, что здесь сыграло роль и другое значение слова *титан*, развившееся на основании мифологического имени: *титан* – химический элемент, по виду похожий на сталь, тверд, пластичен, химически стоек [4, с. 497].

См. также: *Колизей*, название интернет-провайдера; *Олимп*, название гостиницы; *Кентавр*, название ветеринарной аптеки и др.

Античные ПИ, как видно из приведенных примеров, выполняют рекламную функцию, убеждая потребителя в высоком качестве товаров и услуг, используя которые можно достичь совершенства античных богов и героев. В данных случаях можно говорить о «манипулятивных играх в рекламе» [2].

Но в некоторых случаях, по нашему мнению, возможен и комический эффект: *Афродита* – название магазина женского белья (Севастополь), *Венера* – название спортивного клуба (Симферополь).

ПИ, связанные с западными культурами (европейскими и США), активно используются в прагматонимах обоих городов. ПТ встречаются редко.

Ряд ПИ соотносятся с прагматонимами-глобализмами, под которыми понимаются словесные товарные знаки с мировой известностью (лингвистический статус и функциональная специфика прагматонимов-глобализмов исследованы в работах О. С. Фоменко [7]).

К прагматонимам такого типа в нашем материале относятся: *Форд* (автосервис), *Челентано* (пиццерия), *Дисней*, *Виннипух* (магазины товаров для детей).

В Симферополе ряд магазинов, ресторанов, баров, кафе и даже саун носят имена всемирно известных литературных героев и представителей искусства: ресторан *Монте-Кристо*, кафе-бар *Сальвадор Дали*, кафе *Picasso*, магазин одежды *Vivaldi*, сауна *Аль Пачино*.

Выводы.

1. Наиболее выразительно в прагматонимах Симферополя и Севастополя представлены ПИ и ПТ, связанные с русской культурой;

2. В прагматонимах Севастополя чаще встречаются ПИ и ПТ, связанные с историей и культурой города;

3. ПИ, связанные с украинской лингвокультурой, представлены в прагматиконе двух городов в равной степени;

4. ПИ, связанные с крымскотатарской лингвокультурой, шире представлены в симферопольских прагматонимах.;

5. Значительную роль в прагматиконах обеих городов играют ПИ, связанные с античной культурой, а также прагматонимы-глобализмы.

Перспективы исследования заключаются в более глубоком исследовании рекламной функции прагматонимов.

Список литературы

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 392 с.
2. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект: [Монография] / В. В. Зирка. – Днепропетровск, 2004. – 291 с.
3. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
4. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1987. – 608 с.
5. Сунь Юйминь. Заимствования из европейских языков в роли прагматонимов / Юйминь Сунь // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62) № 2. Симферополь. – 2010. – С. 638-641.
6. Суперанская А. В. Товарные знаки и знаки обслуживания / А. В. Суперанская // В пространстве филологии / Дон НУ. Филологический факультет. – Донецк: ООО Юго-Восток, Лтд, 2002. – С. 55-71.
7. Фоменко О. С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика. 10.12.19. – Теория языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. С. Фоменко. – Волгоград, 2009. – 23 с.
8. Яценко Т. А. Прагматонимы Крыма как отражение его поликультурности / Т. А. Яценко, Юйминь.Сунь // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 22 (61) № 1. Симферополь, 2009. – С. 301-304.

Сунь Юйминь Порівняльний аналіз прагматонімів, які базуються на прецедентних іменах і текстах // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.89-93.

Стаття присвячена порівняльному аналізу кримських прагматонімів, пов'язаних із прецедентними іменами та текстами.

Ключові слова: прагматонім, прецедентне ім'я, прецедентний текст, Крим.

Sun Jumin The compare analysis of pragmatonims, based at the precedent names and texts // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.89-93.

The article is devoted to the compare analysis of crimea pragmatonim, connected with the precedent names and texts.

Key words: pragmatonim, precedent name, precedent text, Crimea.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811. 161. 1'373.23

ФУНКЦИИ И ДЕФИНИЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ГРУПП ЛИЦ

Ходоренко А.В.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье в общем виде рассматриваются функции наименований групп лиц (НГЛ). Приводятся различные примеры наименований групп лиц, занимающихся коммерческой, политической, творческой деятельностью, которые иллюстрируют прагмалингвистические и когнитивные функции НГЛ. Сделаны некоторые выводы о перспективах исследований НГЛ, предложена дефиниция термина.

Ключевые слова: прагматоним, эргоним, когнитивная функция.

Проблема, которая в общем виде ставится в данной статье, – разработка дефиниции, термина и описание функций наименований групп лиц (далее НГЛ). Материалом исследования являются наименования разнообразных групп людей, творческих, профессиональных коллективов, интернетовских групп, организаций, партий (НГЛ «ООО Концерн Весна», НГЛ «Шоу-балет Тодес», НГЛ «Клуб Что? Где? Когда?», НГЛ «АО Приоритет», НГЛ «Партия зеленых», НГЛ «Интернет – группа: любители Израиля» и др.) Теоретической базой настоящего исследования послужили отечественные и зарубежные работы, рассматривающие лингвостилистические, прагматические, семантико-лексические и др. аспекты функционирования языковых единиц [1-8]. Исследования Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора в области когнитивных наук [11; 12] помогли сформулировать особенности НГЛ в когнитивном аспекте их изучения. Актуальность и новизна исследования обуславливаются неразработанностью проблемы, необходимостью дополнительных исследований в области антропонимики, отсутствием комплексного описания наименований групп людей, а также отсутствием дефиниции и термина для нового вида антропонима, которым является НГЛ. В цели и задачи входит охарактеризовать основные функции, описать дефиницию и предложить термин для НГЛ.

Изменения в современном обществе, переоценка ценностей, условия жизни, новые пути развития экономики повлекли за собой появление большого количества объединений людей, объектов коммерции, культуры, спортивных заведений и пр., каждое из которых потребовало своего названия эргонима, включающего собственные имена предприятий различного профиля: делового объединения людей (научного, учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного комплекса (стадиона), представляющие собой единицы лингвистического пространства города. Многие

НГЛ совпадают с эргонимами, исключая из вышперечисленных объектов кинотеатры, магазины, стадионы, парки, если таковые не зафиксированы как ООО, ОАО и т.п. с одноименными названиями. Например, в поле НГЛ входит *ООО Концерн Весна* и не входит магазин *Весна*. Отметим, что понятие НГЛ включает гораздо более длинный список обозначаемых объектов. Для того чтобы быть эффективным, то есть узнаваемым, читаемым, обращать на себя внимание, эргоним должен быть оформлен стилистическими средствами, подчиняться риторическим законам.

Большинство имеющихся на настоящий момент исследований в области эргонимии выполнены на языковом материале разных городов (описанию подаются эргонимиконы отдельных городов). Принимая во внимание данную ситуацию частичного описания отдельно взятых эргонимиконов, считаем, что назрела необходимость общего теоретического изучения данных онимов, анализа их структурно-семантических характеристик, закономерностей возникновения и функционирования в лингвистическом пространстве современной Украины. Отметим также, что особенности русского языка, употребляемого на территории Украины, отражаются на создаваемых языковых единицах, в частности НГЛ.

Укажем, что объектом пристального внимания ученых, исследующих собственные имена, являются преимущественно ядерные разряды ономастики (антропонимы и топонимы), а среди исследований периферийных разрядов, например эргонимов, большинство работ выполнено в рамках описательной лингвистики. В целом на сегодняшний день ощущается недостаток теоретических исследований обобщающего характера.

Анализ теоретической литературы показал, что в зависимости от того, с какой точки зрения изучаются названия коммерческих предприятий, деловых учреждений и культурных заведений, ученые предлагают соответствующие термины: эргонимы, эргоурбонимы, локализованные коммерческие предприятия, например *ООО Петриковка*, *ООО Хортица*; НКП – названия коммерческих предприятий, фирмонимы и др.

В нашем материале НГЛ совпадает (может совпадать) с названиями объектов внешней действительности, например машин, объектов передвижения. Приведем ниже некоторые примеры. Интернетовская группа, имеющая имя *Фольксваген*, создана с целью объединить всех автолюбителей этой марки. Примеры хрематонимов: *ООО Двери и окна*, *АО 4 комнаты*, *ООО Мебель*, *АО Стол и стул*.

Мы предлагаем следующее определение наименованиям групп лиц, совпадающим с эргонимами. *НГЛ – это имена собственные с признаками антропонимов (называющие людей) и онимов (отождествляющие занятия, коммерческую, а также социальную деятельность людей, включая их привычки и приверженности).*

Как указывается в теоретических источниках [9; 10; 11], ойкодомонимы выполняют следующие основные функции: прагмалингвистическую и когнитивную. В прагмалингвистическую функцию входят: 1) назывная (идентифицирующая), 2) информативная, 3) рекламная;

В когнитивную функцию входят: 1) собственно познавательная когнитивная функция и 2) нейролингвистически программирующая.

Ниже мы приводим основные функции НГЛ, выделенные в ходе исследований.

1) Назывная функция НГЛ. Эргонимы-НГЛ служат для называния объектов деятельности человека, выделяют этот объект из ряда однородных (ООО *Алмаз, Дамонд*, ОАО *Камя*, ЧФ *Часы & Золото*).

2) Собственно рекламная функция НГЛ. Название призвано привлечь, заинтересовать, заставить откликнуться горожанина как потенциального клиента *ООО Компания недвижимости номер один, АО Первак*. Рекламная функция связана с необходимостью привлечения внимания потенциального клиента к называемому объекту. От обычной информации реклама отличается тем, что она выполняет функцию увещательного воздействия на человека с целью побудить его воспользоваться услугами данного предприятия. Реклама создает привлекательный образ рекламируемого объекта, воплощая рекламную идею в выразительной, запоминающейся, иногда символической форме. Рекламная функция приобрела особую значимость в наше время – время появления большого количества однотипных предприятий, главным образом в сфере торговли и обслуживания населения. В условиях конкуренции между предприятиями, предлагающими однотипные товары и услуги, немаловажное значение (особенно на первых порах функционирования предприятия) имеет удачно выбранное название, позволяющее предприятию выделиться среди себе подобных. Несмотря на то, что данная функция более всего представлена в наименованиях предприятий торговли и обслуживания населения, она присутствует и в названиях других типов обществ, например производственных (*АООТ Авиастар – бывший авиационно-промышленный комплекс*, учебных (*средняя школа «Тропинка к знаниям»*) и т.д. Менее всего о проявлении рекламной функции, а то и вовсе о ее отсутствии можно говорить применительно к названиям обществ с административными функциями. На наш взгляд, в процессе переименования подобных объектов в скрытом виде также проявилась *нейролингвистически программирующая функция*, построенная на принципе саморекламы и использующая манипулятивные методики в образовании наименований. Мы считаем, что данная функция, как и общекогнитивно-познавательная, присуща НГЛ полю в целом.

2.1) Рекламно-когнитивная функция НГЛ. У эргонима-НГЛ часто отсутствует прямая связь с понятием, лежащим в основе наименования. Часто этимология НГЛ утеряна, семантика может быть таким образом затемнена. Эргоним-НГЛ является лишь “*вывеской*” для именуемого объекта, вызывая разные ассоциации с главным денотатом (*ООО, Кафе-бар На посошок*).. Иными словами, реципиент складывает свой образ НГЛ, ассоциативно связывает НГЛ с ментефактом [12] своей собственной понятийной системы.

3) Назывная (идентифицирующая) или номинативно-выделительная функция НГЛ связана со спецификой собственного имени вообще, с его отличием от апеллятива. Эта функция является основной языковой функцией всех имен собственных *АО Тристар, ООО Медикус* Основное, реализуя потенциал и назначение номинативных единиц (имен собственных) – «именовать, выделять и различать однотипные объекты. Эта функция относится и к НГЛ-ойкодомонимам, так как они называют отдельное внутригородское общество людей и выделяют его из ряда подобных.

4) Информативная функция НГЛ. Семантически полное в языке, имя собственное выступает предельно информационно насыщенной единицей. Приведем пример:

частная клиника *ООО Медикор*, композитное образование с семой *мед* и заимствованием из французского *coeur* «сердце», реализует свой этимологический потенциал, вызывает ряд дополнительных ассоциаций с сердцем, неся дополнительную информацию «*способность чувствовать и понимать*», что особенно важно для института медицинской помощи; Информативная функция связана с назначением НГЛ-топонимов. Топоним должен ориентировать человека в окружающем мире, в пространстве, служить адресом. Информативная функция ойкодомонимов имеет свои особенности: НГЛ-ойкодомонимы несут информацию о специфике объекта (виде деятельности, ассортименте товаров или услуг и т.д.).

5) Эстетическая (название, как правило, вызывает положительную ассоциацию, «красиво звучит» *ООО Афродита, АО Венера, АО Цветочная рапсодия, Первая скрипка*).

6) Мемориальная функция (в названиях зачастую отражаются имена учредителей, названия популярных музыкальных групп, художественных фильмов и пр. *ООО Иванов, ООО Доктор Борменталь, АО Летучая мышь, ООО Зигзаг удачи*).

7) Характеризирующее-познавательная функция НГЛ. Эргонимы характеризуют экономическую и промышленную жизнь региона, города, страны. Такие промышленно-коммерческие эргонимы включают в себя следующие разновидности: наименования с элементами *строй-, авто-, торг* и *трейд* (англ. *to trade* – торговать), *техно-* и *тех-*, *энерг-* и *энерго-*, *нефть* и *oil* (англ. нефть, масло), *газ-*, *хим-*, *рем-* (ремонт), *металл*: *Строитель Тан, Авто-Фаворит; Технокомп; Торговый союз, Трейдуниверсал, Торгхолдинг, Энергетик, Авитрон-Ойл, Газтехника, РемСО, Металл-Трейд* и др. Развивается *фарм-, мед-* и *эко-* промышленность, вследствие чего появляются соответствующие эргонимы: *ОАО МетЭко, Экодом, Эко-Мед, Экопроект-Вакар, Экострой, Экотехнотур; ООО Мед-Арт, Медео, РИА-Медоптик, ЮниксМед; ЧФ Фарленд, ЭкоФарм*.

8) Идентифицирующая функция присуща всем ойкодомонимам, две другие присутствуют далеко не в каждом названии. Так, в наименованиях *ООО Цветы, Семена, Симбирские кухни, На Опытном поле, У дамбы* содержится информация о виде предлагаемого товара либо о местонахождении объекта. Рекламная функция в данных названиях отсутствует. В ойкодомонимах же *Апогей, Блеск, Бьюти* ярко выражена рекламная функция, но никакой информации об объективных качествах называемых объектов данные названия потенциальному клиенту не предоставляют.

9) Манипулятивная функция НГЛ (или нейропрограммирующая). Языковой знак НГЛ, как доказывается в работе, создает манипулятивное воздействие на реципиента. Будучи направленным на воспринимающего субъекта, НГЛ является единицей речевой коммуникации, когнитивной единицей рекламы, как метода воздействия на её реципиентов. В анипулятивный *эффект* и манипулятивный *аффект* в НГЛ. Например, *ООО Развлекательный центр Египет*. Цель речевого общения состоит в получении реципиентом определенной информации о данном объекте и правильном ее декодировании (последнее, к сожалению, нередко является достаточно затруднительным, как в приведенном примере, не совсем ясна связь между онимом Египет и развлекательным центром). Для ряда объектов (главным образом для предприятий торговли и обслуживания населения) – в создании привлекательного рекламного образа. Обстановкой общения в данном случае является дополнительная информация об объекте, содержащаяся в перечне

предлагаемых товаров или услуг, рекламном слогане, заложенном в наименовании ООО или ОАО и т.д., эмблеме предприятия, графическом оформлении НГЛ.

Вывод. НГЛ, таким образом, обладают основными функциями онимов в целом, принадлежат к антропонимической системе, являясь именем *групп* людей. Занимают пограничное положение между антропонимами и прагматонимами.

Перспективами исследования является рассмотрение НГЛ как единицы рекламной коммуникации, в фокусе которой оказываются сложные конфигурации сем НГЛ. Открывается возможность выработать особенности риторики текста НГЛ с учетом схем, используемых в зарубежной рекламной практике.

Список литературы

1. Апресян А.А. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / А.А. Апресян. – М. : Издательский центр «Академия», 1974. – 445 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва, Наука, 1988. – 367 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 289 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценок / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 456 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 356 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 179 с.
7. Суперанская А. В. О русских именах / А. В. Суперанская. – Л.: ЛГУ, 1991. – 236 с.
8. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 321 с.
9. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен / А. В. Суперанская // Антропонимика. – М.: Наука, 1978. – 256 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 367 с.
11. Fillmore C.J. Frame semantics / C.J. Fillmore. – Seoul, 1982. – P.111-137.
12. Lakoff G. Linguistic gestalts / G. Lakoff. – Chicago, 1977. – V. 13. – P.236-287.

Ходоренко Г.В. Функції та дефініція найменувань груп осіб // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.94-98.

У статті в загальному вигляді розглядаються функції найменувань груп осіб (НГО). Наведено ряд прикладів найменувань груп осіб, які займаються комерційною, політичною, творчою діяльністю, що ілюструють функції НГО.

Ключові слова: прагматонім, ергонім, когнітивна функція.

Khodorenko A.V. Functions and definition of people groups names // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.94-98.

The article deals with the analysis of initial functions of people groups names (PGN). The definition of people groups names as a notion is supposed to be given in the article. Different examples of the names of various people groups (leading commercial, political, creative activities) are suggested to illustrate PGN functions.

Key words: pragmatonym, ergonym, cognitive function.

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.

УДК 81'367.4

ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ «УСЛОВИЕ» И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цымбалюк Т. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается специфика выражения языкового смысла «условие» в русском языке, показана некомплектность средств его репрезентации.

Ключевые слова: *языковой смысл, ономасиологические средства выражения, условие.*

Во второй половине XX столетия особое внимание приобретает ономасиологический аспект исследования языка. В русистике он представлен в работах И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, В. Н. Мигирова, М. В. Фёдоровой, И. А. Мельчука, В. М. Никитевича, А. В. Бондарко и др.

Одним из наиболее интересных направлений в ономасиологии признана теория языковых смыслов, представленная Н. Ю. Шведовой и активно пропагандируемая Ю. Л. Воротниковым [5; 9; 10].

Свою дальнейшую разработку теория языковых смыслов получила в ряде статей Е. Н. Сидоренко, затем – в монографии «Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения». По мнению автора, языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономасиологических единиц, объединённых в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заменителями – лексиями) [7, с. 11].

Актуальность. Говоря об основных достижениях и недостатках изучения языковых смыслов на современном этапе, можно выделить следующее:

– теория языковых смыслов продолжает ономасиологическое исследование языка, направленное от содержания к средствам его выражения;

– с помощью этой теории происходит разрушение длительно существовавшего в науке о языке «словоцентризма» за счет введения расчленённых единиц именования;

– теория языковых смыслов, способствуя выяснению работы механизма языка, связана со многими кардинальными вопросами лингвистики и содействует их решению.

Целью настоящей работы является исследование содержания и ономазиологических средств выражения языкового смысла «условие». Реализация поставленной цели требует решения следующих задач:

- 1) выделение семантического содержания языкового смысла «условие»;
- 2) выявление системы ономазиологических средств, с помощью которых реализуется языковой смысл «условие» в современном русском языке.

Вслед за Е. Н. Сидоренко, мы выделяем 13 языковых смыслов в русском языке: 1) предметность; 2) признак предмета; 3) количество и число; 4) процесс; 5) качественную характеристику процесса, признака; способ и образ действия; 6) меру и степень; 7) пространство (место и направление); 8) время; 9) причину и следствие; 10) цель; 11) условие; 12) уступку; 13) состояние.

Эти языковые смыслы обслуживают 5 типов ономазиологических единиц: 1) слово; 2) предложно-падежная форма; 3) словосочетание особого типа, семантически эквивалентное слову; 4) лексия («составное слово»); 5) фразовый номинант (придаточная часть сложноподчинённого предложения с синтаксическим артиклем или без него). Слово является синтетической ономазиологической единицей; остальные единицы именованья – расчленённые [7, с. 62-63].

Большинство языковых смыслов представлены полным набором ономазиологических единиц, другие – только их частью. Основным ономазиологическим средством выражения языковых смыслов является слово. Исторически сложилось так, что за каждым языковым смыслом закреплялись слова, объединённые в определённую часть речи. Например, за языковым смыслом «предметность» закреплялись имена существительные, языковым смыслом «время» – наречия времени и т. д. Языковой смысл «условие» на словном уровне выражен только местоимениями *когда?* = *при каком условии?*, *тогда* = *при таком условии*, *всегда* = *при любом условии*. Напр.: *Мы должны победить при любом условии*. Они омонимичны вопросительному прономинативу *когда?* = *в какое время?*, указательному *тогда* = *в то (такое) время*, обобщающе-выделительному *всегда* = *в любое время*. Напр.: **Когда** (*при каком условии*) *в корне слова после «ц» пишется «ы»?* Соответствующие наречия в современном русском языке отсутствуют.

По мнению Е. Н. Сидоренко, категоризаторами языковых смыслов являются прежде всего вопросительные местоимения, так как именно они противопоставлены всем «ответным» формам и в наиболее чистом, концентрированном виде выражают энергетику языкового смысла. Однако языковой смысл «условие», хоть и имеет собственный вопросительный местоименный категоризатор *когда?*, вследствие вторичности его (он представляет собой функциональный омоним *когда* со значением времени), редкого использования, неполного местоименного ряда гораздо чаще представлен расчленёнными единицами именованья – предложно-падежными формами (*при наличии*, *при отсутствии*, *в случае*, *с учетом*, *в зависимости от*), лексиями (*при каком условии?*, *при любом условии* и т. д.), фразовыми номинантами (*если решит задачу правильно*). Отсутствие собственного местоименного категоризатора объясняется тем, что языковые смыслы формируются прежде всего на уровне синтаксиса (словосочетаний и придаточных предикативных частей сложноподчинённых предложений) и только по мере «созревания» языкового

смысла переходят на морфологический уровень (вырабатывают соответствующие наречия и вопросительные местоимения).

Категория условия, отражающая связи между явлениями действительности, служит объектом изучения нескольких наук – философии, логики и грамматики, в каждой из них обнаруживая специфические особенности. В материалистической диалектике условие как основная категория не выделяется, однако при толковании категории причины и следствия условие уподобляется причине. В философии причина всякого события оценивается одновременно и как условие его совершения, реализации. Таким образом, причина совершения всякого события или действия является в то же время и условием его реализации. Сущность понятия «условие» в материалистической диалектике толкуется так: «строго определённая, относительно устойчивая общность, совокупность явлений, при наличии которой одно из этих явлений с необходимостью, неизбежно порождает другое, новое, тоже вполне определённое явление» [4, с. 215].

В языке категория условия изучается в разных разделах: в синтаксисе, морфологии, а в последнее время – в теории языковых смыслов как ономасиологическая единица.

Языковой смысл «условие» выражается с помощью расчленённых единиц именования. К ним относятся: а) предложно-падежные формы, б) лексии, в) фразовые номинанты.

Предложно-падежные формы представляют собой одно из самых распространённых средств выражения языковых смыслов. Исторически сложившаяся система подобных средств позволяет в большинстве случаев определять характер выражаемых смысловых отношений без использования широкого контекста.

Языковой смысл «условие» на уровне предложно-падежных форм выражается с помощью таких предлогов: *при условии (в условиях)* (*Он говорит, что энергия рождается лишь **при условии разности температур*** (К. П., Кара-Бугаз); *в случае (по случаю)* (*– Придётся мне, – с грустью сказал Липогон, сходить за приставом господином Скульским и дать этому делу законное течение. Так что **в случае неприятностей** вы на меня не обижайтесь, господин Каменюк* (К. П., Беспокойная юность)); *в зависимости от* (*Эти слова он произносил на нескольких языках, **в зависимости от национальности** дерущихся* (К. П., Бросок на юг); *с учётом* (***С учётом времени** на дорогу мы отсутствовали неделю* (К. П., Блистающие облака). Существование этих предлогов подтверждают «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой, «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» Г. П. Цыганенко, «Морфология неполнозначных слов в современном русском языке» С. И. Богданова [3; 6; 10].

Языковой смысл «условие» выражается с помощью конструкций *при наличии, при отсутствии (с отсутствием)*. В «Книге для преподавателя к учебному комплексу по русскому языку для студентов-иностранцев нефилологических вузов СССР» Н. Н. Беляковой они относятся к сложным предлогам [2]. Однако, по нашему мнению, они являются промежуточными единицами между предлогами и предложно-падежными формами, так как пока не закреплены словарями. Напр.: *А **при наличии***

воды эту землю, залитую солнцем, можно довести до неслыханного расцвета (К. П., Кара-Бугаз). *С отсутствием Артёма в семье стало тужо: заработка Павла не хватало* (К. П., Беспокойная юность).

Следующие конструкции, выражающие языковой смысл «условие», – конструкции с предлогом *без*. Они обычно указывают на отсутствие предмета (явления), наличие которого является необходимым условием действия (состояния), выраженного сказуемым (*Был такой приказ – без нужды не стрелять, чтобы не вызывать ответного – огня* (Д. Г., Наш комбат).

Средством выражения языкового смысла «условие» служат лексии *при каком условии?*, *при этом условии*, *при каком-либо условии*, *при любом условии* и под. Напр.: *Только при этом условии работа будет хорошо идти*.

Одним из основных признаков, отличающих категорию условия, является то, что для её существования необходимо объединение, по крайней мере, двух событий, действий, процессов. Из двух объединяемых действий или событий одно должно выражать условие, другое – зависящее от него обусловленное. В силу указанной особенности категория условия наиболее полно, всесторонне реализуется в сложноподчинённых предложениях с условным придаточным. В сложноподчинённом предложении фразовый номинант выступает в форме придаточной части с синтаксическим артиклем или без него, выступающей в качестве развёрнутого члена главной по отношению к ней предикативной единицы и представляющей собой окказиональное название. Преимуществом фразовой номинации является то, что она преодолевает ограничения, связанные с лексической и синтагматической (по терминологии В. Н. Мигирова) номинацией, так как обладает большими возможностями именования по самым разнообразным стабильным и изменяющимся признакам и тем самым обеспечивает интересы коммуниканта. Фразовая номинация, как было отмечено в работах М. В. Фёдоровой, В. Н. Мигирова, Н. И. Пельтихиной и др., является единственно возможной при необходимости выразить такую категорию при характеристике референта, как будущее время (*если решит задачу*).

В современном русском языке среди условных союзов чаще всего встречаются состоящие из двух частей: *если (бы)... то (так, тогда)*, *ежели (бы) ... то (так, когда (бы) ... то, коли (бы)... то (так)*, *кабы ... то (так)*, *ли... то, как ... так, раз... то (так)*. Первая часть такого союза содержится в придаточном предложении, вторая часть – в главном. Напр.: *Если бы я ответил «да», то обманул бы себя, если бы ответил «нет», то обидел бы вас поспешностью, господин Дицман* (Ю. Б., Берег). *Я чувствовал, что если лягу, то уже не поднимусь. И Максимов остался стоять* (Д. Г., Пленные).

Союз *если* в условном значении стилистически нейтрален и является наиболее употребительным во всех функциональных стилях общелитературного языка.

Выводы. 1. В системе языковых смыслов рассматриваемый смысл имеет особую специфику, позволяющую говорить о его особом положении. Он имеет собственный вопросительный местоименный категоризатор *когда?*, который можно охарактеризовать как вторичный, так как он представляет собой функциональный омоним *когда* со значением времени.

2. Языковой смысл «условие» по времени своего появления является одним из наиболее поздних, поэтому он остается до настоящего времени малоизученным.

3. Языковой смысл «условие» на словном уровне выражен только местоимениями *когда?* = *при каком условии?*, *тогда* = *при таком условии*, *всегда* = *при любом условии*. Они омонимичны вопросительному прономинативу *когда?* = *в какое время?*, указательному *тогда* = *в то (такое) время* и обобщающе-выделительному *всегда* = *в любое время*. Соответствующие наречия в современном русском языке отсутствуют. Исследуемый языковой смысл в современном русском языке выражается с помощью расчлененных единиц именования. К ним относятся: а) предложно-падежные формы, б) лексии, в) фразовые номинанты.

4. В настоящее время отсутствуют дефиниции лингвистического термина «условие» в словарях лингвистических терминов О. С. Ахмановой, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой. Не раскрыт он и в обычных толковых словарях (МАСе, Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и др.). По нашему мнению, этот термин не соответствует его лингвистическому содержанию и поэтому нуждается в пересмотре.

5. Отмечая, что языковой смысл «условие» на уровне средств выражения в определенной степени «ущербен» (не имеет соответствующих наречий, словосочетаний, собственного категоризатора, не омонимичного другому местоимению), в то же время отмечаем его обогащение новыми предлогами и большим количеством фразовых номинантов, что свидетельствует об увеличении его коммуникативной значимости, повышении его роли в системе средств выражения языковых смыслов речевого уровня.

Список литературы

1. Беднарская Л. Д. Изменения в употреблении двойных условных союзов за период от А. С. Пушкина до наших дней / Л. Д. Беднарская // Русский синтаксис. – 1980. – Т. 207. – С. 88-95.
2. Белякова Н. Н. Книга для преподавателя к учебному комплексу по русскому языку для студентов-иностранцев нефилологических вузов СССР (естественно-научный профиль). Практическая грамматика / Н. Н. Белякова, Л. С. Муравьева, Э. С. Озе – 2-е изд., перераб. – М.: Рус. яз., 1989. – 331 с.
3. Богданов С. И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке: [учеб. пособие] / С. И. Богданов. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1997. – 140 с.
4. Воробьев Л. В. Основные категории и законы материалистической диалектики / Л. В. Воробьев, В. М. Каганов, А. Е. Фурман. – М.: МГУ, 1962. – 360 с.
5. Воротников Ю. Л. О возможности построения русской грамматики смыслов / Ю. Л. Воротников // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 137-147.
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: Ок. 15000 словарных ст.: Ок. 22000 семантических единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель, 2004. – 814 с.
7. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения: [монография] / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 128 с.
8. Цыганенко Г. П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов / Г. П. Цыганенко. – Алчевск: Донбасс-Медиа, 2006. – 600 с.
9. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с. (38 схем).
10. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – 120 с.; табл. 10.

Список условных сокращений

Д. Г. – Даниил Гранин
К. П. – Константин Паустовский
Ю. Б. – Юрий Бондарев

Цымбалюк Т. О. Мовний зміст «умова» та ономасіологічні засоби його вираження в російській мові // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.99-104.

У статті розглядається специфіка вираження мовного змісту «умова» в російській мові, показана некомплектність засобів його репрезентації.

Ключові слова: мовний зміст, ономасіологічні засоби вираження, умова.

Tsybaljuk T. A. Language meaning of “condition” and onomasiologic means of its expression in the Russian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.99-104.

The specificity of the expression of the language meaning of “condition” in the Russian language is considered in the article, the incompleteness of the means of its representation is emphasized.

Key words: language meaning, onomasiologic means of expression, condition.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.1

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЧЛЕНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДВОЙНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Чернобривец С.Г.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина

В статье рассматривается один из спорных случаев квалификации члена предложения, одновременно относящегося к субъекту/объекту и глагольной форме.

Ключевые слова: синтаксический разбор, второстепенный член, дуплексив, двойная связь, значение состояния.

В современном синтаксисе накопилось достаточно явлений, которые не поддаются однозначной интерпретации. Такое положение дел вызывает затруднения при синтаксическом разборе как в школе, так и в вузе.

Один из дискуссионных вопросов – синтаксический статус компонента предложения двойного подчинения со значением состояния лица/предмета в момент протекания процесса в конструкциях типа *Мать пришла усталая; Ешьте фрукты свежими*. К каким членам предложения следует отнести *усталая* и *свежими* в этих конструкциях? Это часть составного именного сказуемого, определение, обстоятельство или какой-то другой член предложения? Если любознательный учащийся задаст вопрос о синтаксической функции этих (и подобных) компонентов, то однозначного ответа он не получит в силу следующих причин.

Каждый член предложения – это структурно-семантический компонент предикативной структуры, выраженный полнозначным словом (а также синтаксически неразложимым словосочетанием, фразеологизмом), обладающий набором собственных дифференциальных признаков, отличающих его от других членов предложения. Цель статьи – рассмотрение спорного случая квалификации члена предложения, одновременно относящегося к субъекту/объекту и глагольной форме.

Если рассматривать компонент двойной зависимости – в частности дуплексив со значением состояния – как часть составного именного сказуемого, что и наблюдается в традиционной грамматике даже тогда, когда сказуемое – глагол с полным лексическим значением, то как объяснить случаи с обособленным и парцеллированным дуплексивом? Например: *В то время вошла графиня, совсем одетая (А. Пушкин); Люблю я море... Даже таким люблю, мёртвым, свинцовым (К. Паустовский); Как? – сказал гимназист. – Кожу содрали? С живого? (И. Бунин); ...[Ассоль] осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая (А. Грин); Он сидел в кабинете на полу у стены. Весь окаменелый (Т. Степанова)*. Именная часть составного сказуемого не допускает ни обособления, ни парцелляции.

Квалифицировать член двойной связи как обстоятельство не позволяет то, что этот член предикативной структуры, функционально относясь к глаголу (как обстоятельство), обязательно характеризует лицо/предмет в момент действия, выраженного глагольным членом. Обязательная характеристика лица/предмета наблюдается даже в тех случаях, когда дуплексив – компонент односоставного предложения, в котором характеризуемый дуплексивом субъект/объект словесно не выражен. Например: *Тогда, весь мокрый и дрожащий, осадил вспененную, храпящую лошадь...* (И. Бунин); *Как войти в дом незамеченной?* (Т. Степанова) Здесь формы *мокрым* и *дрожащим* обозначают состояние лица мужского пола, а *незамеченной* – лицо женского пола. Но даже если бы в данном случае на месте прилагательного или причастия, у которого окончание указывает на пол (род) характеризуемого лица/предмета, была любая другая часть речи (например, существительное в косвенном падеже с предлогом), то и тогда дуплексив относился бы не только действию, выраженному глагольной формой, но (в первую очередь) к лицу/предмету и называл его состояние. Например: *С нежным чувством выходите из баини и вступаете в прекрасный лесок...* (Н. Карамзин); *[Люди] неоднократно замечали странную на взгляд девушку, проходящую среди яркой толпы с видом глубокой задумчивости* (А. Грин).

Анализируемый член двойной зависимости нельзя отнести и к определению, так как определение обозначает признак постоянный, не связанный с объективно-модальным планом, воспринимается как данный в предмете и неразрывно связан с ним, составляя «расчленённое обозначение единого понятия» [1, с. 19]. Дуплексив называет признаки характеризуемого им лица/предмета как временные, приписываемые, проявляющиеся только одновременно с действием, выражаемым глагольным членом, и актуальные в момент его действия. Таким образом дуплексив одновременно связан двойной зависимостью с предметом (субъектом/объектом) и глагольной формой.

Поскольку компонент двойной зависимости и глагольный член вступают в определённые смысловые отношения, то признак, заключённый в дуплексиве, и его носитель введены в объективно-модальный план, причём объективную модальность в большей степени выражает глагольный компонент, а дуплексив вносит значение сопровождающего предикативного признака.

Дуплексив характеризуется относительной незакреплённостью места в предложении, чем также отличается от определения, которое обычно располагается контактно с определяемым словом.

Тот факт, что дуплексив обладает большей грамматической самостоятельностью и обозначает признак, приписываемый лицу/предмету, объясняет возможность обособления анализируемого члена предложения, причём при обособлении сохраняется его временная соотнесённость со сказуемым, выражающаяся в проявлении признака в момент действия. Обособленное определение, в отличие от дуплексива, выражая признак актуальный, получает эту актуальность не в связи с действием глагольного члена, а только в связи с коммуникативными задачами предложения – усилить смысловую значимость обособленной части. Ср.: *Над бухтами стоял безмолвный итиль, затянутый вечерним дымом* (К. Паустовский) – обособлено определение. *Никита Зотов стоял перед ней истово и прямо, как в церкви, – расчёсанный, чистый, в мягких сапожках...* (А. Толстой) – обособлен дуплексив.

Общие признаки, характерные для обособленного и необособленного дуплексива (характеристика лица/предмета в момент действия, актуальность и

временное проявление признака, заключённое в словоформе с двойным подчинением) позволяют включить анализируемый член предложения в обособленной и необособленной позиции в одну категорию. А.А. Шахматов при рассмотрении двусказуемых адъективных предложений в качестве иллюстрации второго сказуемого приводит примеры с причастием в этой, по его мнению, функции с обособлением и без обособления: *Приободрившийся и весёлый, он встал с постели и медленно бродил по палатам (Л. Андреев); Я шёл занятый своими размышлениями (А. Пушкин)*. [4, с. 218]. Но в то же время А.А. Шахматов включает случаи с обособленным дуплексивом в категорию атрибутивно-предикативных определений, проявляя, таким образом, непоследовательность в квалификации одного и того же явления. Например: *Все они пьяные, потные, с мутными глазами, напряживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню (Л. Толстой); Татьяна, больная, лежит на кушетке в углу, в полутьме (М. Горький); Германн их [письма] писал, вдохновлённый страстью (А. Пушкин)*. Выделенные в этих предложениях словоформы А.А. Шахматов квалифицирует как атрибутивно-предикативные определения [4, с. 286-287].

Такие же разночтения наблюдаются и в современных учебных пособиях по русскому языку. Так, в учебнике [3, с. 155] обособленные словоформы с двойным подчинением включены, в соответствии с традицией, в разряд обособленных определений (*Андрей Леонидович, растроганный, с повлажневшими глазами, торопливо чмокнул жену, взял портфель и вышел в тёмный подъезд. Николаев*) и обособленных обстоятельств (*Распустив хвоста колючий веер, на сосне красуется глухарь. Кедрин*), хотя в необособленной позиции подобные члены предложения рассматриваются как самостоятельные второстепенные с двунаправленной зависимостью (*По словам матери, я рос крепким и здоровым на славу. Никитенко*) [3, с. 115].

П.А. Лекант вводит дуплексив, характеризующий субъект-подлежащее и сказуемое, в разряд составных именных сказуемых, хотя и оговаривает, что полнозначные глаголы в таких конструкциях «сохраняют всю полноту вещественности» [2, с. 90]. Далее этот исследователь пишет: «Не являются связками вещественные, полнозначные глаголы, способные выступать в сказуемом вместе с именными предикативными формами: *Ксения пришла домой задумчивая и тоскующая (В. Вересаев); Я ушёл оглушённый (К. Паустовский); После седьмого класса мы расстались друзьями (В. Солоухин)*» [2, с. 90]. В то же время П.А. Лекант дуплексив, относящийся к дополнению и сказуемому, квалифицирует как отдельный синкретичный член предложения: «Словоформы с двойным подчинением, с двойной грамматической связью (так называемые «дуплексивы») имеют и сложную «двойную» семантику, например: *Раз Владимир Семеныч, вернувшись со службы домой, застал сестру плачущей (А. Чехов); Было бы ошибкой назвать такую женщину рассудочной и холодной (М. Горький)*. Словоформы прилагательных *рассудочной, холодной*, причастия *плачущей* имеют двойную грамматическую связь... Синтаксическое значение словоформ – **п р е д и к а т и в н о е о п р е д е л е н и е**» (разрядка П.А. Леканта. – С. Ч.) [2, с. 195].

Факты языка говорят о том, что дуплексив – особый второстепенный распространитель предложения, отличающийся от именной части сказуемого, определения и обстоятельства наличием двойных связей, выражающих двойственные отношения: атрибутивные по отношению к лицу/предмету и состояния по отношению к глагольному компоненту. Обе связи возникают на уровне предложения, причём дуплексив характеризует не только действие, что свойственно обстоятельствам, но и

имя (лицо/предмет) через посредство глагольного компонента. Обозначение признака временного, проявляющегося в момент действия, даёт основание не включать дуплексив в разряд определений. Не являясь обязательным в структурном плане, дуплексив со значением состояния может быть обособлен, элиминирован или парцелирован, что не позволяет вводить его в состав сказуемого. Дуплексив со значением состояния лица/предмета в период протекания процесса, выраженного глагольной формой, характеризуется, как и любой другой компонент предикативной структуры, своей семантикой, способами морфологического выражения и занимает отдельное место среди других членов предложения.

Выводы. К сожалению, традиционная грамматика, вопреки всем вышеперечисленным аргументам, не выделяет дуплексив как отдельный член предложения, вводя его в состав сказуемого (составного именного), если компонент двойного подчинения относится к подлежащему и сказуемому, выраженному полнозначным глаголом. Конструкции, в которых дуплексив реализует связи с дополнением и глагольной формой, в традиционной грамматике вообще не находят описания. Поскольку язык значительно богаче и сложнее, чем это представлено в грамматиках, при синтаксическом разборе не следует игнорировать такие синтаксические явления, которые не укладываются в существующие грамматические схемы. Дуплексив – один из таких феноменов.

Список литературы

1. Грамматика русского языка: [в 2 т.] / АН СССР. – М.: АН СССР, 1960. – Т.2. Ч.1. – 702 с.
2. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: [учеб. пособие] / П.А. Лекант. – 3-е изд., испр. и дополн. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
3. Современный русский язык: [в 3 ч.] Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – 2-ое изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
4. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Выпуск первый. Учение о предложении и о словосочетаниях / А.А. Шахматов. – Л.: АН СССР, 1925. – 440 с.

Чернобривець С.Г. Складний випадок кваліфікації члена речення подвійного зв'язку // Учене записки Таврицького національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.105-108.

У статті подається один із складних випадків кваліфікації члена речення, який одночасно належить до суб'єкта/об'єкта та дієслова.

Ключові слова: синтаксичний розбір, другорядний член, дуплексив, подвійний зв'язок, значення стану.

Chernobrivets S.G. A difficult case of categorizing the sentence part of double dependence. // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.105-108.

The article presents the examination of a debatable case of categorizing the sentence part referring to both subject / object and verb form.

Key words: syntactic analysis, secondary part of the sentence, duplexive, dual bond, meaning of state.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1'367.332

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ И СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Шкурко Е.В.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье рассматриваются конструкции с двусторонней синтаксической связью, анализируются закономерности первичного восприятия текста, указываются способы предупреждения появления синтаксической омонимии в современном русском языке.

Ключевые слова: *двусторонняя синтаксическая связь, синтаксическая и структурная омонимия, омонимизирующий компонент, деомонимизация (элиминация).*

Современная лингвистическая наука достаточно широко интерпретирует омонимию и выделяет ее на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Однако указанные типы языковой неоднозначности исследованы специалистами в различной степени. Наибольший интерес у лингвистов всегда вызывали лексическая и грамматическая омонимия, а вот степень разработанности проблемы синтаксической неоднозначности и в настоящее время все еще недостаточно высока. Большинство исследований имеют лишь косвенное отношение к вопросу омонимии предложения, поскольку чаще всего ограничиваются либо констатацией наличия в русском языке синтаксически неоднозначных конструкций, либо описанием наиболее явных примеров типа *метод анализа, который...* или *назначение директора*, либо рассмотрением синтаксической омонимии в сугубо прикладном аспекте – с точки зрения автоматической обработки текста [2; 3; 5]. *Актуальность исследования* многозначности на синтаксическом уровне обуславливается широким распространением данного явления в современном русском языке, недостаточной степенью его изученности, а также необходимостью лингвистической интерпретации синтаксически неоднозначных конструкций в целях оптимизации коммуникативного процесса.

Цель статьи – рассмотреть такие разновидности нестандартных синтаксических связей, как структурная и синтаксическая омонимия, указать закономерности первичного восприятия текста, а также предложить правило выявления синтаксических омонимов, позволяющее предупредить появление неоднозначных конструкций.

В строе предложения слова и словосочетания могут претерпевать определенные изменения в своих связях и отношениях, что обуславливается содержанием высказывания, его целью, стилем речи, эмоциональной окрашенностью и т.д. Одним

из таких изменений является так называемая двусторонняя связь, то есть связь, при которой слово или словосочетание может быть подчинено одновременно нескольким доминантам.

Мы выделяем два вида синтаксической многозначности: структурную и синтаксическую омонимию. Под структурными омонимиями нами понимаются конструкции, в которых некоторый компонент речевой цепи может быть подчинен любой из нескольких возможных доминант, что не приводит к изменению смысла фразы. Структурная омонимия возникает на основе переразложения связей внутри словосочетаний двух типов: на базе именных словосочетаний с предложно-падежной группой, примыкающей к имени, которое выступает в роли стержневого слова (*всадник на вороном коне*), и сложных, как правило, трехкомпонентных, глагольных словосочетаний с той же группой, примыкающей к имени как к сильноуправляемому компоненту, подчиненному глаголу (*ужин на двоих*). Поскольку структурные омонимы не искажают смысла высказывания и в большинстве случаев придают речи большую выразительность, они не рассматриваются нами в качестве негативного или нежелательного явления, и, следовательно, не нуждаются в деомонимизации.

Синтаксическая омонимия представляет собой такое лингвистическое явление, когда из всех теоретически допустимых вариантов синтаксической структуры конструкции заданной ситуации соответствует только один. Иными словами, в конструкциях, содержащих синтаксические омонимы, реализуется двойная (множественная) связь, при которой одно слово или группа слов подчиняется любой из доминант, но при этом изменяется семантика высказывания. Данный вид синтаксической неоднозначности возникает как в предложениях, так и в словосочетаниях, вследствие чего мы выделяем два подвида синтаксических омонимов: 1) омонимы-номинативы и 2) омонимы-предикативы. К омонимам-номинативам нами относятся словосочетания, представляющие собой наименования различных учреждений (*Дом культуры лакокрасочного завода имени М.В. Ломоносова*). Омонимиями-предикативами мы называем синтаксически неоднозначные предложения (*Торговка вяленой воблой торчала между ящиками*), которые искажают истинный смысл высказываний, затрудняя процесс коммуникации, вследствие чего требуют к себе повышенного внимания и нуждаются в элиминации.

Деомонимизации синтаксически неоднозначных конструкций во многих случаях способствует контекст, однако он не является единственным и универсальным средством устранения синтаксической многозначности, так как нередко ни макро-, ни микроконтекст не может помочь реципиенту определить значение, предусмотренное автором высказывания. В подобных ситуациях можно обратиться к таким способам элиминации, как изменение расположения слов в предложении, вставка новых компонентов, изменение грамматических форм слов и другим. Однако следует помнить о том, что пишущий далеко не всегда замечает наличие в тексте синтаксических омонимов, поскольку, по замечанию А. Н. Гвоздева, «языковое чутье не способствует обнаружению омонимизма, он может быть раскрыт только при сознательном рассмотрении языкового материала,

направленном в сторону отыскания омонимов» [1, с. 382]. Подобные конструкции обнаруживаются не в момент написания, а спустя некоторое время, когда происходит определенное «отчуждение» автора от созданного им текста. Но корректировка сообщения через длительный период времени не всегда возможна: при выполнении студентами аудиторных работ или при написании классных сочинений учащимися школ, а также в журналистской практике, когда статьи экстренно направляются в номер, процесс отыскания синтаксических омонимов не реален. Именно поэтому пишущему необходимо уметь замечать синтаксическую неоднозначность в момент создания текста и заменять неудачные конструкции на строго однозначные непосредственно во время написания.

Поскольку, как указывалось выше, языковое чутье далеко не всегда оказывается действенным способом обнаружения синтаксических омонимов, необходимо *учить* пишущих распознавать такого рода недочеты. Для этого нужно знать закономерности первоначального восприятия текста и, в частности, закономерности смыслового объединения слов, выявленные и детально исследованные Б. С. Мучником [4, с. 228-229]: 1) каждое слово, которое может быть связано с одним словом, или с другим (из тех, что стоят по одну сторону от данного), объединяется при первоначальном восприятии *с ближайшим* из этих двух слов, даже если пишущий связывал его с другим, более отдаленным; 2) каждое слово, которое может быть объединено в предложении или с предыдущим словом, или с последующим, объединяется при первоначальном восприятии *с предыдущим* словом, даже если пишущий относил его к последующему; 3) омоформа именительный-винительный, стоящая в начале предложения, первоначально воспринимается читающим значении именительного падежа, даже если она употреблена пишущим в значении винительного падежа.

Для того чтобы убедиться в правильности данных утверждений, мы провели следующий эксперимент: предложили студентам-филологам 1) указать одно из двух графически выделенных слов, к которым может быть отнесен омонимизирующий данное высказывание компонент (в предложениях он выделен жирным шрифтом): 1. Потом был *на закуске* после *обедни*, **данной** городским главою... (Н. В. Гоголь, «Мертвые души»); 2. Для выяснения множества вопросов, связанных с развитием культуры, *связей* между населением разных *районов* страны, **их** влиянием друг на друга нужно перекопать тысячи тонн песка... (Вокруг света, 2004, № 5); 3. Речь идет о зажженных *фарах* на *автомобилях*, **наблюдаемых** нами на улицах (Наш город, 14.10.2009); 2) прочитать вслух предложения, содержащие омонимизирующие компоненты: 1. Отец его, боевой генерал 1812 года, всю жизнь **свою** тянул лямку... (И. Тургенев, «Отцы и дети»); 2. Отзвенел **давно** звенящий сад... (С. Есенин, «Свищет ветер...»); 3. К написанному **за эти годы** прибавилось еще два поэтических сборника (Собор, 23.08.2009); 3) разобрать предложения по составу: 1. Это движение органов речи вызывает движение воздуха («Практикум по современному русскому языку» под редакцией А.Я. Опришко); 2. Главные члены предложения могут отделять друг от друга второстепенные члены (Из лекции).

Наш эксперимент подтвердил правильность вышеуказанных закономерностей первоначального восприятия текста: при выполнении первого задания *все*

испытываемые объединили компоненты, омонимизирующие высказывание, с ближайшими из двух теоретически допустимых доминант (*обедни*, данной городским главою, влиянием *районов* друг на друга, *автомобилях*, наблюдаемых на улицах); при прочтении фраз 100 % участвовавших в опросе студентов соотнесли омонимизирующие элементы со словами, стоящими в препозиции (*жизнь свою*, *отзвенел давно*, к написанному *за эти годы*); при синтаксическом разборе предложений первые их составляющие квалифицировались всеми участниками эксперимента в качестве подлежащих, а сочетания *движение воздуха* и *второстепенные члены* как прямые дополнения.

Выводы. На основании выявленных закономерностей смыслового восприятия текста можно сформулировать общее правило распознавания подобного рода ошибок: чтобы узнать, возникает ли между двумя словами данной языковой конструкции ошибочная смысловая связь, необходимо определить 1) есть ли в предложении такой компонент, который может грамматически соотноситься с несколькими словами или словосочетаниями; если такого компонента нет, данное высказывание является однозначным; если же подобное слово или группа слов существует, необходимо выяснить, 2) можно ли данный компонент связать по смыслу с каждым из этих слов; если такое соотнесение невозможно, ошибочная смысловая связь в данном предложении отсутствует, а если сразу несколько слов могут быть связаны по смыслу с одним из компонентов высказывания, данная фраза скорее всего представляет собой синтаксический омоним.

Поскольку правило выявления синтаксических омонимов в тексте способствует предупреждению возникновения в письменной речи такого негативного языкового явления, как синтаксическая неоднозначность, нам представляется целесообразным ознакомить с вышерассмотренными положениями учащихся школ и вузов. Особенно важно, на наш взгляд, обучить указанным приемам студентов-филологов и журналистов, творчество которых в перспективе может стать достоянием миллионов читателей.

Знание данного правила и даже применение его на практике, безусловно, не позволит полностью устранить синтаксическую омонимию, однако поможет снизить до минимума процент высказываний, затрудняющих процесс коммуникации. Поэтому мы считаем целесообразным ознакомление студентов, обучающихся на филологических факультетах, не только с лексической и грамматической омонимией, но и с синтаксической неоднозначностью: ее сущностью, условиями и причинами появления в языке, правилами выявления синтаксических омонимов, а также способами устранения данного вида многозначности. Важно научить пишущих контролировать создаваемые ими тексты, смотреть на них как со стороны адресанта, так и со стороны адресата высказывания с тем, чтобы авторы могли определить, какое представление возникнет в сознании реципиента при восприятии написанного и будет ли соответствовать это представление тому, какое породило данный текст.

Список литературы

1. Гвоздев А. Н. Об одной проблеме стилистики / А. Н. Гвоздев // Очерки по стилистике русского языка – М. : КомКнига, 2009. – 408 с.
2. Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения / А. В. Гладкий. – М. : Наука, 2007. – 152 с.
3. Ермаков А. Е. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. Е. Ермаков // Труды Международного семинара Диалог' 2002 : в 2 т. – М. : Наука, 2002. Т. 2. – 2002. – С. 23-35.
4. Мучник Б. С. Человек и текст: Основы культуры речи // Б. С. Мучник. – М. : Наука, 1985. – 256 с.
5. Ножов И. М. Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы) / И. М. Ножов. – М. : Наука, 2003. – 140 с.

Шкурко О.В. Синтаксична омонімія та засоби попередження її виникнення // Учене записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.109-113.

У статті розглядаються конструкції з двостороннім синтаксичним зв'язком, аналізуються закономірності первинного сприйняття тексту, зазначаються засоби попередження виникнення синтаксичної омонімії в сучасній російській мові.

Ключові слова: *двосторонній синтаксичний зв'язок, синтаксична та структурна омонімія, омонімізуючий компонент, деомонімізація (елімінація).*

Shkurko E.V. Syntactical homonymy and the ways of its prevention // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.109-113.

The article deals with constructions of bidirectional syntactical relation. Peculiarities of “first sight” perception are analyzed. Ways of avoiding syntactic homonymy in the modern Russian language are focused on.

Key words: *bidirectional syntactical relation, syntactic and structural homonymy, homonymizing component, dehomonymization (elimination).*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 811.161.1'373.4

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Д. ГРАНИНА «ЗУБР»)**

Щасливая Н. С.

*Институт иностранной филологии Национального педагогического университета
им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина*

Данная статья посвящена исследованию категории имен собственных как интертекстуальных элементов в дискурсе автобиографической документальной прозы.

Ключевые слова: *имя собственное, антропоним, топоним, интертекст, прецедентные феномены.*

Актуальность. В современной художественной литературе широко представлены средства интертекстуальной информации: цитаты, аллюзии, имена собственные, заимствования образов других авторов и под. По наблюдениям исследователей, литература в настоящее время «все больше становится не литературой о жизни, а литературой о литературе» [6, с.31].

Основные положения стилистики онимов в художественной речи исследовали В. В. Виноградов, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, Н. К. Фролов; соотношение антропонимикона поэтического и реального, системность поэтической ономастики и её роль в тексте – С. И. Зинин, В. Н. Михайлов, О. И. Фоякова; поэтику имен собственных – В.М. Калинин, Э. Б. Магазаник, В. А. Кухаренко, Л. М. Щетинин; процессы номинации – В. М. Калинин, А. В. Суперанская.

Цель настоящей статьи – анализ лишь одного вида интекстовых включений в повести Д. Гранина «Зубр» – имён собственных.

Имена собственные, как известно, тесно связаны с эпохой, временем: они содержат как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию.

В современной лингвистике под *именем собственным (ИС)* принято подразумевать «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [3]. ИС являются значительным межъязыковым слоем лексики, как правило, не требующим перевода, что ведет к появлению иноязычных ИС в любом языке.

ИС является порождением и отражением культуры; их разнообразие обусловлено не только различием языков, в которых эти имена созданы или употребляются, но и многообразием духовных и материальных культур. Культурологический аспект ономастических исследований определяется, прежде всего тем, что ИС – «продукт»

определенной эпохи и определенной культуры, своеобразный культурный код эпохи (Ю. Лотман). Так, при введении в текст антропонима *Гитлер*, в сознании реципиента возникает образ фашизма, фашистской Германии, например: «В июле 1944 года произошло покушение на Гитлера, и положение всех политических заключенных резко ухудшилось. Гитлеровцы теперь расстреливали, уничтожали, не считаясь ни с какими именами. Был расстрелян сын Нобелевского лауреата, великого немецкого физика Макса Планка...». Имя немецкого лидера, наряду с именем нарицательным *гитлеровцы*, находится в оппозиции по отношению к ИС *Макс Планк*. Введение данных антропонимов формирует образ страны и ассоциируется с позитивным и негативным началами. Указанные ИС служат также целям формирования хронотопа текста, они выполняют номинативную и омадативную функции. Ср. также ИС: «Издавались они тогда активно: «Азбука коммунизма», «Анти-Дюринг», буквари, Конституция, – типографии работали всюду, бумаги было много, и рассылали книги по всему отечеству»; «Был возобновлен журнал «Природа», основан Кольцовым «Журнал экспериментальной биологии», Лазаревым – журнал «Успехи физических наук»...» [2]. Как видим, атрибутированные хремотонимы характеризуют эпоху послереволюционной России.

ИС, являясь одной из универсалий культуры (одновременно «олицетворяющие» собой национальное и включающие полинациональное, т. е. «стержневые» элементы, общую основу человеческой сущности), наравне с культурой выполняет кумулятивную (накопительную) и информационную функции. Они (ИС) являются частью языка, на протяжении всей своей истории тесно связанного с жизнью общества.

Таким образом, можно утверждать, что ИС – совершенно особый языковой знак, тесно связанный с понятием культуры. ИС помогают более полно раскрывать культурологический потенциал текста.

Осуществляя «память культуры» (Ю. Лотман), ИС часто являются ключом к пониманию текста, позволяют реконструировать «текст в тексте», во многих случаях ИС характеризуют идиостиль писателя.

Для творческой манеры Д. Гранина характерно обращение к прецедентным именам: «Олег Цингер вспоминает, как он привозил Тимофеевым сына художника Добужинского, библиотекарей Андрея и Дину Вольф, Мамонтова, Ломана, Всеволожского...» [2]. Отметим, что не каждое ИС является прецедентным, вернее, не для каждого реципиента данные ИС являются прецедентными. По мнению А. В. Суперанской, «переходя в язык как систему знаков, ИС должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая позволила бы установить его связь с логико-предметными рядами», и которая сделала бы возможным «включение их в сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов» [4, с.7].

ИС – неотъемлемый элемент формы художественного произведения. Являясь необходимым элементом стиля писателя, ИС в контексте всегда эстетически значимо, оно живет и воспринимается в «сложной и глубокой образной перспективе», в «перспективе целого» [1]. Семантико-стилистический потенциал, заложенный в ИС как оригинальной культурно-языковой категории, актуализируется в тексте. Введение того или иного ИС в ткань художественного произведения в каждом конкретном случае обусловлено определенными авторскими установками.

Имя персонажа выступает как одна из ключевых единиц художественного текста, как важнейший знак, который, наряду с заглавием, актуализируется по мере прочтения произведения. Это проявляется в тех случаях, когда оно занимает позицию заглавия и тем самым привлекает внимание читателя к называемому им персонажу, особо выделяет его в художественном произведении. Так, Д. Гранин сравнивает Тимофеева-Ресовского с зубром, редким древним животным, подчеркивая это сходство выразительным описанием внешности героя: *"Могучая его голова была необычайна, маленькие глазки сверкали исподлобья, колюче и зорко"; "густая седая грива его лохматилась* [2]. Удачно найденная метафора, позволяет автору называть своего героя Зубром, тем самым подчеркивая его исключительность и превосходство над окружающими.

ИС могут быть использованы как определенные стилистические и выразительные средства, обладающие богатыми ассоциативными и информативными возможностями, способствующими приращению смысла создаваемого текста.

Читатель узнает о генеалогии гранинского героя – Николая Тимофеева-Ресовского. Оказывается, он является отпрыском древнего дворянского рода, чье *«действие было заполнено пращурами не только девятнадцатого, но и ранних веков»* вплоть до Ивана Грозного; ученый хорошо знал своих предков, что свидетельствует о высокой культуре героя, его духовном богатстве. Герой повести *«ощущал себя ближе к Александру Невскому, чем к современникам»*.

В исследованиях, посвященных художественной речи, постоянно отмечаются огромные экспрессивные возможности и конструктивная роль имен собственных в тексте. Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов литературного произведения, развертывании его основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства, передают не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания произведения, часто выявляя его скрытые смыслы.

К примеру, описывая тяжелый период жизни Тимофеева, Д. Гранин вводит в текст, казалось бы, банальный эпизод: *«Однажды возвращались они [Зубр с супругой] из гостей ночью. Зубр был выпивший и, выйдя на Фридрихштрассе, запел во весь свой голосище про атамана Кудеяра и двенадцать разбойников. Потом про ямщика. В разгар войны посреди ночного спящего Берлина орал русские песни»* [2]. Русскому читателю атаман Кудеяр известен как самый кровавый и легендарный разбойник, персонаж русского фольклора середины XVI века. Сама же песня написана на стихи Н. Некрасова «12 разбойников». Представленный отрывок иллюстрирует несомненное умение автора использовать интертекстуальные элементы, мастерски включая их в ткань повествования.

Имена собственные в их взаимодействии образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности художественного мира автора. В ономастическом (антропонимическом) пространстве текста имена персонажей сближаются или, напротив, вступают в оппозицию. Так, в предыдущем примере мы наблюдали оппозицию топонимов

Берлин, Фридрихитрассе, которые характеризует пространство страны-противника, и России. В примере же, когда Зубр «*трубно возвещал, что Лысенко – это Распутин*», ИС достигают максимальной идентичности.

«Входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений» [3].

Во-первых, имя собственное указывает на социальный статус персонажа, его национальную принадлежность и, кроме того, обладает определенным историко-культурным ореолом; во-вторых, характер употребления антропонима в тексте отражает определенную точку зрения (повествователя или другого персонажа) и служит ее сигналом, а смена имени героя обычно связана с развитием сюжета; в тексте, наконец, могут актуализироваться символические смыслы антропонима и отдельных компонентов имени или фамилии. Возьмем, к примеру, следующую выдержку из цитаты Олега Цингера – близкого товарища Николая Тимофеева, который из-за близости душевной называет его просто Колюша: «*Когда Колюша рассказывал о себе, получалось впечатление, что перед вами человек, проживший не одну жизнь. Рассказывал, как он был студентом, казаком, как был где-то ранен, но верная лошадь его спасла. Где-то он голодал и питался в сарае воробьями, которых убивал снежками! Где-то на Украине он отбивался от бешеных собак. Один раз, спрыгнув с дерева, босой упал на гадюку... Все рассказы были красочны, нельзя было ими не восторгаться... Было в них что-то гоголевское, смесь Ноздрева, Хлестакова, да еще с примесью Лескова*» [2]. Представленные литературные антропонимы выступают в роли средств для раскрытия художественного образа главного героя. Употребление топонима *Украина* наряду с реминисценциями на гоголевских персонажей являются этому яркой иллюстрацией.

Имя собственное в структуре текста, с одной стороны, устойчиво, с другой, – повторяясь, семантически преобразуется, обогащаясь в художественном пространстве текста «приращениями смысла». Семантически осложненное имя собственное участвует в создании не только связности, но и смысловой многомерности художественного текста. Оно является одним из важнейших средств воплощения авторского замысла и концентрирует в себе значительный объем информации: «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [5].

Филологический анализ художественного текста, в котором, как правило, не бывает «незначущих» имен (Ю. Тынянов), требует особого внимания к антропонимическому пространству текста, прежде всего к именам главных героев в их соотношении или противопоставлении. Для понимания текста важно учитывать этимологию имени собственного, его форму, соотнесенность с другими именами, аллюзийность, место в номинативном ряду, связь ИС с образными характеристиками героя, а также со сквозными образами текста в целом. Рассмотрение имен собственных в тексте служит часто ключом к его интерпретации, позволяет глубже понять систему образов, особенности композиции. Например: «*По вечерам на берегу Можайского моря устраивали костер и большой треп. <...> Кто о чем: о своих путешествиях, картинах Рериха, о женской*

красоте, о стихах Марины Цветаевой»; «Он [Зубр] не понимал, как можно не знать Некрасова, Лермонтова, как можно не помнить Грибоедова, Гоголя, не говоря уже о Пушкине» [2].

Вывод. С точки зрения ономастики, имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичное понятие и общее представление об этих объектах в языке и речи, в культуре народа [7, с.21].

Интертекстуальные средства, таким образом, универсальны, они участвуют в формировании хронотопа текста. Имена собственные как одно из средств интертекста занимают особое место в системе интекстовых включений. Их анализ способствует более глубокому изучению идиостиля писателя.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. – 1954. – № 5. – С. 18-20.
2. Гранин Д. А. Собрание сочинений в 5т. Т.1. Иду на грозу: Роман; Повести. / Д. А. Гранин. – Л.: Художественная литература, 1989. – 592 с.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста: [учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений]. – [Электронный ресурс] / Н. А. Николина. – Режим доступа: <http://any-book.org/download/44613.html>. – Название с экрана.
4. Суперанская А. В. Имя нарицательное и собственное / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 207с.
5. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы / Ю. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – С. 17.
6. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
7. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: [учебное пособие] / О. И. Фоякова. – Ленинград: Печатно-множительная лаборатория ЛГУ, 1990. – 105 с.

Щаслива Н. С. Інтертекстуальні елементи в документальній та автобіографічній прозі (на матеріалі оповідання Д. Граніна «Зубр») // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.114-118.

Подана стаття присвячена дослідженню категорії власних імен як інтертекстуальних елементів у дискурсі автобіографічної документальної прози.

Ключові слова: *власне ім'я, антропонім, топонім, інтертекст, прецедентний феномен.*

Shchaslyva N. S. Intertextual elements of documentary and autobiographical prose (on the material of D. Granin's story 'Zubr') // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.114-118.

This article is devoted to the exploration of the category of proper nouns as intertextual elements in the discourse of autobiographical documentary prose.

Key words: *proper noun, anthroponym, toponym, intertext, precedent phenomenon.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УДК 81'373.72

ЭКСПАНСИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Абламская Е.В.

*Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

В статье рассматривается социально-экономическая мотивированность развития словарного состава языка на материале сниженной лексики в современном русском языке.

Ключевые слова: демократизация языка, сниженная лексика, жаргонизация, вульгаризация.

Актуальность. Яркой чертой современности является интенсивная демократизация языка в сочетании с отменой цензуры, приведшая к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов. На рубеже XX-XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать подобный процесс либерализацией, а ещё точнее – вульгаризацией. Тот факт, что жаргонизмы теперь уже, как правило, не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, свидетельствует о том, что они уже ворвались в речевой обиход образованного общества, демонстрируя «свободу самовыражения» и право на выбор любых выразительных средств. Конец XX – начало XXI века характеризуется интенсивным расширением использования сниженных слов и выражений в русском языке. Господствующие до этого времени дискурсивные типы перестраиваются в качественно новый дискурс – агрессивный, риторичный, актуализирующий в языке функцию воздействия и, как следствие, требующий, с одной стороны, новых форм для старых значений, с другой – переосмысления существующих в языке лексем, вытеснения из них прежнего значения новым. Этот процесс совершается по нескольким направлениям, главное из которых характеризуется интенсивной жаргонизацией словоупотребления: переходом жаргонных лексем и значений в сферу общеизвестной лексики. Жаргонизация современного русского литературного языка – это не просто проникновение в него словечек из того или иного жаргона, такие проникновения

отмечались и раньше, они существовали всегда. Новым стало массовое формирование так называемого общего жаргона, или интержаргона, или общенационального (в отличие от социально замкнутого) сленга, когда в однородную массу переплавляются слова и выражения из разных жаргонов. Сюда попадают и канцелярский новояз (наработки, текстовка), и военный лексикон (зачистка, задействовать), и новорусские словечки (крутой, гламурный), и современное арго преступного мира (кинуть, лимон, лох), и молодежный сленг (тусовка, крыша едет). Все эти слова постепенно перестают маркировать принадлежность говорящего к той или иной социальной группе, они начинают широко использоваться всеми прослойками общества. Даже публичные выступления политиков, от которых ожидается хороший уровень русского литературного языка, нередко грешат лексически «неполиткорректными» жаргонизмами, ставшими приметой нашего времени.

Таким образом, то, что наблюдается в наше время, не является замкнутой речевой системой, и правильнее было бы обозначать это не жаргоном, а жаргонной (или жаргонизированной) лексикой. Этот процесс приобретает массовый характер. Жаргонизация литературного языка опасна не только тем, что несёт разрушение культуры, а в большей степени тем, что насаждает и утверждает цинизм в обществе, огрубляет души и мировосприятие людей.

На несколько порядков шире проявляет себя процесс актуализации в семантической структуре уже существующих в общеупотребительном языке слов значений, ранее бытовавших в жаргонах. Основное, традиционное значение вытесняется на периферию, привычные слова начинают восприниматься в их соотнесенности со сниженными понятиями, хотя интенция говорящего может иметь иное направление: *базар* (*базарить*) – выяснение отношений; разговор; *баян* – шприц; *болт* – перстень-печатка; *гасить* – бить до потери сознания; *гнуть* – говорить неправду; *грузить* – утомлять трудновоспринимаемой речью, внушать что-либо; *завалить*, *замочить* – убить; *замочить* – *крыша* – криминальная поддержка предпринимательской деятельности; *кинуть* – обмануть; *колоть* – заставлять кого-либо в чем-либо признаться; *мусор* – милиционер; *наезжать* (*наезд*) – предъявлять требования; *опустить* – подвергнуть унижению или резкой насмешке; *петух* – инвектива; *плетка* – пистолет; *приход* – начало действия наркотического вещества; *стрела* (*стрелка*) – условленная встреча; *тереть* (*перетирать*) – разговаривать о делах, решать вопросы в беседе. Наблюдения показывают интенсивное распространение в современной русской лексике усеченных слов, слов-обрубков, которые отличаются от своих производителей (общеупотребительных слов) новым качеством отчетливо выраженной сниженностью. Данные лексемы образованы с явными нарушениями традиционных словообразовательных механизмов. Корни усекаются практически произвольно: *азер* (азербайджанец), *алик* (алкоголик), *Афган* (Афганистан), *глюк* (галлюцинация), *диссер* (диссертация), *дистроф* (дистрофик), *мент* (милиционер), *преп* (преподаватель), *хрон* (хронически больной человек) и целый ряд других. Эффект сниженности подобных слов возникает не просто в результате сокращения материальной оболочки производящей основы (морфологический способ словообразования при помощи нулевого суффикса широко распространен в русском языке). В данном случае очевидно, что важным стилиобразующим, снижающим средством является именно нарочитая

нестандартность, отсутствие словообразовательной закономерности в акте усечения лексемы.

Серьезной проблемой является и процесс вульгаризации языка, чему способствует обилие современных романов, боевиков, детективов. Гранью вульгаризации языка является детабуирование (например, снято табу с сексуальной лексики). Самым отрицательным последствием вульгаризации языка является вымывание высокого, что меняет весь традиционный облик русского языка. В общеупотребительном языке сегодня широко используются слова, которые до недавнего времени были прерогативой уголовной субкультуры, а сегодня стали осмысляться как возможные для публичного использования, в том числе для устной официальной речи: *дурковать, жмурик, канать, кемарить, лажа и облажаться, мазы, менжа и менжоваться, чмо, совок, тусовка, разборка, беспредел*.

Интенсивные модификации русского дискурса конца XX – начала XXI века требуют выяснения факторов, лежащих в основе этого процесса. С одной стороны, активизацию сниженной лексики в современной русской речи следует рассматривать в контексте внутреннего закономерного развития национального языка и его ядра языка литературного. По мнению Б.А. Ларина, «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций, но лучше сказать как ряд концентрических развертываний» [3, с. 176]. Видимо, действие закона экономии речевых усилий, заставляющего использовать более краткие по форме и емкие по смыслу экспрессивные лексические единицы, и закона аналогии, упрощающего, универсализирующего лексический, словообразовательный и другие системные уровни языка, возникая на низших функционально-стилистических ступенях, со временем распространяется в сфере общеупотребительной речи.

Однако не вызывает сомнений, что главными трансформаторами современного русского дискурса выступают экстралингвистические факторы. Сниженная лексика была представлена в языке и до 90-х годов XX столетия. Как отмечают исследователи [2, с. 61], в XX веке русский язык трижды испытал нашествие сниженных слов (в частности арготизмов). Важно отметить, что вторжение арготизмов и прочих жаргонных единиц было связано с глобальными историческими событиями, социальными переменами, идеологическими сломами: 10-20-е годы XX века – Первая мировая война, две революции, гражданская война, НЭП, повлекшие возникновение революционной и параллельно мелкобуржуазной идеологии; 40-60-е годы – Великая Отечественная война, затем идеологическая ломка после 1956 года, «оттепель». В основе сегодняшних трансформаций языка лежат преобразования общественно-экономических условий, начавшиеся в 80-90-е годы прошлого столетия и продолжающиеся до настоящего времени. Изменение способов материального существования человека в современном обществе повлекло смену идеологической парадигмы. Возникла необходимость самостоятельно отвечать за свой общественный статус, самоутверждаться в конкурентной борьбе; актуализировался страх субъекта перед окружающим миром. Характер социальных отношений приобрел своеобразную напряженную диалогичность. Снятие социально-политических запретов по инерции распространилось и на сферу языка: «свобода» в нем проявилась, в частности, в виде ненормированного словоупотребления. Отмена цензуры в СМИ привела к тому, что тоталитарный дискурс потерял искусственную поддержку. В обществе резко возросла

активность отдельных социальных групп – носителей сниженных форм языка: коммерческой, уголовной, молодежной. В публицистическом, политическом, художественном и других видах дискурса широко разрабатываются темы криминальной, политической борьбы, наркомании и пьянства, секса, проституции; в рекламных роликах активно используются ранее табуированные номинации гинекологического и урологического характера (*критические дни, моча, менструация, прокладки, тампоны*). Это обусловлено выдвиганием на первый план интересов, связанных с коммерческой деятельностью, сферой быта, удовлетворением естественных потребностей человека. В итоге язык становится в значительной степени средством самоутверждения субъекта в социуме. Дискурс приобретает агрессивность, речевое поведение – риторичность; активизируется функция воздействия в языке. Интенсивно развиваются полемические формы диалога.

Качественно новый этап обозначился сегодня и в распространении обценной (непристойной) лексики. Исследования показывают его невиданную ранее экспансию. Отсюда вопрос о факторах, вызывающих интенсивный наплыв обценной лексики в современной речи, требует отдельного внимания. Процесс инвективизации имеет, как представляется, следующее объяснение. Грубая лексика активизировалась как естественная реакция на неоправданное засилье высокой парадной лексики в тоталитарном дискурсе периода СССР. Таким образом, она как результат реактивного снижения дискурса явилась ответом на сформированные неадекватно реалиям тоталитарные тексты. Инвективы, будучи элементами «неофициального» языка, воспринимаются субъектами речи в качестве одной из форм социального протеста, поэтому политическая свобода на бытовом уровне проявилась в психологической готовности публично использовать нецензурную лексику, которая в определенных социальных слоях, а главное – в определенных ситуациях – перестала мыслиться как табуированная. В разговорном дискурсе употребление инвектив диктуется необходимостью для субъекта речи эмоциональной разрядки. Матерные слова, благодаря своему особому положению в языке, создают при употреблении мощный резонанс, реализуя тем самым экспрессивную функцию. Инвективы употребляются также для обеспечения связности устных разговорных текстов при недостаточности в языковом арсенале говорящего иных текстообразующих средств. Что касается социального статуса носителей интержаргона, то большую часть (около 60%) авторов сниженных словоупотреблений составляет молодежь в возрасте от 14-15 до 30 лет. При этом социальный состав ее неоднороден: в большинстве своем – школьники, студенты, аспиранты и молодые преподаватели вузов разного интеллектуального и культурного уровня; меньшую часть составляют лица, занимающиеся предпринимательством, в том числе торгующие на рынках, люмпенизированные слои (наркоманы, носители уголовного сознания, не нашедшие себя в жизни молодые люди). Оставшаяся доля – лица более зрелого возраста: работники милиции, коммерсанты (как «офисные» работники, так и торговцы на рынках), преподаватели вузов, рабочие и служащие. В СМИ зафиксированы высказывания крупных общественных деятелей, государственных чиновников (в том числе депутатов), журналистов.

Исследования свидетельствуют о том, что факты сниженного словоупотребления зависят не от определенного статуса носителей языка, а от характера коммуникативной ситуации. Тем самым закладываются основы для нового понимания социальных жаргонов. Как известно, современные изыскания по

вопросу о распространенности социальных диалектов опираются на предположение об их замкнутости в среде их носителей. Утрированно (или на бытовом уровне) эту точку зрения можно выразить так: уголовник, наркоман, милиционер и т.д. пользуется присущим ему языком, не осознавая его сниженности, неуместности. Лингвистические материалы говорят о том, что человек любого социального уровня в соответствующей речевой ситуации может перейти в сниженный «регистр» языка, преследуя определенные коммуникативные цели. Опыт подсказывает, что уголовник, желающий устроиться на работу, в отделе кадров любого предприятия забывает на время арго; инженер, всю жизнь вращавшийся в интеллигентской среде и теперь занявшийся предпринимательством, овладевает не только коммерческим жаргоном, но и тесно связанным с ним языком уголовной «крыши».

Выводы. Таким образом, выбор стиля общения определяется в значительной степени конкретной речевой ситуацией, а гибкость в его использовании зависит от развитости языкового сознания носителя речи, от объема его лексикона, который формируется (часто помимо воли субъекта) в настоящих условиях чрезвычайно активно: за счет СМИ, кино, художественной литературы, активного общения в разных социальных сферах и т.д. Поэтому в языке выражается не только «образ жизни речевого коллектива, который его породил», то есть социального субъекта, как полагает Э.М. Береговская [1, с. 39], но и качество социальных связей. Язык характеризует не столько группы, сколько целостную социальную структуру в ее тенденциях.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – М., 1996. – №3. – С. 32-41.
2. Грачев М.А. Третья волна /М.А. Грачёв // Русская речь. – М.,1992. – №4. – С. 61- 64.
3. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977.

Абламська О. В. Експансія зниженої лексики у сучасній російській мові // Учене записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.119-123.

Стаття присвячена соціально-економічній мотивованості розвитку словникового складу мови на матеріалі зниженої лексики у сучасній російській мові.

Ключові слова: демократизація мови, знижена лексика, жаргонізація, вульгаризація.

Ablamskaya E.V. Expansion of mionectic vocabulary in modern russian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.119-123.

In the article the socio-economic explained of development of dictionary composition of language is examined on material of mionectic vocabulary in modern Russian.

Key words: democratization of language, mionectic vocabulary, zhargonizaciya, vulgarization.

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.

УДК 811.161.1

ОБ ОПЫТЕ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В США

Балашова И.Г.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с развитием билингвального образования в США, а также анализируются 3 признанные американскими школами модели билингвального обучения.

Ключевые слова: *билингвальное образование, учащиеся-билингвы, академический успех, методика погружения, переходное обучение.*

Актуальность. Современная языковая ситуация, сложившаяся в Крыму, имеет тенденцию развиваться в сторону устойчивого дву- или даже трехязычия. Как известно, в результате изменившихся геополитических условий статус русского языка на достаточно большом пространстве бывших советских республик тоже изменился. Во многих регионах сложилась ситуация билингвизма, а для полиэтничного Крыма актуальным следует признать наличие условий для полилингвизма. На фоне близкородственного украинско-русского двуязычия функционирует крымскотатарский язык, входящий в другую языковую группу [1]. Данная ситуация обусловлена объективными обстоятельствами и уходит корнями в далекое историческое прошлое Крыма

В языковой ситуации, сложившейся в Крыму, школа призвана сыграть важную роль: сформировать жизненные установки учащегося, живущего в полиэтничном регионе, его психоэмоциональный настрой на добрососедские отношения с народами, населяющими Крым, а также дать полноценное образование, опирающееся на методически корректные учебные произведения.

Цель исследования. В связи с этим возникает необходимость познакомиться с опытом решения подобных задач в других странах, в которых существуют практики би- и полилингвального образования. Билингвальное обучение может стать для крымских школ одним из путей в благородном и важном деле образования и воспитания подрастающего поколения.

Интересной в этом плане может оказаться практика билингвального обучения, сложившаяся в США, многие регионы которых представляют собой поликультурные и полилингвальные пространства.

В административных документах [4; 5] отмечается, что число учащихся-билингвов по всей стране возрастает, а многие школы оказываются неподготовленными к эффективному обучению этих учащихся.

Исторически сложилось так, что существует достаточно большая разница в успехах в учебе англоговорящих студентов и учащихся-билингвов. Это ведет к тому, что среди последних возрастает число тех, кто не желает учиться дальше и оставляет школу. Во многих регионах страны эта цифра достигает 50%.

Исследования [2; 3] показывают, что учащиеся-билингвы демонстрируют лучшие академические успехи в тех школах, где они получают образование на родном языке до тех пор, пока не закончат изучение английского языка. Совершенствование форм билингвального обучения, которое обеспечивает преподавание на 2-х языках, родном и английском, во время обучения в начальной школе позволяет ликвидировать разницу в успехах англоговорящих учащихся и учащихся-билингвов, когда они переходят на следующую ступень обучения.

Проблема качественного билингвального обучения имеет и экономическую подоплёку. Так как школы характеризуются различным национальным составом учащихся и увеличением числа детей, которые, приходя в школу, говорят на других языках (не английском), чрезвычайно важно для экономического благосостояния страны обеспечить этих учащихся наиболее эффективными образовательными программами. Насущной является и необходимость в прошедших специальную подготовку преподавателях.

Для решения вопросов, связанных с развитием билингвального образования, создана Национальная Ассоциация билингвального обучения (National Association for Bilingual Education), которая является единственной национальной профессиональной организацией, представляющей интересы как учащихся-билингвов, так и преподавателей, работающих в сфере билингвального обучения. Организация имеет филиалы в 20 штатах, а также курирует 18 специальных групп по интересам, предметом обсуждения в которых является билингвальное образование. Свою задачу Ассоциация видит в защите билингвов, изучающих английский язык, и их семей, а также в развитии полилингвального поликультурного общества путем содействия программам, исследованиям, методикам, которые повышают академические успехи, а также прививают любовь к родному языку, обеспечивают хорошее знание английского языка и уважают существующее культурное и лингвистическое разнообразие. Таким образом, Национальная Ассоциация билингвального обучения вносит вклад в образование детей и в более широком смысле – в благосостояние страны.

Два года назад был разработан Национальный план образования двуязычных учащихся (National Action Plan for the Education of English Language Learners), который должен служить катализатором пропаганды политики обеспечения качественного образования, которое, в свою очередь, позволит учащимся-билингвам достигнуть в уровне образованности равенства с англоговорящими студентами. Этот план призван знакомить все организации национального уровня с лучшими практиками билингвального преподавания, а также способствовать объединению усилий организаций меньшинств, вузов, школ и юридических организаций для качественного обеспечения образования билингвов [4].

Наряду с этим документом был создан Национальный план для представления в Департамент образования (National English Language Learners Plan Submitted to the U.S. Department of Education). Он предназначен для ознакомления правительства с ситуацией в билингвальном образовании и с рекомендациями по улучшению федеральной политики в этой области [4].

Национальная Ассоциация билингвального образования полагает, что для того, чтобы эффективно обучать представителей двуязычного населения и ликвидировать разрыв в академических успехах между этой группой и англоговорящими учащимися, федеральная политика должна измениться и должны быть выделены дополнительные финансовые ресурсы, чтобы обеспечить качественные учебные материалы, подготовку учителей, подбор специализированного штата, разработку программ тестирования и другие существенные компоненты, необходимые для построения качественной модели обучения английскому языку как неродному. Предлагается заменить сужающие понятия LEP – Limited English Proficient («учащийся с ограниченными знаниями/умениями в английском языке») и ELL – English Language Learner («изучающий английский язык») на более точное, по мнению авторов документа, понятие BLL – Bilingual Learner («двуязычный учащийся»), которое отражает обучение на двух языках и которое, в свою очередь, должно привести к билингвальной грамотности и, следовательно, к дальнейшим академическим успехам [4].

В документах Ассоциации отмечается, что в плане финансирования необходимо установить специальные стипендии в сфере высшего образования, чтобы увеличить число высококачественных специалистов, а также культурно ориентированных учебных материалов с высоким академическим потенциалом.

Нужны специальные программы для набора и подготовки двуязычных преподавателей и преподавателей английского языка как неродного, в этом направлении предусматривается, например, такой шаг, как возвращение на работу высококвалифицированных преподавателей, имеющих опыт билингвального обучения, и уволившихся ранее по каким-либо причинам. Во многих случаях регионы страны сталкиваются также с тем, что требуются значительные средства на разработку программ тестирования [4].

В разных типах программ, которые предлагаются для билингвального обучения, двуязычные учащиеся развивают умения в родном и английском языках и изучают содержание неязыковых дисциплин на этих 2-х языках на протяжении начальной школы и приходят к полной билингвальной грамотности к концу 5-го года обучения. Для билингвов обучение на двух языках – это единственная модель билингвального образования, которая поможет полностью ликвидировать разницу в академических успехах учащихся на уровне средней школы.

Как могут школы улучшить показатели успеваемости в группах учащихся, представителей языковых меньшинств? Каждый район страны решает, каким типом программы руководствоваться, особо учитывая при этом гарантии гражданских прав человека и населения в целом.

Методисты называют целями билингвального обучения следующие: уменьшение темпов отказа от учебы, снижение уровня прогулов, улучшение отношения к школе, а также собственного представления учащихся о себе, сохранение родного языка и культуры, совершенствование знания английского языка, лучшее проявление знаний в нелингвистических предметах.

Признаны 3 основные модели обучения билингвов [2] (в дополнение к альтернативе *do nothing for the language-minority students* – «ничего не делать для учащихся-представителей языковых меньшинств», *Submersion*).

Submersion – «Погружение с затоплением»

Учащиеся – представители языковых меньшинств – ходят в обычный класс, где все говорят только по-английски. Специальной программы, которая помогла бы им преодолеть языковые трудности, нет. Модель подходяще названа “sink or swim” (букв. «тони или плыви» – пан или пропал). При этом язык учащихся, являющихся представителями меньшинств, совсем не используется на занятиях.

Structured Immersion – Структурированное погружение

Преподавание ведется на иностранном языке (L2), но можно отметить существенную разницу с первым методом. Преподаватель понимает или знает родной язык (L1) учащихся, и они могут обращаться к преподавателю на своем родном языке, преподаватель, однако, должен отвечать учащимся только на иностранном языке. Программа построена таким образом, что не предполагается никакого предварительного знания иностранного языка учащимися, когда им начинают преподавать неязыковые дисциплины. Таким образом, ученики изучают иностранный язык (L2) и содержание нелингвистического предмета одновременно. В отличие от билингвального преподавания, учитель никогда не говорит на родном языке обучаемого, и преподавание неязыковой дисциплины ведется на иностранном языке с самого начала.

English as a Second Language – Английский язык как иностранный

Учащиеся ходят в обычный класс, где проводят основную часть времени. Часть дня при этом выделяется для дополнительных занятий английским языком. Эта дополнительная помощь базируется на специальной программе, призванной обучить английскому языку как второму, при этом родной язык может использоваться в преподавании или не использоваться совсем.

Transitional Bilingual Education – Переходное двуязычное обучение

Содержание предмета изучается на родном языке, пока знание учащимися иностранного (английского) языка не будет достаточно свободным, чтобы они могли обучаться в обычном классе. На этом этапе обучения часто оказывается нужной программа *Английский язык как иностранный*, чтобы минимизировать время, необходимое для овладения английским языком. Преподавание на родном языке постепенно сворачивается, и вводится обычное преподавание на английском языке. *Переходное билингвальное образование* отличается от модели «Погружение с затоплением» и *английский язык как иностранный* использованием родного языка в преподавании.

Аргументом в пользу данной модели обучения является то, что в случае использования *Переходного двуязычного обучения* учебный прогресс не будет задерживаться из-за ограниченного знания учащимися английского языка.

В пользу программы *Английский язык как неродной* говорит то, что концентрированное дополнительное преподавание английского языка помогает студентам не отставать в изучении других, лингвистических предметов.

Структурированное погружение помогает развитию навыков английского языка и прогрессу в других предметах, которые происходят одновременно. Хотя программа не предполагает предварительного знания английского языка, учащиеся-представители языковых меньшинств в действительности изучают английский язык так, как они изучают математику, и изучают математику через изучение английского языка, постепенно приходя к пониманию этого предмета на их уровне знания английского языка.

Выводы. Таким образом, школы могут улучшить успехи учащихся – представителей групп языковых меньшинств – через принятие и развитие специальных программ, структура которых должна существенно отличаться от программ, предназначенных для англоговорящих учащихся. Переходное билингвальное обучение приводит к лучшему знанию как английского языка, так и неязыковых дисциплин. Особого внимания и изучения заслуживают также программы погружения.

Постепенно большинством на нашей планете становятся люди, владеющие двумя, тремя и более языками. Крыму же самым историческим прошлым завещано быть многоязычным и поликультурным. Поэтому обучение языкам в современной школе должно стать в сложившихся обстоятельствах приоритетным. Научив детей понимать друг друга со школьной скамьи, уважать язык и культуру соседа, можно добиться многого и прежде всего – обеспечить полноценную межкультурную коммуникацию, диалог культур, а не их противостояние.

Список литературы

1. Балашова И. Г. О предпосылках создания и принципах организации трехязычного учебного тематического словаря / И. Г. Балашова, Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. (Серия «Филология»). – 2004. – Т. 16 (55), № 1. – С. 101-108.
2. Baker Keith A. Effectiveness of Bilingual Education: A Review of the Literature. Final Draft Report [Электронный ресурс] / Keith A. Baker, Adriana A. de Kanter. – Режим доступа: http://eric.ed.gov/ERICWebPortal/search/detailmini.jsp?_nfpb=true&_ERICExtSearch_SearchValue_0=ED215010&ERICExtSearch_SearchType_0=no&accno=ED215010 – Название с экрана.
3. Garcia Ofelia. Extending Bilingualism in U.S. Secondary Education: New Variations [Электронный ресурс] / Ofelia Garcia, Nelson Flores, Haiwen Chu. – Режим доступа: http://eric.ed.gov/ERICWebPortal/search/simpleSearch.jsp;jsessionid=Yy8TNAldkbYcew0sBsRurg_.ericrv004?_pageLabel=ERICSearchResult&newSearch=true&ERICExtSearch_Descriptor=%22Bilingual+Education%22 – Название с экрана.
4. National Association for Bilingual Education [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.nabe.org/> – Название с экрана.

5. Personal author, compiler, or editor name(s); click on any author to run a new search on that name. Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundations. Bilingual Education and Bilingualism 2 Series [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://web.ebscohost.com/ehost/detail?sid=b0d33783-adb5-40ea-b5fe-1257308e9fc7%40sessionmgr10&vid=1&hid=19&bdata=JnNpdGU9ZWwhvc3QtbGl2ZQ%3d%3d#db=eric&AN=ED384251> – Название с экрана.

Балашова І.Г. Про досвід білінгвального навчання в США // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.124-129.

У статті розглядаються деякі питання, пов'язані з розвитком білінгвальної освіти в США, а також аналізуються 3 визнані американськими школами моделі білінгвального навчання.

Ключові слова: *білінгвальна освіта, учні-білінгви, академічний успіх, методика занурення, перехідне навчання.*

Balashova I.G. On Bilingual Education in the USA // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.124-129.

This article examines some issues of effectiveness of bilingual education in the United States and identification of 3 basic instructional alternatives for language minority students.

Key words: *bilingual education, bilingual students, academic success, immersion program, transitional education.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.2.81'27

СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНІ ЧИННИКИ ВИКОРИСТАННЯ СУРЖИКУ

Брага І.І.

Сумський державний педагогічний університет ім. А.С.Макаренка, м. Суми, Україна

Стаття присвячена вивченню проблеми використання суржиків на ринку як ситуації спонтанного спілкування. У дослідженні аналізуються соціально-психологічні чинники, що зумовлюють вибір суржиків як засобу спілкування на ринку.

Ключові слова: суржик, комунікативна ситуація ринку, вибір мовного коду, соціально-психологічні чинники.

Актуальність. Увагу вітчизняних і зарубіжних соціолінгвістів все частіше привертає мовна ситуація в Україні взагалі та явище суржиків зокрема. Вчені виявляють причини, час, умови і джерела формування суржиків, його основні риси, окреслюють сфери і функції використання суржиків, здійснюють його типологічну класифікацію, виділяють чинники, що впливають на вибір суржиків, характеризуються суржикові одиниці різних мовних рівнів тощо (аналіз різноманітних підходів до вивчення суржиків, повну бібліографію з проблематики представлено в роботах: [2; 5; 6]).

Суржик визначається як форма (компонент) просторіччя в ситуації двомовності (О. Тараненко, В. Труб), або некодифікована просторозмовна мова (Л. Ставицька, В. Труб), як ідіолект / соціолект (О. Тараненко), напівмовність (Б. Ажнюк), змішана мова (Л. Масенко), субкод (Т. Кузнєцова, Л. Масенко), недопереклад (В. Радчук).

Об'єктом вивчення є такі сфери і середовища (за В. Авроріним) функціонування суржиків, як двомовна сім'я (Т. Кузнєцова), молодіжне середовище (Л. Біланюк, Т. Кузнєцова, О. Шинкаренко), школа (О. Шевчук), лікарня (В. Я. Юкало), ЗМІ та масова культура (А. Брацкі, Дель Гаудіо Сальваторе, Л. Масенко), а також художня література (А. Брацкі, Т. Кознарський, Л. Масенко, Л. Ставицька). Характеристика суржиків за територіальною належністю здійснюється Л. Біланюк, Т. Кузнєцовою, А. Окарою, Дель Гаудіо Сальваторе, Б. Тарасенко, О. Шевчук та іншими.

Метою нашого дослідження є аналіз соціально-психологічних чинників, що зумовлюють вибір суржиків в умовах спонтанного спілкування на продуктовому / речовому ринку м. Суми.

У розвідці здійснено спробу виконати наступні *завдання*: 1) схарактеризувати соціокомунікативну ситуацію ринку як таку, що сприяє функціонуванню суржиків; 2) виявити і проаналізувати соціально-психологічні чинники, що зумовлюють свідомий або несвідомий вибір суржиків в ситуації спонтанного спілкування на ринку.

Матеріалом дослідження послуговували дані соціолінгвістичного опитування (усього 644 анкети), включеного спостереження на продуктовому / речовому ринку м. Суми, а також результати інтерв'ю з працівниками ринку.

Ринок як комунікативна ситуація формується такими складниками: учасники – покупець і продавець, які перебувають в умовах усного, контактного, спонтанного, невимушеного, неофіційного спілкування, мета якого у кожного своя: покупець прагне якомога вигідніше (за прийнятною / найнижчою ціною) купити товар, який йому потрібний, а продавець – вигідно продати товар (за прийнятною / найвищою ціною), навіть той, що покупцеві не завжди потрібний. Спілкування здійснюється в соціально неоднорідному середовищі, у якому взаємодіють комуніканти з різним соціальним статусом, що виконують різні соціальні ролі, мають різний рівень мовної компетенції.

Комунікативна ситуація ринку, де зумисне долається бар'єр офіційності, реалізується настанова на діалог з конкретним адресатом, широко виявляється особистісне начало, допускаються більш розкуті моделі поведінки [3, с. 358], в умовах українсько-російського білінгвізму є однією з «найсприятливіших» і найтипівіших сфер використання суржика, який недаремно називають «базарним» як дослідники [6, с. 25], так і пересічні мовці.

До того ж, лінгвісти (Т. Кузнецова, В. Труб, Л. Ставицька, О. Тараненко та інші) встановили, що суржик найбільш характерний для тих ситуацій (спілкування у сім'ї, із сусідами, друзями), де соціальний контроль є мінімальним і сприяє мовній розслабленості. До таких ситуацій, на нашу думку, є наближеною риночна комунікація. Так, за результатами аналізу інтерв'ю, ринок створює умови для лояльного, толерантного або нейтрального ставлення до покупця, незалежно від того, яка саме мова обрана для спілкування, наскільки мовлення відповідає нормам літературної мови. Головна мета продавця – знайти порозуміння з покупцем і продати свій товар. На думку працівників ринку, важливою є шаноблива комунікативна поведінка покупців. З інтерв'ю: рос. *Главное / чтобы люди понимали друг друга* (чоловік, 46 років, освіта вища нефілологічна, продавець білизни); рос. *Не обращаю на речь внимание* (жінка, 37 років, освіта середня спеціальна, продавець побутової техніки); рос. *Отношение к покупателю не будет меняться в зависимости от того / на каком языке он говорит* (жінка, 31 рік, освіта середня спеціальна, продавець годинників). У той же час продавці зазначають, що їм *подобається*, їм *приємно*, коли чують чисте українське або російське мовлення, вони *люблять* таке мовлення і їм *теж хочеться так говорити*.

За результатами проведеного опитування, частота використання суржика на речовому ринку складає 42,1 %, а на продуктовому – 44,3 %. На питання «Якою, на Вашу думку, є мова сумського ринку?» 76,9 % респондентів назвали суржик.

Відомо, що мовленнєва поведінка орієнтована на адресата і здійснюється з урахуванням різних чинників, серед яких дослідники (Р. Белл, У. Брайт, У. Вайнрайх, Ю. Дешерієв, С. Ервін-Тріпп, В. Карасик, Л. Крисін, У. Лабов, Ю. Саплін, Дж. Фішман, Д. Хаймс, Н. Шумарова та інші) найчастіше називають такі, як

ситуація і учасники спілкування (етнічна і соціальна належність, стать, вік, рівень освіти), тема тощо.

Мовознавці (Т. Кознарський, Т. Кузнецова, О. Тараненко, В. Труб, Л. Ставицька) розрізняють свідоме і несвідоме використання суржику мовцями. Так, наприклад, запитання анкети, розробленої Т. Кузнецовою, передбачали два варіанти відповідей (українська або російська мова), але деякі респонденти самі вказали, у яких ситуаціях вони використовують суржик. Такий самостійний вибір респондентів і був потрактований дослідницею як свідчення свідомого використання ними суржику [4, с. 86-87].

У процесі нашого дослідження свідоме чи несвідоме використання суржику визначаємо залежно від того, як респондент відповідає на питання анкети: «Чому Ви говорите (інші говорять) суржиком на базарі?». Передбачаємо, що обраний варіант відповіді буде корелювати з культурно-освітнім рівнем, типом мовної поведінки комунікантів, ступенем їхньої лояльності до тієї чи іншої з контактних мов, рівнем мовної компетенції тощо [6, с. 16-19; 7, с. 52,54].

Несвідоме використання суржику зумовлено, передусім, низьким рівнем мовної компетенції мовця, якому він, як правило, не надає особливого значення [6, с. 16; 7, с. 47, 48]. Суржик при цьому може бути єдиним кодом, яким володіє мовець, і при зміні певних чинників (ситуація, тема, адресат тощо) він здебільшого не переключає код або робить це незграбно. За нашими даними, 25,5 % респондентів вважає, що суржик використовують через те, що мовці недостатньо, незадовільно володіють літературною формою української і / або російської мови / мов.

Несвідоме використання суржику пов'язано з механізмом мовної (лінгвістичної) лінії, мовної «розслабленості», такої мовленнєвої поведінки, що здійснюється за принципом «найменшого опору» [7, с. 53-54; 5, с. 74]. На думку 44,6 % інформантів, використання суржику зумовлено простотою і зручністю висловлення думки. Наші дані підтвердили, що саме рівень освіти «допомагає» мовцеві подолати тиск цього дуже потужного прагматичного чинника.

Як самостійно вказали респонденти, суржик є для них звичним (2,3 %). Зрозуміло, що ця звичка сформувалася з дитинства у сім'ї, при спілкуванні із сусідами, друзями, тобто із «своїми».

Незначна частина респондентів (1,2 %) не вказала, чому вони використовують суржик на ринку. Припускаємо, що це ті мовці, які через низький рівень освіти несвідомо користуються суржиком і не надають цьому фактові особливого значення.

Свідоме використання суржику потребує від мовців задовільного або досконалого володіння мовою, усіма її регістрами.

У такому соціально неоднорідному середовищі, як ринок, мовець намагається стати «своїм» для співрозмовника, тобто усунути відстань між ним, «вирівняти» відмінності в соціальному статусі. У соціокомунікативній ситуації сумського ринку суржик стає дієвим засобом комунікативного пристосування мовців один до одного [1, с. 155-159], які керуються прагматичними настановами: «*Буду говорити, як ти, щоб досягти кращого порозуміння*»; «*Буду говорити, як ти, оскільки це вигідно*». Як свідчать наші дані, 21,4 % респондентів вважає, що суржик на ринку використовується у зв'язку з такою мотивацією.

У процесі спілкування на ринку реалізуються дві основні моделі взаємного пристосування мовців, що уможливило комунікативний успіх.

1) Модель «продавець → покупець». Як зазначають продавці, з покупцем вони будуть говорити російською або суржиком.

Вибір російської мови зумовлений тим, що торговці «налаштовуються» на російський мовний код покупців. У міжособистісному спілкуванні зі своїми колегами продавці здебільшого переходять на суржик. З інтерв'ю: *Суржик между собою / а с покупателями / в основном / на русском // Зараз сумчане / в основном / на русском // В маршрутке между собою / на нормальном / а потом / Сделайте остановку / пожалуйста* (жінка, 37 років, освіта середня спеціальна, продавець побутової техніки). Включене спостереження дало можливість неодноразово спостерігати ситуації, коли продавець з покупцем говорив російською, а при розмові із «своїми» (із сусіднім продавцем, із своїм помічником) переходив на суржик. Щоправда здебільшого таке переключення характерно для торговців речового ринку.

Спілкування з покупцем суржиком здійснюється або тому, що продавець, не володіючи в достатній мірі розмовною формою літературної української / російської мови, з усіма говорить суржиком, або, якщо дозволяє мовна компетенція, керується комунікативною інтенцією стати для покупця «своїм», говорити з ним однією мовою. З інтерв'ю: *Автоматически / як до нас / так і ми* (жінка, 50 років, освіта середня спеціальна, продавець парфумерії).

2) Модель «покупець → продавець». Як правило, пристосування покупця до продавця відбувається тоді, коли мовець має достатньо високу мовну компетенцію і використовує суржик як субкод для задоволення власних потреб, демонструючи свою комунікативно-прагматичну інтенцію «Я – суржикомовець, а отже свій». За допомогою включеного спостереження зафіксовано факт, коли жінка-покупець середнього віку по телефону розмовляла українською, а потім з продавцем продуктового базару перейшла на суржик. Цей приклад, як і багато подібних, свідчить про те, що покупець за посередництвом суржику виявляє бажання стати «своїм» для продавця, який розмовляє з іншими покупцями суржиком.

Характерно, що між собою покупці, як і продавці, часто спілкуються суржиком, а з «чужими» – торговцями – так само переключаються на російську. Таку мовну поведінку можна пояснити мотивацією «удаваної» самоідентифікації, якою керуються комуніканти. Як правило, мовець володіє суржиком з дитинства, а потім опановує українську і / або російську мову і прагне приховати свою «суржикомовність», вдягаючи при спілкуванні з «чужими» маску «Я україномовний» або «Я російськомовний», яку знімає, опиняючись у колі «своїх». У такому разі суржик сприймається його носіями як «своє», куди бажано не впускати «чуже», це своєрідний інтимізований код як для продавців, так і для покупців, але не тому, що дуже дорогоцінний і шанований, а тому, що його соромляться. З «чужими» комуніканти, керуючись мотивацією очікування оточення, здебільшого спілкуються російською, рідше – українською мовою.

Соціокомунікативна ситуація ринку є сприятливою для породження гумору (особливо при звертанні, обговоренні ціни [3, с. 358]). Одним із засобів створення

гумору є суржик, який наділений значним потенціалом гумористичної експресії, що неодноразово відзначалося багатьма лінгвістами (Л. Ставицька, В. Труб, О. Тараненко, О. Ткаченко, В. Русанівський та інші). Свідоме використання суржиків пов'язано з прагматичною настановою виразити емоції, створити гумористичну експресію. Як вважають 5 % респондентів, суржик на ринку використовується для мовної гри, створення гумору. Такий низький показник пояснюється тим, що мовна гра вимагає від мовця досконалого володіння усіма регістрами мови і вміння застосовувати їх відповідно до потреб спілкування.

Здійснене дослідження дає можливість сформулювати наступні *висновки*:

1. Суржик на ринку як ситуації спонтанного і невимушеного спілкування є активно використовуваним засобом комунікації. Для тих мовців, що свідомо чи несвідомо використовують суржик, він є тією мовою, яку вони засвоїли з дитинства (очевидно, це була перша мова, материнська), для них він був і, напевне, залишається мовою сімейного спілкування [2; 4, с. 87]. У випадку несвідомого користування суржиком мовець має недостатній рівень освіти, а звідси – і недостатню мовну компетенцію. Свідоме вживання суржиків передбачає достатньо високий рівень освіти і відповідну мовну компетенцію.

2. Основними чинниками, що забезпечують активне функціонування суржиків на ринку, є простота і зручність висловлення думки, низький рівень мовної компетенції комунікантів, а також їхня настанова усунути відстань між співрозмовником, стати лінгвістично «своїм».

3. У соціокомунікативному контексті сумського ринку виявлено дві протилежні тенденції – з одного боку, активне використання суржиків комунікантами (як продавцями, так і покупцями), у тому числі для того, щоб стати «своїм», а з іншого – уникнення суржикової комунікації з «чужими» тими мовцями, хто володіє, крім суржиків, іншими мовними кодами. У подальшому дослідженні плануємо перевірити названі тенденції.

Список літератури

1. Беликов В. И. Социолінгвістика : [учебник для вузов] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
2. Вахтин Н. Отчет по результатам исследовательского проекта «Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве», 2003 / Н. Вахтин, О. Жиронкина, И. Лисковец, Е. Романова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.eu.spb.ru>.
3. Китайгородская М. В. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 345-383.
4. Кузнецова Т. В. Мова білінгвальної сім'ї у функціональному аспекті : дис.... канд. філол. наук: 10.02.01 / Т. В. Кузнецова. – К., 1999. – 203 с.
5. Ставицька Л. Суржик: суміш, мова, комунікація / Л. Ставицька, В. Труб // Українсько-російська двомовність. Лінгвосціологічні аспекти : [зб. наук. пр.] – К. : Унів. вид-во ПУЛЬСАРИ, 2007. – С. 32-120.
6. Тараненко О. О. Українсько-російський суржик : статус, тенденції, оцінки, прогнози / О. О. Тараненко // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 14-30.

7. Труб В. М. Явище «суржика» як форма просторіччя в ситуації двомовності / В. М. Труб // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 46-59.

Брага И.И. Социально-психологические факторы использования суржика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.130-135.

Статья посвящена изучению проблемы использования суржика на рынке как ситуации спонтанного общения. В исследовании анализируются социально-психологические факторы, определяющие выбор суржика как средства общения на рынке.

Ключевые слова: суржик, коммуникативная ситуация рынка, выбор языкового кода, социально-психологические факторы.

Braha I. I. Social-psychology factors of surzhik's usage // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.130-135.

The article focuses on the problem of usage of surzhik on the market as a situation of spontaneous communication. Social-psychology factors determining the choice of the surzhik as means of communication at the market are analysed.

Key words: surzhik, communication situation of the market, choice of a language code, social-psychology factors.

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.111:004.738.5

КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАНТА В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРПОРАТИВНОГО БЛОГА

Землякова Е.А.

*Национальный технический университет "Харьковский политехнический институт",
г. Харьков, Украина*

В статье анализируется концепция адресанта англоязычного корпоративного блога, определяется жанровый статус блога, исследуются особенности выбора адресантом языковых средств в процессе коммуникации.

Ключевые слова: гипержанр, имплицитный автор, концепция адресанта, корпоративный блог.

Постановка проблемы. Корпоративная коммуникация, чья роль в жизнедеятельности современного общества последнее время существенно возрастает, обеспечивает информационно-коммуникативный процесс в рамках корпоративного контекста. Стремительное развитие Интернета и, как следствие, появление технологий веб 2.0 – второго поколения веб-разработки веб-дизайна – приводят к расширению жанрового многообразия интернет-коммуникации, в том числе и в рамках корпоративной коммуникации, чье исследование, соответственно, приобретает все большую *актуальность*.

Анализ последних исследований по проблематике работы показывает, что проблемы лингвостилистики, в частности характеристика отдельных жанров письменных и устных текстов, находятся в центре внимания исследователей английской, немецкой, русской речевой коммуникации, в частности, рассматриваются когнитивно-прагматические особенности различных жанров (Т. А. Космеда [5], И. С. Шевченко [8]), их текстовые (И. М. Коллегаева [4]), гендерные (А. П. Мартынюк [6]), когнитивно-поэтические (Л. И. Белехова [2]), паралингвистические (Л. В. Солощук [7]) характеристики.

Целью данной статьи является исследование особенностей концепции адресанта в жанре англоязычного корпоративного блога.

Указанная цель обусловила необходимость решения следующих *задач*: определение жанрового статуса блога, анализ его коммуникативной структуры и исследование особенностей выбора адресантом языковых средств.

Сегодня блоги становятся все более и более распространенным и популярным средством общения, оставаясь при этом одним из наименее изученных явлений интернет-коммуникации. Блог представляет собой чрезвычайно интересный предмет исследования, а анализ его особенностей и характерных черт актуален в связи с растущим количеством блогов и тем фактом, что они начинают

использоваться не только в личном общении, а и в политической, деловой, корпоративной и т.д. коммуникации.

Понимая под блогом гипержанр Интернета, представляющий собой обновляемую веб-страницу, состоящую из датированных записей (постов), организованных в обратном хронологическом порядке и включающих в себя кроме текстовой еще и аудиовизуальную информацию, и сообщений-реакций читателей на информацию постов (комментариев), необходимо сразу оговориться, что хотя исследователями часто отождествляются понятия *блога* и *интернет-дневника* или сетевого дневника мы разграничиваем данные понятия; блог – это не дневник, хотя и обладает сходными с ним чертами. Интернет-дневник – средство личностного самовыражения и межличностной «бытовой» коммуникации в сети, в то время как блог имеет большую социальную направленность и помимо функции самовыражения репрезентирует еще и информативную и фатическую функции коммуникации.

Блог, как гипержанр интернет-коммуникации представляет собой жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров.

Жанровая категория *концепция адресанта* тесно связана с коммуникативной целью того или иного жанра и является когнитивно-прагматической категорией. Теория «образа автора» была предложена В. В. Виноградовым еще в 30-х годах XX века и стала исходной вначале для исследования текста, а затем и для когнитивно-прагматического анализа дискурса. Ученый считал образ автора конструктивным принципом организации любого художественного произведения, определяющим выбор и композицию всех элементов текста, отмечал динамичность, изменчивость этого понятия, его зависимость от идейных, эстетических и философских установок писателя. «Образ автора – ... центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются все стилистические приемы произведений словесного искусства» [3, с. 154].

Выбор адресантом языковых средств, стратегий и тактик ведения коммуникации во многом обусловлен собственными коммуникативными потребностями адресанта, стилями общения в разных сферах коммуникации, а также технологическим факторами, если говорить об интернет-коммуникации. Здесь необходимо оговориться, что, несмотря на правило мены коммуникативных ролей, мы в данном исследовании будем условно считать адресантом автора поста, а адресатом – читателя блога, реакция которого на воздействие адресанта, соответственно, реализуется непосредственно в комментарии.

Отличительная особенность корпоративных текстов, в целом, и текстов корпоративных блогов, в частности, состоит в том, что, независимо от того, кем они составлены (одним автором либо же группой авторов), они распространяются на массовую аудиторию от лица целого коллектива или организации. Данный факт существенным образом определяет выбор языковых средств.

Также «концепция автора» предусматривает учет того, чем он является: своим/чужим; старшим/равным/подчиненным; авторитетным/ неавторитетным; наделенным/не наделенным полномочиями; более/менее проинформированным;

заинтересованным/незаинтересованным в продолжении общения или разрешении какой-либо проблемы» [1, с. 54].

Тем самым, блог предусматривает автора, позиционирующего себя как своего, равного с читателями, заинтересованного в продолжении общения и желающего проинформировать окружающих об особенностях деятельности компании.

Анализ коммуникативной структуры корпоративных блогов показывает, что ведущей для них является схема с неэксплицированным адресантом. В большинстве корпоративных блогов имплицитный автор предстает как представитель всей компании, он говорит от лица всего коллектива.

Под термином «имплицитный автор» нами понимается автор невыраженный в тексте, не называемый непосредственно в виде прямой апелляции к читателю. Это вторичный автор (по терминологии М. М. Бахтина) специально созданный первичным автором без указаний на свою личность для создания эффекта гласа народа, коллективного мнения и т.п. Данное понятие изначально активно разрабатывалось в литературоведении и лингвопоэтике, однако последнее время появилась тенденция использовать его в трудах по языкознанию.

В то же время в текстах постов обнаруживаются маркеры эготивности, позволяющие соотнести с эготекстами: эмоциональные эпитеты (*fantastic, terrific, incredible, wonderful*), разнообразные оценочные конструкции и т.д.

Эмоциональные и оценочные конструкции подчеркивают авторское начало, индивидуальность, личное участие субъекта коммуникации в коммуникативном контакте, его эмпатию, позитивное отношение к читателю. При этом стиль общения принимает более личностный, доверительный характер, некоторым образом упрощается, становится более непринужденным, разговорным и демократичным. Так, положительные оценочные элементы, пронизывающие тексты постов корпоративных блогов, придают им оттенок доброжелательности и открытости. Сюда кроме вышеперечисленных маркеров можно отнести выражения типа:

We are happy to share that Google Voice is beginning to open up beyond former GrandCentral users (<http://googleblog.blogspot.com/>).

And we're just plain ecstatic to announce that Reset Generation is now playable on Mac OS (<http://blog.n-gage.com/>).

Выводы. Таким образом, для блога характерна коммуникативная схема с неэксплицированным адресантом, содержащая маркеры эготивности и носящая апеллятивный характер. При этом одним из основных способов реализации апеллятивности, адресованности условному собеседнику с корпоративном блоге становится повелительное наклонение:

Find Creative Commons images with Image Search. (<http://googleblog.blogspot.com/>).

Check out the funny videos here, and don't forget to vote for your favorite. (<http://blog.n-gage.com/>).

Try it and let us know what you think. (<http://www.ysearchblog.com/>).

Перспективными направлениями развития нашего исследования может стать детальный лингвистический анализ и описание жанровых, структурных и функциональных особенностей текстов, принадлежащих к другим гипержанрам или

жанрам інтернет-комунікації, порівняльний аналіз традиційних текстів на паперовому носії з електронними текстами корпоративної комунікації, виділення в гіпержанрі блога характерних субжанрів і їх лінгвістичний аналіз.

Список літератури

1. Бацевич Ф. С. Лінгвістична генеалогія: проблеми і перспективи / Ф. С. Бацевич. – Л.: ПАІС, 2005. – 264 с.
2. Белехова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Л. І. Белехова. – К., 2002. – 34 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
4. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И. М. Колегаева. – Одесса: РИООУП, 1991. – 121 с.
5. Космеда Т. А. Прагматический потенциал слов с семантикой оценки и его реализация в русской и украинской газетной коммуникации / Т. А. Космеда // Acta Universitatis Wratislaviensis № 2191. – Slavica Wratislaviensis СУ11. – Wrocław (Poland). – 2000. – S. 162-166.
6. Мартинюк А. П. Регулятивна функція гендерно маркованих одиниць мови (на матеріалі сучасного англомовного публіцистичного дискурсу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / А. П. Мартинюк. – К., 2006. – 40 с.
7. Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі : [монографія] / Л. В. Солощук. – Харків: Константа, 2006. – 298 с.
8. Шевченко И. С. Гибридная природа извинения: когнитивно-прагматический анализ / И. С. Шевченко // Жанры речи: [сб. научн. статей]. – Вып. 6.: Жанры и язык. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – С. 329-337.

Землякова О.О. Концепція адресанта в жанрі англомовного корпоративного блогу // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.136-139.

У статті аналізується концепція адресанта англомовного корпоративного блогу, визначається жанровий статус блогу, досліджуються особливості вибору адресантом мовних засобів у процесі комунікації.

Ключові слова: гіпержанр, імпліцитний автор, концепція адресанта, корпоративний блог.

Zemlyakova O. O. Speaker conception in the English Corporate Blog Genre // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.136-139.

The paper focuses on the analysis of the speaker conception in the English corporate blog genre. The author also defines the genre status of the blog and investigates the peculiarities of speaker's choice of the linguistic means in the communication process.

Key words: corporate blog, hypergenre, implicit author, speaker conception.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.161.1

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Карташова В.Н.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

В статье рассматривается проблема снижения уровня речевой культуры будущего учителя, что недопустимо в условиях современного общества. Решение проблемы формирования речевой культуры на родном языке будущего специалиста видится в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: *речевая культура, литературная норма, умения делового общения, речевой этикет, варьирование речевых средств.*

Актуальность. Значимость речевой культуры, коммуникативной подготовки специалиста в современных условиях развития общества велика. *Цель.* Рассмотрение проблемы снижения уровня речевой культуры будущего учителя, что недопустимо в условиях современного общества.

Как можно наиболее эффективно осуществить на занятиях по иностранному языку развитие важной составляющей современного компетентного и конкурентоспособного специалиста – речевой культуры на родном языке в процессе профессионального образования?

Язык – это сложное системно-уровневое образование, с помощью которого формируется понятийное (вербальное) мышление человека и опосредствуется развитие всех его высших психических функций и которое является основным способом человеческого общения, социализации и приобщения человека к культурно-историческим ценностям (В. Гумбольдт, Ф. Де Соссюр, А. А. Потебня, Л. С. Выготский, В. В. Виноградов, С. Л. Рубинштейн, Л. В. Щерба).

Литературный язык представляет собой базис, основу всего русского языка. Именно он является образцом, носителем литературной нормы, которая зависит от условий, в которых осуществляется речь.

Литературная норма объективно складывается в процессе языковой практики членов общества. Языковые нормы не создаются искусственно учеными. Они отражают закономерные процессы и явления, происходящие в языке, и поддерживаются речевой практикой. Хотя нормы и могут изменяться с течением времени, но все же, на протяжении длительного периода времени они остаются стабильными.

Нормы пронизывают все ярусы литературного языка. Письменные языковые нормы – это, прежде всего, орфографические и пунктуационные нормы. Устные нормы подразделяются на грамматические, лексические и орфоэпические.

Для чего нужно соблюдение норм?

Во-первых, оно облегчает использование литературного языка. Норма указывает на коммуникативную целесообразность средств языка. Языковые средства,

уместные в ситуации бытового общения, могут оказаться нелепыми в сфере официально-делового общения.

Во-вторых, нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность. Они защищают литературный язык от потока диалектной речи, социальных и профессиональных арг, просторечия. Это позволяет литературному языку выполнить свою основную функцию – культурную.

В-третьих, уважительное обращение к языку есть признак развитой цивилизации. Освоение культуры речи и законов речевого поведения свидетельствует об активной гражданской позиции общества, которому небезразличны судьбы языка и отечественной культуры. Язык – и историческая святыня, и действующее орудие, требующее сознательного и бережного обращения.

Студентам педагогических факультетов особенно важно владение литературной нормой языка. Педагог, его речь являются образцом для подражания, особенно это актуально для начальной школы.

Как известно, потенциальные возможности в формировании речевой культуры будущего специалиста содержатся в занятиях по иностранному языку. Количество часов, данных на изучение дисциплины «Русский язык и культура речи», явно недостаточно для того, чтобы студенты овладели культурой речи на родном языке. Поэтому в течение всего курса изучения предмета «Иностранный язык» необходимо уделять время для формирования речевой культуры студентов, овладения ими языковыми нормами русского языка, что в конечном итоге приводит к развитию профессиональной компетенции будущего педагога.

При проведении занятий по практике немецкого языка особое внимание уделяется грамотному переводу на русский язык отдельных слов, грамматических форм, разнообразных синтаксических конструкций. У студентов вызывают сложности синтаксические нормы русского языка, которые регулируют образование словосочетаний и предложений. Например, выбор правильной формы управления – едва ли не самое трудное в современной устной и письменной речи. Типичные ошибки студентов при переводе на русский язык следующих выражений: *die Geduldgrenze* -предел терпения (терпению), *Gewissheit über die Rechtllichkeit* – уверенность в правоте (в правоте), *die Kosten tragen*- оплачивать за расходы (оплачивать расходы).

В процессе учебных занятий акцентируется внимание студентов на употребление средств связи предложений и частей текста, использование в тексте отдельных типов речи (повествование, описание, рассуждение). Идет разговор о том, что в современном обществе, живущем в перенасыщенной информацией атмосфере, коммуникативная сущность языка все больше используется в качестве инструмента, посредством которого движется прогресс.

Особое внимание на учебных занятиях уделяется орфоэпическим нормам, которые включают в себя два аспекта: норму произношения и норму ударения. Студенты часто допускают ошибки в ударении при переводе на русский язык следующих слов: *die Musse* досуг, *flüchtig* мельком, *die Vorratskammer* кладовая, *die Schläfrigkeit* дремота, *der Ketzer* еретик, *der Katalog* каталог, *verwöhnen* баловать, *die Jalousie* жалюзи. В центре внимания преподавателя находится и произношение перед *e* твёрдого или мягкого согласного в словах русского перевода: *die Antenne* антенна, *die Demokratie* демократия, *der Fachausdruck* термин, *die Tendenz* тенденция.

Законы языка учат пользоваться правильным, нормативным языком, а употребление его в своей речи свидетельствует о культуре речевого поведения. Иными словами, успех общения целиком зависит от умения правильно пользоваться нашим бесценным богатством – языком, культура обеспечивает это умение, помогает владеть нормами речевого поведения.

Общение – это процесс обмена информацией между людьми при помощи языка. Различают деловое, развлекательное и фатическое общение [3, с. 2].

Деловое общение в самом широком смысле – это вид общения, направленный на достижение деловой цели. В деловом общении человек ставит задачу убедить партнера принять конкретные действия, дать необходимую информацию, побудить собеседника учесть в своих действиях его интересы и т.д. Деловое общение подразделяется по каналам передачи информации. Оно может быть устным и письменным. Письменное общение осуществляется посредством служебной записки, делового письма, электронного сообщения, объявления, отчета. Устное деловое общение можно классифицировать как общение «лицом к лицу» (face to face) – это диалог, монолог, полилог и дистанционное телефонное общение [2, с. 5].

Развлекательное общение – это общение за игрой, во время праздничного застолья, рассказывание анекдотов и занимательных историй и т.д. Цель развлекательного общения – получить удовольствие от встречи и разговора друг с другом.

Фатическое общение – это общение «светское», то есть разговор на общепринятые темы для взаимного проведения времени. Этот вид общения используется тогда, когда людям надо просто поддержать контакт друг с другом, подтвердить дружеские отношения. Примером такого общения в английском языке может являться так называемый Small Talk, то есть светская беседа ни о чём, для поддержания разговора [1, с. 110-111].

Учебная программа по иностранному языку предусматривает развитие у студентов умений делового общения. Нам кажется, что хотя и существует классификация видов общения по целям, тем не менее, только тогда деловое общение успешно, когда деловой человек владеет навыками общения всех трёх видов и вовремя пользуется ими [2, с. 2].

Для развития у студентов умений делового общения на занятиях по иностранному языку следует соотносить языковые средства с нормами речевого поведения, которых придерживаются носители языка, и с конкретными сферами, ситуациями, условиями и задачами повседневного и делового общения. К последним можно отнести: знакомство, представление, установление контакта, запрос и сообщение информации, побуждение к действию, выражение просьбы, согласия/несогласия с мнением собеседника/автора, завершение беседы.

На занятиях особое внимание обращается на речевой этикет, культуру общения. Вежливость и благожелательность – основа культуры речевого поведения. Она демонстрируется с помощью форм корректного обращения человека к окружающим людям, завязывания беседы. Разнообразие уже вошедших в обиход слов-обращений свидетельствует о расширении диапазона коммуникации и желании сотрудничества.

При работе со средствами массовой информации внимание студентов акцентируется на тот факт, что «важными и необходимыми условиями правильной речи становятся лаконичность выражения, смысловая точность, информативность. Пустословие и многословие, проявляющееся в любых сферах общения,

политической, экономической и бытовой, не свидетельствует о деловых качествах партнера. Информативная речь в устах человека культурного не терпит ни многословия, ни расплывчатости значений» [4, с. 129].

На занятиях по стилистике и интерпретации текста идет понимание того, что современная культурная норма речевого поведения требует избегать речевого однообразия. Для образованного человека характерно варьирование речевых средств в зависимости от ситуации общения. Чтобы всегда быть понятым и понимать других, употребление языка должно быть разнообразным.

Выводы. Таким образом, данный подход позволяет целенаправленно восполнить те аспекты формирования речевой культуры студентов, которые не достаточно полно отражены в программе профессиональной подготовки будущего специалиста в вузе.

Список литературы

1. Карташова В. Н. Профессиональное лингвообразование: технологии развития умений делового общения / В. Н. Карташова [Текст] / Профессиональное лингвообразование: материалы четвертой международной научно-практической заочной конференции, июнь 2010 г. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. – 245 с.
2. Самохина Т. С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств: [учебное пособие по профессиональной межкультурной коммуникации] / Самохина Т. С. [Текст] / – М.: Изд-во «Р.Валент», 2005. – С.135.
3. Стернин И. А. Культура делового общения: [учебное пособие] / И.А. Стернин. [Текст] – Центрально-Черноземное книжное издательство, 2002.
4. Шитц В. П. Активные процессы в современном русском языке и социальные приоритеты в формировании культуры речи / В. П. Шитц [Текст] / Актуальные проблемы лингвистического образования: сб. матер. V-ой Междунар. науч. конф. – Самара: Самар.гуманит. акад., 2009. – 367 с.

Карташова В.М. Формування мовленнєвої культури майбутнього вчителя на заняттях з іноземної мови // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.140-143.

У статті розглядається проблема зниження рівня мовленнєвої культури майбутнього вчителя, що є неприпустимим в умовах сучасного суспільства. Рішення проблеми бачиться у процесі вивчення іноземної мови.

Ключові слова: мовленнєва культура, літературна норма, вміння ділового спілкування, мовленнєвий етикет, варіювання мовленнєвих засобів.

Kartashova V.N. Formation of speech culture of the future teacher on employment on a foreign language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.140-143.

In article is considered the problem of decrease in level of speech culture of the future teacher. That is inadmissible in the conditions of a modern society. The solution of a problem of formation of speech culture in a native language of the future expert sees in the course of learning of foreign language.

Key words: speech culture, literary norm, abilities of business dialogue, speech etiquette, variation of speech means

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1'37

ПРОЦЕССЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *-LEI-

Колесова И. Е.

Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

*В статье Колесовой И. Е. «Процессы функционально-семантической дивергенции лексического состава на примере исторического корневого гнезда с этимологическим корнем *-lei-» рассматриваются дивергентные процессы, затрагивающие лексический состав исторического корневого гнезда с этимологическим корнем *-lei-, их особенности, причины и результаты.*

Ключевые слова: историческое корневое гнездо, функционально-семантическая дивергенция.

Актуальность. В последние десятилетия появилось много работ, связанных с изучением в различных аспектах исторических корневых гнезд (ИКГ) как комплексных единиц исторического словообразования, например [3; 4; 7; 9; 10 и др.]. Однако, несмотря на это, дивергенция в рамках конкретного исторического корневого гнезда до сих пор изучена очень слабо. Данная статья частично восполняет этот пробел.

В лингвистике термин «дивергенция», восходящий к латинскому глаголу *divergere* 'отклоняться, расходиться', используется в основном в фонологии для описания фонологизации вариантов фонемы; и в типологическом языкознании для описания процессов, приводящих к образованию самостоятельных языков на базе диалектов одного языка [2, с. 133]. Также к работам, рассматривающим различные процессы языковой дивергенции, следует отнести исследования ученых Казанской лингвистической школы, рассматривающих процессы морфемизации алломорфов [5; 6 и др.] и проблемы лексико-семантического словообразования [6; 8 и др.]. Фактически, речь в этих исследованиях идет о процессах морфемной, семантической и грамматической дивергенции при сохранении внешней формы, хотя сам термин «дивергенция» не употребляется.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы дать обзор основных возможных направлений семантической и функциональной дивергенции лексического состава исторического корневого гнезда (ИКГ), на примере ИКГ, вершиной которого является глагол *лѣтъ*, восходящий к праславянскому корню *-lei-*.

Дивергентные процессы, затрагивающие лексический состав исторического корневого гнезда, обусловлены целым рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

К экстралингвистическим факторам относится в первую очередь развитие материальной и духовной культуры. Появление новых реалий требует либо образования новых лексем для их обозначения, либо развития новых значений у уже имеющихся слов. Еще одним важным экстралингвистическим фактором семантической дивергенции является взаимодействие русского языка на протяжении всей истории его существования с другими языками. Так, например, после принятия христианства и проникновения на Русь переводной литературы именно под влиянием греческого языка, на основе греческой по происхождению метафоры у целого ряда глаголов, входящих в историческое корневое гнездо с этимологическим корнем **-lei-*, начинают развиваться переносные значения.

К внутрилингвистическим факторам, влияющим на развитие процессов семантической дивергенции, относятся в первую очередь процессы, обуславливающие развитие лексической и словообразовательной полисемии в рамках исторического корневого гнезда, например, многократное словообразование по одной и той же модели от одного производящего слова.

Говоря о функциональной дивергенции лексического состава в рамках ИКГ, мы подразумеваем под этим два взаимосвязанных процесса. С одной стороны лексемы с этимологическим корнем *-lei-* соотносятся с различными номинативными сферами.

С другой стороны, лексемы, входящие в ИКГ, функционируя в различных социальных сферах языка, соотносятся с различными функциональными стратами языка. Оба направления функциональной дивергенции в рамках ИКГ тесно переплетаются. Результатом этого взаимодействия становится формирование в ИКГ с этимологическим корнем **-lei-* 27 лексико-семантических зон (ЛСЗ). Например, ЛСЗ «Действия с жидкостями», ЛСЗ «Дождь», ЛСЗ «Литейное дело», ЛСЗ «Рыболовство», ЛСЗ «Чувства, эмоции, мысли» и др. Самими продуктивными из них являются ЛСЗ связанные с обозначением явлений природы и действий человека с различными жидкостями. Следует отметить, что некоторые ЛСЗ ИКГ напрямую соотносятся с функциональными сферами языка, так, например, ЛСЗ «Чувства, эмоции» полностью формируется за счет лексики книжных стилей, а ЛСЗ «Продукты питания» складывается целиком из диалектной лексики, но существуют и случаи пересечения. Так, все ЛСЗ, связанные с профессиональной деятельностью человека («Литейное дело», «Солеварение», «Ювелирное дело», «Рыболовство» и др.), складывались в истории русского языка на основе разговорной лексики, а на современном этапе развития языка объединяют в себе официальную терминологию, лексику профессиональных жаргонов, а в некоторых случаях и диалектную лексику.

При этом следует отметить, что функциональная стратификация языка и функциональная дивергенция лексического состава в историческом корневом гнезде создают дополнительную возможность для развития семантической дивергенции. Существующие перегородки между подъязыками позволяют как бы заново сочетать означаемое и означающее, способствуя тому, что в различных номинативных сферах одна и та же лексема, продолжая сохранять формальное тождество, приобретает различные лексические значения. В максимальной степени эта возможность реализуется в терминологических системах. Так, в рамках исторического корневого гнезда с этимологическим корнем **-lei-* на протяжении всего периода его развития в

результате взаимодействия различных дивергентных процессов образуется около 90 различных лексем, которые, при сохранении своего формального тождества, приобретают в различных номинативных сферах от двух до восьми различных значений. В данной статье мы рассмотрим две такие лексемы: *слить* и *выливка* (Схемы 1, 2).

При этом помимо семантической дивергенции присутствует и функциональная: ЛСЗ «Действия человека с жидкостями» соотносится с нейтральным стилем, ЛСЗ «Проявление чувств, эмоций, мыслей» – с книжным, ЛСЗ «Физиология», «Продукты питания» и «Посуда» складываются в основном в диалектах и в разговорной речи, а ЛСЗ «Литейное дело», «Свечное дело», «Солеварение», «Рыболовство», «Охота» и «Судовое дело» являются терминосистемами. Возникает вопрос: что перед нами? Омонимы или все-таки случаи разветвленной полисемии?

С одной стороны, все значения каждой из этих лексем имеют общее семантическое звено: ‘удаление или соединение жидкостей’ для глагола *слить* и ‘предмет, связанный с процессом выливания’ для существительного *выливка*. Фактически при образовании новых значений у глаголов изменяются только актанты, само действие остается неизменным, а существительные в большинстве своем наследуют многозначность мотивирующего глагола. Таким образом, на первый взгляд можно говорить о развитой полисемии.

С другой стороны, при полисемии семантическая структура лексемы представляет собой целостную систему. В нашем же случае речь идет о параллельном словообразовании по одной и той же модели в совершенно разных, практически не пересекающихся номинативных сферах, связанных к тому же с разными функциональными сферами языка. Таким образом, здесь есть основания признать данный случай омонимией.

Не вносят ясность в решение этой проблемы и данные словарей. Большинство указанных выше значений глагола *слить* и существительного *выливка* фиксируются только в специальных, терминологических или диалектных словарях. Словари литературного языка отмечают для глагола *слить* четыре значения ‘1. отделить сверху’, ‘2. вылить’, ‘3. смешать’ и ‘изготовить литьем’ [11, т.13, с. 1221], причем из них только *слить* ‘изготовить литьем’ признается омонимом. В то же время О. С. Ахманова включает его в «Словарь омонимов русского языка», подчеркивая, что речь идет об омонимии корня [1, с. 45]. Существительное *выливка* вообще описано как однозначное слово [11, т.2, с. 1096].

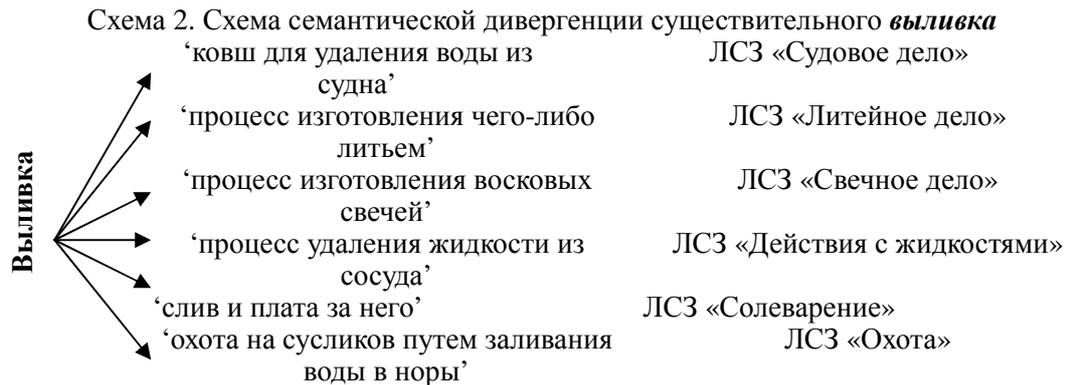
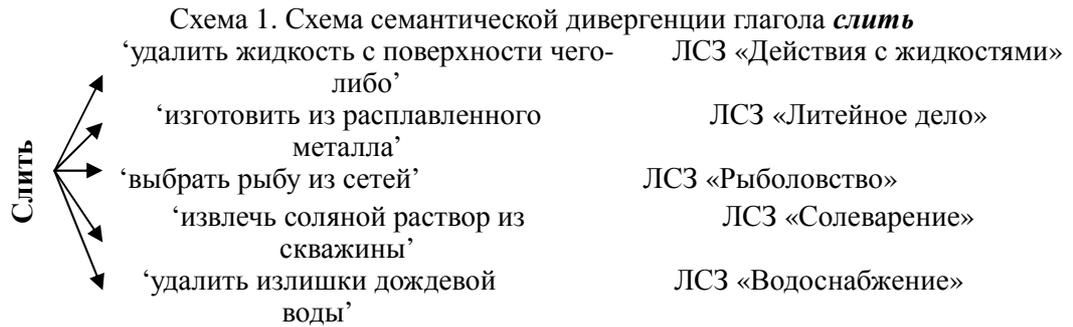
В связи с этим нам кажется уместным использовать при описании подобных явлений термин *когерентность*. Этот термин, происходящий от латинского *cohaerens* ‘находящийся в связи’, обозначает в физике согласованное протекание во времени и пространстве нескольких колебательных или волновых процессов, исходящих из одной точки [12, с. 291]. В лингвистике этот термин использовала Л. Г. Яцкевич при описании явлений, имеющих место при близкородственном билингвизме, понимая под этим термином свойство формально сходных, но семантически нетождественных слов, имеющих общее происхождение, существовать в различных языковых системах, взаимодействуя при пересечении этих систем [13, с. 540].

Выводы. Таким образом, подводя итоги, следует признать, что под воздействием целого ряда факторов в рамках исторического корневого гнезда с этимологическим корнем **-lei-* происходят процессы функциональной и семантической дивергенции лексического состава. В результате при функциональной дивергенции лексического состава ИКГ в одинаковых словах, соотносящихся с различными номинативными сферами, сохраняется внутренняя сцепка как за счет формального тождества, так и за счет общности физического действия, названного этими словами. Одновременно разная предметно-логическая отнесенность, изменения в актантной структуре приводят к семантической дивергенции этих слов и возникновению когерентных лексем или паралексов.

В дальнейшем следует попытаться проследить развитие дивергентных процессов в других исторических корневых гнездах, существующих как в русском, так и в других славянских языках, что позволит выявить закономерности и общие черты развития этих процессов, характерные как для русского языка, так и для славянских языков в целом.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – 448 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – 608 с.
3. Иванова А. В. Гнездо с вершиной *-каз-* как системно-структурное образование: дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / А. В. Иванова. – М., 1999. – 264 с.
4. Кузьмина Е. Б. Словообразовательное гнездо с вершиной *мереть*: история и современное состояние: дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. Б. Кузьмина. – М., 1998. – 330с.
5. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В. М. Марков // Марков В. М. Избранные работы. – Казань, 2001. – С. 117-135.
6. Николаев Г. А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа / Г. А. Николаев // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб, Вологда, 2007. – С. 7-28.
7. Отырба Р. Н. История словообразовательных гнёзд глаголов стального способа действия висеть, лежать, сидеть, стоять в русском языке XI- XXвв.: дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Р. Н. Отырба. – М., 1996. – 216 с.
8. Патиниоти А. В. Формально-семантическая асимметрия и конвергентно-дивергентные процессы в лексике / А. В. Патиниоти // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: Труды и материалы. – Казань, 2004. – С. 232-233.
9. Пятаева Н. В. История синонимичных этимологических гнёзд **em-* и **ber-* «брать, взять» в русском языке: дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. В. Пятаева. – Уфа, 1995. – 405 с.
10. Рыбакова И. Ю. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем **ber-*: дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / И. Ю. Рыбакова. – Вологда, 2003. – 187 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. – Т.1 – 17. – М.– Л., 1948-1965.
12. Физический энциклопедический словарь / Глав. ред. А. М. Прохоров. – М., 1995. – 928 с.
13. Яцкевич Л. Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма / Л. Г. Яцкевич // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: Материалы к конференции. – Минск, 1975. – С. 538-541.

Колесова І. Є. **Процеси функціонально-семантичної дивергенції лексичного складу на прикладі історичного кореневого гнізда з етимологічним коренем *-lei-** // Учене записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.144-148.

У статті Колесової І. Є. «Процеси функціонально-семантичної дивергенції лексичного складу на прикладі історичного кореневого гнізда з етимологічним коренем *-lei-» досліджуються дивергентні процеси, що порушують лексичний склад історичного кореневого гнізда з етимологічним коренем *-lei-, їх особливості, причини і результати.

Ключові слова: історичне кореневе гніздо, функціонально-семантична дивергенція.

Kolesova I. Processes of functional-semantic divergence of lexical composition on an example of the historic root cluster with the etymological root *-lei- // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.144-148.

In the article “Processes of functional-semantic divergence of lexical composition on an example of the historic root cluster with the etymological root *-lei-” by I. Kolesova divergence processes which affect the lexical composition of the historic root cluster with the etymological root *-lei-, their characteristics, causes and results are analyzed.

Key words: historic root cluster, functional-semantic divergence

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК (81+82)=161.1:371.3 (477)

ИДИОМАТИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНКЕТИРОВАНИЯ)

Колтуцкая И. А.

*Институт филологии и журналистики Волынского национального университета
имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина*

Статья посвящена проблеме молодежного сленга как открытой динамической социальной подсистемы языка. Материалом для анализа служат данные, полученные в ходе социолингвистических исследований 2008-2010 годов. Основное внимание уделяется тематическим группам и семантическим характеристикам фразеологических единиц молодежного сленга.

Ключевые слова: *молодежный сленг, идиоматика, фразеологическая единица, тематическая группа, фразеологическое клише.*

Актуальность. Изучение и систематизация структурно-функциональных характеристик молодежного сленга обусловлены объективной необходимостью глубокого научного анализа данного феномена как важного социолекта сложной языковой ситуации в Украине.

Целью данной работы является анализ идиоматики молодежного сленга. Под идиоматикой здесь понимается совокупность устойчивых выражений молодежного сленга, статус которых с позиций традиционной фразеологии определить довольно сложно. Объектом анализа стали вербализированные особенности языкового кода представителей различных молодежных объединений и студентов, полученные в ходе исследования, проведенного на кафедре русской филологии ВНУ имени Леси Украинки в 2006 – 2010 годах. Основой исследовательского материала стал реальный речевой дискурс носителей языка – 378 представителей русскоязычных неформальных молодежных объединений и 80 студентов-русистов ВНУ имени Леси Украинки. Материал был получен методом анкетирования; при анализе были использованы такие приёмы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, классификация анализируемого материала, интерпретация. Респондентами в социолингвистическом эксперименте 2006-2008 гг. были молодые люди от 16 до 26 лет, проживавшие в то время в г. Евпатории, г. Симферополе, г. Севастополе (АР Крым), г. Луцке (Волынская обл., Украина). Все опрошенные указали, что владеют украинским языком, однако в общении используют преимущественно русский. Большая группа респондентов (60%) имела незаконченное высшее образование; 25% – высшее образование; 15% – среднее специальное. В 2009-2010 гг. предметом анализа явился речевой дискурс 78 студентов-билингвов, от 16 до 23 лет, обучавшихся на специальности «Русский язык и литература» в Волынском национальном университете имени Леси Украинки

(г. Луцк, Украина), назвавших родным языком – украинский, языком обучения – русский. Родители 21% опрошенных – живут в городах, 79 % – в сёлах Волынской, Ровенской, Тернопольской, Львовской областей. Таким образом, исследование представляет своеобразный «срез» языкового кода молодых людей, билингвов западного и южного регионов Украины.

В целях решения поставленных исследовательских задач работы авторами была разработана анкета, часть вопросов которой представляла тест на реализацию языковой способности опрошенных в идиоматике, составляющей одну из важных частей современного молодежного сленга.

Термин «сленг» имеет продолжительную и сложную историю формирования. В научных исследованиях можно встретить следующие образные определения данного понятия: «язык, который засучивает рукава, плюет на ладони, принимается за работу» (американский поэт Карл Сендберг), «нецензурная речь», «язык нижних слоев безграмотных и непутевых людей», «поэзия простого человека» и под. [10, с. 40]. В этих примерах идет речь о разновидностях языка с завышенной экспрессией, языковой игрой. Среди научных дефиниций сленга следует выделить такие, что охватывают основную суть явления. Так, словарь О. Ахмановой дает два определения термина «сленг»:

1. Разговорный вариант профессиональной речи;

2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной либо социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску, особую лингвистическую функцию [1, с. 419].

Лингвистический энциклопедический словарь также фиксирует два основных значения термина:

- то же, что и жаргон;

- совокупность жаргонизмов, которые составляют слой разговорной лексики, что отображает грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи [9, с. 461].

Другие акценты в определении понятия «сленг» находим в работах И. Р. Гальперина [4], К. Косцинского [8], Т. Друма [5] и многих других. Леся Ставицкая указывает, что «важным социально-прагматическим аспектом сленга является его использование в неофициальных ситуациях устного общения» [10, с. 41], т.е. им могут пользоваться без вреда для своей языковой репутации образованные люди, если они близко знакомы друг с другом, вместе работают, имеют общие интересы и т. д. В то же время исследовательница говорит о существующих территориально-региональных отличиях сленга. Полиэтнический характер Украины, культурные традиции того или иного региона, характер языковых контактов накладывают отпечаток на социалингвальный образ в целом и молодежный сленг в частности [10, с. 41].

Молодежный сленг имеет целый ряд особенностей и отличий от других видов жаргонов и сленгов, к числу которых, прежде всего, следует отнести быструю изменчивость, объясняемую непрекращающимся «приходом» в молодежь

подрастающих детей и «уходом» из нее во взрослую жизнь. Собственно, осознанная языковая и социальная корпоративность отличает молодежный жаргон от детского сленга, считает Л. Ставицкая [10, с. 163], подчеркивая, что молодежный сленг среди других социальных страт является едва ли не самой сложной языковой структурой, поскольку соединяет все другие страты с неременной печатью группового, индивидуального языкового творчества и «возрастного» языкового вкуса [10, с. 190].

Особенно ярко повышена метафоричность, экспрессивность. Это проявляется в идиоматике. В реакциях респондентов студентов-русистов, представляющих западный регион, чаще встречались смешанные, суржиковые ФЕ, связанные, очевидно, с более выраженной интерференцией: *хоть греблю гати, прыгать в гречку* и т.д. Однако такие реакции носят единичный характер: анкетирование проводилось в аудитории (официальная обстановка учебного заведения), вопросы анкеты были сформулированы на русском языке.

В ответах респондентов прослеживаются следующие наиболее объёмные тематические группы фразеологических единиц (ФЕ), характеризующиеся широкой внутренней вариативностью:

I. ФЕ со значением «состояния» / «длительного занятия»:

все в кайф (в жилу, по приколу), всё ништяк (всё пучок,) оттягиваться в полный рост – удовольствие; *всё не в кайф, морщить коленки, хочется склеить ласты* – напряжение; *только шнурки поглажу (валенки зашнурую, уши накрахмалю)* – нежелание что-либо делать; *давить блох, пинать балду* – бездельничать; *лепить горбатого* – притворяться, *стоять на стреме* – сторожить, охранять, *выпускать пар* – эмоционально разряжаться, *ежиков пасти* – заниматься чепухой, глупостями, *как трусы без резинки* – быть свободным от чего-либо.

Отдельная группа ФЕ выражает состояния алкогольного и наркотического опьянения: *глаза в пучок; пьян, как сто китайцев; сидеть на игле; забить косяк; включить автопилот* (в значении «прикидываться трезвым, двигаться машинально») и др.

II. ФЕ, выражающие оценку (преимущественно резко негативную):

1) поступков и поведения окружающих: *креза покатила, маразм крепчал, крышу сносит или срывает, баиню сносит или срывает, крыша улетает или уезжает;*

2) интеллектуальных способностей кого-либо: *здравствуй, дерево (чайник, зеленый), квадрат в квадрате, синдроме даунито.*

III. Фразеологические единицы со значением действия, поступка:

Оформить (рисовать) биксу, ботва посеялась – началось что-либо неважное; *вкурить идею (двигать идею), звездолей навешать* – побить кого-либо, *кашель нажить* – простудиться, *кося привязать* – сходить в туалет, *отправлять за ворота* – исключать из училища, университета, *потусоваться в тамбуре* – стоять с кем-либо на лестничной клетке и др.

Характерной лексико-семантической особенностью сленговых ФЕ является внутриструктурная энантиосемия: *туши свет и стройся* (реже – *туши свет, кидай гранату*) – ФЕ для выражения и восторга, и ужаса: *полный абзац* – и радость от кого-то, чего-то, и разочарование от неудачи.

Большая часть фразеологических оборотов образована на метафорической транспозиции свободных сочетаний: *забить стрелку* – назначить встречу на определенное время в определенном месте; *перевести стрелку* – свалить вину на другого; *чесать грудь табуреткой* – напряженно искать решение проблемы и др.

Чрезвычайно активна гипербола, особенно у ФЕ со значением «состояние человека»: *глаза в пучок, до потери пульса, ходить на ушах*.

В целом идиоматика молодежного сленга характеризуется яркой экспрессивностью, нестандартностью, проявляет незаурядную «языковую креативность» носителей. Интересна в этом плане ФЕ *купи себе эРГэЗээМ* (ручную «губозакатывательную» машинку) – пожелание перестать мечтать и надеяться на несбыточное. Таким способом предлагается «закатать губы» (в противовес фразе *раскатать губы* – «размечтаться»).

Важную роль в сленговом дискурсе играют специальные словосочетания-маркеры, выполняющие функцию своеобразных комунникативных клише и кодировок, скрывающих смысл беседы от непосвященных: *сэконд хэнд* (second hand – married man) – женатый мужчина, *Чарльз Дарвин* – сам такой; *жить на аске* (от англ. ask – спрашивать).

В молодежном сленге существуют свои пословицы и поговорки: *жадность фраера погубит* – не следует жадничать; *не спи – замерзнешь* – надо взбодриться; *прошла любовь, завяли помидоры, между нами –дохлый бобик* – разрыв отношений.

Как видно, ядром идиоматики молодежного сленга являются ФЕ с ярко выраженной сниженной разговорно-просторечной окраской. Общеупотребительные ФЕ составляют периферию идиоматики молодежного сленга (ок. 12%): *выйти сухим из воды, прийти в телячий восторг, наломать дров, приказать долго жить, ищи ветра в поле, быть на седьмом небе* и др.

Вывод. Идиоматика молодежного сленга, представленная в реакциях наших респондентов, – это открытая языковая подсистема стилистически сниженных лексических и фразеологических единиц, выполняющих оценочную, экспрессивную, репрезентативную, коммуникативную и другие функции. Предметом отдельного рассмотрения должны стать психолингвистические особенности молодежного сленга, о носителе которого принято говорить как о личности двуязычной, а о соответствующем словоупотреблении – как об особом влиянии двуязычия.

Список литературы

1. Балла О. Молодость: завершённый проект / О. Балла // Знание-сила. – 2007. – №1. – С. 46-52.
2. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.
3. Гальперин И. Р. О термине «сленг» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – №6. – С. 107-114.
4. Друм Т. Сленг: взгляд зсередини / Т. Друм // Дивослово. – 1998. – №12. – С. 59-60.
5. Колтунова М. В. Что несет с собой жаргон / М. В. Колтунова // Русская речь. – 2003. – №1. – С. 48-50.
6. Коротенький словничок сучасного молодіжного сленгу // Політика і культура. – 2002. – №31 (162). – С. 43.
7. Короткий словник жаргонної лексики української мови: містить понад 3200 слів і 650 стійких словосполучень / [авт. Ставицька Л.] – К.: Критика, 2003. – 336 с.

**ИДИОМАТИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНКЕТИРОВАНИЯ)**

8. Косцинский К. Существует ли проблема жаргона? / К. Косцинский // Вопросы литературы. – 1968. – №5. – С. 181-191.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. Ярцева В. Н.] – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Словарь лингвистических терминов / [авт. Ахманова О. С.] – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
11. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг: соц. диференціяція укр. мови. / Л. Ставицька. – К.: Критика, 2005. – 464 с.
12. Ставицька Л. Про взаємодію жаргону і сленгу / Л. Ставицька // Українська мова та література. – 2000. – №15. – С. 7-8.
13. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.

Колтуцька І. А. Ідіоматика молодіжного сленгу (на матеріалі соціолінгвістичного анкетування) // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.149-153.

Стаття присвячена проблемі молодіжного сленгу як відкритої динамічної підсистеми мови. Матеріалом для аналізу стали дані, отримані під час соціолінгвістичних досліджень 2008-2010 років. Основну увагу приділено тематичним групам і семантичним характеристикам фразеологічних одиниць молодіжного сленгу.

Ключові слова: *молодіжний сленг, ідіоматика, фразеологічна одиниця, тематична група, фразеологічне кліше.*

Koltutskaia I. A. Idiomatics of a youth slang (on a material social linguistic questioning) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.149-153.

Article is devoted a problem of a youth slang as open dynamic social subsystem of language. As a material for the analysis the data received in a course social linguistic of researches of 2008-2010 serves. The basic attention is given to lexical sets and semantic characteristics of phraseological units of youth slang.

Key words: *a youth slang, idiomatics, phraseological unit, a lexical set, a phraseological cliché.*

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 800.7

ОБРАЩЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Коновалова Е.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*В статье рассмотрены основные подходы к исследованию обращений.
Ситуация в полиэтническом регионе описывается на основе эксперимента.*

Ключевые слова: *обращение, билингв, полилингв, билингвизм.*

Постановка проблемы. Несмотря на то, что проблемы русского речевого этикета рассматривались в исследованиях Н.И. Формановской, А.А. Акишиной, В.Е. Гольдина, В.Г. Костомарова, В.В. Колесова, Е.А. Земской, И.А. Стернина, А.Г. Балакая, М.В. Колтуновой, П.И. Холоповой, М.И. Лебедевой и других лингвистов, нельзя считать их достаточно изученными. В этих и других работах ученых основное внимание уделяется описанию русского национального традиционного этикета общения в лингвистическом, методическом, лингвострановедческом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Выводы и рекомендации, содержащиеся в их трудах, представляют несомненный интерес, однако в них не затрагиваются проблемы речевой этики билингвов и полилингвов, которая не во всем равнозначна этикету русских, проживающих в моноэтнической среде.

Актуальность данной темы объясняется тем, что этикетное речевое общение билингвов и полилингвов на русском языке на территории АРК не исследовано. Формирование и функционирование системы этикетных средств коммуникации в условиях национально-русского двуязычия требуют теоретического исследования и разработки практических рекомендаций для активизации процессов двуязычия, многоязычия и повышения культуры межнационального общения.

Ситуацию речевого этикета, по мнению Н.И. Формановской, составляют адресант и адресат, формулы этикета, ритуализированные стереотипы, мотив контактоустановления, благоприятная тональность, контакт говорящих. Она допускает, что единицы речевого этикета являются условными знаками и сближаются с семиотикой, так как «речевой этикет – это функционально-семантическая микросистема стереотипных единиц, привязанных к шаблонным ситуациям этикета поведения и вобравших параметры ситуации в структуру и значения единиц» [6, с.25].

Н.И. Формановская формулы речевого этикета относит к уровню языка, так как подобно фразеологизмам воспроизводятся как готовые. Ею предлагаются термины «устойчивая формула общения», «устойчивое высказывание»,

«фразеологизированное предложение» применительно к единицам речевого этикета как фактам языка.

В качестве грамматических признаков единиц речевого этикета выделяются модальность, синтаксическое время, категория синтаксического лица, отсутствие парадигмы. Так, в единице *Я благодарю Вас* отмечаются реальность сиюминутной реализации и направленность к собеседнику, отражающие компоненты ситуации «я-ты – здесь-сейчас», тогда как *Ты благодаришь меня, Я благодарил бы вас, если..., Пусть бы он поблагодарил его* – предложения, так как нарушено соотношение: 1-е лицо адресанта – 2-е лицо адресата и соотношение здесь-сейчас. Таким образом, единицы речевого этикета отличаются от свободных предложений «неварируемостью, устойчивой закрепленностью синтаксических категорий модальности, времени, лица» [6, с. 38].

Некоторые заявления Н.И. Формановской высказаны категорично и нуждаются в дополнении и уточнении. Так, широко рассматривая синонимию формул речевого этикета, исследователь не касается такого характерного явления, как омонимия, полифункциональность ряда этикетных формул. Например, не говорится о фатической (контактоустанавливающей) функции таких единиц как *Извините! Простите!*

Мы согласны с замечанием Л.П. Крысина относительно того, что Н.И. Формановская усматривает в этикетных формулах *Спасибо! Добрый день* имплицитно заключенную категорию синтаксического первого лица, тогда как здесь имеет место семантическая категория говорящего: категория лица не может выражаться неглагольными словами [5, с. 105]. Касаясь непарадигматичности этикетных единиц, рецензент доказывает, что, вопреки мнению Формановской об инвариантности времени, лица и модальности этикетных единиц, так как, наряду с *Благодарю вас*, где значение первого лица эксплицирует личное окончание глагола, имеются и другие употребительные синонимы: *Я хочу (хотел бы) поблагодарить вас. Позвольте поблагодарить вас* [5, с. 106].

В книге В.Е. Гольдина «Этикет и речь» рассматриваются «этикет» и «этикет и речь». В первой части ее делаются попытки подойти к системе этикетных авербальных формул с точки зрения семиотики. «Этикет – своеобразная знаковая система, изучением которой должна вследствие этого заниматься семиотика» [2, с.32]. В.Е. Гольдин подчеркивает необходимость равенства партнеров по социальноролевому статусу.

Гольдин дифференцирует обычное общение и этикетное: при информативной коммуникации выделяются тема и рема, а при этикетной наблюдается отсутствие такого актуального членения, так как застывшие речевые формулы, являясь фразеологичными высказываниями, воспринимаются всегда как рема (новое), а тема не выражена, ею служат внеязыковая действительность как элемент речевой ситуации.

Он определяет речевой этикет как употребление устойчивых формул вежливости, относящихся к знаковой системе этикета и связанных с речью.

Обращение к собеседнику термином родства «брат», как утверждает Гольдин, служит регулированию отношений между собеседниками, поэтому подобные слова он называет *регулятивами*, противопоставляя их таким обращениям-индексам, как «няня», «водитель».

В связи с утратой апеллятивом «товарищ» былой популярности в наши дни обращает внимание замечание Гольдина: «История слова «*товарищ*» не проста, оно не раз меняло значение, развивало дополнительные оттенки содержания и теряло их» [2, с. 83].

Историческая изменчивость функциональной природы, стилистическая характеристика, историко-этимологические данные, время и источник возникновения некоторых единиц речевого этикета рассматриваются В.В. Колесовым. Концепцию ученого отличают эстетический критерий оценочных характеристик, нормативно-рекомендательная ориентированность рассуждений, убедительность аргументов, учет сложного взаимодействия социальных, собственно языковых и других факторов, диктующих «правила этикетного общения», в частности, сохранение в какой-то степени внутренней формы отдельными этикетными терминами при бесследном «выветривании» ее из других, наконец, неотвратимо-грубое воздействие узуса нелитературного.

Можно также отметить антропоцентризм его подхода к интерпретации речевого этикета в целом. «В обращении людей друг с другом, – пишет Колесов, – проявляется их воспитанность и уважительность и вообще та совокупность человеческих свойств, которая делает человека представителем определенной культуры, определенной национальности, определенного социального положения» [3, с. 215].

Говоря об обращениях к незнакомым: *женщина*, *мужчина*, которые режут слух всем тем, кто наделен нормальным языковым вкусом, В.В. Колесов объясняет причину их популяризации в разговорно-просторечной стихии: она видится ему в том, что по выходе из узуса обращений *господин*, *госпожа* образовался вакуум, который нужно было заполнить новыми словами. На вопрос, адекватной ли является эта замена, исследователь пишет: «Но ни *женщина*, ни *мужчина* не будут этикетными/ словами, это ясно» [3, с. 243]. Веской причиной этого считается то, что они не утратят своего лексического значения. А отсутствие семантики – условие, при котором и возможно превращение обычного слова в этикетную формулу. Сравним: *гражданин* /первоначально – «житель города»/, *товарищ* /первоначально – «тот, с кем адресант совместно производил, сбывал товар»/.

Попытке проследить исторические тенденции утвердить в речевом общении этикетных терминов *господа*, *граждане*, *товарищи* посвящена статья М.В. Колтуновой. В ней отмечается, что обращения *господин* / *господа* активно входят в широкий коммуникативный обиход, восстанавливая свой «социальный статус». В качестве верифицирующего свидетельства она апеллирует к факту десемантизации этого некогда социально маркированного обращения. В то же время констатируется сфера активного употребления вновь возрождающегося этикетного слова – это официальная и торжественная обстановка. «Традиции русского речевого этикета возрождаются сегодня, – пишет М.В. Колтунова, – на новом витке, в новых социальных условиях, при новом

раскладе политических сил. Однако употребление старого (нового) официального обращения становится все более системным и массовым, что доказывает возможность возвращения утраченных этикетных форм» [4, с. 54-55].

А.Г. Балакая считает принципиально возможным включать в круг единиц, подлежащих лексикографическому описанию, наряду со словами и эквивалентными им фразеологическими сращениями и единствами узуально воспроизводимые сочетания слов разной грамматической структуры и разной степени семантической слитности и мотивированности значения, в том числе формулы речевого этикета. Он разделяет позицию Ч. Дж. Филлмора в той части, где тот утверждает: «при описании любого естественного языка целый ряд речевых отрезков следует рассматривать одновременно и как лексические единицы, и как цепочки, состоящие из двух и более слов и обладающие собственной грамматической структурой. Речь идет не только о пресловутых «идиомах», которые, быть может, составляют лишь незначительную часть всего словаря устойчивых сочетаний («phrasicon»), но и об огромном запасе несвободных словосочетаний, клише, речевых формул – короче говоря, обо всех привычных способах выражения, которые носитель языка усваивает независимо от процесса усвоения грамматических правил данного языка» [1, с. 25].

С целью изучения особенностей употребления формул обращения русского речевого этикета в повседневной практике полиэтничного региона, было проведено анкетирование. В ходе исследования было опрошено 84 респондента, принадлежащих, в основном, к возрастной категориям от 17 до 26 лет.

Родным языком 81 респондентов назвали русский, из них национальность «русский» указали 42 человека, национальность «украинец» – 27, национальность «крымский татарин» – 9, национальность «армянин» – 6. Родным языком указали «крымско-татарский» – 3 человека. Таким образом, языком межнационального общения на территории АРК следует считать русский.

На вопрос, каким языком владеют, 84 респондента указали русский и украинский; 12 человек в качестве третьего языка указали «крымскотатарский», и 6 – «армянский». 78% владеют двумя языками, 22 % владеют тремя языками. Таким образом, АРК является полиэтничным регионом с преобладанием билингвизма.

В текст опроса были включены обращения русского, украинского и крымскотатарского языков. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: знакомо ли обращение, используете ли вы его, и как часто?

Большая часть респондентов используют обращения русского речевого этикета, украинские обращения знают, но практически не используют.

Представители крымскотатарского этноса понимают и регулярно используют обращения русского и крымскотатарского языков, обращения украинского языка понимают, но не употребляют в своей речи.

Крымско-татарские обращения родства (например, бита, ала, бабака и др.) понимают, но не употребляют – 10% респондентов (по национальности русские, украинцы), а 6% и понимают и употребляют в речи. Этикетная система крымскотатарского языка оказывает интерферирующее влияние на рускоречевое

этикетное общение. Интересно, что многие русскоязычные не понимают обращения родства русского языка, например, деверь, золовка.

В речи носителей субординативного билингвизма наблюдается использование в качестве обращения национальных терминов родства, что малохарактерно в условиях моноэтнической русской среды. Такая интерференция не представляется грубым нарушением русского речевого этикета в среде билингвов.

Вместе с тем, русский речевой этикет, рассмотренный как аспект культуры общения на русском языке, позволяет проследить закономерное тяготение этикета других народов, населяющих этот регион, к предпочтению закрепленных в русском языке этикетных формул в соответствии с расширением социальных рамок функционирования национально-русского двуязычия. При этом наблюдается историческая динамика в сфере фатимики.

Речевой этикет билингвов расценивается в контексте тех внеязыковых факторов, которые обуславливают культуру межнационального общения. Наблюдающийся параллелизм некоторых этикетных формул русского языка и традиционных вежливых слов украинского и крымскотатарского этикета, являясь одной из специфических черт билингвистического речевого этикета, не вызывает негативной социальной оценки речевого поведения билингва.

Тенденция динамики речевого этикета билингвов, полилингвов к приоритетному употреблению русскоязычных этикетных формул обуславливается интеграционными процессами в их общественной жизни. Специфично обращение по имени и отчеству, которое раньше не было присуще крымскотатарскому языку: в русскоязычной коммуникации билингвов оно во всех ситуациях предпочтительно.

Вывод. Русскоязычный речевой этикет билингвов, полилингвов включает в себя в качестве инварианта русский этнолингвистический компонент и национальные этикетные формулы. Такая особенность обуславливается социальной важностью культуры межнационального общения в условиях полиэтнического социума. Не во всех случаях проявления то или иное отклонение от сложившихся в русском языке речевых стандартов правомерно квалифицировать как ошибочное. Система речевых формул общения русского языка в условиях полиэтнического региона обогащается новыми заимствованиями. Частью русского речевого этикета в условиях полиэтнического региона становятся обращения, свойственные другим национальным культурам – одно из характерных черт функционирования русского языка в разнонациональной среде.

Список литературы

1. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания / А.Г. Балакай. – Новокузнецк: НГПИ, 2002. – 228 с.
2. Гольдин В.Е. Этикет и речь / В.Е. Гольдин. – М.: Либроком, 2009. – 120 с.
3. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения / В.В. Колесов. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
4. Колтунова М.В. Язык и деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет: [учебное пособие] / М.В. Колтунова. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.

5. Крысин Л.П. О речевом этикете – научно и популярно (Три книги Н.И. Формановской о русском речевом этикете) / Л.П. Крысин // Рус. яз. в шк. – 1984. – №3. – С. 105-106.
6. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 1984. – 192 с.

Коновалова О.А. Звернення як елемент російського мовного етикету в умовах поліетнічного регіону // Ученіе запискі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.154-159.

У статті розглянуті основні підходи до дослідження звернень. Ситуація в поліетнічному регіоні описується на основі експерименту.

Ключові слова: звернення, білінгв, полілінгв, білінгвізм.

Konovalova E.A. Treatment as part of Russian speech etiquette in a multi-ethnic region // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.154-159.

The article describes the main approaches to the investigation of appeals. The situation in the poly-ethnic region is described on the basis of the experiment.

Key words: treatment, bilingual, polilingv, bilingualism.

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 811.112.2'373.7

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Петрочук О. В.

Киевский национальный лингвистический университет, г. Киев, Украина

В статье исследуются эмоциональный и рациональный аспекты оценочной семантики фразеологических единиц современного немецкого языка, изучаются характер и основание эмотивной и рациональной оценки, анализируются объект и субъект мелиоративной оценки.

Ключевые слова: *фразеологизм, семантика, эмотивная оценка, рациональная оценка, мелиоративная оценка*

Актуальность. Изучение оценки на современном этапе развития лингвистической науки остаётся востребованным и интересным. Актуальным является рассмотрение значимости эмоционального и рационального аспектов в семантике фразеологических единиц. В истории исследования эмоциональных и рациональных оценок выделяется несколько крупных направлений: 1. Эмотивисты рассматривают оценочные значения только как выражение эмоций субъекта [9, 11]. Эмоциональность выступает регулирующим фактором для дифференциации оценки. 2. «Натуральное» направление утверждает, что в эмоциях скрыты суждения и, что в любом случае эмоции и отношения зависят от эксплицитных или имплицитных суждений субъекта об объекте. При изменении мнения о предмете, вещи, явлении – меняются эмоции [4, с. 39]. 3. Третья точка зрения опирается на условия употребления языковой единицы. В зависимости от того, в каких условиях находится лексема и с какой целью используется, оценка делится на определённые группы: А (aptness words), D (descriptive words), G (gerundive words) [10, с. 156].

Наша точка зрения на роль эмоционального и рационального аспекта в значении фразеологических единиц отличается от представленных направлений. В оценке способен присутствовать эмоциональный подтекст, в то же время оценочные суждения имеют нормативный характер [1, с. 179]. В оценочном значении фразеологизмов присутствует как рациональный, так и эмоциональный элементы, поэтому в языковом отображении они образуют рациональную и эмотивную оценки. Рациональная оценка тяготеет к денотату и является суждением о ценности объекта. Эмотивная оценка ориентируется на некоторый стимул в образном содержании «внутренней формы» (в том числе и звуко-символической) [8, с. 111-116] и является прерогативой коннотативной сферы. *Цель.* Исследование эмоционального и рационального аспектов оценочной семантики фразеологических единиц

современного немецкого языка, изучение характера и основания эмотивной и рациональной оценки, анализ объекта и субъекта мелиоративной оценки.

Анализ мелиоративно-эмотивных фразеологизмов показал, что данные единицы представлены единицами рациональной оценки (*Ohren wie ein Luchs haben*), единицами эмотивной оценки (*im siebten Himmel sein*), а также фразеологизмами, в значении которых одновременно присутствуют рациональная и эмотивная оценка (*mein bestes Stück*).

Мелиоративно-рациональная и мелиоративно-эмотивная оценки имеют один и тот же объект и субъект оценки. Отличительными являются лишь характер и основание. Эмоциональное оценивание проходит по шкале «приятно/неприятно», рациональное – «хорошо/плохо». Несовпадение характера эмоционального и рационального оценивания наблюдается на примере юмора, иронии, сатиры и сарказма [6, с. 214]. При выражении юмора негативная рациональная оценка объединяется с позитивно-эмотивной оценкой. Ирония и сарказм содержат негативную, рациональную и эмотивную оценку [5, с. 77].

Основным различием между рациональной и эмотивной оценками является то, что при замене лица (Я-ТЫ-ОН) рациональная оценка чаще всего не меняет свой знак [8, с. 126]: *Herz zeigen = Verständnis zeigen – проявлять понимание*, а эмотивная способна иногда варьировать: *ein junges Ding – молоденькая (симпатичная, хорошенькая) девушка – sie ist ein Junges Ding – мелиоративно-эмотивная оценка; но – ich bin ein junges Ding – негативная характеристика – «хвастовство»*. Следовательно, важным показателем является направленность мелиоративно-эмотивной оценки на изменение эмоционального состояния собеседника и на то, чтобы вызвать у него позитивно-эмоциональную реакцию. Мелиоративно-рациональная оценка рассчитана на согласие с высказанным мнением [4, с. 39].

Во фразеологическом корпусе немецкого языка чисто рациональная оценка встречается часто, а эмотивная – крайне редко. Количество фразеологизмов только эмотивной оценки ограничено приблизительно 1100 примерами [5, с. 74]. Причина – фразеологизмы выражают как эмотивное, так и предметно-логическое значение. Субъект актуализирует в одних случаях установки логического восприятия (рациональное оценивание), в других – чувственно-образного (эмоциональное оценивание). Если же суждения и переживания находятся в органическом единстве, речь идёт о рационально-эмотивной оценке [3, с. 12].

Характер выражения оценок определяет то, какое начало лежит в основе оценочного значения: эмоциональное или рациональное. Такое разграничение необходимо, так как существует разница между мнением об объекте и эмоциональной реакцией на него [8, с. 125]. Эмоциональное и рациональное в оценке подразумевает две разные стороны отношения субъекта к объекту, первая – его чувства, вторая – мнение [4, с. 42].

Если речь идёт о суждении, то отправным пунктом в сопоставлении служит объект в целом или его отдельные свойства, а фразеологизм выступает в качестве его описания и характеризуется истинностью позитивной семантики, как в свободном, так и в контекстуальном употреблении. Например: *Er hat zwei Mal sein*

Studienfach gewechselt. Jetzt studiert er Musik, und ich glaube, er ist auf der rechten Bahn damit. – Фразеологизм *auf der rechten Bahn sein* = *стоять на правильном пути* – описывает существующую реалию «поступать правильно» и несёт информацию о позитивно-рациональной оценке обозначаемого объекта.

В случае, когда оценка субъектом каких-либо событий, фактов базируется на чувствах-отношениях, акцент делается на то, что важно, ценно, позитивно для субъекта оценивания. Значение сопоставляется со стандартом, стереотипом, личным опытом и т.д., которым должен соответствовать объект оценивания. Например: *wie einen Posaunenengel aussehen* – *выглядеть как херувимчик*; *Dusel (= Glück) haben* – *(разг.) крупно повезти*. В перечисленных примерах процесс сопоставления проходит по разным основаниям, но в конечном итоге фразеологическая семантика выражает мелиоративно-эмотивную оценочную квалификацию.

Практически все эмотивные оценки относительны, они зависят от эмпатии субъекта, производящего операцию оценивания, поэтому несовпадение эмотивной и рациональной оценки обнаруживается в меньшей постоянности первой и в её зависимости от эпохи, социальных и общественных условий [2, с. 57-59; 7, с. 54].

Выводы. Таким образом, эмоциональность и рациональность в семантике фразеологизмов современного немецкого языка проявляется благодаря фразеологизмам рациональной оценки, фразеологизмам эмотивной оценки и фразеологизмам рационально-эмотивной оценки. Выявленные виды мелиоративной оценки имеют один и тот же объект и субъект оценивания, но разные характер и основание. Характер мелиоративно-рационального оценивания – это сопоставление объекта с определённым признаком, соотносящимся с положительной зоной «хорошо» оценочной шкалы и определение места объекта в этой зоне. Характер мелиоративно-эмотивной оценки – это сравнение объекта с признаком, который соотносится с положительной зоной «приятно» оценочной шкалы и определение позиции объекта в данной зоне. Характер рационально-эмотивной оценки – установление положения объекта в зоне «хорошо» и в зоне «приятно» оценочных шкал «хорошо/плохо», «приятно/неприятно». Основание мелиоративно-рациональной оценки – вызвать согласие с высказанным оценочным мнением. Основание мелиоративно-эмотивной оценки – изменить эмоциональное состояние собеседника и вызвать у него позитивную эмоциональную реакцию. Основание мелиоративной рационально-эмотивной оценки соединяет в себе как намерение вызвать согласие с представленным оценочным мнением, так и намерение изменить эмоциональное состояние и вызвать позитивную эмоциональную реакцию.

В связи с выполненным анализом *перспективным* представляется изучение оснований негативной рациональной и эмотивной оценок, исторического развития этих оценок, а также влияние текста на возможность изменения позитивной оценки фразеологизмов на негативную или пейоративной на мелиоративную.

Список литературы

1. Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые / С. Ф. Анисимов. – М. : Мысль, 1970. – 181 с.
2. Берлизон С. Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры / С. Б. Берлизон // Вопросы описания лексико-семантической системы языка / С. Б. Берлизон. – М.: МГПИИЯ имени М. Горького, 1971. – Ч.1 – С. 55-61.
3. Бессонова О. Л. Оценка как компонент лексического значения слова. (На материале существительных наименований лица в английском, французском и украинском языках): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 04 «Германские языки» / О. Л. Бессонова. – Донецк, 1995. – 22 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка) / Е. М. Вольф. – [изд. 2-е, доп.]. – М., 2002. – 280 с. – (Серия „Лингвистическое наследие“).
5. Гамзюк М. В. Эмотивный компонент значения у процесі створення фразеологічних одиниць (на матеріалі німецької мови) / М. В. Гамзюк. – Київ: Вид. центр КДЛУ, 2000. – 256 с.
6. Немов Р. С. Психология: [учеб. пособие для пед. ин-тов и уч-щ] / Р. С. Немов. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.
7. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа „Языки русской культуры”, 1996. – 287 с. – (Первое издание).
9. Aeyer A. T. Language. Truth and Logic / A. T. Aeyer. – Middlessex, 1976. – 276 p.
10. Nowell Smith P. H. Ethics / P. H. Nowell Smith. – Oxford : Penguin Books, 1967. – 320 p.
11. Stevenson Ch. L. Facts and Values / Ch. L. Stevenson.– L., New Heaven: Yale UP, 1964. – 160 p.

Петрочук О. В. Емоційність і раціональність у семантиці фразеологізмів // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.160-163.

У статті досліджуються емоційний і раціональний аспекти оцінної семантики фразеологічних одиниць сучасної німецької мови, вивчаються основа та характер емотивної та раціональної оцінки, аналізуються об'єкт і суб'єкт меліоративної оцінки.

Ключові слова: фразеологізм, семантика, емотивна оцінка, раціональна оцінка, меліоративна оцінка.

Petrochuk O. V. Emotional and rationale aspects in the semantics of phraseological units // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.160-163.

The article focuses on the rational and emotional aspects of the evaluative semantics of the phraseological units in modern German; is dedicated the foundation and character of the rational and emotional evaluation, is analyzed object and subject of the meliorative evaluation.

Key words: phraseological units, semantics, rational evaluation, emotional evaluation, meliorative evaluation.

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.

УДК 811.161.1

НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Пономаренко И.Н.

Кубанский государственный университет, г. Кубань, Россия

В современном русском языке меняется представление о норме в связи с изменением условий коммуникации и традиционной оценки литературного языка.

Ключевые слова: *норма, литературный язык, язык-стандарт, рекомендательный характер, демократизация нормы.*

Проблема нормализации речи особенно актуализировалась в последние 15-20 лет в связи с возрастающей ролью публичной речи. Разработке теории и практики нормативности посвящены опубликованные в разные годы труды Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, С.И. Ожегова, Р.И. Аванесова, М.В. Панова, К.С. Горбачевича, В.А. Ицковича, Н.Н. Семенюк, Л.И. Скворцова, Л.А. Вербицкой, Л.П. Крысина и других отечественных лингвистов.

Э. Косериу, который ввел понятие нормы, подчеркивая социальную обусловленность понятия, предложил различать два аспекта: широкий, социолингвистический («норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе») [4, с.175] и более узкий, собственно лингвистический – итог целенаправленной деятельности по отбору и рекомендации языковых средств в качестве образцовых.

Среди множества определений нормы, приведенных в учебной и научной литературе, можно выделить, на наш взгляд, два типа: **категориальные** (Л.И. Скворцов – «принятые в общественно-языковой практике *правила*», Н.Н. Семенюк – «*совокупность* наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы», С.И. Ожегов – «*совокупность* наиболее пригодных...элементов», Л.А. Вербицкая – «*совокупность* явлений») и **функциональные** (К.С. Горбачевич – «правильность *выбора* слова и уместность *применения* его», Л.П. Крысин – «совокупность правил *выбора* и *употребления* языковых средств», Е.В. Сергеева – «принятые...*способы* употребления»).

К характерным особенностям нормы безусловно причисляют относительную устойчивость, распространенность, общеупотребительность и общеобязательность, а также соответствие возможностям языковой системы. При этом норма динамична и подвижна, она отражает современное состояние языка и речевые предпочтения его носителей. Помимо собственно лингвистической важности, бесспорна социальная и культурная значимость литературной нормы. Она выполняет функцию своеобразного сита, обогащая литературную речь всем точным и ярким, что есть в народной речи, и задерживая все случайное и невыразительное.

Хотя по традиции нормы и называют «языковыми», они рождаются, закрепляются и совершенствуются в речи. Коммуникативная целесообразность нормы позволяет ей гибко соотносить потенции системы с условиями реализации. *Цель статьи* – анализ представлений о норме в современной языковой ситуации.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что новые формы создаются только по моделям, заложенным в системе, и не могут противоречить ее возможностям. Хотя и в норме не может быть представлено все, что разрешено системой, новые варианты, не предусмотренные системой, возникнуть в употреблении не могут в принципе. Поэтому, как заметил К.С. Горбачевич, изменения нормы, которые мы наблюдаем, возможны или в пределах вариантности системы, или в результате определенных изменений, происшедших в системе. Установлены два основных типа причин изменения норм: *внутренние* – закон экономии и закон аналогии, неоднозначность соответствия формы и содержания, потенции и подвижность языковой системы и *внешние* – экстралингвистические факторы, включающие процессы демократизации, расширения сферы применения и дифференциации языка.

Важным логическим аспектом теории нормы является сопряжение данного понятия с понятием «вариантность». Причем, по мнению лингвистов (Горбачевич, Вербицкая), проблема обсуждения нормы возникает каждый раз, когда говорящий сталкивается с проблемой выбора, т.е. проблемой наличия вариантов. В.М. Солнцев считает *вариантность/вариативность* [9, с.80] полными синонимами, Л.А. Вербицкая принципиально важным считает разграничение *вариативности* как обязательной черты языка, которая «навязывается им», и *вариантности*, которая в отличие от вариативности «не провоцируется языком, а разрешается им» [1, с. 15-16].

Л.К. Граудина пишет, что «*вариантность* следует рассматривать как свойство по терминологическому значению прилагательного *вариантный*. Обозначает она особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения, второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инварианта). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях» [3, с.34], иными словами, «под вариантами понимаются проявления одной и той же сущности» [9, с.80].

Вариантность, являясь оборотной стороной нормативности, представляет собой, по сути, уникальное языковое явление. Во-первых, явление это асимметрично: нарушен закон соответствия «один знак – одно значение»; во-вторых, оно противоречит закону экономии языковых средств; в-третьих, часто имеет негативную социальную оценку: неспециалистами вариантность нередко рассматривается как свидетельство несовершенства языка или недостаточной его изученности.

Современная лингвистика бесспорным считает положение о вариантности как объективном следствии языковой эволюции, неременной характеристике динамики литературного языка. Наличие вариантов рассматривается как необходимый этап развития языка, который, с одной стороны, обеспечивает преемственность в

словоупотреблении, с другой – способствует становлению наиболее приемлемого способа реализации языковых средств.

Для исследования динамики изменения акцентологической нормы в период с 1983 по 2006 гг. нами из академического орфоэпического словаря методом сплошной выборки нами были вычленены 274 вариантные пары с пометами «и» и «допустимо», из которых в «Орфоэпический словарь русского языка» 2006 г. (составитель В.И. Крюков) 170 единиц были включены уже как единственно возможное употребление. Сравнивая данные двух словарей, можно говорить, что примерно за 20 лет количество вариантов, фиксирующих диспозитивный тип нормы, сократилось на 62%.

Известно, что употребление предполагает активное продуцирование речи в устной и письменной форме. В многочисленных классификациях нормы по различным признакам (обязательности, связи с уровнями языка и т.д.), есть место и классификации по признаку формы речи – норм устной и письменной речи, т.е. противопоставление орфоэпической и орфографической нормы. Письменная речь является подготовленной, поэтому и письменный текст строже нормирован.

Однако сегодня все более широкое распространение получает текст в электронной версии, отличающийся и от устного, и от письменного вариантов, но в то же время сочетающий их признаки. Речь воспринимается визуально, как письменная, хотя может быть неподготовленной и необработанной (например, общение в чате, многочисленные форумы, SMS-диалоги и т.п.). «Визуальная» речь содержит конструкции и формальные признаки устной речи, но хранится и передается на расстоянии, как речь письменная.

М.А. Кронгауз обращает наше внимание на то, что сегодня письменная вариативность стала абсолютной реальностью. И если прежде создание письменных текстов было уделом немногих, то теперь письменное общение стало живым. Но в то же время раньше письменная речь доходила до читателя через корректора и редактора, становясь образцовой, теперь же для пользователей Интернета правила диктуются употреблением.

Электронное общение стало быстрым и предельно упрощенным, о чем свидетельствует близкий к телеграфному синтаксис, отказ от заглавных букв, знаков препинания, использование аббревиатур и смайликов. Об упрощении характера общения свидетельствует широкое использование разговорной лексики, стирание грани между личностно и статусно ориентированным общением. Формируется неумение различать жанровую и стилистическую уместность языковых средств, снижаются этикетные требования. Отсутствие знаков препинания превращает письмо в свободный поток сознания, а возможность автоматической проверки орфографии приводит к убеждению, что изучать нормы правописания совсем не обязательно.

Простота, с которой строится общение через электронную почту, частота контактов и стремление переработать огромный объем информации обуславливают изменение характера употребления языковых средств и, как следствие, отношение к норме. Бесспорно, изменение условий коммуникации влияет на грамотность, причем в большей степени, чем словари и грамматики. Условия виртуального

общения меняют правила: ради простоты и естественности коммуникации нарушается норма.

Надо заметить, что печатный текст в сознании носителя среднелитературного типа речевой культуры всегда соотносился с нормативным, поэтому, решая вопрос «правильно или неправильно», он обращается не к словарю, а к печатному тексту. Но, поскольку теперь многие функции печатных изданий перешли к Интернету, визуальный текст приобретает качества «правильного», нормативного, так как нормой может считаться то, что привычно, принято (это, кстати, не противоречит определению нормы, являющейся «правилом, традиционной реализацией, принятой в обществе»). Поэтому интернет-пользователь обратится не к словарю и даже не к печатному изданию: он, скорее, наберет слово в поисковой системе и правильным будет считать тот вариант, который чаще встречается.

Однако можем ли мы всех пользователей Интернета отнести к той части общества, которая не влияет на норму как выбор? И если на этот вопрос нет однозначного ответа, то несомненно: интернет-пользователи – значительная часть общества. И если не считаться с ее выбором, как это можно соотносить с первой частью характерных признаков нормы – *общеупотребительная, общеобязательная*?

В лингвистической традиции многочисленные определения нормы сводятся к утверждению, что это совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе социальной коммуникации. Но само значение слова «норма» рассматривается как нечто усредненное, общее: узаконенное установление, обычный общепризнанный порядок, установленное правило.

Таким образом, трансформации экстралингвистического аспекта функционирования языка находят непосредственное отражение в представлении о норме как основной характеристике литературного языка.

Следует отметить, что изменилась и сама оценка литературного языка. Если в XX веке мы подчеркивали его связь с литературой, в первую очередь с классической, что поддерживалось и многочисленными примерами, зафиксированными в академических словарях, и даже установлением границ понятия «современный русский язык» – от Пушкина до наших дней, то теперь все чаще говорят не о литературном языке, а языке-стандарте.

Так, в национальном корпусе русского языка доля литературных текстов – более 40%, исключительно, по свидетельству В.А. Плунгяна, из уважения к «литературоцентричности» русской культуры. Для практики создания национальных корпусов принятая доля включения литературных текстов не более 30%.

Можно заключить, что сегодня мы наблюдаем трансформацию традиционной идеи нормативности. Норма перестает быть обязательной, приобретая черты рекомендательной. Причины этого видятся в изменении социально-культурной стратификации носителей языка, во многом определяющей черты литературного языка. На смену достаточно жестко установленным правилам пришли нормы, устанавливаемые полустихийно, мотивируемые современными особенностями речевой ситуации и регулируемые во многом социальной престижностью.

Выводы. Итак, современная отечественная лингвистика оказалась в очень трудном положении: с одной стороны, нельзя допустить образования пропасти между носителями (литературного) языка-стандарта и нелитературных вариантов национального языка, с другой – как регулировать стихийную демократизацию нормативности. Изменение отношения к норме как основной характеристике литературного языка чревато размыванием основ литературного языка и, как следствие, подрывом целостности национальной культуры.

Список литературы

1. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: [пособие по русскому языку] / Л.А. Вербицкая. – М.: Высшая школа, 2001.
2. Горбачевич К.С. Нормы современного русского языка [пособие для учителей] / К.С. Горбачевич. – М.: Просвещение, 1981.
3. Граудина Л.К. Культура русской речи как языковедческая дисциплина // Культура русской речи: [учебник для вузов] / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998.
4. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история [текст] / Э. Косериу // Новое в русской лингвистике. – Вып.3. – М., 1960.
5. Кронгауз М.А. Язык и коммуникация: новые тенденции. Стенограмма лекции, прочитанной 19 февраля 2008 года в клубе-литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» [Электронный ресурс] / М.А. Кронгауз. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2009/03/19/communication.html#>
6. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1983.
7. Орфоэпический словарь русского языка / сост. В.И. Круковер. – СПб: ООО «Полиграфуслуга», 2006.
8. Скворцов Л.И. Норма [текст] / Л.И. Скворцов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997 – С. 270-272.
9. Солнцев В.М. Вариантность: [текст] / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997 – С. 60-61.

Пономаренко І.М. Норма в сучасній мовній ситуації // Ученіє запискі Таврієського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.164-168.

У сучасній російській мові змінюється уявлення про норму через зміну умов комунікації і традиційної оцінки літературної мови.

Ключові слова: норма, літературна мова, мова-стандарт, рекомендаційний характер, демократизація норми.

Ponomarenko I.N. Norm in modern linguistic situation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.164-168.

In modern Russian the concept of norm is being changed together with the change of communicational conditions and traditional estimation of the standard language.

Key words: norm, language of literature, standard language, recommended character, democratization of norm.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.2'42:821.161.2-3ІГ1/7.08

МОВНІ ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ ТРАДИЦІЙНИХ ТА НОВИХ СТЕРЕОТИПІВ У СУЧАСНІЙ ЖІНОЧІЙ ПРОЗИ

Свідрук О.О.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

Стаття присвячена гендерному аналізу головних героїв творів сучасних авторів. Звертається увага на традиції та новаторства в зображенні чоловіка та жінки. Зазначається, що в українській сучасній літературі з'являється нова активна, талановита і сильна героїня, яка здатна захистити себе самотійно, відстояти своє право на самовизначення.

Ключові слова: гендер, стереотип, жінка, чоловік.

Чоловіки і жінки по різному зображуються у різних мовах світу, так само є неоднаковим їх становище у різних країнах. Кожне окреме суспільство послуговується характерними для нього соціальними стереотипами для визначення місця і ролі чоловіка чи жінки у ньому. Впродовж усього життя людина засвоює суспільні стереотипи маскулітності / фемінності, які поступово на ментальному рівні систематизуються в гендерну програму подальшого життя і перетворюються на усвідомлені мотиви та позасвідомі спонуки поведінки чоловіка та жінки.

Метою нашого дослідження є виявити у текстах сучасної прози особливості гендерних характеристик персонажів, проаналізувати використання традиційних стереотипів у зображенні протилежних статей та виявити застосування новітніх.

В українському мовознавстві питанням вивчення гендеру займалися такі науковці, як Н. Борисенко, С. Павличко, Д. Грабовська, Т. Журженко, Т. Бессонова, Л. Сінельникова, Г. Богданович, О. Рябов, В. Слінчук.

„Гендер” – похідне від англійського позначення граматичного роду [1, с. 58]. Проте слід зазначити, що деякі автори звертають увагу на те, що в самій англійській мові немає граматичної категорії роду. Та і в інших мовах (наприклад, в російській), де ця категорія діє, вона отримує мотивацію тільки на рівні істоти, позначаючи родо-статеву, біологічну приналежність особи.

Стереотипи – це спрощені, занадто умовні уявлення, штампи, які люди використовують для того, щоб спрощено зрозуміти явища, які потребують для пізнання більш складних, інтелектуальних зусиль.

Гендерні стереотипи – це наше розуміння чоловічої і жіночої традиційної гендерної ролі, суспільні погляди на те, як повинні себе поводити жінка і як чоловік; що вважати чоловічим, а що – жіночим; якими видами діяльності можуть чи не можуть займатися жінки, якими – чоловіки; які професії є жіночі, які – чоловічі тощо.

А. В. Кириліна зазначає, що "...гендерні стереотипи, маючи форму пристосування слів до світу, насправді є пристосуванням світу до слів. Вони,

певною мірою, нав'язують низку визначених моделей поведінки, яких повинні дотримуватись представники тієї чи іншої статі" [4, с. 33].

"Гендерні стереотипи значно спрощують реальну ситуацію, однак у колективній суспільній свідомості вони міцно закріплені та змінюються дуже повільно. В певній мірі стереотипи-забобони впливають на кожну людину. Згідно із закріпленими уявленнями, жінкам у суспільстві приписується менша вартість, ніж чоловікам" [10].

Жінці у суспільстві належало місце берегині домашнього вогнища, справжня жінка повинна бути лагідною, ніжною, слухняною жінкою, доброю матір'ю і жити за законами, встановленими чоловіками: *"Світ, у якому ми живемо, побудували чоловіки. Вони побудували його для себе і, не рахуючись з жінками, встановили в ньому свої закони, розв'язали війни, побудували апарати пригноблення і придушення"* [5, с. 6]. На протигагу цьому "чоловічому світу" жінки створюють свій власний світ, який має назву *"без мужика"*: *"У світі, створеному чоловіками для чоловіків, є важлива жіноча філія, держава в державі, за законами якої живе неміряна кількість жінок. Світ, який створили для себе й встановили у ньому свої закони. Світ, куди, по змозі, не пускають чоловіків і звідки не випускають для чоловіків"* [5, с. 6].

В.В. Слінчук у дослідженні "Мовностилістичні засоби творення гендерних образів молоді" визначає традиційні, актуалізовані та нові гендерні стереотипи [9, с. 10].

У сучасних творах ми натрапляємо на описи жінок, які перегукуються із традиційними стереотипними кліше: *"Тендітна. мила, трохи наївно-манірна, як німецька порцелянова статуетка, ошатно й здатно вбрана жіночка з обличчям, прописаним тонким ретельним пензликом"* [7, с. 80]; *"... не торкнуте косметикою обличчя з наївними сірими очима, на плечі спадала довга жіноча коса пшеничного кольору, на лобі тремтів неслухняний золотий кучерик ... Тетяна подала нашому героєві руку. рука була вузька і ледь волога, очевидно, від хвилювання. на рожевих пальчиках – маленькі круглі нігтики, акуратно підрізані"* [2, с. 44]. У наведеному прикладі маємо зображення ідеалу жінки, який траплявся і у класичній літературі: *"Якби вона вже не була Горошко, ми б її назвали Ларіною. Нині таких дівчат можна знайти хіба що в провінції. А жаль. Нам дуже бракує таких жінок"* [2, с. 45]. Завдяки порівнянню із Тетяною Ларіною, відомою героїнею поеми видатного російського поета О. Пушкіна, у читача відразу складається цілісний образ ніжної, романтичної, здатної на щире і віддане кохання дівчини. Автор сам зазначає, що для сучасного суспільства такий тип жінок став рідкістю, йому характерні самостійні жінки-феміністки: *"Тепер жінки скрізь – і в бізнесі, і в науці, не кажучи вже про спорт. Є навіть дві жінки торо. Жінки сапери. Жінки охоронці. Є навіть жіночий бокс, у вазі "Мухи" і "Супермухи"* [6, с. 124]. Не дивлячись на те, що автором твору є жінка, помічаємо її іронічне ставлення до "окупації" жінками багатьох сфер діяльності, які традиційно були характерними для чоловіків. В суспільстві з'явився новий стереотип *жінка-лідер* чи то стосовно сім'ї, чи то стосовно професійної діяльності, чи то навіть керування державою: *"Мені подобається, коли при владі розумна і вродлива жінка. Це ж не абищо, це обличчя нації. Маргарет Тетчер. Індіра Ганді. Беназір Бхутто"* [6, с. 124]; *"Спроби турецькопідданого надурити її в розрахунках, приховати справжній прогресуючий свій відсоток, свій відсоток з якого Нінон вже двічі підвищувала, вона придушила в зародку, як Ксена принцеса-воїн"* [8, с. 60]; *"Почувалася Ксеною. Принцесою-воїном"* [7, с. 150].

Згідно з традиційними поглядами, справжні чоловіки повинні приховувати свої переживання, бути лідерами, незалежними ні від кого, фізично витривалими, вольовими, вміти заробляти для сім'ї багато грошей, не базікати, не бути сентиментальними, не розкисати: *"Дружина моя зривається і часом його лупцює, а потім плаче, я їх обох жалю, я мужчина, я не повинен зриватись, але іноді мені здається, що колись я вийду з дому через вікно, і більше мене ніхто ніде не побачить"* [6, с. 7]; *"Зірка роздивилася: очі, ніс, підборіддя, чорний тонкий светр під горло, сірий легкий костюмна тренувальному тілі професійного охоронця чи спортсмена. "Звідки я, дідча мати, його знаю? Схожий на Шварцнегера в ролі Командо""* [7, с. 40].

Будь-яке відхилення від загальноприйнятого уявлення про місце і роль чоловіка у суспільстві сприймається як негативне явище, найчастіше це виявляється у порівнянні чоловіка з жінкою: *"Назустріч підвівся молодий, але вже геть лисий начальник слідчого відділу Криворучко. Мундир ледве сходився на його череві і розчепірювався на клубах як у баби ... Обжерливим був начальник. Скидався на гіпертрофований вареник з сиром"* [7, с. 21]; *"Тепер хлопці – хоч косу заплитай, і у вусі сережка. Мужчина формується не тоді, коли затуляється щитом, а тоді, коли піднімає меч"* [6, с. 125]; *"Старий козел, класичний чистопородний мамій, живе з мамою, одружений не був"* [5, с. 20].

Традиційна лінія чоловічого домінування дещо трансформується, спостерігається навіть певна зміна соціальних ролей, що і знаходить нові лакуни в мовному дискурсі. На часі нові характеристики молодої жінки, яка не погоджується з відведеною їй стереотипною моделлю поведінки. Жінка нової епохи – розумна, ділова, здатна сама керувати своїм життям. І, якщо такі якості раніше приписувалися чоловікам, вона не проти мати "чоловічий характер" та захоплюватися, наприклад, "чоловічими хобі": *"Георгій і родина Вільсонів були шоковані. Вони зачаровано спостерігали за рухами молодої леді. У будь-якої іншої жінки сигара в руках виглядала б непристойно, тим більше в ресторані "Ландон-клуб", а тим паче в присутності вишуканої британської пари. Однак Євдокія робила все по-королівськи і з гідною майстерністю"* [3, с. 70]. З прикладу бачимо, що захоплення "чоловічим" хобі не викликає у героїв роману негативного ставлення до жінки, куріння сигари та уміла підготовка до цього "чоловічого" ритуалу робить жінку особливою, викликає захоплення в оточення.

У творах сучасних авторів ми також напрямляємо на нові стереотипи, які з'явилися завдяки суспільному розвитку та виникненню нових реалій. Ця група представлена, зокрема, концептами "модель", "супермен", "супергерой" та ін. Зберігаючи зв'язок із семантикою традиційних стереотипів, нові мовні стереотипні утворення сприяють формуванню сучасних уявлень про категорії "жіночого" і "чоловічого": *"Поруч опинився чоловік у шкірянці. Аж занадто широкі плечі, сірі очі, міцне підборіддя, сивуваті скроні. Шварцнегер"* [7, с. 26]; *"З кухні визирнув, а тоді вийшов Душман – викапаний Чак Норріс, тексаський рейнджер, куцуватий та справний, у черевиках на золочених підборах зі шпорами, у пальмовій шовковій сорочці, щоправда, без крилатого капелюха"* [8, с. 119] (подано за авторським правописом М. Меднікової).

Висновки. Дослідження підтверджує важливу роль мовних стереотипів, які визначають характеристики поведінки людини в суспільстві. Гендерні стереотипи активно функціонують у творах сучасних авторів і є підґрунтям для поступових змін

у поглядах на призначення чоловіка та жінки в суспільстві. Вони сприяють певній сучасній переорієнтації гендерних характеристик, коли, наприклад, на зміну уявленням про обов'язкову жіночу (домашню, господарську) турботливість приходять багато різних інших зацікавлень. Відбувається вирівнювання гендерних соціальних ситуацій та позицій, які потребують однаково уважного ставлення до них у суспільстві.

Список літератури

1. Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Наука, 1996. – 698 с.
2. Гримич М. Варфоломієва ніч: [роман] / М. Гримич. – Львів: Кальварія, 2002. – 160 с.
3. Гримич М. Егоїст: [роман] / М. Гримич. – Львів: Кальварія, 2003. – 228 с.
4. Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания: [Сб. статей]. – М.: Рудомино, 2000. – С. 47-80.
5. Кононенко Є. Без мужика. Prosus nostalgos / Є. Кононенко. – Львів: Кальварія, 2006. – 208 с.
6. Костенко Л. Записки українського самашедшого / Л. Костенко. – А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011. – 416 с.
7. Меднікова М. Терористка. НЕ-детектив / М.Меднікова. – Львів: Кальварія, 2003. – 216с.
8. Меднікова М. Тю!: роман-фрістайл з елементами аерофотозйомки / М. Меднікова. – Львів: Кальварія, 2003. – 228 с.
9. Слінчук В.В. Мовностилістичні засоби творення гендерних образів молоді (за матеріалами друкованих мас-медіа): автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.08 / В.В. Слінчук. – К., 2006. – 15 с.
10. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/044.htm>

Свідрук Е.А. Языковые средства создания традиционных и новых стереотипов в современной женской прозе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.169-172.

Статья посвящена гендерному анализу главных героев сочинений современных авторов. Обращается внимание на традиции и новаторства в изображении мужчины и женщины. Определяется, что в современной украинской литературе появляется новая, талантливая и сильная героиня, которая способна самостоятельно защитить себя, отстаивать свое право на самоопределение.

Ключевые слова: гендер, стереотип, женщина, мужчина.

Svidruk H. Linguistic means for creation of traditional and new stereotypes in modern female prose // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.169-172.

This article deals with gender analysis of the main heroes in the texts of modern authors. The attention is paid to the traditions and innovations in description of man and woman. It is also mentioned that the new active, talented and strong heroine, who can protect herself, appears in the modern Ukrainian literature.

Key words: gender, stereotype, woman, man.

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 811.161.2.'373

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ОДНОГО ВИДА НОМИНОВ В КОММУНИКАЦИИ

Стребуль Л. А.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

Анализируется один из распространенных пластов ономастического простора – наименования высших учебных заведений, определяется их структурно-семантическая организация.

Ключевые слова: *коммуникация, структура, семантика, номинация, компонент-детерминант.*

Исследуя состояние и развитие языка, Л. В. Щерба справедливо отмечал, что «язык находится в состоянии лишь более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия» [5, с. 50].

Такое постоянно изменяющееся и развивающееся состояние языка характерно и для процесса номинотворчества, особенно активно происходящего на территории б\СССР с конца XX – начала XXI вв. в силу социально-экономических преобразований в обществе. Эти изменения существенно повлияли, в частности, на значительную часть ономастического пространства.

Как известно, в ономастику (науку о собственных наименованиях объектов) входит большой массив названий организаций, общественных и производственных объединений, в том числе официальных наименований высших учебных заведений.

Цель – анализ одного из распространенных пластов ономастического простора – наименования высших учебных заведений, определение их структурно-семантической организации.

Актуальность. В данной статье в общем виде ставится проблема изучения структурно-семантических особенностей современных названий вузов, представляющих собой специфический тип речевой деятельности, где первоочередным является его соответствие коммуникативному предназначению – кратко и доступно донести до коммуниканта необходимую информацию. При этом в отборе языковых средств определяющим является прагматический подход, дающий возможность сконцентрировать лингвистические средства для образования данных номинотворчества.

Вполне понятно, что любое исследование по изучению современного состояния ономастического простора и определение основных особенностей процесса номинации представляется актуальным.

В связи с этим заслуживают внимания номинативные комплексы, широко используемые для обозначения объектов действительности, в частности

официальных наименований высших учебных заведений. Эта сфера номинирована достаточно узкая, но интенсивно развивающаяся и совершенствующаяся.

Исследование номинации в центре внимания многих современных ученых-лингвистов, в частности, В. Г. Гака (1972), Е. С. Кубряковой (1986), Г. В. Колшанского (1975), А. А. Уфимцевой (1997), В. А. Горпинича (2004) и других.

Например, В. Г. Гак определяет номинацию «как процесс и результат наименования, при котором речевые элементы соотносятся с объектами, которые они обозначают» [2, с. 37]. По мнению Е. Кубряковой, «номинация демонстрирует заинтересованность коммуниканта на признаках задействованного в его деятельности объекта, и, что «прагматика и когнитивика выступают в неразрывном единстве в акте наименования» [3, с. 9].

Многие исследователи выделяют несколько функций названия объекта, среди которых номинативная, информативная, рекламная, а также фокусирующая, концептуально-оценочная, что в широком плане присуще и названиям вузов. Можно сказать, что наименование – это визитная карточка конкретного высшего учебного заведения.

«Акт номинации как акт семиоза связывает тело знака с той группой концептов, которую сформировал интерпретант» [3, с. 9]. Следовательно, номинированные призваны выполнять свою прагматическую функцию – способствовать эффективной коммуникации.

Очевидно, что смена общественно-политической системы бСССР, преобразование социально-экономических структур повлекли изменения в ономастическом пространстве не только в названиях населенных пунктов, но и в названиях предприятий, организаций, производственных и новых объектов. Это естественно потребовало достаточно информативных и благозвучных названий.

Как отмечает А. Уфимцева [9, с. 8], «номинация есть процесс обращения фактов действительности в знаки, значения и категории, отражающие общественные аспекты носителей языка».

Продолжая наши исследования в сфере номинации вузов, в данной статье проанализируем наименования вузов России, Украины, Беларуси и других стран СНГ и Европы, функционирующие по 2010-й год. Как правило, информация, представленная в наименованиях учебных заведений, складывается из значений компонентов, образующих целостную содержательную структуру номина. Эти составляющие информативные компоненты можно представить в следующей схеме:

1) слово, указывающее на объект и статус вуза (академия, университет, институт, высшее учебное заведение, факультет, филиал вуза, центр);

2) слово или словосочетание слов, указывающие на местонахождение вуза (Днепропетровский, Московский, областной, Всероссийский, Кабардино-Балкарский, Евразийский);

3) слово или словосочетание, указывающие на специализацию вуза (институт восточнославянской филологии, институт сервиса и туризма, университет международных отношений и мировых языков, академия транспорта и коммуникаций, центр гуманитарных проектов).

Для наглядности приведем примеры современных номинтов, отражающих продуктивную современную 3-х компонентную конструкцию ААС, где А – определение, выраженное согласованным именем прилагательным, С – стержневое слово, имя существительное в Им. п., ед. ч., С – слово или именованное словосочетание в Р.п. ед.ч.

Харьковский университет радиоэлектроники
Донецкий университет туристического бизнеса
Национальная академия управления
Российский университет Дружбы народов
Западно-Уральский институт экономики и права

Наиболее продуктивными являются 3-х, 4-х-компонентные синтаксические структуры, в которых: ААС, АААС, ААСС-А – согласованное определение, выраженное именем прилагательным в Им. п. ед ч., С-стержневое слово, выраженное именем существительным в Им. п., ед. ч. С-несогласованное определение, выраженное именем существительным в Р. п. ед. ч.

Например:

Российский новый университет
Московский государственный университет леса
Мексиканский национальный автономный университет
Московская просветеранская духовная академия.

К продуктивным синтаксическим конструкциям наименований вузов мы относим также и 4-х-5-ти-компонентные с указанием имени ученого или известного государственного деятеля; структурно мы представляем их так:

ААСС– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра,
Уральский федеральный университет им. Первого президента России

Б. Н. Ельцина.

АААСС – Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского,

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова.

К непродуктивным синтаксическим конструкциям наименований можно отнести некоторые из вновь созданных и реформированных переименований «старых», которые принимают нетрадиционную синтаксическую структуру:

во-первых, с профильным компонентом в препозиции к стержневому слову – объекту вместо локализирующего компонента – *Технологический университет Подолья*, во-вторых, *Государственный университет «Львовская политехника»*, где компонент – детерминант «Львовская политехника» объединяет два признака: локализирующий и профильный.

Нужно признать, что структурно-семантические модификации наименований вузов осуществляются сознательно для достижения тех или иных целей и свидетельствуют об определенной тенденции поиска новых оптимальных моделей, например:

*Академия народного хозяйства при правительстве РФ,
Дом русского зарубежья им.А.Солженицына,
Центр гуманитарных проектов Интеркласс Молдова
Сравнивая наименования вузов СНГ и некоторых стран зарубежья, можно
отметить краткость и упрощенность структур, например:*

*Университет Фрибур (Швейцария),
Карлов университет в Праге (Чехия), Университет КА' Фосфари (Италия)
Сельчукский университет (Турция), Университет Гарбиат Модарес(Иран).*

Как исключение:

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадак Дагестанского
научного центра РАН.*

Как мы видим из приведенных примеров, что при комбинировании элементарных компонентов в конкретные номинаты, выбираются такие варианты комбинаций, которые способны оптимально осуществить коммуникативную цель.

Ныне функционирующие, структурно упрощенные наименования как раз и представляют собой образцы адаптации соответствующих синтаксических моделей наименований в современном социальном контексте.

Чтобы наглядно представить те изменения в сфере номинации, которые произошли за последние 20 лет, приведем примеры номинатов, существовавших до 90-х годов XX столетия и отражавших общественно-политическую эпоху того периода.

Прежде всего следует отметить, что большинство наименований вузов до 1990-го года имели, кроме 3-х базовых компонентов, еще 2-3 и более компонентов-детерминантов, отражающих особенности социально-экономической и политической системы б\СССР с указанием на присвоение конкретному вузу ордена или медали и имени государственных и политических деятелей. Было социально престижным указание на отмеченность деятельности вуза в соответствующих сферах развития науки и техники, указание на присвоение имени, однако с точки зрения прагматики употребления языкового знака это кажется проблематичным.

Условно можно выделить два направления в процессе номинотворчества:

- 1) замена старых номинатов,
- 2) образование новых названий в связи с появлением новых объектов.

В качестве иллюстрации рассмотрим этапы и варианты переименований некоторых вузов г. Днепропетровска:

Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени воссоединения Украины с Россией /до 1990 года/;

Днепропетровский государственный университет;

\с 1993 года

Днепропетровский национальный университет(статус национальный присвоен вузу в связи с 80-летием со дня основания и за заслуги в развитии науки);

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара (имя выдающегося украинского писателя и общественного деятеля, Героя Украины Олеса Гончара присвоено по случаю 90-летия ДНУ).

Эта тенденция к первоначальному упрощению структуры наименования и компрессии содержащейся в нем информации была характерной для большинства названий вузов б\СССР. Так, например:

1\Московское ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственное высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана;

2\Московский государственный технический университет;

3\Московский государственный университет имени Н.Э.Баумана.

Как мы видим, в переименованиях 1-ой, скажем, волны (условно 1993-ий – 1996-ой годы) крайне редкими стали компоненты-детерминанты, указывающие на присвоение вузам орденов и медалей б\СССР, так как была утеряна их социальная значимость, следовательно, эта часть названий унифицировалась при переименованиях. То же можно сказать и об именах государственных деятелей – они унифицировались. 2-ая волна (1996-2000-ый годы) принесла замену компонентов «государственный» на «национальный». Прежде всего это касается вузов Украины.

Третья волна (с 2000-года) принесла изменение статуса большинства вузов: академия→университет, институт→академия, высшее училище→институт и др. Речевые средства в названиях вузов отражают также новые направления в образовании. Так, в последнее десятилетие появилась тенденция к новым специальностям, вызванным выполнением целевых инновационных программ международного рынка образовательных услуг (*криогенная техника, имиджеология, религиоведение, ресурсосбережения* и др.)

О новых нетрадиционных направлениях социальной жизни общества свидетельствует введенный в Справочник для поступающих в вузы России новый раздел «Духовные вузы», презентующий содержательно новый тип номинтов:

Библейско-богословский институт святого апостола Андрея,

Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа,

Академия иудаики (Ешива) Торат Хаим, Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем и др.

Выводы. Уже на этом небольшом по объему фактическом материале четко прослеживается механизм образования и та содержательная база, которая отражает восприятие номинтов в коммуникации и их прагматико-ценностное отношение к реалиям.

Видоизмененные и функционирующие сегодня наименования вузов позволяют говорить о достаточно глубоком проникновении социального в ткань языка, о содержательной роли информации – предельно точно и кратко характеризовать объекты образовательной системы.

Список литературы

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: Издательство АСТ; ООО Русские словари, 2002. – 960 с.
2. Гак В. Г. Высказывание в ситуации / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1972. – С. 353-355.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М., 1986. – С. 91.
4. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная). Языковая номинация. Виды номинаций / А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 8.

5. Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 50.

Стребуль Л. О. Структурно-семантичні модифікації одного виду номінів в комунікації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.173-178.

Аналізується один з розповсюджених шарів ономастичного простору – офіційні найменування навчальних закладів, визначається їх структурно-семантична організація.

Ключові слова: комунікація, структура, семантика, номінація, компонент-детермінант.

Strebul L.A. Structure-semantic modification of one type rated in the communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.173-178.

One of the most spread layers of onomastic space – the names of higher educational establishments is analysed, their structural-semantic organization is defined.

Key words: communication, structure, semantics, nomination, component-determinant.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811. 161.1' 271. 12

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА

Хруцкая Н. В.

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

Статья посвящена проблеме снижения языковой культуры в русскоязычном социуме. Основными причинами автор считает вульгаризацию речи, увеличение количества ненормативных вариантов различных типов, неправильное и часто бессмысленное использование иноязычных слов, распространение сленга.

Ключевые слова: *языковая культура социума, вульгаризация речи, сленг, акцентологический вариант слова, морфологический вариант.*

Постановка проблемы. Русский язык, наряду с другими восточнославянскими языками, отражает все сложности переходного периода современности. В языковой системе, как и на постсоветском пространстве, доминируют процессы разрушения, хаоса, нравственной вседозволенности, коммерциализации, необоснованных вкусовых установок и предпочтений. В результате этого резко снизился общий уровень языковой культуры и владения русским литературным языком как в России, так и в Украине, возросло пренебрежительное отношение к исторически сложившимся литературным кодифицированным нормам русского языка. При активном отрицательном воздействии средств массовой информации неуклонно и стремительно падает культура русского слова. Так называемый «новоязу», многократно повторяясь на страницах газет, глянцевого журналов, некачественной рекламы, современной художественной литературы, распространяясь с теле- и киноэкранов, радио, разрушает и обесценивает русский литературный язык проникает в человеческое сознание, деформирует мышление, подчиняя его «новоязу». Наряду с экспансией внелитературных элементов и ненормативных слово- и формообразований, русский язык, как и другие языки мира, подвергается и другой нарастающей экспансии – воздействию "американского английского", откуда как в русский, так и в другие восточнославянские языки, вторгается и занимает доминирующую позицию лексика программирования и космической техники, язык рок-музыки, терминология менеджмента и бизнеса. Поток хлынул в языковую систему иноязычные заимствования, лишённые присущего русскому языку фоноэстетизма. Все это неизбежно приводит к колебанию и разрушению традиционных литературных норм, утрате языкового идеала, к снижению языкового вкуса в вербальной и письменной коммуникации, падению речевой культуры общества, так называемой «люмпенизации языка» (термин Л.П. Крысина).

Среди национально-специфических компонентов культуры нации одно из основных мест занимает **национальный литературный язык**. Именно он в первую

очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей, так как *языковая культура* – знак принадлежности его носителей к определенному национальному социуму. По своей сути, это «степень владения литературным языком, его нормами и правилами (в области произношения, ударения, словоупотребления, морфологии и синтаксиса, стилистики и орфографии). Также культура речи подразумевает и умение пользоваться всеми выразительными, образными средствами языка в различных условиях общения» [6, с. 5].

Цель и задачи. В настоящее время уровень языковой культуры русскоязычного социума находится на очень низком уровне. Выражается это в увеличении различного рода стилистических ошибок; росте ненормативных вариантов, возникающих под влиянием нелитературного просторечия, территориальных говоров, социальных диалектов, жаргона, арго; использовании многочисленных чуждых русскому языку иноязычных заимствований из политической и экономической сферы, насаждаемых в обиходную речь; вульгаризации бытовой сферы речевого общения; незнании литературных норм современного языка; необоснованных вкусовых оценках фактов языка, использовании так называемых «модных» слов и выражений; орфографической безграмотности и т.д. Остановимся подробнее на некоторых причинах снижения уровня владения русским языком в современном обществе.

Одна из основных причин снижения языковой культуры – это использование в повседневном бытовом общении таких слов-монстров, как *тусовка, разборка, наехать, балдеть, крышевать, браток, халява, оттянуться, оттопыриться, шугаться, чернуха, порнуха, отморозок, замочить, кислотник, отбомбиться, хабалка, ездец, остаканиться, посерить, трахнутый, отбазариться, сфоткаться, чавка, выпасть в осадок, запростяк, шмон, опустить, похерить* и подобных (Примеры взяты из [7]), ранее использовавшихся либо исключительно в уголовном мире, либо представителями деклассированных городских низов, а теперь свободно звучащих с телеэкрана и использующихся в прессе. Слова подобного рода несут в себе субкультуру, мировоззрение и психологию антиобщественных слоев и криминальных группировок, поэтому по-настоящему небезопасны как в нравственно-этическом, так и в социально-культурном плане.

В настоящее время и в обиходной речи, и массовых публичных выступлениях без всякой необходимости используются иноязычные заимствования, ранее характерные в сугубо научных трудах и в сфере экономики и бизнеса. Это часто вызывает непонимание не только слушающих, но и самих говорящих, которые используют иностранные слова, не всегда понимая их значение. Повсеместно слышится: *паритет* (вместо *равенство, равноправие*), *имидж* (вместо *образ, внешний вид*), *деструктивный* (вместо *разрушительный, бесплодный*), *толерантность* (вместо *терпимость*), *корреляция* (вместо *соотношение, взаимосвязь*), *оптимальный* (вместо *наилучший*), *ликвидный* (вместо *легко реализуемый*), *дифференциация* (вместо *отличие*), *дискретный* (вместо *прерывистый, раздельный*), *стагнация* (вместо *застой*), *консенсус* (вместо *согласие, договоренность*) и т.п. (Примеры взяты из [4]). Этот ряд сопоставлений может быть продолжен. Засилие иноязычных слов лишает русский язык самобытности,

затрудняет понимание, так как на первый план выступает форма, а не содержание высказывания.

Если раньше молодежный сленг большей частью состоял из русских слов, литературных и просторечных, используемых в переносном значении, (например, *бантики, лопухи, истерики*), то теперь он создаётся на базе англицизмов: а) прямых заимствований: *бой (парень), вайф (жена, женщина), ботл (бутылка), бойфренд (друг, секс-партнёр), пипл (народ), ноу проблем, сейшн, экип*; б) английских слов, принявших частеречные формы русских слов: *выдринкать (выпить), рингать (звонить), лукать (смотреть), вайтовый (белый), блэковый (чёрный), олдовый (старый), пошейкуем* и т.п. (Примеры из [5]). Вряд ли есть необходимость объяснять, что такие заимствования и новообразования не обогащают русский язык, а неимоверно засоряют и уродуют его, хотя этот своеобразный «язык в языке» существует, к сожалению, не только в устной речи молодого поколения, но все чаще функционирует (в том или ином объёме) на страницах газет, журналов, звучит на радио и с телеэкранов.

Менее заметным, но не менее опасным для всей структуры современного русского языка представляется появившееся в последнее время огромное количество ненормативных вариантов слов различного типа. Особенно употребляемыми являются акцентологические варианты слов, например, *при'нять* (вместо *приня'ть*), *углу'бить* (вместо *углуби'ть*), *средства'* (вместо *сре'дства*), *хозяева'* (вместо *хозя'ева*), *со'зывает* (вместо *созы'вает*), *осу'жденный* (вместо *осуждён'ный*), *выбора'* (вместо *вы'боры*), *э'ксперт* (вместо *экспе'рт*), *обле'гчить* (вместо *облегчи'ть*), *за'видно* (вместо *зави'дно*), *склады'* (вместо *скла'ды*), *крема'* (вместо *кре'мы*), *при'говор* (вместо *пригово'р*). В связи с частотностью такого употребления, современные словари вынуждены фиксировать ранее ненормативные ударения в таких словах, как: *норми'рованный* (вместо *нормиро'ванный*), *гази'рованный* (вместо *газиро'ванный*), *обеспече'ние* (вместо *обесп'ечение*), *при'рост* (вместо *приро'ст*), *ст'орицей* (вместо *стори'цей*), *и'скони* (вместо *искони'*), *ми'зерный* (вместо *мизе'рный*), *тефте'ли* (вместо *те'фтели*), *зв'онит* (вместо *звони'т*), *новор'ожденный* (вместо *новорождён'ный*) и мн. др. как диспозитивные (с пометой *допустимо*), т.е. вполне допустимые в литературной речи, что разрушает традиционно сформировавшуюся образцово-нормативную акцентологическую систему русского языка (Примеры взяты из [3]).

Повсеместно используются ненормативные морфологические варианты: *ложить* (вместо *класть*), *ихний* (вместо *их*), *сыпли* (вместо *сыпь*), *уполномачивать* (вместо *уполномочивать*), *заподазривать* (вместо *заподозривать*), *приурачивать* (вместо *приурочивать*), *слаже* (вместо *слаще*), *брызгает* (вместо *брызжет*), *бережут* (вместо *берегут*), *полоскаю* (вместо *полощу*), *дремает* (вместо *дремлет*), *делов, местов* (вместо *дел, мест*), *доль, дядь* (вместо *долей, дядей*) и т. п., разрушающие традиционную стройную организацию морфологической системы русского языка (Примеры взяты из [2]).

Только низким уровнем речевой культуры и образования можно объяснить такие ошибки, как *инцидент* (вместо *инцидент*), *прецендент* (вместо *прецедент*), *волеизлияние* (вместо *волеизъявление*), *закорма* (вместо *закрома*), *константировать*

(вместо *констатировать*), *компроментировать* (вместо *компрометировать*), *более умнее* (вместо *умнее* или *более умный*), неумение склонять имена числительные, в связи с чем использование их только в форме именительного падежа, – что стало чуть ли не повседневной нормой нашей речи, но отнюдь не литературной, лингвистически правильной и грамотной.

Выводы. В данной статье были указаны только некоторые причины снижения уровня культуры русской литературной речи. Они гораздо более многочисленны и нуждаются в дальнейшей разработке. Естественно, что в современном русском языке в настоящее время происходит интенсивное сближение традиционно-литературных средств выражения с обиходно-разговорной стихией, с социальными диалектами и территориальными говорами в их современном состоянии. Однако демократизация и обновление литературных норм не должны приводить к их деструкции, к стилистическому снижению речи и общей вульгаризации языка (и как результат – всей национальной культуры). В современных условиях нормативность, правильность, стилистическая точность приобретают особое значение. Не будем забывать о том, что правильность речи – это фундамент языковой культуры, без неё нет и не может быть культуры общества. Поэтому речевая и языковая правильность приобретает все большее значение в цивилизованном обществе, так как сама является основной составляющей цивилизации, в связи с чем приобретает нравственный, общекультурный, лингвоэкологический характер. По словам Л. М. Грановской, «история русского литературного языка – это история духовного развития общества, представляющая в разнообразных формах языкового выражения развитие его научных, философско-религиозных, политических и других идей. Осознание русского языка как части духовной культуры общества вошло в науку о русском менталитете, его национальном видении мира через его языковое отражение» [1, с. 386]. Экология русского литературного языка – это, в первую очередь, осознание его как национального и мирового достояния, забота о сохранении его фонда, традиций и литературных норм. Все сказанное предопределяет необходимость защиты и сохранения литературных норм современного русского языка и его экологии.

Список литературы

1. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки / Л. М. Грановская. – М.: Эллис, 2005. – 448 с.
2. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 3-е изд., стер. / Л. К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М.: АСТ Астрель, 2004. – 555 с.
3. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: грамматические формы: ударение / Н. А. Еськова – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 605 с.
4. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2006. – 783 с.
5. Никитина Т. Г. Так говорит молодёжь / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель, 2004. – 376 с.
6. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи / Л. И. Скворцов. – М.: Оникс. Мир и образование, 2009. – 1102 с.
7. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – С-Пб.: Норинт, 2004. – 768 с.

Хруцька Н. В. Деякі причини зниження рівня мовної культури російськомовного соціуму // Ученіе записки Тавричского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.179-183.

Стаття присвячена проблемі зниження рівня мовної культури в російськомовному соціумі. Основними причинами авторка вважає вульгаризацію мовлення, збільшення кількості ненормативних варіантів різних типів, неправильне і часто безпідставне використання іноземних слів, розповсюдження сленгу.

Ключові слова: мовна культура соціуму, вульгаризація мовлення, сленг, акцентологічний варіант слова, морфологічний варіант.

Khrutska N.V. Some reasons for russian stratum's language culture level degradation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.179-183.

The article deals with Russian stratum's language culture level degradation. The author consider that main reasons are language vulgarization, increasing non-normative various variants quantity, incorrect and often insensible foreign words' usage, slang dissemination.

Key words: stratum's language culture, language vulgarization, slang, accent variant, morphological variant.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

РАЗДЕЛ 6. КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

УДК 373.3.016:811.411.16'08

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ КОНСТРУЮВАННЯ КОМПЕТЕНТНІСТНО ОРІЄНТОВАНИХ ПІДРУЧНИКІВ З ПОЧАТКОВОГО НАВЧАННЯ МОВИ ІВРИТ ТА ІНШИХ МОВ ЕТНІЧНИХ МЕНШИН У ШКОЛАХ З УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ НАВЧАННЯ

Бакуліна Н. В.

Інститут педагогіки НАПН України, м. Київ, Україна

У статті розглянуто концептуальні засади конструювання компетентнісно орієнтованих підручників з початкового навчання мови іврит та інших мов етнічних меншин у школах з українською мовою навчання: основні положення, принципи, методи, функції та критерії.

Ключові слова: *компетентнісно орієнтований підручник, початковий етап навчання, мова іврит, мови національних меншин, теорія і практика підручникотворення.*

Постановка проблеми. На сучасному етапі мова іврит є складовою частиною мовної освіти полікультурної України. Цей мовний курс викладається як окремий предмет в школах з українською мовою навчання (як мова національної меншини) та як іноземна мова в спеціалізованих школах з поглибленим вивченням іноземної мови. Даний мовний курс спрямовано на реалізацію компетентнісного підходу до навчання мов та базується на Державному стандарті початкової загальної освіти, на Концепції загальної середньої освіти, на Концепції навчання мов національних меншин і на Критеріях оцінювання навчальних досягнень учнів з мов національних меншин (друга мова).

Актуальність. Основною метою початкового курсу навчання мови іврит та інших мов національних меншин, якими учні не володіють на початку шкільного вивчення є формування умовно-мовленнєвих, мовленнєвих та мовних умінь на практичній основі, здійснення мовленнєвої діяльності, такої як аудіювання та говоріння, переважно в період усного курсу (1 клас), та всіх видів мовленнєвої діяльності на наступних етапах навчання. Відповідно до мети навчання мають виступати і нові підходи до відбору змісту, методів та форм навчання. Специфіка подібних мовних курсів потребує відповідного науково-методичного забезпечення, зокрема створення підручників. Аналіз наявних підручників з мови іврит [1, с. 86-99] виявив як позитивні риси, так і

певну невідповідність сучасним підходам, а отже розробка концептуальних засад конструювання підручників для такого типу мовних курсів нині є однією з *актуальних* лінгводидактичних проблем.

Аналіз останніх досліджень. Основними концептуальними засадами конструювання компетентісно орієнтованих підручників з початкового навчання мови іврит та інших мов етнічних меншин стали базові законотворчі документи та лінгводидактичні дослідження різних аспектів проблеми. Стратегічні освітні напрямки висвітлено у Національній доктрині розвитку освіти України в XXI столітті [12, с.4-6], Проекті Державного стандарту початкової загальної освіти [15, с. 4-6], Загальноєвропейських рекомендаціях з мовної освіти [5], Концепції мовної освіти України (О. Беляєв, М. Вашуленко, В. Плахотник), Концепцію навчання мов національних меншин у загальноосвітніх школах України (І. Гудзик). Вихідними положеннями стали фундаментальні ідеї підручникотворення, розроблені В. Г. Бейлінсоном, Д. Д. Зуєвим [2, с.42-54], І. Я. Лернером [8, с.169; 9, с.160], дослідження з теорії та практики підручників для початкової школи – Л. В. Занков [6, с. 34-35], Я. П. Кодлюк [10], А. В. Полякова [14, с. 65] тощо. Ураховано дослідження проблем теорії і практики підручникотворення з російської мови для іноземців та іноземної мови, які досліджували І. Л. Бім [3], М. В. Ляховицький [11], В. Г. Редько [16] та інші. Основоположними працями з проблем компетентісно орієнтованого навчання стали роботи І. А. Зимньої [7, с. 20-26], Є. І. Пасова [13], І. П. Гудзик [4, с. 150-178].

Мета та завдання. Метою цієї статті є визначення концептуальних положень конструювання компетентісно орієнтованих підручників з початкового навчання мови іврит та мов інших національних меншин, принципів, методів, функцій підручника, виділення базисних та специфічних критеріїв конструювання якісних підручників з мови.

Основна частина.

Конструювання підручників з мовних курсів ґрунтується як на загальних лінгводидактичних засадах, так і на суто методичних. Тому **концептуальною основою** теорії шкільного підручника можна вважати **положення про дворівневу структуру теорії підручника** (Д. Д. Зуєв, І. Я. Лернер). Перший рівень – загальнотеоретичний (загальнодидактичний), який визначає універсальні принципи конструювання навчальної книги. Другий рівень – методичний, який реалізує загальні положення побудови книги щодо розробки конкретного підручника з урахуванням особливостей навчального предмета, вікових особливостей учнів, типу школи тощо. І. Я. Лернер зазначає, що **підручник має бути стратегічною та методичною моделлю навчального процесу та відображати систему навчання**. Виходячи з цього, підручник, як основний засіб навчання та модель навчального процесу, має спиратися як на загальнодидактичні, так і на суто методичні **принципи навчання**. Сучасна дидактика виділяє наступні **дидактичні принципи**: активізації пізнавальної діяльності учнів, всебічного розвитку особистості, цілісного впливу навчально-виховного процесу, природо відповідності організації навчання, науковості, доступності, системності та послідовності у навчанні, наступності та

перспективності, взаємозв'язку навчання і розвитку, мотиваційного забезпечення навчального процесу, співробітництва, індивідуалізації та диференціації навчання, наочності, міцності та дієвості результатів навчання, активності, виховуючого навчання, свідомості, інтенсивності, оптимізації, міжпредметної кооперації, міжкультурної взаємодії тощо. **Психологічними принципами** навчання є принципи мотивації, поетапності у формуванні мовленнєвих навичок та вмінь, врахування індивідуально-психологічних особливостей учня, врахування адаптивних процесів, врахування національно-культурних особливостей. **Лінгвістичними принципами** навчання вважаються принципи системності, концентризму, розподілу лінгвістичних явищ на рівні мови і мовлення, функціональності, стилістичної диференційованості, мінімізації мови. **Методичними принципами** навчання визначають принципи комунікативності, домінуючої ролі вправ, взаємозв'язаного навчання видам мовленнєвої діяльності, врахування рідної мови, усного випередження, апроксимації, ситуативно-тематичної організації навчання, врахування рівня володіння мовою, безперекладності, взаємозв'язок компонентів мети навчання, комплексності та диференційованості, лінгвометодичної та полікультурної компетентності, синтаксичної основи, опори на функціонально адекватний автентичний текст, автентичності навчальних матеріалів, навчально-комунікативного фону мовленнєвої діяльності, комунікативно-мовленнєвого і соціокультурного змісту навчального спілкування тощо.

Також підручник має відобразити **методи навчання** на різних етапах засвоєння знань та формування навичок і умінь. Так, на етапі ознайомлення з новим матеріалом у підручнику має бути матеріал для демонстрації та показу, на етапі осмислення – матеріал для пояснення або організації самостійного пошуку, на етапі тренування – вправи без опори та з опорою на друкований текст, на етапі застосування – матеріал для організації практики спілкування та завдання в усному і писемному мовленні.

Виходячи з комунікативного підходу, важливо закладати у підручник і **методи для реалізації інтерактивного навчання**. Так, для організації кооперативного навчання у підручнику має бути розроблений навчальний матеріал для роботи у парах, у змінних трійках, два-чотири-усі разом, карусель, робота в малих групах, акваріум; для організації колективно-групового навчання – матеріал для обговорення проблем усіма учнями, мікрофон, незакінчені речення, мозковий штурм, навчаючись – учусь, ажурна пилка, аналіз ситуації, вирішення проблем, дерево рішень; для організації ситуативного моделювання – матеріал для організації стимуляційних та імітаційних ігор, для громадських слухань, для розігрування ситуацій за ролями; для організації дискусійних питань – матеріал для реалізації методу «Прес», займи позицію, зміни позицію, неперервна школа думок, дискусія, дискусія у стилі телевізійного ток-шоу, оцінювальна дискусія, дебати тощо. Багато з наведених методів можуть бути застосовано вже у початковій школі.

Також концептуальним є **положення про двоєдину сутність підручника** (Я. П. Кодлюк), за яким підручник повинен відображати змістову та процесуальну сторони навчального процесу, тобто зміст і завдання навчання, а також методи,

прийоми та організаційні форми навчання. Тому вчена вважає, що шкільний підручник – «це вид навчальної літератури, який репрезентує знання і види діяльності з конкретного навчального предмета відповідно до державних стандартів освіти та вимог навчальної програми з урахуванням особливостей цього предмета (його домінуючої функції), типу школи, вікових особливостей учнів і будується на засадах домінуючої концепції навчання».

Стосовно реалізації цього положення щодо мов національних меншин, які не володіють або майже не володіють мовою на початку шкільного навчання, базовим є зміст навчання, закладений у *Концепції навчання мов національних меншин* у загальноосвітніх школах України. Так, в курсі мови іврит та інших мов національних меншин, якими не володіють учні, основна увага приділяється розвиткові уміння сприймати на слух усне мовлення, говорити в рамках тематики особистісної, ігрової, навчальної та публічної сфер спілкування, певною мірою читати та писати. При цьому розширюються знання учнів про культуру, традиції народу; формуються та розвиваються вміння дотримуватися правил мовленнєвої та немовленнєвої поведінки, що мають певну національну специфіку, вміння брати участь у тих видах діяльності, які яскраво характеризують культурну своєрідність народу. Курс мови іврит, як і подібні курси, може бути більш поглибленим, тоді він має забезпечити більш високий рівень сформованості навичок аудіювання, говоріння, читання й письма з огляду на потреби використання мови у різних сферах діяльності. Такий курс передбачає засвоєння учнями більш широкого кола знань про мову, однак ця робота має бути підпорядкована розвиткові навичок мовлення і не суперечити практичному (мовленнєвому) характеру курсу. Важливим завданням цього курсу є також формування в учнів досить великого обсягу знань та умінь з народознавства, володіння культурою спілкування з носіями своєї та інших мов і культур. Ці особливості мають бути враховані у процесі конструювання підручників.

Враховуючи, що домінуючою концепцією навчання мови є *компетентнісний підхід* (І. П. Гудзик), концептуальним у конструюванні підручників з мови стає *положення про зорієнтованість мовної системи навчання на формування ключових компетентностей (мовної, мовленнєвої, соціокультурної та прагматичної)*. Так, вчена виділяє три основних блоки компетентностей: ціннісно–смысловий, комунікативний та навчально–пізнавальний.

Створюючи підручник, необхідно пам'ятати основні його **функції** – загальнодидактичні і специфічні. *Загальнодидактичними* функціями підручника вважаються інформаційно–пізнавальна, дослідницька, практична та самоосвітня. *Специфічними* функціями щодо навчання іноземної мови (за Н. Ф. Бориско) вважаються: моделююча, навчаюча, керуюча, інформуюча, мотивуюча, індивідуалізуюча, компенсаторна, контролююча, організаційно–плануюча, адаптивно–оптимізуюча, діагностична. Ці функції будуть притаманні й підручникам для мовних курсів національних меншин, коли учні не володіють мовою.

Важливим елементом нашого дослідження є визначення критеріїв конструювання підручника. Відповідно до викладених основних положень, можна

виділити **базові та специфічні критерії конструювання підручників**. Так, **базовими критеріями є:**

- Відповідність змісту підручника концепції навчання, навчального плану та навчальній програмі з предмета. Така відповідність передбачає повну і вичерпну реалізацію в підручнику визначеного програмою навчального змісту, орієнтацію на базові компоненти змісту освіти навчального предмету, а також реальні можливості підручника у забезпеченні зафіксованих у програмі вимог до рівня навчальних досягнень учнів. Автор може вносити корективи у задане програмою структурування навчального змісту у межах теми і послідовність його вивчення, якщо це зумовлено методичною концепцією, реалізованою в підручнику.

- Чіткість структурування навчального матеріалу у підручнику. Матеріал у підручнику має бути викладено логічно, послідовно, забезпечуючи наступність викладу та реалізацію внутрішньопредметних та міжпредметних зв'язків, має бути конкретним, точним, відповідно впорядкованим, сконцентрованим за допомогою відповідних ілюстрацій і наочних схем або описів і пояснень, а текст – диференційованим відповідно до різних складових підручника. До структури підручника має входити основний та додатковий навчальні тексти, позатекстові компоненти, апарат організації засвоєння, довідкові матеріали. Зміст підручника має бути розподілений за розділами, параграфами, уроками тощо. Обсяг підручника визначається на основі кількості річних годин за навчальним планом для вивчення певного предмета в кожному класі та має відповідати віковим особливостям учнів. Так, основний текст (обов'язковий навчальний матеріал) повинен становити від 57% до 66%; поза текстовий – від 34% до 43%, з яких від 8% до 11% відводиться на додаткові та пояснюючі теми.

- Наукова коректність змісту, повнота розкриття основних положень, використання сучасної загальноприйнятої наукової термінології. Зміст підручника має бути науково достовірним, формувати наукові поняття та уявлення, містити точну наукову термінологію. У ньому має бути відображена система знань та їх цілісність. Підручник має ввести учня у світ пізнання, демонструвати методи й результати пізнання, поступово вводити школярів у специфіку самостійного дослідження на рівні їхніх пізнавальних інтересів.

- Практична спрямованість навчального матеріалу, зв'язок його з життям. Зміст підручника має бути спрямовано на практичне застосування набутих знань та сформованих навичок у навчальних та життєвих ситуаціях.

- Можливість підручника забезпечити диференційований підхід до навчання. Підручник має містити достатній матеріал (тексти, завдання, вправи) для здійснення диференційованого навчання, ефективної організації навчальної діяльності учнів з різними здібностями і навчальними можливостями.

- Відповідність змісту підручника віковим особливостям учнів. Урахування вікових особливостей при відборі й укладанні навчального матеріалу. Рівень доступності має бути таким, щоб учень міг успішно користуватися підручником для самостійного навчання.

- Мова викладу навчального матеріалу. Мова має бути лаконічною, точною, зрозумілою, відповідати нормам літературної мови. Це досягається чіткістю побудови текстів, очевидністю логічних зв'язків між їх частинами, належною довжиною речень, доступністю їх лексичного наповнення. Не слід зловживати складними синтаксичними конструкціями, що містять велику кількість слів. Тексти підручника мають поєднувати ознаки наукового, науково-популярного і художнього стилів, нести інформаційний та емоційно-ціннісний компоненти змісту. Бажана діалогічність текстів підручника, побудова їх у формі бесіди з учнем, наявність звертань до читача, риторичних запитань, що сприяє залученню школярів до активної роботи з навчальним матеріалом. Мова підручника має слугувати зразком мови учня.

- Реалізація у змісті підручника виховних можливостей. Зміст підручника має виховувати почуття патріотизму, національної самосвідомості, гуманістичних цінностей, життєвих пріоритетів, толерантності тощо.

- Лінгвокультурологічне наповнення змісту підручника. Підручник має містити інформацію про видатних особистостей різних національностей, які зробили вагомий внесок у розвиток науки та культури, про побут, національні традиції та національно-культурні особливості народу та країни, мову якої вивчають.

- Мотивація навчальної діяльності учнів, розвиток інтересу до предмета засобами підручника. Спрямованість навчального матеріалу підручника на розвиток творчих здібностей, навичок самоосвіти, інтересу до предмету, а саме ознайомлення учнів на доступному рівні зі сферами практичного застосування отриманих знань та сформованих навичок і вмінь, подання навчальної інформації у цікавій формі, використання завдань ігрового, інтерактивного, проблемно-пошукового характеру.

- Дидактична доцільність системи завдань, поданих у підручнику. Завдання, вправи, запитання та ін. мають відповідати критеріям оцінювання навчальних результатів, можуть бути застосовані для диференційованого навчання. Завдання репродуктивного і творчого характеру мають бути раціонально поєднані у дидактичну систему та сприяти розвитку уміння вчитися. Це мають бути завдання на повторення, систематизацію вивченого, виявлення результатів навчання, вміння аналізувати, синтезувати, порівнювати, абстрагувати, класифікувати, узагальнювати, робити висновки тощо.

- Можливості підручника для здійснення учнями самостійної роботи. У підручнику має бути доступний матеріал для ефективною самостійної роботи учнів. Також підручник має знайомити учнів з методом і прикладами робіт, які учні пізніше будуть виконувати самостійно. Для цього бажано розробити поради учням для самостійної роботи з підручником, користування рубриками, які допомагають орієнтуватися у змісті і задають послідовність і види навчальної діяльності. Має бути також достатня кількість зразків виконання завдань різних типів, завдань для самоконтролю рівня досягнутих учнями навчальних результатів. Підручник має також включати поради щодо навчання самостійної роботи з книгою, розуміння текстів, визначення головної інформації. Матеріал підручника має спрямовувати

самостійну роботу школярів у ході синтезування опрацьованого матеріалу в різних структурах підручника й на різних рівнях узагальнення.

- Можливість за допомогою відповідних тестів швидко перевірити правильність розуміння змісту уроку.

- Можливість підручника сприяти вдосконаленню постановки та перевірки домашнього завдання, що може ставити мету: завершення чи доповнення на уроці; підготовки до наступного уроку.

- Логіка розміщення та використання ілюстративного матеріалу як самостійного або додаткового джерела інформації. Ілюстрації в підручнику мають виконувати власно дидактичні функції, відповідати змісту та віковим особливостям учнів.

- Відповідність підручника гігієнічним, поліграфічним та технічним вимогам.

Поряд з цим можна виділити й **додаткові, специфічні критерії** конструювання підручників з початкового навчання мови, а саме:

1. Компетентнісно-орієнтована спрямованість навчального процесу;
2. Практична спрямованість навчання;
3. Функціональний підхід до відбору та подання мовного матеріалу;
4. Ситуативно-тематичне представлення навчального матеріалу;
5. Вивчення лексики та морфології на синтаксичній основі;
6. Концентричне розташування навчального матеріалу та виділення декількох етапів навчання (1 кл. – розвиток усного мовлення; 2 кл. – навчання грамоти, розвиток усного та писемного мовлення; 3 кл. – навчання грамоти (продовження), розвиток усного та писемного мовлення; 4 кл. – мовлення та мова, правопис);
7. Комунікативне спрямування процесу навчання на формування мовленнєвих навичок та вмінь у всіх видах мовленнєвої діяльності;
8. Врахування особливостей рідної мови учнів, тобто засобів спілкування, якими вони вже володіють;
9. Врахування факторів культури народу та країни, мова якої вивчається;
10. Відповідність віковим особливостям;
11. Відображення характерних сфер спілкування та життєдіяльності учнів у змісті підручника;
12. Використовування у формулюванні до вправ і завдань діалогічної форми спілкування суб'єктів навчального процесу;
13. Відбір обсягу мовних і мовленнєвих одиниць, достатній для організації усного і писемного мовлення у межах визначених програмою тем;
14. Забезпечення структури і змісту підручника паралельним оволодінням як усного, так і писемного мовлення;
15. Наявність зразків для організації діалогічного спілкування та малюнків й унаочнення для організації діалогічного і монологічного мовлення, письмових вправ для використання тематичного матеріалу;
16. Застосування наочності для розвитку усного мовлення школярів (предметних та сюжетних малюнків, таблиць, коміксів, тощо);

17. Наявність дидактичних ігор;
18. Наявність цікавого матеріалу та завдань з логічним навантаженням;
19. Забезпечення послідовності подачі мовного та мовленнєвого матеріалу від уроку до уроку;
20. Подання значної частини мовного матеріалу на рівні лексичних одиниць, тобто без пояснення внутрішніх морфологічних та синтаксичних зв'язків у словосполученні і реченні, але практичного засвоєння знань про мову та формування уявлень про мовні одиниці різних рівнів та для розвитку мовних умінь;
21. Логічність побудови основного тексту підручника;
22. Врахування рівня абстрактності тексту, речення та незнайомих слів для зменшення труднощів навчальних текстів та приведення їх у відповідність з можливостями учнів, адже обмеженість труднощів міжсловесних зв'язків покращує розуміння навчального тексту;
23. Багаторазове введення незнайомої лексики у структуру і зміст підручника для формування свідомих граматичних зв'язків та свідомого запам'ятовування (кількість часу зростає зі зростанням довжини слова, наявністю переносів з рядка в рядок, зі зменшенням звичності слова для учня);
24. Побудова структури та змісту підручника таким чином, щоб кожний наступний тематичний цикл певною мірою будувався на матеріалах попереднього, але використовувався у нових ситуаціях і в іншому лексичному оточенні;
25. Побудова уроків тематичного циклу як взаємопов'язаної та логічно побудованої системи;
26. Подання у підручнику додаткового матеріалу для реалізації індивідуального та диференційованого навчання, враховуючи мовний рівень учнів;
27. Наявність завдань для розвитку вміння формувати та висловлювати власну думку, доводити її, не порушуючи правил спілкування
28. Наявність у підручнику матеріалу для самостійної роботи;
29. Наявність у підручнику матеріалу для співпраці та роботі у парах і групах;
30. Подання матеріалу для домашнього завдання;
31. Наявність у підручнику тестових завдань для контролю і самоконтролю;
32. Відповідність державному стандарту, концепції навчання, навчальним планам та програмі;
33. Відповідність гігієнічним нормам. (так, відповідно до «гігієнічних вимог до друкованої продукції для дітей» навчальний матеріал повинен займати певну кількість знаків (літер) на одній сторінці і сторінок підручника на одну навчальну годину. Для гуманітарних дисциплін, у тому числі й мови, у молодшому шкільному віці (6-10 років) у початковій школі (1-4 кл.) На одній сторінці може бути розміщено від 2000 до 4000 знаків, що складає не більше 2 с. Без ілюстрацій. На одному уроці у початковій школі можна вводити 1 термін на одній сторінці та 1-2 слово (0,1 – 0,2 на один друкований аркуш), яке є новим поняттям. На одній повній сторінці без ілюстрацій може бути 8 перенесень. Обсяг безперервного читання визначається від 50 до 100 друкованих знаків.

Довжина рядку у тексті підручника може бути від 81мм до 171мм, мінімальні розміри поля – корінцеве – 13мм, верхнє та зовнішнє – по 15мм. Також у початковій ланці кількість ілюстрацій (картин, пейзажів, креслень, схем, малюнків, таблиць тощо) на одному друкованому аркуші обмежується від 30% до 50%. Вага підручника для 1-4 класів має бути 300г-360г.)

Висновки. В результаті дослідження зазначеної проблеми було визначено основні концептуальні положення конструювання компетентнісно орієнтованих підручників з початкового навчання мови іврит та мов інших національних меншин, проаналізовано принципи, на яких ґрунтується розробка змісту підручників, методи, що застосовуються на різних етапах навчання, функції підручника, а також виділено базисні та специфічні критерії конструювання якісних підручників з початкового навчання мов етнічних меншин.

Перспективи подальших досліджень. Визначені теоретичні положення стануть підґрунтям створення нових підручників з початкового навчання мови іврит та інших мов етнічних меншин та реалізації компетентнісно орієнтованого навчання – одного з провідних підходів сучасної освіти.

Список літератури

1. Бакуліна Н. В. Аналіз підручників з початкового навчання мови іврит: відбір змісту, способи презентації навчального матеріалу, типи завдань / Н. В. Бакуліна // Педагогічні науки: [Збірник наукових праць]. Ч.2. – Суми: Вид-во «СумДПУ ім. А. С. Макаренка», 2009. – С. 86-99.
2. Бейлінсон В. Г. О функциональном подходе к оценке школьных учебников / В. Г. Бейлінсон, Д. Д. Зуев // Проблемы школьного ученика. – М.: Просвещение, 1977. – Вып. 5. – С. 42-54.
3. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и теория школьного ученика / И. Л. Бим. – М.: Просвещение. – 1977. – 264 с.
4. Гудзик И. Ф. Компетентностно ориентированное обучение русскому языку в начальных классах / И. Ф. Гудзик. – Черновцы.: Букрек, 2007. – С. 150-178.
5. Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання. – Відділ сучасних мов, Страсбург. – К.: Ленвіт, 2003. – 262 с.
6. Занков Л. В. Некоторые вопросы теории учебника для начальных классов / Л. В. Занков // Проблемы школьного учебника. – М.: Просвещение, 1978. – Вып. 6. – С. 34-35.
7. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико методологический аспект) / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня: реформы, нововведения, опыт: журнал. – 2006. – № 8. – С. 20-26.
8. Каким быть учебнику: Дидактические принципы построения / [Лернер И.Я., Шахмаева Н.М.]; – М.: Изд-во «РАО», 1992. – Ч.1. – 169 с.
9. Каким быть учебнику: Дидактические принципы построения / [Лернер И.Я., Шахмаева Н.М.]; – М.: Изд-во «РАО», 1992. – Ч.2. – 160 с.
10. Кодлюк Я. П. Теорія і практика підручникотворення в початковій освіті / Я. П. Кодлюк. – К.: Наш час, 2006. – 367 с.
11. Ляховицкий М. В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник / М.В. Ляховицкий. – М., 1982.
12. Національна доктрина розвитку освіти України XXI ст. // Освіта України. – 2002. – № 33. – с. 4-6.
13. Пассов Е. И. Программа – концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 2000.
14. Полякова А. В. Дидактические основы ученика для начальных классов в условиях развивающего обучения: дис. в форме научн. доклада д-ра пед. наук: спец. 13.00.01. – М., 1993. – 65 с.

15. Проект Державного стандарту початкової загальної освіти (освітня галузь «Мови і літератури», розділ «Українська мова, мови національних меншин як предмети навчання» // Початкова школа. – 2010. – № 8. – С. 4-6.
16. Редько В. Г. Лінгводидактичні засади навчання іноземної мови учнів початкової школи / В. Г. Редько. – К.: Генеза, 2007.

Бакулина Н. В. Концептуальные основы конструирования компетентностно ориентированных учебников для начального обучения языку иврит и другим языкам этнических меньшинств в школах с украинским языком обучения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.184-193.

В статье рассмотрены концептуальные основы конструирования компетентностно ориентированных учебников для начального обучения языку иврит и другим языкам этнических меньшинств в школах с украинским языком обучения: основные положения, принципы, методы, функции и критерии.

Ключевые слова: *компетентностно ориентированный учебник, начальный этап обучения, язык иврит, языки национальных меньшинств, теория и практика создания учебников*

Bakulina N. Conceptual design principles of competence-oriented textbooks for primary language learning Hebrew and other languages of ethnic minorities in schools with the Ukrainian language learning // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.184-193.

This article describes the conceptual design principles of competence-oriented textbooks for primary language learning Hebrew and other languages of ethnic minorities in schools with the Ukrainian language of instruction: basic, principles, methods, functions and criteria.

Key words: *kompetentnisno oriented textbook, the initial stage of learning, the Hebrew language, minority languages, theory and practice of textbook.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.93

ФОРМУВАННЯ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ В УМОВАХ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРЕДОВИЩА

Бобиль С.В.

*Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту
імені академіка В. Лазаряна, м. Дніпропетровськ, Україна*

*У статті розглянуто напрямки формування міжкультурної компетенції
іноземних студентів, що навчаються у вищих навчальних закладах України.*

Ключові слова: міжкультурна компетенція, оглядові тексти, екземплярні
тексти, безеквівалентна лексика, фонові знання.

На сучасному етапі глобалізації та інтенсифікації міжнародних контактів і зв'язків у політиці, економіці, культурі тощо людина активно залучається до спілкування з представниками інших культур. Без розуміння соціально-економічних систем, знання соціальної та політичної культури, вивчення історичних і культурних традицій, що сформували образ мислення людей, з якими відбувається спілкування, неможливо досягти позитивних результатів у будь-яких сферах громадського життя.

Сучасне інформаційне століття, його нові умови та розвиток сучасного покоління робить *актуальним* перегляд звичних методичних положень, оновлення лінгводидактичних принципів та відображення їх у практичних методах та прийомах навчання ІМ.

Проблема формування МК під час вивчення ІМ отримала теоретичне обґрунтування та практичну реалізацію в таких культууроорієнтованих концепціях, як лінгвокраїнознавча (С. Верещагін, В. Костомаров), соціокультурна (В. Сафонова, В. Сисоєв), лінгвокультурознавча (В. Фурманова), лінгвокультурологічна (В. Воробйов, М. Суворова), міжкультурна (С.Г. Тер-Мінасова, Г.В. Єлізарова). За визначенням лінгвістів-методистів, МК – це здатність здійснювати спілкування іноземною мовою з урахуванням різниці культур і стереотипів мислення а її формування передбачає взаємодію двох культур в декількох напрямках: знайомство з культурою країни, мова якої вивчається, за допомогою самої мови й засвоєння моделі поведінки носіїв іншомовної культури; вплив іноземної мови й іноземної культури на розвиток рідної мови та моделі поведінки в межах рідної культури; розвиток особистості, що відбувається під впливом двох культур.

Мета статті – розглянути можливості використання занять з РЯІ на формування у іноземних фахівців мовленнєвої культури взагалі й залучення до культури та ментальності народу – носія цієї мови.

Будь-який текст, як відомо, акумулює «соціальну пам'ять» певної етнічної культури. Це інформація, що накопичується під час соціально-історичного розвитку та фіксується в результатах практичної і пізнавальної діяльності людей.

Як початкова база процесу засвоєння конкретної лінгвокультури тексти виконують різноманітні навчально-пізнавальні завдання. На першому етапі навчання це тексти, тематика яких відбиває типові явища та події життя (наприклад, «Родина», «Житло», «Підготовчий факультет», «Магазини», «Вільний час», «Відпочинок», «Сервісні служби» тощо). В цих текстах описуються реалії життя та побуту, що формують базу, на підставі якої студенти відтворюють висловлення, беруть участь у спілкуванні, отримують інформацію про соціокультурні особливості країни, мова якої вивчається. Для більшої ефективності важливо поєднувати оглядові (ти, що містять інформацію) та екземплярні (ілюструючи цю інформацію) тексти, залучаючи до процесу сприйняття певної інформації документальні матеріали, першоджерела, що містять об'єктивні факти, чи статистичні відомості (це можуть бути листівки, мапи, меню, рекламні проспекти, програми телебачення, предмети та явища повсякденного життя – чеки, проїзні квитки, грошові одиниці тощо). Так відбувається знайомство із стереотипами поведінки різних статусних груп, різноманітними соціокультурними ситуаціями (у родині, на роботі, в офіційних установах, під час святкування якихось подій тощо). У подальшому, коли вже створено передумови для засвоєння студентами комунікативних набутоків носіїв мови, ментальності та культури, доцільно презентувати тексти, що містять інформацію щодо унікальних явищ дійсності, вказують на реальні обставини конкретних завдань, підштовхують до прийняття того чи іншого рішення. Під час опрацювання матеріалу учасники спілкування мають можливість, висловити незгоду з поглядами учасників події, залучитися до дискусії.

Відбираючи навчальний матеріал, необхідно пам'ятати, що він повинен бути достатньо інформативний, щоб наблизити знання іноземного фахівця до рівня відповідних знань українського випускника середніх шкіл, але не бути перевантажений надлишковими відомостями. Як показала практика, завжди викликають цікавість навчальні тексти, що містять інформацію про доісторичний період, історію розвитку українознавства від часів Київської Русі до сьогодні, відомості про етикетні норми поведінки, події релігійного життя, свята тощо (наприклад, «Що означає назва «Україна», «Виникнення міста Києва», «Герб міста Дніпропетровська», «Свята України»).

Під час роботи з цими текстами відпрацьовуються уміння виявляти країнознавчі знання, виділяти країнознавчі об'єкти, пояснювати їх у процесі навчання. Крім лексичної роботи з словами, які потребують історичного коментарю чи мають національно-культурний компонент, розглядаються вербальні одиниці мовного етикету, національно-специфічні невербальні засоби спілкування, афористика тощо.

Для отримання вмінь та навиків використання національно-зabarвленої лексики розроблено вправи такого характеру: 1) поясніть значення виділених слів у реченнях за допомогою синонімів антонімів, або описових конструкцій; 2) перекладіть речення, зверніть увагу на переклад безеквівалентної лексики; 3) замініть, до можливо, слова, що включають національно-культурний компонент.

Комунікативні вправи та креативні завдання можу відповідати таким темам: суспільні та особисті свята; подарунки (знайомство з ритуалами вручення та вибору подарунків); культурно-специфічні особливості поведінки, вибір блюд і напоїв за

святковим столом в Україні та на батьківщині; теми-табу в місцях громадського користування чи під час їжі тощо.

Для досягнення повноцінного результату під час вивчення ІМ недостатньо обмежуватися тільки аудиторними заняттями, де мова здебільшого сприймається тільки з одних вуст (викладача-носія мови), чи з мультимедійних засобів. Необхідно широко використовувати можливості позааудиторної роботи. Це можуть бути екскурсії або відвідування музеїв, що сприяє розвитку спроможностей студентів до сприймання нової інформації. Узагальнення отриманих відомостей відбувається за допомогою виконання певних завдань. Наприклад, тема «Центральний проспект города» розглядається після екскурсії проспектом Карла Маркса, знайомства з архітектурними пам'ятками, історичними подіями, які відбувалися тут, сучасними будівлями. Кожен студент вибирає об'єкт, що найбільш йому сподобався, і пише невеличку розповідь. Під час практичного заняття заслуховуються виступи студентів, відбувається їх обговорення, коментуються позиції, що викликали суперечки.

Важливою умовою для набуття студентами знань лінгвокраїнознавчого характеру є активне використання Інтернет технологій, що забезпечує автентичне спілкування з носіями мови в так званому «живому» режимі. Під час такої роботи студенти поєднують аудіо-та відеоможливості (у своєму розпорядженні вони мають мультимедійні тексти, словники, малюнки, діаграми, записи голосу, користуються електронною поштою, беруть участь у телеконференціях, відшукують інформацію на WEB-сторінках тощо).

Розширенню міжкультурної компетенції студентів, розвитку їх творчих здатностей сприяє використання відеозаписів стандартних ситуацій соціально-побутової сфери спілкування, тематичні телевізійні передачі, під час яких відбуваються і коментуються певні дії (готується їжа, вибирається для якоїсь події одяг, розповідаються байки).

Висновки. Таким чином, відображаючи зміни, що відбуваються в житті та культурі, робота над лінгвокраїнознавчим матеріалом сприяє удосконаленню системи прийомів роботи над тем чи іншим аспектом мовлення, появі нових технологій подання інформації під час вивчення ІМ, розвиває у іноземних фахівців спроможність сприймати культурні реалії країни, мова якої вивчається, допомагає давати об'єктивну та критичну оцінку подіям, що відбуваються в світі, допомагає соціокультурному розвитку особистості студента у цілому.

Список літератури

1. Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова / Л.Г. Веденина // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 76-110.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / В.Г. Костомаров – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Верещагин Е.М. Учебные тексты страноведческой тематики в преподавании русского языка как иностранного: соображения о повышении эффективности их восприятия / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Русский язык для студентов-иностранцев: [сб. метод. статей № 25]. – М.: Высш. школа, 1988. С.117-125.
4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 362 с.

Бобыль С.В. Формирование межкультурной компетенции иностранных студентов в условиях национально-культурной среды // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.194-197.

В статье рассматриваются направления формирования межкультурной компетенции иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Украины.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, просмотревые тексты, экзemplярные тексты, фоновые знания.

Bobyl S.V. Formation of the intercultural competence of the foreign students in conditions of cultural environment // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.194-197.

In article the directions of formation of the intercultural competence of the foreign students training in higher educational institutions Ukraines are considered.

Key words: the intercultural competence, texts, background knowledge, foreign students, cultural environment.

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 811.161.1

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОХОД В ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОГО АНГЛО-РУССКОГО СЛОВАРЯ)

Девель Л.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств,
г. Санкт-Петербург, Россия*

В статье описывается актуальный для Совета Европы и Болонского процесса, а также для модернизации отечественного образования компетентностный подход в двуязычной англо-русской лексикографии.

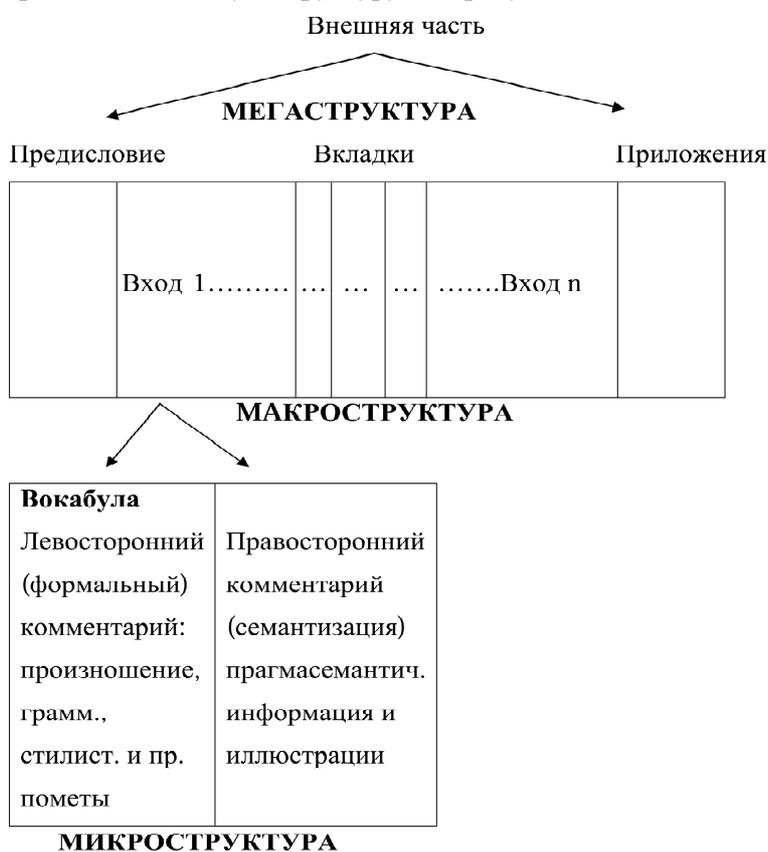
Ключевые слова: *компетентностный, подход, двуязычная, лексикография структурирование.*

Словарь призван обеспечивать коммуникативную компетенцию изучающего язык пользователя, развивать и поддерживать компетенцию переводчика. О востребованности компетентностного подхода свидетельствует постепенное увеличение количества словарей, учитывающих его. Двуязычная лексикография (речь не идет об академической лексикографии) консервативна, но на сегодня наряду с динамичным количественным ростом в ней произошли и происходят качественные перемены не столько в решении лингвистических, сколько в решении методических и технологических проблем (Worsch 2005). Словарь видоизменяется в условиях существующих требований Европейского союза по вопросам компетентностного подхода в обучении и подготовке справочно-информационных материалов. В качестве примеров могут служить словари издательства Oxford University Press. *Цель статьи* – описание актуального для модернизации отечественного образования компетентностного подхода в двуязычной англо-русской лексикографии.

Дизайн словаря. Дизайн приобретает особое значение при создании словаря как «единого инструмента перевода» и «учебника по иностранному языку и переводу» (по выражению В. П. Беркова). Речь идет о проектировании, планировании и организации лексикографических решений, о порядке их принятия в ходе подготовки и во время лексикографирования. Тема планирования и проектирования словаря имеет давнюю традицию. Дизайн, в основном, включает издательские спецификации, т.е. такие характеристики словаря, как формат издания (бумажный/печатный и его размеры, CD/DVD, в Интернете), параметры текста, полиграфическое исполнение (размер шрифта, шрифты выделения, расположение текста на полосе, использование иллюстративного материала, боксы/рамки, цветовые решения). Издательство Oxford University Press, выпускающее двуязычные словари на материале 40 языков мира с учетом уровневости, теперь выпускает двусторонние англо-родные словари, во всевозможных форматах и с доступом через сеть (часто свободным). Соблюдаются учет уровневости знаний пользователей, соответствующая необходимая комплектность словаря: это может быть словарь с отдельным сборником упражнений и книгой для

учителя, с вариантом в формате CD / DVD, в Интернете, в формате программ для мобильных устройств, в том числе смартфонов и коммуникаторов, варианты для использования в интерактивном режиме и так далее. Все большую популярность приобретают словари на CD / DVD и on-line. Однако бумажные/печатные словари не теряют своей лидирующей позиции по популярности среди пользователей. Согласимся с точкой зрения энциклопедии английского языка Кембриджского университета в том, что ведущую роль в современном мире информационных технологий среди форматов словарей по-прежнему играет печатный/бумажный словарь, какими бы хорошими ни были компьютерные программы, мультимедийные средства и так далее [5, с. 446-456]. Отличительная черта современных словарных материалов – сочетание различных ресурсов: это могут быть данные конкордансов, корпусов, субъективные данные интроспекции, данные картотек.

В зависимости прежде всего от рынка, а потом уже из лексикографических соображений определяют в целом формирование статей, словника, предисловия, приложений, примеры (письменные тексты, аудиотексты, картинки) вставок разных видов на уровнях микро-, макро-, мегаструктуры словаря и общую тематическую, дидактическую направленность и локализацию. Двухязычный словарь приобретает на сегодня хорошо вычленимую структуру (см. рисунок).

Мега-, макро- и микроструктура словаря

Мегаструктура – это все, что не входит в корпус словаря. Мегаструктура может насчитывать несколько частей, в которых материал может быть организован по идеографическому/тематическому принципу. Теперь у двуязычных словарей могут быть не только предисловие, вводная часть, правила пользования, дополнения и приложения, грамматический очерк и фонетический очерк при словаре. Во внешнюю часть, состоящую из передней в виде предисловия и задней частей в виде приложения, могут также включаться: таблица глаголов, грамматический справочник, список географических названий, личных имен и пр. Внутри словаря могут размещаться вкладки с иллюстрациями в виде картинок, комментариев, рекомендаций. Списки личных имен, названий стран, числительных обычно входят в приложения, но в последнее время они стали включаться в корпус словаря. К мегаструктуре можно отнести также сквозные боксы (комментарии и рекомендации в рамках) по грамматике, словоупотреблению, прагматике, т.д. (подробнее об этом: [1; 2; 3]). Мегаструктура, например, двустороннего одностомного Оксфордского англо-русского словаря с CD 2007 г. на 500 000 слов, фраз и переводов включает следующие вкладки:

- культурные заметки о Российской Федерации;
- образцы писем, анкет, рекомендации по текстам сообщений;
- грамматический справочник;
- справочник по произношению.

Макроструктура – совокупность словарных статей, расположенных, как правило, в алфавитном порядке, носит название корпуса. При формировании макроструктуры принимают решения о словнике и словарной статье. При составлении двуязычных словарей стали использовать компьютер и данные корпусов параллельных текстов: переведенных и сопоставимых. Лингвистический и практический опыт владения языками языковой пары играет важную роль. Это отмечали многие лексикографы, в том числе В. К. Мюллер – автор широко известных словарей, исследователь двуязычной лексикографии В. П. Берков. Современный качественный словарь совершил поворот в сторону реального мира коммуникации (англ. *real world communication*). Этому содействуют современные технологичные средства лексикографирования и ресурсы.

Микроструктура – словарная статья – вокабула со всей даваемой при ней информацией из одного или нескольких абзацев. Членение слова на значения, или филиация, происходит в словарной статье: в семантическом порядке во главе с «основным»/ «первым» значением, исходя из принципа семантической ступенчатости описания. За контекстно-независимыми примерами следуют контекстно-зависимые примеры. В некоторых издательствах стали указывать статистические характеристики слов. Англо-русские словари перешли на последнюю редакцию МФА не только в зарубежных изданиях, но и в отечественных. Теперь указывают ареальный параметр (например, помета Британский вариант английского языка – *BrA* или Американский вариант английского языка – *AmA*). Гнездование не выдерживается особенно жестко с тем, чтобы пользователю можно было легче и быстрее находить информацию в словаре (см., например, словари серии Лингво-Lingvo). Грамматические пометы указывают в

словарях все чаще без сокращений для удобства пользователей, например, *noun, verb* и так далее. Примеры-иллюстрации из «реальной жизни» в «типичных» контекстах приводятся с переводами. Иллюстрации в виде картинок и фотографий способствуют более точной семантизации слов. Вокабула и некоторые другие элементы в словарях в цветном исполнении выделяются «лангеншайдтским» синим цветом (получивший распространение прием издательства Langenscheidt выделения характерным оттенком синего). Увеличивается доля «энциклопедического» компонента лексикографического описания. Для уточнения культурного компонента, грамматики и в случае безэквивалентной лексики, помимо перевода слова, в словарях даются толкования, пояснения (англ. *gloss*) через пометы, примеры фраз. Приведем пример из Оксфордского англо-русского словаря для начинающих 2006 г. Горизонтальной чертой и восклицательным знаком выделен «бюкс». Восклицательный знак в словарной статье здесь отмечает случаи словоупотребления, на которые необходимо обратить внимание.

begin *verb*

- (*to start doing something*) = начинать/начать (+ *imperfective infinitive*)

she began to speak = она начала говорить

they began work = они начали работу

! In Russian the beginning of an action is often indicated by the prefix on the verb (usually по- or за-); in such cases 'begin to' is not translated:

he began to run = он побежал

they began to cry = они заплакали

- (*to commence*) = начинаться/начаться

the concert begins early = концерт начинается рано

it began to rain = начался дождь

Можно увидеть, что при компетентном подходе структурирование словаря приводит к универсализации типа словаря.

Выводы. В условиях интенсификации информационно-коммуникационного обмена в странах Европейского союза и в нашей стране качественный, двуязычный переводной англо-русский словарь в ряду справочных ресурсов (англ. *reference science*) в информационно-коммуникационном и образовательном пространстве приобретает особое значение, т.к. он обеспечивает развитие отвечающей современным требованиям языковой и переводческой компетенции. На основе хорошего знания отечественных достижений и применения этих знаний на современном уровне с учетом компетентного подхода в области актуальной двуязычной лексикографии можно добиваться высоких результатов в области обучения языкам и переводу и успешно двигаться в направлении модернизации отечественного образования.

Список литературы

1. Девель Л.А. Англо-русская учебная лексикография XVI – нач. XXI вв. Библиографический указатель / Л.А. Девель. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
2. Девель Л.А. Англо-русская учебная лексикография XVI – нач. XXI вв. Антология / Л.А. Девель. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.
3. Девель Л.А. Секрет англо-русского словаря Мюллера: [монография] / Л.А. Девель. – СПб.: КультИнформПресс, 2009.
4. Любарская А.А. Французско-русский учебный словарь / А.А. Любарская // Иностранные языки в школе. – М., 1936. – С. 50-53.
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Kernerman L. Power to the Learner: an Approach towards Pedagogically-oriented Bilingual Dictionaries / L. Kernerman // Kernerman Dictionary News. – 2005. – №13. – P. 15-18.

Девель Л. Компетентністний підхід у двомовній англо-російській лексикографії // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.198-202.

У статті описано актуальний для Ради Європи та Болонського процесу, а також для модернізації вітчизняної освіти компетентністний підхід у двомовній англо-російській лексикографії.

Ключові слова: компетентністний, підхід, у двомовна, лексикографія, структурування.

Devel L. Competency approach in bilingual English-Russian lexicography // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.198-202.

Competency approach is described here at the level of up-to-date mega-, macro-, microstructuring bilingual English-Russian dictionaries.

Key words: competency, approach, bilingual, lexicography, structuring.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 811.161.2'373

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Козырева Н. Ю.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье рассматривается самостоятельная работа как неотъемлемая часть обучения РКИ на ПО, предлагаются некоторые возможные формы её организации.

Ключевые слова: *обучение РКИ, формы организации самостоятельной работы, аудиторные и внеаудиторные занятия, коммуникативные потребности, чтение, активное самообучение.*

Самостоятельная работа студентов, как правило, представляет собой неотъемлемую часть любого учебного процесса и является одним из факторов его оптимизации, средством углубления и расширения знаний, полученных во время аудиторных занятий. На подготовительном отделении для студентов-иностранцев роль самостоятельной работы возрастает в связи со сжатыми сроками их обучения. Однако известно, что приёмы и способы образования большинства, скажем, арабских стран, исключают из учебной познавательной деятельности самостоятельность вообще в любых её проявлениях. Да и опыт работы показывает, что студенты из арабских стран практически не владеют навыками самостоятельной работы и считают источником получения новых знаний исключительно преподавателя, чего не скажешь о китайских студентах, которым работать самостоятельно не привыкать. Исходя из разного уровня умений и навыков самостоятельной работы, преподавателю русского языка как иностранного зачастую приходится обучать студентов-иностранцев общим принципам и действиям самостоятельной работы как виду учебной деятельности. Таким образом, вопросы приобретения умений и навыков самостоятельной работы, необходимых иностранным студентам подготовительного отделения в процессе обучения РКИ, вопросы организации самостоятельной работы студентов-иностранцев в настоящее время не теряют *актуальности*.

Цель статьи – обозначить самостоятельную работу как наиважнейший вид учебной деятельности студентов-иностранцев на подготовительном отделении; предложить возможные формы её организации.

Итак, самостоятельная работа обычно определяется как организуемая и управляемая преподавателем аудиторная и внеаудиторная деятельность студентов, которая является основой формирования в сознании учащегося алгоритма самостоятельной учебной деятельности [1, с. 23]. Таким образом, разграничивая виды самостоятельной работы – в аудитории и во внеаудиторное время, – к первому виду относят самостоятельную работу преимущественно под непосредственным

контролем преподавателя. Самостоятельная работа во внеаудиторное время – это, как правило, индивидуальная учебная деятельность студентов вне расписания занятий при косвенном руководстве преподавателя. Целью самостоятельной работы, как известно, является повторение, закрепление и углубление изученного материала. Огромное количество информации может быть воспринято и усвоено при условии, если студенты обучены способам и приёмам самостоятельной работы в целом, что и отмечается методистами в ряде последних работ [1; 2; 3].

Так, считается, что для успешности самостоятельной работы студент должен:

- иметь программу обучения, которая включает и те конечные знания и умения, которые ему необходимо приобрести в процессе изучения данного курса;
- знать формы и способы контроля, с помощью которых представлена вся информация о содержании учебной деятельности;
- иметь учебно-методические материалы, в которых представлена вся информация о содержании учебной деятельности;
- иметь мотивационный настрой, необходимый для приобретения определённых знаний и умений» [2, с. 67].

А деятельность преподавателя должна быть направлена на организацию и обеспечение самостоятельной работы студентов и заключается в следующем:

1. Создание мотивационного настроя обучаемых как важнейшего средства достижения целей обучения.

2. Разработка учебно-методического обеспечения, уровень требований к которому должен быть достаточно высоким, давая возможность, вместе с тем, студентам достичь хороших результатов. Создание учебных материалов по самостоятельной работе иностранных студентов имеет свою специфику, которая ориентирована на индивидуализацию обучения.

3. Осуществление руководства и управления самостоятельной работой над учебным планом [2, с. 68].

Несомненно, соблюдение данных принципов и целей при составлении заданий для самостоятельной работы студентов позволяет повысить уровень обратной связи в учебном процессе, что соответствует задачам формирования модели выпускника подготовительного отделения. И соотносённость содержания самостоятельной работы с целями обучения – главное требование к её организации.

Заслуживает также внимания мнение, что содержание обучения иностранных студентов самостоятельной работе при изучении русского языка может определяться с позиции коммуникативно-деятельностного подхода к их коммуникативным потребностям. Именно они являются исходным дидактическим началом, организующим методическую систему по обучению иностранных студентов самостоятельной работе. Особый интерес вызывают вопросы поиска, изучения и учёта коммуникативных потребностей иностранных учащихся подготовительного факультета [4, с. 164].

Бесспорно, среди коммуникативных потребностей во всех видах речевой деятельности у иностранных студентов подготовительного факультета особое место занимают коммуникативные потребности в чтении. Чтение выступает как автономный, самодостаточный вид речевой деятельности и является ведущим средством получения специальной информации в процессе обучения самостоятельной работе. Неоднократно отмечалось, что в процессе обучения

иностранных студентов самостоятельной работе чтение играет важную роль: развивает и совершенствует речевые навыки студентов-иностранцев, прививает навыки самостоятельной работы с литературой по специальности на русском языке, расширяет их словарный запас и т.д.

Хотелось бы добавить, что на разных этапах изучения русского языка целесообразна разная степень предоставления самостоятельности студентам. Скажем, самостоятельная работа в первые недели изучения языка направлена, прежде всего, на формирование навыков письма и чтения. Так, для формирования этих навыков на кафедре ПЛПИ в ДНУ разработано методическое пособие «Пиши-читай» [3] – обучение прописному начертанию букв, слогов, слов, фраз. Пособие содержит образцы графического изображения букв, их соединений, слогов, слова и предложения с ними, а также комплекс самостоятельных заданий, который преподнесён в форме Рабочей тетради. Цель – сформировать и довести до автоматизации графические навыки студентов-иностранцев. Также в этом пособии предложены задания по образцу и задания повышенной трудности, которые предполагают творческую самостоятельность студентов.

На следующем этапе изучения языка студентам-иностранцам предлагается работать самостоятельно над закреплением изложенного материала непосредственно после его изучения в учебниках по грамматике и лексике. В основном это комплекс тренировочных упражнений в конце каждой темы.

В дальнейшем учебные материалы, используемые студентами в самостоятельной работе на подготовительном отделении, в основном связаны с:

- конкретной специальностью студента;
- чтением художественной литературы.

Эти задания для самостоятельной работы, уже предполагающие развитие умений самостоятельно найти, преобразить и воспроизвести полученную информацию, содержат в основном учебные пособия по общеобразовательным дисциплинам.

Необходимо отметить, что в процессе обучения РКИ предполагается регулярное самостоятельное чтение студентами-иностранцами дополнительной литературы под руководством и контролем преподавателя, которое рассчитано преимущественно на понимание. При этом учитывается интерес студентов к предложенным темам, что обеспечивает несомненное выполнение самостоятельной работы над текстом.

Так, в настоящее время разрабатывается система текстов для домашнего чтения, которая может послужить закреплению пройденной лексики и грамматики, расширению словарного запаса. Это тексты для самостоятельного домашнего чтения о жизни и деятельности учёных, общественных деятелей. В основном это чтение с заданием выписать незнакомые слова, проверить их по словарю с целью научить студентов пользоваться словарём и составлять словарь незнакомых слов. Контроль за домашним чтением студентов даёт, как правило, возможность руководить индивидуальной работой каждого студента, развивать творческие способности лучших студентов. Такое развитие самостоятельных навыков в чтении является базой для создания основных принципов работы по изучению в дальнейшем специализированной литературы.

Особой формой самостоятельной работы, по нашему мнению, является подготовка студенческих научно-практических конференций, которые проводятся на

ПО ДНУ в течение многих лет. В основу конференции положены такие принципы, как языковая доступность, научность, лаконичность, взаимосвязь с учебными занятиями и добровольное участие. Студенты готовят доклады на определённую тему. Их выступлению предшествует кропотливая самостоятельная работа: отрабатывается фонетика, ударение, произношение.

Для успешного управления этим видом учебной деятельности, как правило, необходимо:

- определить тему и содержание докладов;
- выбрать докладчиков из числа студентов, желающих принять участие в конференции;
- организовать поиск информации с привлечением дополнительной литературы и Интернета;
- научить правилам обработки информации и подготовки доклада.

Тема доклада не навязывается студенту, а предлагается в соответствии с его интересами, способностями, уровнем языковой подготовки. Важной особенностью такого доклада является наличие поясняющих таблиц, рисунков, видеослайдов, что в значительной степени облегчает понимание текста аудиторией.

Как показывает практика, подобные мероприятия не только дают возможность студентам поработать самостоятельно, но и применить и продемонстрировать свои знания, что стимулирует их познавательные интересы, возбуждает их творческую фантазию. Им даётся возможность работать в собственном ритме, отвечающем их индивидуальным целям и стилю работы. А, как известно, рациональная организация внеаудиторных видов самостоятельной работы, их интеграция в единую систему с аудиторными видами способствует формированию полноценных знаний, умений и навыков.

Выводы. Представленный перечень некоторых возможных форм организации самостоятельной работы студентов-иностранцев не может, конечно, считаться исчерпывающим, но он отражает ряд важных моментов обучающей деятельности на ПО. Безусловно, ещё требуют изучения и обоснования вопросы формы и содержания самостоятельной работы, создания комплексных учебных пособий для самостоятельной работы, виды контроля самостоятельной работы студентов-иностранцев и т.п. Однако всё вышеизложенное предоставляет широкие возможности для активной самостоятельной работы студентов.

Понятно, что живое слово преподавателя, его непосредственное обращение к студентам, возможность постоянной обратной связи – всё это имеет несомненные преимущества. Однако практика преподавания показывает, что правильно организованная самостоятельная работа имеет огромный мотивационный потенциал. Признано, что именно в процессе самостоятельной работы, научив студентов её элементарным навыкам и приёмам, вручив им инструмент самообучения, преподаватель предоставляет им возможность добывать информацию самостоятельно и в нужном количестве, обеспечивает умение самостоятельно вести информационный поиск в дальнейшем. Доказано, что обучение успешно лишь в том случае, если обучающиеся принимают в нём активное участие, проявляют инициативу в постановке целей и задач, намечают пути их достижения. Основная задача – поддержать стремление студентов-иностранцев к самостоятельной деятельности.

Список литературы

1. Богиня Л. В. К вопросу о формировании навыков самостоятельной работы иностранных студентов подготовительного отделения/ Л. В. Богиня // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки. Тези XIII Міжнародної науково-практичної конференції. – Харків, 2009. – С.22-25.
2. Саенко С. Л. Организация самостоятельной учебной работы студентов (к постановке вопроса)/ С. Л. Саенко // Проблемы обучения иностранных студентов: поиски, находки, перспективы. Материалы международной юбилейной научно-практической конференции. – Одесса, 2000. – С.66-68.
3. Беспалова Ю. В. Пиши-читай: [методическое пособие по правописанию для студентов-иностранцев подготовительного факультета] / Ю. В. Беспалова. – Днепропетровск, 2005. – 84 с.
4. Рошупкина Е. А. Проблема выявления коммуникативных потребностей иностранных студентов-медиков в процессе обучения самостоятельной работе/ Е. А. Рошупкина // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки. Тези XIII Міжнародної науково-практичної конференції. – Харків, 2009. – С.164-166.

Козирева Н. Ю. Про організацію самостійної роботи студентів-іноземців на підготовчому відділенні // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.203-207.

У статті розглядається самостійна робота як невід'ємна частина навчання РЯІ на ПВ, пропонуються деякі можливі форми її організації

Ключові слова: навчання РЯІ, форми організації самостійної роботи, аудиторні та позааудиторні заняття, комунікативні потреби, читання, активне самонавчання.

Kozireva N. Yu. About organization of independent work of foreign students at preparatory department // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.203-207.

The article deals with the independent work as a part and parcel of teaching Russian as a foreign language at preparatory department; several possible forms of its organization are suggested.

Key words: teaching Russian as a foreign language, forms of independent work organization, classroom and after class work, communicative demands, riading, active self-study.

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.

УДК 371.882.0762

О СОДЕРЖАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Мартынюк А.Я.

*Крымский научно-методический центр управления образованием НАПН Украины,
г. Симферополь, Украина*

*Системе образования отводится важная роль в развитии и сохранении
культурного наследия, языка, компетенций.*

Ключевые слова: образование, школа, межкультурная коммуникация,
межкультурная компетенция, компетентностное образование.

Взаимосвязь языков и культур не вызывает сомнения в современной лингвистической парадигме, носящей ярко выраженный антропоцентрический характер. Более того, последнее десятилетие отмечено широким интересом к проблематике межкультурной коммуникации как одной из важных составляющих лингвокультурологии, которая изучает язык как феномен культуры [6]. Язык рассматривается как инструмент проникновения в ментальность, а следовательно, и ключ к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид. Язык при этом не просто отражает духовный мир человека и его культуру, но и активно участвует в их формировании. Таким образом, язык и культура одновременно, но с разных позиций способны влиять на мышление и мировосприятие этноса. Подобные изменения особенно характерны для современности – эпохи высоких информационных технологий, быстрого развития науки и техники, глобализационных процессов в жизни человеческого общества [11].

Культурологический подход к определению содержания образования предполагает формирование ориентации личности на межкультурные ценности, являющиеся основой для эффективного способа взаимодействия с многообразием мира. На практике это означает необходимость формирования межкультурных ценностных ориентаций школьников, которые должны в ходе образовательного процесса научиться понимать, осознавать и принимать культурные различия и опираться на них при толковании событий поликультурной значимости.

Постановка проблемы. В Государственном стандарте базового и среднего образования дана характеристика образовательной отрасли «Язык и литература». В частности, указывается, что содержательными линиями языкового компонента является речевая, языковая, социокультурная и деятельностная (стратегическая) [4]. Социокультурная линия обеспечивает усвоение культурных и духовных ценностей своего и других народов, норм, которые регулируют отношения между поколениями, полами, нациями, способствуют эстетическому и нравственному развитию. Реализация культурологического, социокультурного компонента

государственных стандартов образования предполагает освоения учениками концептов русской, украинской и других культур, построение целостной картины мира выпускника школы.

Важнейшая роль в сохранении и развитии культурного наследия отводится системе образования, поскольку именно образование обладает возможностью сформировать гармоничную личность, способную подходить к проблеме культурного наследия как ценности. Образование является не только процессом передачи накопленных поколениями знаний и культурных ценностей, но и одним из оптимальных и интенсивных способов вхождения человека в мир культуры. *Актуальной* становится проблема взаимного влияния различных культур, сохранения языкового и культурного многообразия народов мира, взаимодействия между представителями разных этнических сообществ. Культурное и этническое разнообразие предполагает стремление понять и найти сходство и различия в разных культурах. В последние десятилетия актуальным вопросом современного образования является воспитание молодёжи в духе уважения к другим народам, толерантности к культурным различиям, что предполагает подготовку молодых людей к жизни в полиязыковом и поликультурном обществе. Взаимодействие различных культур должно развиваться на основе принципа толерантности, выражающегося в стремлении достичь понимания и согласованности путем диалога и сотрудничества. Владение учащимися ценностями родной культуры делает и восприятие иных культур более точным, глубоким, всесторонним. Опыт межкультурной деятельности и общения между учащимися, представляющими разные культуры, в ходе которого воспитываются личностные качества, приобретаются знания и развиваются умения, является основой формирования межкультурной коммуникации.

Межкультурное образование школьников является процессом, направленным на согласование нескольких культурных сред в сознании обучающихся, понимание их сходства и различия, развитие готовности к разрешению проблем, связанных с межкультурными контактами. Структура межкультурного образования школьников как системы их отношений, знаний и поведения в процессе приобщения к иной культуре, направленной на формирование позитивного восприятия мира и развитие возможностей взаимодействия в глобальном поликультурном контексте включает три компонента: 1) воспитание уважения, эмпатии и толерантности к представителям иных культур (отношение); 2) обогащение знаний учащихся изучением языка и достижений культуры страны изучаемого языка (знание); 3) изучение стратегий взаимодействия с людьми другой культурной принадлежности (поведение).

Современный человек в условиях гигантского количества информации должен уметь применять полученные в образовательном учреждении знания практически, то есть освоить в школе ряд компетенций. Перед системой образования ставится задача формирования ключевых компетенций, которые представляют собой целостную систему универсальных знаний, умений, навыков, опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся. Формирование образовательных компетенций учащихся школы, среди которых,

важное место занимает межкультурная компетенция, является актуальным вопросом, которому посвящены исследования таких учёных, как В.А. Болотов, В.В. Краевский, Г.В. Селевко, В.В. Сериков, А.В. Хуторской и др. По мнению А.В. Хуторского, Г.В. Селевко, введение образовательной компетенции в систему образования позволит решить проблему, когда учащиеся хорошо усваивают теоретические знания, но затрудняются применять их на практике для решения конкретных жизненных задач или проблемных ситуаций [10, с.60; 12, с.138]. Необходимость формирования межкультурной компетенции обусловлена развитием современного информационного общества, что, в числе прочего, включает глобализацию социальных и экономических отношений, а, следовательно, расширение контактов между культурами. При этом возникает проблема взаимопонимания между представителями различных культур, что выражается в обострении глобальных проблем человечества. В системе среднего образования это находит выражение в пренебрежительном отношении к иным культурам, к чувству превосходства родной культуры. Большинство учащихся не обладают такими качествами, как толерантность, эмпатия, стремление познавать иностранную культуру, критическое отношение к явлениям родной и изучаемой культуры. Воспитание данных качеств является главной задачей формирования межкультурной компетенции учащихся.

Межкультурная компетенция – совокупность взаимосвязанных межкультурных знаний, умений и отношений учащихся, необходимых для осуществления продуктивного межкультурного взаимодействия с представителями иноязычных культур. В структуре межкультурной компетенции старшеклассников можно выделить следующие компоненты:

- познавательный, который базируется на обобщенных знаниях о культурных и общечеловеческих духовных ценностях, отношениях, событиях, явлениях, процессах, о культуре и духовности того или иного народа;
- ценностно-нормативный, включающий нравственные ценности, духовность, убеждения, регулирующие повседневную жизнь, поведение отдельного человека, общества;
- морально-волевой, обеспечивающий реализацию знаний, ценностей и норм в практических действиях и поступках через их эмоционально-волевое освоение, превращение в личные взгляды, убеждения;
- общекультурный, включающий общекультурные ценности, духовную культуру, народные традиции, патриотизм, толерантность, общительность, стремление к прекрасному;
- практический, отражающий трансформацию знаний, ценностей, убеждений и установок из обобщенной системы в реальную практическую готовность человека к определенному типу поведения [9].

Структура межкультурной компетенции представляет собой сложное личностное образование, включающее:

- знание родной культуры (этнокультуры), владение родным языком, соблюдение традиций как базовые свойства личности;

- знание языка и культуры доминирующей и иных культур внутри принимающей страны и усвоение общечеловеческих ценностей;
- умения и навыки практического применения своих знаний;
- практический опыт их использования в ходе межкультурного взаимодействия;
- выработку установок толерантного сознания и отношения в поликультурной образовательной среде;
- формирование культуры мира и ненасилия как духовно-нравственной позиции личности с планетарным мышлением;
- совокупность качеств личности, способствующих реализации этих знаний, умений и навыков [2].

Выводы. Современная система образования ориентирована не только на усвоение учащимися разносторонних знаний и умений, но и на подготовку к жизни, на обучение решать проблемы, возникающие на их пути, овладение такими качествами, которые позволили бы им успешно осуществлять деятельность в различных условиях. Современное образование требует новых подходов к развитию творческих способностей учащихся. Инновационные подходы, развивающие системы и программы обучения, компьютерные технологии – все это становится неотъемлемой частью школьного образования.

Школа призвана развивать способности школьника реализовать себя в новых динамичных социально-экономических условиях, уметь адаптироваться к различным жизненным обстоятельствам, быть готовым к успешной социализации. Одной из характеристик личности становится коммуникабельность, способность к сотрудничеству и социальному речевому взаимодействию, владению культурой слова, устной и письменной речью в различных сферах применения языка. Язык, как и другие школьные предметы, призван учить детей поиску, оценке и использованию информации, формировать умение самостоятельно решать новые задачи в незнакомых ситуациях.

Личностно-ориентированная модель образования уделяет внимание педагога на задачи полноценного своевременного развития личности учащихся. Сущность процесса обучения состоит в стимулировании и организации активной учебно-познавательной деятельности учащихся в усвоении ими знаний, развитию способностей, формировании взглядов. Современная школа может быть ориентирована на усовершенствование уровня развития потенциальных, интеллектуальных возможностей каждого учащегося.

Главная задача школы состоит в том, чтобы построить такой учебно-воспитательный процесс, целью которого было бы формирование кросс-культурного самосознания, развитие у ребенка системы общечеловеческих ценностей, понимания роли своей нации, этноса в мировом историческом процессе.

Список литературы

1. Болотов В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В.Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8-14.
2. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам /Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2004. – №1. – С. 3-8.

3. Гудзик И.Ф. Компетентностно ориентированное обучение русскому языку в начальных классах (в школах с украинским языком обучения) / И.Ф. Гудзик. – Черновцы: Издательский дом «Букрек», 2007. – 496 с.
4. Державний стандарт базової і повної середньої освіти // Управління школою, 2004. – №4 (52).
5. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании / О.Е. Лебедев // Школьные технологии. – 2004. – №5. – С.3-12.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Новиков А.М. Содержание общего образования: от школы знаний к школе культуры / А.М. Новиков // Народное образование. – №1. – 2005. – С. 39-45.
8. Осмоловская И.М. Ключевые компетенции и отбор содержания образования а школе / И.М. Осмоловская // Народное образование. – 2006. – №5. – С.77-80.
9. Радугин А. А. Социология: [курс лекций] / А. А. Радугин, К. А. Радугин. -3-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр, 2001. – 223 с.
10. Селевко Г. В. Компетентности и их классификация / Г. В. Селевко // Народное образование. – 2004. – №4. – С. 138-143.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд., дораб. : Изд-во МГУ, 2004. – 350 с.
12. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностноориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – №2. – С. 58-64.

Мартинюк Г.Я. Про зміст міжкультурної комунікації в освітньому процесі середньої школи // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.208-212.

Системі освіти відводиться важлива роль у розвитку та збереженні культурної спадщини, мови, компетенцій.

Ключові слова: *освіта, школа, міжкультурна комунікація, міжкультурна компетенція, компетентнісна освіта.*

Martinyuk A.Ya. On the content of intercultural communication in the educational process of secondary school // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.208-212.

Educational system has an essential role in the development and maintenance of cultural heritage, language and competence.

Key words: *education, school, intercultural communication, intercultural competence, competentive education.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 81'246.2=+61.1=512.19:371.3

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ОРГАНИЗАЦИИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАМ МЕТОДИЧЕСКОГО ЦИКЛА В ПЕДВУЗЕ

Меркицкая С. М.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Студенческое научное общество «Полиглот», г. Симферополь, Украина

В данной статье исследуется методический прием решения речемыслительных задач при билингвальном обучении дисциплинам методического цикла и дается характеристика стадий учебной деятельности при формировании профессионального русско-крымскотатарского двуязычия будущих учителей.

Ключевые слова: *обучение на билингвальной основе, речемыслительные задачи, понятийно-лексические задачи, частно-методические задачи, ситуативно-тематические мыслительные задачи, профессиональное русско-крымскотатарское двуязычие.*

Актуальность. Важнейшей составляющей подготовленности будущего учителя к работе в школах с двумя языками обучения на современном этапе является формирование у него ЗУН получения и выдачи профессиональной информации одновременно на двух языках. Актуальность такой подготовки также продиктована открытием и функционированием различных типов классов и школ: с русским и украинским языками обучения, с русским и крымскотатарским языками обучения и пр. Актуальность и необходимость внедрения двуязычного обучения в Украине выдвинута известным лингводидактом И. Ф. Гудзик [1]. Разработкой методических основ двуязычного обучения в полиэтничном Крыму занимаются ученые, методисты Крымского инженерного университета, Крымского научно-методического центра управления АПН Украины и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского [5].

Существенный вклад в методику билингвального обучения внесли О.Н. Хорошковская, Л.Л. Салехова, Р.Р. Девлетов и др.

Исследования украинских ученых в основном посвящены изучению проблем двуязычного образования учащихся общеобразовательных школ. Проблеме профессиональной подготовки будущих учителей в школах с русским и крымскотатарским языками обучения не уделяется должного внимания. На наш взгляд, лингводидактическую подготовку целесообразно начинать с синхронного изучения дисциплин методического цикла («Методика преподавания русского языка в начальных классах» – МПРЯ и «Методика преподавания крымскотатарского языка в начальных классах» – МПКЯ) на двуязычной основе, так как именно на этих предметах формируются координативный билингвизм студента и знания, умения и

навыки осуществления учительской деятельности в классах и школах с двумя языками обучения.

Цель статьи – обоснование эффективности использования методического приема решения речемыслительных задач в подготовке будущих учителей к работе в школах с двумя языками обучения и возможности данного приема в формировании профессионального русско-крымскотатарского двуязычия.

Понятие «билингвальное обучение» в педагогическом вузе может включать в свое содержание следующее:

- обучение дисциплине и овладение студентом предметным знанием в определенной области на основе взаимосвязанного использования двух языков (русского и крымскотатарского) в качестве средств образовательной деятельности;

- обучение второму языку в процессе овладения определенным предметным знанием за счет взаимосвязанного использования двух языков (русского и крымскотатарского) и овладение крымскотатарским языком как средством образовательной деятельности;

- обучение крымскотатарскому языку с целью совершенствования коммуникативной компетенции в будущей профессиональной деятельности;

- изучение дисциплин методического цикла на основе взаимосвязанного использования языков (русского и крымскотатарского) с целью наполнения лингводидактической копилки будущего учителя начальных классов [3, с. 332].

Таким образом, двуязычное обучение является одновременно и средством получения двуязычного образования, и процессом формирования двуязычной личности, открытой к взаимодействию и конкурентоспособной в профессиональной среде общения.

Современная лингводидактика находится в постоянном поиске путей оптимизации подготовки будущих учителей языкового цикла в начальной школе. В процессе нашего исследования был проведен сравнительный анализ учебно-методических комплексов дисциплин МПРЯ и МПКЯ и на его основе было выявлено 18 сквозных тем.

Экспериментально установлено, что объединению мышления и речи в процессе билингвального обучения дисциплинам методического цикла способствует прием решения речемыслительных задач. Под этим приемом мы понимаем вид учебных заданий, включающих выполнение конкретных действий, направленных на формирование ключевых компетенций будущего учителя в условиях профессионального русско-крымскотатарского двуязычия.

Технология решения речемыслительных задач учитывает 4 стадии деятельности: установочную, ориентировочную, исполнительскую, контрольно-корректировочную.

На первой стадии, *установочной*, перед студентами формулируется речемыслительная задача и тема общения.

На второй стадии, *ориентировочной*, обучаемые овладевают коммуникативными, речевыми и языковыми умениями, необходимыми для решения речемыслительной задачи, получают терминологические и понятийные знания. Презентируется и семантизируется учебный материал, контролируется

правильность восприятия и понимания через выполнение определенной системы заданий, направленных на восприятие и переработку предложенных учебных материалов.

На третьей стадии, *исполнительской*, выполняются задания, направленные на понимание и построение итогового речевого произведения обучаемых, т.е. задания на порождение речи.

На четвертой, *контрольно-корректировочной* стадии обучаемые индивидуально или в группе решают речемыслительную задачу, сходную с основной задачей цикла. Формулировка задачи может меняться преподавателем в зависимости от индивидуального уровня подготовленности студентов.

В процессе применения данного приема мы наблюдаем:

- 1) мыслительная деятельность направлена на языковые предметы;
- 2) речь отрабатывается на умственных действиях;
- 3) достигается автоматизм речевого действия;
- 4) языковые и речевые действия поддаются контролю со стороны преподавателя за счет их предопределенности.

В процессе билингвального обучения дисциплинам методического цикла находят применение речемыслительные задачи разного типа, которые мы условно разделили:

1. Понятийно-лексические задачи /англамлы-лексик вазифелер;
2. Частно-методические задачи /хусусий-усулий вазифелер;
3. Ситуативно-тематические мыслительные задачи / ситуатив-мевзулы фикирлев вазифелер.

Понятийно-лексические задачи дают возможность введения новых понятий и их семантизации. Существенным признаком данного способа введения понятий и соответствующих терминов является момент их беспереводного понимания, которое должно быть результатом не только установления ассоциативных связей между неизвестным словом и символом или предметной и действенной наглядностью, но и результатом активной познавательной деятельности. Для достижения этой цели необходимо раскрывать вводимые понятия в логическом развитии тех знакомых явлений и понятий, сущность которых обобщается в новом понятии. Опираясь на предшествующий опыт, с помощью нескольких вводных предложений мы направляем мышление студентов на изучаемую сквозную для МПРЯ и МПКЯ тему. Далее за вводными предложениями непосредственно следует предложение – задача с неизвестными понятиями. Решить её студенту не трудно, если она адекватна уровню его мышления, в частности лингвометодического, и дидактически построена по принципу доступности и научности.

Так, при изучении «новой билингвальной темы» студенту приходится последовательно решать множество понятийно-лексических задач, так как объяснение лингводидактического материала имеет свою логическую последовательность и структуру. Продемонстрируем ряд понятийно-лексических задач, возникающих при изучении темы «Методика изучения морфемного состава слова» / «Сёзнинъ морфемалы теркибини огренюв усулиети». В процессе решения понятийно-лексических задач студенты беспереводно понимают значение некоторых новых методических терминов, если необходимо, делают записи перевода в словарь,

но самое важное, что они запоминают и синхронно обогащают свой словарный запас лингводидактическими понятиями и терминами как на русском, так и на крымскотатарском языках.

Упражнения на решение студентами понятийно-лексических задач могут быть сформулированных следующим образом:

1. *Ознакомьтесь с базовыми понятиями к теме «Методика морфемного состава слова» / «Сёзнинъ морфемалы теркибини огренюв усулиети»*

Аффикс	Аффикс
Корень	Тамыр
Многозначность	Чокьманелик
Морфема	Морфема
Морфемный состав	Морфемлы теркип
Образование слов	Сёз япылувы
Однокоренные слова	Тамырдаш сёзлер
Основа слова	Сёзлинъ темели
Префикс	Префикс
Слияние морфем	Морфемаларны бирлешюви
Словообразование	Сёз япылувы
Состав слова	Сёз теркиби
Суффикс	Суффикс
Флексия	Флексия

2. *Ознакомьтесь с базовыми понятиями к теме «Методика изучения морфемного состава слова» / «Сёзнинъ морфемалы теркибини огренюв усулиети» мевзунунъ эсас анъламларынен таныш олунъыз:*

Аффикс	Аффикс
Корень	Тамыр
Многозначность	Чокьманелик
Морфема	Морфема
Морфемный состав	Морфемлы теркип
Образование слов	Сёз япылувы
Однокоренные слова	Тамырдаш сёзлер
Основа слова	Сёзлинъ темели
Префикс	Префикс
Слияние морфем	Морфемаларны бирлешюви
Словообразование	Сёз япылувы
Состав слова	Сёз теркиби
Суффикс	Суффикс
Флексия	Флексия

3. *Переведите на русский язык / Рус тилине терджиме этинъыз :*

4. Соедините стрелками правильно переведенные термины / Окъ шиаретинен догъру терджиме япылгъан ыстылаларны бирлештирингъиз :

Сёз сонъу аффиксы	Образование слов
Сёз япылувы	Слияние морфем
Тамырдаш сёзлер	Окончание
Морфемаларны бирлешюви	Однокоренные слова

5. Составьте словосочетания с данными словами и переведите их на крымскотатарский язык/ Берильген сёзлернен сёз бирикмелери тизингъиз ве къырымтатар тилине терджиме этингъиз :

Слово	Словосочетание на русском языке	Къырымтатар тилинде сёз бирикмеси
Корень		
Членение		
Родство		
Морфема		

6. Составьте с данными словосочетаниями предложения, переведите их на крымскотатарский язык и разместите их в таблицу / Берильген сёз бирикмелернен джумлелер тизингъиз ве къырымтатар тилине терджиме этингъиз:

(прим. Для выполнения данного задания могут быть использованы словосочетания из задания № 5)

Следует отметить, что использование этих заданий эффективно как на лекционных, так и на практических заданиях по МПРЯ и МПКЯ.

Выводы. Таким образом, в процессе билингвального изучения сквозных для МПРЯ и МПКЯ тем и применения методического приема решения понятийно-лексических задач у студентов активно формируются знания, умения и навыки работы в школах с русским и крымскотатарским языками обучения и совершенствуются коммуникативные навыки, формируется координативный билингвизм, что существенно улучшает профессиональную подготовку будущих учителей.

Объем данной статьи не позволяет описать все типы речемыслительных задач. *В перспективе* будут освещены следующие два типа – частно-методические задачи / хусусий-усулий вазифелер/ и ситуативно-тематические мыслительные задачи / ситуатив-мевзулы фикирлев вазифелер.

Список литературы

1. Алиева Л. А. Ана тили оджалары ичюн методик къулланма / Л.А. Алиева. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1997. – 68 с.
2. Модель переходу з російської мови навчання на українську / І. П. Гудзик. – К: Початкова школа. 2000 – № 2. – С. 38-41.

3. Девлетов Р. Р. Русско-украинско-крымскотатарский лингводидактический словарь / Р. Р. Девлетов. – Симферополь: ОДЖАКЪ, 2010. – 169 с.
4. Наталич О. И. Лингводидактические основы билингвального обучения дисциплинам методического цикла будущих учителей начальных классов / О. И. Наталич // Ученые записки Таврического национального университета им. В. В. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 23 (62). № 2. Часть 2. – Симферополь, 2010. – С. 330-333.
5. Рамзаева Т. Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах: [учеб. пособие для студентов пед...ин-тов по спец. №2121 «Педагогика и методика нач. обучения»] / Т. Г. Рамзаева, М. Р. Львов. – М.: Просвещение, 1979. – 431 с., ил.

Меркицкая С. М. Мовленнєворозумове завдання як ефективний прийом організації білінгвального навчання дисциплінам методичного циклу в педвузі // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.213-218.

У даній статті досліджується методичний прийом розв'язання мовленнєворозумових завдань при білінгвальному навчанні дисциплінам методичного циклу і дається характеристика стадій навчальної діяльності при формуванні професійного російсько-кримськотатарського двомовлення.

Ключові слова: *навчання на білінгвальній основі, мовленнєворозумові завдання, понятійно-лексичні завдання, ситуативно-тематичні розумові завдання, професійна російсько-кримськотатарська двомовність.*

Merkitskaya S. M. Speech and mental task as an effective method of organization of bilingual teaching of subjects of methodic cycle in pedagogical higher school // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.213-218.

The article deals with the investigation of methodic ways of solving speech and mental tasks in bilingual teaching of subjects of methodic cycle. The characteristics of stages of educational activity in formation of professional Russian-Crimeantatar bilingualism of future teachers.

Key words: *teaching on bilingual basis, speech and mental tasks, conceptual-lexical tasks, particular-methodic tasks, situational-thematic mental tasks, professional Russian-Crimeantatar bilingualism.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 821.161.2'27 (075.8)

ПРАКТИКА НАВЧАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В КОНТЕКСТІ ТЕОРІЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ МОВИ

Мозговий В. І., Вергазова Л. Г.

*Навчально-науковий інститут «Вища школа економіки та менеджменту» ДВНЗ
«Донецький національний технічний університет», м. Донецьк, Україна*

У статті розглядаються функціональні аспекти навчання української мови у контексті теорії національної мови в порівнянні з традиційною методикою, що не враховує реальний стан мов в Україні.

Ключові слова: *національна мова, державна мова, фонетичний принцип правопису, монофункціональність алфавіту, граматична та лексична синонімія.*

Актуальність. Заявлений ще на початку 1990-х рр. новий погляд на національну мову як засіб спільності нації, що був викликом на руйнування концепції російської мови як засобу міжнаціонального спілкування [3], так або інакше зачіпаючи мовну політику [2], майже ніяк не вплинув на реформування методики вивчення української мови у контексті орфографічних правил, які не пов'язуються з реальною практикою функціонування мовних систем (передусім української та російської) у різномовних регіонах України. Помилки, незважаючи на розширення українського простору, парадоксально збільшуються. Парадоксальність цієї ситуації, з одного боку, зумовлена колишньою методикою вивчення національних мов у СРСР, знання яких було певною екзотикою (об'єктивний вимір), а з іншого, суб'єктивним небажанням переглянути методичні концепції та пристосувати їх до нової мовної реальності.

Випадки *врахування цієї проблеми* ([7]) не стосувалися концептуального перегляду освітньо-професійних програм як на рівні державних установ, які під постійними «пошуками нових форм» приховували свою неспроможність побачити глибину проблеми, так і на рівні окремих авторів [1; 4; 5; 6].

Мета статті – окреслення шляхів реформування методики навчання української мови, враховуючи реальну національно-мовну ситуацію в Україні.

Вивчення української мови як рідної та єдиної державної в умовах багатонаціональної України не сприяє адекватному спілкуванню, адже більшість українських громадян, незважаючи на свою національність і територію проживання, формує свою загальноукраїнську свідомість і філософію світосприйняття в межах передусім української та російської взаємозалежних мовних культур. Саме у зв'язку з цим виникає всеохоплююче нехтування нормами вимови та правопису і в українській, і в російській мовах. Ось як про це пише відомий мовознавець Олександр Пономарів: «...Матеріали наших засобів масової інформації засмічені надмірною кількістю невмотивованих чужих слів, ненормативними наголосами: *вип`адок, залоз`а, парал`іч, серед`ина, К`оваль...*; перекручуваними з погляду української фонетики й вимови витворами: *міш, зраски, калектар, апинився,*

чір'івна дівчина, Леоніт, касковий...; незграбними морфолого-синтаксичними побудовами: *поступають* (замість *надходять*) пропозиції, *п'ятидесяти, восьмидесяти* замість *п'ятдесяти, вісімдесяти, командувач миротворчими силами* (правильно – *командувач миротворчих сил*), *бігство* (треба *втеча*) від *воєн* та ін...» [7, с. 10-11]. Причину цих «мовних незграбностей» він вбачає в «зрусінні» мови під проводом Москви, за якою «...українська мова не виконувала функції рідної мови,... була непотрібним додатком до іншої, престижної мови... Обмеження, переслідування й заборони в різних імперіях особливо жорстокі в Московській» [7, с. 9]. Проте він не побачив національний бік сучасної української освіти, яка не враховує об'єктивні зміни в суспільстві та продовжує залишатися в межах абстрактного функціонування української мови. Її «реформування» обмежується, на жаль, політичними заходами та закликами до ізоляції української мови від російської та інших культур шляхом «українізації», наприклад, термінології (*виші, мерило, євро, очільник, юнка, летовище, гвинтокрил, відсоток*), яка не відповідає світовим тенденціям прагнення термінів до однозначності й інтернаціоналізації (*вузи, масштаб, євро, начальник, дівчина, аеродром, вертоліт, процент*).

Відхиляючи політичні гасла, які заганяють мовців різних регіонів України в глухий кут протистояння і не сприяють подоланню інтерференції, зупинімося на деяких методичних помилках і порадах щодо їхнього виправлення.

Фонетичні особливості. Порівняльний аналіз російської та української вимови (рос. *вада, м'от, столи, кроф', вьдавос, нарот* – укр. *вода, мед, стовб, кроў, водовоз, народ*) дозволяє стверджувати: сучасна російська фонетична система «вражена» редукцією та «оглушеністю» дзвінких приголосних, а українська фонетика (у межах статті ми не будемо торкатися винятків) у більшості випадків характеризується повною та чіткою вимовою незалежно від наголосу і позиції звуків у слові (тобто голосні звуки тут не змінюють свою якість, а дзвінки приголосні не оглушуються). Незнання цієї норми заважає пересічним громадянам і політикам вести діалог у межах адекватності (згадайте: *треба галасувати, попереднікі* замість *голосувати, попередники*). Ось чому правило, що *без-, роз-, від-, між-, через-* (*безсердечний, розчистити, відступити, міжколгоспний, черезмірний*) не мають в українській мові варіантів, лежить у площині фонетики, а не орфографії. До вимови належить і так зване «правило **птахофеки**» (*зчистити*, але *спитати, стверджувати, сказати*), бо перед зазначеними приголосними звуками вимова [з] неможлива.

Графічні особливості. Відмінність фонетик не може не позначитися на українському та російському алфавітах. Помилкова уявність, що вони майже збігаються, не відповідає дійсності, бо звукові системи в аналізованих мовах різні. Відтак, найголовнішою особливістю української графіки є її монофункціональність (на відміну від поліфункціональності російського алфавіту), що підтверджується на рівні багатьох букв і знаків.

Так, російські букви *е, ё, и, ъ* виконують від двох до п'яти функцій:

е – [‘е] (*день*), [э] (*цех*), [й’е] (*ель*);

ё – «ьо» (*лён*), «йо» (*Соловьёв*);

и – [и] (*ідеал*), [й’и] (*соловьи*), [ы] (*цирк*);

ь – показник м'якої вимови (*день*), морфологічний показник другої особи однини, наказового способу (*говоришь, режьте*), ж.р. 3-ї відміни однини (*речь, мышь*) і роздільної вимови (*бьют, вьюга*) разом з твердим знаком (*съесть*).

Проте в українському алфавіті кожна функція передається окремими буквами (або знаками):

е – *день, цех*, оскільки звук [‘е] в українській вимові практично відсутній: (за винятком слів типу *по-третє* або власних назв типу *Мешков*);

є – [й’е] (*Євген*);

ьо – *льон*;

йо – *Соловійов* (але за наявності «йо» апостроф зайвий);

і – *ідеал* (один звук – одна крапка);

ї [й’и] – *солов’ї* (два звуки – дві крапки);

и – *цирк*;

ь – фонетичний знак м’якої вимови (*кінь, Дьяков, пишуть*), а не морфологічний (тому у словах *говориш, ріжете, річ* він не ставиться);

’ – фонетична опозиція м’якому знакові, що передає тверду вимову (*б’ють, Х’юстон, миш’як, ад’ютант, Прокоф’єв, Руж’є, Лук’янченко*).

Усвідомлення монофункціональної специфіки українського алфавіту унеможлиблює помилки, які свідчать про недосконалість методики вивчення правил уживання **е, є, і, ї, ьо, йо, ь, ’** на основі морфологічного принципу правопису, характерного для російської мови (згадайте хоча б «Апостроф ставиться після губних та **р** перед **я, ю, є, ї** після префіксів на приголосний, у слові *Лук’ян*, у деяких словах іншомовного походження (що таке «деякі»?) «...після букв, що позначають губні приголосні, шиплячі, задньоязичні, **г, к, х** в основах слів при роздільній вимові» [4, с. 90]; «Звукосполучення «йо» вживається на початку слова...» [1, с. 43], начебто можна «ьо»? тощо).

Насправді при незрозумілості написання треба знайомити українського мовця не з правилами і винятками на основі букв і морфем, а з вимовою і правильною її передачею засобами монофункціонального алфавіту.

Особливості української орфографії. Специфіка фонетики та різна функціональна спрямованість алфавітів зумовлює й різну орфографію російських і українських текстів: у перших неясна вимова вимагає дотримання норм морфологічного правопису (це єдино можливий спосіб їхньої адекватності), а в других чітка вимова зумовлює пріоритетність фонетичного принципу правопису. Простота останнього, сутність якого полягає у спостереженні за власною вимовою (вимовляю і пишу, не вимовляю і не пишу) дозволяє уникнути переважної кількості помилок типу *Харцизськ, наданий, проїзні документи, організований* (треба *Харцизьк, наданий, проїзні документи, організований*) і переглянути більшість правил і винятків, які не діють в реальній практиці спілкування українською мовою як нерідною. До таких належать, зокрема, «Подовження і подвоєння», «Спрощення», «Чергування», які перебільшують значимість і можливості орфографії.

З цього погляду правила, що подвоєння відбувається між голосними перед **я, ю, є, ї**, у наголошених суфіксах **-енн-, -анн-**, або про те, що спрощення відбувається в буквосполученнях **-ждн-, -здн-, -стн-, -стл-, -скн-, -зкн-, -лиц-** тощо зумовлюють необхідність інших правил і винятків, які не існують з погляду вимови (наприклад, про чергування **о, е** з **а** або **и**, якщо за коренем йде суфікс **-а** (*горіти* – *гарячий*, *завмерти* – *завмирати*; про виняток у словах *лю, даний, наданий, випускний, скнара, скніти, кістлявий, нестливий* тощо).

Особливості української лексичної та граматичної систем. Для більшості тих, хто довгий час жив і живе в умовах білінгвізму, особливості української вимови стають врешті-решт зрозумілими та при наявності бажання в умовах активного діалогу не становлять труднощів. Набагато складнішою проблемою є вживання слів і граматичних конструкцій без помилок в умовах їхньої уявленої «однаковості». Проблема підсилюється через недостатню розробленість методики презентації культури українського мовлення, яка довгий час існувала в контексті російської, що за певних історичних обставин зумовило її відторгнення. Між тим така позиція не враховує реальну природу російсько-української (чи українсько-російської) інтерференції, оскільки на лексичному та граматичному рівнях тут немає яскраво виражених ознак рідної або іноземної мови. Ані російська, ані українська мова не сприймаються в умовах спорідненого білінгвізму «рідними» або «чужими», а відтак, помилки майже не відчуються як такі. За цих умов українсько-російське взаємопроникнення треба не ігнорувати або заперечувати, а підсилювати його на рівні усвідомлених знань про багатозначність російської мови, з одного боку, і, з іншого, про багатючі можливості української граматики та лексики. Методика спірання на поняття міжмовної синонімії якнайкраще підійде для усвідомленого сприйняття та врахування подібних явищ.

Порівняльний аналіз двох споріднених мов дозволяє зробити висновок про **підвищену граматичну та лексичну синонімію української мови**, яка здатна передавати найтонші нюанси значень будь-яких загальнономовних і наукових понять. Її суть полягає в тому, що в лексиці кожне нове значення передається новими словами (*учбовий літак* – тренажер, *навчальний корпус* – місце, де навчають; *Донецька область* – територія, *галузь виробництва* – сфера діяльності; *любити місто* – *кохати дівчину*; *кошти* – про гроші, *засоби* – технічні; *здібність* – розумова, *здатність* – оборонна, *спроможність* – купівельна), а в граматиці «синонімічні» варіанти закінчень або прийменників передають різні значення цілого слова:

місяця листопада, телефонного апарата, підійдїть до стола, метра – *пора листопаду, апарату Президента, йдїть до столу, періоду* (конкретність предметів, на які можна показати або встановити їхній точний вимір – абстрактність явищ або розмірів чи вимірів);

Донецька, Києва – *Амуру, Донбасу* (точковий – просторовий об'єкт на географічній карті);

декану фізичного факультету – *деканові факультету менеджменту* (розрізнення давального й родового відмінків для уникнення двозначності);

завідуючий складом – завідувач кафедри (орудний відмінок – йдеться про конкретні предмети виробництва, родовий відмінок – напрям роду діяльності);

рухатися по вулицях – пропустити заняття через хворобу, проректор з наукової роботи, пересилати поштою (М. в. – пряме значення напрямку руху до певного місця, інші форми – переносні значення з іншими прийменниками).

Ось чому незнання синонімічних багатств української мови через формулювання правил на основі вживань, а не пояснення граматичних синонімів (типу «закінчення -у у родовому відмінку іменників чоловічого роду другої відміни однини вживається на позначення явищ природи, почуттів, узагальнених об'єктів, речовини тощо») і перенесення багатозначних російських слів і понять на інший мовний ґрунт (прямий переклад, у тому числі, через комп'ютер) збіднює спілкування, знижує оцінку мовця учасниками діалогу до рівня примітивізму та збільшує можливість мовних непорозумінь. Йдеться про лексичні кальки з російської типу *учбовий корпус, співпадіння думок, задачі держави, обумовлено причинами, область виробництва, любі питання, я рахую, що...* (правильно *навчальний корпус, збіг думок, завдання держави, зумовлено причинами, галузь виробництва, будь-які питання, я вважаю*) і граматичні форми типу *завідуючий кафедрою, зробити до листопаду включно, інспектор по кадрам, декану факультету* (правильно *завідувач кафедри, зробити до листопаду включно, інспектор з кадрових питань, деканові факультету*), які не враховують такі суто «українські» явища, як лексичну та граматичну синонімію.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Усталений підхід до методики викладання мови на основі формальних показників безлічі вживань і немотивованого запам'ятовування правил і винятків не тільки не сприяє подоланню інтерференції, але й загострює її, призводячи до відторгнення будь-яких правил. Ось чому концептуальним є аксіоматичне твердження про те, що українську мову в умовах реального українсько-російського взаємовпливу треба вивчати в обов'язковому порівнянні з російською. Тільки визначивши усі елементи системних особливостей, можна зрозуміти природу багатьох помилок на рівні орфоєпії, орфографії, граматики, лексики й уникнути їхнього розповсюдження принаймні в літературній і професійній мові.

Список літератури

1. Козачук Г. О. Українська мова – для абітурієнтів: [навчальний посібник] / Г. О. Козачук. – К.: Вища школа, 2003. – 272 с.
2. Мозговой В. И. Національна мова як ідеологічна основа українознавства / В. И. Мозговой // Українізація і гуманізація освіти // Всеукраїнська науково-практична конференція. Тези доповідей: У 4-х частинах. Ч. 1 – Дніпропетровськ: Видавництво ДДУ, 1993. – С. 31-33.
3. Мозговой В. И. О месте и роли национального языка в эпоху научно-технической революции / В. И. Мозговой // Гуманитаризация и гуманизация профессионализма. Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции. – Ворошиловград: Гос. ком. СССР по нар. образованию, 1989. – С. 230-232.
4. Олійник О. Б. Українська мова: [підручник для 10-11 кл.] / О. Б. Олійник. – К.: Альфа, 1995. – 384 с.

5. Пахомов В. М. Ділове українське мовлення: [метод. посібник для слухачів системи перепідготовки та підвищення кваліфікації]. (Серія «навчально-методичні матеріали») / В. М. Пахомов. – Івано-Франківськ, 2003. – Випуск 12. – 84 с.
6. Плотницька І. М. Ділова українська мова. – 2-ге видання, перероблене та доповнене: [навч. посібник для студентів] / І. М. Плотницька. – К.: Центр навчальної літератури, 2004. – 256 с.
7. Пономарів О. Культура слова: Мовностилістичні поради. – 3-те вид., стереотип.: [навч. посібник] / О. Пономарів – К.: Либідь, 2008. – 240 с.

Мозговой В. И., Вергазова Л. Г. Практика обучения украинскому языку в контексте теории национального языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.219-224.

В статье рассматриваются функциональные аспекты обучения украинскому языку в контексте теории национального языка в сравнении с традиционной методикой, не учитывающей реальное состояние языков в Украине.

Ключевые слова: *национальный язык, государственный язык, фонетический принцип правописания, монофункциональность алфавита, грамматическая и лексическая синонимия.*

Mozgovoy V., Vergazova L. Practice of teaching Ukrainian in context of the theory of national language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.219-224.

In the article authors consider functional aspects of studying Ukrainian in context of the theory of national language in comparison with traditional methods, which don't correspond with the real condition of languages in Ukraine.

Key words: *natioanal language, state language, phonetical principle of spelling, monofunctionality of alphabet, grammatical and lexical synonymy.*

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 821.161.2'27 (075.8)

МЕТОДИКА ВИКЛАДАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ТА МОВНА РЕАЛЬНІСТЬ

Мозговий В. І.

*Навчально-науковий інститут «Вища школа економіки та менеджменту» ДВНЗ
«Донецький національний технічний університет», м. Донецьк, Україна*

У статті розглядаються причини та наслідки неадекватної методики викладання української мови, що не відповідає реальній національно-мовній ситуації в Україні, і пропонуються шляхи її удосконалення.

Ключові слова: *статус мов, державна мова, національна мова, мови національностей, методика викладання, компетентнісне навчання.*

Актуальність. Спостереження за функціонуванням української мови в різних сферах суспільного та громадського життя приводить спеціаліста-мовника та будь-якого пересічного громадянина, що опікуються проблемами культури, до сумного висновку про системну кризу мови і розхитаність норм на всіх її рівнях. Чого варті, наприклад, ніким і нічим не закріплені в мовленнєвій традиції більшості громадян і в літературній мові нововживання типу *иржа, шпиталь, шкандаль, катедра, мерило, лист`опад, зарплатня, летовище, совісти, б`юджет, виша, автівка, юнка, пихвознавець, евро, прем`єрка, коаліціант* тощо? Їхні витоки шукають, з одного боку, у вседозволеності сучасної демократії, а з іншого, у загальному краху традиційно «зрусищеної» мовної культури і державної політики, що нібито «не захищає рідну мову» і її «національний унікум» від впливу інших культур (передусім російської), Проте, зауважимо, що метод відсторонення від будь-яких культур, а тим більше боротьба з ними – це нонсенс, який немає нічого спільного з культурою. Отже, причину подібних явищ слід відшукувати не в зовнішніх процесах, а у внутрішній некомпетентності «авторів» подібних нововведень, від яких треба захищати не конкретну мовну культуру (українську, російську, кримсько-татарську чи будь-яку іншу), а мову як таку, яка страждає від політичного невігластва через необ'єктивну оцінку мовної ситуації в конкретному середовищі і політичних акцентів щодо статусу різних мов, існуючих у багатонаціональній Україні [1].

На жаль, *дослідження цієї складної проблеми* обмежується найчастіше публіцистичними гаслами, закликами до референдумів (хоча референдум при нерозумінні принципів статуювання мов лише підсилить внутрішній мовний конфлікт) або суб'єктивним трактуванням мовної ситуації в Україні. Окремі випадки вивчення порушень суспільно вироблених норм торкаються, як правило, формальної сторони зовнішнього взаємовпливу [2; 16; 17] або елементів мовної системи, найбільш «постраждалих» від мовної сваволі (наприклад, проблеми документальної передачі власних назв іншими мовами [7; 8; 11]), що не впливає суттєво на перегляд основ національно-мовної політики держави.

Мета статті полягає у комплексному аналізі причин неадекватної методики викладання мов, яка не відповідає сучасному стану мовної ситуації в Україні та зумовлює руйнування національно-мовної системи в конфліктному антилозі як в усному, так і писемному мовленні (окремі випадки цієї проблеми розглядалися під кутом зору Болонського процесу [12]).

Виклад матеріалу. У реальній практиці спілкування українською мовою виділяється всеохоплююча проблема мовної некомпетентності, що захопила в полон переважну більшість мовців. Ідеться не про названі вище штучні утворення, що продукуються окремими «патріотично свідомими особами» заради «чистоти української мови, що нібито страждає від російської експансії», а про неусвідомлені помилки, розповсюджені на всій території і в усіх верствах населення України (від Карпат до Криму; від учня до Президента), такі, наприклад, як **учбовий заклад, кохайте місто Миколаїв, обумовлено причинами, місяця листопаду, конкуретоздатний, область виробництва, Писарев, Новіков, Теплов, Д'яков, співпадіння думок, задачі держави, об'єм виробництва, я рахую, що...** (правильно: навчальний заклад, любіть місто Миколаїв, зумовлено причинами, місяця листопада, конкурентоспроможний, галузь виробництва, Писарев, Новиков, Теплов, Дьяков, збіг думок, завдання держави, обсяг виробництва, я вважаю, що...). Вони впливають з недосконалої методики викладання мов, що тим не менше спирається на законодавство. На думку політиків, стурбованих проблемою «єдності держави», а відтак, і авторів навчальних посібників і мовних законопроектів, аж до конституційних, державною мовою може бути тільки українська, а решта інших (передусім російська) – мовами національних меншин [4]. Між тим така категоричність суперечить об'єктивній природі мови, розвиток і стан якої залежить не від волі окремої особи і тим більше не від голосування залежно від симпатій і антипатій партій, депутатів, Президентів, блоків тощо, а від суспільної реальності.

Із цього погляду, якщо на теренах України більшість громадян розуміє і так або інакше може спілкуватися двома мовами (українською та російською), незалежно від своєї національності чи території проживання, значить, це об'єктивна реальність, яку треба зафіксувати юридично, надавши статус державних обом мовам (з виділенням української як державної офіційної, що юридично представлятиме державу на міжнародному рівні).

І з цього ж погляду, мовами національностей (а не «мовами національних меншин», бо це термін, який принижує гідність більшості громадян багатонаціональної країни) є мови компактного проживання людей певної національності у певних територіальних межах [6; 7; 9].

Отже, правова некомпетентність щодо статуювання мов при побудові методики їхнього викладання призводить до того, що предмет української мови і сутність її мовної системи стають розмитими: під ними розуміють або вивчення орфографії на морфологічній основі (бо в «рідній мові» вимова зрозуміла!) [13], або практику навчання діловому мовленню з елементами граматичних знань [14; 15] чи діловодства з його націленістю на складання документів [3; 18]. При цьому вважається, що українська мова як єдина державна є одночасно «рідною», а відтак, усі громадяни України користуються тільки нею при реалізації мислетвірної і комунікативної функцій (бо «мови національних меншин» обмежені територією проживання окремої національності, тому більшість їх не знає, і вони аж ніяк не

впливають на українську мову?!). Що стосується російської мови, то вона начебто зачіпає культуру українського мовлення ззовні, через те з нею треба боротися, а якщо й вивчати, то як іноземну зі знайомством з перекладеною російською літературою у межах зарубіжної.

Висновки. Таким чином, методика вивчення української мови як безумовно рідної, а російської як іноземної при свідомому чи неусвідомленому ігноруванні їхнього реального статусу обов'язково впливає на адекватність передусім українського спілкування, що перетворюється на збіднілий суржик, декодувати який досить важко при нерозумінні помилок самим мовцем, упевненим у своїй «українськості». Для виправлення ситуації, що межує з національною трагедією, необхідні цілком свідомі кроки політиків і державотворців, з одного боку, і педагогів-мовців – з іншого, назустріч одне одному. Перші мають прислухатися до думок науковців про будівничу природу функціонування мов у соціумі і закріпити їх у законах, а другі – замінити застарілий погляд на мову виключно як засіб спілкування на усвідомлення нового призначення сучасної мови як засобу спільності нації і структуризації суспільства, переглянувши у зв'язку з цим методику викладання мов (у першу чергу української та російської) на наступних принципах:

1. **Принцип синкретичної варіативності**, який в умовах багатомовної і багатонаціональної України заперечує методику вивчення української мови як «рідної». Інакше майже суцільна двомовність і регіональна багатомовність (об'єктивна реальність) у поєднанні з ідеальним вивченням української мови як рідної (суб'єктивна практика) постійно призводитиме до конфліктності діалогу у межах держави. Його можна позбутися тільки при порівняльному ознайомленні української мовної системи (як державної офіційної) з російською (як державної) і з мовами національностей у місцях їхнього розповсюдження. У цьому випадку традиційне вивчення української мови на рівні правил, що базуються на морфології слова або буквеній основі (згадайте хоча б тлумачення процесів подовження, подвоєння, спрощення, чергування, де йдеться про корені, суфікси, буквосполучення), має бути замінене на аналіз української вимови, що впливає на принципи української графіки й орфографії, побудовані на фонетиці (вимовляємо і пишемо – не вимовляємо і не пишемо): *Дьяков – Х'юстон, бульйон – бачим* (м'яка – тверда вимова); *завмерти – завмирати, чесний – кістлявий, Харцизьк, знання – знань, нескінч`енний – неск`інчений, безталанний – н`аданий* (за вимовою) тощо. Доцільним у зв'язку з цим стає орієнтація курсу не на знання, а на вміння і заміна акцентів прописної («так треба») або описової граматики («так є») на методику пояснювальної граматики («чому так?»).

2. **Принцип мовної компетентності**, що передбачає усвідомлення глибинних процесів у мові на довгій ниві її функціонування в різних суспільно-історичних реаліях і тільки в цьому контексті оволодіння українською орфоєпією, орфографією і пунктуацією. Обов'язковим елементом методики презентації курсу української мови у цьому випадку стає мова як система і мовлення як процес спілкування, а основним предметом розгляду – **національна мова як засіб спільності** нації (а не ідеальна українська мова; література, написана українською мовою; українське мовлення чи ділова українська мова), що може матеріалізовуватися в різних мовних системах і витворах національної культури (літературі, живописі, музиці тощо) як формах передачі національного мислетвірного процесу. Теоретичне розширення

матеріалу, з одного боку, і практична спрямованість предмета, з іншого, зумовить і нову архітектуру його організації: від визначення мови як найуніверсальнішого механізму спілкування і спільності нації через описання системи української мови шляхом її порівняння з російською до виділення «родзинок» на всіх її рівнях з метою застосування у практиці конкретного спілкування в усній і писемній формах.

3. Включення національно-культурної компоненти у структуру мовної підготовки. Оскільки мова є головним проявом і чинником цивілізаційної культури (націленість на позитивний діалог), яка виявляється в різних способах національного світосприйняття (національній мові), досягнення позитивного результату залежить від розуміння мовцем специфіки мови і її національно-культурного відображення в конкретному матеріально-історичному просторі. Ось чому для усвідомлення значущості національно-мовної картини світу у національній мові мають акцентуватися ті проблеми, які мають спільне звучання в державних мовах (у першу чергу) і мовах національностей, що формують і виражають психологію і філософію української нації, тобто в національній літературі в різних мовних формах, сучасній інтерпретації функціонування національних власних назв як історичної і соціально-правової категорії, у художньо-мистецьких, краєзнавчих, етнографічних, фольклорних і фразеологічних етюдах (наприклад, етимології назв місяців), що мають «відлуння» у спільних культурах народів України, уособлюючи в собі національну історію.

Перспективи подальшого дослідження. Незважаючи на те, що заявлена концепція вже презентується в авторських курсах і посібниках [5; 10], вона чекає на глибоку та глибинну її розробку на рівні теорії національної мови, на її наукову та громадську оцінку і закріплення в освітніх і державних документах після багатоваріантної методичної апробації (уточнення, розширення) в різних регіонах України.

Список літератури

1. Артемчук Г. І. Дві державні мови в Україні – це відмова від національно-мовного відродження українців / Г. І. Артемчук, В. М. Василенко // Актуальні проблеми перекладознавства та навчання перекладу в мовному вузі: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції Київського національного лінгвістичного університету, 27-28 вересня 2006 року. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2006. – С. 12-18.
2. Викладання українознавчих дисциплін в економічних і технічних вузах // Республіканська наук-мет. конф. Тези доповідей. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ управління по пресі, 1991. – 163 с.
3. Горбул О. Д. Ділова українська мова.: [навчальний посібник для студентів] // Д. І. Галузинська, Т. І. Ситнік, С. А. Яременко; За ред. О. Д. Горбула. 2-ге вид., випр. і доп. – К.: Центр навчальної літератури, 2004. – 256 с.
4. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. Стаття 10. – К.: Преса України, 1997. – 79 с.
5. Мозговий В. І. Ділова українська мова в державному управлінні. Курс професійного спілкування. – Видання друге: [навчальний посібник для магістрів державного управління] / В. І. Мозговий. – Донецьк: Технопарк ДонДТУ «УНІТЕХ», 2005. – 584 с.
6. Мозговий В. І. Методологія збереження руської культури засобами українського мови [Електронний ресурс] / В. І. Мозговий // Графская пристань. – 2007. – Режим доступу: www.grafskaya.com.
7. Мозговий В. І. Проблеми адекватності перекладу у зв'язку із сучасним статусом мов в Україні / В. І. Мозговий // Вісник Сумського державного університету. – 2007. – Т. 2 (3), № 1. – С. 135-140. – (Серія «Філологічні науки»).

8. Мозговий В. І. Російсько-український словник труднощів перекладу в контексті сьогодення / В. І. Мозговий // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна – 2007. – № 772. – Випуск 51. – С. 30-33. – (Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов»)
9. Мозговий В. І. Универсальность языка и вариативность русско-украинского языкового пространства / В. И. Мозговой // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Выпуск 12. – Симферополь: ЧП Артi – ЮК, 2009, с. 29-37.
10. Мозговий В. І. Українська мова мова у професійному спілкуванні. Модульний курс. – Видання 4-е. : [навч. посібник для студентів] / В. І. Мозговий. – К. : Центр навчальної літератури, 2010. – 592 с.
11. Мозговий В. І. Фононіми, морфони́ми, графони́ми, або методика передачі власних назв засобами спорідненої мови / В. І. Мозговий // Функциональная лингвистика: сборник научных работ / Крымский республиканский институт последипломного образования; научный редактор А. Н. Рудяков/ – Симферополь, 2010. – Том № 2. – С. 102-104.
12. Мозговий В. І. Форма і сутність методики викладання національної, державної і професійної мов у світлі Болонського процесу / В. І. Мозговий // Актуальні проблеми педагогіки: методологія, теорія і практика: Збірник наукових праць. – Горлівка: Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, 2006. – Випуск 3. Частина 2. – С. 27-36.
13. Олійник О. Б. Українська мова: [підручник для 10-11 кл.] / О. Б. Олійник. – К.: Альфа, 1995. – 384 с.
14. Пахомов В. М. Ділове українське мовлення: [метод. посібник для слухачів системи перепідготовки та підвищення кваліфікації] / В. М. Пахомов. – Івано-Франківськ, 2003. – Випуск 12. – 84 с. – (Серія «навчально-методичні матеріали»).
15. Плотницька І. М. Ділова українська мова. – 2-ге видання, перероблене та доповнене: [навч. посібник для студентів] / І. М. Плотницька. – К.: Центр навчальної літератури, 2004. – 256 с.
16. Проблеми утвердження і функціонування державної мови в Україні // Матеріали міжнародної наукової конференції 28-29 листопада 1996 року. – К.: Національний університет «Київсько-Могилянська академія», 1998 – 238 с.
17. Українізація і гуманізація освіти // Всеукраїнська науково-практична конференція. Тези доповідей: У 4-х частинах. – Дніпропетровськ: Видавництво ДДУ, 1993.
18. Шевчук С. В. Українське ділове мовлення: [навчальний посібник для студентів] / С. В. Шевчук. – К.: Літера ЛТД, 2002. – 480 с.

Мозговой В. И. Методика преподавания украинского языка и языковая реальность // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.225-229.

В статье рассматриваются причины и следствия неадекватной методики преподавания украинского языка, не соответствующей реальной национально-языковой ситуации в Украине, и предлагаются пути ее совершенствования.

Ключевые слова: *статус языков, государственный язык, национальный язык, языки национальностей, методика преподавания, компетентностное обучение.*

Mozgovoy V. Methods of teaching Ukrainian and language reality // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.225-229.

In the article author consider reasons and consequences of inadequate methods of teaching Ukrainan. There are propositions of its perfection as existing methods don't correspond with the real national and lingual situation in Ukraine.

Key words: *status of languages, state language, national language, languages of nationalities, teaching methods, competent studying.*

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 372.46: 81`246.2

СИСТЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ В БИЛИНГВАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Наталич О. И.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Студенческое научное общество «Полиглот», г. Симферополь, Украина*

В данной статье рассматриваются методические возможности реализации билингвального обучения посредством использования приема решения речемыслительных задач при обучении дисциплинам методического цикла.

Ключевые слова: *обучение на билингвальной основе, речемыслительные задачи, понятийно-лексические задачи, частно-методические задачи, ситуативно-тематические мыслительные задачи, координативный билингвизм, профессиональная подготовка учителя.*

В системе педагогического образования лингводидакты в последнее время выделяют еще один компонент, предполагающий формирование знаний, умений и навыков осуществления преподавательской деятельности в школах с двумя языками обучения. Актуальность и необходимость внедрения двуязычного обучения в Украине выдвинута известным лингводидактом И. Ф. Гудзик [1]. Разработкой методических основ двуязычного обучения в полиэтничном Крыму занимаются ученые, методисты Крымского инженерно-педагогического университета, Крымского научно-методического центра управления АПН Украины и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского [5].

Существенный вклад в методику билингвального обучения внесли Хорошковская О. Н., Салехова Л. Л., Девлетов Р. Р. и др.

Исследования этих ученых в основном посвящены изучению проблем двуязычного образования учащихся общеобразовательных школ. Проблеме профессиональной подготовки будущих учителей в школах с двуязычным обучением не уделено должного внимания. На наш взгляд, лингводидактическую подготовку целесообразно начинать с синхронного изучения дисциплин методического цикла («Методика преподавания русского языка в начальных классах» – МПРЯ и «Методика преподавания украинского языка в начальных классах» – МПУЯ) на двуязычной основе, так как именно на этих предметах формируются координативный билингвизм студента и знания, умения и навыки осуществления учительской деятельности в билингвальной среде.

Цель статьи – раскрыть прием решения речемыслительных задач во внедрении обучения на билингвальной основе при изучении дисциплин методического цикла.

Как известно, понятие «обучение на билингвальной основе» в педагогическом вузе может включать:

1. Обучение дисциплине и овладение студентом предметным знанием в определенной области на основе взаимосвязанного использования двух языков (русского и украинского) в качестве средств образовательной деятельности;

2. Обучение второму языку в процессе овладения определенным предметным знанием за счет взаимосвязанного использования двух языков (русского и украинского) и овладение украинским языком как средством образовательной деятельности;

3. Обучение украинскому языку с целью совершенствования коммуникативной компетенции в будущей профессиональной деятельности;

4. Изучение дисциплин методического цикла на основе взаимосвязанного использования языков (русского и украинского) с целью наполнения лингводидактической копилки будущего учителя начальных классов [3, с. 331].

Таким образом, двуязычное обучение является одновременно и средством получения двуязычного образования, и процессом формирования двуязычной личности, открытой к взаимодействию и конкурентоспособной в различных регионах в профессиональной сфере общения.

Современная лингводидактика находится в постоянном поиске путей оптимизации подготовки будущих учителей языкового цикла в начальной школе. В процессе нашего исследования был проведен сравнительный анализ учебно-методического комплекса дисциплин МПРЯ и МПУЯ, и на его основании было выявлено 16 сквозных тем.

Экспериментально установлено, что объединению мышления и речи в процессе билингвального обучения дисциплинам методического цикла способствует приём решения речемыслительных задач. Под этим мы понимаем способ, при помощи которого учебная ситуация общения реализуется на лекционных и практических занятиях по МПРЯ и МПУЯ с целью формирования у студента координативного билингвизма, и лингводидактической подготовки его к профессиональной деятельности в школах с двумя языками обучения.

В процессе применения данного приема мы наблюдаем:

1. Мыслительная деятельность направлена на языковой предмет;
2. Речь отрабатывается на умственных действиях;
3. Достигается автоматизм речевого действия;
4. Умственные и речевые действия поддаются контролю со стороны преподавателя за счет их предопределенности.

В процессе билингвального обучения дисциплинам методического цикла находят применение речемыслительные задачи разного типа, которые мы условно разделили:

1. Понятийно-лексические задачи / понятійно-лексичні завдання;
2. Частно-методические задачи / частково-методичні завдання;
3. Ситуативно-тематические мыслительные задачи / ситуативно-тематичні розумові завдання.

Понятийно-лексические задачи дают возможность введения новых понятий и их семантизации. Существенным признаком данного способа введения понятий и соответствующих терминов является момент их беспереводного понимания, которое должно быть результатом не только установления ассоциативных связей между незнакомым словом и символом или предметной и действенной наглядностью, но и

результатом активной познавательной деятельности. Для достижения этой цели необходимо раскрывать вводимые понятия в логическом развитии тех знакомых явлений и понятий, сущность которых обобщается в новом понятии. Опираясь на предшествующий опыт, с помощью нескольких вводных предложений мы направляем мышление студентов на изучаемую сквозную для МПРЯ и МПУЯ тему. Далее за вводными предложениями непосредственно следует предложение – задача с незнакомыми понятиями. Решить её студенту нетрудно, если она адекватна уровню его мышления, в частности лингвометодического, и дидактически построена по принципу доступности и научности.

Так, при изучении «новой билингвальной темы» студенту приходится последовательно решать множество *понятийно-лексических задач*, так как объяснение лингводидактического материала имеет свою логическую последовательность и структуру. Продемонстрируем ряд понятийно-лексических задач, возникающих при изучении темы «Методика изучения морфемного состава слова» / «Методика вивчення морфемного складу слова». В процессе решения понятийно-лексических задач студенты беспрепятственно понимают значение некоторых новых методических терминов, если необходимо, делают записи перевода в словарь, но самое важное, что они запоминают и синхронно обогащают свой словарный запас лингводидактическими понятиями и терминами как на русском, так и на украинском языках.

Упражнения на решение студентами понятийно-лексических задач могут быть выражены в следующей формулировке заданий:

1. Ознакомьтесь с базовыми понятиями к теме «Методика изучения морфемного состава слова» / «Методика вивчення морфемного складу слова»:

Аффикс	<i>Афікс</i>
Корень	<i>Корінь</i>
Многозначность	<i>Багатозначність</i>
Морфема	<i>Морфема</i>
Морфемный состав	<i>Морфемний склад</i>
Навыки правописания морфем	<i>Навички правопису морфем</i>
Образование слов	<i>Утворення слів</i>
Однокоренные слова	<i>Однокореневі слова</i>
Основа слова	<i>Основа слова</i>
Осознание роли морфем в слове	<i>Усвідомлення ролі морфем у слові</i>
Префикс	<i>Префікс</i>
Производное слово	<i>Похідне слово</i>
Семантико-структурные связи	<i>Семантико-структурні зв'язки</i>
Семантическая общность	<i>Семантична спільність</i>
Семантическое родство	<i>Семантична спорідненість</i>
Слияние морфем	<i>Злиття морфем</i>
Словообразование	<i>Словотвір</i>
Состав слова	<i>Склад слова</i>
Суффикс	<i>Суфікс</i>
Флексия	<i>Флексія</i>
Членение слова на морфемы [2]	<i>Членування слова на морфемі</i>

**СИСТЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ В БИЛИНГВАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ**

2. Ознайомтесь з базовими поняттями до теми «Методика вивчення морфемного складу слова» / «Методика изучения морфемного состава слова»:

<i>Афікс</i>	Аффикс
<i>Корінь</i>	Корень
<i>Багатозначність</i>	Многозначность
<i>Морфема</i>	Морфема
<i>Морфемний склад</i>	Морфемный состав
<i>Навички правопису морфем</i>	Навыки правописания морфем
<i>Утворення слів</i>	Образование слов
<i>Однокореневі слова</i>	Однокоренные слова
<i>Основа слова</i>	Основа слова
<i>Усвідомлення ролі морфем у слові</i>	Осознание роли морфем в слове
<i>Префікс</i>	Префикс
<i>Похідне слово</i>	Производное слово
<i>Семантико-структурні зв'язки</i>	Семантико-структурные связи
<i>Семантична спільність</i>	Семантическая общность
<i>Семантична спорідненість</i>	Семантическое родство
<i>Злиття морфем</i>	Слияние морфем
<i>Словотвір</i>	Словообразование
<i>Склад слова</i>	Состав слова
<i>Суфікс</i>	Суффикс
<i>Флексія</i>	Флексия
<i>Членування слова на морфемі</i>	Членение слова на морфемы

3. Перекладіть російською (українською) мовою / *Переведите на русский (украинский) язык:*

<i>Багатозначність</i>	
<i>Злиття морфем</i>	
<i>Семантична спільність</i>	
<i>Усвідомлення ролі морфем у слові</i>	

4. З'єднайте стрілками правильно перекладені терміни / *Соедините стрелками правильно переведенные термины:*

<i>Похідне слово</i>	Окончание
<i>Закінчення</i>	Образование слов
<i>Утворення слів</i>	Производное слово
<i>Інтерфікс</i>	Семантико-структурные связи
<i>Семантико-структурні зв'язки</i>	Интерфикс

5. Складіть словосполучення з даними словами та перекладіть їх українською (російською) мовою / *Составьте словосочетания с данными словами и переведите их на украинский (русский) язык / Составьте словосполучення з поданими словами та перекладіть їх українською (російською) мовою:*

<i>Слово</i>	<i>Словосочетание на русском языке</i>	<i>Словосполучення українською мовою</i>
корень		
члененение		
родство		
морфема		

6. Составьте с данными словосочетаниями предложения, переведите их на украинский язык и разместите их в таблицу / *Складіть з даними словосполученнями речення та перекладіть їх українською мовою:*

(а. – для выполнения данного задания могут быть использованы словосочетания из задания № 5)

7. Восстановите текст, вставьте вместо точек подходящие по смыслу слова и словосочетания / *Відновіть текст, уставте замість крапок слова та словосполучення, які підходять за змістом:*

<p>В процессе ознакомления учащихся с однокоренными словами складываются и их первоначальные представления о _____ как значимых частях слова. Это относится не только к корню, но и к _____, суффиксу. Такая взаимосвязь в изучении _____ слов и морфем является естественной, поскольку как сходство, так и _____ однокоренных слов между собой обусловлены их составом [4, с. 267].</p>	<p>У процесі ознайомлення учнів з однокореневими словами складаються й їх початкові уявлення о морфемах як значущих _____ слова. Це відноситься не тільки до кореня, а й до приставки, _____. Такий взаємозв'язок у вивченні однокореневих _____ і морфем є природним, оскільки як подібність, так і відмінність _____ слів між собою обумовлені їх складом.</p>
---	--

Следует отметить, что использование этих заданий эффективно как на лекционных, так и на практических занятиях по МПРЯ и МПУЯ.

Выводы. Таким образом, в процессе билингвального изучения сквозной для МПРЯ и МПУЯ темы и решения понятийно-лексических задач у студентов активно формируются знания, умения и навыки работы в школе, развиваются и совершенствуются методические и коммуникативные навыки, формируется координативный билингвизм, что существенно улучшает профессиональную подготовку будущих учителей.

Объем данной статьи не позволяет описать все типы речемыслительных задач. В *перспективе* будут освещены следующие два типа – частно-методические задачи / частково-методичні завдання и ситуативно-тематические мыслительные задачи / ситуативно-тематичні розумові завдання.

Список литературы

1. Гудзик І. П. Модель переходу з російської мови навчання на українську / І. П. Гудзик // Початкова школа. – 2000. – №2. – С.38-41.
2. Девлетов Р. Р. Русско-украинско-крымскотатарский лингводидактический словарь / Р. Р. Девлетов. – Издательство «ОДЖАКЪ», 2010. – 169 с.
3. Наталич О. И. Лингводидактические основы билингвального обучения дисциплинам методического цикла будущих учителей начальных классов / О. И. Наталич // Ученые записки

- Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Серия «Филология. Социальные коммуникации»). – Том 23 (62). – 2010. – № 2. Часть 2. – С. 330-333.
4. Рамзаева Т. Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах: [учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения»] / Т. Г. Рамзаева, М. Р. Львов. – М.: Просвещение, 1979. – 431 с., ил.
 5. Чубукова Д. И. Обучение на билингвальной основе как базовый компонент в системе современного языкового образования [Электронный ресурс] / Д. И. Чубукова. – Режим доступа к журн: <http://rspu.edu.ru/li/journal/tschubukowa.billing.htm>.

Наталіч О. І. Система використання мовленнєворозумових завдань при підготовці студентів до роботи в білінгвальних умовах // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.230-235.

У даній статті розглядаються методичні можливості реалізації білінгвального навчання за допомогою використання прийому рішення мовленнєворозумових завдань при навчанні дисциплін методичного циклу.

Ключові слова: *навчання на білінгвальній основі, мовленнєворозумові завдання, понятійно-лексичні завдання, частково-методичні завдання, ситуативно-тематичні розумові завдання, координативний білінгвізм, професійна підготовка вчителя.*

Natalich O. I. The system of using of speechthinking tasks in the training students to work in a bilingual conditions // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.230-235.

This article discusses the methodological feasibility of bilingual education through the use of methods of solving speechthinking tasks in teaching disciplines of methodical cycle.

Key words: *learning by bilingual basis, speechthinking tasks, conceptually lexical tasks, particular methodological tasks, situational-thematic thinking tasks, coordinates bilingualism, teacher training.*

Поступила в редакцію 15.04.2011 з.

УДК 811.111: 373.3 : 81'246.2 = 161.1 = 161.2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Шеремет О.В.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Студенческое научное общество «Полиглот», г. Симферополь, Украина*

В статье представлены сопоставительные упражнения по формированию произносительных навыков английской речи учащихся младших классов в условиях украинско-русского билингвизма и рассмотрены стадии начального этапа данного процесса.

Ключевые слова: *компетентностный подход, сопоставительные упражнения, произносительные навыки, синхронное изучение языков, стадии формирования навыков.*

Актуальность. В настоящее время раннее обучение иностранным языкам постепенно входит как составной компонент в современную систему украинского образования. Программа начальной школы предусматривает синхронное изучение учащимися нескольких языков.

Компетентностный подход к обучению предметам языкового цикла предполагает поиск новых методических путей эффективного обучения английскому языку, особенно формированию произносительных навыков английской речи на начальном этапе в условиях русско-украинского двуязычия, которые предусматривают формирование у учащихся ключевых компетенций: 1) коммуникативной; 2) языковой; 3) лингвистической; 4) социокультурной [1, с. 17].

Необходимость формирования и развития произносительных навыков в методике преподавания иностранного языка на начальном этапе обучения научно обоснованы в трудах лингводидактов Нагневичкой Е. И., Пассова Е. И., Гвоздева А. М., Вайнрайха У., Имедадзе Н. В., Тихоновой Р. М., Пашковской Н. А., Вашуленко М. С., Хорошковской О. Н., Девлетова Р. Р., Анафиевой Э. Р. и др. Однако эта проблема в условиях синхронного изучения нескольких языков не является достаточно изученной, особенно не рассмотрены роль, функции и возможности сопоставительных орфоэпических упражнений, хотя некоторые ее аспекты освещены в работах Роман С. В., Девлетова Р. Р., Григоряна С. Т.

В последнее время проблемой билингвального и мультилингвального изучения в лингвистическом и методическом аспектах активно занимаются ученые Научно-методического центра управления образованием и АПН Украины и ТНУ им. В. И. Вернадского под руководством Богданович Г. Ю.

Анализ учебно-методической литературы позволяет констатировать тот факт, что разработке и апробации сопоставительных упражнений в условиях русско-

украинского билингвизма в методике не уделяется должное внимание. Этим фактом определена *актуальность* нашей работы.

Целью данной статьи является разработка, апробация и выявление роли, функции и возможностей сопоставительных упражнений по формированию произносительных навыков английской речи учащихся в условиях синхронного изучения английского, русского и украинского языков на начальном этапе обучения.

В процессе работы нами использовались следующие *методы*: 1) изучение и анализ психолого-педагогической, лингвистической, лингводидактической литературы по исследуемой проблеме; 2) сравнение орфоэпических систем английского, русского и украинского языков в учебных целях; 3) учебный перевод; 4) моделирование.

В современной методике становления произносительных навыков в процессе изучения английского языка выделяют 2 этапа: *этап формирования и этап развития* [3, с. 32]. Каждый из этих этапов состоит из определенных стадий. Так, например, первый этап включает в себя следующие стадии:

I «Восприятие-ознакомление». На этой стадии у учащихся формируются базовые ЗУН:

1) Восприятия на слух звуков в именах собственных за счет их максимальной приближенности по своему образованию, звучанию и произношению к звукам родного языка; у учащихся формируется умение заменять звуки английского языка наиболее близкими к ним звуками украинского и русского языков (аппроксимированное произношение).

На данной стадии методически целесообразными, на наш взгляд, являются упражнения следующего типа:

- *Послушайте, произнесите и сравните произношение данных имен на английском, русском и украинском языках:*

Таблица 1.

<i>На английском языке</i>	На русском языке	На украинском языке
Katya [katja]	Катя	Катя
Vova [vova]	Вова	Вова
Polly [ˈpɒli]	Полли	Поллі
Daniel [ˈdenjəl]	Даниил	Даниїл

2) Восприятия на слух отдельных английских звуков дальней и ближней групп.

Учащимся предлагаются упражнения такого типа, которые можно выполнять в два действия:

- *1. Послушай звуки. Хлопни в ладоши, когда услышишь согласный звук [θ]: [u], [e], [θ], [o], [θ], [a], [θ].*
- *2. Сколько раз произносился согласный звук [θ]? Определи сходные и различные по звучанию звуки. Сколько раз произносился согласный звук [θ].*
- *Послушай звуки. Подними карточку, если услышишь русский звук, с которым можно сравнить произношение английского звука [θ].*
[θ] = [ф], [θ] = [з],
[θ] = [с], [θ] = [в].

Вторая стадия в методике получила название «Имитация». Здесь у учащихся формируются следующие произносительные ЗУН:

1) Повторение за диктором или учителем (сначала индивидуально, затем хором) отдельных звуков, слогов и слов сначала шепотом, потом вслух.

Результаты опытно-экспериментального обучения позволили констатировать методическую целесообразность следующих типов упражнений:

- *Послушай и повтори за учителем звук [r]. «Подружи» этот звук со звуками [o], [a], [e], [u]. Послушай, как это сделал учитель, и повтори за ним слоги. Сравни звучание английского [r] и русского звуков [p] в слогах:*

[ro], [ra], [re], [ru]	[po], [pa], [pe],[py]
[re], [ro], [ra], [ru]	[pe], [po], [pa], [py]
[ru], [ra], [re], [ro]	[py], [pa], [pe], [po]

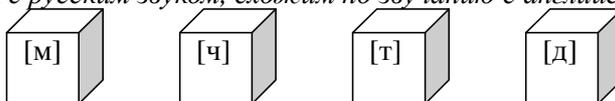
- *Послушай и повтори английские слова. Сравни в них звучание слогов, в которых есть английский [r] и русский [p]:*

Таблица 2.

На английском языке	На русском языке
robot ['roubɒt]	робот
rub [rʌb]	раб
record [rekɔ:d]	рекорд
ruby [ru:bi]	рубин

2) Учащимся демонстрируется транскрипция звуков. Приведем пример упражнений, использующихся на данной стадии:

- *Послушай, как учитель произносит звук [t], и запомни, каким транскрипционным значком этот звук обозначается на письме. Повтори его. Закрась кубик с русским звуком, схожим по звучанию с английским звуком [t].*

На третьей стадии «Дифференциация-осмысление» формируются такие орфоэпические ЗУН:

1) Детальное сравнение акустики, артикуляции и произношения английских звуков дальней и ближней групп со звуками украинского и русского языков, выявление их существенных характеристик в сравнении со звуками русского и украинского языков.

Наибольшая эффективность на данной стадии отмечалась при использовании следующих типов упражнений:

- *Напиши букву H h. Запомни, как она называется [eɪ] и какой звук передаёт [h]. С каким украинским и русским согласным звуком можно сравнить английский звук [h]?*

hamster [hʌmstə] – хомяк – хом'як;
hall [hɔ:l] – холл – хол;
hut [hʌt] – хижина – хатина.

- *Послушай слова. Повтори их вслух. Обрати внимание на акустику и произношение английского [p], русского и украинского звуков [п]. Какой звук произносится энергичнее?:*

park – парк soup – суп
sport – спорт palm – пальма

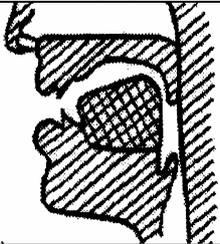
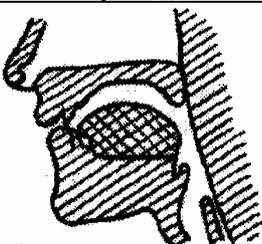
2) Знакомятся с особенностями артикуляции, акустики и произношения английских звуков в сопоставлении со звуками русского и украинского языков.

При обучении английскому языку необходимо учитывать закономерности усвоения иноязычной речи, изученные известными психолингвистами Федоренко Л. П., Пассовым Е. И. [5, с. 28]. Они выделили шесть закономерностей, среди которых для нас наиболее существенными являются следующие: 1) речь усваивается, если приобретает способность управлять мускулатурой речевого аппарата, координировать речедвигательные и слуховые ощущения; 2) речь усваивается, если она сопоставляется с уже усвоенной устной речью [5, с. 384].

Одним из методических условий успешного выполнения учащимися таких упражнений является создание и использование сопоставительных таблиц, в которых демонстрируется работа органов речи.

Например, при изучении и усвоении звука [w] можно использовать следующую таблицу:

Таблица 3.

<i>Работа органов речи при образовании английского звука [w]</i>	<i>Работа органов речи при образовании русского звука [в]</i>
	
<p>При образовании звука [w]:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) <i>губы</i> вначале сомкнуты, затем приоткрываются, слегка выпячиваясь и сильно округляются образуя узкую, круглую щель; 2) <i>выдыхаемый воздух</i>, проходя через эту щель, заставляет губы слегка вибрировать; 3) <i>задняя часть языка</i> сильно приподнята по направлению к мягкому небу. Необходимо следить, чтобы верхние зубы не касались нижней губы, иначе получится звук [v]. 	<p>При образовании звука [в]:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) <i>нижняя губа</i> приближается к верхним зубам, отчего получается щель. 2) <i>кончик языка</i> находится около нижней части нижних передних зубов; 3) <i>спинка языка</i> отодвинута назад; 4) <i>воздушная струя</i> выдыхаемого воздуха проходит посередине языка;

3) Выполняют упражнения, направленные на различение схожих английских, русских и украинских звуков, звукосочетаний и слов:

- *Послушай пары слов. Определи, какое из них произносится по-английски. Произношение каких звуков показывает различия?*

football – футбол;

disk – диск;

look – лук;

boy – бой;

player – плеер;

hall – холл;

Использование таких типов упражнений на этапе формирования произносительных навыков английской речи учащихся начальных классов дает возможность успешно решать задачи по становлению и развитию акустических и артикуляционных знаний и умений учащихся.

Выводы. Формирование произносительных навыков английской речи младшеклассников рассматривается как составляющий компонент языковой, коммуникативной, лингвистической, социокультурной компетенции. Необходимым условием становления произносительных ЗУН является учет стадий формирования произносительных навыков, закономерностей усвоения иноязычной речи, а также применение сопоставительных упражнений, способствующих оптимизации обучения английскому языку на начальном этапе.

В перспективе наше исследование будет посвящено изучению стадий формирования орфоэпических навыков на *этапе развития* и разработке сопоставительных упражнений и заданий в условиях синхронного изучения английского, русского и украинского языков в начальной школе.

Список литературы

1. Девлетов Р. Р. Сопоставление как методический приём при обучении русскому языку учащихся национальной школы в условиях формирования национально-русского двуязычия / Р.Р.Девлетов // Автореф. канд. дисс. – М., 1991. – С. 37-42.
2. Корчажкина О. М. Мои любимые звуки: Фонетико-орфографический справочник английского языка / под общ. ред. доц. Тихоновой Р. М. / О. М. Корчажкина, Р. М. Тихонова – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 42 с.
3. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Изд: Русский язык, 1989. – 32 с.
4. Роман С. В. Методика навчання аглійській мові у початковій школі: [навч. посібник] / С. В. Роман. – К.: Ленвіт, 2005. – 208 с.
5. Федоренко Л. П. Закономерности усвоения родной речи / Л. П. Федоренко. – М.: ВЛАДОС, 1984. – 384 с.

Шеремет О.В. Зіставні вправи з формування вимовних навичок англійського мовлення учнів початкових класів в умовах білінгвального вивчення // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.236-240.

У статті наведені зіставні вправи з формування вимовних навичок англійського мовлення учнів молодших класів в умовах українсько-російського білінгвізму і розглянуто стадії початкового етапу даного процесу.

Ключові слова: компетентністний підхід, зіставні вправи, вимовні навички, синхронне вивчення мов, стадії формування навичок.

Sheremet O.V. Comparative exercises in forming articulatory habits of English speech in conditions of bilingual teaching in primary schools // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.236-240.

The article is devoted to the problem of forming articulatory habits of English speech in the conditions of bilingual teaching in primary schools. It also deals with comparable exercises in forming these habits according to the stages of this process.

Key words: competent approach, comparable exercises, articulatory habits, synchronous learning of languages, stages of forming habits.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811:161.1: 81'272

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ» (ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ)

Яценко Т. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Статья посвящена изложению концепции нового авторского учебного пособия «Лингвокультурология». Пособие предназначено для иностранных студентов-филологов и направлено на формирование их лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: учебное пособие, лингвокультурология, лингвокультурологическая компетенция.

В первом десятилетии XXI века появился целый ряд фундаментальных и оригинальных учебников и учебных пособий по лингвокультурологии (В. А. Маслова, 2001; В. В. Красных, 2002; Г. Ю. Богданович, 2002; В. Кононенко, 2008; В. В. Воробьев, 2008; Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков, 2009; А. Т. Хроленко, 2009; Н. Ф. Алефиренко, 2010 и др.), которые базируются на научных доктринах современной лингвистики, этнопсихолингвистики, психологии, когнитологии и культурологии в их взаимодействии и взаимовлиянии.

Эти учебные пособия предназначены для магистрантов филологических направлений, магистрантов-культурологов, для студентов отделения «русский язык как иностранный», а также для аспирантов, преподавателей русского языка, культурологии и для всех читателей, которые интересуются взаимосвязью языка и культуры.

Среди адресатов не названы иностранные студенты и магистранты – филологи, которым, возможно, предстоит преподавание этого курса у себя на родине параллельно с преподаванием русского языка. Между тем, данным учащимся в соответствии с учебным планом читаются курсы культурологи и лингвокультурологии.

В статье излагаются основные принципы построения учебного пособия по лингвокультурологии [4], ориентированного, прежде всего, именно на этот контингент учащихся, в чем и заключаются *новизна* и *актуальность* исследования. Учебное пособие создано с учетом новой концепции в преподавании иностранных языков, в соответствии с которой на первый план выдвигается соизучение языка и культуры и даже изучение культуры через язык.

Цель статьи: представление основных концептуальных положений и их реализация в авторском учебном пособии по лингвокультурологии для иностранных студентов, обучающихся в вузах Украины.

Ориентация пособия на указанный контингент учащихся обуславливает следующие его характеристики: 1) особенности метаязыка; 2) наличие обширного терминологического словаря; 3) включение комментариев страноведческого и культурологического характера; 4) наличие эвристических заданий, направленных на педагогизацию учебного процесса, формирование лингвокультурологической компетенции и учитывающих этнопсихолингвистические особенности контингента студентов; 5) реализация лингвокультурологического подхода не только к лексическому, дискурсивному, но и к грамматическому материалу.

Учебное пособие знакомит учащихся с основными теоретическими положениями лингвокультурологии как учебной дисциплины, с известными исследованиями в этой области, а также предлагает некоторые практические способы решения актуальных задач при подготовке иностранных филологов-русистов.

Его материалы могут быть отчасти использованы на занятиях по русскому языку с иностранными студентами, обучающимися на нефилологических факультетах. Книга может быть полезной и для преподавателей, читающих курс лингвокультурологии и ведущих курс русского языка как иностранного.

Учебное пособие направлено на формирование «лингвокультурологической компетенции» (термин В. В. Воробьева) [2] иностранных студентов, изучающих русский язык. Формирование лингвокультурологической компетенции понимается нами не только как овладение системой реальных разносторонних знаний о национальной культуре, воплощенных в языке, но и как решение прагматических задач изучения учебного курса, теоретические положения и материалы которого могут найти применение в различных аспектах будущей профессиональной деятельности выпускников университета.

Изложение теоретического материала, содержание эвристических вопросов и заданий разных типов, ориентировано на следующие направления профессиональной деятельности:

1. Научно-исследовательская работа;
2. Педагогическая деятельность, включающая преподавание не только русского, но и других иностранных языков;
3. Профессиональная переводческая деятельность (устный и письменный перевод);
4. Лексикографическая работа;

Учебное пособие носит универсальный характер, но в то же время учитывает лингвокультурологическую и социолингвистическую региональную специфику Крыма, а именно:

1. Изучение иностранными студентами двух славянских языков: русского как языка специальности и украинского как государственного языка;
2. Целесообразность не только представления, но и сравнения русской и украинской лингвокультур;
3. Выразительная представленность крымскотатарской лингвокультуры; использование украинизмов и тюркизмов в различных русскоязычных дискурсах;

4. Историческая и современная «полилингвокультурность» крима (понятие разработано г. Ю. Богданович) [1], которая находит активное выражение в ономастической лексике, прежде всего в андронимах, топонимах и прагматонимах.

Пособие состоит из введения, шести разделов, заключения, терминологического словаря, списка литературы.

После каждого из разделов даются вопросы для самопроверки, задания для самостоятельной работы, эвристические вопросы и задания, список рекомендуемой литературы (основной и дополнительной). Полный список литературы, использованной при написании учебного пособия, приводится в конце книги. Терминологический словарь относится ко всем разделам книги. В тексте учебного пособия графически выделяются термины, которые представлены в терминологическом словаре.

Продемонстрируем принцип построения заданий для самостоятельной и креативной работы на конкретном материале второго раздела учебного пособия.

Раздел 2. «Место лингвокультурологии в ряду смежных дисциплин» включает следующие подразделы: 2.1. Связь лингвокультурологии с культурологией и лингвистикой; 2.2. Лингвокультурология и лингвострановедение; 2.3. Лингвокультурология – этнолингвистика – этнопсихоллингвистика; 2.4. Лингвокультурология – социоллингвистика – межкультурная коммуникация; 2.5. Лингвокультурология и лингводидактика. Студентам предлагаются следующие эвристические вопросы и задания, а также креативные формы работы, направленные на формирование лингвокультурологической и педагогической компетенций, включая формирование умений в области сопоставления различных лингвокультур.

Задание 1. Ознакомьтесь с различными точками зрения по поводу соотношения лингвокультурологии и лингвострановедения. К какой точке зрения Вы присоединяетесь? Аргументируйте свою позицию.

Задание 2. Ознакомьтесь с содержанием фрагментов книги Г. Ю. Богданович о соотношении лингвокультурологии и социоллингвистики, о языковой ситуации в Крыму. Для обсуждения предлагаются следующие вопросы: 1. Почему автор считает, что лингвокультурологию и социоллингвистику не следует считать «принципиально разными наукам»? Согласны ли Вы с такой точкой зрения? Аргументируйте свою позицию. 2. Какова роль социоллингвистических наблюдений при анализе языковой личности? 3. Как определяет автор связь между языком и культурой? 4. В чем заключаются особенности языковой ситуации в Крыму?

После обсуждения данных вопросов студентам предлагаются творческие задания: 1. Расскажите о своих личных наблюдениях по поводу языковой ситуации в Крыму. 2. Расскажите об особенностях языковой ситуации в своей родной стране (в одном из регионов страны) или в любой другой стране, с которой Вы знакомы.

Задание 3. Ознакомьтесь с характеристиками особенностей коммуникации в восточных и западных культурах, которые приводятся в учебнике «Основы межкультурной коммуникации» Т. Г. Грушевицкой, В. Д. Попкова, А. П. Садохина [3]. После ознакомления с текстом предлагаются следующие вопросы для дискуссии:

1. Встречались ли Вы в своей практике общения с представителями других культур с теми особенностями речевого поведения, о которых пишут авторы учебника? Приведите, пожалуйста, конкретные примеры.

2. К какому типу речевого поведения (восточному или западному) находится ближе русская культура коммуникации?

3. Вы согласны с тем, что для восточных культур в большей степени, чем для западных, важны социальные отношения между участниками коммуникации? Если Вы не согласны с этим, аргументируйте свою точку зрения.

4. Приведите, пожалуйста, примеры диалогов, которые иллюстрируют Вашу точку зрения на совпадение или несовпадение правил коммуникации в восточных и западных культурах.

5. Считаете ли Вы правильным разграничение *искусного*, *точного* и *сжатого* стилей коммуникации?

6. Какой стиль коммуникации наиболее характерен для Вашего родного языка и культуры? Приведите, пожалуйста, примеры на материале речевого этикета.

7. Какие особенности речевого общения, с Вашей точки зрения, наиболее характерны для русского языка и культуры?

8. Что больше всего удивило Вас в особенностях русского речевого этикета?

9. Если Вы будете преподавать русский язык, то на какие правила русского речевого этикета Вы обратите **особое** внимание?

10. На какие особенности русского речевого этикета Вы обратите особое внимание при переводе русских текстов на родной язык?

11. Почему для успешности международного бизнеса важно знание особенностей национального речевого поведения?

Как показывает педагогический опыт, задания такого типа выполняются учащимися с большим интересом и развивают их творческие способности.

Концепция и учебные материалы, предлагаемые в учебном пособии, прошли апробацию в читаемых автором лекционном курсе «Методика преподавания русского языка как иностранного» (для бакалавров факультета славянской филологии и журналистики), в рамках спецкурсов «Лингвокультурологический аспект в преподавании русского языка как иностранного», «Соизучение языка и культуры на занятиях по русскому языку как иностранному» (для магистров факультета славянской филологии и журналистики), а также при руководстве написанием курсовых, дипломных и магистерских работ.

Материалы курса апробированы также в семестровом учебном курсе «История русской цивилизации и культуры», прочитанном в 2008 г. для студентов Вилламетского университета (США, штат Орегон); на спецсеминарах по русскому речевому этикету и по фразеологии, проведенных в 2001 и 2003 гг. в рамках международного семинара русского языка (г. Тиммендорферштранде, Германия); на интенсивных курсах обучения русскому языку как иностранному в ТНУ для учащихся из Германии, Швейцарии и Греции.

Выводы.

1. Учебное пособие по лингвокультурологии для иностранных студентов базируется на принципе соизучения языка и культуры;

2. Формирование лингвокультурологической компетенции соотносится с различными аспектами профессиональной деятельности иностранных выпускников университета.

Перспективы работы состоят в усовершенствовании и расширении дидактического материала с учетом особенностей контингента иностранных студентов.

Список литературы

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 392 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: [монография] / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008.
3. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: [учебник для вузов] / [под. ред. А. П. Садохина] / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
4. Яценко Т. А. Лингвокультурология: [учебное пособие для иностранных студентов] / Т. А. Яценко. – Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. – 180 с.

Яценко Т. А. Принципи побудови навчального посібника «Лінгвокультурологія» (для іноземних студентів) // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.241-245.

Стаття присвячена викладу концепції нового авторського навчального посібника «Лінгвокультурологія». Посібник призначається для іноземних студентів-філологів і спрямований на формування їхньої лінгвокультурологічної компетенції.

Ключові слова: навчальний посібник, лінгвокультурологія, лінгвокультурологічна компетенція.

Yashchenko T. A. The principles of the construction of the text-book “Lingvo-cultural studies” (for foreign students) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.241-245.

The article deals for the conception of the new author's text-book “Lingvo-cultural studies”. The text-book is intended for foreign students-philologist and is directed for the forming of their lingvo-cultural studies competence.

Key words: text-book, lingvo-cultural studies, lingvo-cultural studies competence.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 372.811:512.19

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА

Яева А. М.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина

В статье «Проблемы организации изучения крымскотатарского языка в общеобразовательных учебных заведениях Крыма» на примере организации изучения крымскотатарского языка рассматривается вопрос реализации конституционного права граждан на изучение родного языка в общеобразовательных учебных заведениях Автономной Республики Крым.

Ключевые слова: *организация изучения, Типовой учебный план, Рабочий учебный план.*

Актуальность исследования. Особое внимание при обращении к проблеме национальной школы заслуживает концепция В. Г. Белинского [1]. Он подчеркивал, что общее является только в частном. Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству. Принципиальную значимость имеет для нас процесс становления концепции народной школы в Украине в XIX веке, который необходимо рассматривать в контексте философских, исторических, культурологических аспектов. Моделирование культуры в образовании непосредственно связано с проблемой национального образования – одной из «сквозных» проблем педагогики. За два последних столетия накоплен достаточно большой опыт в решении данной проблемы.

Подход В. Г. Белинского [1] к проблеме национального образования основан на необходимости соединения чувства национального достоинства, знания своих корней, языка, культуры и уважения к культуре других народов.

Проблема национального образования не утратила своей актуальности и в XX веке. И здесь особый интерес представляет культурное богатство Крыма. Для многонационального Крыма наиболее актуальна проблема культурно-образовательных микросоциумов. Развернутую модель национального образования предлагает С. И. Гессен [2]. Понимая нацию как коллективную личность, педагог утверждает, что она, так же как и отдельный человек, нуждается в гармоничном, всестороннем развитии, не допускающем насильственного навязывания одностороннего взгляда на жизнь. По его мнению, национальная школа, вырастая из прошлого, ориентируется на решение глобальных проблем в будущем.

Цель статьи – описание проблемы организации изучения крымскотатарского языка в общеобразовательных учебных заведениях Крыма.

История народного образования крымских татар имеет глубокие корни, уходящие в далекое прошлое.

18 мая 1944 года национальная школа на крымскотатарском языке в Крыму была уничтожена в связи с депортацией крымскотатарского народа в места ссылки.

В 70-х – 80-х годах в нескольких школах Узбекистана (в местах компактного проживания крымских татар) было организовано изучение предмета «Крымскотатарский язык» для учащихся крымскотатарской национальности, изъявивших желание изучать родной язык. Предпринятая мера не решала проблему возрождения системы образования на крымскотатарском языке.

Таким образом, около 50 лет крымские татары не могли получать образование на родном языке. Эти вопросы стало возможно решать только после начала массового возвращения крымских татар в Крым.

Великий просветитель Востока Исмаил Гаспринский в работе «Русское мусульманство» писал: «Я решительно не понимаю, что мешает введению татарского языка в школе! Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно сохранять за счет других языков?», «Школа – орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна...», – и заканчивал свою мысль утверждением: «Надо позволить и помочь читать и учиться на родном языке всякому нерусскому народу, не забывая, что наука – одна для всего человечества, что она одна побеждает предрассудки и невежество» [3].

В настоящее время Законодательная база, регламентирующая образовательную политику в Украине на родном языке, представлена рядом нормативно-правовых документов: Конституция Украины (Статья 10, 11, 53), Декларация прав национальностей в Украине, Национальная доктрина развития образования, нормативно-правовые акты и др.

В автономии ведется работа по возрождению крымскотатарского языка и образования на крымскотатарском языке в соответствии с Программой развития сети образовательных учреждений, классов с украинским, крымскотатарским языками обучения, утвержденной Постановлением Совета министров Автономной Республики Крым от 27.08.1997 года №260.

Разработаны и ежегодно корректируются местными органами самоуправления Региональные программы развития образования на родных языках в Автономной Республике Крым на период до 2010 года.

Продолжена работа по сохранению и расширению сети общеобразовательных учебных заведений с крымскотатарским, двумя и тремя языками обучения, организовано изучение крымскотатарского языка в различных объемах (как предмет, углубленно, факультативно). Руководителями органов управления образованием, общеобразовательных учебных заведений постоянно проводится разъяснительная работа с родительской общественностью о конституционном праве граждан на изучение родного языка и обучения на нем.

В настоящее время в Автономной Республике Крым функционируют 15 общеобразовательных учебных заведений с крымскотатарским языком обучения, 1 общеобразовательное учебное заведение с украинским и крымскотатарским языками обучения, а также школы с двумя (русским и крымскотатарским) языками обучения и школы с тремя языками обучения. Всего на крымскотатарском языке обучается 16,6% от общего числа учащихся крымскотатарской национальности.

Министерством образования и науки Автономной Республики Крым с целью реализации конституционного права граждан на изучение родного языка ежегодно разрабатываются варианты учебных планов, в которых предусматривается необходимое количество часов на изучение родного языка (в 1-х – 4-х классах по 2 часа в неделю, в 5-х – 9-х классах по 3 часа в неделю). Серьезной проблемой является тот факт, что на изучение родного языка в 10-11 классах (профильное обучение) отводится только по 1 часу в неделю.

Конституционным правом на изучение родного языка (родного крымскотатарского языка) в общеобразовательных учебных заведениях воспользовались 82,8% учащихся крымскотатарской национальности. Более 6000 учащихся не изучают родной язык по двум объективным причинам:

- отказ родителей от изучения родного языка их детьми;
- отсутствие достаточного количества учащихся для формирования групп по изучению родного языка.

Преподавание крымскотатарского языка и литературы в общеобразовательных учебных заведениях осуществляют более 500 учителей, из которых основная часть имеет базовое образование. Подготовка специалистов по крымскотатарскому языку и литературе осуществляется Республиканским высшим учебным заведением «Крымский инженерно-педагогический университет» и Таврическим национальным университетом им. В. И. Вернадского.

Необходимо отметить, что практически все школы с крымскотатарским языком обучения, кроме Старокрымской СОШ №2 и Белогорской СОШ №4, размещены в приспособленных помещениях бывших детских дошкольных учреждений и нуждаются в реконструкции зданий, достройки классных комнат, спортивных и актовых залов, столовых, библиотек, а также в улучшении материально-технического обеспечения.

В плане материально-технического обеспечения школ с крымскотатарским языком обучения: Турецким управлением сотрудничества и развития при Совете министров Республики Турции в соответствии с Проектом оказания помощи инфраструктуре системы образования Автономной Республики Крым реконструированы Октябрьская ОШ №3 Красногвардейского района, Старокрымская ОШ №2 Кировского района, Майская ОШ Джанкойского района, Кольчугинской ОШ №2 Симферопольского района и строительство пристройки к зданию ОШ №18 г. Евпатории.

Несмотря на сложности переходного периода в становлении, которые переживает возрождающаяся система образования на крымскотатарском языке, можно с удовлетворением отметить положительную тенденцию функционирования школ с крымскотатарским языком обучения. Некоторые из них стали, по сути, методическими центрами, на базе которых Министерство образования и науки Автономной Республики Крым проводит семинары, «круглые столы», Постоянно действующие семинары для директоров школ с крымскотатарским языком обучения.

Проблемой является отсутствие налаженной системы дошкольной подготовки детей к обучению на родном языке. В Крыму нет ни одного дошкольного учебного заведения с крымскотатарским языком обучения и воспитания.

25 групп (524 ребенка) с крымскотатарским языком обучения и воспитания функционируют в дошкольных учебных заведениях с русским языком обучения и воспитания, которые, естественно, не удовлетворяют потребности населения.

Обеспеченность учебниками на крымскотатарском языке медленно, но растет. Одной из основных проблем является недостаточное финансирование издания учебной литературы на крымскотатарском языке, из-за которого обеспеченность учебниками учащихся, обучающихся на крымскотатарском языке, составляет 17%, обеспеченность учебниками по крымскотатарскому языку и литературе – 58%.

Остро стоит вопрос о необходимости подготовки учителей-предметников для работы в школах (классах) с крымскотатарским языком обучения.

С целью решения данной проблемы с 2000 года при Крымском республиканском институте последипломного педагогического образования организована языковая курсовая переподготовка учителей-предметников школ (классов) с крымскотатарским языком обучения.

Необходимость языковой переподготовки в Крымском республиканском институте последипломного педагогического образования вызвана тем, что только в Республиканском высшем учебном заведении «Крымский инженерно-педагогический университет» на всех педагогических специальностях в различных объемах введен курс изучения крымскотатарского языка.

Учитывая то, что ни ученические, ни педагогические коллективы функционирующих школ с крымскотатарским языком обучения не владеют родным языком в достаточной степени для осуществления преподавания основных предметов инвариантной части Учебного плана, Министерством образования и науки Автономной Республики Крым разработаны рекомендации по введению компонента крымскотатарского языка в учебно-воспитательный процесс. На этапе становления системы образования на крымскотатарском языке обучение полностью на крымскотатарском языке ведется только на I ступени (1-4 классы) общеобразовательных учебных заведений.

Радует и вдохновляет то, что учащиеся крымскотатарской национальности являются активными участниками предметных олимпиад (в том числе ежегодно проводимой олимпиады по крымскотатарскому языку и литературе), сессий Малой академии наук, различных фестивалей и конкурсов детского и юношеского творчества.

Выводы. Отрасль образования, являясь сферой интеллектуального воспроизводства человека, духовного и нравственного потенциала общества – всегда готовит поколения к решению проблем будущего. Ошибки в системе образования оборачиваются серьезными потерями. Педагог К. Д. Ушинский писал: «Хорошие народные школы увеличивают умственный и нравственный капитал народа».

Именно на достижение этой цели, создания «умственного и нравственного капитала народа», направлена работа по созданию и развитию сети школ и классов с крымскотатарским языком обучения.

Список литературы

1. Белинский и современность: [борник статей] / [редакционная коллегия: Д. Д. Благой и др.]. – М.: Наука, 1964.
2. Грушевицкая Т. Основы межкультурной коммуникации: [учебник для вузов] / Т. Грушевицкая, В. Попков, А. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
3. Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток / [редакционная коллегия: Р. И. Валиев, А. Г. Каримуллин, Р. Р. Сиразиев, М. А. Усманов, Ф. Т. Хамидуллин]. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
4. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь: Таврия, 1998.
5. Куртсеитов Р. Д. Развитие обучения на крымскотатарском и украинском языках в Автономной Республике Крым: [руководство для руководителей и методистов местных органов управления образованием, директоров школ, членов общественных объединений родителей] / Р. Д. Куртсеитов. – Симферополь: Оригинал-М, 2008.

Яяева А. М. Аспекти вивчення кримськотатарської мови у загальноосвітніх навчальних закладах Криму // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.246-250.

У статті «Проблеми організації вивчення кримськотатарської мови в загальноосвітніх навчальних закладах Криму» на прикладі організації вивчення кримськотатарської мови розглядається питання реалізації конституційного права громадян на вивчення рідної мови в загальноосвітніх навчальних закладах Автономної Республіки Крим.

Ключові слова: *організація вивчення, Типовий навчальний план, Робочий навчальний план.*

Yaayeva A. M. Aspects of the study of the Crimean Tatar language in general educational establishments of the Crimea // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.246-250.

In this article, on the example of Crimean Tatar people language studying, the problem of realization the constitutional rights of citizens to learn their native language in schools of general education of Crimean Autonomous Republic are examined

Key words: *organization of studying, Standard educational plan, Working educational plan.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 372.461:811.512.19

АНАЛИЗ ШКОЛЬНЫХ ПРОГРАММ И УЧЕБНИКОВ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ ПЯТЫХ

Яева Н. М.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина

В статье раскрывается проблема развития и совершенствования языковых умений учащихся пятых классов. Представлен анализ программы по крымскотатарскому языку. Описывается анализ учебника по крымскотатарскому языку.

Ключевые слова: *крымскотатарская диалогическая речь, коммуникативные умения, ситуация общения, содержание программы и учебника.*

Актуальность. Как учебный предмет в школе крымскотатарский язык выполняет ряд образовательных функций. Но его главной функцией является речевая.

Цель статьи – представление анализа действующей программы и учебника по крымскотатарскому языку (пятый класс).

Цели обучения языку, зафиксированные в пояснительной записке к программе средней общеобразовательной школы, предполагают «приобретение школьниками элементарного лингвистического образования (усвоение основ науки о языке) и формирование умений и навыков свободного владения языком во всех видах речевой деятельности (слушание, чтение, говорение, письмо), правильно пользоваться его стилями, формами, жанрами» [1].

Одной из учебных задач является задача «сформировать у школьников умения и навыки коммуникативно оправдано пользоваться средствами языка в разных жизненных ситуациях при восприятии и создании высказываний с соблюдением крымскотатарского речевого этикета» [1].

Состояние обучения учащихся крымскотатарской речи целесообразно начинать с анализа требований по крымскотатарскому языку, которые заложены в программе для средней общеобразовательной школы. Здесь указываются конкретные цели и задачи обучения, объем материала по классам с учетом психологических особенностей учащихся, общедидактических принципов и специфики обучения крымскотатарскому языку.

Реальное содержание программы не обеспечивает достижения поставленной цели, в чем убеждают наблюдения за речью выпускников школы. Так как развитие диалогической речи, ее совершенствование в процессе обучения крымскотатарскому языку носит эпизодический характер. Перечисленные требования программы по языку не отражают всего процесса построения диалога. Важное место при этом

отводится реализации грамматического материала. Грамматически правильно оформленные слова и реплики являются строительным материалом диалогов. Ученики должны их воспринимать в контексте, а не изолированно. Программа не уделяет достаточного внимания диалогическим единствам (ДЕ), которые являются единицей обучения диалогической речи.

Недостаток программы мы видим и в ее эмпирическом характере: усвоение материала по развитию речи происходит путем формирования практических речевых навыков в результате интуитивного приближения их к образцам правильной речи, поэтому каждая речевая задача решается как новая или интуитивно объединяется с другими подобными задачами. Эту мысль можно конкретизировать на примере.

В программе дается подборка речевых заданий: составить художественное описание одного предмета, написать заметку в газету, написать сжатое изложение отдельной части повествовательного текста или письменный отзыв о прочитанном рассказе, подготовить отзыв о заметке (книге) или написать сочинение. При этом не указано, какими средствами должны пользоваться учащиеся при выполнении этих заданий, знают ли они, какие языковые средства применимы в отдельных ситуациях речевого общения и как правильно их использовать при построении связного высказывания. Такие средства в программе не описаны, нет разделов, в которых бы систематизировано излагалась теория средств и способов связного высказывания с учетом ситуации общения.

Также в программе не названы и другие важные моменты развития речи, в частности: овладение полемической убеждающей речью, которая является показателем социальной зрелости подрастающего поколения, формирование индивидуального стиля языкового общения. Не разграничиваются диалоги тематического типа «учитель-учащийся» и диалоги учебные типа «учащийся-учащийся». Также не предложено использование игровых и учебных ситуаций и заданий, в которых бы реализовывался учебный материал, а также образцы диалогической речи, соответствующие собеседникам разных возрастов и социальных уровней. В их состав должны входить реплики и диалогические единства, которыми смогли бы оперировать учащиеся на уроках и во внеурочное время, соблюдая при этом нормы крымскотатарского литературного языка.

Большую помощь в обучении учащихся крымскотатарскому языку и осуществлении коммуникации могли бы оказать реплики, диалогические единства и образцы отдельных диалогов с учетом возрастных особенностей, характерных учащимся пятого класса.

Одно из первых мест, среди способов повышения эффективности обучения, занимает богатство методов и приемов работы, умелое их использование учителем. «Ничто так не мешает обучению, – пишет А. М. Беляев, – как однообразие методики, порожденной отсутствием творческих поисков нового. Отсюда неинтересные и сухие занятия, которые иногда приходится наблюдать в школах» [2, с. 23].

Коммуникативному методу, повышающему эффективность обучения в учебном процессе, посвятил свою работу Е. И. Пассов. В ней можно прочитать: «Коммуникативность предполагает речевую направленность учебного процесса, которая заключается не столько в том, что преследуется речевая практическая цель, сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языком» [3, с. 81].

Мы считаем, что программа по крымскотатарскому языку должна представлять собой последовательное усвоение языковых структур, обеспечивающих реализацию тех или иных речевых функций, ведь программа является основой для составителей учебников и методических рекомендаций к ним.

Учебниками крымскотатарского языка, по которым в настоящее время работают учащиеся школ в Крымской Автономной Республике, являются книги А. М. Меметова, Л. А. Алиевой, И. А. Меметова. Разработаны они для 5-8 классов. Так как наше исследование изучает проблему развития крымскотатарской диалогической речи учащихся пятых классов, приводим анализ учебника пятого класса и собранного в нем материала по теме исследования.

В учебнике по крымскотатарскому языку для пятого класса должен содержаться материал, изучение которого помогло бы учащимся усвоить семантические соотношения реплик-ответов и реплик-стимулов в диалоге. В нем также должны иметь место вопросы теории обучения данной форме речи, которые помогли бы школьникам понять ее своеобразие. Важнейшие из них выделяет А. Р. Лурия: «Особенностью структуры диалогической речи является то, что она допускает значительную грамматическую неполноту, которая возникает вследствие того, что во время коммуникации с использованием диалога говорящий опирается на мимику, жесты, т.е. учитывает невербальное поведение того, с кем ведется беседа» [4].

Обобщение передового педагогического опыта, личный опыт работы в школе, анализ стабильных учебников, с точки зрения наличия-отсутствия материала по диалогу, систематическая беседа с учителями в ходе констатирующего среза дали возможность выяснить:

1. Какие теоретические сведения, методы и приемы, какие виды упражнений используются в процессе формирования диалогической речи;

2. Какие стимулы приемлемы в пятом классе: вербальная ситуация (разговорные формы, фразеологизмы, речевой этикет), невербальная ситуация (мимика, жесты), наглядная ситуация (рисунки, предметы в натуре, картины и диапозитивы), разные по форме тексты.

При анализе действующих учебников мы учитывали следующее:

1. Наличие-отсутствие теоретического и практического материала для развития диалогической речи;

2. Степень реализации принципа коммуникативности в текстах-диалогах;

3. Связь учебников с дидактическим материалом;

4. Согласованность в подаче учебного материала, как в учебном, так и методическом руководстве.

При анализе системы упражнений действующего учебника [5], касающихся исследуемого нами вопроса развития диалогической речи, в центре внимания находились следующие аспекты:

1. Наличие репродуктивных и продуктивных творческих упражнений;

2. Характеристика упражнений, направленных на составление диалогов;

3. Реализация конструкций, типичных для разговорной речи, в упражнениях;

4. Системность и целенаправленность всех видов упражнений по развитию диалогической речи;

5. Типы речевых упражнений.

Необходимо отметить, что в учебниках используются упражнения, которые предназначены для развития как монологической, так и диалогической речи. Количественная характеристика упражнений учебника (таблица 1) свидетельствуют о том, что материала диалогического характера, а именно: диалогов – связанных текстов, упражнений с элементами диалога, иллюстраций, побуждающих учащихся к диалогическому высказыванию, отдельных реплик – в учебнике достаточно. Помимо перечисленных видов упражнений, в них содержатся вопросы, которые в совокупности с ответами в большинстве своем составляют диалогические единства, что должно стать в школе основной единицей обучения.

В указанном выше учебнике А. М. Меметова, Л. А. Алиевой, И. А. Меметова, всего упражнений – 440. Из них упражнений, содержащих диалог – 12, что составляет 2,72% от общего количества. Всего иллюстраций в учебнике – 23. Иллюстраций, побуждающих к диалогу – 16, что составляет 69% от общего числа. Иллюстраций, не побуждающих к диалогу, в учебнике – 7, что составляет 30,43% от общего числа упражнений.

Качественная характеристика учебника крымскотатарского языка выявила следующую картину, показав такое распределение упражнений, в которых присутствует диалог:

- а) определение количества лиц, участвующих в диалоге: упр. 131, с. 63;
- б) составление диалога: упр. 132, с. 63;
- в) продолжение диалога: упр. 133, с. 64;
- г) речевой этикет (включение элементов речевого этикета в диалог): упр. 134, с. 64; упр. 136, с. 65; упр. 407, с. 181;
- д) анализ диалога (выделение прямой и косвенной речи, обращения): упр. 164, с. 79;
- е) составление диалога на основе текста: упр. 165, с. 79;
- ж) построение диалога, сопровождающееся творческим заданием: упр. 226, с. 105; упр. 314, с. 143;
- з) построение диалога, сопровождающееся грамматическим заданием: упр. 362, с. 165;
- и) составление диалога по ситуации: упр. 408, с. 181.

В учебнике помещены иллюстрации, стимулирующие диалогические высказывания.

Необходимо отметить, что все тексты, представляющие диалогические высказывания, сопровождаются грамматическими заданиями, например: упр. 134, с. 64. Составьте диалог на тему «В больнице». При написании реплик участников диалога проставьте нужные знаки препинания.

Анализ учебников показал, что они отличаются богатством лексического и грамматического материала, авторы подобрали интересный материал, который при умелом его использовании учителями может способствовать развитию культуры диалоговедения; многообразны предлагаемые методические приемы, тексты многих упражнений имеют коммуникативную направленность, в них легко вычлняются разноструктурные типы ДЕ. Однако задания к упражнениям необходимо конкретизировать с точки зрения развития у учащихся навыков составления диалогов.

Для создания в классе ситуации живого общения недостаточно одной только разработанной системы упражнений, заданий, прежде всего необходима доверительная обстановка, взаимопонимание ученика и учителя, учеников между собой, чтобы хотелось обменяться мнениями и было интересно знать, что думают и чувствуют собеседники.

Выводы. Учитывая все сказанное, считаем более целесообразным ввести в программу по языку перечень реплик и диалогических единств, которые строятся на подготовленных тренировочно-речевых и речевых упражнениях. Методические пособия должны содержать описание речевых ситуаций, образцы диалогической речи.

Список литературы

1. Крымскотатарский язык. 5-12 классы. Программа для средних общеобразовательных школ / [составитель М. И. Алидинова]. – Симферополь: Крымское государственное учебно-педагогическое издательство, 2005. – 40 с.
2. Біляев О. М. Підвищувати якість навчання мови // Українська мова і література в школі / О. М. Біляев. – Київ, 1976. – Вип. 8. – С.13-23.
3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 1985.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979.
5. Меметов А. М. Крымскотатарська мова. Підручник для 5 класу / А. М. Меметов, Л. А. Алієва, І. А. Меметов. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2001. – (Крымскотатарською мовою).

Яєва Н. М. Аналіз шкільних програм і підручників з проблеми розвитку кримськотатарського діалогічного мовлення учнів п'ятих класів // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.251-255.

У статті розкривається проблема розвитку та вдосконалення мовленнєвих умінь учнів п'ятих класів. Представлений аналіз програми з кримськотатарської мови. Описується аналіз підручника з кримськотатарської мови з теми дослідження.

Ключові слова: кримськотатарське діалогічне мовлення, комунікативні вміння, ситуація спілкування, зміст програми та підручника.

Yaayayeva N. M. Analysis of school curricula and textbooks on the issue of development Crimean Tatar dialogic speech fifth grade pupils // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.251-255.

The article deals with the problem of development and improvement of language skills of the fifth form pupils. The analysis of the program on the Crimean Tatar language is presented. The analysis of a textbook on the Crimean Tatar language on the subject of research is described.

Key words: Crimean Tatar dialogic speech, communication skills, communication situation, the content of curricula and textbooks.

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.

РАЗДЕЛ 7. СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНЫ

УДК 070:81.246.2(05)

АРГУМЕНТАЦІЯ В ЖУРНАЛІСТСЬКИХ ТЕКСТАХ: ДІАЛОГ З ЧИТАЧЕМ ЧИ МАНІПУЛЯЦІЯ СВІДОМІСТЮ?

Варич М. В.

Київський національний університет культури і мистецтв, м. Київ, Україна

У статті досліджуються журналістські тексти, в яких присутні різні види аргументації. Зокрема, понятійно-логічна та емоційно-образна аргументації та їх підвиди – фактологічні, юридичні, морально-етичні аргументи та публіцистичні образи. Аргументація в журналістських текстах вивчалася з урахуванням специфіки сучасного українського читача. Розглянуто та проаналізовано історичні, психологічні, соціальні факти, які подаються в журналістських текстах. Досліджується вплив аргументів на громадську думку в цілому й на окремого індивідуума. Вивчається роль і місце аргументів в рекламних текстах. Також простежується взаємозв'язок між політичним курсом держави і тематичним наповненням газет. Для дослідження явища аргументації в журналістських текстах були взяті три всеукраїнські видання – тримовні «Дзеркало тижня», «День» та одномовна «Україна молода».

Ключові слова: *аргументи, журналістські тексти, газети, читачі, маніпуляція.*

Актуальність. У сучасних умовах розвитку національного інформаційного простору на журналіста лягає серйозна відповідальність перед громадянами України за той вплив, який чинять його матеріали, надруковані у періодиці, показані по телебаченню, виголошені по радіо. Відомо, що журналістика з-поміж інших функцій виконує також функцію формування громадської думки на тлі зростаючої безвідповідальності «жовтої преси», яка вдається до умисної дезінформації та друку неперевірених даних.

Актуальність. Покликання професійного журналіста полягає не в маніпуляції свідомістю споживача, а у тактовному спілкуванні з ним на належному рівні, у подачі незаангажованої інформації та коментарів. У цьому процесі важливу роль відіграють фактаж й аргументи.

Мислячу людину нав'язливі заклики не переконують. Журналіст повинен аргументувати, наводити докази, подавати різні точки зору. Водночас він не повинен забувати, що остаточний вибір лишається за споживачем інформації. Серйозне

видання уникає будь-яких спонукальних закликів чи агітацій, розуміючи, що вони можуть викликати реакцію протилежну очікуваній.

Вплив аргументації у журналістських текстах досліджується з перших років здобуття Україною незалежності. Ця проблема вивчалася дослідниками журналістики В. Здоровогою, І. Михайлином, І. Борковським, С. Сірополком, В. Бобиком, В. Різуном. Науковці звертали увагу на різновиди аргументації у різних журналістських контекстах. Всебічно проаналізував явище аргументації у своєму підручнику «Теорія і методика журналістської творчості» В. Здоровега у розділі «Аргументація в журналістиці». На основі проведених досліджень він створив «Схему різновидів аргументації в публіцистиці», у статті «Сила і безсилля слова» у «Дзеркалі тижня» описав своє бачення місця та ролі аргументів у журналістських текстах. Виключно аргументації у журналістиці присвячені роботи Г. Брутяна «Аргументація», О. Кузнєцова «Аргументація в публіцистиці» та І. Хоменка «Основи теорії аргументації».

Однак, у вітчизняній журналістиці глибшого дослідження потребують методи впливу на аудиторію із застосуванням новітніх технологій.

Мета статті: дослідити журналістські тексти на сторінках якісних всеукраїнських періодичних видань, в яких присутня аргументація, та визначити вплив таких матеріалів на свідомість громадян та їх вибір.

Завдання:

1. Проаналізувати наслідки впливу, який здійснюють на аудиторію журналістські тексти з аргументацією;
2. Розглянути, яким чином на практиці вітчизняні журналісти використовують у своїх текстах фактологічну та морально-етичну аргументацію;
3. Розглянути дотримання принципів об'єктивності, доцільності та правдивості в текстах з аргументами.

Об'єктом вивчення є журналістські тексти з аргументацією.

Предметом дослідження – вплив на свідомість читача та формування громадської думки, який здійснюють журналісти через тексти з аргументацією.

Найголовніша вимога до аргументу – його істинність. Аргументом має бути лише таке судження, істинність якого вже доведена. Спосіб аргументації у ЗМІ має деякі особливості.

Аргументація у ЗМІ, розрахована на широку аудиторію, буває перенасичена емоційно. Це не завжди сприяє пошуку істини, але впливає на переконання. Вірменський професор Г. А. Брутян зазначав, що «взаємовідношення доведення і переконування може виражатися трьома співвідношеннями. Можна довести і переконати, можна довести не переконавши, можна переконати, не доводячи... можливі поєднання, коли не доводимо і не переконуємо» [1, с. 8].

У наш час особливо важливо звертати увагу на толерантність і пристойність висловів. Необережно вжите слово, грубий епітет можуть стати причиною не лише морального осуду, а й відповідного покарання.

Науковець В. Здоровега зазначав, що журналістська аргументація поєднує в собі аспекти комунікації, логіки та психології [4, с. 121].

Сучасна якісна журналістика прагне бути журналістикою конфлікту. Її суть полягає в тому, що ефірний час або шпальта видання надається спеціалістам, які мають діаметрально протилежні точки зору. Вони по черзі висловлюють свої аргументи. Окрім того, до дискусії допускається також втручання споживача мас-медійної продукції для того, щоб він міг висловити свою точку зору. Для цього на ТБ і радіо організують прямі ефіри й опитування (відкриті й анонімні), а в журналах і газетах відводять колонки для друку листів читачів. Таким чином, виробники інформації та її споживачі шукають істину або новий шлях розвитку. Такий підхід серед українських мас-медіа притаманний першому каналу українського радіо (програма «Житейські будні»), УТ-1 (програма «Шустер-лайф»), газетам «День», «Україна молода», журналу «Країна».

Неякісні ЗМІ, щоб заохотити споживача купувати товари, які йому насправді непотрібні, вдаються до використання забороненого «25-го кадру». Таким чином, ЗМІ перетворюються з інформаторів на агітаторів. На противагу їм чинить якісна преса, зокрема, «Україна молода» та «День».

У цих ЗМІ переважають фактологічна й емоційно-образна аргументація.

Зокрема, в «Україні молодій» надруковано матеріал Василя Неїжмака «Чи заклоє Мазепу двоголовий орел». Журналіст звертається до фактологічної аргументації, безпосередньо-емоційних висловів, коментарів. Він зазначає, що в Полтаві планують встановити пам'ятник гетьману України Івану Мазепі. Власна позиція міського голови Полтави Олександра Мамаєва щодо встановлення пам'ятника стає очевидною через його «вбивчий» аргумент. Він зазначив, що соціологи провели опитування та встановили, що лише 6% висловилися за Мазепу. До вищесказаного додав, що мер повинен займатися дорогами, тролейбусами, харчуванням дітей у школах, а не пам'ятниками [5, с. 6].

У газеті «Україна молода» надруковано матеріал Ярослава Тракало під заголовком «Міністр від лукавого». Журналіст аргументує чому російські українці звинувачують очільника МЗС Костянтина Грищенка в обмані. Причиною став його виступ. Замість того, щоб захищати права наших громадян у РФ, він почав доводити, що росіяни, закриваючи українські організації, мають рацію. Аргументувати своє положення він намагався досить об'єктивно: наголосив, що ОУР не проводила щорічні збори, її відділень недостатньо, що не дає їй право називатися федеральною організацією. Журналіст вдається до безпосередньо-емоційного вислову, зазначаючи, що українське МЗС «вішає на вуха локшину», намагаючись створити псевдоукраїнську організацію замість ОУР. Ще одним аргументом того, що Грищенко відкрито обманював, є ситуація, яка склалася з бібліотекою української літератури у м. Москві. Міністр звітував перед нардепами, запевнивши, що читальня працює в нормальному режимі. Насправді ж сайт бібліотеки не працює, сервер не повернули, тривають допити. Застосовуючи морально-етичну аргументацію, журналіст прагне докричатися до сумління Грищенка: «Нашому МЗС варто було б задуматися та перевести речі у практичну площину, продемонструвавши, що доля російських українців є нам небайдужою.

Нормальний міністр мав би згоріти від сорому, розповідаючи те, що говорив Грищенко» [6, с. 9].

У газеті «День» надруковано матеріал Марії Томак під назвою «Гетто-мюзик». Журналістка інформує, що Верховна Рада скасувала квоти щодо україномовної музики (йдеться про норму, яка встановлювала, що в загальному обсязі мовлення не менше, ніж 50 % мають становити українські музичні твори). У тексті переважає фактологічна аргументація й емоційні оцінки та вислови. Наводяться коментарі, посилання на джерела, з яких була отримана інформація. Автор законопроекту Олена Бондаренко наводить фактологічні аргументи щодо необхідності прийняття даного законопроекту. Вона наголошує, що українських музичних творів замало, тож аудиторія не отримує різноманітної інформації. Аргумент є слабким і не досить переконливим. Адже музикознавцям відомо, що україномовні пісні були першими у списках 40 найпопулярніших музичних творів у країні. Журналіст вважає, що прийняття закону є нищенням україномовності, та наголошує, що встановлених квот ніхто не дотримувався. Аргументує це недотримання тим, що в Україні не було жодного випадку покарання за те, що на радіо, телебаченні ведеться відкрита антиукраїнська пропаганда. Журналіст пише, що радіостанції в Україні «язик не повертається назвати українськими». Аргументує цю тезу тим, що україномовні пісні «крутили» від 2 ночі до 6 ранку, формально дотримуючись законодавчих вимог. «Гетто-мюзик» – влучно висловилося Барбара з гурту «Мертвий півень» про новий законопроект. Її вислів став вдалим заголовком для статті. Найпотужнішим аргументом у статті виявився вислів, що «жодні квоти та їх скасування не вплинуть на любов українців до своєї насправді якісної музики». Аргумент доповнений фотокарткою, на якій зображено гру на українських музичних інструментах. Аналіз статті дає можливість зробити висновок, що автор закликає українців оговтатись і відродити колишню славу співучого народу [2, с. 8].

У газеті «День», у статті «Як почувашся, рідна мово?», Костянтин Гришин наводить емоційно-образні та фактологічні аргументи. Матеріал він ілюструє двома фотокартками: із засніженого Майдану Незалежності, на який прийшла молодь з плакатами, аби засвідчити свою любов і повагу до української мови та із сайту in.org.ua, на якому зображено профіль дорослої людини, що звертається до немовля. Автор наводить фактологічні аргументи на користь того, що українська мова лишається рідною для більшості населення України: «За даними перепису 2011 року, українська є рідною для 67, 5% громадян України». Автор також наводить аргументи чому рідна мова в Україні «почувається незатишно»: «У мешканців східних регіонів право на свою мову намагаються відібрати, закриваючи нечисленні українські школи». Відчувається, що пишучи статтю, автор прагнув об'єднати суспільство навколо мовного питання [3, с. 6].

Отже, аналіз газет «День» та «Україна молода» засвідчив, що в аналітичних матеріалах у цих ЗМІ журналісти свої аргументи висловлюють тактовно, не маніпулюючи свідомістю читача.

Однак в українському медіапросторі є видання, які охоче друкують матеріали про порушників норм поведінки, смакують деталями бійок, сварок, усіяких нетрадиційних відхилень. Часто героями журналістських текстів у незалежній Україні стають люди з нетрадиційною орієнтацією, які в яскравих подробицях описують свої уподобання. Такі описи можуть спонукати підростаюче покоління вести нетрадиційний спосіб життя.

Антигуманним є вживання у ЗМІ непристойних фраз і висловів, якими ніби хизуються зірки естради, актори. Поява таких фраз призводить до засилля інформаційного простору безкультур'ям, заохочує подібним чином спілкуватися решту населення.

Висновки. Таким чином, на дієвість аргументів у процесі переконування впливають такі чинники: ім'я журналіста, авторитетність джерела інформації, вдало підібраний фактаж і вміння вправно ним оперувати.

Журналісти якісних видань («День», «Україна молода») у своїх аналітичних статтях дотримуються необхідних моральних принципів, закладених у правилі ТОКАЦ (точність, об'єктивність, коректність, аргументованість, цілісність). Для цього вони використовують здебільшого фактологічну й емоційно-образну аргументацію. Журналісти цих видань, наводячи певні аргументи у своїх текстах, намагаються об'єднати суспільство навколо національного питання.

Однак цього не можна сказати про «жовту пресу», що застосовує психологічні технології, аби перетворити читача на автомат, який виконуватиме те, що нав'яжуть ЗМІ.

У сучасному інформаційному просторі журналісти, окрім традиційних способів аргументації, використовують різноманітні методи психологічного впливу на свідомість людини, наприклад, «білий шум», «25 кадр», приховану рекламу. Вплив зазначених технологій на формування громадської думки маловивчений і потребує глибшого дослідження.

Список літератури

1. Брутян Г. Аргументация / Г. Брутян. – Єреван, 1984. – 112 с.
2. «День». – 3 лютого 2011 року.
3. «День». – 22 лютого 2011 року.
4. Здоровега В. Теорія і методика журналістської творчості / В. Й. Здоровега. – Львів, 2004. – 268 с.
5. «Україна молода». – 15 лютого 2011 року.
6. «Україна молода». – 22 лютого 2011 року.

Варич М. В. Аргументация в текстах журналистов: диалог с читателем или манипуляция сознанием? // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.256-261.

В работе исследуются журналистские тексты, в которых излагается различная аргументация. В частности, понятийно-логическая и эмоционально-образная аргументации и их подвиды – фактологические, юридические, морально-этические аргументы, публицистические образы. Аргументация в журналистских текстах изучалась с учетом специфики современного украинского читателя. Рассмотрены и проанализированы исторические, психологические, социальные факторы в материалах журналистов. Изучается влияние аргументов на формирование общественного мнения и на отдельных индивидуумов, а также роль аргументов в рекламных текстах. В работе прослеживается взаимосвязь между политическим курсом государства и тематикой газет. Аргументация в журналистских текстах изучалась на основе трёх всеукраинских изданий – трехязычных: «Зеркало недели», «День» и одноязычной «Украина молодая».

Ключевые слова: аргументы, материалы журналистов, газеты, читатели, манипуляция.

Varich M. An argumentation is in texts of journalists: dialog with a reader or manipulation consciousness? // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.256-261.

In the article deals with complex research of journalistic articles with different argumentation. In particular, logical moral, ethics argumentation is studied in article. Specific of contemporary readers is taken into consideration. Historical and social factors which caused the development argumentation in journalistic articles have been regarded. Influence of arguments is studied on forming of public opinion and on separate individuals. It is also that there political course of the state and the newspaper's articles. The article deals research of role of arguments in publicity texts. In journalistic texts studied an argumentation from pages of 3 newspapers – 2 bilingual and 1 unilingual.

Key words: arguments, materials of journalists, newspapers, readers, manipulation.

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 007 : 304 : 070

ІНТЕРНЕТ ЯК КЛЮЧОВИЙ ЧИННИК НОВОГО ІНФОРМАЦІЙНОГО ПРОСТОРУ І ТРАНСФОРМАЦІЙ МЕДІААУДИТОРІЇ

Гвоздєв В. М.

Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, м. Луганськ, Україна

У статті аналізуються найбільш істотні зміни, що відбуваються в інформаційному просторі та масовій аудиторії під впливом Інтернету в умовах глобалізації.

Ключові слова: *Інтернет, інформаційний простір, медіа, аудиторія ЗМІ, глобалізація.*

Постановка проблеми. В ХХІ столітті, в умовах глобалізації, у світовому та національному інформаційному просторі, а також всередині медіааудиторії відбуваються докорінні структурні трансформації. Спостерігаються принципово нові тенденції розвитку системи ЗМІ та медіаринку. Ключовими чинниками кардинальних змін у медійній царині є Інтернет, безупинний розвиток новітніх мультимедійних технологій, котрі цілковито охопили й журналістику.

Виник новий її різновид – Інтернет-журналістика (або комп'ютерна, онлайн, мережева, веб-журналістика). Її можливості значно розширюють «територію свободи», що й дозволяє Україні належати, згідно з рейтингом демократичних прав та громадянських свобод американської неурядової організації Freedom House за 2010 рік, принаймні, до «частково вільних країн» [16]. Отже, Інтернет як простір вільної комунікації та поліфункціональна система може розглядатися як своєрідний гарант часткової свободи в країнах, що розвиваються.

Інтернет, з одного боку, поєднав усі типи ЗМІ (у глобальній мережі репрезентовані та мають власні сайти інформагенції, газети, журнали, телерадіокомпанії, власне онлайнві видання, їхні спеціальні проекти), з іншого – й сам являє собою унікальне джерело інформації. Внаслідок цього відбувається стрімка міграція медіааудиторії в Інтернет. Значна її частка перейшла у віртуальний простір, віддавши перевагу екранному (моніторному) читанню, перегляду телепрограм і прослуховуванню радіопередач в Інтернеті замість користування традиційними ЗМІ.

Таким чином, «всесвітня павутина», мультимедійні технології спричинили еволюцію традиційної журналістики. «На часі зафіксувати глобальну інтернетизацію традиційних ЗМІ плюс розвиток альтернативного виду ЗМК – інтернету» [2, с. 56]. У тотальній інтернетизації вбачають загрозу подальшому існуванню преси: висунуто «теорію смерті газет» [9], згідно з якою онлайнві ЗМІ до 2035 р. остаточно витіснять з медіаринку друковану періодику.

Динаміка приросту читачів Інтернет-форматів газет є незрівнянно вищою, ніж зростання продажу їх паперових версій: за п'ять років аудиторія газет в Інтернеті зросла у світі на 350%, а їх продаж – лише на 4,75%. Скорочуються тиражі навіть провідних газет. Водночас зростає чисельність їх читачів у Інтернеті [1, с. 83-84].

«Міжнародний союз телекомунікацій (ITU) при ООН... повідомив про те, що доступ в інтернет тепер є майже у кожного третього жителя планети. Чисельність веб-аудиторії у кінці минулого року подолати символічний рубіж у 2 мільярди людей. Для порівняння: у 2009-му в інтернет виходили 1,86 мільярда користувачів, а в 2000-му – близько 250 мільйонів. У державах, що розвиваються, мережею користуються приблизно 21% населення, у розвинених – 71%» [14]. «Кількість українських користувачів мережею інтернет (аудиторія 14+) за 2010 рік зросла на три мільйони, або 29%, – до 11,3 мільйона осіб у грудні, повідомила компанія Gemius... Згідно з даними дослідження, 88% всіх користувачів використовують Мережу щодня, 10% – кілька разів на тиждень, 1% – один раз на тиждень і 1% – кілька разів на місяць» [13].

Отже, відбулася комп'ютеризація не тільки фахового, а й повсякденного середовища. Змінилися вимоги аудиторії до ЗМІ: нині їй потрібен різноманітний контент на різних носіях – причому практично цілодобово, а не один-два рази на день, як раніше [1, с. 78].

Актальність. В умовах «демасифікації» друкованих ЗМІ (тобто вони перестають бути масовими в звичному розумінні) зростає роль комп'ютера, котрий активно впливає на нашу соціальну пам'ять. Комп'ютер завдяки наявності інформмереж стає найважливішою складовою глобального полілогу, новим динамізованим способом існування медіакультури. Формується нове комп'ютерне покоління, що має нові ідентифікаційні параметри і сприймає фізичну та штучну віртуальну реальність як рівні реальності [5, с. 111, 133, 173].

Мета статті – показати найбільш суттєві зміни, що відбуваються в журналістиці, інформаційному просторі, структурі та свідомості масової аудиторії під впливом Інтернету в інформаційно-комунікаційному суспільстві.

Об'єкт даної розвідки – вплив Інтернету на формування нового інформаційного простору та закономірності поведінки аудиторії ЗМІ в умовах світових глобалізаційних процесів.

Предмет дослідження – тенденції та особливості розвитку сучасної системи ЗМІ, причини й наслідки її модифікації та пов'язані з цим кількісно-якісні зміни медіааудиторії в інформаційному суспільстві.

Розгляд Інтернету лише як інноваційного медіа О. Петрунко [10, с. 338] вважає спрощеним і поверховим, акцентуючи на тому, що Інтернет – не тільки певний простір інформації, а й принципово інший, додатковий вимір соціального життя, альтернативне середовище життєдіяльності сучасного людства, новітня інформаційно-комунікативна мегатехнологія впливу на громадську думку в умовах медіасуспільства. «Перебування і діяльність людей у створеному за допомогою Інтернет-технологій віртуальному світі спричинили появу нових феноменів: „мережевого” мислення, „мережевої” культури, „мережевих” комунікацій, „мережевих” спільнот, а також „мережевих” людей Homo virtualis, життя і

професійна діяльність яких відбуваються більше у цьому віртуальному світі, ніж у світі реальному. Створений засобами Інтернету, первинно штучний віртуальний світ став для багатьох з них «реальнішим за саму реальність» [10, с. 338]. М. Кастельс характеризує Інтернет як становий хребет глобальної комп'ютерної комунікації, як злиття військової стратегії, великої науки та контркультурних інновацій [4].

Інтернет-журналістика кількісно становить порівняно невеличкий сегмент (сектор) глобальної мережі. Проте Інтернет-медіа як новітній тип каналів масової інформації динамічно розвиваються, хоча за популярністю ще не наздогнали телебачення, яке дотепер утримує першість серед ЗМІ за охопленням аудиторії. Втім, на думку Н. Кирилової [5, с. 221], Інтернет відіграє важливу роль у процесі демонополізації глобального ТБ.

Історично, зауважує Б. Потятиник [11, с. 36, 38], Інтернет-журналістика є четвертою після преси, радіо і ТБ, на практиці ж стає першою, а в перспективі – єдиною. Цією формулою, з його погляду, й можна передати еволюцію Інтернет-журналістики. Він називає такі прикмети лідерства цього новітнього різновиду журналізму: 1) Інтернет-журналістика посідає перше місце за темпами зростання аудиторії, і до 2020 року прогнозується її абсолютне лідерство; 2) Інтернет-журналістика вже випереджає радіо й ТБ в оперативності доставки інформації масовому споживачеві (інформація на сайтах оновлюється в режимі «нон-стоп» з інтервалом оновлення в 1-5 хвилин); 3) Інтернет-журналістика перевершила своїх конкурентів в інтерактивності, що набула безпрецедентних в історії мас-медіа масштабів; 4) Інтернет-журналістика, поєднуючи особливості роботи з текстом, графікою, аудіо- та відеоматеріалом, є, власне, об'єднаною (синтезованою) журналістикою.

Однак такі зміни таять у собі багато складних питань і навіть небезпеку для людства. В. Гейзенберг попереджав: «Науково-технічний прогрес – це спосіб зробити пекло більш комфортабельним для життя» [6]. До негативних наслідків інформаційно-технологічної революції належить, зокрема, винахід так званого «електронного нашійника», за допомогою якого (наприклад, в соціальних мережах) відстежується майже кожен крок людини [5, с. 118]. «Якими ставатимуть нові конфігурації механізмів і письменності зі зміною старих форм сприйняття й мислення в електронну добу? Нова електрична галактика вже далеко просунулась у глиб галактики Гутенберга. Навіть без зіткнень таке співіснування технологій і форм свідомості призведе до психологічних травм кожної людини... Знані нами інститути та суспільні форми набувають погрозового й ворожого вигляду. Ці багатогранні трансформації, що відбуваються через проникнення нових засобів комунікації... потребують спеціального вивчення» [7, с. 361]. Завдяки цим засобам фактично виникла нова цивілізація – електронного родоплемінного ладу, ери планетарного уніформізму, так званого «глобального села» [7, с. 4].

Інформаційна доба пов'язана передовсім із глобальним медіасередовищем, створенням єдиного світового інформпростору. Тож ідеться про інформаційну цивілізацію, пов'язану з колосальним впливом сучасної медіаіндустрії на всі сторони суспільного життя й масової свідомості. В інформаційному суспільстві створюється новий стиль життя й людської діяльності, нові форми громадської

свідомості. Глобалізація змінює структуру інформаційних потоків. Припиняється співіснування відносно замкнених, пов'язаних між собою лише нечисленними каналами локальних, регіональних, національних і континентальних комунікаційних систем. Їх об'єднує глобальна мережа. Відбувається інтеграція таких систем і уніфікація інформації [5, с. 106]. Глобалізація (від англ. globalization) розуміється як об'єктивний процес швидкого формування не тільки світового економічного, фінансового, а й *інформаційного* простору на основі комп'ютерних технологій [12].

Інтернет як найвпливовіший ЗМК відіграє ключову роль у формуванні нового інформаційного простору, фактично встановлює інформаційну владу нового типу, новий світовий порядок. За радянських часів вітчизняні ЗМІ здебільшого існували поза світовим масовоінформаційним потоком. Нині ж українські медіа включені в загальносвітову мегакомунікаційну систему.

Модифікацію сучасної системи ЗМІ та їхньої аудиторії пов'язують також із такими процесами:

Дігіталізація (від англ. digitalisation – цифровізація) – переведення змісту медій у цифровий формат, зрозумілий сучасним комп'ютерам. Тобто Інтернет перетворюється в особливе інформаційно-комунікаційне середовище, в якому медіапродукти завдяки своєму цифровому формату спроможні долати будь-які кордони. Отже, світ стає цифровим.

Конвергенція (від лат. convergere – зближатися, сходитися) стала можливою в медійній сфері саме завдяки дігіталізації. Суть терміна «конвергенція», на думку С. Машкової [8, с. 6], найточніше передає поняття «злиття»: *по-перше*, – це злиття технологій; *по-друге*, – злиття раніше роз'єднаних і віддалених ЗМІ; *по-третє*, – злиття ринків. У підсумку аудиторія має можливість одержувати однакові інформпродукти різними каналами. Зближення ЗМІ, створення спільних для різних каналів інформації змістових продуктів призводить до виникнення й розвитку нових інтегрованих жанрів, таких як Інтернет-конференція, онлайнвий репортаж та ін. Відповідно збільшуються вимоги й до журналіста: він повинен мати мультимедійні навички, вміти створювати матеріали для будь-якого типу ЗМІ. Конвергенція призводить до створення нового інтегрованого медіаринку, учасники якого об'єднуються з метою зниження ризиків діяльності на цьому ринку.

Традиційні ЗМІ перетворюються в мультимедійні редакції, конвергентні ньюзруми, медіахолдинги, медіакорпорації. Переглядаються комунікативні стратегії ЗМІ, розширюється їхнє функціональне поле. Газети переходять на платформу новітніх технологій, працюючи одночасно в друкованому, онлайнвому, мобільному, теле-, радіоформаті. Наприклад, у Росії функціонують міжнародний щомісячник «Совершенно секретно» і телекомпанія з аналогічною назвою; газета «Комсомольська правда» та її нові спецпроекти: «Радіо «Комсомольская правда», а також «Інтерактивне телебачення «Комсомольская правда»; газета «Известия» і канал «Известия TV». Тобто декілька ЗМІ, що функціонують у межах певного медіахолдингу (медіагрупи, компанії), використовують той самий бренд. Причому тенденція до об'єднання притаманна не тільки центральним, а й місцевим ЗМІ. Так, на базі газети міськради «Трибуна» в м. Дебальцеве Донецької обл. запропоновано створити міський телеканал та інтернет-портал. Кінцева мета першого подібного в

цьому регіоні проекту – «створення загальноміського медіахолдингу» [3]. Тобто глобалізація стимулює регіоналізацію, роблячи регіони залежними від інтеграційних процесів, у т. ч. в медійній галузі [4].

Глобалізація означає загальносвітову тенденцію до взаємозалежності та відкритості, відкриває доступ до безлічі ресурсів, а медіаорганізаціям дозволяє значно розширювати свою аудиторію. Однак багато ЗМІ до цього зовсім не прагнуть, націлюючись, навпаки, на вузьке коло споживачів інформації. *Медіааудиторія дедалі більш сегментується та диверсифікується.* Тож прагнення до максимально ефективного інформаційного обслуговування певної аудиторії зумовила спеціалізацію та **диверсифікацію** ЗМІ (диверсифікація від лат. *diversus* – різний) [8, с. 6]. Однак диверсифікація медій та їхньої аудиторії не означає втрати контролю над ними з боку держави, олігархів та ін. «Процес глобалізації викликав до життя ще одну загальносвітову тенденцію – становлення медіакратії. Медіакратія – це технологія, за якою приватний капітал керує політикою й політиками завдяки контролю над ЗМК і виробництвом культурних цінностей, які формують і встановлюють зразки масової поведінки й прийнятних для приватного капіталу дій політичних еліт» [15, с. 274].

Висновки. В основі модифікації сучасної системи ЗМІ лежать процеси *глобалізації, дигіталізації, конвергенції, диверсифікації, медіакратії.* Вплив Інтернету призвів до таких тенденцій розвитку інформаційного середовища: *1. Еволюція традиційної журналістики, її інтернетизація. 2. Стрімка міграція в Інтернет великої частки медіааудиторії, що відбувається разом із переходом преси в онлайн. 3. «Демасифікація» преси, динамічне зростання кількості спеціалізованих (вузькоспеціалізованих) ЗМІ на тлі загального збільшення кількості медій. 4. Глобалізація стимулює інтеграційні процеси в медійній галузі у регіонах. 5. Розвиток Інтернет-медіа збагачує палітру журналістських жанрів.*

Список літератури

1. Градюшко А. А. СМІ и Интернет. Эволюция традиционной журналистики // Современная журналистика: методология, творчество, перспективы: [сб. науч. ст.] / редколл.: Н. Т. Фрольцова (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – С. 77-99.
2. Житарюк М. Г. Соціокультурна модель журналістики: традиції і новаторство: [монографія] / М. Г. Житарюк. – Львів, 2008. – 416 с.
3. Ігор Шкіря хоче створити в Дебальцевому міський медіахолдинг [Електронний ресурс] // Телекритика. – 2011. – 10 лютого. – Режим доступу: <http://www.telekritika.ua/news/print/60038>
4. Кастельс М. Информационное общество: Экономика, общество и культура [Електронний ресурс] / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с. – Режим доступу: <http://www.twirpx.com/file/63184/>
5. Кириллова Н. Б. Медиа среда российской модернизации / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический проспект, 2005. – 400 с.
6. Кримський С. Ефект високого неба // День. – 2001. – 20 квітня.
7. Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становлення людини друкованої книги / М. Мак-Люен; пер. з англ. А. А. Галушки, В. І. Постнікова. – К.: Ніка-Центр, 2008. – 392 с.
8. Машкова С. Г. Интернет-журналистика: [учеб. пособ.] / С. Г. Машкова. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та, 2006. – 80 с.

9. Мирошніченко А. Вийшла книга о смерти газет [Електронний ресурс] / А. Мирошніченко // Частный корреспондент. – 2011. – 14 февраля. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/kogda_umrut_gazety_22236
10. Петрунько О. В. Інтернет як технологія формування громадської думки: соціально-психологічні ресурси / О. В. Петрунько // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 338-343. – (Серия «Филология. Социальные коммуникации»).
11. Потятинник Б. В. Інтернет-журналістика: [навч. посіб.] / Б. В. Потятинник. – Львів: ПАІС, 2010. – 246 с.
12. Терещенко Є. Що таке глобалізація і чи загрожує вона Україні? [Електронний ресурс] / Є. Терещенко // Полтавська думка. – Режим доступу: <http://www.dumka.pl.ua/news/worldnews/136-2010-03-11-09-38-23.html>
13. Українська інтернет-аудиторія за 2010 рік зросла на 29% // Дзеркало тижня. – 2011. – 2 лютого [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.dt.ua/online/articles/74608#article>
14. Чисельність інтернет-аудиторії у світі досягла двох мільярдів // Дзеркало тижня. – 2011. – 27 січня [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.dt.ua/online/articles/74090#article>
15. Чічановський А. А. Інформаційні процеси в структурі світових комунікаційних систем : підручник / А. А. Чічановський, О. Г. Старіш. – К.: Грамота, 2010. – 568 с.
16. Freedom House: Україна більше не вільна // Українська правда. – 2011. – 13 січня. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/news/2011/01/13/5779557/>

Гвоздев В. Н. Интернет как ключевой фактор нового информационного пространства и трансформаций медиааудитории // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.262-267.

В статье анализируются наиболее существенные изменения, происходящие в информационном пространстве и массовой аудитории под влиянием Интернета в условиях глобализации.

Ключевые слова: Интернет, информационное пространство, медиа, аудитория СМИ, глобализация.

Gvozdiev V. M. Internet as a key factor in the new information space and transformation of the media audience // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.262-267.

This article analyzes the most significant changes occurring in information space and mass audience under the influence of the Internet in the context of globalization.

Key words: Internet, information space, media, media audience, globalization.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 007 : 304 : 659.3

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ МЕДИА В ЖУРНАЛЕ «ХЛЕБСОЛЬ»

Голодникова Ю.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Основное внимание данной статьи сосредоточено на исследовании особенностей репрезентации гастрономической культуры в журнале «ХЛЕБСОЛЬ». Цель анализа – изучение моделей гастрономической рефлексии, развивающихся в условиях мультимедийной культуры.

Ключевые слова: *культура повседневности, гастрономическая культура, гастрономическая рефлексия, ценности, мультимедийные технологии.*

Актуальность. В повседневной жизни каждого человека всегда актуальны темы, связанные с витальными потребностями: «квартирный вопрос» и еда. В советское время интерес к еде, кухне и вопросам пищевого поведения предопределялся идеологией массовости. Эталоном социальной нормы служила «Книга о вкусной и здоровой пище», ставшая энциклопедией кулинарии. Она транслировала стандарты общества, в котором от каждого требовалось быть таким же, как все: на Новый год готовить оливье и в булочную на такси не ездить. Однако спустя десять лет после перестройки интерес к вопросам кулинарии перерос книги рецептов, отдельные рубрики глянцевого журналов и цветные приложения к ним, и спровоцировал возникновение развлекательных передач на радио и телевидении, представляющих не только рецепты, но и отношения людей с едой. Так появились программы, участники которых демонстрируют способы приготовления экзотических блюд, соревнуются друг с другом, беседуют с телеведущими о жизни, семье, искусстве, рассказывают анекдоты и байки. Затем в эфир вышли передачи, возвращающие зрителя к архаическим ритуалам потребления пищи, показывающие, например, как готовится уха на рыбалке и жарится мясо на костре.

С расширением кабельных и спутниковых сетей на экране высветились картинки из разных уголков Земли, представляющие кулинарные традиции в передачах о путешествиях, стиле и образе жизни людей из различных городов, примеры выживания в условиях дикой природы и урбанизированной среды. А книги и фильмы о выдающихся женщинах-кулинарах (например, «Джули и Джулия») возвели кулинарное мастерство на уровень авторского творчества высокого класса, превратили процесс приготовления пищи в искусство, требующее вдумчивых размышлений.

Разнообразные массмедийные формы репрезентации гастрономической культуры сформировали в обществе новый взгляд на еду, чистоту и качество

продуктов, позиционировали в массовом сознании новый тип креативной личности: преуспевающий мужчина, умеющий вкусно готовить, женщина, получившая признание во всем мире благодаря кулинарному таланту либо завоевавшая массу последовательниц благодаря методикам правильного питания; мужчина-повар, создающий авторский стиль гастрономической культуры ресторана. Примеры подкреплялись многочисленными эпизодами, отражающими места общения людей в момент приготовления или принятия пищи, утверждая тем самым идею, что еда всегда включена в коммуникативные ситуации и связывает отношения людей с ценностями отдельной семьи, социальной группы, географического региона и страны. «Творчество у плиты» сегодня не только дань моде, но часть новой культуры повседневности. Читатель, наконец, узнал и о том, что кроме эндокринологии и гастроэнтерологии существует отдельная отрасль науки – психология пищевого поведения и что помимо диет и медицинской помощи он может самостоятельно регулировать пищевой рацион и его эмоциональную составляющую.

В этом контексте журнал «ХЛЕБСОЛЬ» представляет оригинальный кулинарный медиапроект, реализуемый в конвергентной среде и подготовленный телепрограммами «Едим дома», «Завтрак с Юлией Высоцкой», популярным кулинарным порталом www.edimdoma.ru и многочисленными дискуссиями вокруг автора и ведущей – Юлии Высоцкой.

Актуальность статьи обусловлена интересом исследователя к описанию культуры повседневности, формируемой благодаря массмедиа. Кулинарный журнал «ХЛЕБСОЛЬ» отражает разнообразные формы рефлексии процессов приготовления и потребления пищи и является источником, с помощью которого можно проанализировать основные нормы и ценности, транслируемые через гастрономическую культуру в настоящее время.

Научная новизна темы. Данная статья – фрагмент исследования, в котором предпринимается попытка рассмотреть влияние мультимедийных технологий на формы бытования гастрономической культуры в повседневности читателей России и Украины.

Цель статьи: изучение моделей гастрономической рефлексии, развивающихся в условиях мультимедийной культуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Фундаментальным трудом, открывающим перспективы изучения повседневности, на наш взгляд, стоит признать знаменитую работу Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное» (1979), где на основе обширного исторического материала о жизни и быте европейцев автор представляет собственную концепцию социо-экономической истории: «Из маленьких происшествий, из путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище. Эти «мимолетности» к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные», – пишет Ф. Бродель [1, с 39]. Тем самым ученый сформулировал содержание самого понятия «культура повседневности». Ф.Бродель – представитель «Школы Анналов» (в этом

же ряду – Р.Барт, Л. Февр, Ж. Ле Гофф) – исследовал структурные связи между различными явлениями действительности, но основное внимание уделял вопросам «материальной цивилизации».

Мир повседневной жизни стал предметом рассмотрения в трудах австрийского социолога и философа Альфреда Шюца «Структуры жизненного мира», 1974). Основоположник феноменологической социологии, он исследовал формы и методы обыденного сознания, структуру человеческого общения и социального восприятия.

В рамках заявленной темы весьма важной представляется также работа Ж. Бодрийера «Система вещей» (1968), где концептуально обосновывается структура общества потребления, формирующегося при активном участии массмедиа. Отсюда возникает маркер нового времени – «медиализация», когда большинство социокультурных практик развивается по сценариям, предложенным средствами массовой коммуникации. Схожие взгляды на взаимосвязи между развитием общественных отношений и эволюцией медиаформ прослеживаются в концепциях М. Маклюэна, П. Бурдьё, М.Кастельса, а также в различных теоретических и прикладных работах других исследователей, среди которых мы выделим книгу Л. Мановича «Язык новых медиа».

Новые медиа с каждым днем преобразуют ландшафт массовых коммуникаций, изменяя культуру повседневности, что вызывает большой интерес у современных ученых. В этом направлении показательны изыскания научной группы, объединившейся на базе Вильнюсской лаборатории визуальных и социальных исследований (ЕГУ), ориентированной на анализ социально-политических трансформаций в пространстве «пограничья» (Россия, Украина, Белоруссия), происходящих под влиянием массмедийных процессов. В работах Э. Усмановой, А. Горных, Е. Матусевич, А. Криволапа на материале сравнительно-сопоставительного анализа стран Восточной Европы описаны процессы модернизации постсоветской повседневности.

Не менее интересен подход (он перекликается с западным направлением cultural studies) группы аналитиков, представляющих проект «Культура повседневности» (серия книг издательства НЛЮ). И. Утехин, Н. Лебина, Н.Козлова, А.Левинсон, О.Вайнштейн, Т.Дашкова, Р. Фрумкина уделяют большое внимание условиям трансформации поведенческих принципов разных поколений, что, по их мнению, предопределяет культуру повседневности. В частности, обратим внимание на высказывание Р. Фрумкиной о том, что в культуре повседневности «огромна роль привычки, усвоенных с детства автоматизмов. Это, казалось бы, совершеннейшая банальность, но привычное вообще обнаруживается именно на словах, когда оно начинает исчезать» [2].

Особого внимания для понимания ценности концепции журнала «ХЛЕБСОЛЬ» заслуживают материалы проекта «Советский простой человек», представляющего результаты социологических исследований, проводившихся во ВЦИОМе. В нем описаны такие феномены, как этнические фобии, образы врага, с анализом героических символов Советского прошлого и стандартов бытового поведения (Л. Гудков, Н. Зоркая, Б.В. Дубин). В частности, в работах Б.В.Дубина интересен концептуальный взгляд на причины, детерминирующие социальное поведение

постсоветского человека, типы адаптации, критерии оценки повседневности и формы организации быта. «Уход» интеллигенции, «формирующая и усредняющая роль телевидения» влияют на характер приспособления большинства к сконструированным массмедиа сценариям «другой» жизни.

Среди работ, посвященных культуре повседневности, наиболее близким к теме нашей статьи является диссертационное сочинение М.В.Капкан «Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России 19–20 вв.)». В качестве базового тезиса, предопределившего актуальность данного исследования, автор утверждает следующее: «После десятилетий пренебрежения к быту как к низменной части жизни мы наблюдаем своеобразную «реабилитацию повседневности». Именно мир повседневности воспринимается как та реальность, с позиций которой оценивается все происходящее. Повседневные привычки и ритуалы, артефакты повседневной культуры становятся важной характеристикой человека наряду с его профессиональными достижениями. Все это делает актуальным изучение механизмов функционирования повседневной культуры и отдельных ее феноменов» [3, с. 3] М.В. Капкан рассматривает формы репрезентации гастрономической культуры на материале кулинарных книг, выходящих в России и Европе в различное время и транслировавших каноны или антиканоны гастрономической культуры. Однако она не включает в фокус исследовательского внимания массмедийные практики репрезентации заявленной темы. Тем не менее, ценным для нашей статьи является определение гастрономической культуры, данное автором диссертации: «Гастрономическая культура – культурно-специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в (а) способах приготовления пищи, (б) наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях, (в) практике потребления пищи, а также (г) рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи» [3, с.9]. М.В. Капкан полагает, что структура гастрономической культуры как системы включает три основных элемента – кулинарную культуру, культуру принятия пищи и гастрономическую рефлексию. Мы полностью разделяем этот подход к пониманию содержательной стороны термина и считаем, что концепция журнала «ХЛЕБСОЛЬ» отчетливо развивает эти постулаты. Вот почему нам представляется важным говорить о таком медийном проекте: анализ популярного кулинарного издания раскрывает возможности понимания динамики формирования культуры повседневности под воздействием массмедиа.

Украинские ученые к исследованию данного вопроса обращались в различных работах. Среди публикаций, находящихся в поле изучения массовых коммуникаций, выделим труды Э.Г. Шестаковой, считающей, что «культура повседневности» может и должна занять важное место в учебной вузовской программе. В статье «Повсякденність як предмет дисциплін соціально-комунікативного циклу» она обосновывает свою концепцию так: «Будь-який медіавияв завжди представляє складне, багаторазове переплетення безлічі різнорідних кодів, дискурсів, що обумовлюються повсякденністю як простором здійснення негенної колективної пам'яті. Повсякденність, яка в розвинутому інформаційному суспільстві активно репрезентується через різноманітні медіавияви, – це пам'ять, в атмосферу якої незалежно від своєї волі занурений кожний журналіст, фахівець з видавничої

справи, реклами, піару. Навіть якщо йому не довелося прочитати ні однієї книги, подивитися старий кінофільм або відвідати музей, він однаково перебуває в площині скиданого чиним утвореної повсякденності, в оточенні різноманітних чужих дискурсів, які він усмоктує або свідомо, або несвідомо, а потім втілює та поширює через власні медіатексти. І досліджувати це з наукової точки зору, і викладати це сучасним фахівцям є одним з магістральних завдань напряму соціальної комунікації».[2, с.212]. Далі Е.Г. Шестакова намагається три напрями вивчення повсякденності як предмету дисциплін соціально-гуманітарного циклу: 1) різноманітні медіатексти і дискурси, при вивченні яких основний акцент робиться на матеріальній представленості журналістського творчості – текстів; 2) психологічні стани, емоційні переживання, непередбачувані і передбачувані реакції людини, що сприймає медіатексти; 3) виявлення культурних моделей, які створюють життєвий світ конкретної епохи або національної культури і передбачають особливості соціальної комунікації.

В певних позиціях висловлювання Е.Г. Шестакової перекликаються з концепцією О.М. Косюк, вираженою в дисертаційному творі «Розважальна функція електронних засобів масової комунікації: світовий контекст та національні особливості» [5]. Описуючи розважальні функції електронних ЗМІ з точки зору семиотики і теорії карнавалістсько-сміхової культури М.М. Бахтіна, автор роботи повертається до історичних форм побутового поведіння і знаходить їх продовження в повсякденності зрелищних форм екрану і способах задоволення емоційного голоду телезрителів. Кулінарні шоу-програми О.М. Косюк вважає невід'ємною частиною медіарозважень.

Практичні приклади побування гастрономічної культури в ЗМІ ми зустрічаємо і в статті С.В. Тагамлика, присвяченій аналізу телевізійних проєктів «Єдим дома», «Карта потата», «Вкусно с Б. Бурдой», «Звана вечеря». На прикладі цих програм автор розглядає проблему праймінгу як способу маніпулювання масовим свідомством глядача. Однак в контексті нашої статті, націленої на опис ефектів медіа впливу на повсякденність, найбільш цікавими висловлюваннями С.В. Тагамлика є прийоми створення «образу кухні» на телеекрані. Автор публікації, зокрема, звертається до семиотичного аналізу інтер'єрів, в яких відбуваються зйомки кожної програми, і робить висновок, що «робоче місце» Ю.Висоцької – будинок – викликає у глядача довіру, захоплення ведучою як жінкою, досягнутою успіху. «Але також, – пише С.В. Тагамлик, – є вірогідність виникнення прихованого відчуття – заздрості, яку глядач може відчути при перегляді програми. Демонстрація надмірної розкоші небезпечна, в цьому випадку глядачі можуть запідозрити нереальність, недосяжність демонстрованої повсякденності» [7, с. 246]. Простір програми «Карта потата», за висловлюваннями дослідника, компактний і зручний для роботи і повністю відповідає особистому простору «середнього пострадянського телеглядача». В цьому, за спостереженнями автора, «Карта потата» наближається до програми «Вкусно с Б. Бурдой»: «Оскільки обидві програми є українськими, то і націлені вони на національного глядача середнього класу з урахуванням особливостей соціоментальних та побутових чинників. Більшість населення проживає в стандартних приміщеннях з

обмежением простором» [6, с. 246]. Примечательно, что данное высказывание отражает характерную черту многих публикаций: стремление к «объективности», «правильности», «народности» СМИ. Между тем, именно «стандартные» интерьеры и программы украинского телевидения делают его невероятно скучным. Поиск креативных проектов и грамотное моделирование медиаконтента может привести к совершенно иным результатам. И пример тому – кулинарный журнал «ХЛЕБСОЛЬ», который утверждает в сознании читателей новый опыт повседневной жизни.

Философия «ХЛЕБСОЛЬ» выражена в каждой информационной единице издания, но прямые высказывания содержатся в обращениях редактора и редакционного коллектива: «Мы знаем, что наши читательницы не стоят сутками у плиты. Поэтому не пропагандируем дорогие гастрономические редкости.<...> Мы думаем о таких же, как мы сами, молодых женщинах, которые активно работают, воспитывают детей, у которых масса увлечений, для которых еда – творческий процесс и настоящее удовольствие.<...> Стремимся предложить идеи ужинов, обедов и вечеринок, чтобы вы могли дополнить и скомбинировать блюда из разных рубрик на свое усмотрение...» [7, с. 96]. Журнал «ХЛЕБСОЛЬ» представляет собой мультимедийный народный проект, отражающий информационные предпочтения, стиль и образ жизни людей, для которых *успех* материализуется не столько в категориях «престижности» обладания теми или иными вещами, сколько в понимании престижности *свободы выбора*: продуктов, вещей, способов приготовления еды, общения, отдыха, образа жизни. На первый взгляд, это издание тяготеет к life-медиапроектам, поскольку не избегает звездных имен, ярких событий, культовых тем. Однако при внимательном рассмотрении обнаруживает признаки возрожденческой традиции восприятия настоящего времени как эпохи расцвета творческих сил человека, восхищения гедонистическими ценностями бытия. На страницах журнала кухня, еда, гастрономические тонкости, рецепты приготовления блюд связаны с человеческими историями и традициями семьи, народа, поколения. При этом информация о кулинарных экспериментах музыкантов и литераторов, кинематографистов и актеров, фотографов и художников раскрывает индивидуальный подход к кулинарной культуре, развивает творческое отношение к еде, размышления о том, какое место она занимает в каждой семейной истории.

Со страниц журнала «ХЛЕБСОЛЬ» можно понять, как формируется гастрономическое восприятие, узнать о кулинарных традициях России и Европы, о вкусах народов других континентов. Издание популяризирует интернациональную кухню на фоне исконно-русских традиций поварского мастерства, позиционирует союз искусной кухни и вдумчивого повара и знаменует перемены во времени и вкусах: то, что в прошлом считалось «стандартом» (оливье, «заливная рыба», борщ), сегодня не воспринимается как необходимое меню для всех. Расслоение общества и смена ритмов повседневности требуют изобретения новых способов питания. Этот переход от советской массовой кухни с утомительным приготовлением – к гастрономии нового времени позиционирует сама Юлия Высоцкая и ее команда.

Концепция журнала реализуется в контексте самых свежих новостей о различных «форматах» потребления: фаст-фуд, слоу-фуд, суши, «супчик» на ходу. Все это – не только вывески на ресторанных заведениях, но и материализация форм

повседневной коммуникации людей, скорость, с которой они живут, пространство, которым они заполняют свой быт и досуг. История гастрономической культуры таит немало примеров того, как стиль и образ жизни преобразовали архитектурную среду центра города, в котором первую скрипку начинали играть кулинарные заведения. В этом отношении весьма показателен Нью-Йорк – место процветающих закусочных, возникших по причине растущего спроса на ланч среди офисных работников центра столицы.

Концепция журнала «ХЛЕБСОЛЬ» развивается в пределах повседневной жизни людей, живущих в странах СНГ. Еда отражает новое качество общения и развлечений. Не удивительно, что кроме детально представленных рецептов с указанием калорий, вариаций соусов и сервировки блюд читательницы могут видеть на страницах журнала рекламу праздничных тортов, продуктов и полуфабрикатов, конфет, посуды, кухонной мебели, столовых приборов, бытовой техники, одежды для пикника, а также рекламу сети кофеен «Кофеин», где действует специальное меню от редакции журнала и Юлии Высоцкой. Удачный гастрономический маркетинг охватывает также промоушн кулинарных изданий и книг-«рецептов» с красноречивыми названиями: «Курица и другая птица», «Проект счастье», «Большая книга рецептов», «Коллекция фазенды», «Ты – богиня! Как сводить мужчин с ума», «Путеводители по городам и популярным туристическим направлениям». Одновременно «ХЛЕБСОЛЬ» постоянно дает ссылки на блоги: «Дневник Адама», «Едим дома» (сайт телевизионной программы Юлии Высоцкой) и т.д. Читатели журнала всегда могут найти темы для души, посмотреть видео, продолжить общение за пределами издания, но все это благодаря изданию.

Содержание журнала представляют несколько тематических направлений. Одно из них – Русская (отсюда и название – «ХЛЕБСОЛЬ»)/интернациональная гастрономическая культура. В каждом номере есть постоянная рубрика, посвященная истории и рецептам славянской кулинарной традиции. Каши, кисели, куличи, меню во время поста обязательно «сопровождаются» интересным рассказом от богослова или философа, историка или этнографа. А вот прелести интернациональной кухни описываются в рубрике «Путешествие» и в рецептах отдельных блюд на других страницах издания.

Журнал «ХЛЕБСОЛЬ» информирует читателей о новых каналах социальной коммуникации, ориентированных на гастрономическую культуру: это проект «Мужская еда», выходящий на каналах кабельного и спутникового ТВ летом 2010 г.; медиасобытия – презентация книги Марианны Трифоновой «Диета красоты», предлагающей систему правильного похудения для женщин и развивающей православные традиции милосердия и благотворительности. И не удивительно. Главная тема каждого номера – это семья. Во имя ее настоящего и будущего написаны все страницы издания. Здесь нет проблемных публикаций, рассчитанных на читателей, привыкших в своей картине повседневности к скандальным эпизодам из жизни звезд, советам и рекомендациям на темы супружеской жизни. Журнал позиционирует образ семьи, в которой еда является помощником и средством создания атмосферы добра, доверия и понимания. Поэтому каждый месяц редакция

предлагает новую тему, вдохновляющую на размышления о том, как все это сделать интереснее.

Например, в преддверии международного женского дня «ХЛЕБСОЛЬ» обратился к аудитории с просьбой вспомнить о самых дорогих для сердца каждого человека женщинах – о своих бабушках. Читатели прислали рецепты и фотографии, истории из семейного архива. Каждая участница рассказала свою семейную историю, в чем-то похожую на сюжет победительницы конкурса, Анастасии Панаит из Украины: «В детстве для меня поездки к бабушке в деревню были праздничным событием, ощущения радости от них помню, как сейчас. Запомнился вкус бабушкиного «Наполеона» и бубликов. <...> Теперь «Наполеон» и бабушкины домашние бублики – наши семейные особые блюда со вкусом детства!» [10, с.10]. Детские праздники с полным сценарием их проведения, яркими иллюстрациями, стильные вечеринки с брендовыми вещами и аксессуарами, пикники с детальным меню – все это попадает в фокус внимания рубрики Weekend, вдохновляющей на проявление гостеприимства, дарение оригинальных подарков и сохранение лучших традиций в семейном и дружеском общении.

Благодаря новостям гастрономической культуры (рубрики «Выбор редакции» и «Новости: продукты, тренды, вещи, события рестораны») можно узнать о том, чем живет мир вокруг нас. Заголовки текстов – глаголы в форме инфинитива: носить, путешествовать, готовить, читать, учиться, дарить – что весьма характерно для изданий сегмента инфотейнмент. Такая форма удачно сближается с конструкцией рекламного слогана (к слову легко добавить желанное качество действия: «носить – яркое», «готовить – эксклюзивно», «путешествовать – со вкусом»). Однако выбор редакции предполагает знакомство читателей с «интересностями», пока что малопривычными для них. Судите сами. Если «носить», то браслет-пирожное с ягодами, изготовленный вручную дизайнером Лейлой Набисовой. Если «путешествовать», то по Золотому кольцу России, чтобы побывать в мастерских, где любой желающий научится делать классические славянские керамические горшки. Если «читать», то Food and Feasting in Art – книгу, повествующую о продуктах, которые ели «простые и непростые люди и которые вдохновляли знаменитых художников», и «благодаря голландским натюрмортам, выяснить, что рыжей моркови до 17 века в Европе не было, а была только желтая» [11, с.14]. «Узнать» – о полезных домашних подарках – например, лаванде, дарить которую – значит дарить друзьям возможность использования растения для приготовления лавандовых капкейков. «Готовить» – узнать о том, что пишут известные гастрономические обозреватели (например, что во Франции под ником 3gros загадочная русская дама публикует свои заметки и наблюдения в интернете, что эта особа приближена к мировым гуру поварского искусства) – и вот уже интрига не оставит читателей в покое.

Коммуникативный потенциал журнала развивается в направлении создания мультимедийной среды вокруг данного проекта и его последователей. Дело в том, что в самом дизайне издания отражен принцип гипертекста и наблюдаются приемы стилизации под модуль верстки вебстраниц. Напоминания, советы («Добавьте вместо картошки лапшу. Можно заправить суп сметаной»), тематические анонсы

возникают перед глазами читателей подобно всплывающим окнам в сети интернет. А тот факт, что редакция постоянно напоминает о «народном» контроле над всеми рецептами («проверено на кухне редакции», «проверили читатели блога»), говорит о коллективном авторстве – структурном признаке интернет-среды. Кто является автором статей и других материалов? Участники Клуба кулинаров *coolinar.ru*. Они выступают в роли народных корреспондентов журнала, тестируют блюда редакционной кухни и дают ценные советы, «ХЛЕБСОЛЬ» публикует их лучшие рецепты, идеи и находки. Кроме этого, на страницах журнала появляются члены редколлегии и знаменитые мастера кулинарного дела, рассказывающие и показывающие, как приготовить то или иное оригинальное блюдо. Сама Юлия Высоцкая предлагает «эффективное меню» месяца, элегантно оформленное и пошагово описывающее этапы создания каждого блюда и сервировки стола для его подачи. Собрав все отрывные страницы внутри журнала, можно получить собственную домашнюю книгу рецептов. И можно не сомневаться, что в новой культуре повседневности старая добрая привычка хозяек принесет свою пользу. Тем более что самодельная книга рецептов не регламентирует жестких правил, одинаковых для всех, а предполагает свободу выбора блюд и их вариаций.

Еще один фактор, подкрепляющий концепцию журнала как мультимедийного народного проекта, – конкурсы. При схожести заявки (конкурсы на лучший рецепт проводит большинство женских журналов) акции журнала «ХЛЕБСОЛЬ» выгодно отличаются своей идеологией. Приведем пример формулировки условий конкурса. «То, что блюда, приготовленные на пару, самые полезные, известно давно. Пар оставляет в продуктах максимум их природных достоинств. Но часто паровую еду обвиняют в отсутствии вкуса и монотонности. Мы хотим бороться со стереотипами!..» [12, с.10]. Участником конкурсов может стать любой читатель, а среди победителей 2010 года встречались граждане Украины и России.

Выводы. Журнал «ХЛЕБСОЛЬ» представляет информационную модель, которая живет далеко за пределами бумажной версии издания, поскольку умело синтезирует формы гастрономической рефлексии, развивающиеся в условиях мультимедийной культуры. Интерактивность, гипертекстовость, персонализация информации вовлекают читателей в увлекательный диалог друг с другом, со своими близкими, с журналом и едой. «ХЛЕБСОЛЬ» живет в кулинарных сетях, семьях и ресторанных заведениях, оправдывая старую добрую пословицу и утверждая новые привычки и ценности в культуре повседневности нашего времени.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 2-е изд.; пер. с франц. Л.Е. Куббеля; вст.ст. Ю.Н. Афанасьева / Ф. Бродель. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – 592 с.
2. Фрумкина Р. Культура повседневности [Электронный ресурс] / Р.Фрумкина.– Режим доступа:<http://www.polit.ru/author/2007/09/12/povsednevnost.html>.
3. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России 19-20 вв.): автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. культурологии / М.В. Капкан. – Екатеринбург, 2010. – 25 с.

4. Шестакова Е.Г. Повсякденність як предмет дисциплін соціально-комунікативного циклу / Е.Г. Шестакова // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2008. – Т.21 (60) №1. – С. 209-218.
5. Косюк О.М. Розважальна функція електронних засобів масової комунікації: світовий контекст та національні особливості: автореферат дисертації на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук / О.М. Косюк. – Львів, 2006. – 18 с.
6. Тагамлик С.В. Праймінг як засіб маніпулювання масовою свідомістю у телетексті (за матеріалами кулінарних програм) / С.В. Тагамлик // Ученые записки ТНУ им.В.И.Вернадского. – Симферополь, 2008. – Т.21 (60) №1. – С. 242-248.
7. Философия «ХЛЕБСОЛЬ» // «ХЛЕБСОЛЬ». 2010. – №7. – С. 96.
8. Конкурс «Бабушкины домашние бублики» // «ХЛЕБСОЛЬ». – 2010. – №3. – С.10.
9. Выбор редакции // «ХЛЕБСОЛЬ». – 2010. – №7. – С.14.
10. Внимание, конкурс! // «ХЛЕБСОЛЬ». – 2010. – №3. – С.10.

Голоднікова Ю.О. Гастрономічна культура епохи медіа в журналі «ХЛЕБСОЛЬ» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.268-277.

Головну увагу статті зосереджено на дослідженні особливостей репрезентації гастрономічної культури в журналі «ХЛЕБСОЛЬ». Ціль аналізу – вивчення моделей гастрономічної рефлексії, що розвинуті в умовах мультимедійної культури.

Ключові слова: *культура повсякденності, гастрономічна культура, гастрономічна рефлексія, цінності, мультимедійні технології.*

Golodnikova Yu. A. Gastronomic culture of the media epoch in the magazine “BREADSALT” // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.268-277.

The main attention of the article is centered on the research of the gastronomic culture representation in the magazine “BreadSalt”. The aim of the research is the study of gastronomic reflection models developing in the multimedia culture conditions.

Key words: *daily life culture, gastronomic culture, gastronomic reflection, values, multimedia technologies.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.2

АНОНСИ НОВИН ІНТЕРНЕТ-ВИДАЊ: СИНТАКСИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА

Гузенко С. В.

*Миколаївський національний університет ім. В. О. Сухомлинського,
м. Миколаїв, Україна*

У статті автор аналізує синтаксичні особливості анонсів новин українських Інтернет-видань, виділяє стилістичні засоби сконденсованості змісту, акцентування необхідної інформації.

Ключові слова: *анонси новин, речення, синтаксис.*

У сучасному інформаційному просторі відбулися глобальні перетворення, пов'язані з пришвидшенням процесів передачі і обробки інформації. Значне місце в цих процесах займає Інтернет. Сьогодні він є одним із найпотужніших, найефективніших, найшвидших засобів масової комунікації. Значимість Інтернет-ЗМК визначають такі фактори: 1) відсутність обмеження часу та місця представлення інформації; 2) можливість розміщення необмеженого обсягу інформації; 3) використання широких технічних можливостей (гіпертекстові посилання, інтерактивні видання, мультимедійні матеріали тощо); 4) відсутність монополізації на поширення інформації; 5) великі можливості пошуку та вибору інформації [3, с. 8].

Ключові позиції у передачі актуальної інформації займають новинні блоки мережових видань. У них особливого значення набувають малі жанрові форми, які дозволяють сприймати максимально сконденсовану інформацію за мінімальний час (замітка, рухомий рядок, анонс новин тощо).

Анонс новин у мережі Інтернет має специфічні риси, порівняно з анонсами на радіо, телебаченні, в друкованих ЗМК. Насамперед це пов'язано із технічними можливостями Інтернет, оскільки одночасно такий анонс є заголовковим гіпертекстовим посиланням, активізувавши яке, можна прочитати замітку із більш розгорнутим викладом інформації.

У роботах дослідників виокремлено Короткий Зміст як один із категоріальних компонентів новинного дискурсу (Т. ван Дейк); проаналізовано новинний анонс як мовленнєвий жанр дискурсу ЗМІ (М. О. Ковальчукова); досліджено проблему гіпертекстуальності в Інтернет-газетах (О. О. Коцарев); комплексно вивчено синтаксичні особливості дискурсу телевізійних новин і анонсів теленовин зокрема (Н. В. Рождественська) [1; 3; 4; 5; 6]. Але на сьогодні відсутній цілісний аналіз композиційної специфіки новинних анонсів Інтернет-видань, функціонування синтаксичних одиниць у них. Це і є *метою* нашої *розвідки*.

Прагматична мета анонсів – в умовах часового цейтноту максимально стисло представити фактичну інформацію про подію, а також заохотити прочитати всю замітку. Найбільш типовою для реалізації цієї мети виявилася структура простих розповідних двоскладних речень: *«Генпрокуратура вимагає від Табачника*

розрахуватися з боргами» (ForUm); «Томас Андерс рекламує безкоштовні екскурсії у Москва-Сіті» (УНІАН). Актуальним для мови анонсів є порядок слів. У сильну початкову позицію можуть бути винесені обставина місця з метою чіткої конкретизації місця події: «У Німеччині затонув танкер з сірчаною кислотою» (Ліга новин), «У Рівненській області директор приховав причину смерті учня» (ForUm), або підмет, що називає суб'єкт дії: «Рада скасувала збір при купівлі-продажу безготівкових валют» (Ліга новин), «Суркіс розповів про завдання Сьоміна» (Ліга новин).

Кількісно переважають прості підмети, виражені іменниками із семантикою активного діяча: «Мер Макіївки запропонував поставити городян на ковзани» (ForUm), «Лукашенко влаштував Бакієва на завод» (УНІАН); носія стану: «Статутний капітал Держіпотeki збільшився в 10 разів» (Ліга новин), «Київни активно стають інвалідами і вагітними» (ForUm); предмета якісної характеристики: «Голкіпер «Шахтаря» – кращий футболіст України» (Ліга новин).

Домінують підмети – власні назви найвищих посадових осіб, політичних діячів, номінації установ: «Уряд заклав «замкнене коло» у пенсійну реформу» (Українська Правда), «Тимошенко дякує ЄС і Чехії за Данилишина» (УНІАН), «Як finance.tochka.net розбирався у вітчизняній медицині» (Tochka.net). Крім того, власна назва набуває метонімізованого вияву, стає стилістично маркованою, створює ефект невимушеності, влучності: «Київ відзначатиме Водохреще народними гуляннями» (ForUm), «МВС буде більше спілкуватися з журналістами по телефону» (УНІАН). Також передають конкретну семантику складні підмети, виражені кількісно-іменниковими сполуками: «У ДТП загинули двоє міліціонерів» (УНІАН), «У Росії на літаку Ан-148 розбилися семеро людей» (Tochka.net).

Набагато менше загальних назв у ролі підмета: «Журналіст згадає хвилину розмови з Януковичем як щасливий сон» (Українська Правда), «Косоокий опоссум став зіркою в Німеччині» (Ліга новин).

Більш стилістично маркованими в простих двоскладних реченнях є присудки. В анонсах Інтернет-видань переважає простий дієслівний присудок. Різним може бути час дієслів. Хоча за своєю тематикою новина – це інформація про події в минулому, в Інтернет-виданнях зустрічаємо у ролі присудка дієслова у формі минулого часу: «Депутати відновили справедливість щодо чоловіків» (ForUm), «Україна вчасно погасила борги в 2010 році» (Ліга новин); теперішнього часу для зближення комунікантів у часі: «Молодь виступає проти нового законопроекту про вищу освіту» (УНІАН), «Митці просять Януковича врятувати Київ» (Українська Правда); майбутнього часу для анонсів можливих подій: «Зросте вартість проїзду в транспорті у Львові» (УНІАН), «Корнійчук проведе за ґратами два місяці» (Ліга новин).

У жанрі анонсів помітно активізовано використання дієслівних складених присудків з різними видами допоміжних елементів. Найуживанішими виявилися фазові дієслова, що підтверджує думку дослідників про їхню активність в інформаційних текстах [2, с. 66]. Разом із інфінітивом вони вказують на результативний початок дії, її тривалість та завершення. Такі реченнєві конструкції позбавлені авторської оцінки, є суто інформаційними, наприклад: «Прикарпатський музей Бандери почав видавати «Наукові записки» (УНІАН), «Каддафі продовжує вважати Бен Алі законним президентом Тунісу» (УНІАН).

Високу продуктивність у мові анонсів новин Інтернет-видань виявляють модальні дієслова із семантикою волевиявлення: «*Данилишин хоче повернутися*» (Українська Правда); можливості: «*Путін може потрапити до «чорного списку» Євросоюзу*» (УНІАН); обов'язковості: «*Могильов обіцяє пустити громадян на мітинги*» (Українська Правда).

Представлені у дослідженому матеріалі у ролі допоміжного елемента дієслівних складених присудків і предикативні прикметники. Здебільшого вони передають семантику готовності до дії, вираженої дієсловом: «*Молочні кооперативи здатні вплинути на керівників молокозаводів*» (УНІАН), «*Венесуела готова розірвати зв'язки з США*» (Ліга новин).

Синтаксичні конструкції з іменним складеним присудком в анонсах новин використовують неактивно, оскільки цей різновид присудків відображає не подієву семантику, а описує стан, ознаку підмета. Як засвідчує обстежений матеріал, цей жанровий формі притаманні конструкції з дієслівною зв'язкою *бути* у нульовій формі та іменною частиною – прикметником або, зрідка, іменником: «*Поляки незадоволені реакцією влади на звіт про Смоленську катастрофу*» (УНІАН), «*Карнавал у Ріо-де-Жанейро – буйство фарб і фантазії*» (Ліга новин).

Односкладні речення в анонсах новин вирізняються своєю специфікою. Неозначено-особові речення реалізують свої специфічні стильові риси: акцентують увагу на виконуваний дії та її об'єктові, суб'єкт залишається на другому плані. У дослідженому матеріалі можна виокремити групу речень із загальною семантикою припущення, можливості наступної дії: «*У Києві можуть знести більше 100 пам'яток архітектури*» (Ліга новин), «*У Грищенка обіцяють допомогти українцям в Росії*» (Українська Правда). Цьому сприяють використані дієслівні складені присудки з модальними дієсловами у функції допоміжного елемента.

Використання простого дієслівного присудка у формі III особи множини теперішнього часу створює стилістичний ефект одночасності виконання дії і читання новини: «*У Верховній Раді шукають бомбу*» (Ліга новин), «*У центрі Києва вводять односторонній рух*» (Ліга новин). Для Інтернет-видань, які позиціонують себе як спосіб найшвидшого отримання інформації, це актуально і важливо. Так само важливо, як анонс подальших подій. Цьому сприяє простий дієслівний присудок у формі III особи множини майбутнього часу: «*Україну рекламуватимуть на CNN*» (ForUm), «*Сьогодні на Майдані запалять голову Різдвяну зірку*» (Ліга новин).

Як вже зазначалося, новинна інформація – це розповідь про події минулого. Акцентує на цьому вживання простого дієслівного присудка у формі множини минулого часу: «*Майдан огородили металевою огорожею*» (Українська Правда), «*Данилишина випустили на волю*» (ForUm).

Активне вживання неозначено-особових речень зосереджує увагу адресата на основних моментах змісту, на дії, приховує суб'єкта цієї дії, що інтригує, викликає бажання дізнатися, про кого йдеться в повідомленні.

Не менш активно в анонсах новин Інтернет-видань використовують безособові речення, які повідомляють про знеособлену, узагальнену результативну дію: «*У США названо книжкові бестселери 2010 року*» (Ліга новин), «*Уряд Туніса відправлено у відставку*» (Ліга новин). Ці реченнєві конструкції все ширше використовують у публіцистиці.

Прагматична мета анонсів стисло представити фактичну інформацію про подію є причиною того, що в них майже не використовують конструкції неповних речень. У дослідженому матеріалі зафіксовані лише приклади неповних речень із пропущеним присудком: «*Герман проти зміни гімну на догоду «тимчасовцям»*» (Ліга новин). Ці конструкції специфічні для коротких жанрових форм, вони компресують виклад, пришвидшують процес інформування читача.

3-поміж складних речень в анонсах Інтернет-новин переважають складнопідрядні речення з прислівними підрядними частинами: означальними та з'ясувально-об'єктними.

Складнопідрядні речення з підрядними означальними відзначаються великою місткістю своєї семантики, змістовою точністю: «*Колесніков відкрив об'їзну дорогу, яку будували 17 років*» (ForUm), «*Кабмін скоротить 10 тис. підприємств, що надають адміністративні послуги*» (Ліга новин). Як зауважують дослідники, цими реченнями часто розпочинають виклад в інформаційних міні-жанрах – інформативних повідомленнях, хроніках, анонсах [2, с. 242].

Активно вживають у мові анонсів реченнєві структури з підрядними з'ясувально-об'єктними: «*Журавко визнав, що погарячкував у спілкуванні з журналістом*» (ForUm), «*МВС заявляє, що 22 січня в Києві планується «кровопролиття»*» (УНІАН), «*У Чехії думають, що переслідування Данилишина – політичне*» (Українська Правда). Ці конструкції є семантично універсальними, легко структурованими. Саме своїм «вичерпним» змістом, вираженим за допомогою цих структур, жанр анонсів значно відрізняється від інших заголовкових комплексів сучасної преси. Так, в анонсі новини відтворено основну змістову інформацію, а в замітці конкретизовано, додано деталі новини.

Абсолютно оригінальною для цього жанру є реченнєва структура безсполучникового складного речення із неповною першою частиною: «*Адамов: у новому Житловому кодексі не зацікавлені чиновники*» (ForUm), «*ЗМІ: Путін може опинитися в «чорному списку» Євросоюзу через справу Ходорковського*» (Кореспондент). Перша частина цих речень максимально сконденсована, в ній пропущено присудок, який зрозумілий за контекстом. Крім того, вгадується підрядний сполучник: «*ЗМІ: Путін може опинитися в «чорному списку» Євросоюзу через справу Ходорковського*» ← ЗМІ повідомляє, що Путін може опинитися в «чорному списку» Євросоюзу через справу Ходорковського та ін.

Найчастіше у першій частині таких речень називають джерело інформації, представленої далі: «*Кравчук: У парламенті сидить непотріб*» (Українська Правда), «*Генштаб: Позаблоковий статус не означає кругову оборону*» (Ліга новин). Іноді найменування цього джерела конкретизовано називанням адресата: «*Луценко – суддям: подумайте про Україну*» (Ліга новин); тематики висловлювання: «*МЗС України про Лівію: Араби вкрай не люблять, коли за них щось вирішують*» (ForUm); обставин надання інформації: «*Тимошенко після допиту: Вони все сфальсифікували*» (Ліга новин). Також ці речення можуть бути побудовані за структурою **факт (подія) – результат (інші факти)**: «*Стрільщина у столиці Тунісу: біля президентського палацу йде бій*» (Кореспондент), «*Повені в Європі: люди пересуваються на човнах*» (Ліга новин); або ж **тема – максимально сконденсована інформація, що розкриває тему**: «*Політпрогноз-2011: рік реформ, переслідування, критики*» (Ліга новин), «*Погода на Новий рік: мороз і сніг*» (Ліга новин).

новин). Останні структури є найбільш фрагментарними, зміст у них скомпресований, спосіб викладу – наближений до внутрішнього мовлення людини. Все це підсилює стилістичний ефект високої інформативності і одночасно доступності фактів.

Висновки. Отже, синтаксичні конструкції, використані в мові анонсів новин Інтернет-видань, сприяють переданню точної, конкретної інформації. Це основна прагматична мета простих двоскладних речень, складнопідрядних речень із прислівними підрядними частинами. Підсилює стилістичний ефект сконденсованості змісту, акцентування необхідної інформації використання неозначено-особових речень, безсполучникових складних речень із неповною першою частиною.

Список літератури

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с. – (Корпус гуманитарных дисциплин).
2. Завальнюк І. Я. Синтаксичні одиниці в мові української преси початку ХХІ століття: функціональний і прагмалінгвістичний аспекти: [монографія] / І. Я. Завальнюк. – Вінниця : Нова Книга, 2009. – 400 с.
3. Ковальчукова М. А. Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / М. А. Ковальчукова. – Ижевск, 2009. – 24 с.
4. Ковальчукова М. А. Анонс как речевой жанр (на материале Интернет-дискурса) / [Электронный ресурс] М. А. Ковальчукова // Научная библиотека Челябинского государственного университета. – Режим доступа: www.lib.csu.ru/vch/131/009.pdf
5. Коцарев О. О. Гіпертекстуальність в інтернет-газетах: заголовкові комплекси, матеріали, файли [Електронний ресурс] / О. О. Коцарев // Наукові записки Інституту журналістики. – Том 11. – Режим доступу: <http://journal.lib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1509>
6. Рождественська Н. В. Синтаксична організація російськомовних суспільно-політичних теленовін (розчленований дискурс) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Н. В. Рождественська. – Дніпропетровськ, 2002. – 20 с.

Гузенко С. В. Анонсы новостей Интернет-изданий: синтаксическая характеристика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.278-282.

В статье автор анализирует синтаксические особенности анонсов новостей украинских Интернет-изданий, выделяет стилистические средства конденсации смысла, акцентирования необходимой информации.

Ключевые слова: анонсы новостей, предложение, синтаксис.

Guzenko S. V. News' notices of web newspapers: the syntactical characteristic // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.278-282.

In the article the author analyses the syntactical features of news' notices of the Ukrainian web newspapers, allocates stylistic means of sense's condensation, accentuation of the necessary information.

Key words: news' notices, sentence, syntax.

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 070:002.1(477.75)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИЗДАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КРИМСЬКА СВІТЛИЦЯ»

Ковалевская В. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*В статье анализируются основные подходы к формированию
информационной политики издания.*

Ключевые слова: *СМИ, менеджмент, информационная политика.*

Актуальность работы. Информационная политика напрямую влияет на качество, тематическую направленность, контент издания. От правильности выбранной стратегии зависит успех или неуспех издания, невозможность конкурирования на рынке. Информационная политика – часть менеджмента любого средства массовой информации. *Цель* статьи – определение информационной политики средства массовой информации. *Задачи* – дать обозначение понятию «информационная политика издания», выяснить, на чем она базируется и как влияет на издание в целом, и по каким параметрам необходимо проводить анализ информационной политики печатного средства массовой информации.

Тема «Информационная политика издания на примере газеты «Кримська світлиця» актуальна для современных масс-медиа в условиях жесткой конкуренции и перестройки рекламного рынка после экономического кризиса 2009 года. Как правило, исследователи уделяют недостаточно внимания информационной политике, считая ее менее важной, чем экономика и управление изданием. Но информационная политика напрямую регулирует процесс создания информационного продукта, от которого зависят предпочтения потребительской аудитории и прибыль издания.

«Информационная политика – это идейно-творческая концепция ведущихся проблемно-тематических линий, направление данного СМИ, характер разработки которого определяется социальной позицией и воплощается в совокупности принятых форм реализации программы» (Е. П. Прохоров, исследователь теории журналистики) [3, с. 245].

Информационная политика редакции – это стратегия деятельности редакции, направленная на создание информационного продукта, прописанная в нормативно-правовых актах внутреннего распространения, которая определяет характер, способ обработки и порядок подачи информации. Информационная политика любого средства массовой информации базируется на правовой базе государства, связанной

с осуществлением государственной информационной политики, на кодексах журналистской этики, на правилах осуществления журналистской деятельности, на пожеланиях руководства относительно качества и вида получаемого информационного продукта. Как правило, информационная политика не является результатом тщательного планирования и маркетингового исследования рынка, а всего лишь итогом субъективных предпочтений владельца.

При формировании информационной политики издания берутся во внимание типоформирующие признаки информационного продукта, которые являются «основным видом типологических признаков, непосредственно влияющих на возникновение, развитие и трансформацию типа издания» [1, с. 52]. К ним относятся издатель, цели и задачи, читательская аудитория (согласно А.И. Акопову «читательскую аудиторию следует определять из: – материалов читательских конференций (если таковые проводились); – редакционных отчетов и передовых статей; – по письмам читателей и их обзорам; – по характеру материалов» [1, с. 31]). Ко вторичным типологическим признакам относятся авторский состав, внутренняя структура, жанровое разнообразие публикуемых материалов и дизайн (общий): «Читателям нужна помощь в освоении огромного количества информации, обрушивающейся на них ежедневно. Эта помощь заключается в хорошем оформлении, в надлежащей организации отдельных разделов и страниц, в хороших указателях и в большом количестве анонсов» [5, с. 85].

Информационная политика издания определяет:

- главные принципы отбора и обработки информации (оперативность, актуальность, достоверность, точность, объективность);
- тематическое и жанровое разнообразие материалов;
- способы визуальной организации информационного продукта (общий дизайн издания, заголовочные комплексы, рубрикация).

Чтобы определить информационную политику издания, необходимо провести его анализ, исходя из следующих параметров:

1. Частота выхода: ежедневник, еженедельник, ежемесячник.
2. Схема управления: учредитель, главный редактор, отделы, творческий коллектив, технический персонал.
3. Аудитория: возрастные группы, количество читателей.
4. Цели и задачи издания.
5. Процентное соотношение жанров.
6. Тематические приоритеты контента информационного продукта, позиционирование издания на рынке: общественно-политическое, информационное, литературное, культурное, развлекательное.
7. Соблюдение журналистских стандартов информационного продукта: оперативности, объективности, актуальности, достоверности, точности, соблюдение баланса между информацией (фактами) и комментариями.
8. Процентное соотношение рекламы.

9. Принципы общего дизайна: верстка, организация материалов на полосе: цветная или черно-белая печать, рубрикация, заголовочные комплексы, иллюстрирование.

10. Обратная связь с аудиторией.

В качестве примера проанализируем информационную политику издания «Кримська світлиця», которая позиционирует себя как единственную украиноязычную газету в АР Крым. «Кримська світлиця» несколько раз претерпевала значительные изменения в связи со сменой схем управления: так, неоднократно менялся главный редактор газеты. В начале 2010 года главного редактора «Кримської світлиці» Виктора Качулу заменил Леонид Пилунский, глава Крымской краевой организации Народного Руха Украины, депутат Верховной Рады Автономной Республики Крым, после чего произошла перемена позиционирования на рынке самого издания: с всеукраинской общеполитической и литературно-художественной газеты «Кримська світлиця» стала всеукраинской литературно-публицистической и художественной газетой. Кардинальные изменения произошли в визуальной организации информационного продукта: прежняя газета имела формат А3, стандартный газетный шрифт, черно-белое оформление – цветными были только первая и последняя полоса. «Новая» «Кримська світлиця» применила международный формат В4, выпускалась на глянцевого бумаге, обильно иллюстрировалась, вольно использовала «белое пространство», крупный шрифт.

Изучение тематической составляющей информационного контента показало, что большое внимание уделялось политике (28%), культуре и искусству в целом отводилось (5-2%). Так как типология газеты является основой для формирования информационной политики издания, то «Кримська світлиця» полностью оправдывала себя как общеполитическую газету, подавая большое количество материалов политической направленности. Новая газета позиционировала себя как литературно-публицистическую и художественную, что сказывалось на материалах культурной или искусствоведческой направленности. Издание существенно изменило принципы информационной политики, что стало результатом перемен целей и задач руководства, смены типологии и принципа позиционирования себя на рынке.

В октябре 2010 года Виктор Качула вернулся на пост главного редактора газеты «Кримська світлиця», что вновь привело к изменению принципов информационной политики редакции. В связи с большими долгами перед типографией и крайне низким финансированием новые номера издания появляются исключительно в интернете.

«Кримська світлиця» снова позиционирует себя как общественно-политическую и литературную газету, что в свою очередь влияет на тематический отбор материалов. Издание выходит раз в неделю – в пятницу, что говорит о ее принадлежности к еженедельным изданиям. Это, в свою очередь, означает, что приоритетной будет информация, которая сохраняет свою важность и актуальность в течение всей недели, а не дня. Но в условиях, когда издание региональное

и новую, интересную информацию не всегда удается отыскать, это является дополнительным плюсом.

Учредители издания «Кримська світлиця» – Министерство культуры и туризма Украины, Всеукраинское общество «Просвіта» имени Тараса Шевченко, трудовой коллектив предприятия «Об'єднана редакція газети «Кримська Світлиця». Главный редактор – Виктор Качула.

Аудитория: «Кримська світлиця» является единственной украиноязычной газетой в АР Крым, что прямым образом влияет на качество аудитории и количество читателей. Издание ориентируется не на определенную возрастную группу, а на ту аудиторию, которая готова получать информацию на украинском языке.

В качестве итога по вышеуказанным параметрам можно сказать, что целями издания «Кримська світлиця» являются информирование аудитории Крыма о самых важных событиях украинской диаспоры, поддержка и развитие украинской культуры в Крыму – так называемое «национальное возрождение».

Жанровое соотношение материалов показывает явное преобладание информационных жанров (59%) над аналитическими (31%) и художественно-публицистическими (10%), что вполне соответствует общественно-политическому статусу издания. Литературная составляющая соблюдена за счёт публикации поэзии или прозы. Язык материалов – украинский, что соответствует позиции издания «Кримська світлиця» как единственной украиноязычной газеты в АР Крым. При этом отмечено преимущество информационных материалов и отчетов с различных выступлений, а это является характерной особенностью издания. Но существуют определенные опасения, что не всякую аудиторию устроят подобные характеристики контента.

Основную тематику газеты «Кримська світлиця» можно разделить на три группы: «политика» (37%), «культура» (46,3%) и «жизнь» (16,7%), что так же подтверждает ее статус общественно-политического издания.

В подготовке материалов издание придерживается журналистских стандартов достоверности, объективности, оперативности. Наблюдается явное преимущество информационной составляющей над комментариями в связи с преобладанием информационных жанров.

Актуальность информации существенна. С одной стороны, «Кримська світлиця» пишет на острые общественно-политические темы, связанные в том числе и с культурой, с другой стороны, удовлетворяет потребность аудитории в получении информации на украинском языке, что делает издание уникальным.

Принцип отбора информации даёт «зелёный свет» фактам, касающимся культурной и политической жизни АР Крым. Министерство культуры без сомнения влияет на издание, что проявляется в публикациях таких материалов, как «Закон Украины про культуру» (№2 пятница 4.02.2011).

Рекламной информации в издании нет, что, скорее всего, связано с выходом издания в сети Интернет, что ограничило доступ потребительской аудитории и значительно уменьшило расходы на подготовку информационного продукта,

предоставив тем самым возможность изданию существовать без рекламной поддержки. Полностью сверстанные номера в формате pdf выложены на сайте издания. В рубрике «архив» можно получить доступ к старым номерам газеты. После восстановления Виктора Качулы на посту главного редактора издания, газета вернулась к старым принципам верстки: на главной полосе после желто-голубого названия издания с адресом сайта и датой создания газеты размещаются материалы, имеющие продолжения на других страницах газеты. Материалы иллюстрируются большими фотографиями. Справа под названием располагаются анонсы, которые представляют собой комплекс, состоящий из названия, краткой характеристики темы материала и номера страницы публикации. Верстка многоцветная, материалы отделяются друг от друга цветами подложки и пунктирными линиями. Материалы на страницах сверстаны мелким кеглем, что делает текст неудобным для прочтения. Верстка издания стандартная, мало белого пространства, материалы разделяются линиями – сплошными или пунктирными, что затрудняет чтение и загромождает пространство полосы.

Рубрикация полос изменяется в зависимости от тематики материалов. Стабильное название второй полосы «З потоку життя», остальные варьируются: «Відлуння подій», «Культура і життя», «Слово – зброя!», «Українці мої...» Название рубрик соответствует тематике издания, а так же его задачам.

Возвращение к старому формату организации материалов может иметь определенное символическое значение для аудитории – как знак того, что газета начинает работу согласно старому порядку, отказываясь от всего, что было предложено во время руководства Леонида Пилунского. Но размещение полноценной газеты в сети вызывает сомнения, ведь в интернете существуют свои особые правила организации текста, ввиду отличий между приоритетами читательских аудиторий, а также большей конкуренции между сетевыми изданиями. Отсутствие доступа потребительской аудитории к сети, неудобство организации материалов приведут к отсеиванию части читателей, а отсутствие прогрессивного, отличного от других материала не привлечет новую аудиторию.

Обратная связь с читателем осуществляется в нескольких вариантах – обсуждение материалов на форумах и книга отзывов, что позволяет редакции в полной мере оперативно реагировать на информационные запросы аудитории, а также корректировать основные направления информационной политики.

Выводы. Проанализировав все параметры, определяемые информационной политикой издания, видно, что принципы работы с информацией полностью обусловлены целями и задачами издания, а также желаниями учредителей. Всё же информационная политика «Кримської світлиці» не принимает во внимание свою потребительскую аудиторию и необходимость правильной организации сетевого издания. Если «Кримська світлиця» не изменит свою информационную политику для обработки информации по принципам сетевых изданий или не найдет способ выходить в печати, большая часть аудитории будет утеряна.

Список литературы

1. Акопов А. И. Периодические издания / А. И. Акопов. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1999.
2. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] / С. М. Гуревич. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text10/01.htm> – Название с экрана.
3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: [учебное пособие] / Е. П. Прохоров. – М.: РИП-холдинг, 2002.
4. Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы [Электронный ресурс] / Малькольм Ф. Мэллет. – Режим доступа: <http://www.tnu.in.ua/study/downloads.php?do=file&id=729>. – Название с экрана.
5. Тертычный А. А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс] / А. А. Тертычный. – Режим доступа: <http://www.tnu.in.ua/study/books.php?do=file&id=741> – Название с экрана.

Ковалевська В. В. Інформаційна політика видання на прикладі газети «Кримська світлиця» // Учене записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.283-288.

У статті аналізуються основні підходи до формування інформаційної політики видання.

Ключові слова: ЗМІ, менеджмент, інформаційна політика.

Kovalevska V. A «Krymska svitlitsya» newspaper as an example of the edition information policy // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.283-288.

This article analyzes the basic approaches to the forming of the edition information policy

Key words: mass-media, management, information policy.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 007:304:070

ЖУРНАЛИСТСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА В УКРАИНЕ

Кондратская В. Л., Жилинская Ю. Е.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Авторы рассматривают условия становления жанра журналистских расследований в Украине. В статье анализируются тенденции создания Центров журналистских расследований в различных регионах Украины, система взаимоотношений между властью и медиа, а также эффективность и результативность расследований в различных СМИ.

Ключевые слова: журналистское расследование, трансформация, эффективность, масс-медиа.

Актуальность исследования. Обращение исследователей к вопросам становления и трансформации жанра журналистских расследований становится особенно важным на современном этапе. Ведущие национальные телеканалы имеют специальные проекты журналистских расследований, некоторые включают расследования отдельным блоком в программы новостей, под этой рубрикой публикуются материалы не только в печатных СМИ, но и в интернете. Очевидно, что жанр расследований относится к самым сложным жанрам в журналистике, так как требует длительной подготовки, большого объема фактической информации, аналитических способностей, качественного юридического сопровождения. Но работа в жанре расследования, по нашему мнению, безусловный показатель высшего пилотажа в журналистике.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическая база работы создана на основе исследований А. Константинова, А. Тертычного, А. Глушко, О. Хоменка, Ю. Шим, важную роль в процессе подготовки статьи сыграли работы зарубежных исследователей, отражающие все этапы становления и трансформации жанра. При написании статьи использованы материалы газет «День» и «Информатор».

Постановка проблемы. Поводом для написания статьи является оценка эффективности жанра на сегодняшний день. Зачастую расследованиями именуют криминальные программы, социальные статьи и проекты, которые только показывают проблему, но не расследуют ее причины и пути разрешения, чего требует жанр журналистских расследований.

В настоящее время в средствах массовой информации все сложнее увидеть качественное журналистское расследование, которое бы соответствовало всем критериям жанра. Журналистское расследование – жанр аналитической

публицистики, цель которого – определить и вскрыть острые общественные, экономические, политические, социальные, моральные, экологические проблемы. Выяснить настоящие причины их существования, которые старательно скрываются от широкой общественности правительственными, политическими и другими влиятельными кругами.

Объектом исследования стали программы журналистских расследований на украинских телеканалах, интернет-проекты центров журналистских расследований, публикации в крымских и всеукраинских печатных СМИ.

Цель статьи – проанализировать факторы, формирующие новые подходы к жанру расследований и оценить их результативность.

Научная новизна работы обусловлена обращением авторов к тенденциям, определяющим пути трансформации жанра расследований в условиях украинского медиапространства.

По мнению исследователя жанра Александра Глушко: «Основная задача журналистского расследования – сорвать таинственный покров с проблем, которые нередко искусственно усложняют жизнь многих людей» [1]. В этом большое значение имеет общественная значимость журналистских выступлений в целом. При этом Владимир Ризун считает, что «ни одному деспоту, тирану не перебороть, в конце концов, и не приуменьшить, роль средств массовой коммуникации, естественно, включенность его в личностный, массовый простор общения, вне всяких политических инсинуаций и манипуляций...» [6]. Перечисленные тенденции весьма характерны для всего информационного пространства Украины.

Опасность трансформации жанра в том, что из источника распространения информации масс-медиа нередко превращаются в средство распространения слухов и всевозможного компромата, не имеющего ничего общего с журналистской работой [2]. Преобразования, происходящие в обществе, вызвали стремительную трансформацию СМИ, которая включает в себя смену и собственников, и идеологии, и принципов подачи информации. Средства массовой информации начинают создавать панику среди населения, создавая провокативные заголовки, особенно часто такие материалы появляются в интернете. Кардинально изменились отношения СМИ и общества. Высокая степень свободы, защиты прав прессы на информацию, выражение различных мнений, безусловно, идет на пользу и обществу, и самой прессе. А любые попытки ограничить доступ к информации, препятствование работе журналиста порождают протестные настроения в обществе.

Действенность журналистских расследований представляет особый исследовательский интерес. На каком бы высоком уровне журналист ни провел работу, она не вдохновляет представителей структур власти коренным образом что-то изменить и предотвратить дальнейшие нарушения. По мнению Егора Соболева, основателя и председателя Бюро журналистских расследований «Свідомо», эффективное расследование «влияет не на власть, а на граждан».

Большинство журналистов признается: «На сегодня целью их деятельности является проинформировать, предостеречь и предупредить зрителя об опасности», – рассказывает в газете «День» журналист Оксана Бакаленко [5].

Конечно, авторам расследований приятно получать отзывы от читателей и зрителей, видеть горячие обсуждения на форумах. Однако основная цель – реакция власти на проблему, так и остается недостигнутой. Как пишет Оксана Бакаленко в газете «День», возникает другая проблема с журналистскими расследованиями – бюджет. «Сегодня в арсенале некоторых журналистов-следователей скрытые камеры, микрофоны, другие технические средства. Это могут себе позволить крупные общенациональные медиа. Мелкие же региональные компании имеют проблемы даже с оплатой командировок. Кроме того, каждый журналист хочет чувствовать себя в безопасности во время сбора информации». Здесь также играет роль и этический фактор журналистики, ведь речь идет об использовании скрытых технических средств.

Сейчас на украинском телевидении становится больше криминальных программ, которые могут позиционировать себя как программы журналистских расследований.

Алексей Степура, независимый журналист, говоря о журналистских расследованиях в Украине, отметил следующее: – Мне кажется, что в современном мире на зрителя изливается такой шквал информации, что это девальвирует любые программы, в том числе и журналистские расследования. Вообще, в нормальном обществе, в той же Германии, где есть пять ведущих каналов, сюжет, посвященный какой-то проблеме, непосредственно влияет на общество, после ее эфира автоматически следуют какие-то выводы. У нас, сами знаете, какое информационное пространство. Какое-то резонансное расследование показали по одному каналу, а по десяти другим показали совершенно другое, в это же самое время. Именно поэтому и происходит девальвация. Поэтому попытки журналистов играть с правоохранительными органами, давить на них – я не знаю, насколько это действительно» [7].

Тенденция последних лет на украинском телевидении: при обилии программ, позиционирующих себя как расследования, качественные программы журналистских расследований постепенно исчезают из эфира. Одной из причин такой ситуации является то, что материальных затрат на создание такой программы требуется намного больше, чем на развлекательную. Продюсерам каналов выгоднее пускать в эфир различные телешоу, которые соберут немалую аудиторию, а снимаются за один день на месяц вперед. Что же касается программ исследовательской журналистики, то здесь успех у зрителей не всегда можно предугадать, потому что украинская аудитория устала видеть в эфире насилие, несправедливость и разбирательства, которых ей с лихвой хватает в реальной жизни.

Основная причина этого в том, что: «Социально ориентированная журналистика, даже профессионально сделанная и пока еще востребованная обществом, не имеет широкой поддержки телевизионного руководства. Так как не является влиятельной – в первую очередь, очевидно, с точки зрения самих телеменеджеров. С ее помощью практически невозможно решить в Украине ни одного вопроса, который волновал бы телевизионных руководителей лично» [7].

Согласимся с мнением шеф-редактора «Телекритики» Натальи Лигачовой, что эффективное расследование раскрывает реальные механизмы процессов, которые расследуются, причины и следствия того, что происходит, отвечая на вопрос «кто виноват?», дает фактологический материал для возможной дальнейшей работы соответствующих органов, а также резонирует с общественным мнением, создает прецедент типологизации конкретной ситуации. «В советские времена, когда была принята практика реагирования госорганов на материалы СМИ, я бы обязательно еще прибавила, что такое расследование, наконец, может закончиться возможностью публикации текста под рубрикой: «Газета выступила. Что сделано?» Однако в наше время на это рассчитывать не приходится. Эффективные расследования сегодня есть, но, к сожалению, не так много, как хотелось.

«Журналисты, работающие в этом жанре, которых хотелось бы выделить, – Мустафа Найем, Сергей Лещенко, Алексей Степура, Евгений Лауер, Егор Соболев, Константин Усов, Максим Бироваш, Артем Шевченко, Андрей Цаплиенко», – сообщает в интервью газете «День» Наталья Лигачова. Прежде всего, необходимо, чтобы расследования касались реально важных вещей и называли имена всех высокопоставленных чиновников, причастных к тем или иным фактам злоупотреблений, несмотря на личности. А это возможно, в свою очередь, только в условиях реально свободных СМИ, свободных от политических и бизнес-интересов своих собственников, невмешательство последних в редакционную политику своих СМИ. Также нужна поддержка гражданского общества, общественных организаций – как в пиаре результатов таких расследований, так и в поддержке журналистов, СМИ (в частности – грантовой). Редактор отметила, что расследования должны превратиться из экзотики в нашем медиапространстве в ходовой продукт, нацеленный на наиболее высокие сферы и наиболее серьезные проблемы. Тогда уже невозможно будет не реагировать на них, прежде всего обществу.

Говоря о трансформации жанра расследований в Украине, считаем, что говорить об эффективных журналистских расследованиях в Украине все-таки можно. Об этом свидетельствует ряд украинских проектов. Институт развития региональной прессы (ИРРП) регулярно проводит журналистские расследования, тренинги, конкурсы, семинары в различных регионах Украины. Тематика проводимых расследований абсолютно разная, это не привычные политические расследования, которые все чаще встречаются в средствах массовой информации. ИРРП сотрудничает с разными центрами журналистских расследований, получая информацию из первых рук и эксклюзивные материалы. На их сайте можно увидеть проекты бюро журналистских расследований «Свідомо», а также расследования ведущих украинских медиа – «Зеркало недели», «Украинская правда» и другие. Важно, что об эффективности этих расследований говорит специальный раздел на сайте – «реакция власти», где можно отслеживать ответы на информационные запросы журналистов, подтверждение или опровержение материалов и фактов.

Так, центр журналистских расследований Крыма (под руководством Валентины Самар), на своем сайте опубликовал в мае-июне 2010 года ряд журналистских расследований – «Мораторий – перспектива для коррупционеров или Почему закон не охраняет черноморских дельфинов», «Живой товар Черного моря», автором

которых является Ольга Мельницкая. Расследования затрагивали проблему изъятия дельфинов из природной среды и дальнейшего содержания их в неволе. В материалах обнародованы факты нарушения природоохранного законодательства. Также автор в статье приводит выводы экспертов, которые указывают на факты незаконного вылова здоровых животных для дальнейшей их продажи или коммерческого использования. Результатом расследования стало рассмотрение этого дела в прокуратуре, после чего директор предприятия был привлечен к административной ответственности, а научный руководитель – к дисциплинарной ответственности за использование животных в показательных мероприятиях без разрешения центрального органа государственной власти по вопросам ветеринарной дисциплины. Получается, что благодаря серии материалов Ольги Мельницкой проблема получила свое разрешение, что говорит о результативности данного журналистского расследования.

Качественные материалы в жанре журналистских расследований представлены и в бюро журналистских расследований «Свідомо» Егора Соболева. Основная идея работы, по словам Егора Соболева, это распространять расследования и процессы, которые касаются многих людей, объяснить, почему так происходит и что можно с этим сделать. После опубликованной статьи «У вас недостовірна інформація», выполненной журналистами бюро расследований «Свідомо», также последовала обратная реакция. В этом материале журналисты раскрыли тему неэффективного использования денежных средств на оплату услуг за пользование программным обеспечением Единого государственного реестра судебных решений, которые имели признаки коррупции. После этой публикации Совету судей Украины и Государственной судебной администрации Украины был отправлен отчет для принятия средств по предотвращению обнаруженных нарушений. Также информация по данным вопросам была отправлена Главному управлению по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Службы безопасности Украины.

Одним из лучших печатных изданий, специализирующихся в этом жанре, является львовская газета «Информатор» агентства журналистских расследований. Темой публикации становятся события экономической, общественной и личной жизни. Во всеукраинском конкурсе «Правда для людей» газета заняла первое место, опередив «Зеркало недели». Газета имеет не одну награду за свои расследования, которые имеют последующий результат. К примеру, расследование Татьяны Савицкой «Черные фармацевты» закончилось задержанием преступной группировки, которая незаконно торговала медицинским оборудованием и лекарствами.

Выводы. Журналистское расследование появляется на свет всегда благодаря личной инициативе и энергии автора, в котором сильно желание бороться за правду и справедливость, и именно с помощью таких людей этот жанр остаётся в журналистике самым ярким и интересным. Благодаря работе над темой мы увидели на примере проектов Е. Соболева, материалов центра журналистских расследований В. Самар, что журналистские расследования и сейчас могут отличаться своей результативностью, способностью привлечь внимание к поставленной проблеме и суметь ликвидировать ее. Об этом говорит ответная реакция власти на затронутые

проблемные темы, и требования журналистов к разрешению их. Перспективы развития центров журналистских расследований важны не только с точки зрения защиты демократических прав и свобод граждан, но и с точки зрения формирования новой журналистики, способной не только заявить о проблеме, придать гласности, но и передать материалы в правоохранительные органы, добившись справедливого решения.

Список литературы

1. Глушко О. К. Журналістське розслідування: Історія, теорія, практика / О. К. Глушко. – К., 2000.
2. Горшков А. Миллион рублей – и газета ваша / А. Горшков, Н. Ребров // Ваш тайный советник. – 1999. – №3.
3. Інститут розвитку регіональної преси [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.itgr.org.ua/> – Название с экрана.
4. Константинов А. Журналистские расследования. История метода и современная практика / А. Константинов. – СПб.: Издательский дом Нева, 2003.
5. Медиа-библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://media.parlament.org.ua> – Название с экрана.
6. Різун В. В. Маси. Тексти лекцій / В. В. Різун. – К.: ВПЦ Київський університет, 2003.
7. Телекритика [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://telekritika.ua> – Название с экрана.
8. Центр журналистских расследований [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://investigator.org.ua/> – Название с экрана.

Кондратська В. Л., Жилінська Ю.Є. Журналістські розслідування. Трансформація жанра в Україні // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.289-294.

Автори розглядають умови становлення жанру журналістських розслідувань в Україні. У статті аналізуються тенденції створення Центрів журналістських розслідувань в різних регіонах України, система взаємин між владою та медіа, а також ефективність і результативність розслідувань у різних ЗМІ.

Ключові слова: журналістське розслідування, трансформація, ефективність, мас-медіа.

Kondratskaya V., Zhilinskaya J. Journalistic investigations. Transformation of genre // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.289-294.

Authors examine the terms of becoming of genre of journalistic investigations in Ukraine. In the article the tendencies of creation of Centers of journalistic investigations are analysed in the different regions of Ukraine, system of relations between power and medias, and also efficiency and effectiveness of investigations in different MASS-MEDIA.

Key words: journalistic investigations, transformation, efficiency, mass-media.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 133.2:316.77

РОЛЬ АВТОРА У ФОРМУВАННІ МЕДІЙНОЇ АКСІОСФЕРИ

Кузнєцова Т. В.

Сумський державний університет, м. Суми, Україна

У статті розглядається проблема ролі автора журналістського матеріалу в формуванні медійної аксіосфери.

Ключові слова: *автор, медійна аксіосфера, медіатекст, детермінант, оцінка мас-медійного матеріалу.*

Постановка проблеми. В умовах трансформаційних змін ціннісної системи глобалізованого світу аксіологічної значущості набувають соціокомунікаційні процеси. Мас-медіа як різновид соціальних комунікацій є інформаційно-аксіологічним механізмом, що відбирає, тиражує та змінює цінності в соціумі. Транслюючи систему поглядів на світ, що структурують інтереси й цінності суспільства, ЗМК формують медійну аксіосферу, що репрезентує ціннісні доміанти суспільства й здійснює певний аксіологічний вплив на реципієнтів.

Актуальність. Медійна аксіосфера може бути представлена як варіативна система ціннісних доміант, детермінованих низкою соціокультурних чинників, вагоме місце серед яких займає автор медіатексту. Адже саме від діяльності професійних комунікаторів, які створюють медіатекст і тим самим спрямовують його аксіологічні вектори в ту чи іншу оцінну площину, значною мірою залежать наявність тих чи інших ціннісних смислів у мас-медійній комунікації, ціннісна парадигма ЗМК. Це дозволяє автору журналістського тексту визнати не лише основним учасником мас-медійної комунікації, а й основним детермінантом аксіологічної медіареальності.

Метою нашої розвідки є дослідження ролі автора журналістського матеріалу у формуванні медійної аксіосфери.

Зважаючи на те що сучасні мас-медіа найчастіше виконують роль транслятора цінностей, ідеалів, стереотипів, способів мислення, у поширенні яких зацікавлені соціальна група, певний центр політичного чи економічного впливу, доцільно говорити про двох умовних представників комуніканта – автора та ініціатора повідомлення. Таке умовне розмежування запропонував Ю. Хойзерман, який розрізняє три взаємопов'язані мовні особистості ЗМК: *Kommunikator* (комунікатор, або ініціатор тексту), *Akteur* (основна дійова особа, автор тексту) і *Rezipient* (отримувач інформації, реципієнт) [4]. Автор та ініціатор тексту може бути представлений як однією, так і кількома особами. У першому випадку автор та ініціатор – це та особа, яка створює й породжує власний текст, виражає в ньому власні думки та погляди. Це, насамперед, незалежний журналіст зі своїми переконаннями і принципами. Саме від його морально-етичних установок, політичних переконань, аксіологічних стратегій комунікація може набувати тих чи

інших ціннісних ознак. Підтримуючи прийняту в певному суспільстві аксіологічну ієрархію, автор експлікуватиме домінуючі цінності соціуму. При цьому він може свідомо, а інколи навіть несвідомо, виводити цінності за межі аксіологічної площини, надавати їм пейоративного забарвлення, вводити ті домінуючі, які взагалі не вписуються в аксіологічну систему певного соціуму. Унаслідок таких стратегій автор втручається в аксіологічну систему й певним чином трансформує її.

У ситуації, коли автор матеріалу – безпосередній «виконавець», виразник чужих ідей, який лише пише статтю на замовлення іншого суб'єкта чи групи суб'єктів, можна говорити про наявність як автора, так й ініціатора тексту, ціннісна парадигма якого (ініціатора) задає певне аксіологічне спрямування повідомленню. Залежно від його «замовлення», світоглядних принципів засоби масової комунікації створюють медіареальність, яка відповідає ціннісній картині світу «замовника».

У сучасній практиці часто спостерігається невідповідність цінностей, які поділяють журналісти, цінностям, які вони тиражують в ЗМК. Така ситуація свідчить про наявність ціннісного дуалізму, що породжує конфлікт професійних орієнтирів і реальної діяльності журналістів. Основним чинником цього конфлікту є комерціалізація, яку можна визнати базовою категорією розвитку сучасних ЗМК. У практичній діяльності авторів медіатексту часто доводиться підлаштовуватися під інтереси власника і формат конкретного видання, унаслідок чого він формує таку аксіологічну реальність, яка суперечить як його ціннісним орієнтирам, так й орієнтирам споживачів інформації.

Така тенденція може привести до деструктивних змін ціннісної системи як споживачів інформації, так і самих журналістів. Тиражуючи викривлені уявлення про ціннісні пріоритети суспільства, медійники можуть «звикнути» до створеної ними аксіологічної медіареальності, що, у свою чергу, здатне призвести до зміни їх ціннісної шкали, зокрема витіснення морально-етичних домінуючих на її нижні щаблі. Так, проведено серед 50 журналістів соціологічне опитування, метою якого було визначення основних рис працівників ЗМК, уже сьогодні засвідчило наявність деяких негативних тенденцій. Зокрема, серед основних чеснот журналіста, серед яких найчастотнішими виявилися комунікабельність, освіченість, об'єктивність, професіоналізм, оперативність, мовна компетентність, ерудованість, обізнаність, професіоналізм, креативність, що зазначили понад 69,2 % респондентів (див. таблицю 1.2), морально-етичні домінуючі (чесність, справедливість, порядність, доброзичливість, ввічливість, толерантність) займають незначне місце: їх зазначили лише 30,8 % опитаних журналістів, причому більшість серед них – люди середнього та старшого віку, молодь, на жаль, рідко акцентувала на цьому свої уваги (це зокрема зазначили лише 22 % опитаних серед них).

Зміщення векторів медійного повідомлення в ту чи іншу площину значною мірою спричинене й специфікою журналістської діяльності. Загальновідомо, що тепер у центрі уваги журналіста – передусім погана новина. Афоризмами нині стали вислови: «Погана новина – гарна новина» (М. Маклюен), «Погані новини витісняють з обігу гарні новини» (Л. Ловітер). Журналісти під час трансляції реальності часто не звертають уваги на позитивні події, явища, зосереджуючись на негативних реаліях суспільного життя. Вони, за словами П. Бурдьє, «мають особливі «окуляри», через які ...бачать одне і не бачать іншого та завдяки яким ...бачать речі певним чином. Вони роблять вибір і конструюють відібрані ними факти» [1, с. 32]. На думку А. Моля, ЗМК «фактично

контролюють усю нашу культуру, пропускаючи її через свої фільтри, виділяють окремі елементи із суспільної маси культурних явищ і надають їм особливої ваги, підвищують цінність однієї ідеї, обезцінюють іншу, поляризують таким чином майже все поле культури. Те, що не потрапило до каналів масової комунікації, у наш час майже не впливає на розвиток суспільства» [2, с. 120]. Сьогодні мас-медіа говорять своїй аудиторії, про що думати, як думати, а інколи навіть, що з цим робити.

Таблиця 1.2. Основні риси журналістів

Риси	Частота вияву
Активність	0,04
Відвертість	0,04
Відповідальність	0,06
Відстоювання власної позиції	0,06
Ввічливість	0,02
Вихованість	0,06
Впевненість	0,02
Дипломатичність	0,06
Добррозичливість	0,04
Допитливість	0,06
Дружелюбність	0,08
Ерудованість	0,25
Комунікабельність	0,75
Креативність	0,22
Лінгвістична компетентність	0,25
Наполегливість	0,04
Незаангажованість	0,20
Неупередженість	0,04
Об'єктивність	0,50
Обізнаність	0,45
Оперативність	0,35
Освіченість	0,35
Порядність	0,06
Професіоналізм	0,25
Професійна солідарність	0,04
Пунктуальність	0,28
Рішучість	0,04
Сміливість	0,03
Справедливість	0,06
Стриманість	0,04
Творча винахідливість	0,04
Толерантність	0,05
Уважність	0,06
Упевненість	0,08
Цілеспрямованість	0,06
Чесність	0,20

Зрозуміло, через всесвітню економічну кризу, поширення тероризму, велику кількість природних і техногенних катастроф складно уникати негативної інформації. Проте в цій ситуації варто зробити все, щоб насилля стало основною складовою ціннісної системи людства; щоб споживач, сприймаючи медійну інформацію, не впадав у депресію. А цього не можна досягти без механізму збалансованого й адекватного подання інформації, дотримання політкоректності й толерантності при мас-медійній комунікації, що може гармонізувати не лише комунікативний, а й соціальний простір у цілому.

Професор Гальтунг (викладач студій миру, член спілки науковців, дослідників і миротворців, які займаються практичними ініціативами щодо налагодження конфліктів), досліджуючи проблеми впливу мас-медіа на зростання й зменшення насильства у світі, визначає низку помилок, яких припускаються журналісти при висвітленні проблем насильства:

1. Деконтекстуалізація насильства: зосередженість на ірраціональному, без висвітлення причин нерозв'язаних конфліктів і поляризації.

2. Дуалізм: скорочення до двох кількості сторін у конфлікті, хоча насправді задіяно набагато більше. Репортажі, що фокусуються на внутрішньому розвитку подій, часто залишають поза увагою такі «зовнішні» сили, як скажімо, уряди інших країн або транснаціональні компанії.

3. Маніхейство: зображення однієї сторони «доброю», а іншої – «поганою».

4. Армагедон: подання насильства як чогось неunikного та безальтернативного.

5. Висвітлення окремих насильницьких актів без уваги до структурних елементів, як-от: бідність, військові або поліцейські репресії, бездіяльність уряду тощо.

6. Плутанина: фокусування лише на арені конфлікту (тобто на полі бою або на місці інциденту), а не на силах і чинниках, які спричинили конфлікт.

7. Уникання інформації про втрати і жертви, у результаті чого акти помсти й наростання насилля стають незрозумілими та несподіваними.

8. Невміння витлумачувати роль ЗМІ у висвітленні тероризму.

9. Неспроможність визначити цілі зовнішнього втручання.

10. Неспроможність проінформувати про мирні пропозиції сторін, що конфліктують, і наслідки примирення.

11. Нерозуміння відмінності між перемир'ям або переговорним процесом і власне миром.

12. Невисвітлення компромісних ситуацій. Як наслідок – конфлікти розгораються знову, бо не приділяється належної уваги намаганням вилікувати суспільні хвороби. За відсутності інформації про спроби розв'язати конфлікт посилюється фаталізм (докладніше див.: [3, с. 46-47]).

Висновки. Ці міркування Гальтунга, безперечно, дають багато приводів для роздумів щодо вироблення механізмів збалансованого подання інформації, які сприяли б зменшенню агресії в комунікативному просторі. Журналіст має усвідомлювати свою відповідальність за сказане слово, висвітлений факт, розуміти,

що його діяльність є аксіологічно спрямованою, яка може кардинально змінити ціннісну систему як окремих респондентів, так і навіть соціуму в цілому.

Список літератури

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые ; [пер. с франц. Т. В. Анисимовой, Ю. В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры» ; Ин-т эксперимент. социологии, 2002. – 160 с.
2. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль ; пер. с франц. ; предисл. Б. В. Бирюкова. – 2-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 416 с.
3. Як висвітлювати конфлікти у ЗМІ: досвід закордонних семінарів // МедіаКритика. – 2004. – № 6. – С. 46–47.
4. Häusermann J. Journalistische Texten. Sprachliche Grundlagen für professionelles / J. Häusermann // Informieren 2, aktualisierte Auflage. – 2005. – 242 s.

Кузнецова Т. В. Роль автора в формировании медийной аксиосферы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.295-299.

В статье рассмотрен вопрос о роли автора журналистского материала в формировании медийной аксиосферы.

Ключевые слова: автор, медийная аксиосфера, медиатекст, детерминант, оценка масс-медийного материала.

Kuznyetsova T. The role of the author in creation of the media's axiosphere // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.295-299.

The article deals with the role of the author in creation of the media's axiosphere.

Key words: author, media's axiosphere, media text, determinants, evaluation of a media text.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 007:304:323.232

СЛОГАН ЯК ЦЕНТРАЛЬНИЙ СУГЕСТОГЕН ПОЛІТИЧНОЇ КАМПАНІЇ

Кутуза Н. В.

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, м. Одеса, Україна

Статтю присвячено політичному рекламному слогану як надпотужному сугестивному складнику політичної кампанії, виявлено чинники, що сприяють запам'ятовуванню й підвищенню сугестивного потенціалу політичних слоганів.

Ключові слова: *слоган, сугестія, політична кампанія, чинники запам'ятовування.*

Вир виборчих процесів в Україні, постійний незбіг обіцянок і пропозицій з реальною дійсністю спричинив негативізацію сприйняття політичних дискурсів – і як наслідок – відторгнення такої інформації реципієнтами, що, у свою чергу, змусило рекламистів, піарників активно відшукувати нові шляхи, засоби й способи увиразнення політичних повідомлень, створення яскравих і запам'ятовуваних текстів для привернення мимовільної уваги виборця. Необхідність такого поновленого креативного підходу відбилася в зміні відповідних стратегій, зафіксованих нами під час передвиборчої кампанії на посаду Президента України в 2009-2010 рр., де, зокрема, актуальною стала перевага слоганів порівняно з рекламними текстами / роликами й передчасний початок передвиборчої кампанії у вигляді соціальних гасел – завуальованої політичної реклами, що давало змогу «уникати» порушення закону [детальніше див.: 6].

Л. Павлюк відзначає іншу причину поширення саме таких рекламних повідомлень, як слогани: «Стабільність електоральної бази давала змогу стратегам працювати за принципом “менше тексту”, покладаючись на паравербальну змову лідера з тією частиною колективної свідомості-ідентичності, яка впізнає своїх авторитетів і свої символи за будь-яких обставин» [9], тобто виборці знаходилися не в стані вибору, а вже заздалегідь визначилися з кандидатом. А. Біденко пояснює це почасти простотою й лаконічністю реклами Ю. Тимошенко, схваленої політологами, що і зумовило появу схожих сюжетів у В. Литвина, В. Януковича, отримавши масовий перехід на смс-формат [див. 2]. Отже, відбувалася «боротьба» слоганів в інформаційному просторі України, де певна частина з них відрізнялася якщо не ефективністю, то оригінальністю. До того ж, низка слоганів практично відбивала тези з передвиборчої програми кандидатів, що позначилося й на їхній структурі, представленої не одним, а декількома реченнями.

Розширення семантичної та структурної амплітуди політичних слоганів зумовило зростання уваги науковців як до дослідження власне політичної реклами в різних аспектах (В. Іванов, Т. Ковалевська, В. Різун, І. Черепанова, О. Шейгал та ін.), так і до політичних слоганів зокрема (див. роботи Т. Ковалевської, Н. Кондратенко, А. Кривоносова, О. Феофанова, О. Шейгал та ін.), проте наукові студії, де порушуються проблеми сугестивного навантаження політичного рекламного

слогану, лише набирають обертів (праці В. Зазикіна, О. Зазикіної, А. Мельникова), тому ідентифікація провідних сугестивних ознак, чинників, які сприяють підвищенню впливового потенціалу слоганів, активуючи мнемічні процеси, є *актуальним* напрямом вивчення таких констант політичної кампанії.

Мета статті – проаналізувати слоган як центральний сугестоген політичної кампанії, що, у свою чергу, передбачає розв’язання низки таких *завдань*: окреслити провідні функції слоганів; розкрити сугестивний потенціал політичних передвиборчих слоганів; виявити чинники, які сприяють підвищенню запам’ятовування та концентрації сугестивності зазначених контекстів. *Об’єктом* аналізу нашої розвідки стали політичні рекламні слогани, які функціонували в передвиборчій президентській кампанії 2009 – 2010 рр., *предметом* – сугестивні особливості політичних слоганів, чинники їхньої впливової ефективності.

Слоган є обов’язковим елементом практично всіх політичних дискурсів, він є потужним складником передвиборчої кампанії в цілому, бо, по-перше, у переважній більшості випадків слоган виступає хедлайном, назвою політичної кампанії, по-друге, містить головну ідею політичної кампанії, по-третє, відзначається частотністю вживання, тому його форма та зміст мають бути ідеальними в різних аспектах – у формальному, семантичному, психологічному, впливовому, лінгвостилістичному тощо. На потужному потенціалі слогану наголошує й А. Кривоносов: «Слоган варто розглядати як своєрідну сильну позицію політичного макротексту, що представляється як сукупність усіх компонентів політичної комунікації (вербальної, невербальної, графічної, кольорової, музикальної, предметної)» [5, с. 257]. Взагалі слоган визначають як «спресовану до формули суть рекламної концепції, доведену до лінгвістичної досконалості запам’ятовувальну думку, словесний портрет політичного діяча» [12, с. 225], «ствердження, яке віддзеркалює чітку позицію кандидата» [13, с. 307].

Основна ціль політичних слоганів полягає в необхідності коротко й переконливо викласти головну ідею програми політичних партій / кандидатів, змусивши виборця віддати голос за певного політичного діяча, а отже, здійснивши потужний вплив на його свідомість і підсвідомість. На специфіці змісту, який засвоївся завдяки механізмам впливу, наголошує й В. Зазикін, стверджуючи, що такому змісту подалі притаманний нав’язливий характер: він (навіяний зміст – Н. К.) зі складністю піддається осмисленню та корекції, являючи собою сукупність «впливових настанов», які активуються з метою створення у людини певного стану спонукання її до певних дій [3, с. 455].

З впливовою функцією політичного слогану тісно пов’язана й атрактивність та інформативність, де під атрактивністю розуміється здатність привернення уваги й меморизація (запам’ятовування) PR-інформації [5, с. 258], що максимально підвищує його сугестивний потенціал, увиразнює який і наявність у структурі слогану імені та прізвища кандидата, скерованих на встановлення міцного асоціативного зв’язку між конкретною особою-претендентом й інформаційним змістом повідомлення.

Багато вчених наголошує на численних способах і чинниках, які стимулюють запам’ятовування політичних рекламних слоганів. На нашу думку, актуальними факторами оптимізації таких процесів є насамперед такі, що корелюють з виокремленими дослідниками методами впливу (див. праці В. Зазикіна, І. Морозової, Н. Суботіна, І. Черепанової та ін.), до яких щонайперше уналежнюємо 1) **лаконізм** –

переважна більшість слоганів є невеликими за обсягом, кількістю слів; 2) **збіг** пропонованої інформації у слогані з інтересами, цінностями, зацікавленнями виборця, переважно стосовно соціальних проблем; 3) **повторення** (персеверація) – а) тексту у всіх ЗМІ, б) певних лексем або його структурних фрагментів (анафоричність / епіфоричність) у межах одного слогану, у низці слоганів, основного слогану в низці факультативних, а також синтезоване сполучення тощо.

1) Серед ознак, які підвищують ефективність слоганів, відзначається їхня **лаконічність**. Дослідниця І. Черепанова стверджує, що психотехнологія політичної влади у всі часи вимагала афористичних девізів і лозунгів, де саме «лаконізм має бути запам'ятовувальним, а сума висловлень має бути схожою на художній сюжет» [13, с. 286]. Узагалі процес запам'ятовування можна розглядати як процес «формування відрізків інформації або груп з об'єднаних сумісно символів доти, доки не утвориться достатньо мала кількість одиниць, які ми зможемо подалі відтворити повністю напам'ять» [8, с. 579]. Це явище схематизації запам'ятованого Дж. Міллер називає перекодуванням, наголошуючи, що людина може зберігати в пам'яті не більш 7 ± 2 «згустків» інформації, бо їй притаманна своєрідна економія мислення, яка відбувається завдяки поєднанню багатьох речей в один «згусток» [8, с. 579]. Д. Слобін припускає, що «одним зі способів “згущення” в пам'яті є перекодування тривалого враження у формі короткого опису – навіть в одне слово – у надії на те, що згодом деталі можуть бути відновлені завдяки зберіганню у пам'яті короткого вербального опису або ярлика» [10, с. 316]. Р. Аткінсон вважає, що «кодування належить до процесів керування такого типу, коли інформація, яка повинна запам'ятатися, вводиться в контекст додаткової, легко витягуваної інформації – такою може бути мнемонічна фраза або речення» [1, с. 512]. У нашому ж випадку це слоган, який і є «згустком», концентром головної ідеї передвиборчої програми, а його лаконічність максимально сприяє запам'ятовуванню, на чому наголошує й В. Зазикін: «Сила впливу переважно залежить від наочності, доступності та лаконічності інформації» [3, с. 455]. Провівши моніторинг політичних слоганів кандидатів на посаду Президента зазначеного періоду, фіксуємо перевагу саме лаконічних форм, наприклад: *Ворог ІХНЬОЇ держави. Анатолій Гриценко; Тільки Литвин гідний нашої довіри!; Країну врятує ПРОДУКТИВНЕ СЕЛО* (слоган А. Яценюка); *Почую кожного! Віктор Янукович* та ін.

2) **Збіг** пропонованої інформації у слогані з інтересами, цінностями, зацікавленнями виборця також значно сприяє запам'ятовуванню. Соціальні питання завжди цікавлять людей і майстерне використання цієї проблематики значно підвищує сугестивність слогану. Як стверджує М. Малішевський, за тематикою слогани можуть ефективно концентрувати обіцянки кандидата в певній сфері [7, с. 28], де практично завжди безпрограшними є такі теми:

а) соціальне забезпечення, особливо в галузі, що стосується пенсіонерів, ветеранів, материнства й дитинства, безкоштовні соціальні гарантії в освіті, охороні здоров'я, наприклад, *Пенсії вищі за прожитковий мінімум; Безпечні ліки, доступна медицина* (слогани В. Януковича);

б) економічне відродження та хазяйські рішення – *Підніmemo економіку – підніmemo і країну* (слоган С. Тігіпка);

в) екологія, чистота довкілля (варто зазначити, що, не зважаючи на велику кількість саме політичних слоганів у виборчих перегонах на посаду Президента України 2009–2010 рр., ми не зафіксували жодного слогану, темою якого була б

екологія та чистота довкілля, хоч це питання також завжди є актуальним і світова спільнота вважає, що в Україні сьогодні відбувається техногенна катастрофа. Проте можемо пояснити це тим, що результати попередніх численних парламентських виборів показали нерезультативність порушення саме цих проблем, зокрема «Партія зелених» мала основне гасло якраз із зазначеної теми й не набрала потрібної кількості голосів, інші ж кандидати взагалі не позиціонували себе як захисники довкілля);

г) забезпечення різного роду можливостей – у навчанні, трудовій діяльності, підприємстві – *Сьогодні тільки Литвин здатен забезпечити стабільність України* (слоган В. Литвина); *Звільнення малого бізнесу від податків на п'ять років; Молоді – освіту і гарантоване працевлаштування* (слогани В. Януковича);

г) патріотизм, національне або державне відродження – *Тільки Литвин об'єднає країну для великої справи* (слоган В. Литвина); *Ющенко, як і я, – патріот України* (слоган В. Ющенка). Порушення таких соціальних питань у слоганах є актуальним, а потреба в безпеці, відчуття патріотизму, недовіра до матеріалів про конкурента та ін., за В. Шейновим, становлять собою своєрідні «мішені» впливу на виборця [14, с. 617-619], бо, на думку В. Закикіна, «ефект особливо сильний тоді, коли навіюване загалом відповідає потребам та інтересам того, на кого впливають» [5, с. 455]. Отже, збіг пропонованої у слогані інформації з інтересами, цінностями, зацікавленнями виборця значно максимально сприяє впливу та запам'ятовуванню.

3) **Повторення** (персеверація) – а) тексту у всіх ЗМІ, б) певних лексем або його структурних фрагментів (анафоричність / епіфоричність) у межах одного слогану, у низці слоганів, основного слогану в низці факультативних, а також синтезоване сполучення.

а) Багаторазове повторення однакових повідомлень у декількох засобах масової інформації суттєво підвищує запам'ятовуваність, оптимізуючи впливові ефекти: «Гасла, заклики крилаті вислови повторюються настільки часто, що починають сприйматися буквально без критичного аналізу» [4, с. 131]. Таким чином інформація закарбовується у свідомість / підсвідомість, і, як вважає Н. Субботіна, «закладається ... в довготривалу пам'ять для того, щоб почувши ключове слово, жертва рекламної агресії миттєво пригадала увесь слоган і відчула потребу в купівлі рекламованого товару» [11, с. 157] (у нашому випадку – проголосувати за певного кандидата).

б) Характерним для аналізованого матеріалу є не лише велика кількість повторюваних слоганів, але й підвищена повторюваність певних лексем або їхніх структурних фрагментів (анафоричність / епіфоричність) у межах одного слогану, у низці слоганів, основного слогану в низці факультативних, а також синтезоване сполучення, поєднання вищезазначених повторів тощо. Так, політичні слогани відзначалися активним вживанням повторів, зокрема анафоричністю (повторення слів на початках суміжних відрізків мовлення) та епіфоричністю (повтори слів у завершеннях суміжних відрізків мовлення). **У межах слогану** зафіксовано повторення однакових лексем – переважно анафори, наприклад, слогани С. Тигіпка *Сильний президент – сильна країна!*; *Піднімемо економіку – піднімемо і країну!*; слоган А. Гриценка *Був ефективним міністром – буду ефективним Президентом*; слоган М. Бродського *Врятуй одне життя і ти врятуєш світ*; слоган Ющенка *Буде Ющенко – буде Україна*. Відзначимо, що ритмізація, яка забезпечується однаковими лексемами й тире, підвищує запам'ятовувальну здатність слогану.

Низка слоганів починалась або закінчувалася повторами в текстах окремо представлених слоганів, проте локальна близькість бігбордів зі слоганами певного кандидата (наприклад, розташування через декілька метрів) створювала враження єдиного дискурсивного простору, наприклад, слогани А. Яценюка *Країну врятує ПРОДУКТИВНЕ СЕЛО; Країну врятує БОЄЗДАТНА АРМІЯ; Країну врятує НОВА ІНДУСТРІАЛІЗАЦІЯ; Країну врятують ЗДОРОВІ ОСВІЧЕНІ ЛЮДИ*; слогани В. Литвина *Тільки йому можна довірити нашу долю!; Тільки йому можна довірити нашу країну!; Тільки ВІН гідний бути президентом!; Тільки ВІН буде служити людям вірою і правдою!; Тільки он заботитися о людях!; Тільки он наведєт порядок!; Тільки Литвин об'єднає країну для великої справи; Тільки Литвин гідний нашої довіри*; слогани М. Бродського *43 українці помирають щодня від алкоголю; 1153 українці помирають щодня від захворювань серця та хвороб кровообігу*; слогани В. Ющенка *Ющенко – за справедливу, сильну Україну; Ющенко, як і я, – патріот України; Ющенко захистив наше право обирати владу*; слогани А. Гриценка *Я оголосив війну їхній державі; Ворог ЇХНЬОЇ держави*. Переважна більшість повторів є анафоричними, епіфоричних же обмаль.

Основний політичний слоган кандидатів на посаду Президента також міг супроводжуватися факультативними, які переважно містили інформацію про конкретні досягнення кандидата, наприклад, слогани В. Ющенка *323 мільярди інвестицій. Ми зробили!; Єдине вікно для підприємців. Ми зробили!; Повернули солдат з Іраку. Ми зробили!; Євро-2012. Ми здобули!*; слогани Ю. Тимошенко *Всупереч кризі зарплати бюджетним працівникам виплачують вчасно. Вона – працює; Шельф Чорного моря повернено державі. Вона – працює*. Тут здебільшого зафіксовано вживання констант-слоганів епіфоричного характеру, що надає фактичної переконливості.

Синтезоване сполучення, поєднання вищезазначених повторів, де зафіксовано й повторення лексем, і повторення основного слогану: *Вони балакають, вона – працює; Вони блокують, вона – працює; Вони зраджують, вона – працює; Вони руйнують, вона – працює* (слогани Ю. Тимошенко). У наведених прикладах застосування повторюваних елементів у факультативних слоганах є анафоричним, в основних (провідних) – епіфоричним.

Висновки. Отже, слоган є центральним сугестогеном політичної кампанії, що увиразнюється застосуванням засобів оптимізації мнемічних характеристик його сприйняття, серед яких на особливу увагу заслуговує лаконічність форми, кореляція з актуальними в соціумі психоментальними настановами та персеверативність. Подальше детальне вивчення чинників, які сприяють запам'ятовуванню та, відповідно, впливу рекламних політичних слоганів прислужиться в поглибленні наукової проблематики комунікативного різножанрового впливу.

Список літератури

1. Аткінсон Р. Управление кратковременной памятью / Р. Аткінсон // Психология памяти / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова]. – М.: ЧеРо, 1998. – С. 508-547.
2. Біденко А. Агітаційна міфологія / А. Біденко [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua.pravda.com.ua>
3. Зазыкин В. Г. Психология рекламы / В. Г. Зазыкин // Психология и психоанализ рекламы: Личностно-ориентированный подход: [хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский]. – Самара: Бахрах-М, 2007. – С. 448-469.

4. Зазыкин В. Г. Психология рекламы и рекламной деятельности / В. Г. Зазыкин, Е. В. Зазыкина, А. П. Мельников. – М.: ЗАО «ИНТЕЛБУК», ООО «Издательство ЭЛИТ», 2009. – 224 с.
5. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / Д. А. Кривоносов. – 2-е изд., доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
6. Кутуза Н. В. Соціальна реклама як маніпулятивні технології політичного PR / Н. В. Кутуза // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2010. – Т. 23 (62), № 2, Ч. 2. – С. 233-238. – (Серия «Филология. Социальные коммуникации»).
7. Малишевский Н. Н. Технология и организация выборов / Н. Н. Малишевский. – Мн.: Харвест, 2003. – 256 с. – (Библиотека практической психологии).
8. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию / А. Дж. Миллер // Психология памяти / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова]. – М.: ЧеРо, 1998. – С. 564-582.
9. Павлюк Л. Політична реклама у президентській кампанії – 2009: війна «усіх проти усіх» і її креативні банальності / Л. Павлюк // МедіаКритика. 11.01.2010 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.mediakrytyka.info>
10. Слобин Д. Язык и память / Д. Слобин // Психология памяти / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова]. – М.: ЧеРо, 1998. – С. 314-324.
11. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе / Н. Д. Субботина. – М.: КомКнига, 2006. – 208 с.
12. Феофанов О. Реклама: новые технологии в России / О. Феофанов. – СПб.: Питер, 2003. – 384 с. : ил. (Серия «Маркетинг для профессионалов»).
13. Черепанова И. Заговор народа. Как создать сильный политический текст / И. Черепанова. – М.: КСП+, 2002. – 464 с.
14. Шейнов В. П. Пиар «белый» и «чёрный»: Технологии скрытого управления людьми / В. П. Шейнов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 672 с.

Кутуза Н. В. Слоган как центральный суггестоген политической кампании // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология.Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.300-305.

Статья посвящена политическому рекламному слогану как наисильнейшей суггестивной части политической кампании, выявлены факторы, которые способствуют запоминанию и повышению суггестивного потенциала политических слоганов.

Ключевые слова: *слоган, суггестия, политическая кампания, факторы запоминаемости.*

Kutuza N. V. Slogan as the main suggestive component of a political campaign // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.300-305.

The article is dedicated to a political advertising slogan as a powerful suggestive component of a political campaign. The factors that promote memorizing and the rise of the suggestive potential of political slogans have been found.

Key words: *slogan, suggestion, political campaign, factors of memorizing.*

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.161.1'23

КОНТАКТУСТАНАВЛИВАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Масленников И.С.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

Статья посвящена изучению контактоустанавливающей функции обратной связи, представляющей собой структурно-смысловой компонент полемического дискурса печатных СМИ, нацеленный на поиск решения актуальной проблемы.

Ключевые слова: *полемический дискурс, контакт, обратная связь, диалог, проблемная статья.*

Постановка проблемы. Полемический дискурс печатных СМИ как объект лингвистических исследований представляет интерес не только с точки зрения его структурной организации и прагматики. Обладая повышенной способностью к организации взаимодействия между участниками, данный тип дискурса в полной мере реализует контактоустанавливающую функцию.

Цель данной работы: проанализировать проблему контакта как неотъемлемого компонента обратной связи в полемическом дискурсе.

Задачи статьи: рассмотреть существующие подходы к понятию *контакт* и определить основные коммуникативные приемы, реализующие диалогическую составляющую в полемическом дискурсе.

Контакт, являясь доминантой общения, все чаще оказывается в поле зрения лингвистов и исследуется преимущественно в рамках коммуникативно-прагматического подхода. Контактустанавливающие функции обратной связи в полемическом дискурсе могут быть описаны в русле этого подхода.

Анализ последних исследований. По определению Г.В. Карпук, под контактом как условием успешной реализации коммуникативного намерения понимается «установка на достижение эмоционально-интеллектуального взаимопонимания, регулирование коммуникативной дистанции (как правило, ее сокращение), формирование доверия и достижение позитивной настроенности коммуникантов по отношению друг к другу» [1, с. 4]. Принимая во внимание тот факт, что установление речевого контакта предполагает ряд действий, как, например, появление намерения вступить в речевую коммуникацию, создание адекватной обстановки общения и др., целесообразно рассмотреть ряд параметров, необходимых для описания механизма установления контакта в полемическом дискурсе печатных СМИ.

Отметим, что полемический дискурс представляет собой отсроченный во времени и пространстве диалог, в котором репликой-стимулом может выступать проблемная статья в целом или ее информационный отрезок. В свою очередь,

репликой-реакцией могут становиться целые тексты откликов читателей или же их информационные отрезки [2, с. 16]. При этом сами отклики читателей могут выступать в роли стимулов для других адресатов. Эта коммуникативная цепочка определяет особенности этапов реализации контактоустанавливающей функции.

В процедуре установления контакта можно выделить следующие этапы: наличие как минимум двух коммуникантов; появление намерения вступить в речевую коммуникацию; анализ партнера и его предрасположенности к коммуникации; создание адекватной обстановки общения; выбор канала общения; выбор кода общения; привлечение внимания адресата; посылка соответствующего запроса на установление контакта. Обращаясь к анализу полемического дискурса, следует отметить, что эти этапы могут иметь определенные отличия от этапов контактоустановления в других типах дискурса. Так, если рассматривать контакт с точки зрения взаимодействия между отправителем информации и адресатом, то ведущее значение приобретает прагматическая характеристика и ценность передаваемой информации. На первый план может также выступать характер взаимоотношений между адресантом и адресатом, обусловленность характера коммуникации ролью и намерением каждого из ее участников.

В полемическом дискурсе печатных СМИ целью интеракции является поиск решения актуальной проблемы. При этом адресант в лице автора проблемной статьи может преследовать и ряд второстепенных целей, таких как побуждение читателей к дискуссии, информирование, поиск единомышленников во мнении и т. д. В свою очередь, читатели, присылая свои отклики на статью, также преследуют различные цели: выражение согласия/несогласия с мнением автора статьи, потребность выразить свое отношение к той или иной проблеме, реализацию потребности в общении и т. д. При этом неоспоримо то, что практически каждая цель предполагает наличие у адресанта интенции к установлению контакта с адресатом.

В процессе коммуникации психические состояния реципиента последовательно сменяются одно другим, причем каждое последующее состояние напрямую зависит от предыдущего. Поэтому особое значение для адресанта приобретает выбор подходящей коммуникативной стратегии, в процессе реализации которой решаются такие задачи, как: 1) установление контакта между коммуникантами; 2) привлечение внимания адресата к определенному факту; 3) изменение уровня информированности адресата; 4) изменение или сохранение установки восприятия. Наиболее актуальными оказываются первые две задачи, хотя контактоустановление в широком смысле требует реализации всех четырех вышеупомянутых задач. К решению задачи установления контакта с адресатом приступают в самом начале процесса коммуникации. Так, например, в дискурсе печатных СМИ, в статьях и откликах с этой целью используется эмоционально окрашенная лексика, скрытая референция и другие речевые приемы, которые могут привлечь внимание читателей, заинтриговать или насторожить их. Решение этой задачи несколько затруднено в случаях, когда адресант может рассчитывать лишь на произвольное внимание адресата.

Каждый из этапов контакта имеет определенное значение и обладает рядом особенностей. Начальный этап коммуникативного акта, как правило, определяет его

последующую организацию и степень успешности, т. е. того, насколько были реализованы интенции коммуникантов. На данном начальном этапе можно выделить несколько подэтапов, которые проявляются через различные акты речи и речевые стратегии: привлечение внимания, идентификация адресата, прямое обращение, приветствие, представление, комплименты, комментарии, пожелания, извинения, благодарности и так далее и, в конечном итоге, постепенный переход к непосредственной передаче информации. Каждый из этих подэтапов включает в себя характерные речевые акты и имеет определенный арсенал средств выражения. Сюда входят лингвистические, экстралингвистические, паралингвистические, проксемические, грамматические средства выражения.

В зависимости от коммуникативного намерения говорящего и направленности коммуникации выделяют несколько типов адресатов: непосредственный, опосредованный, случайный, условный и др. В зависимости от типа адресата происходит настройка речевого поведения отправителя информации. При этом прагматическая ценность коммуникации определяется количеством и характером связей, которые возникают между коммуникантами. Особенность полемического дискурса состоит в том, что, во-первых, проблемная статья предназначается для широкой аудитории. Автор не может с уверенностью ориентироваться на тот или иной тип адресата. Поэтому одним из наиболее распространенных контактоустанавливающих средств в проблемной статье являются вопросительные конструкции. Вопросительные высказывания по своей иллокутивной функции предполагают не только заполнение информационных лакун, поступающими на них ответами. Они могут также выступать средством побуждения адресата к действию. Например: **Адресант** – *Зачем нам нужна целая армия профессионалов?* Автор проблемной статьи путем постановки данного вопроса ожидает ответной реакции от адресата, тем самым предполагается установление контакта между коммуникантами.

В свою очередь, способность читательских откликов выполнять не только реактивную, но и стимулирующую функцию расширяет репертуар языковых средств установления контакта в полемическом дискурсе. Как правило, читатели указывают свои собственные имена или псевдонимы, которые употребляются участниками полемического диалога как средства обращения для установления контакта. Например: **Адресант** – *Владимир 9.23. Ваша идея о дополнительном вопросе в избирательном бюллетене является настоящим подарком для любого правительства.* В данном примере имя собственное *Владимир* сопровождается указанием времени поступления отклика, на который другой читатель выражает собственную реакцию. Употребление имени собственного, указание времени, а также употребление притяжательного местоимения *Ваша* в совокупности с лексемой *идея* способствует точной идентификации объекта контактоустановления.

Не менее распространенным средством установления контакта в откликах читателей являются риторические вопросы. Как известно, данный тип вопросительных предложений характеризуется тем, что с собственным вопросом его объединяют структурные сходства и наличие вопросительного знака в конце предложения. Однако иллокутивная функция риторического вопроса заключается в

констатации определенного факта. Кроме этого, в полемическом дискурсе обнаруживается способность таких вопросительных высказываний реализовывать функцию побуждения. Риторические вопросы, в свою очередь, могут выполнять и контактоустанавливающую функцию.

Помимо этого, существуют различия во взглядах на прагматическую установку дискурса печатных СМИ, поскольку изменение в характере коммуникативно-речевых отношений автора и адресата современных СМИ влечет за собой и изменение функций газетных средств информации, основная задача которых в современных условиях – не столько информировать общество о событиях, происходящих в мире, сколько так или иначе, с учетом разнообразных критериев и установок интерпретировать реальное событие, давая ему определенную оценку [3, с. 39-67]. При этом механизмы интерпретации в сфере массовой коммуникации, во многом обусловленные фактором адресата, представляются еще далеко не изученными.

Полемический дискурс как подтип дискурса печатных СМИ, напротив, характеризуется четкостью своих границ (представлен текстами проблемной статьи и откликов на нее) и прозрачностью коммуникативной цели, заключающейся в поиске решения актуальной проблемы.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что для полемического дискурса печатных СМИ характерно стремление установить действенный контакт с адресатом. Однако контакт в исследуемом дискурсе имеет определенные особенности. Во-первых, контакт устанавливается опосредованно, т.е. посредством бумажных и/или электронных носителей, основная нагрузка ложится на языковые контактоустанавливающие средства. Во-вторых, в откликах читателей, в отличие от проблемной статьи, обнаруживаются контактоустанавливающие слова, которые помогают идентифицировать конкретных участников диалога и понять особенности этого вида взаимодействия. В-третьих, очевидным оказывается тот факт, что контакт в полемическом дискурсе печатных СМИ имеет имплицитный и эксплицитный характер, поскольку контакт устанавливается на информационном уровне и не всегда получает языковое выражение, либо реализуется в виде речевых формул согласия/несогласия между коммуникантами. Эти и другие языковые маркеры успешности реализации контактоустанавливающей функции в полемическом дискурсе печатных СМИ будут исследованы в дальнейших работах.

Список литературы

1. Карпук Г. В. Контакттоустанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американских адвокатов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «теория языка» / Г. В. Карпук. – Минск, 2006. – 20 с.
2. Сажина Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса : дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «германские языки» / Е. В. Сажина. – Минск, 2007. – 132 с.
3. Сорокин Ю. А. Креализованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 39-67.

Масленников И.С. Контактвстановлююча функція зворотнього зв'язку в полемічному дискурсі // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.306-310.

Стаття присвячена вивченню контактвстановлюючої функції зворотнього зв'язку, яка представляє собою структурно-смісловий компонент полемічного дискурсу друкованих ЗМІ, що націлений на пошук рішення актуальної проблеми.

Ключові слова: *полемічний дискурс, контакт, зворотний зв'язок, діалог, проблемна стаття.*

Maslennikov I. S. The function of establishing contact feedback in a polemical discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.306-310.

The article is devoted to the study of the function of establishing contact feedback that corresponds to structure and semantic component of polemical discourse of print media aimed at finding a solution to an urgent problem.

Key words: *polemical discourse, contact, feedback, dialogue, problem article.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 070

ОСВЕЩЕНИЕ «КРЫМСКИХ ПРОБЛЕМ» В ГАЗЕТЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Мащенко А. П.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье анализируются публикации «Нью-Йорк Таймс», посвященные Черноморскому флоту, которые увидели свет на протяжении 1992 года – первого года после распада СССР. Статья демонстрирует наличие у «Нью-Йорк Таймс» целенаправленного интереса к Крыму, систематизирует публикации издания, посвященные Крыму и Черноморскому флоту, и объясняет причины, по которым авторитетная американская газета проявляет интерес к судьбе Крыма и Черноморского флота.

Ключевые слова: «Нью-Йорк Таймс», Крым, Севастополь, Черноморский флот, российско-украинские отношения, средства массовой информации.

Ситуация в Крыму вызывает интерес не только в Украине и традиционно близкой нам России, но и далеко за пределами постсоветского пространства – в том числе, в Соединенных Штатах Америки.

Зеркалом этого интереса являются средства массовой информации.

Обратимся к «Нью-Йорк Таймс» – одной из самых влиятельных и авторитетных газет США. После распада СССР, в период с 1992 по 2010 год включительно, это издание опубликовало 334 статьи, в которых упоминается Крым.

Эти статьи посвящены разным темам – российско-украинским спорам о принадлежности Крыма, так называемому крымскому сепаратизму, возвращению на полуостров депортированных народов, туристическому потенциалу региона. Однако, если не самой главной, то самой резонансной, самой острой крымской темой, интересующей «Нью-Йорк Таймс», является базирование в Крыму Черноморского флота – сначала СССР, а потом Российской Федерации.

На этой теме мы и сосредоточим наш интерес.

Цель работы – анализ публикаций «Нью-Йорк Таймс», посвященных Черноморскому флоту, на протяжении 1992 года – первого года после распада СССР.

Задачи:

- продемонстрировать наличие у «Нью-Йорк Таймс» целенаправленного интереса к Крыму;
- систематизировать публикации издания, посвященные Крыму и Черноморскому флоту;
- показать, какой изданию виделась ситуация в Крыму и на Черноморском флоте сразу после распада СССР;

– выявить причины, по которым газета проявляет интерес к судьбе Крыма и Черноморского флота.

Актуальность. Сегодня есть немало работ, авторы которых анализируют политику США в Крыму, однако в то же время, в научном пространстве практически не анализируется содержание публикаций ведущих американских СМИ, посвященных Крыму. А ведь именно они, с одной стороны, отражают реальный интерес США к Крыму, а с другой, формируют в американском обществе – в том числе, и в его элите – имидж этого ключевого причерноморского региона. Этот пробел отчасти и призвана восполнить наша публикация.

На момент распада СССР Черноморский флот представлял собой достаточно мощное боевое формирование. В его состав входило свыше 300 боевых кораблей и вспомогательных судов, в числе которых было два противолодочных крейсера, шесть ракетных крейсеров и больших противолодочных кораблей первого ранга, десятки эсминцев, сторожевиков, тральщиков и десантных кораблей; около 110 тысяч человек личного состава и более 60 тысяч рабочих и служащих.

Естественно, судьба этой зависшей между Украиной и Россией армады не могла не беспокоить Соединенные Штаты Америки – самое мощное государство, оставшееся в мире после краха Советского Союза.

Не имея возможности подробно анализировать каждую крымскую публикацию «Нью-Йорк Таймс», мы остановимся здесь лишь на ключевых материалах издания, отражающих важнейшие моменты в судьбе Черноморского флота бывшего СССР.

Официально Советский Союз прекратил свое существование 26 декабря 1991 года, а уже 5 января 1992 года в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья Сергея Шмемана «Украина стремится заставить флот принять присягу» [1].

«Украина приказала всему Черноморскому флоту и всем наземным силам, базирующимся на территории республики, принять присягу на верность Украине, что предвещает обострение отношений с Россией» [1], – пишет газета.

«Контроль над большими вооруженными силами бывшего Советского Союза является одной из вызывающих разногласия проблем, стоящих перед членами нового содружества, особенно перед Украиной и Россией» [1], – отмечает «Нью-Йорк Таймс». При этом «проблема еще больше осложняется тем, что Россия полагает, что Крымский полуостров и главные порты Черноморского флота, которые сегодня являются частью Украины, исторически являются российской территорией» [1].

10 января на страницах «Нью-Йорк Таймс» появляются сразу две статьи, посвященные судьбе Черноморского флота (ЧФ). Первая называется «Украина добивается лояльности советских войск» и рассказывает о встрече президента Украины Леонида Кравчука с высшими офицерами бывшего СССР. «Статус ЧФ будет не только определять будущее флота, но и иметь огромное значение для будущего статуса Украины», – цитирует издание Кравчука. – «Я думаю, никто не сомневается в том, что Украина должна быть морским государством. Она имеет для этого все основания. Множество километров морского побережья. Более четверти украинских граждан живут в черноморском регионе. Это имеет огромный

экономический потенциал. У Украины есть реальное желание иметь военно-морские силы» [2].

Однако в ответ командующий ЧФ адмирал Игорь Касатонов указал Леониду Кравчуку на то, что в составе экипажей некоторых кораблей – моряки 25 национальностей, а всего на флоте служат представители 46 национальностей. «Это мина, которая взорвется, если мы заставим моряков присягнуть одному суверенному государству», – приводит «Нью-Йорк Таймс» мнение адмирала.

Другая статья, опубликованная в этом же номере издания, сообщает о решительном заявлении президента России Бориса Ельцина о том, что ЧФ принадлежит России, а не Украине.

«Черноморский флот был, есть и будет российским», – цитирует издание слова российского президента и констатирует: «Положение флота является критической проблемой, потому что он является одним из наиболее ценных активов дезинтегрированной Советской армии» [3].

«Заявление Ельцина подчеркивает российскую чувствительность к судьбе легендарного флота, который был ядром Российского императорского флота, начиная с XVIII века, и к его базе, Севастополю, исторически российскому городу» [3], полагает «Нью-Йорк Таймс».

«Ельцин, очевидно, думал, что соглашение о создании Содружества будет служить сохранению экономического и военного единства среди старых советских республик. Однако не успели высохнуть чернила, как Украина бросилась вперед с приготовлениями к созданию собственной валюты и армии и, наконец, с требованиями Черноморского флота» [4], – приходит к выводу журналист издания Сергей Шмеман.

«Разногласия между Украиной и Россией растут», – констатирует «Нью-Йорк Таймс» 5 марта. – «В зависимости от того, кто говорит, украинская борьба с Россией из-за бывших советских вооруженных сил выглядит то линией фронта в борьбе за независимость государства, то опасной неосмотрительностью. Украинская настойчивость в формировании собственных вооруженных сил и требование Черноморского флота принятия присяги 700 тысячами военнослужащих, расквартированных на украинской земле, стали главными источниками растущих разногласий с Россией» [5].

«Критики заявляют, что перетягивание каната поставило военных в позицию ребенка, вынужденного выбирать между двумя разводящимися родителями, каждый из которых предлагает мешок сладостей в обмен на лояльность» [5], – пишет издание.

31 марта в «Нью-Йорк Таймс» появляется первый после распада СССР материал, написанный непосредственно из Крыма, из Севастополя – «Крым лежит в сердце российско-украинской схватки за флот». В ситуации на полуострове попыталась разобраться журналистка Селестин Болен.

Вот к какому выводу она пришла.

«Ссора между Россией и Украиной из-за Черноморского флота – это не просто ссора из-за огромных серых боевых кораблей в узкой городской бухте, над которыми

до сих пор развеваются красные серпасто-молоткастые флаги бывшего Советского Союза.

Как указывает большинство русских и украинцев, эта борьба... имеет более глубокие исторические корни. Во многом это борьба за Крым, который сейчас балансирует на грани референдума о независимости от Украины, и за Севастополь...

Украинские требования являются территориальными: Крым является частью Украины с 1954 года, когда он был передан из-под юрисдикции России Киеву, отчасти из соображений административного удобства.

Требования России – исторические, многие русские, живущие здесь и составляющие более 70 процентов четырехсоттысячного населения города, до сих пор сохраняют глубокую эмоциональную связь с Россией» [6].

Американский журналист приводит данные руководителя пресс-центра ЧФ Андрея Лазебникова, по словам которого, 91 процент офицеров и моряков присягнули СНГ. В то же время, пишет Болен, украинские офицеры говорят, что присягу на верность Украине приняли сотни офицеров и моряков, и что это – протест против репрессий, устроенных командованием флота. «Моряки и офицеры говорят, что соревнование из-за их присяг подрывает мораль, стравливая украинцев и русских таким образом, к которому никто не был готов» [6].

По мнению украинских офицеров, которое приводит журналистка, Россия преследует свои собственные интересы под камуфляжем Содружества независимых государств.

«Карта на стене флотского пресс-центра, кажется, подтверждает украинские подозрения, что русские, которые составляют большинство офицерского корпуса, не примирятся с украинским Крымом. На огромном розовом пространстве, которое когда-то было Советским Союзом, кто-то нарисовал карандашом границы нового украинского государства – оставив Крым за пределами Украины» [6], – пишет журналист.

По ее словам, «неопределенность будущего флота бросает тень на Севастополь с его старомодным центром, классическими колоннадами и холмистыми, обрамленными деревьями улицами, которые содержат в чистоте моряки, чья черная униформа придает городу его специфический облик» [6].

В апреле 1992 года ситуация на Черноморском флоте обостряется еще больше. 8 апреля «Нью-Йорк Таймс» публикует новую статью Селестин Болен «Ельцин осуждает Украину из-за флота», в которой рассказывает о том, что президент России взял Черноморский флот под свою юрисдикцию, «подняв ставки в игре на грани войны, разыгрываемой сейчас двумя самыми влиятельными государствами бывшего Советского Союза» [7].

По мнению «Нью-Йорк Таймс», спор из-за Черноморского флота, начавшийся вскоре после того, как в декабре 1991 года 11 бывших советских республик создали Содружество Независимых Государств, превратился из соревнования по поводу присяги в центральную проблему в «войне воль» между Украиной и Россией. Этот

кризис, по мнению «Нью-Йорк Таймс», угрожает расколоть СНГ и «поднять горький вопрос о будущем Крыма» [8].

Однако на пике конфронтации Украине и России удалось прийти к совместному решению о судьбе флота, и «горький вопрос о будущем Крыма» был если не решен, то отложен. 10 апреля очередная статья Селестин Болен рассказывает о том, что «спор из-за Черноморского флота остывает» [8]. «Президент России Борис Ельцин и президент Украины Леонид Кравчук сегодня отступили от конфронтации из-за контроля над Черноморским флотом, и договорились создать комиссию для того, чтобы разработать план по его разделу» [8], – пишет издание.

24 июня Сергей Шмеман в статье «Главные российско-украинские споры разрешены» рассказывает о том, что на встрече в Дагомысе Борис Ельцин и Леонид Кравчук достигли широкой договоренности по главным вопросам, которые отравляли отношения между их странами после распада Советского Союза – в том числе, по вопросу о том, кому принадлежит Черноморский флот.

«Вечерние телевизионные новости показали Ельцина, прогуливающегося по пирсу вдоль моря, обнимающего Кравчука и говорящего: «Смотрите, как мы близки» [9], – пишет Сергей Шмеман. «Соглашение в Дагомысе означает начало фундаментального поворота в отношениях двух больших государств» [9], – цитирует издание слова, сказанные Леонидом Кравчуком на совместной пресс-конференции.

Тем не менее, до окончательной нормализации ситуации оставалось еще очень далеко. Об этом свидетельствует публикация «Моряки подняли мятеж и передали корабль Украине», появившаяся в «Нью-Йорк Таймс» 22 июля.

«Фрегат береговой охраны Черноморского флота поднял украинский флаг и ушел из военно-морской базы в Крыму в украинский порт Одессу, преследуемый другими боевыми кораблями» [10], – рассказывает издание.

«Россия и Украина продолжают ссориться из-за того, как разделить Черноморский флот, насчитывающий около 300 кораблей» [10], – констатирует газета.

4 августа Селестин Болен рассказывает о том, что в соответствии с новым соглашением, достигнутым Борисом Ельциным и Леонидом Кравчуком, «Черноморский флот, который является символом и источником напряжения между Россией и Украиной» [11], будет оставаться под общим командованием двух стран до 1995 года, «Встретившись в Крыму, недалеко от Ялты, два президента появились рука об руку перед телевизионными камерами, сигнализируя об окончании обмена угрозами и конфликтными президентскими указами» [11], – пишет издание.

Это соглашение «должно успокоить население России, Украины и Крыма, а также офицеров Черноморского флота» [11], – цитирует «Нью-Йорк Таймс» президента Украины Леонида Кравчука.

Соглашение рассчитано на трехлетний период, после чего Россия и Украина примут решение о разделе флота и его активов, рассказывает газета, однако замечает, что в соглашении не говорится, как именно будет разделен флот. За спором из-за флота лежит «кипящая проблема Крыма», автономного региона в составе Украины, большинство населения которого русские» [11], – констатирует издание.

Как уже говорилось, соглашения в Дагомысе и Ялте действительно несколько снизили напряжение в Крыму, однако отнюдь не поставили точку в спорах вокруг Черноморского флота, которые будут оставаться одной из главных украинороссийских проблем на протяжении всей постсоветской истории.

Выводы. Тема Черноморского флота является одной из главных украинских тем «Нью-Йорк Таймс». В 1992 году издание 66 раз упомянуло Крым в своих публикациях. 24 из этих материалов были посвящены именно флотской проблеме.

Причины столь пристального внимания американских медиа к этой теме многообразны:

- стратегическое географическое положение полуострова в Черноморском регионе;

- сложная история Крыма, который на протяжении долгих лет входил в состав России и лишь в 1954 году волею исторических судеб был передан Украине;

- претензии на Крым, которые время от времени предъявляют радикальные политические силы в России;

- мощное пророссийское политическое движение в регионе;

- и, конечно, серьезный военный потенциал Черноморского флота.

На фоне этих стратегических факторов резкий всплеск интереса к Крыму со стороны американских медиа был обусловлен таким мощным катализатором, как распад Советского Союза. Накладывало свой отпечаток на происходящее и возвращение на полуостров крымских татар, а вместе с ним – изменение межнациональной и межконфессиональной ситуации в регионе.

Все эти обстоятельства сделали ситуацию в Крыму взрывоопасной. Неслучайно, пожалуй, именно с этого времени, с момента распада СССР, многие эксперты начинают рассматривать полуостров как потенциальную горячую точку.

«Кипящая проблема Крыма» будет оставаться предметом пристального внимания «Нью-Йорк Таймс» и других американских СМИ и в последующие годы и станет предметом нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Serge Schmemmann. Ukraine Bids Fleet To Swear Loyalty / Schmemmann Serge // The New York Times. – 05.01.1992.
2. James F. Clarity. Ukraine Woos Soviet Troops' Loyalty / F. James // The New York Times. – 10.01.1992.
3. Celestine Bohlen. Yelstin, in Rebuff to Ukraine, Lays Claim to Black Sea Fleet // The New York Times. – 10.01.1992.
4. Serge Schmemmann. Yeltsin's Ambiguity Persists: Democrat Who Rules by Fiat / Schmemmann Serge // The New York Times. – 31.01.1992.
5. Serge Schmemmann. Friction Rises as Ukraine and Russia Clash Over Ex-Soviet Armed Forces / Schmemmann Serge // The New York Times. – 05.03.1992.
6. Celestine Bohlen. In Russia-Ukraine Fight Over Navy, Crimea Lies at Heart of the Struggle / Bohlen Celestine // The New York Times. – 31.03.1992.
7. Celestine Bohlen. Yeltsin Rebukes Ukraine Over Fleet / Bohlen Celestine // The New York Times. – 08.04.1992.
8. Celestine Bohlen. Black Sea Fleet Dispute Cools / Bohlen Celestine // The New York Times. – 10.04.1992.

9. Serge Schmemmann. Main Russia-Ukraine Disputes Settled / Schmemmann Serge // The New York Times. – 24.06.1992.
10. Sailors Mutiny and Take a Ship to Ukraine // The New York Times. – 22.07.1992.
11. Celestine Bohlen. Russia and Ukraine to Run Black Sea Fleet Jointly / Bohlen Celestine // The New York Times. – 15.08.1992.

Мащенко О. П. Висвітлення „Кримських проблем” в газеті „Нью-Йорк Таймс” // Ученіє запискі Тавричського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.311-317.

У статті досліджуються публікації „Нью-Йорк Таймс”, присвячені Чорноморському флоту, які побачили світ протягом 1992 року – першого року після розпаду СРСР. Стаття демонструє наявність у „Нью-Йорк Таймс” цілеспрямованого інтересу до Криму, систематизує публікації видання, присвячені Чорноморському флоту та Криму, пояснює причини, з яких авторитетна американська газета виявляє інтерес до долі Криму та Чорноморського флоту.

Ключові слова: «Нью-Йорк Таймс», Крим, Севастополь, Чорноморський флот, російсько-українські відносини, засоби масової інформації.

Mashchenko A.P. The Boiling Problem of the Crimea (Separation of the Black Sea Fleet seen with New York Times` Eyes) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.311-317.

An article analyzes publications by The New York Times covering the Black Sea Fleet which were released during 1992 – the first year after the collapse of the USSR. The article shows a constant interest of The New York Times in the Crimea, systematizes edition publications telling about the Crimea and the Black Sea Fleet, and explains reasons for interest of The New York Times in the fortune of the Crimea and the Black Sea Fleet.

Key words: The New York Times, the Crimea, Sevastopol, the Black See Fleet, Russian-Ukrainian relations, mass media.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 81'42

ПРИНЦИПЫ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ)

Похвалитова-Замилова М. Э.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается проблема речевого воздействия в текстах с политической направленностью. Анализируются тексты лозунгов предвыборной кампании. Выявляются определённые стратегии и тактики речевого манипулирования.

Ключевые слова: *речевое манипулирование, лозунг, политический текст, политическая лингвистика.*

Жизнь – это игра, конечной целью которой является власть.

Э. Хемингуэй

Внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению. Следовательно, человек как представитель социума предрасположен к речевому воздействию и не может избежать влияния со стороны создателей тех или иных текстов.

Актуальность. Проблема речевого воздействия, речевой манипуляции является многоаспектной и широко исследуется в сфере политического дискурса. Явление речевого манипулирования в сфере политики рассматривается в ряде работ известных лингвистов. Смысл понятия «речевое воздействие» презентуется через основные элементы языка вообще: «Ресурсы языка – средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [1] и политической лингвистики в частности: «Политический язык» связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля, или, иными словами, это язык, применяемый в манипулятивных целях» [12]. Большинство исследователей считают, что использование манипулятивных приёмов встречается чаще всего в такой области, как политика: «Функция убеждения ярко маркирует некоторые сферы – например, такие как обучение, реклама, политика» [5], «Особенно значим фактор манипуляции в политике: здесь последствия успешных манипулятивных операций оказываются наиболее крупными и долговременными» [8]. Учитывая данные исследования, представляется актуальным необходимость изучения стратегий речевого воздействия, проявляющихся в политических текстах через свою многообразность и способность к комбинированию.

Целью нашего исследования является определение типологических особенностей методов языкового манипулирования. В процессе исследования нами были выявлены определённые приёмы языкового воздействия. Выявленные

особенности языкового манипулирования нуждаются в дальнейшей разработке и уточнении.

Материалом для исследования послужили тексты предвыборных политических лозунгов. Предмет изучения – стратегии речевого воздействия в данных политических лозунгах.

Т. ван Дейк характеризует манипуляцию как коммуникативную и интерактивную практику, при которой манипулятор осуществляет контроль над другими людьми вопреки их воле и интересам [4].

Понятие "языковое (речевое) манипулирование" представляется более узким, нежели "манипулирование вообще". Языковое манипулирование – "вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков" [2].

Поскольку мы рассматриваем методы языкового манипулирования в текстах-лозунгах предвыборной кампании политиков Автономной Республики Крым, то целесообразным будет указать определение термина «лозунг».

По мнению Е. В. Учёновой, лозунг – агитационный политический текст, могущественное оперативное средство одновременного влияния на большие массы людей. Лозунги несут на себе большую часть идеологической нагрузки пропаганды. Ю. И. Левин рассматривает лозунг как краткий письменный текст (обычно – одно простое предложение), выражающий "руководящую идею, задачу, требование", оформленный в достаточном для массового восприятия формате и расположенный в том или ином общественном месте (улица, площадь или шоссе, предприятие, клуб и т.д.)" [9]. Таким образом, лозунг является порождением «чёрной риторики», для которой характерна жёсткая мотивированность, нечестная коммуникация, и, как следствие, манипуляция сознанием реципиента.

Наиболее частым в текстах лозунгов является употребление следующих манипулятивных приёмов: использование прямого обращения к аудитории, использование актуальных для реципиента стимулов и установок, употребление приёма конфронтации, целенаправленное дезинформирование, выбор и применение определённого политического имиджа (лидер/друг, помощник), фокусирование сознания реципиента на возможности политика решить определённые проблемы определённой части людей.

В текстах анализируемых нами лозунгов политики чаще всего прибегают к прямому обращению к аудитории: *Будь за родной Симферополь.* (Л. Миримский. Союз); *Голосуй за команду Президента – партию регионов. Голосуй за мэра Симферополя – Виктора Агеева* (Партия Регионов), *Думай о городе!* (В. Агеев. Партия Регионов); *Поверь в себя, голосуй за Попова!* (В. Попов. Русское единство); *Мы – новая сила! Выбирай партию Сергея Тигипко* (Сильна Україна); *Победа партии «Справедливость» – твоя победа* (Орлов И. Справедливость) и т.д. Употребляя императив, политики стремятся найти поддержку, войти в круг «своих», приблизиться к избирателям вербально. Так, например, в лозунгах некоторых партий встречается: *«Побеждай с партией Регионов!»*, *«Поверь в себя, голосуй за*

Попова!», «**Зміни майбутнє**» / «Измени своё будущее», «Победа партии «Справедливость» – **твоя победа**». Через употребление императива и притяжательных местоимений депутаты стремятся навязать избирателям то, что, проголосовав за ту или иную партию, можно что-то изменить в своей жизни, изменить к лучшему, а тем самым проявить и себя с лучшей стороны. Становится очевидным, что определённую семантическую нагрузку несёт на себе языковое окружение слов, употреблённых в повелительном наклонении. Является интересным то, что в некоторых партиях стремление сближения с народом настолько велико, что оппозиция «свой» – «чужие», «мы» – «они», адресат – адресант практически исчезает. Например: **Сохраним единство – отстоим права народа** (Народний рух України); **В союзе с Россией возродим Крым!** (Наталья Витренко. Прогрессивная социалистическая партия Украины); **Восстановим сеть детских садов!** (Виктор Попов. Русское единство); **«Строим Симферополь вместе», «Строим новую страну!»**, **«Сделаем Крым жемчужиной Украины!»** (В. Агеев). Употребление выделенных слов во мн. ч. 2 л. не является случайным. С помощью такого построения фраз политики стремятся показать, что хотят решать актуальные проблемы вместе с избирателями.

Характерным для языка лозунга является навязывание избирателям «правильного» выбора: **Агеев – наши мэр!** (Партия регионов); **Андрей Каракулькин – наши депутат!** (Партия регионов); **Для того, чтобы проголосовать за политическую партию Русское единство, найди в избирательных бюллетенях «Руська єдність»!** **Голосуй за своих!** (Русское единство); **Вячеслав Болтунов – ваш человек в городском совете** (Русское единство); **Ваш кандидат в депутаты Верховного Совета АРК** (Дмитрий Куцевой. Сильная Украина); **Мне знакомы ваши проблемы. Я сталкиваюсь с ними каждый день, потому что я один из вас** (Остапенко С. Г. Сильная Украина); **Вместе защитим наши права! Наше будущее! Голосуй за коммунистов!** (Партия коммунистов. Мухоморина Ирина); **Голосуй за коммунистов! Голосуй за своих!** (Партия коммунистов. Сергей Топалов); **Сейтумер Берберов – наши депутат!** (Народний рух України); **Ремзи Ильясов – народный мэр!** (Народний рух України). Мы видим, что в примерах в основном используются притяжательные местоимения. С помощью этих местоимений в сознании читающего возникает мысль о том, что предлагаемый кандидат является близким к народу, его интересы совпадают с интересами народа. Одним из основных выводов при чтении подобных лозунгов, является то, что предлагаемый кандидат пользуется поддержкой большинства, поэтому именно его нужно выбрать. Но это только целенаправленная дезинформация реципиента.

В большинстве лозунгов встречаются языковые единицы с семантическим компонентом «сила», «агрессивность», «лидерская активность», например: **«Лидер симферопольцев» / «Хозяин городу. Помощник людям. Мэр, которого ждали»** (Лев Миримский. Партия Союз); **«Партия Союз – партия с крымским характером!»**; **«Мы – команда президента. Мы – партия регионов»**; **«Владимир Агеев – лидер симферопольской команды Президента»**; **«Мы – новая сила!»** (Сильная Украина). Менее экспрессивен лозунг кандидата в мэры Владимира Баженова: **«Достойному городу – достойный мэр. Доверие оправдаю!»**. В некоторых лозунгах встречаются языковые единицы с семантическими компонентами «мягкость», «доброта», «забота»: **«С душой к людям, с верой в сердце, с любовью к городу!»** (Юрий Коломийцев. Партия Союз); **«Желаю крымчанам здоровья, успехов и большого**

человеческого счастья» (Иосиф Файнгольд); «Руку – человеку, сердце – городу. За справедливое общество, благополучный и процветающий город» (Орлов Игорь Васильевич. Партия «Справедливость»). Мы видим, что выбор и построение слов в лозунгах мотивированы (цель – создание определённого политического имиджа). Становится очевидным, что в погоне за избирателями, политики стремятся наиболее точно предугадать интересы аудитории. Так как у людей разные темпераменты, то и средства влияния на эти темпераменты тоже должны отличаться, поэтому в одних лозунгах мы замечаем больше экспрессивности, чем в других. Определённое языковое окружение слов может добавлять или снижать степень экспрессивности. Так, например, в лозунгах Л. Миримского образ лидера выражается в использовании такого набора слов, как «лидер», «хозяин»; «крымский характер». В лозунгах В. Агеева: «партия», «команда», «лидер», «сила». Отсутствие эмоциональности в лозунгах Ю. Коломийцева выражено посредством слов «душа», «вера», «любовь».

Учёт интересов избирателей демонстрируется в лозунгах всех партий: «Столица требует перемен. Новая команда – новый мэр!» (Дмитрий Полонский. Русское единство), «Восстановим сеть детских садов!» (Виктор Попов. Русское единство), «Настоящая Русская Партия! Программа партии – «подъём Крыма!» (Русское единство), «Процветание Крыма в единстве кримчан» (Олег Родивилов. Русское единство), «Честные пенсии – совесть власти», «Голосуй за честные пенсии, социальные выплаты» (Валерий Иванов. Партия пенсионеров Украины), «Власть не надо брать! Её нужно строить!» (Дмитрий Куцевой. Сильная Украина), «Правда – моя политика» (Денис Бажан. Сильная Украина), «Работающий человек не должен быть бедным. Украина заслуживает лучшего» (Социалистическая партия Украины), «Крымчанин! Не хочешь видеть у власти рвача, голосуй за Грача!» (Коммунистическая партия Украины), «Добробут у громаді – порядок у державі», «Наши дети будут жить в Украине, если ваши тоже – поддержите нас!», «Любить Украину нужно делами! Украинцы, нам нужна ваша поддержка!» (Украинская республиканская партия «Собор»). Многие из политиков предпочитают конфронтацию, отделение себя от менее удачливых предшественников. Закладывая в сознание аудитории нужные стимулы, выгодно komponуя их, политики ставят целью показать то, что именно они способны решить поставленные задачи, помочь нуждающимся в помощи.

Выводы. Анализ политических лозунгов позволил сгруппировать и на основе определённых принципов классифицировать приёмы речевого воздействия, направленные на изменение, корректировку сознания реципиента в нужную для отправителя сообщения сторону. Базовой целью лозунгов предвыборной кампании является борьба за власть. Каждый кандидат, претендующий на выборную должность, преследует ряд определённых целей, которые связаны со стремлением представить максимально «достоверную» информацию о себе, создать доверительное отношение избирателей, вызвать у них положительные эмоции по отношению к себе и отрицательные эмоции – по отношению к сопернику [3]. Главное для политиков – привлечь внимание аудитории, способствовать доступности эмоционального восприятия текста, намеренно сфокусировать текстовое сообщение на учёте определённых интересов избирателей, перспективе благополучного будущего. Экспрессивные, чётко сформулированные фразы, употребляемые в лозунгах, – быстродействующие яды, количество которых в политической кладовой неограниченно. Кроме фраз с определённой целевой направленностью, в текстах лозунгов нередко

используется: прямое обращение к аудитории, навязывание определённых установок, политика конфронтации, намеренная дезинформация, демонстрация лидерства (или наоборот, излишней мягкости) и игра интересами. Все эти приёмы являются порождением «чёрной риторики», нечестной коммуникации и направлены на манипулирование сознанием реципиента. Проведённый анализ политического лозунга с семантической стороны позволил определить, что форма текста выражает не то содержание, которое ей изначально присуще в языке, следовательно, реципиенту необходимы особые навыки восприятия текстов определённой сферы для того, чтобы он мог понимать о чём идёт речь.

Список литературы

1. Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Е.: УРГПУ, 2006. – 267 с.
2. Васильев А. Д. Некоторые манипулятивные приёмы в текстах телевизионных новостей / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Е., 2006. – С. 95-115.
3. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации / О. В. Гайкова. – Волгоград, 2003. – 210 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж, 2000. – 310 с.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
7. Кашкин В. Введение в теорию коммуникации: [учебное пособие] / В. Кашкин. – В.: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
8. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Ю. И. Левин. – М., 1998. – С. 542-558.
9. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. – Е.: Флинта: Наука, 2003. – 176 с.
10. Учёнова В. В. Публицистика и политика / В. В. Учёнова. – М.: Политиздат, 1979. – 271 с.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – В.: Перемена, 2000. – 368с.

Похвалитова-Замилова М. Э. Принципы мовленнєвої маніпуляції (на матеріалах текстів передвиборчої кампанії) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.318-322.

У статті розглядається питання мовленнєвого маніпулювання у текстах політичного напрямку. Аналізуються тексти лозунгів передвиборчої кампанії. Виявляються певні стратегії та тактики мовленнєвого маніпулювання.

Ключові слова: мовленнєве маніпулювання, лозунг, політичний текст, політична лінгвістика.

Pokhvalitova-Zamilova M. E. The principles of linguistic manipulation (by material of pre-election campaign) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.318-322.

The article deals with the question of linguistic manipulation in the political text. To analyze the texts of the slogan of pre-election campaign. Defines of strategies and tactics of linguistic manipulation.

Key words: linguistic manipulation, slogan, political text, political linguistics.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 070:316.46.058.5+316.77

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТА ЗА ПРАВО ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Рюмина Ю.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В данной работе рассматривается тенденция увеличения нарушений этических норм журналистами и использования манипуляционные технологии при создании журналистского материала.

Ключевые слова: *ежедневные издания: «Крымская правда», «Крымские известия», еженедельные издания: «1 Крымская», «Крымский телеграф», «События», этические нормы журналиста, манипуляционные технологии.*

Современное информационное пространство во многом определяется сенсацией любого уровня, в погоне за которой авторы текста не всегда бывают корректны. Вместе с тем, в «Кодексе профессиональной этики украинского журналиста» (пункт 1) отмечается, что журналист обязан способствовать праву граждан на получение оперативной информации. Он должен быть всегда объективным, корректным, ответственным за свою деятельность. И самое главное – журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он уверен. В этом видится *актуальность* рассматриваемой проблемы.

Постановка проблемы. После начала событий 11 марта в Японии, которые погрузили весь мир в состояние страха и паники, жители всей планеты стали переживать и думать, что же будет дальше. Сильнейшее землетрясение за всю историю Японии, одно из сильнейших в истории нашей планеты. Сразу после первых информационных сообщений о землетрясении, появилась о приближении к островам гигантского цунами. Взрыв на японской АЭС «Фукусима-1» дал мощный информационный повод практически для всех мировых средств массовой информации. Крым находится в сейсмоопасной зоне (последнее крупнейшее землетрясение было зафиксировано в 1927 г.). Естественно, обойти вниманием столь важную тему просто невозможно.

Как же освещали тему землетрясения крымские СМИ, для аудитории которых подобная информация жизненно важна. Для ответа на этот вопрос мы провели мониторинг самых авторитетных в Крыму печатных СМИ: «Крымская правда», «Крымские известия», «Крымский телеграф», «1Крымская», «События» – наиболее читаемые газеты полуострова. Цель исследования – изучить, какая информация о землетрясении дошла до своего читателя, привлекались ли эксперты-специалисты, придерживались ли журналисты этического кодекса, чтобы не посеять панику среди населения. Исследовались опубликованные материалы временного промежутка

начиная с первого дня землетрясения в Японии 11 марта по 1 апреля, то есть через три недели после трагедии.

«Крымская правда» в номере (от 15 марта 2011 г.) после событий в Японии в рубрике «экономика» опубликовала материал «Тихая гавань» в сумасшедшем мире», где речь шла совершенно не о землетрясении, а о последствиях после него и влиянии на рост цен драгоценных металлов, была подана характеристика рынка. В следующем номере редакция дает материал под названием «У нас «Японии» не будет», где в интервью с председателем Крымского экспертного совета по оценке сейсмической опасности и прогнозу землетрясений Бэллой Пустовитенко людям сообщают, что в Крыму, действительно, стоит ожидать землетрясения, потому что в такой сейсмоопасной зоне находится полуостров, но точной даты никто не дает. Стоит отметить правильную позицию журналистов Валентины Воробьевой и Алексея Вакуленко, которые подтверждали слова крымского эксперта комментариями сотрудника Института геофизики НАН Украины, представителя Международного центра радиоастрономии, доктора наук Института морской геологии и геофизики Российской академии наук. Вот один из таких примеров:

- Бэлла Гавриловна, стоит ли нам в Крыму ждать отголоски японской трагедии?

Б.Г.: Пока мы грядущее землетрясение с тем, что было в Японии, никак не связываем.

- То есть у нас какое-то землетрясение всё-таки грядёт?

Б.Г.: Мы живём в сейсмоактивном регионе, и рано или поздно это землетрясение случится. Когда именно, где именно и какой силы, неизвестно. Пока существенных подземных толчков не прогнозируется.

Подтверждают эту информацию и в Институте геофизики НАН Украины. По данным сотрудника института Александра Скляра, разрушительного землетрясения, подобного случившемуся в Японии, не ожидается.

- Наши специалисты изучают электрические, магнитные поля, обрабатывают поступающие данные, на основе которых можно сказать, что каких-то серьёзных предвестников землетрясений в Крыму нет, – пояснил он. – Крымский эпицентр находится в Чёрном море, на континентальном склоне шельфа, море закрытое и достаточно мелкое для образования больших волн и тем более цунами.

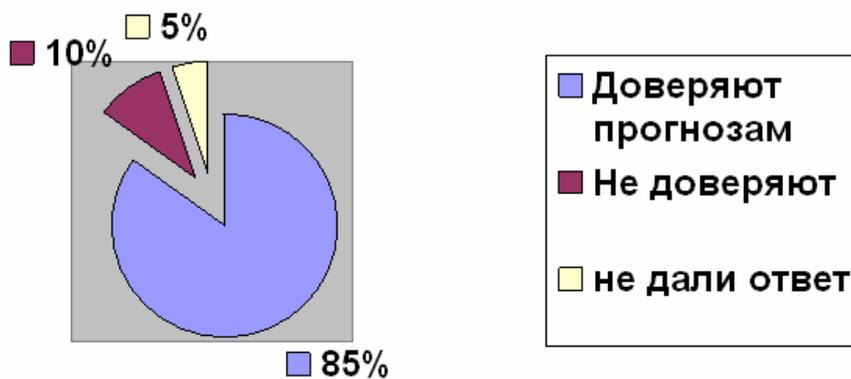
Журналисты использовали несколько источников, что придало объективности материалу, а читателям уверенности в том, что в ближайшем будущем их безопасности и жизни ничего не угрожает. Последующие материалы («Ласточкино гнездо» обрушится?», «Ядерная рекогносцировка») в газете были посвящены проблеме реконструкции Ласточкиного гнезда, и в случае землетрясения угрозы его обрушения, а также экономическому взгляду на ситуацию в мире после взрыва на японской АЭС «Фукусима-1».

Еженедельная газета «События» уже 14 марта 2011 г. разместила у себя на сайте переделанный материал «Комсомольской правды» «Крымский астролог предсказал землетрясение в Японии» под таким заголовком: «Крыму пророчат судьбу Японии в ближайшие 5 лет». Текст с таким броским и беспокойным содержанием, правда, подписали *по материалам «Комсомольской правды»*. В дальнейшем на сайте газеты

на тему землетрясения в Японии и Крыму размещались материалы с сайтов *Крым. Комментарии* и *Центра журналистских расследований*. К следующему выпуску (18 марта 2011 г.) журналистом еженедельника был подготовлен собственный материал «Земля уходит из-под ног. Возможно ли в Крыму землетрясение, подобное японскому?». Информация схожа с той, что еще 16 марта опубликовала «Крымская правда». Это объясняется тем, что у них один источник информации – председатель Крымского экспертного совета по оценке сейсмической опасности и прогнозу землетрясений. Хорошим дополнением к этому материалу является опровержение информации о землетрясении в Крыму крымского управления МЧС. Управление «просит не распространять «заведомо ложную информацию» и предупреждает, что слухи о землетрясении могут создать «реальную угрозу психическому состоянию, а людей, страдающих различными формами хронических заболеваний, даже привести к летальному исходу». Но далее в виде справки дается комментарий председателя Всеукраинской экологической лиги Татьяна Тимочко, которая заявляет, что « Я очень далека от мысли, что нынешние строительные нормы обеспечат безопасность граждан Украины от землетрясений, я склоняюсь к мысли, что землетрясение, значительно меньшее по мощности, чем в Японии, оставило бы Украину в руинах». После подобных заявлений тяжело сохранять спокойствие.

Другой еженедельник «Крымский телеграф» не опубликовал ни одного материала на тему землетрясения на полуострове. Лишь в номере от 25 марта 2011 г. вышел материал под заголовком «Землетрясение». Интересный способ привлечь внимание читателя – данный заголовок оказался единственным элементом хоть как-то причастным к событиям, так как речь в материале шла о земельных торгах в Крыму.

В газете «Крымские известия» за исследованный нами период был опубликован только один материал на тему землетрясений: «Катаклизмы отодвигаются...на неопределенный срок». Интервью было взято у постоянного эксперта в этой области, председателя Крымского экспертного совета по оценке сейсмической опасности и прогнозу землетрясений Бэллы Пустовитенко. В итоге – те же факты, та же информация.

В опросе приняло участие 50 человек

Из мониторинга пяти крымских изданий мы делаем вывод, что журналисты неглубоко освещают данную проблему. Некоторые вопросы задаются некорректно: необходимо спрашивать не о том, когда будет землетрясение, а что делается для того, чтобы избежать или уменьшить количество пострадавших и погибших во время природного катаклизма. А недостаточное освещение проблемы является одним из признаков манипуляции. Владимир Ризун в своей работе «Теория массовой коммуникации» одной из форм коммуникации считает манипуляционную. «Манипуляция, как скрытое влияние на человека, когда он не понимает, что на него влияют. В отличие от навешивания манипуляция в массовой коммуникации никогда не бывает внеплановой. Она всегда является результатом желаний, надежд, планов коммуниканта изменить установки, ценностные ориентации или поступки человека таким образом, чтобы человек не догадался об этом». В. Ризун сравнивает манипуляцию с ложью [1].

Нами был проведен опрос среди жителей и гостей столицы полуострова. У людей спрашивали, доверяют ли они прогнозам сейсмологов и что необходимо делать при землетрясении. В опросе приняло участие 50 респондентов, из которых 85% доверяют сейсмологам, 10% не доверяют и 5% воздержались от ответа. На второй вопрос люди приводили правила, еще изучаемые в школе: вставать в дверной проем, не спускаться с помощью лифта, выходить на открытые пространства. Достаточно ли этих знаний для сохранения собственной жизни? Многие респонденты высказались за получение необходимых знаний поведения в случае землетрясения путем проведения обучающих лекций, телевизионных программ или получения информации из небольших брошюр. Жителям островов Японии с самого рождения рассказывают об опасностях землетрясения и цунами, они знают все правила поведения в подобных ситуациях. Жители же Крыма знают об опасности землетрясения, но ничего не знают о том, как себя вести в подобных ситуациях. В этом есть доля ответственности и журналистов. Они не могут построить сейсмоустойчивые здания или предсказать точную дату, но они могут создать правильное информационное пространство путем информирования и обучения населения. Приоритетными здесь должны выступить следующие принципы: подача четкой и полной информации о событиях, при создании материала использовать несколько источников информации, СМИ должны заняться медиаобразованием населения.

Выводы. Из проведенного нами исследования можно сделать вывод, что СМИ недостаточно оперативно представляли информацию о возможности землетрясения в Крыму. Первые материалы с достаточной информацией появились только спустя 5 дней после трагедии в Японии. За это время среди населения появилась недостоверная информация, начались панические настроения. Этого могло не быть при грамотной информированности населения.

Список литературы

1. Ризун В.В. Теорія масової комунікації: [підручник] / В.В. Різун. – К.: Просвіта, 2008. – 260 с.

Рюмишина Ю.А. Соціальні комунікації: про відповідальність журналіста щодо права громадян на доступ до інформації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.323-327.

У роботі розглядається тенденція збільшення порушень етичних норм журналістами та використання маніпулятивних технологій при створенні журналістського матеріалу.

Ключові слова: щоденні видання: «Крымская правда», «Крымские известия», щотижневі видання: «1 Крымская», «Крымский телеграф», «События», етичні норми журналіста, маніпулятивні технології.

Rumshina Ju. Social communication: regarding the journalist's responsibility for citizens' right to information // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.323-327.

Research paper raises the trend of increasing violations journalistic ethical norms and using manipulative technologies in the creation of the journalistic product.

Key words: newspaper: «Крымская правда», «Крымские известия», «1 Крымская», «Крымский телеграф», «События», journalistic ethical norms, manipulative technologies.

Поступила в редакцию 27.04.2011 г.

УДК 007 : 659

ПСИХОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ПРОПАГАНДИ

Скуленко М. І.

Запорізький класичний приватний університет, м. Запоріжжя, Україна

У статті вивчаються психологічні основи пропаганди.

Ключові слова: *пропаганда, комунікатор, реципієнт.*

Актуальність. Пропаганда оперує не лише раціональними, емоціональними та логічними інструментами, а й психологічними засобами. *Мета* – вивчення психологічних основ пропаганди. Що ж вони являють собою? Насамперед зазначимо, що раціональне не тотожне логіці, а емоційне – психологічним характеристикам. В основі раціонального аспекту лежить знання – факт, судження, умовивід, поняття, ідея, гіпотеза. Логічна сторона виражає взаємозв'язок, послідовність і зумовленість тих думок, за допомогою яких знання передається аудиторії.

Емотивний аспект пов'язаний зі здатністю не залишити людину байдужим спостерігачем, холодним, безпристрасним мислителем, який механічно оперує певними відомостями. Поняття психологічної засади ширше емотивного начала. Це зверненість до всього внутрішнього світу людини. Це зв'язок з особливостями її поведінки та сприйняття інформації, пам'яті, вольових якостей і соціальних установок.

Психологічні компоненти охоплюють такі характеристики:

Зв'язок тексту з актуальними громадськими потребами й інтересами. Апелюючи до глибинних, часом навіть не усвідомлених стимулів людської діяльності, до матеріально-духовних запитів суспільства, пропагандист приводить у дію могутні важелі психологічного впливу. Якщо автор зачіпає пекучі проблеми та потреби, тобто якщо інформація, якою він оперує, є актуальною, йому легше формувати погляди та судження, легше спонукати людей до дії.

Врахування психологічних особливостей особи. Ефективна пропаганда неможлива, якщо ігноруються основоположні характеристики та закономірності індивідуальної психіки. Не можна, приміром, випускати з поля зору людські інстинкти та емоції. На організацію пропагандистського тексту впливають також основні властивості уваги, сприйняття, запам'ятовування й т. і. Психологи, наприклад, встановили, що на слух смислової інформації середньої насиченості людина може активно сприймати та засвоювати лише протягом перших трьох хвилин. Потім здатність до сприйняття різко падає. Враховуючи цю особливість у побудові свого виступу, тобто відступаючи від теми через певні проміжки часу, пропагандист використовує один із психологічних шляхів впливу на людину.

Врахування психологічних особливостей різних соціальних груп. Людина живе не у вакуумі. Її психіка формується не тільки біологічною природою, але й соціальним середовищем, до якого вона належить. Соціальна група формує свою систему цінностей та орієнтацій, норм поведінки, шкалу оцінок і, відповідно, свою групову психологію. Приналежність людини до тієї чи іншої вікової, національної чи професійної групи значною мірою визначає її психологічні особливості. Орієнтуючись на них, можна ефективно впливати на людей.

Врахування специфічних характеристик аудиторії. Зважати на суспільні потреби, закономірності індивідуальної психіки та соціально-психологічні ознаки груп важливо. Але не меншої уваги вимагає та конкретна аудиторія, для якої призначений виступ (твір). Пропагандист мусить враховувати всі основні її параметри: рівень освіченості, компетентності, інформованості, консервативності чи, навпаки, схильності до зміни думки тощо.

Психологічні фактори відіграють важливу, часом визначальну роль у пропагандистському процесі. Одним лише логічним обґрунтуванням, без застосування психологічних засобів подіяти на аудиторію у бажаному напрямку дуже важко, здебільшого просто неможливо. Чи можна уявити промовця або журналіста, який логічно аргументує ту чи іншу тезу, абстрагуючись від актуальних суспільних інтересів і потреб, ігноруючи особливості людської психіки, ціннісно-нормативні орієнтації різних соціальних груп, специфічні характеристики аудиторії? Такий автор уподібнився б комп'ютеру, що бездушно оперує абстрагованими логічними категоріями. У пропаганді чисто логічного доведення без врахування психологічних факторів, по суті, не існує.

Єдність раціональної, емоційної, логічної та психологічної засад є однією з істотних відмінностей пропаганди та журналістики від науки, з одного боку, та від художньої літератури – з іншого. Автор наукового дослідження, як правило, максимально виключає емотивні, психологічні чинники з тексту своєї роботи. Його завдання – дати суто раціональне, логічне обґрунтування тієї чи іншої формули, реакції, структури. У художній літературі, навпаки, на перший план виступають емотивні, психологічні засоби. Головне – вплинути на емоції, почуття, викликати, скажімо, співчуття чи обурення, захоплення або гнів. У пропаганді, як і в журналістиці, відірвати логічне від психологічного неможливо. Вони тісно переплітаються, доповнюючи одне одного.

Спроби роз'єднання логічного та психологічного у пропаганді є, на наш погляд, поверненням до постулатів античної риторики, яка відокремлювала у показному красномовстві психологічні способи від логічних. Антична риторика сформулювала (і в цьому її величезна заслуга) цілий ряд психологічних прийомів, серед яких можна назвати такі: *ipse dixit* – доведення за допомогою посилення на чийсь авторитет; *ad iudicium* – апеляція до здорового глузду; *ad misericordiam* – аргумент, розрахований на пробудження жалю, співчуття; *ad verecundiam* – заклик до виявлення скромності, стриманості, невибагливості; *ex consensu gentium* – аргументація тим, що з певною думкою згодні всі або, принаймні, більшість; *ex silentio* – доведення з використанням замовчування; *ad hominem* – доведення з врахуванням особистісних властивостей людини.

Оскільки риторика формулювала ці та інші засоби психологічної дії, ігноруючи закони формальної логіки, наука логіки «помстилася» риторичі, зарахувавши всі прийоми до розряду помилок, порушень правил доведення.

Протиставляючи психологічне та логічне, і риторика, і формальна логіка впадали в оману. Глибина цієї похибки полягає в тому, що одна й інша ігнорували раціональну, змістову сторону спілкування. Зв'язуючою ланкою між логічним і психологічним є повідомлюване знання. Якщо воно відповідає об'єктивній дійсності та якщо цілі впливу співвідносяться з реальними закономірностями суспільного розвитку, протиріччя між логічними та психологічними засобами зникає. Наприклад, довід *ipse dixit* (підкріплення власних слів посиланням на чийсь авторитет) не буде порушенням правил логіки, якщо авторитет людини, на чю думку посилаються, справді заслужений і підтверджений суспільством. Ми звертаємося до авторитетів у різних галузях знань, зокрема, у суспільних науках, не порушуючи при цьому логічні вимоги підтверджувати свою думку аргументами, істинність яких перевірена та доведена. Порушенням правил логіки було б посилання на фальшивий авторитет або на хибну думку.

Якщо один з основоположних складників пропаганди зникає, втрачається її ефективність. Відсутність змістової, раціональної засади практично нічим не можна компенсувати. Як правило, брак змістової інформації заповнюють емоціями, різними засобами емотивного впливу. Але одними емоціями переконання не створюється. Переконання – це знання, що стало мотивом поведінки. Одними емоціями можна змусити людину повірити, але сформувати переконання – неможливо. Людина, яка апелює до іншої особи лише за допомогою емоційних запевнень, не підкріплених змістовими відомостями, це людина, яка вмовляє, а не переконує. Разом із тим, навіть глибока та істинна думка, навіть найзмістовніша інформація перетвориться на стійкі погляди не можуть, якщо не пробуджують емоцій людини, залишають її байдужою.

Знання, що зачіпає людські емоції, стає безпомічним, якщо воно не організоване логічно. Мислити логічно – значить мислити розумно. Змістовна інформація не приведе до правильних висновків, якщо вони не впливають з логіки суджень та умовиводів. Нарешті, змістовна та логічно побудована інформація не зможе перейти у переконання, якщо вона передається людині, не зачіпаючи її емоцій, не враховуючи особливостей її сприйняття, засвоєння, запам'ятовування та інших психологічних факторів. Природною ознакою пропаганди та журналістики є рівноправне поєднання раціональної, емоційної, логічної та психологічної засад.

Побуває думка, що «психологічний підхід» до пропаганди потребує якоїсь особливої емоціоналізації текстів. Мовляв, виклад, рясно насичений емоціями та почуттями, – це надійний шлях до людської душі. Такий погляд потребує деякого уточнення. Як уже зазначалося, емоційне не тотожне психологічному. Психіка охоплює ряд проявів соціальної дійсності, лише опосередковано пов'язаних з емотивними феноменами – суспільні, групові й індивідуальні інтереси; особливості менталітету, поведінки та сприйняття інформації, зумовлені віковими, професійними та національними відмінностями; властивості пам'яті; вольові характеристики та багато іншого. Текст, який не має чітко виражених ознак

емоційності, може більшою мірою враховувати психологічні закономірності, ніж слово, забарвлене чутливістю.

Які ж фактори психологічного плану особливо важливі для пропаганди? Серед них на перший план висуваються два провідні складники: комунікатор (джерело пропагандистської дії) та реципієнт (аудиторія). Розглянемо кожний з цих чинників окремо.

Комунікатор (суб'єкт пропаганди). У ширшому плані комунікатор – це певний канал розповсюдження інформації: газета, журнал, радіо-телевізійна станція, інформаційне агентство, видавництво тощо. У вузькому аспекті – це сам пропагандист, який може діяти як за допомогою цих каналів, так і безпосередньо спілкуючись з групами людей, скажімо, в лекційному залі або на мітингу.

На організацію пропагандистської діяльності впливають характеристики газети, журналу, брошури, теле- чи радіостанції, комп'ютерної програми тощо. Скажімо, стаття в газеті та сюжет на цю ж тему в телевізійній передачі будуть відрізнятися між собою і за формою викладу, і за використанням виражальних засобів. Адже різні канали масової інформації мають специфічні, притаманні саме їм властивості. До того ж, кожний канал диктує свої особливості сприйняття та засвоєння. Друкований текст, до якого можна звертатися неодноразово та в будь-який час, створює сприятливі можливості для поглибленої аналітичності, для значної деталізації викладу із зазначенням багатьох подробиць. У друкованому матеріалі цілком доречними можуть виявитися розгорнуті теоретичні аргументи, багатослівні цитати або деталізовані графіки та схеми.

Натомість на слух складну аналітичну аргументацію, так само, як і перелік великої кількості цифр, формул і діаграм, сприймати важко. Тому в радіотелевізійному програмуванні уникають складних у змістовому відношенні пасажів. Виклад у радіомовленні та телебаченні тяжіє до спрощеності, до розмовності, щоб полегшити сприйняття на слух.

Мають також враховуватися можливості розуміння та запам'ятовування інформації в різних сферах масового спілкування. У неспеціалізованій радіотелевізійній програмі неприйнятні складні техніцизми, вузькопрофесійні терміни, наукові формули тощо. Якщо журналістика та пропаганда беруть до уваги специфічні особливості різних засобів інформації, вони здобувають надійну запоруку для ефективного психологічного впливу на аудиторію.

Категорія «комунікатор», як зазначалося, стосується не тільки каналу інформації, а й особи пропагандиста (автора статті, телевізійного ведучого чи радіокоментатора). У психологічному відношенні *хто і як* говорить має не менше значення, ніж *що* говорить. На перший план висуваються такі якості комунікатора, як його інформованість, компетентність і авторитетність. Дуже важливо, щоб аудиторія відчувала його глибоку обізнаність темою, яку він розробляє. Його знання повинні виходити за межі загальновідомого. Він має нести людям нову різнобічну інформацію.

Але однієї інформованості замало. Потрібна компетентність, тобто не тільки знання фактів, а й розуміння суті проблеми, ясне бачення закономірностей, притаманних їй. Нерідко буває, що в автора достатньо фактичного матеріалу, але

бракує компетентності. Аудиторія, як правило, це відчуває, і можливості бажаного впливу значно звужуються. Виникає психологічна відчуженість між пропагандистом і аудиторією. Тоді не врятує навіть найрізноманітніша та найдокладніша інформація.

Бажано, щоб ефект інформованості й компетентності доповнювався авторитетністю комунікатора. Авторитетність – це здатність особи чи групи осіб впливати на свідомість і поведінку людей внаслідок володіння визнаними та схвалюваними в даному суспільстві якостями. Авторитет пропагандиста, журналіста формується на основі не тільки інформованості та компетентності, а й багатьох інших рис, серед яких можна назвати чіткість світоглядних позицій, досвідченість, професіоналізм. Якщо комунікатор наділений цими властивостями, він може сподіватися (за умови, якщо його добре знає аудиторія) на повагу та довіру. Явище авторитетності співвідноситься не лише з окремим індивідом, а й з певним виданням, каналом інформації. Газети чи радіотелевізійній станції, які позитивно зарекомендували себе, легше забезпечити бажаний результат.

Авторитет серед великої кількості людей завоювати не просто. Часом для цього потрібні роки. Розгубити ж його можна дуже швидко, наприклад, кількома неправильними висновками з наведених фактів. А втрата авторитету неминуче призводить до зниження ефективності. Ось чому кожна редакція, кожне видання повинні постійно дбати про підвищення або принаймні збереження свого авторитету. Слід мати на увазі, що неточність, хибність незначних, здавалося б, деталей або подробиць може серйозно підірвати репутацію. «Дрібниць» у пропаганді немає.

Як правило, на ґрунті авторитету формується довіра аудиторії до певного видання чи студії. Довіра означає впевненість щодо наявності у партнера в спілкуванні високих моральних якостей. Для збереження і зміцнення довіри чимале значення має психологічне явище атракції, тобто позитивного впливу на аудиторію за допомогою образу комунікатора. Цю категорію можна охарактеризувати як високу міру симпатії до того, хто говорить. Елементи атракції мають місце в усіх засобах масової інформації, але найповніше вони виявляються на телебаченні, де людина як автор і виконавець більшою мірою персоніфікується. Для успішного психологічного впливу велике значення має загальний вигляд людини (він не має бути відразливим), привабливість зовнішності (не бажані серйозні фізичні вади чи деформації), вміння публічно мислити, невимушено триматися, ясність мовної артикуляції, комунікабельність, доброзичливість і дружелюбність.

Комунікатор – важливий психологічний чинник пропагандистської дії. Але його зусилля будуть марними, якщо у нього не буде аудиторії – читачів, слухачів, глядачів, людей, з якими він може спілкуватися.

Отже, іншою стороною пропагандистського процесу є *реципієнт (аудиторія)*. Цю категорію можна розглядати у кількох площинах в залежності від обсягу поняття. У широкому аспекті категорія «реципієнт» – це певна соціальна група (або сукупність груп), що є об'єктом пропагандистської дії. Наприклад, студенти, працівники культури, вчителі, робітники тощо. Кожна соціальна верства відрізняється своїми психологічними характеристиками, що виникають на основі

специфічних колективних відносин, умов життя, побуту, освітнього рівня. Соціальна група має свої особливі інтереси, спільні цілі, які досягаються єдністю групової активності. Врахування особливостей соціальних груп дає змогу диференціювати пропагандистську роботу, орієнтуючи її за інтересами, нахилами, уподобаннями та потребами. Відповідно повніше задовольняються духовні запити суспільства в цілому.

У вужчому плані «реципієнт» означає ту конкретну аудиторію, з якою спілкується комунікатор. Умілий пропагандист не буде однаково говорити зі школярами та пенсіонерами, студентами та їхніми викладачами. Для кожної конкретної аудиторії він модифікує тему виступу, обсяг інформації, рівень узагальнення та манеру викладу.

Неабияке значення має також урахування так званих «якісних» ознак аудиторії: освіченості, компетентності щодо даної проблеми, зацікавленості у її розв'язанні (чи вважають це питання актуальним і важливим? чи часто люди зустрічалися з ним? чи отримували якусь інформацію про нього раніше та з яких джерел?). Видозмінюючи пропагандистську роботу відповідно до особливостей конкретної аудиторії, можна ефективніше формувати громадську думку та свідомість людей.

Говорячи про реципієнтів, не можна не згадати таку специфічну аудиторію, як мітинг. Йдеться про великі зібрання-протести та масові політичні заходи. Яскравим зразком такої фактично всенародної акції стали події у Києві восени 2004 року. Тоді на площі в центрі міста збиралися сотні тисяч громадян. Ті, що промовляли до них, мали справу з величезним натовпом. А натовп, безструктурне скупчення людей, кяі, як правило, не мають ясно усвідомленої спільності цілей, але які пов'язані між собою емоційним станом та об'єктом уваги, відзначається своїми особливостями поведінки та сприйняття інформації. Які ж риси притаманні йому?

У натовпі особа ніби розчиняється, зникає. Людськими оволодіває конформізм, бажання підкоритися стандартам усього загалу. Всі вигукують однакові гасла, всі аплодують, кричать «слава!» або «ганьба!». Натовп бере на віру малоймовірні чутки та відомості. Він схильний до агресії, учасників масового мітингу неважко підштовхнути до заворушень. Для натовпу характерна так звана циркулярна реакція, яка проявляється у масовому емоційному зараженні, що поступово наростає та може дійти до екстазу. Нарешті, натовп легко впадає у паніку. Достатньо, щоб хтось заволав про небезпеку, і маса людей кинеться мерщій тікати.

Для того, щоб спілкуватися з натовпом, треба знати принаймні основні правила виступу перед ним. Ось вони.

- Треба поводитися рішуче. Ніхто не мусить запідозрити, що ви чогось боїтеся або соромитеся.

- Виступ має бути стислим. Натовп не витримує довгих промов.

- Говоріть короткими фразами, без складнопідрядних речень.

- Виступ має бути максимально доступним. Уникайте складних термінів і незрозумілих для маси слів.

- Віддавайте перевагу дієсловам в активному стані. Дієслово містить в собі енергію дії.

- Тон виступу має бути впевнений і динамічний.

- Супроводжуйте слова виразними жестами та рухами.
- Поступово підвищуйте голос. Останні дві-три фрази можете викрикувати. Це зафіксує їх у пам'яті мітингуючих.
- Якщо можете, включіть у виступ якийсь жарт (короткий анекдот або каламбур). Натовп любить посміятися.
- Не забувайте зробити на адресу учасників мітингу якийсь комплімент (ласкаве звертання чи подяку за увагу та розуміння).

Висновки. Участь у мітингах – важлива та необхідна частина роботи пропагандиста. Ставитися до неї треба з усією серйозністю і відповідальністю. Бо саме на мітингах люди засвоюють значну кількість установок активної діяльності.

Взагалі, без урахування психологічних особливостей конкретної аудиторії, з якою доводиться працювати, домогтися успіху в пропагандистській діяльності неможливо.

Список літератури

1. Брайант Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон. – М. – СПб.-К.: Вильямс, 2004. – 424 с.
2. Варій М. Й. Психологія: [навч. посібник] / М. Й. Варій. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 288 с.
3. Масарский М. В. Убеждающее слово / М. В. Масарский. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 159 с.
4. Москаленко В. Психологія соціального впливу / В. Москаленко. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 448 с.
5. Надирашвили Ш. А. Психология пропаганды / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 2003. – 122 с.
6. Почепцов Г. Психологические войны / Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 528 с.

Скуленко М. І. Психологические основы пропаганды // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.328-334.

В статье изучаются психологические основы пропаганды.

Ключевые слова: пропаганда, коммуникатор, реципиент.

Skulenko M. Psychological bases of propagation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.328-334.

In article psychological bases of propagation are studied.

Key words: propagation, the communicator, the recipient.

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 070.1:271.2

СПЕЦИФИКА МЕДИАПРОСВЕЩЕНИЯ: ПРАВОСЛАВИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В СМИ

Сметанина М.О.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Статья раскрывает особенность освещения темы Православия в информационном пространстве Крыма, рассматривает тематическое разнообразие соответствующих материалов, особенности православной журналистики.

Ключевые слова: *Православие, медиапросвещение, православная журналистика, церковная пресса, светская пресса.*

Тема Православия в средствах массовой информации (СМИ) появляется постоянно. Это связано с возрождением духовности в обществе, с тем, что растёт интерес аудитории к церковной жизни, к православно́й культуре. Православная Церковь использует прессу в целях проповеди, через церковные СМИ и выступления в светской прессе священнослужители хотят донести до общества нравственные ценности, объяснить православные традиции, привести человека к Богу. Таким образом, не только выполняется задача Православной Церкви, но и осуществляются одни из главных функций журналистики – культурно-просветительская и социально-педагогическая.

Появление церковных изданий, православных радио и телепередач, радиостанций и телеканалов, интернет-ресурсов говорит о том, что религиозная журналистика развивается. Постоянно проблемы этой информационной сферы обсуждают на традиционных Рождественских чтениях, уже неоднократно проходили фестивали православной прессы. *В 2004 году прошёл первый фестиваль православных СМИ «Вера и Слово».* Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей, бывший почётным председателем оргкомитета фестиваля, считал «проведение общецерковного форума, посвященного задачам развития православных СМИ и их взаимодействия со светскими средствами массовой информации... важной и необходимой задачей» [6].

Религиозной темой интересуются и светские СМИ, которые «все чаще обращаются к истокам религиозно-нравственного просвещения, публикуя материалы о жизни Церкви, ее историко-нравственном наследии и православных догматах» [7, с. 11].

Сегодня Православная журналистика представляет научный интерес для исследователей медиасферы. Её развитию посвящают доклады научно-практических

конференций, научные статьи. Актуальные проблемы рассматривают и на специализированных интернет-сайтах. К православной теме обращаются и российские, и украинские исследователи: А.А. Бойко, Г.В. Жирков, Р.В. Жолудь, Н.Н. Замотина, Л.В. Кашинская, Н.А. Костикова, М. Шевченко и др. Объектом внимания оказываются виды религиозной журналистики, её история, функции и принципы, возможность выработать этические каноны православного журналиста, особенность взаимоотношений церковной и светской прессы, развитие православных СМИ и др. Отметим, что исследование православной темы в России проходит активнее, чем в Украине. Однако и в нашем государстве православная журналистика развивается, и растёт интерес к ней со стороны исследователей.

В Крыму православная тема постоянно появляется в светских СМИ. Для полуострова данная тема особенно *актуальна*. Крым – колыбель Православного Христианства. Именно здесь, на территории Херсонеса Таврического, принял Крещение князь Владимир, жизнь многих святых связана с Крымским полуостровом (Тавридой), на нашей земле находится много православных святынь. В то же время Крым – это многонациональный регион, где изучение культуры, религии того или иного народа приобретает особое значение. В поликультурной среде очень важно не оскорбить чувства представителей разных этносов и вероисповеданий. Поэтому так важно для журналистов, говоря о духовных ценностях, проявлять уважение, быть толерантными и компетентными.

Нами проведён мониторинг светских СМИ Крыма, *цель* которого – показать особенность освещения православной темы в информационном пространстве полуострова, рассмотреть тематику подачи материалов, отметить, как СМИ, освещая православную тему, выполняют культурно-просветительскую и социально-педагогическую функции.

Материал исследования – публикации в газете «Крымская правда», новостийные сюжеты программ «12 минут новостей» (Государственная телерадиокомпания «Крым») и службы новостей «Волна» («Черноморская телерадиокомпания»), публикации сайта «Новости Крыма», информационная программа «Крымский вектор» («Транс-М-радио»).

Православная журналистика – это самостоятельное направление, которое на сегодняшний день активно развивается. К нему можно отнести церковную прессу и материалы о Православии светских СМИ. Поэтому, естественно, что в этой области необходимо выделить принципы православного журналиста.

Валентин Лебедев, главный редактор журнала «Православная беседа», в своем выступлении «Церковная тема в светской прессе» на секционном заседании I Конгресса православной прессы 8.03.2000 года предложил следующие принципы: «1) профессионализм; 2) соответствие «духу миру», соединяющему, а не разъединяющему аудиторию; 3) глубокое знание церковной жизни; 4) приоритет не личному самовыражению, а созиданию во имя истины» [3, с. 53].

Обратим внимание на третий принцип, так как очень важно, чтобы журналист разбирался в вопросах Православия, если берется освещать данную тему. На наш взгляд, этот принцип должен соблюдать каждый журналист независимо от его

вероисповедания. Ведь религия – достаточно деликатная тема и, не зная каких-либо понятий, можно легко ошибиться в употреблении того или иного термина, в названии святых и тем самым оскорбить религиозные чувства определенной аудитории.

Журналистам следует не гнаться за сенсацией, а соблюдать этические нормы, быть компетентными, работать профессионально.

Н.А. Костикова среди особенностей материалов на православную тему называет сложность и многогранность, верно выбранный тон и стиль изложения, правильное тематическое и жанровое изложение.

Говоря о первой особенности – сложность и многогранность, – исследователь отмечает, что материалы о Православии «затрагивают самую сокровенную часть человеческой души – область веры, взаимоотношения человека с Творцом. Принцип «не навреди» в данном случае должен быть основополагающим» [2].

На журналистах, освещающих религиозную тему, лежит большая ответственность, поэтому очень важно, чтобы их слова не противоречили действительности, уставу данной религии. Так, в материалах о Рождестве, Святках, празднике Крещения Господня можно встретить информацию о гаданиях и фразу о том, что в эти дни даже духовенство разрешает гадать, в то время как позиция Церкви по отношению к гаданиям, гороскопам, суевериям однозначна – они не одобрены. Ещё одна ошибка журналистов – выдавать частное мнение одного верующего человека, представителя мирян или духовенства, за официальную позицию всей Церкви или одной из епархий. Однако даже если высказанное мнение не противоречит канонам веры, оно может быть лишь мнением частного лица, особенно если речь идёт о каких-либо инициативах или об оценке тех или иных событий в обществе.

Журналисту, освещающему религиозную тему, нужно помнить и об уважительном отношении к верующим всех конфессий, ведь мы живем в поликонфессиональном обществе, где «каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания», это право гарантировано статьей 35 Конституции Украины [1, с. 11]. Особенно это касается Крымского полуострова, так как на его территории проживает свыше 120 различных этносов. И сегодня журналистам следует помнить, что «минувшие поколения обладали такой мудростью и богобоязненностью, которые позволяли им столетиями жить на одной земле в мире и согласии» (Высокопреосвященный Митрополит Симферопольский и Крымский Владыка Лазарь [5]).

На основе проведённого мониторинга светских СМИ можно сделать выводы, что православная журналистика в Крыму активно развивается. Материалы на данную тему встречаются в исследуемых СМИ практически каждую неделю, как правило, они носят информационный характер. Прежде всего, это обусловлено спецификой работы новостных проектов: программа «12 минут новостей», служба новостей «Волна», сайт «Новости Крыма», радиопрограмма «Крымский вектор». Отметим, что в теленовостях сюжеты более развёрнутые, чем в интернет и радионевостях. Что касается ежедневной газеты «Крымская правда», данное

издание отличается жанровым разнообразием. На страницах газеты встречаются как заметки, так и репортажи, зарисовки, интервью на православную тему, даже есть постоянная рубрика «Воскресная проповедь», посвящённая важным праздникам или датам православного календаря.

Отметим, что в светских СМИ православная тема представлена в материалах, которые, как правило, можно разделить на два направления: материалы на собственно православную тему (о событиях в жизни Православной Церкви, в том числе Симферопольской и Крымской епархии, о крымских святых, о православных праздниках и традициях, проблемные материалы) и материалы, тематика которых пересекается с Православием (о событиях, в которых принимает участие духовенство, о разных конфессиях, о культурных событиях, которые приурочены к православным праздникам, о людях, чьё творчество связано с Православием).

Средства массовой информации, говоря о возрождении православных традиций, духовности, объясняя значение православных праздников, поднимают важные для общества вопросы. С одной стороны, они информируют общество о происходящих явлениях, с другой стороны, просвещают, выполняя культурно-просветительскую функцию журналистики. Аудитория становится грамотней в вопросах веры, больше узнаёт о развитии Православия в Крыму, о святых Православной Тавриды. Социально-педагогическая функция заключается в том, что СМИ обращают внимание общества на духовную сторону жизни, люди вспоминают о духовно-нравственных ценностях. Созидательной и должна быть деятельность журналиста, независимо от того, в каком СМИ он работает, церковном или светском. На наш взгляд, слова Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря о роли православной прессы: «Это наш насущный хлеб, потому что без прессы, без журналистики мы не передадим слово Божье, которое должны нести людям. Святое Предание передаётся из уст в уста уже столетиями, и оно должно передаваться нами людям будущих поколений. Важно не только говорить, но и писать. Мир сотворён Словом Божиим, и эту истину нам надо донести через века. Великое значение имеет перо, благодаря ему мы имеем богатейшее наследие: священные тексты, жития и творения святых, классическую мировую литературу, украинскую литературу. И я молю, чтобы это богатство хранилось и передавалось нашим поколениям. Когда человек пишет, то в этом благом деле участвует его душа, сердце, работает ум», – подходят для всех журналистов [4].

Выводы. Православная журналистика – явление уже устоявшееся, и одновременно – относительно новое, перспективное и привлекательное как для исследователей медиа, так и для самих журналистов. Из приведённой выше классификации, видно, что в Крыму тема Православия в светских СМИ носит, прежде всего, культурологический и информационный характер. Поэтому к одним из перспективных направлений дальнейших исследований можно отнести изучение новых, более разнообразных способов подачи материалов на тему Православия.

Список литературы

1. Конституция Украины. – Харьков, 2005. – 56 с.
2. Костикова Н.А. Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности [Электронный ресурс] / Н.А. Костикова. – Режим доступа: // <http://www.radonezh.ru/all/gazeta/?ID=1622>
3. Костикова Н.А. Этика отношений в информационном поле Церкви / Н.А. Костикова // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – №4. – М., 2002. – С. 52-62.
4. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь: «В труде пишущего человека участвуют его душа, сердце и ум»// Таврида Православная. – 2007. – август. – С. 2-3.
5. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь. Да не будет раздора между нами!» Обращение Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря к жителям Крыма» // Крымская правда. – 2004. – 2.04. – С. 1.
6. О фестивале православных СМИ «Вера и слово» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://ortho-media.ru/index.php?p=5-1>
7. Туманов Д.В. Духовная публицистика как тип творчества / Д.В. Туманов // Журналистика в 2000 году. Тезисы научно-практич. конф., ч. V. – М., 2001. – С. 11-12.

Сметаніна М.О. Специфіка медіапросвіти: Православ'я та особливості подання матеріалів у ЗМІ // Ученіє запискі Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.335-339.

Стаття розкриває особливості освітлення теми Православ'я в інформаційному просторі Криму, розглядає тематичну різноманітність відповідних матеріалів, особливості православної журналістики.

Ключові слова: *Православ'я, медіапросвіта, православна журналістика, церковна преса, світська преса.*

Smetanina M.O. Specificity of media education: Orthodoxy and feature of materials in the media // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.335-339.

The article exposes the feature of illumination of theme of Orthodoxy in informative space of Crimea, examines the thematic variety of the proper materials, features of orthodox journalism.

Key words: *Orthodoxy, media-education, orthodox journalism, church press, society press.*

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 070 (808)+ 316.6

МАС-МЕДІЙНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ АЛЕГОРІЇ

Стекольщикова В. А.

Миколаївський міжрегіональний інститут розвитку людини ВНЗ «Відкритий міжнародний університет розвитку людини «Україна», м. Миколаїв, Україна

У статті досліджено образне підґрунтя мови ЗМІ, що досягається за рахунок використання метафорично-алегоричних конструкцій і безпосередньо впливає на ефективність сучасного медіа-тексту та, як результат, є невід'ємним компонентом емоційного піднесення читацької аудиторії.

Ключові слова: *засоби образності, метафорична конструкція, алегоричні елементи тексту, ефективність медіатексту.*

Вживання метафорично-алегоричних конструкцій є однією з *актуальних* проблем сучасних лінгвістичних досліджень та розглядається у мовознавстві та журналістикознавстві як номінативний процес, спрямований на збагачення словникового фонду мови. Алегорія у публіцистиці – це не просто художній прийом, це особливий стиль автора, саме вона виступає ключовим поняттям у публіцистичному контексті.

Варто зазначити, що алегорія в наші дні є складнішим явищем, ніж це здавалося раніше. Результати останніх досліджень дозволяють стверджувати, що вона активно формує ефективні засоби впливу. Ще Аристотель відзначав уміння складати метафори, і відповідно алегорії, символи, персоніфікації, як особливий поетичний дар. В. Телія зазначає, що «Алегорія – атрибут художнього мовлення, де вона бере участь у створенні індивідуально-авторського бачення світу». Алегорія має свої особливості, хоч і є елементом більш загальної системи художньої мови та образності.

Алегоричним називав Шеллінг «те зображення, в якому особливе означає всезагальне чи в якому всезагальне спостерігається за допомогою особливого». В алегорії поняття залишається таким, що має тенденцію до абстрактного самоствердження, але воно може читатися в нашій свідомості через зовнішнє конкретне – одухотворення чи «опредметнення» [5, с. 130-131].

Постановка проблеми. Останнім часом активно досліджуються засоби образності, спрямовані під дією психологічних елементів впливати на потенційну аудиторію. І в таких розвідках використовуються найсучасніші досягнення комунікацій, соціології й психології.

Актуальність теми. В комплексі вербальних засобів масової комунікації важливу роль відіграють слова та вислови, які надають широкі можливості для якісного інформування і водночас реалізують впливогенний потенціал медіатексту,

передбачаючи певну запрограмованість реакції реципієнтів. І в цьому одну з ключових позицій займає алегорія – стилістична фігура, що базується на порушенні усталених логічних зв'язків і формуванні нових.

Вивчення функцій алегорії періоду трансформації системи суспільного устрою надає широкі можливості для з'ясування впливу цих трансформацій на зміни у способі мислення, на появу нових інтерпретаційних моделей реальності. Всебічний соціо- та психолінгвістичний аналіз цього мовного явища виявляє тенденції, пов'язані з лексико-семантичними процесами у сфері художньо-публіцистичного мовлення, а також дає ключ до розуміння деяких особливостей мовотворчості журналістів [4, с. 533].

Алегорично-метафоричні елементи були об'єктом дослідження багатьох українських мовознавців, зокрема В. Вовк, С. Єрмоленко, М. Лабашука, О. Потєбні, А. Тараненка та ін. У сучасному українському мовознавстві домінує погляд на алегорію як на художній засіб, цей феномен аналізують на матеріалі художньо-публіцистичних текстів (Н. Варич, Т. Єщенко, Т. Кіс, Л. Кравець, Т. Матвєєва, О. Тищенко, також Г. Дядюра, Н. Непийвода, О. Чуєшкова). Наукові розвідки про українське журналістське мовлення (Л. Завгородня, В. Здоровега, А. Капелюшний, О. Кузнєцова, А. Мамалига, Л. М'ясянкін, Л. Павлюк, О. Пономарів, О. Сербєнська, І. Філатенко, Г. Яворська, М. Яцимірська та ін.) охоплюють лише окремі аспекти функціонування транспонованих висловів і вивчені недостатньо. Дослідження факторів ефективності впливу друкованих ЗМІ на думку реципієнтів сучасного суспільства було відведено науковим працям теоретиків журналістикознавства, соціології, політології А. Москаленка, В. Бебика, В. Шкляра, Г. Почепцова, О. Мукомели, М. Скуленка, А. Чічановського, Е. Міцкевич, Й. Лося, М. Томенка.

Мета дослідження – з'ясувати специфіку функціонування алегоричних елементів в сучасному друкованому тексті на прикладі регіональних ЗМІ, наголосивши на комунікативному, когнітивному та структурно-морфологічному аспектах. Та провести аналіз соціально-психологічних аспектів впливу засобів масової інформації на емоційну піднесеність особистості читача.

Реалізація поставленої мети передбачає вирішити такі *завдання*:

- 1) – проаналізувати аспекти вивчення феномена алегорії;
- 2) – з'ясувати місце алегорії в системі мовних засобів друкованих мас-медіа;
- 3) – показати роль алегорії, як дієвого чинника емоційного піднесення реципієнтів;
- 4) – дослідити алегорію як наслідок мовотворчості журналіста та ефективності журналістського тексту.

Об'єкт дослідження – алегорія, виявлена в сучасних регіональних друкованих медіа-текстах.

Предмет дослідження – виявлення ефективності впливу алегоричних елементів засобів образності сучасного друкованого медіатексту на потенційну аудиторію та зокрема емоційне піднесення реципієнтів.

Джерельну базу дослідження становить регіональна преса періоду 2008-2011 років: «Рідне Прибужжя», «Южная Правда», «Вечерний Николаев», «Николаевские новости», «Родной Причал», «Наш город Николаев» та журнали «Горожанін», «Імена», «Регіон-Південь».

Методи дослідження. Основним є метод лінгвістичного опису, застосовано також методи концептуального та структурного аналізу, елементи зіставного методу та методу компонентного аналізу.

На окрему увагу заслуговує така проблема, як специфіка метафорично-алегоричних засобів образності сучасного друкованого медіатексту в підвищенні ефективності ЗМІ за рахунок засобів образотворення.

Для шифровки і дешифровки повідомлень використовуються різноманітні «коди», тобто принципи впорядкування інформації, своєрідні «мови» в широкому значенні слова. При підготовці повідомлень комунікатор використовує більший чи менший набір різноманітних кодів, які допомагають йому донести свої мотиви до реципієнта (або відкрити їх) – образотворчі засоби, емоційні можливості та психологічні прийоми засоби впливу на свідомість. Реципієнт, у свою чергу, використовує коди, що є в його розпорядженні, і, при тому чи іншому ступені збігання кодів, відповідно більш чи менш проникає у задум комунікатора. Якщо цей акт суміщення відбувся, то є всі умови для того, щоб комунікація здійснилась. Можна сказати, що процес спілкування між комунікатором і реципієнтом ефективніший тоді, коли найбільше збігаються їх коди [3, с. 189].

Проаналізуємо тексти Миколаївських обласних газет. Рівень їх мовного оформлення алегоричними компонентами з точки зору досягнення ефективності, безперечно, зростає. Але не так швидко, як хотілося б.

Текстовий фактор ефективності журналістського впливу досягається й тоді, коли аргументація підпорядкована задуму. Алегорія в публіцистиці повинна бути виразна і переконлива, щоб людина образно уявляла собі той факт, про який повідомляється.

За своєю природою алегорія двоскладова. З однієї сторони, це будь-яке поняття або явище (хитрість, мудрість, благо, природа), з іншої – конкретний предмет, картина життя, що ілюструє абстрактну думку, робить її наочною. Релігія, любов, справедливість, розбрат, слава, війна, світ, весна, літо, осінь, зима, смерть, добродієність, совість, істина зображуються і представляються як живі істоти. Додаються цим живим істотам якості і зовнішність, які запозичуються від вчинків і наслідків того, що відповідає укладеним у цих поняттях відокремленням. Наприклад: **Мітингувальники своїми гаслами, не боячись, сіпають тигра за вуса. На яку реакцію влади вони розраховують? Перефразовуючи відоме прислів'я – надкушувати він не збирається, а от з'їсти....** (сіпають тигра за вуса – алегорія нехтування безпекою) [4].

Проте сама по собі ця картина життя грає лише службову роль, ілюструє, прикрашає ідею, а тому позбавлена «всякої певної індивідуальності» (Гегель),

унаслідок чого ідея може бути виражена цілим рядом «картинних ілюстрацій» (А. Ф. Лосев). Проте зв'язок двох планів алегорії не довільний, вона заснована на тому, що загальне існує, проявляє себе тільки в конкретному одиничному предметі, властивості, функції якого і служать засобами створення алегорії

Алегорія дозволяє зробити думку про абстрактні сутності конкретно та образно. Алегорія є зрозумілою лише в цілому тексті на відміну від метафори і персоніфікації. Наприклад: **«Села Баштанського району дочекались свого часу, і зрештою дивовижна та примхлива пані Веселка осяє і їх небосхил** (веселка – алегорія гарного життя, примхлива пані – алегорія долі) [4].

Алегорію, або «злиття кількох метафор», можна назвати великою метафорою. Зміст публікації розгортається як розвиток метафоричного образу, все зображення має переносне значення: персонажі, їх дії, місце, час тощо. Все це виражається системою мовних засобів, яка включає у себе всі інші тропи і фігурні побудови. Власне, алегоричні образи актуальні завжди. Наприклад: **Слово – золотий ключ; слово – срібло; мовчання – золото**. В основі алегорії лежить порівняння смислу й образу. Наприклад: **Відкривати ящик Пандори минулого це прерогатива сильних, а він (губернатор) вважав себе сильним** (ящик Пандори – алегорія проблем, страхіть). **«Сильна і розсудлива Феміда цього разу трохи схбила. Чого ж ви хочете від жінки?»** (Феміда – алегорія «правосуддя») [4].

Автор може дати в одній фразі опис сонця, маючи на увазі опис людського життя, – і в тексті з'явиться алегорія. Наприклад, **«Сонячні промінчики були його стежками в депутатських починаннях, а чисте небо поводитарем у невтомних пошуках істини»** (сонячні промінчики – алегорія світлого та безтурботного сьогодення і майбутнього; чисте небо – алегорія відсутності перешкод) [4].

Застосовуючи алегорії, журналісти пояснюють читачам своє ставлення до тих чи інших явищ життя на прикладах, доступних всім. Наприклад: **«Все в образі пана П. було бездоганим, та лишень лавровий вінок трохи з'їхав на потилицю»** (лавровий вінок – алегорія переможців, в даному випадку не чесного переможця) [4].

У публіцистиці нерідко через цензурні умови створювалися розгорнуті алегоричні зображення екзотичного життя, розраховані на асоціативне переосмислення певних реалій і співвіднесення їх з актуальною дійсністю. Хоч алегорична образність як естетичний принцип характерна насамперед для класицистичного мистецтва, проте вона знаходить своє місце і у публіцистиці сьогодення.

За силою свого впливу на психічну свідомість особистості образні засоби масової інформації, зокрема алегорія мають переважаче значення. Вони відіграють ледве не першорядну роль саме у факторі залучення масової аудиторії, масового впливу на психіку.

Особливо ефективно спрацьовує вплив засобів образності, коли форма збігається із внутрішніми установками. Форма утворює інформаційний канал, а

емоції наповнюють думкоформу енергією, тому сильне емоційне забарвлення в умовах довіри передається неминуче.

Практика доводить, метафорично-алегоричні засоби образності можуть створювати у людини соціально-психологічну установку. У кожному окремому випадку відбувається завжди все індивідуально, тобто в кожного індивіда по-різному, але єдине в одному: завжди образність з підсвідомості згодом або переходить у свідомість, або – навіть у ще більшому ступені – починає несвідомо впливати на настрій, емоції, думки, бажання і вчинки реципієнта. Образно-емоційна наповнюваність алегоричного значенневого навантаження лише підсилює сприйняття психікою читача і інформація впливає відразу на почуття [6, с. 187-188].

За допомогою маленького клаптика паперу люди одержують доступ до таких творів культури, які віддалені від них не тільки в просторі, але і в часі. За допомогою друкованого слова ми попадаємо й у музейний зал, і на лекцію відомого вченого, і на концерт віртуоза-виконавця, і в театральний зал, і навіть на сцену та за куліси [1, с. 241-242].

Але реципієнт – не просто спостерігач, він ще і співтворець художнього твору, і йому недостатньо тільки зрозуміти, що говорить і показує журналіст. Йому ще потрібний час для того, щоб усвідомити, додумати те, про що йдеться на шпальті.

Висновки. У реалізації прагматичного потенціалу досліджуваних одиниць, які є ефективним мовним засобом впливу на адресата, беруть участь різні механізми, що діють у тісному взаємозв'язку. Для розглянутих одиниць здійснення функції впливу відбувається завдяки актуалізації функціонально-стилістичного макрокомпонента лексичного значення вихідної лексеми, що є основою алегоричного переосмислення, до периферії лексичної системи.

Роль друкованих мас-медіа сфокусована на параметрі оцінності. Алегорію, образність якої підпорядкована завданню передати емоційно-оцінне ставлення суб'єкта мовлення до метафорично інтерпретованої сучасної реалії, вважаємо за окремий тип. Алегорія є важливим виявом мовної особистості та майстерності журналіста.

Список літератури

1. Кара-Мурза С.Г. Маніпуляція свідомістю : [навч. посібник] / С.Г.Кара-Мурза. – К.: Оріони, 2003. – 500 с.
2. Миколаївські обласні газети періоду 2008-2011 років: «Рідне Прибужжя», «Южная Правда», «Вечерний Николаев», «Николаевские новости», «Родной Причал», «Наш город Николаев» та журнали «Горожанин», «Імена», «Регіон-Південь».
3. Москаленко А. З. Теорія журналістики: [підручник] / А. З. Москаленко. – К.: Експрес-объява, 1998. – С. 189, 204-206.
4. Орблан-Лембрик Л.Е. Соціальна психологія: [підручник] : У 2 Кн. Кн. 1: Соціальна психологія особистості і спілкування / Л.Е. Орблан-Лембрик. – К.: Либідь, 2004. – С. 532-534.
5. Селіванова О.О. Сучасна комунікативна лінгвістика //Актуальні напрями сучасної лінгвістики. – К., 1999. – С. 127-144.
6. Фопель К. Психология массовых коммуникаций / К.Фопель, Р.Харрис. – С.Пб.: Питер, 2001. – С. 186-190.

Стеколыщикова В. А. **Масс-медиа́льная интерпретация аллегории** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.340-345.

В статье исследована образная основа языка СМИ, которая достигается за счет использования метафорически-аллегорических конструкций и непосредственно влияет на эффективность современного медиатекста, а также, вследствие результата, является неотъемлемым компонентом эмоционального всплеска читательской аудитории.

Ключевые слова: средства образности, метафорическая конструкция, аллегорические элементы текста, эффективность медиатекста.

Stekolschikova V. **Mass Media Interpretation of Allegory** // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.340-345.

Imaginative basis of mass-media language, which is achieved through the use of metaphorically-allegoric constructions and directly influences the efficiency of modern media-text and, as a result, is the inalienable component of emotional raising of readers, is considered in the article.

Key words: means of imagery, metaphorical construction, allegoric elements of the text, efficiency of media-text.

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 070

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ПЕЧАТНОЙ ПЕРИОДИКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В УКРАИНЕ

Сурган М.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается проблема определения понятия «молодежь» и выявления специфических характеристик молодежной аудитории, которые предопределяют структуру и особенности функционирования рынка молодежных печатных СМИ Украины.

Ключевые слова: *молодежные СМИ, молодежь, печатные издания, периодичность, аудитория.*

Интерес к молодежной прессе *актуализируется* тем, что средства массовой информации являются важным фактором социализации современной молодежи. Обладая, помимо прочих, ценностно-ориентирующей, культурно-образовательной функциями, СМИ могут и должны играть ведущую роль в формировании мировоззрения молодых людей. Если рассматривать средства массовой информации в контексте становления и развития гражданского общества, то важную роль в развитии всех сфер жизни государства играет не только распространение информации, но и обеспечение свободного ее получения всеми слоями населения. Особенно значимо это в период становления и развития молодого человека. Современная пресса для молодежи находится на этапе динамичного развития и типологической трансформации. Перестройка моделей печатных СМИ, происходящая в последнее десятилетие, затронула и издания для молодежи. Анализ системы молодежных СМИ должен способствовать повышению эффективности работы и конкурентоспособности подобных изданий.

С. К. Шайхитдинова отмечает, что «если взглянуть на молодежные издания с точки зрения того, какие они решают задачи, каковы их связи с читателем, то можно получить представление о положении молодежи в обществе» [11]. *Цель данной статьи* – раскрыть содержание понятия «молодежь» в социальной коммуникации и определить особенности формирования рынка молодежной прессы Украины.

Объектом исследования выступают молодежные издания Украины. *Предметом* – специфика молодежной аудитории и типологические особенности отечественной печати для молодежи.

Попадание изданий в сегмент подростковой и молодежной прессы обеспечивается в первую очередь её аудиторией. Поэтому для понимания особенностей этой категории печатных СМИ нужно определить, что следует понимать под термином «молодежь».

К сожалению, имеющиеся на данный момент определения понятия «молодежь» не являются исчерпывающими или универсальными. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова трактует «молодёжь» как «молодое поколение, молодые люди» [8]. В Российской социологической энциклопедии «Молодёжь – это большая общественная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находится в состоянии становления, формирования» [6]. Классическим считается определение, которое дает Новый энциклопедический словарь БЭС: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных и характеристик и обусловленных этим, а также характером культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации социально-психологических свойств. Современные возрастные границы от 14-16 до 25-30 лет» [4, с. 746].

М. Е. Аникина отмечает, что молодежь внутри этой возрастной группы следует делить на поколения, т.е. сходные по образу жизни, мировоззрению и другим признакам модификации одного вида. Разница между поколениями составляет примерно шесть лет [1, с. 113].

Для уточнения академических определений нами был составлен лингво-ассоциативный портрет категории *молодежь*. Как известно, уровень языковой компетенции языковой личности определяет и уровень понимания тех или иных составляющих окружающей действительности, в том числе информационной. Нами был проведен социологический эксперимент, целью которого был анализ толкования слова «молодёжь» на уровне «наивной» языковой картины мира. В рамках представленного подхода признаки анализируемой категории извлекаются из сознания человека, действующего в условиях анкетного дейксиса «я-здесь-сейчас». Ста реципиентам – жителям Украины в возрасте от 14 до 51 года различного образовательного статуса было предложено дать толкование понятию «молодёжь» и представить ассоциативный ряд (3-5 ассоциаций), возникающий у них при встрече с данным понятием. Наиболее показательные результаты нашего опроса представлены в таблице 1.

Обработка полученных данных позволяет сделать следующие выводы. Ни для кого из реципиентов понятие «молодёжь» не оказалось незнакомым. Более того, оно активно в «лингвистическом обиходе», о чем свидетельствует несомненная оценочность презентованных толкований. Большая часть респондентов – 35 % отождествляет «молодёжь» с «*молодыми людьми в возрасте от 16 до 26-27 лет*»; 10 % респондентов толкуют «молодёжь» как «*социально-возрастную группу*»; 8 % опрошенных считают, что это «*активное время жизни*»; 7 % респондентов видят в «молодёжи» «*новое поколение*»; 6 % принявших участие в эксперименте выделяют «молодежь» как «*слой населения*»; для 4 опрошенных – это «*часть общества*»; 3 % опрошенных отождествляют «молодёжь» с «*категорией людей с молодой душой*». Наименее частотными (единичными) оказались такие толкования: «*мы*», «*стадо всезнающих невежд*», «*всё новое, что не понимают наши бабушки*», «*молодой развивающийся организм*», «*после детства переход в ответственность*», «*мини субкультура*», «*авангард человечества*», «*неопределённая группа людей*».

Таблица 1. Лингво-ассоциативный портрет категории «молодёжь»

№	ТОЛКОВАНИЕ	ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
1.	Молодёжь – это <i>мы</i> .	Жен., 22 года.
2.	Молодёжь – это <i>люди</i> в возрасте <i>от 16 до 26 лет</i> , живущие в своё удовольствие.	Муж., 26 лет.
3.	Молодёжь – это <i>человеческая особь</i> с нестабильной психикой, подвластная веяниям моды и нуждающаяся в грамотной фильтрации подаваемой информации.	Жен., 22 года.
4.	Молодёжь – это <i>слой населения</i> определённого возраста.	Жен., 39 лет.
5.	Молодёжь – это <i>молодые люди от 16 до 27 лет</i> , которые в жизни пробовали немного и у них есть все шансы испытать всё, что угодно; это люди, которые внутри не «чёрствые», а молодые, любящие жизнь.	Муж., 18 лет.
6.	Молодёжь – это <i>категория людей</i> , которая стремится жить и идти вперёд, не стоит на месте.	Жен., 41 год.
7.	Молодёжь – это <i>стадо всезнающих невежд</i> .	Муж., 22 года.
8.	Молодёжь – это <i>будущее страны</i> .	Жен., 20 лет.
9.	Молодёжь – это <i>активное время жизни</i> , полное развлечений.	Жен., 37 лет.
10.	Молодёжь – это <i>новое поколение</i> людей, которые легко приспосабливаются к окружающей среде.	Жен., 19 лет.
11.	Молодёжь – это <i>социально-возрастная группа</i> , которая делится на «положительных» и «бунтующих»: они ищут себя, пытаются пристроиться к нашему миру, частые конфликты, особенно со взрослыми, т.к. считают, что их никто не понимает.	Муж., 21 год.
12.	Молодёжь – это <i>алкоголь, наркотики</i> .	Муж., 20 лет.
13.	Молодёжь – это <i>всё новое, что не понимают наши бабушки</i> .	Жен., 28 лет.
14.	Молодёжь – это <i>молодой развивающийся организм</i> .	Муж., 21 год.
15.	Молодёжь – это <i>послед детства переход в ответственность</i> .	Жен., 18 лет.
16.	Молодёжь – это <i>часть общества</i> , обладающая правом на своё видение мира.	Муж., 18 лет.
17.	Молодёжь – это когда <i>молодая душа</i> .	Муж., 37 лет.
18.	Молодёжь – это <i>мини субкультура</i> , которая ограничивается не только возрастными рамками, но и различными увлечениями, интересами и своеобразными взглядами на те или иные вещи.	Жен., 18 лет.
19.	Молодёжь – это <i>самое прекрасное</i> , что дано человеку и весь мир стоит на плечах молодых.	Муж., 48 лет.
20.	Молодёжь – это <i>обезбашенный народ</i> .	Жен., 14 лет.
21.	Молодёжь – это очень <i>целеустремлённые, стильные, современные люди</i> .	Жен., 24 года.
22.	Молодёжь – это <i>мелкие людишки</i> , которые ещё не знают, чего хотят.	Муж., 22 года.
23.	Молодёжь – это <i>то, насколько ты себя считаешь молодым</i> .	Жен., 34 года.
24.	Молодёжь – это <i>часть населения планеты</i> , которая должна в будущем принять огромную ответственность за развитие и благополучия всего человечества.	Муж., 25 лет.
25.	Молодёжь – это <i>авангард человечества</i> .	Жен., 47 лет.
26.	Молодёжь – это <i>неопределённая группа людей</i> , к которой можно отнести человека по его возрасту, роду занятий.	Муж., 26 лет.

Словарь эпитетов предлагает нам следующие ассоциативные категории: Молодёжь – *бедовая (разг.), бездумная, беззаботная, беспечная, блестящая, буйная, весёлая, воспитанная, горячая, даровитая, жизнерадостная, замечательная, здоровая, зелёная (разг.), золотая, изнеженная, легкомысленная, невоспитанная, отчаянная, передовая, пылкая, разболтанная (разг.), славная, сознательная, способная, талантливая, творческая, трудовая, трудолюбивая, учтивая, энергичная. Золоченая, кислая, переваренная, пёстрая, свежая, светлая. Вузовская, городская, деревенская, заводская, колхозная, провинциальная, рабочая, светская, сельская, советская, столичная, студенческая, учащаяся, фабричная и т. п.* [9].

Ассоциативный ряд, презентованный реципиентами, позволяет нам сделать вывод, что «молодёжь» воспринимается положительно большинством опрошенных (75,5 %): для них атрибутами данного понятия являются «активность», «энергичность», «веселье», «готовые воспринимать новое, неизведанное», «жизнерадостность», «целеустремлённость», «позитив», «амбиции» и т.д.

Как показало исследование, часть реципиентов (24,5 %) видит молодёжь негативно, связывая ее с «алкоголем», «наркотиками», «агрессивностью», «курением», «нецензурной лексикой», «безответственностью», «эгоизмом», «внушаемостью», «стадностью», «комплексами», «депрессивностью» и др.

Подростковая и молодёжная аудитория – очень специфический сегмент, и это во многом предопределяет особенности такой отрасли современной журналистики, как молодежная пресса. Следует отметить стремление молодых людей более категорично отстраивать себя от окружающих по возрасту и полу.

Исследователи выделяют две возрастные группы молодежи. Первая – подростки 12-16 лет (школьники средних и старших классов, верхняя граница – окончание школы). С одной стороны, это одна из самых легко откликающихся на громкие бренды часть населения. С другой – по сравнению со взрослыми у нее более низкая покупательная способность. Вторая группа – молодёжь 16-24 лет. В свою очередь, вторую группу тоже условно разделяют на студентов младших курсов (16-20 лет) и старших (20-24 года). Старшекурсники часто уже имеют самостоятельный доход, независимы в материальном плане от родителей. Это переходная аудитория от молодёжных журналов и газет к взрослым и поэтому не очень многочисленная [10].

Молодежь является проводником новых идей и способствует развитию общества, но это возможно лишь при условии получения молодыми людьми интересной, полезной и содержательной информации. И это, на наш взгляд, должно стать основной задачей молодёжных СМИ. Нельзя также забывать и об остальных функциях молодёжной прессы, которые являются общими для всех масс-медиа: идеологическая, социально-ориентирующая, организаторская, культурно-образовательная, рекламно-справочная и рекреативная. Выполнение этих функций молодёжными изданиями, соблюдение необходимого баланса между ними – залог успешной социализации молодого читателя [2]. Однако следует отметить, что современная украинская молодёжная пресса далеко не всегда успешно выполняет эти функции и находится на таком уровне развития, который не может полностью удовлетворить потребности молодежи.

По мнению Ю. Ярмыша, в последнее время молодёжная пресса заметно активизировалась [12]. В Украине регулярно проходят выставки молодёжных изданий. И если в 2003 году на выставке «Молодёжная пресса в Украине», проведенной в Киеве, было представлено 68 изданий, то участниками Всеукраинской Выставки молодёжных изданий "Молодежный Акцент – 2010" (г. Запорожье) стали около ста газет и журналов. Однако преимущественное большинство представленных СМИ – вузовские и школьные газеты с соответствующей тематикой. Распространение этой категории изданий осуществляется в рамках конкретного учебного заведения и чаще всего бесплатно.

На сегодняшний день, к сожалению, деятельность молодёжных структур в сфере информационного обеспечения регионов необходимой информацией организационно и функционально разрознена. Отсутствуют единые общегосударственные информационные методические подходы к решению задач информационного обеспечения молодёжи [7].

По данным Министерства юстиции, ежегодно в Украине регистрируется порядка 2000 печатных изданий. Так, в 2009 году было зарегистрировано 2255 печатных СМИ, а в 2008 – 2396. При этом общее количество, зарегистрированных печатных изданий превышает 30000, но, по результатам исследования Украинской Ассоциации издателей периодической прессы, действительно издаются только около 4200 из них. А количество газет и журналов для молодёжи составляет только 1,5 % от общего количества изданий. Следует также отметить, что около 90 % молодёжных изданий выходят раз в месяц или квартал.

Например, газета «EUROMолодь» выходит 1-2 раза в месяц, журнал рисованных историй «K9» – 1 раз в месяц, также ежемесячным является молодёжный психологический журнал «INDIGO».

Отсутствие в Украине четких и обеспеченных ресурсами приоритетов развития информационной сферы и медленные темпы развития информатизации определяют слабое развитие информационной инфраструктуры. Фактически, на сегодняшний день в Украине отсутствует единое информационное пространство, и наиболее ярко это проявляется именно на примере молодёжных изданий. Большая часть из них ориентирована на читателей в пределах области, города, учебного заведения. Так, в Ивано-Франковской области издается газета «Світ молоді», целевая аудитория которой – читатели Прикарпатья. Молодежная газета «Вулик» распространяется на территории Володимирецкого района. Газета «Нива», ставшая одним из лучших молодёжных изданий на VI Всеукраинской выставке газетных изданий молодёжи «Молодёжный акцент-2010», является изданием Луганского национального университета.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что для рынка молодёжных изданий Украины на сегодняшний день характерны следующие особенности:

- 1) Небольшое количество изданий.
- 2) Ориентация на достаточно узкий круг читателей, чаще всего ограниченный аудиторией определенного региона или конкретного учебного заведения
- 3) Колеблющаяся периодичность выхода.

Список литературы

1. Аникина М. Е. Молодые и недоверчивые: современные российские читатели / М. Е. Аникина // В-к Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 1. – С. 112-115.
2. Душкова Л. Молодёжная пресса без читателя / Л. Душкова // Место встречи. – М., 2001. – № 36. – 135 с.
3. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М., 1959. – 222 с.
4. Новый энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия : РИПОЛ классик, 2004 – 1456 с.
5. Перша Всеукраїнська виставка «Молодіжна преса України». Круглий стіл «Молодіжні ЗМІ в Україні: реалії і перспективи». Додатковий матеріал. – К., 2003. – 223 с.
6. Российская социологическая энциклопедия. / Под ред. Осипова Г.В. – М. : НОРМА; ИНФРА-М, 2001. – 672с.
7. Слостенин В. А. Педагогика: [учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений] / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М. : Школьная Пресса, 2002. – 387 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <http://www.educ.ru/search>
9. Словарь эпитетов [Электронный ресурс] / Словопедия. – Режим доступа : <http://www.slovopedia.com/24/204/1648257.html>
10. Типология периодической печати / Под ред. М. В. Шкондина – М., 2007. – 276 с.
11. Шайхитдинова С. Тенденции развития молодёжных газет / С. Шайхитдинова // Журналистика и перестройка: Учебное пособие / Под ред. М. В. Шкондина. – М. : Издательство МГУ, 1989. – 273 с.
12. Ярмиш Ю. Молодіжна преса / Ю. Ярмиш // Сучасна українська журналістика: Поняттєвий апарат. – К. : Школяр, 1997. – 210 с.

Surgan M. O. Специфика формирования рынка друківаної періодики для молоді в Україні // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.346-351.

У статті розглядається проблема визначення поняття «молодь» та специфічних характеристик молодіжної аудиторії, які зумовлюють структуру та особливості функціонування ринку молодіжних друківаних ЗМІ України.

Ключові слова: молодіжні ЗМІ, молодь, друківані видання, періодичність, аудиторія.

Surgan M. A. Specificity of forming of the mart of printed mass-media for young people in Ukraine // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.346-351.

The article deals with the problem of definition of concept “youth” and identification of specific characteristics of young audience, that predetermine structure and peculiarities of functioning of the mart of youth printed mass-media in Ukraine.

Key words: press for young people, young people, printed mass-media, periodicity, audience.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 007 : 304 : 659.1

РОЛЬ МОТИВАЦІЇ У ЗМІСТОУТВОРЕННІ ТЕЛЕРЕКЛАМНИХ ПОВІДОМЛЕНЬ

Шмига Ю.І.

*Інститут журналістики Київського національного університету
імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна*

Стаття присвячена дослідженню ролі раціональних та емоційних мотивів у вітчизняній телерекламі. Підкреслюється важливість емоційної складової у створенні сучасних рекламних повідомлень.

Ключові слова: *мотив, раціональні мотиви, рекламне повідомлення, телереклама, емоційні мотиви.*

Найважливішим елементом рекламного комунікативного процесу є безпосередньо рекламне повідомлення: саме в ньому реалізуються наміри комунікатора і потреби споживача, від його якості залежить результат рекламного впливу.

Мета дослідження – узагальнити досвід вивчення специфіки побудови та особливостей поєднання раціональних та емоційних елементів телереklamних повідомлень. Поставлена мета обумовила виконання таких завдань: розкрити сутність та специфіку типів рекламних повідомлень; виявити основні різновиди мотивів, що використовуються в телерекламі; дослідити роль мотивів у змістоутворенні телереklamних повідомлень; підкреслити важливість поєднання раціональних та емоційних мотивів в утворенні вітчизняних телереklamних повідомлень.

Особливого значення в рекламному повідомленні, як і в будь-якому повідомленні комунікативного процесу, набуває *проблема* його логіко-психологічної організації. У зв'язку з цим виникає питання про оптимальний баланс між логічними і психологічними або емоційними апеляціями до аудиторії, про доцільність включення в структуру повідомлення аргументів протилежної сторони, про оптимальні психологічні правила розподілу аргументів у часі. Відомо, що однією з проблем логіко-психологічної організації повідомлення є проблема оптимального співвідношення логічних та емоційних апеляцій до аудиторії.

З'ясуванням цих проблем свого часу займалася експериментальна риторика. Дослідження Р. Вейсса, А. Баурера, К. Ховланда, У. Галей, К. Берло, С. Пани виявили досить цікаві, хоча і неоднозначні дані.

Найбільш точно сутність складового елементу комунікативного процесу, на наш погляд, передає термін "рекламне повідомлення". Рекламне повідомлення в існуючій науково-практичній літературі визначається як елемент рекламної

комунікації, що є безпосереднім носієм інформаційного та емоційного впливу комунікатора на споживача. Воно має конкретну форму (текстову, візуальну, символічну тощо) і надходить до адресата за допомогою конкретного каналу комунікації [3, с. 112-113].

У рекламному повідомленні можна виділити декілька елементів: 1) інформацію, яка містить відомості про ознаки, якості товару та засоби його використання і в процесі вибору та здійснення покупки може бути важливою; 2) звернення до розуму, що характерно для раціоналістичної реклами, коли намагаються переконати, наводячи доводи та аргументи на користь покупки того або іншого товару; 3) пряму або символічну презентацію переваг з метою впливу на емоційну сферу, глибинні мотиви споживача [2, с. 112-113].

У відповідності до цього виділяють чотири типи рекламних повідомлень: інформаційне, логічне, образне, або емоційне, та змішане. Перший тип, як зазначають дослідники, містить мінімальну інформацію, що ґрунтується на прямому значенні слова. Логічний тип акцентує увагу на логічних доказах, переконливій аргументації, на обґрунтуванні причин необхідності купівлі товару. Образний, емоційний апелює до образно-емоційних асоціацій споживача. Змішаний використовує елементи усіх вищезазначених типів: цей тип повідомлення містить необхідну інформацію, впливає на споживача логічною аргументацією, переконуючи його в необхідності наслідувати поради реклами, і все це збагачується, підкріплюється емоційними засобами.

В телереklamному повідомленні присутні три структурні компоненти: вербальний текст, візуальний та звуковий ряд. Для його ефективності необхідно, щоб кожен із цих елементів, заявляючи про себе, чимось важливим доповнював ціле.

Відомо, що у ранніх формах реклама існувала лише як текст і не супроводжувалася зображенням, а відтак виконувала всі притаманні їй функції. Сьогодні можливості реклами значно розширилися, а функції класичного рекламного повідомлення поділили між собою в друкованій та зовнішній рекламі: вербальна та візуальна складові, в радіореklamі – вербальна та звукова, в телереklamі – усі три компоненти: вербальна, візуальна та звукова.

У вербальній складовій рекламного повідомлення традиційно виділяють чотири основні частини: 1) слоган (або рекламний лозунг); 2) заголовок; 3) основний рекламний текст (ОРТ), або корпусний текст; 4) луна-фраза (або кода). Однак присутність усіх частин не є обов'язковою. Наявність або відсутність окремих частин тексту обумовлюється видом товару або послуги, а також метою рекламного повідомлення.

Відомо, що телереklamні повідомлення у порівнянні з іншими різновидами мають найбільші можливості впливу на споживача, оскільки поєднують три структурні компоненти: вербальний текст, візуальний ряд та звукове супроводження. Кожен із компонентів, виконуючи в межах рекламного повідомлення певну семантичну, прагматичну або естетичну функцію, мусить, з одного боку, щось

додавати від себе, з іншого, переплітатися з іншими складовими, обумовлюючи його цілісність. Саме в цьому полягає один із критеріїв його ефективності.

Зважаючи на те, що рекламні повідомлення повністю зорієнтовані на виконання свого завдання – мотивувати поведінку реципієнта, щоб зробити його потенційним, а потім і реальним споживачем товару, ми поставили за мету дослідити роль мотивів у змістоутворенні телерекламних повідомлень.

Відомо, що мотиви є потужними внутрішніми детермінантами людської поведінки. Тому проблеми мотивів та мотивації активно досліджували такі видатні психологи, як З. Фройд, Г. Мюррей, Д. Мак-Лелланд, Л. Портер, А. Маслоу та багато інших. Найбільш популярною протягом тривалого часу вважалася класифікація мотивів А. Маслоу. Її популярність була обумовлена двома причинами: по-перше, вчений розмежує не окремі мотиви, а цілі групи, по-друге, ці групи впорядковані у відповідності з ціннісною ієрархією відносно їх ролі у розвитку особистості.

Лише звернемо увагу на те, що класифікація мотивів А. Маслоу ґрунтується на ідеалізованому варіанті гуманізму, ігнорує ситуаційну обумовленість діяльності, а також соціальні та економічні фактори її здійснення. Останній фактор, на наш погляд, суттєво обмежує можливості застосування цієї моделі як домінуючої у вітчизняній рекламній комунікації, хоча орієнтація моделі А. Маслоу на потреби самоактуалізації цілком відповідає етнопсихологічним особливостям нашого народу і у майбутньому, коли в країні буде досягнуто позитивних соціальних та економічних змін, може бути залучена до практики рекламної комунікації.

Більш розповсюдженою у психології реклами є класифікація мотивів, яка серед найсуттєвіших виділяє наступні: 1) утилітарні; 2) естетичні мотиви; 3) мотиви престижу; 4) мотиви досягнення; 5) мотиви традиції.

Рекламні повідомлення, зорієнтовані на задоволення **утилітарних потреб**, мусять зацікавити споживача перш за все експлуатаційними характеристиками товару, підкреслити такі його ознаки, як надійність, економічність, простота в експлуатації. Зазначимо, що сучасна вітчизняна реклама не ігнорує утилітарні мотиви, але зазвичай поєднує їх з іншими.

Врахування **естетичних мотивів** дозволяє акцентувати увагу на зовнішньому вигляді товару: приваблива форма, оригінальне кольорове рішення, здатність гармоніювати з іншими предметами. Естетичні мотиви є досить сильними та довготривалими, вони домінують у людей з естетичними нахилами. Особливого значення набувають в житті жінок. Вітчизняні рекламні повідомлення найчастіше спираються на естетичні мотиви в рекламуванні товарів для жінок.

Мотиви престижу притаманні представникам певних соціальних груп, які купують товари не тільки тому, що вони потрібні, а щоб підкреслити свій статус, матеріальний достаток. Вважається, що ті, хто належать до елітних груп, надають перевагу престижним магазинам, хоча у звичайних ці ж товари можна купити дешевше. Як свідчить практика, мотив престижу набуває значення лише з ростом матеріального достатку та життєвого рівня.

Мотив досягнення, уподібнення. Цей мотив реалізується завдяки використанню перевіреного прийому, коли товар рекламує відома людина: актор,

спортсмен тощо. У цьому випадку рекламований товар асоціюється з видатною персоною, а споживач, купуючи товар, намагається наблизитися до свого кумира або хоча б уподібнитись йому. Бажання уявного уподібнення, досягнення є потужним, тому залучення цього мотиву підсилює ефективність рекламного повідомлення.

Мотив традиції. Його використання в рекламній комунікації обумовлене національними особливостями. Спеціалісти з реклами рекомендують в рекламних повідомленнях використовувати національно забарвлену кольорову гаму, спиратися на особливості національної психології. Значення цього мотиву у вітчизняній рекламі ще не дооцінене по-справжньому. Звернення до мотиву традиції у вітчизняній рекламі може не тільки посилити психологічний вплив на споживача, але й зробити певний внесок у справу відродження національних етнокультурних традицій.

Розглянуті класифікації, незважаючи на їх розповсюдженість в теорії та практиці рекламної діяльності, не вичерпують різноманітності існуючих підходів до проблеми. Останнім часом теоретики та практики реклами все частіше посиляються на класифікацію, котра умовно об'єднує мотиви, що використовуються в рекламному повідомленні, у три групи: раціональні, емоційні, соціальні або моральні. Ця класифікація, на наш погляд, є більш теоретично обґрунтованою та практично спрямованою, вона має перспективу подальшого теоретичного вдосконалення, а також продуктивного практичного застосування. Визначимо мотиви, що складають кожен із зазначених груп, за структуруванням, поданим Є. Роматом [3].

До **раціональних мотивів** зазвичай дослідники відносять мотиви прибутковості, здоров'я, надійності та гарантії, зручності та додаткових переваг.

Емоційні мотиви зорієнтовані на бажання споживачів позбутися негативних та здобути позитивні емоції. До них належать мотиви страху, значущості та самореалізації, свободи, відкриття, гордості та патріотизму, кохання, радості та гумору.

Соціальні або моральні мотиви апелюють до почуття справедливості та порядності. Використання цих мотивів в рекламних повідомленнях найчастіше пов'язане з необхідністю вирішення таких соціальних проблем, як захист навколишнього середовища, охорона правопорядку тощо, тому саме вони визначають сутність рекламного повідомлення в соціальній рекламі, хоча як додаткові мотиви можуть бути залучені і до комерційної реклами.

Спираючись на цю класифікацію, ми здійснили аналіз 400 рекламних повідомлень, що демонструвались на телеканалі "1+1" протягом 2009–2010 років. Це надало можливості зафіксувати співвідношення рекламних повідомлень, зорієнтованих на раціональні, емоційні та соціальні мотиви або на їх поєднання. Записані та проаналізовані рекламні повідомлення були згруповані в таблиці 1.

Наведені у таблиці 1 результати свідчать про те, що сучасні рекламні повідомлення в основному зорієнтовані на поєднання мотивів. Причому переважає в проаналізованих телереklamних роликах поєднання раціональних та емоційних мотивів, що продиктовано, з одного боку, намаганням творців реклами максимально

використовувати етнопсихологію вітчизняного споживача, котрому притаманне емоційне, духовно-моральне сприйняття світу, з іншого – загальною тенденцією сучасних рекламних комунікацій до використання емоційних мотивів, щоб перетворити комерційні стосунки на особистісні, продемонструвати “материнське ставлення” до споживача, досягти теплоти у спілкуванні з ним [1]. Теплоту комунікативного спілкування в рекламному повідомленні забезпечують емоційно марковані ситуації, образи-символи, архетипи.

Таблиця 1. Частотність використання мотивів в телерекламі, яка транслювалась на каналі «1+1» з 2009 по 2010 роки

Рекламні повідомлення					
Переважають раціональні мотиви (%)	Переважають соціальні мотиви (%)	Переважають емоційні мотиви (%)	Поєднані емоційні та раціональні мотиви (%)	Поєднані емоційні та соціальні мотиви (%)	Поєднані емоційні, раціональні та соціальні мотиви (%)
14	6	13	32	18	17

Розглянемо деякі приклади продуктивного поєднання раціональних та емоційних мотивів у сучасній вітчизняній телерекламі. Емоційні мотиви, навіть коли вони не є головними в змістоутворенні рекламного повідомлення, виконують важливу роль: збагачують раціональну мотивацію, надаючи їй більш аргументованого характеру, а рекламованому товару – додаткової цінності. Наприклад, в одному із рекламних роликів, присвяченому лікарському засобу від кашлю “Лазолван”, головну змістоутворюючу роль виконує раціональний мотив: “Лазолван” лікує кашель, повертає хворому здоров’я. Емоційна мотивація в рекламному повідомленні реалізується через використання елементів асоціативного відеоряду: бінарної опозиції “темрява” – “світло” (темрява символізує хворобу, світло асоціюється з видужанням). Відеоряд фіксує такі кадри: в темряві сидять хворі на кашель батько та син. Дід-залізничник намагається зупинити кашель ліхтарем. З’являється мати з ліками “Лазолван”, вона вмикає світло і пояснює, як треба лікуватись від кашлю. Емоційний мотив збагачує зміст рекламного повідомлення, надає лікам додаткової цінності: завдяки “Лазолвану” людина не лише одужує, але її життя стає світлішим.

Інший варіант поєднання раціональних та емоційних мотивів на вербальному рівні можна спостерігати в одному із роликів, що рекламує пиво “Оболонь”. Змістоутворюючу функцію в ньому знову-таки виконує раціональна мотивація, яка досягається завдяки демонстрації як на візуальному, так і на вербальному рівнях потужності заводу “Оболонь”, найсучасніших технологій у виготовленні пива. Відеоряд представляє сучасне обладнання, потужний конвеєр пляшок з пивом, голос за кадром вербалізує візуальні картинки: “Завод “Оболонь” – найбільший пивзавод України. Пиво “Оболонь” експортується у 47 країн світу. Нова найпотужніша лінія

випуску – 110 тисяч пляшок на добу. І кожна із них відповідає найвимогливішим стандартам якості”. Вербальна основа ролику не обмежується лише раціональною мотивацією, але й використовує емоційну мотивацію, апелюючи до почуття гордості та патріотизму (реklamний текст “*Нашу якість визнав світ*”), емоційну мотивацію підсилює також слоган: “*Наше пиво – європейська якість!*”.

Важливість емоційної складової в сучасних рекламних комунікаціях усвідомлюють не тільки виробники реклами, але й рекламодавці, про це свідчить інтерв’ю з керівником відділу маркетингу кондитерської корпорації Roshen Т. Родніною [4, с. 12]. Рекламодавець, просуваючи нову марку кондитерських виробів, з самого початку був зорієнтований на емоційну константу телереклами. Для цього обрана глобальна ідея підвищення національної гордості й посилення почуття приналежності до України. На ґрунті цієї ідеї було розроблено ролик, що демонстрував загальнонаціональні цінності, які об’єднують нашу країну як єдину сім’ю. Героєм телеролику стає водій, в дорозі йому відкривається краса України, душевність українців. Щоб показати сучасну країну, знайшли декілька характерних ландшафтів – у південному (Дніпрогес у Запоріжжі), у центральному (міст Патона в Києві) і західному (Яблунівський перевал у Карпатах) регіонах. Національний колорит реклами, її творчу концепцію значно підсилює світла, оптимістична пісня у виконанні С. Вакарчука, співака, який чітко асоціюється з Україною. Отже, на телеекранах з’явився один із найкращих телероликів, майже повністю побудований на використанні емоційних мотивів. Як свідчать результати опитування, ефективність телевізійного ролику Roshen виявилась досить високою: 70% опитаних з задоволенням подивились ролик ще раз, 51% зазначили, що в подальшому обов’язково будуть купувати продукцію торговельної марки Roshen. Навіть найменш лояльні споживачі (біля 43%) відзначили, що після перегляду телеролика їх ставлення до торговельної марки Roshen стало більш позитивним [4].

Телевізійний ролик можна розглядати як взірць майстерного поєднання всіх структурних компонентів рекламного повідомлення, кожен із яких, виконуючи певну семантичну, прагматичну, естетичну функцію, переплітається з іншими, обумовлюючи його цілісність. Цей телевізійний ролик можна, напевно, розглядати як зразок для моделювання ефективних вітчизняних рекламних повідомлень.

Висновок. Ми розглянули лише найважливіші аспекти рекламного повідомлення, що пов’язані з його логічним та емоційним потенціалом. Продуктивність рекламного повідомлення як константної одиниці рекламної комунікації значною мірою може бути обумовлена смисловим навантаженням, що вимірюється оригінальністю творчої ідеї, використанням адекватної рекламної стратегії, мотиваційної логіки.

Дослідження ролі мотивів у змістоутворенні телереklamних повідомлень дозволило виявити особливе значення на сучасному етапі розвитку української телереклами мотиваційних факторів, заснованих на глибокому розумінні національних, етнокультурних цінностей українського споживача. В період самоідентифікації української нації ствердження “українськості” може сприяти позитивному ставленню до рекламного продукту, а значить певною мірою забезпечити його ефективність.

Список літератури

1. Бодриар Ж. Система вещей: Пер. с франц / Ж. Бодриар. – М.: Рудомино, 1995. – 179 с.
2. Грановский Л. Г. Творческая реклама: эффективные принципы бизнеса / Л. Г. Грановский, В. Л. Полукаров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. – 260 с.
3. Ромат Е. В. Реклама: [учебник для студентов специальности «Маркетинг»] / Е. В. Ромат. – К.; Харьков: НВФ Студцентр, 2000. – 480 с.
4. Україна. Від краю до краю. Українці. Від серця до серця. Брендингова стратегія ТМ Roshen // Зеркало реклами. – 2004. – №2. – С. 12-18.

Шмыга Ю.І. Роль мотивації в створенні телерекламних повідомлень // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.352-358.

Статья посвящена исследованию роли рациональных и эмоциональных мотивов в отечественной телерекламе. Подчеркивается важность эмоциональной составляющей в создании современных рекламных сообщений.

Ключевые слова: *мотив, рациональные мотивы, рекламное сообщение, телереклама, эмоциональные мотивы.*

Shmyga Ju. I. The role of motivation in the creation of the TV advertisement messages // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.352-358.

The article is dedicated to the investigation of the role of the rational and emotional motives in the home TV advertisement. It emphasizes the importance of the emotional component in the creation of the modern advertisement messages.

Key words: *motive, rational motive, advertisement message, TV advertisement, emotional motives.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 070 = 512.145 «191» 1910-1920 РР.

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ

Юксель Г. З.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
г. Симферополь, Украина*

В работе исследуется такое редкое явление в истории журналистики, как рукописная крымскотатарская пресса первой четверти XX века, в научный оборот вводятся данные о рукописном издании «Ненкеджан» (1922 г.).

Ключевые слова: крымскотатарские журналы, национальная пресса, довоенные газеты и журналы, «Ненкеджан».

Крымскотатарская довоенная печать, возникшая в конце XIX столетия, отображала экономическое, общественно-политическое, социальное положение крымскотатарского народа и мусульманских народов России, демонстрировала развитие национальной науки, культуры, образования, литературы, рассказывала о наиболее актуальных проблемах своего времени. В наши дни национальные издания являются предметом интереса ученых, общественных деятелей, литераторов, журналистов, историков. Налицо связь современных национальных изданий с крымскотатарскими изданиями прошлого века, что вполне обосновано в контексте процесса возрождения национальной духовной и материальной культуры, наблюдаемого в последние два десятилетия.

О функционировании крымскотатарских довоенных изданий писали крымскотатарские деятели: И. А. Айвазов, О. Акчокраклы, И. Гаспринский, И. Леманов, А. Одабаш, Б. Чобан-заде; современные ученые Г. Ю. Богданович, М. М. Веркалец, В. Ю. Ганкевич, И. А. Керимов, Т. Н. Киримов, Л. Ш. Селим, Д. П. Урсу, Ш. Э. Юнусов, Н. В. Яблоновская и др. Сведения о национальных довоенных изданиях встречаются в работах зарубежных авторов А. Беннигсена, В. А. Возгрина, Х. Кырымлы, Э. Лаззерины, А. Фишера, С. М. Червонной и др.

Целью данной работы является исследование крымскотатарских рукописных изданий первой четверти XX века. *Актуальность* темы определена развитием национальных средств массовой информации, выраженном в возникновении новых типов изданий, тематических сайтов, росте гражданской журналистики, и необходимостью исследования истории национальной журналистики для использования ранее накопленного опыта.

Достижение поставленной цели возможно путем решения таких *задач*, как сбор сведений о крымскотатарских рукописных изданиях; описание «Ненкеджан» как единственного сохранившегося рукописного журнала; установление элементов, присущих крымскотатарским довоенным журналам, выпускаемых как

типографским путем, так и рукописных; обозначение роли и места рукописных изданий в системе национальной прессы.

В 1920-х годах в Крыму формируется единая унифицированная система прессы, в основе которой иерархический, административно-территориальный принцип. По ареалу распространения национальные издания – это центральные, региональные, областные, городские, районные газеты, многотиражки различных учреждений и предприятий. Крымскотатарские издания – неотъемлемая часть единой системы прессы страны. Бурное развитие национального печатного дела после революции 1917 года и в 1920-е годы обусловило возникновение новых типов национальных газет и журналов: молодежные областные издания, общественно-политические областные, рукописные издания, специализированные издания органов управления, т.е. ведомственные и отраслевые, региональные, многотиражные издания, тематические издания, приуроченные к определенному событию, знаменательной дате. В работе с читательской аудиторией используются различные формы популяризации печатной продукции: выпуск стенных газет, организация «устных» газет, проведение Дней книги, Дней печати, выездных редакций, курсов по ликвидации безграмотности, общественных прочтений газет и обсуждения материалов, презентационные кампании по продвижению прессы.

В 1920-х годах крымскотатарская печать прератилась в высокоразвитую сферу профессиональной деятельности, и вместе с национальным издательским комплексом, представляла систему довоенных крымскотатарских печатных СМИ.

Довольно массовым явлением в конце 1910-х – начале 1920-х годов становится выпуск **рукописных** крымскотатарских изданий, которые принадлежали, как правило, общественно-политическим молодежным объединениям или учебным заведениям. Эти издания были своеобразной визитной карточкой молодежной организации или учебного заведения, отражали проблемы, волновавшие авторов, демонстрировали их творческие способности. Их выход свидетельствует как о стремлении определенных политических сил задействовать молодежь в социальных преобразованиях, так и об активном участии самой молодежи в общественной жизни Крыма. В 1917 году под редакцией Мустафы Бекира выходит газета «Аркъадаш» («Товарищ»), которая являлась «печатным органом Бахчисарайского техникума изобразительных искусств» [4, с. 2-5]. В этом же году в Евпатории выходят рукописное издание крымскотатарской молодежи «Темир къзыкъ» («Железный молот») и молодежный журнал «Енъи ой» («Новый голос») [4, с. 2-5]. Учениками Зинджырлы-медресе в начале 1920-х годов выпускается рукописный журнал «Йолдаш» («Попутчик») [4, с. 2-5]. «В конце 1922 года в Симферополе выпускалась рукописная газета татсектора областной советско-партийной школы «Учкъун» («Искра») [14, с. 155].

Одним из показательных примеров в истории крымскотатарской прессы стал выход рукописного издания «Ненкеджан», выпущенный ученицами Симферопольского женского педагогического училища (Darülmualimât) в 1922 году, ставшего своеобразной лабораторией для творчества юных авторов-слушательниц училища.

Журнал имел четкую внутреннюю структуру, и, несмотря на то, что был рукописным изданием, структурно не отличался от иных крымскотатарских изданий, печатавшихся типографским способом. В издании присутствовали следующие элементы:

1. Шапка (название) издания: подобие в оформлении шапок газет и журналов того периода прослеживается в характерном размещении названия посередине, на одной трети либо на половине страницы. Рядом с шапкой представлялись исходные данные, сведения об издателях, стоимость подписки и розничная цена и др. До 1921 года календарные данные приводились по григорианском календарю и по Хиджре, после 1921 года издания перешли на григорианский календарь.

2. Тематический подзаголовок: размещался непосредственно под шапкой издания, как правило, очерчивался двумя жирными линейками. Подзаголовки содержали сведения об основной тематике и периодичности издания. Подзаголовок «Ненкеджан», представленный на второй странице, гласил: «Ежемесячное издание, которое беспокоится об интересах читателей, а также не забывает и тех, кто еще не читает издание» (здесь и далее – перевод автора).

3. Оформление обложки и первой страницы: большинство журналов имели «Мундериджат» либо «Ичиндекилер» («Содержание»). Указатель публикаций содержался на лицевой или первой после лицевой странице. В «Содержании» напротив фамилии автора отмечалось только название материала, номер страницы не ставился.

4. Наличие вступительного слова: первые номера газет и журналов начинались, как правило, вступительным словом – «Идареден» («От редакции»), «Макьсад» («Цель»), в котором редакция информировала читателя о целях и задачах издания.

Точная дата выхода журнала «Ненкеджан» обозначена на первой странице журнала: «1922 год от Рождества Христова. Пятница, 20 января. 1240 год по Хиджре» («Milâd: 1922. Cuma küni 20 yanvar. Hicret: 1240»). Подготовку и выпуск издания осуществил отдел образования педагогического училища («Çıraqğan: Darülmualimât. Yarıqlandıruv bölügi»), за распространение отвечал студенческий кружок («Darqatqan: Darülmualimât Talebeleri Cemiyeti»). На первой странице пилотного номера в традиционном обращении к читателю значилось: «Сегодня вышел в свет первый номер журнала, который ученицы педагогического училища мечтали выпустить на протяжении 3-4 лет. Цель издания – просветить наших читателей. Как бы ни были незначимы материалы этого издания, считаем нужным сказать, что сегодня наши товарищи нуждаются в подобном начинании. Если в будущем будет возможно, мы намерены печатать журнал в типографии» [7, с. 2].

На первой странице представлено изображение девушки в национальном костюме, остальные страницы издания украшены незатейливыми цветами, орнаментами, которые украшают рукописное издание. Несмотря на ограниченные возможности в выпуске рукописного издания, налицо стремление авторов разнообразить «слепые» страницы журнала рисунками.

Содержание («Ичиндекилер»), представленное на обложке «Ненкеджан», традиционное для крымскотатарских журналов 1920-х годов, дает сведения об авторах и названиях публикаций в журнале [8, с. 2]. Среди них – ученица Асие

Улуозенли с работой «Аркъадашларыма» («Моим товарищам»), посвященной проблемам обучения молодежи, Гафуре Кючюкозенли с лирическим стихотворением «Аркъадашыма» («Моему другу»), девушка, подписавшаяся псевдонимом Азавдан Кельмен – автор рассказа «Шехирден коюну айырмагъан кыыз» («Девушка, которая не отличает село от города») и др. Всего в первом номере содержится 14 публикаций, размещенных на 24 страницах.

Первый, и, к сожалению, единственный сохранившийся номер «Ненкеджан», открывался стихотворением «Журналымызгъа» («Нашему журналу»), автором которого является младшая сестра крымскотатарского ученого, поэта Бекира Чобанзаде – Зелиха Чобанзаде. «Ненкеджан» назван в ее стихах «другом», «спутником», которому можно поведать о своих печалях и тревогах:

Эй, дорогой журнал, я обращаюсь к тебе,
Твои советы, дорогой, удерживают меня от плохих поступков.
Ты моя семья, мой спутник,
Ты моя опора во всем.
Тебе, другу, я изливаю свою боль,
С тобой минуют мои печали [6, с. 3].

О проблемах образования юношей и девушек рассуждает ученица Асие Улуозенли в материале «Аркъадашларыма»: «Многие молодые люди, не учились и даже не имели возможности обучаться в общеобразовательных школах... До сих пор мы не то, чтобы не осознаем своего предназначения в мире, но даже не имеем представления о подобных вопросах» [13, с. 4].

Вопросам профессионального образования и воспитания молодежи в национальных традициях посвящен материал «Тербие» («Воспитание»), выводы которого гласят: «Воспитание – это организация приобретенных правил поведения и наклонностей к действию» [9, с. 19].

Помимо «серьезных» материалов издание предлагает своим читателям и развлекательные. Так, в журнале имеется раздел «Дюшюндже кошеси» («Колонка раздумья»), в котором публиковались различные загадки, например, «Деве такъсимы» («Распределение верблюдов») [1, с. 23-24]. Данная головоломка была представлена автором, подписавшимся «Рух».

В конце «Ненкеджан» издатели озвучивают требования для принятия рукописи в номер: «Требования, предъявляемые для рукописей, сдаваемых в журнал:

- 1) Редакция оставляет за собой право исправлять в присланных рукописях все неточности с точки зрения грамматики, синтаксиса, орфографии.
- 2) Неопубликованные рукописи не возвращаются.
- 3) Рукописи должны быть разборчивыми и написанными с одной стороны страницы.
- 4) Поскольку наш журнал пока выходит в рукописном варианте, большие публикации в нем размещены не будут» [2, с. 24-25].

В журнале велась именная переписка с авторами, в которых даются советы по материалам: «Сахибе! Ваша рукопись не принята, поскольку очень длинная и не

понятная. Просим Вас сократить ее... Произведения других авторов в связи с нехваткой места оставлены для следующего номера» [2, с. 24-25]. Подобная переписка с авторами велась и в основной общественно-политической крымскотатарской газете 1920-1930-х годов «Енъи Дюнъя» («Новый мир»), других изданиях.

Выводы. В наши дни «Ненкеджан» – единственное крымскотатарское рукописное издание, которое дает возможность судить о том, как выглядели рукописные издания первой четверти XX столетия. Крымскотатарская рукописная пресса – явление редкое в истории не только крымской, но и мировой журналистики. Кроме того, «Ненкеджан» – одно из немногих сохранившихся крымскотатарских женских изданий того времени. Напомним, что женский вопрос был наиболее актуальным для крымскотатарской прессы с самого начала ее возникновения. Роль женщины в общественной жизни, задачи, возлагаемые на нее в воспитании подрастающего поколения – всё освещалось в многочисленных публикациях, как на страницах «Терджимана» («Переводчик») и женского приложения «Алем-и Нисван» («Женский мир») Исмаила Гаспринского, так и других национальных газет, выходивших до второй мировой войны в Крыму.

Символичным является и то, что связь поколений не прервана: 3 марта 2011 года в Симферополе читателям представлен новый журнал «Ненкеджан», который является печатным органом вновь зарегистрированной женской общественной организации «Ненкеджан» (руководитель – Зера Бекирова). Данный факт еще раз говорит о том, что для крымскотатарского народа обращение к историческому прошлому является важным и обязательным элементом для сохранения и развития своего духовного наследия.

Список литературы

1. Деве таксимы // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 23-24.
2. Журналгъа язъладжакъ язълар аккъындаки шартлар // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 24-25.
3. Керимов И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного периода / И. А. Керимов // Голос Крыма. – 2004. – № 16. – С. 7.
4. Керимов И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного периода / И. А. Керимов // Научный бюллетень. – 2004. – № 1 (6) – С. 2-5.
5. Керимов И. А. Къырымтатар эдебияты: Учебное пособие по крымскотатарской литературе для старшеклассников и студентов филологических факультетов / И. А. Керимов. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. изд-во, 1995. – 352 с.
6. Чобан-заде З. Журналымызгъа / З. Чобан-заде. // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 3.
7. Идареден // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 2.
8. Ичиндекилер // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 1.
9. Тербие // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 19.
10. Чобан-заде Б. Газетеджилгимизинъ тарихына догъру. Биринджи девир / Б. Чобан-заде // Илери. – 1927. – № 9. – С. 21-26;
11. Чобан-заде Б. Экинджи девир / Б. Чобан-заде // Илери. – 1927. – № 5. – С. 15-22.
12. Чобан-заде З. Журналымызгъа / З. Чобан-заде // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 3.
13. Улуозенли А. Аркъадашларыма / А. Улуозенли // Ненкеджан. – 1922. – № 1. – С. 4.
14. Яблоновська Н. В. Этнична преса Криму: історія та сучасність / Н. В. Яблоновська. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. – 312 с.

Юксель Г. З. **Кримськотатарські рукописні видання** // *Ученіє запискі Таврічєского національного університєта ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціалні комунікації».* – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.359-364.

У роботі досліджується таке рідке явище в історії журналістики, як рукописна кримськотатарська преса першої чверті ХХ століття, до наукового обігу вводяться дані про рукописне видання «Ненкеджан» (1922 р.).

Ключові слова: кримськотатарські ЗМІ, національна преса, довоєнні газети та журнали, «Ненкеджан».

Yuksel G. Crimean tatar handwritten press // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.359-364.

The article describes such a rare phenomenon in the history of journalism as the Crimean Tatar handwritten press in the first quarter of the twentieth century. The author introduces for scientific use data on the manuscript edition «Nenkedzhan» (1922).

Key words: Crimean Tatar magazines, national press, pre-war newspapers and magazines, «Nenkedzhan».

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

РАЗДЕЛ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811'373:33

ОМОНИМИЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ЕКОНОМІЧНІЙ ТЕРМІНОСИСТЕМІ ЯК ПРОЯВ АСИМЕТРІЇ МОВНОГО ЗНАКА

Архипенко Л.М., Казимир І.І.

Харківський національний економічний університет, м. Харків, Україна

Стаття присвячена лінгвістичному аналізу лексико-семантичного процесу омонімізації в межах української економічної терміносистеми.

Ключові слова: *терміносистема, економічна термінологія, омонімія.*

Важливою частиною лексики української літературної мови є термінологія. Останнім часом інтерес до вивчення термінологій різних галузей знань значно посилюється. Проблеми формування й функціонування окремих терміносистем розглядалися у дослідженнях О. Реформатського, Д. Лотте, Д. Баранника, Л. Полюги, В. Калашника, Г. Сергєєвої, Т. Михайлової та інших. Зокрема, *актуальним* залишається дослідження лексико-семантичної систематизації економічної термінології з урахуванням новітніх процесів, що сприяють її постійному поповненню.

Метою статті є аналіз лінгвістичного явища омонімії в українській економічній термінології, що виникає при порушенні однозначної відповідності терміна й поняття.

Від явищ багатозначності варто відрізнити явище омонімії. Омонімія належить до тих лінгвістичних понять, які відзначаються неоднозначністю підходів та трактувань. Саме тому це явище ніколи не втрачало своєї актуальності, а отже й зацікавлень мовознавців. Ще О. Потебня у праці «Із записок з російської граматики» відзначав наявність омонімії та відсутність полісемії за умови наявності більше, ніж одного значення у мовного знака: «Ми вважаємо багатозначність поняттям хибним: де два значення, там два слова» [11, с. 33].

У сучасній науці про мову загальноновизнаним є те, що омонімія – абсолютна універсалія. Наявність омонімів у мові є обов'язковою й закономірною, до того ж глибинно зумовленою як фізіологічно, так і самою природою мови як системи. Л. Булаховський [4, с. 48] якось написав, що «омоніми – такі ж законні діти мовного мистецтва, як і всі інші». Значно пізніше Л. Малаховський [9, с. 25], досліджуючи проблему подачі омонімів у словниках, відмітив, що «саме у широкому розповсюдженні омонімії й закладена одна з найважливіших відмінностей будь-якої

мови, що складалася стихійно протягом віків і тисячоліть від “семантичних систем”, створених людиною”.

Довгий час омонімія розглядалась “як хвороба, яку необхідно лікувати”. Поширеною думка про те, що синонімія та полісемія – закономірне явище в мовах, що саме функціонування мови як засобу спілкування й пізнання неможливе без цих явищ. Що ж стосується омонімів, то, навпаки, цей аспект асиметрії мовного знаку багатьма вважається мовною аномалією, вадою в комунікації. Часто слухач опиняється в складній ситуації, коли з кількох різних значень, виражених певною мовною формою,

слід вибрати одне для правильного розуміння повідомлення. Омонімія вносить труднощі й у звичайний процес засвоєння мови, коли той, хто її вивчає наштовхується на те, що одна й та ж мовна форма може мати абсолютно різні значення, – факт, на який у своїй рідній мові він, зазвичай, не звертає уваги. Аналіз таких форм суттєво ускладнює сприйняття іншомовного тексту.

Лінгвісти виділяють наступні причини появи антонімів. Так В. Виноградов, вказуючи на непродуктивність цього явища, вважав, що «ще менше омонімів зобов'язані своїм утворенням семантичному розпаду єдиної лексеми на декілька омонімістичних одиниць» [6, с. 141]. Ф. Реформатський стверджує, що у певній мовній системі «більше за все омонімів, що виникли завдяки запозиченням», хоча він визнає факт активності процесу похідної омонімії [12, с. 195]. Визнаючи достатню активність омонімів, що виникають у результаті полісемії, О. Ахманова вказує в той же час і на більші труднощі, сумніви, з якими пов'язані пошуки об'єктивних критеріїв оцінки завершення процесу омонімізації [3, с. 69-74].

За способом утворення Л. Новиков поділяє омоніми на етимологічні (звуковий збіг різних за походженням слів), семантичні (розпад багатозначного слова) і словотвірні (збіг слів у результаті словотвірних процесів) [10, с. 105-106]. В. Абаєв [1, с. 79] висловив думку про те, що «поява нових омонімів, їх «розмноження» походить в основному за рахунок полісемії». Основним джерелом поповнення мови омонімами А. Смирницький вважає випадкові звукові збіги [14, с. 44-46].

Явище термінологічної омонімії, як і у загальнолітературній мові, «є категорією негативною, а самі відношення слів, однакових за формою й непов'язаних за значенням, – нерегулярними й винятковими» [10, с. 49]. О. Ахманова з цього приводу зазначала, природнім було б, коли кожній одиниці мовного змісту відповідала б окрема й суворо закріплена за нею одиниця мовної оболонки [10, с. 5]. Але цього насправді не існує. Зазвичай одиниці зовнішньої оболонки виявляються ніби розтягнутими, легко допускають співвіднесення їх з новими різновидами й відтінками мовного змісту в межах одного слова досить різноманітних лексико-семантичних його варіантів, які все ж таки не руйнують його тотожності. Від цього положення, яке представляє загальний закон функціонування й розвитку мовних одиниць, принципово відрізняються ті випадки, коли одиниці зовнішньої оболонки виявляються ніби продубльованими, а іноді навіть потроєними. Це відбувається тоді, коли вони виявляються пов'язаними (чи співвіднесеними) з настільки різними одиницями змісту, що наявність для кожної окремо однієї й тієї ж зовнішньої оболонки в результаті будь-якого збігу обставин. Оскільки загальним правилом

функціонування мовних одиниць є закріпленість даної зовнішньої оболонки за окремими одиницями значення, факт об'єднання в одній і тій же одиниці зовнішньої оболонки абсолютно різних значень потребує окремого вивчення.

Омонімія як лексична категорія – це семантичне відношення внутрішньо не пов'язаних (немотивованих) значень, що виражаються формально схожими знаками (лексемами), які розрізняються у тексті завдяки контекстуальному оточенню [10, с. 209].

У термінології омонімія має свої відмінні особливості порівняно з омонімією в лексиці літературної мови. Явище термінологічної омонімії, на думку К. Авербуха, породжується у більшості випадків трьома факторами: 1) наявністю у різних, достатньо понятійно віддалених одна від одної терміносистемах, (однакових за написанням) одиниць номінації, семантика яких абсолютно різна, а мотивованість тотожності їх знаків або зовсім відсутня, або втрачена у процесі тривалого функціонування у різних сферах; 2) метафоричним уживанням того чи іншого терміна чи загально мовного слова в іншій спеціальній підмові, що супроводжується входженням цієї лексичної одиниці в іншу терміносистему; 3) наявністю у того чи іншого складного, багатоаспектного об'єкта ідентичних найменувань, що позначають у кожній спеціальній підмові різні поняття залежно від того, під кутом зору якої з професій розглядається ця реальія [2, с. 34-49].

Для термінів-омонімів П. Новиков і В. Даниленко вважають обов'язковими дві ознаки: 1) наявність у термінів різних, не пов'язаних одна з одною дефініцій; 2) використання співзвучних термінів у різних термінологічних системах. На цій підставі, виділяють два основні типи термінів-омонімів: міжнаукові (міждисциплінарні, міжгалузеві) і міжсистемні (лексичні омоніми) [10, 7].

Специфіка виявлення загальномовного процесу омонімії в термінологічній лексиці полягає в тому, що в цьому пласті вона представлена в основному так званою міжнауковою (міждисциплінарною, міжгалузєвою) омонімією термінів, коли онде й те ж матеріальне вираження, один і той же фонетичний комплекс співвідноситься, здається, з одним і тим же об'єктом дійсності, але наповнюється різним змістом, оскільки цей об'єкт виступає як предмет вивчення різних наук. Тут йдеться про ті випадки, коли одна й та ж одиниця є конструктивним членом декількох терміносистем певної мови, тобто «полісемія настільки розходиться, що стає омонімією» [12, с. 88]. У межах окремої галузевої термінології омонімія як результат семантичного розвитку слова не розвивається [7, с. 72]. Омонімію в межах термінологічної лексики можна схарактеризувати як міжсистемне явище різних слів як системних одиниць різних функціональних систем мови і як міжнаукову омонімію (омонімія різних термінів як приналежності терміносистемам різних підмов).

Отже, традиційно виділяються два основні типи термінів-омонімів: міжгалузеві й між системні.

Міжгалузєва омонімія – це терміни однієї галузі знання, які піддалися переосмисленню увійшли в терміносистему іншої науки. Для міжгалузєвої омонімії характерні, на крайній випадок, дві обов'язкові ознаки: за термінами повинні бути закріплені різні дефініції й ці терміни функціонують у різних термінологічних

системах. Більшість учених вважає, що в основному співіснування міжгалузевих омонімів стало можливим через їх утворення від латинського кореня.

Розглянемо приклади міжгалузевих омонімів.

а) Омоніми з технічної термінології й економічної. *Амортизація* – (*amortisatio* – *зниження*) – пом'якшення дії поштовхів, ударів у машинах, літаках і т.ін. за допомогою спеціальних пристроїв(тех.) [5, с. 1228]. *Амортизація* – поступове зниження вартості основних фондів (устаткування, будинків і т.ін.) внаслідок їх зношування, а також поступове перенесення вартості машин, будинків та ін. на вироблювану продукцію (ек.) [5, с. 16].

б) Омоніми з медичної термінології й економічної. *Ремісія* (*remissia* – *зменшення, послаблення*) – тимчасове послаблення проявів хвороби (мед.) [14, с. 494]. *Ремісія* – знижка, яку постачальник робить платникові для округлення суми платежу (ек.) [5, с. 1025].

в) Омоніми з лінгвістичної термінології й економічної. *Редуція* (*reduccia* – *скорочення*) – значне ослаблення або втрата ненаголошених звуків при їх вимовлянні (лінгв.) [5, с. 1021]. *Редуція* – зниження біржового курсу валюти, цінних паперів чи біржових цін (ек.) [13, с. 402].

г) Омоніми з дипломатичної й економічної термінології. *Трансакція* (*transaccia* – *звершення*) – операція, угода (політична, юридична), що супроводжується взаємними поступками (дипл.) [14, с. 582]. *Трансакція* – банківська операція щодо переведення коштів з одного рахунку на інший, зокрема й за кордон (ек.) [8, с.472].

д) Омоніми з геологічної термінології й економічної. *Конгломерат* (*konglomerat* – *нагромадження, об'єднання*) – осадова гірська порода, що складається з гальки йгалунів, зцементованих глиною, окисами заліза тощо (геол.) [5, с. 447]. *Конгломерат* – одна з форм монополій, для яких не характерна спільність вироблюваної продукції і технології (ек.) [16, с.163].

Наведені вище приклади показують, що при створенні терміна обирається не будь-яке «абстрактне слово», а те, яке вважається адекватним певному термінологічному поняттю.

Міжсистемну термінологію складають терміни, які утворені від загальнолітературних слів і є омонімами стосовно їх. В. Даниленко називає цей вид «лексичною омонімією» й підкреслює що таких термінів багато в різних терміносистемах [7, с. 156]. Наведемо приклади міжсистемних омонімів.

Акція – дія, діяльність спрямовані на досягнення якої-небудь мети [5, с. 13]. *Акція* – цінний папір без визначеного часу обігу, що засвідчує участь цього власника у статутному фонді акціонерного товариства, підтверджує членство в акціонерному товаристві та право на участь в управлінні ним, дає власникові право на одержанні частини прибутку у вигляді дивіденду, а також на участь ум розподілі майна в разі ліквідації акціонерного товариства [8, с.399].

Куліса – Частина театральної декорації, що розміщуються з боків сцени; лаштунки [5, с. 472]. *Куліса* – неофіційна біржа, ну якій укладаються угоди без посередництва офіційних біржових маклерів. В обігу на ній перебувають цінні папери, не допущені на офіційну біржу. Угоди укладаються безпосередньо між продавцями і покупцями або через неофіційних маклерів; обороти досягають

значних розмірів; курси цінних паперів у таких операціях відрізняються від курсів офіційної біржі [8, с. 251].

Такса – порода мисливських або кімнатних собак, що мають короткі криві ноги й довгий тулуб [5, с. 1228]. *Такса* – точно встановлений державою чи органами самоврядування рівень тарифів, цін, оплати праці [16, с. 19].

Приклади омонімії термінів і загальнолітературних слів свідчать про те, що у вищезазначених термінів відсутні будь-які елементи, що дозволяють говорити про наявні між ними семантичні контакти. Та все ж таки не в усіх випадках можна стверджувати про абсолютну відсутність семантичної спільності між загальнолітературним словом і економічним терміном. У деяких прикладах простежується семантична близькість аналізованих одиниць, яка проявляється то більшою, то меншою мірою, про що свідчить порівняння дефініції терміна й тлумачення загальнолітературного слова. Так, наприклад, слово «*провізія*» має значення «продовольство, їстівні припаси» [5, с. 963], термін «*провізія*» означає «запас у пасивах фінансового балансу, перш за все банків, з метою передбачити можливі збитки як у валютних, так і кредитних операціях» [13, с. 361]. Обидві лексеми об'єднує значення «запас».

Висновки. Подібне «порушення» ізоляції омонімів один від одного відображає свідомий підхід до побудови терміна. Автор терміна обирає знайоме, близьке слово, у результаті чого виникає певна семантична близькість між загальнолітературним словом і створеним терміном (що буває не завжди). Це не руйнує уяву про омонімію у терміносистемах у цілому, а тільки підкреслює її специфічність у порівнянні з загальнолітературною мовою.

Отже, основна риса термінів-омонімів полягає в тому, що це факти різних семантичних полів. Це перешкоджає їх зіткненню у схожих контекстах, а сам факт існування омонімів не може перешкоджати правильному розумінню тексту.

Підсумовуючи проведений аналіз, можна стверджувати, що з інтенсивним процесом глобалізації українська економічна термінологія перебуває у стані постійного розвитку й удосконалення, а подальший аналіз термінів-омонімів як на рівні системи, так і на рівні функціонування вкрай необхідний і актуальний для української лінгвістики.

Список літератури

1. Абаев В.И. О подаче омонимов в русском языке / В.И. Абаев // Вопросы языкознания – 1978. – № 4. – С.75-85.
2. Авербух К.Я. Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты // ВЯ. – 1986. – № 6. – С. 34-49.
3. Ахманова О.С. Экстралингвистическую и внутрilingвистические факторы в функционировании и развитии языка / О.С. Ахманова // Теоретические проблемы современного языкознания. – М. : Наука, 1964. – С. 69-74.
4. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка / Л.А. Булаховский. – К. : Радянська школа, 1952. – 249 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел]. – К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.

6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). [Учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература»] 3-е изд. испр. / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.
7. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
8. Завгородній А.Г. Фінансовий словник / А.Г. Завгородній, Л.Г. Вознюк, Т.С. Смовженко. – К. : Т-во "Знання", КОО, 2000. – 587с.
9. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л.В. Малаховский. – Ленинград, 1990. – 238 с.
10. Новиков Л.А. Семантика русского языка : [учебное пособие для филологических специальностей университетов] / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М. : Наука, 1958. – 242 с.
12. Реформатский А.А. Мысли о терминологии. Современные проблемы русской терминологии / А.А. Реформатский. – М. : Наука, 1986. – С. 163-198.
13. Словник банківських термінів (Банківська справа: термінологічний словник) / А.Г. Завгородній, О.М. Сліпущко, Г.Л. Вознюк, Т.С. Смовженко. – К. : Аконті, 2000. – 608 с.
14. Словник іношомовних слів / Уклад. : С.М. Морозов, Л.М. Шкарапуца. – К. : Наук. думка, 2000. – 680 с.
15. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Просвещение, 1956. – 259 с.
16. Сухарський В.С. Економічний словник-довідник / В.С. Сухарський. – Тернопіль : Навчальна книга-Богдан, 2002. – 608 с.

Архипенко Л.М., Казимир І.І. Омонимия в украинской экономической терминосистеме как проявление асимметрии языкового знака // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.365-370.

Статья посвящена лингвистическому анализу лексико-семантического процесса омонимизации в украинской экономической терминосистеме.

Ключевые слова: *терминосистема, экономическая терминология, омонимия.*

Arkhipenko L. M., Kazymyr I. I. Homonymy in Ukraininan economic term system as a display of language sign asymmetry // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.365-370.

The article deals with linguistic analysis of lexical-semantic process of homonymization in Ukrainian economic term system.

Key words: *term system, economic terminology, homonymy.*

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 81'373.422

ЛЕКСИЧНА АНТОНІМІЯ В ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ ЛІНИ КОСТЕНКО

Буц Н. В.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна

У статті розглядаються лексико-семантичні особливості антонімів, вибраних із поезій Ліни Костенко, які охарактеризовано за морфологічним і семантичним принципами.

Ключові слова: *антонім, лексика, морфологія, семантика, контекст, опорні слова.*

Актуальність. Поетична мова Ліни Костенко становить її творчу авторську індивідуальність, є константою її поетичного стилю. Зрозуміти творчість автора як прояв індивідуальності – мета кожного дослідника. Авторський словник поетеси – надзвичайно багатий. Лексеми її віршів – це унікальне своєрідне явище органічного співіснування різних мовних і стильових рівнів, які ввійшли до широкого культурного контексту світового рівня. Звичайно, творчість Ліни Костенко неодноразово була об'єктом досліджень українських мовознавців і літераторів. «Бо кожна людина – це мікрокосмос. Її неповторність (окрім багатьох інших особливостей) виявляється і в мовному етикеті. Тим паче якщо це мовний етикет поезії, в якій гармонійно поєднуються традиційні для українців вирази з авторськими новотворами. Найперше, що впадає в око під час читання поезії Ліни Костенко, персоніфіковане, «язичницьке» сприйняття світу, що визначає основу світосприйняття українців» [3, с. 400]. Коли мова йде про образну систему Ліни Костенко, цілісність та інтонаційна завершеність поезій формується системою повторів на різних рівнях: емотивному, синтаксичному, лексичному, метафоричному, композиційному. Лексичні повтори – це синоніми (земля-планета, страждаю-мучусь-гину), антоніми (живу-гину), розгалужена система метафорики (Всесвіт – акваріум планет, біль тенет).

Мета – визначення місця антонімів серед інших лексико-стилістичних засобів, використаних поетесою. У віршах Ліни Костенко кожне слово-образ ніби випромінює поезію, кожне слово співвідноситься з іншими, внутрішня форма його полісемантична, тобто багатозначна, вона може нарощувати все нові й нові відтінки значення. Характеристика вибраних з поезій Ліни Костенко власне антонімів, поклавши в основу морфологічний і семантичний принципи класифікації.

«Антоніми (від грецьк. *anti* – проти, *опута* – ім'я) – це слова з протилежними значеннями. Але антоніми визначають не взагалі будь-які протилежні поняття, а обов'язково поняття співвідносні, об'єднані змістом на основі їх протиставлення. Об'єднуються в антонімічні відношення перш за все слова, що мають якісні, кількісні, часові й просторові значення, наприклад: *бідніти* – *багатіти*, *сміятися* –

плакати, розвиватися – занепадати» [13, с. 49]. Ліна Костенко за допомогою антонімів викриває вади та суперечності нашого суспільства, а також протиріччя людської сутності. У творах поетеси протиставлення є одним із засобів, які посилюють афористичність її мови, виростаючи до крилатих висловів. Вона часто вдається до протиставлень, акцентує на контрастах.

Більшу частину серед скарткованих одиниць становлять власне антоніми, а серед них ті, що виражені іменниками та субстантивованими частинами мови. Найчастіше вони позначають абстрактні поняття та поділяються на групи:

а) антоніми, утворені від прикметникових основ і вказують на якість, наприклад:

1. ... *ненавидять в мені мою скажену силу, ненавиджу я слабкості свої* [8, с. 83];
2. *І люди, й не люди, добро і зло* [8, с. 110];
3. *Все повторялось: і краса, й потворність.* [8, с. 138];
4. ... *дитинство, юність, молодість і старість* [8, с. 178].

б) антоніми, які вказують на опредмечену дію й утворюються від дієслівних основ, наприклад:

1. ... *і почула першу образу, але і першу таки похвалу* [9, с. 64];
2. *Блюстителі, халтура – ваше хоббі, ви, фабриканти вір і недовір* [8, с. 169].

в) антоніми, які виражають стан, почуття, стосунки між людьми. Їх поява зумовлена як прикметниковими, так і дієслівними основами, наприклад:

1. ... *біда мине, і щастя теж мине* [8, с. 87];
2. *Мала щастя своє, проміняла його на біду* [8, с. 314];
3. *Щастя вас творить. І неминуче горе вас косить. Горе вас нищить* [10, с. 96].

Як бачимо, слово *щастя* має два антоніми – *біда і горе*. А «Словник антонімів» Л.М. Полюги до слова «щастя» подає антонім «нещастя» [11, с.116]. Таким чином, ми маємо приклад заміни звичайного компонента антонімічної пари *щастя-нещастя* синонімами. Такий прийом використовується авторкою для підсилення виражальних можливостей тексту.

Найчастіше Ліна Костенко вживає антонімічну пару *день – ніч*, які передають експресію, плин часу, рух. Наприклад:

1. *Чорна ніч інкрустована ніжністю. Горизонт піднімає багряним плечем день – як нотну сторінку вічності* [8, с. 8];
2. *І день, і ніч, і тисячі ночей...* [8, с. 179].
3. *І день, і ніч, і мить, і вічність* [8, с. 302].

Досить часто зустрічається пара *життя – смерть*, наприклад:

1. *життя і смерть на відстані стріли* [8, с. 428];
2. *Благословенна кожна мить життя на цих всесвітніх косовицях смерті* [8, с. 7].

Антоніми *день – ніч, життя – смерть* є повними [11, с. 51, 57]. Але в поезіях Ліни Костенко багато контекстуальних антонімів, які виражені й іменниками теж, наприклад:

1. *Людям – колосся. / Собі – стерня* [10, с. 101];
2. *Жонглює будень святістю і свинством* [8, с. 5];
3. *Усе було: асфальти й спориші* [8, с. 138];
4. *... а згине зло і правда переможе* [8, с. 179].

За семантикою всі скартковані нами іменникові антоніми можна розподілити на такі групи: а) ті, що позначають риси характеру чи зовнішності людини, наприклад: *бридота – врода* [9, с. 64], *потвора – вродлива* [9, с. 64], *сила – слабкість* [8, с. 83], *краса – потвора* [9, с. 69], *щедрий – скнара* [8, с. 34], *напівнездари – напівталанти* [8, с. 207], *сила – слабкість* [8, с. 83], *краса – потворність* [8, с. 138], *усмішка – сльози* [8, с. 114]; б) ті, що вказують на час: *день – ніч* [9, с. 14], *мить – вічність* [8, с. 302], *мить – роки* [8, с. 10], *будень – неділя* [8, с. 387], *празники – будні* [8, с. 216], *зима – літо* [9, с. 33], *початок – кінець* [9, с. 41], *минуле – майбутнє* [8, с. 157]; в) ті, що вказують на кількість: *мільярди – нулі* [8, с. 157], *плюс – мінус* [8, с. 156]; г) антоніми, що виражають абстрактні поняття: *слава – хула* [8, с. 216], *наслідки – причини* [8, с. 262], *свобода – залежність* [8, с. 265], *звитяги – поразки* [8, с. 441], *гріх – покута* [8, с. 525], *зло – правда* [8, с. 179], *віра – недовіра* [8, с. 169], *добро – зло* [8, с. 110], *радість – туга* [8, с. 104], *щастя – біда* [8, с. 87, 314], *щастя – горе* [8, с. 96], *фініш – старт* [8, с. 13, 100]; д) антоніми на позначення періодів життя людини: *молодість – старість* [8, с. 178, 489], *життя – смерть* [8, с. 244, 428]; є) ті, що вказують на соціальне становище: *повелителі – раби* [8, с. 146], *бог – чорт* [8, с. 94].

Друге місце за кількістю серед власне антонімів посідають прикметникові антоніми. Вони утворюють кілька семантичних груп:

- а) антонімічні пари, компоненти яких називають колір:

*... негри бога малюють чорним,
негри чорта малюють білим* [10, с. 94].

Антоніми *чорний – білий* є найуживанішими. «Білий – має колір крейди, молока, снігу; у переносному значенні: позитивний. Чорний – має колір вугілля, сажі, найтемніший; у переносному значенні: негативний» [11, с. 26]. В опрацьованих нами творах ці слова вживаються здебільшого в прямому значенні, наприклад:

1. *Два чорні лебеді календарного білого поля ...* [8, с. 101];
2. *Білі лілеї.
Жовті мімози.*

Чорні троянди – роси, як сльози [8, с. 94].

Споріднені антонімічні пари *білявий – чорнявий, білий – вороний*:

1. *Ось коник білий, коник вороний* [8, с. 470];
2. *Сон білявого дня і чорнявої ночі ...* [8, с. 181];

б) антоніми, що вказують на розмір: *маленький – великий* [10, с. 70], *великі – малі* [8, с. 157], [10, с. 70], *широкі – звужені* [10, с. 25];

в) ті, що вказують на людські риси: *весела – печальна* [8, с. 142], *прекрасна – потворна* [9, с. 65], *хороша* [8, с. 83] – *погана* [9, с. 83], *добрі – злі* [9, с. 83];

г) антоніми на позначення часу: *перше – останнє* [8, с. 127], [9, с. 5], *сьогоднішній – завтрашній* [8, с. 156];

д) на позначення стосунків між людьми: *праві – неправі* [8, с. 375], *рідні – чужі* [8, с. 278], *чужі – свої* [8, с. 73], *далекі – близькі* [10; с. 46];

є) ті, що позначають стан: *живі – мертві* [8, с. 447], [9, с. 10], *напівмандрівний – напівосілий* [8, с. 444], *кам'яний – жива* [8, с. 5]. *цілий – потрощений* [8, с. 280], *ускладнений – спрощений* [8, с. 280], *старі – молоді* [8, с. 392].

Антонімами найчастіше бувають якісні прикметники, адже якість найчастіше здатна протиставлятися. Але Ліна Костенко вживає і антоніми, що виступають відносними прикметниками. Звичайно, їх антонімічність диктується наявністю відповідних іменників, наприклад:

Скінчилася денна праця.

Почався вечірній поспіх [9, с. 7].

У групі прикметникових антонімів є також контекстуальні, наприклад:

- Дива, дива! – дивується трава. –

Він кам'яний, а з ним іде жива [8, с. 5].

Антонімічна пара *живий – мертвий*. Але в даному контексті значення «який не виявляє ознак життя, неживий» [11, с. 56] набуває слово *кам'яний*.

Особливу роль у створенні динаміки вірша відіграють дієслівні антоніми. Вони також надають поезіям більше експресивності й емоційності. Серед дієслів є різнокореневі антоніми, які становлять більшу частину, а не однокореневі, наприклад: *смеркає – розвиднюється* [8, с. 87], *сміялись – плакати* [8, с. 373], *здоровкалась – прощалась* [9, с. 65], *опускається – піднімається* [9, с. 78], *люблю – ненавиджу* [8, с. 490].

Порівняно мало вживає поетеса антонімів, утворених за допомогою префіксів, які найбільш характерні для дієслів (*приїжджає – від'їжджає*).

Дієслова, які не є словниковими антонімами, теж зустрічаємо у віршах Ліни Костенко:

А люди ж то проходять щохвилини.

Один зачепить.

Інший привіта. [9, с. 65].

Пара *зачепить – привіта* становить собою авторські контекстуальні антоніми.

Висновки. «Ліна Костенко – глибоко сучасна, глибоко українська поетеса, та навдивовижу це не те, що не заважає, а, навпаки, допомагає бути відкритою, як у космос український, так і в космос історії наших народів, в космос загальнолюдської історії; і та історія в неї – не скам'янілі чи спорохнявілі релікти, а живе дійство, яке начебто продовжує звершуватися й сьогодні, все ще перебуває у творчому світі, й так само часто певна подія нинішнього дня в її сприйнятті та під її пером виглядає не локально й самодостатньо, не ізольовано, а пропонується в єдиному потоці світової історії, сповнюється масштабності й значення історичного.» Ці слова Євгена Гуцала влучно визначають масштаб геніальної особистості нашої сучасниці, її художнього світу «в єдиному потоці світової історії» [2].

Антонімічна лексика вживається Ліною Костенко в поетичних творах з метою зіставлення, порівняння двох понять (для увиразнення обох); протиставлення, розмежування понять (для створення емоційного контрасту); з експресивно-стилістичною метою, що робить її вірші більш емоційно насиченими. Антоніми – це виразний стилістичний засіб мови. Вони потрібні в ній для відтворення контрастів, для побудови альтернативних запитань у художньому стилі мовлення [7, с. 46]. Бо

*Поезія – це завжди неповторність,
Якийсь безсмертний дотик до душі* [8, с. 138].

Список літератури

1. Антоненко-Давидович Б. Д. Як ми говоримо / Б. Д. Антоненко-Давидович. – К.: Либідь, 1991. – 253 с.
2. Барабаш С. Г. Творчість Ліни Костенко в ідейно-художньому контексті літературної доби : дис... д-ра наук : 10.01.01 / С. Г. Барабаш. – Кіровоград, 2004.
3. Богдан С. К. Мовний етикет українців: традиції і сучасність / С. К. Богдан. – К.: Рідна мова, 1998. – 475 с.
4. Брюховецький В. С. Ліна Костенко / В. С. Брюховецький. – К.: Дніпро, 1990. – 261 с.
5. Ганич Д. І. Словник лінгвістичних термінів / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К.: Вища школа, 1985.
6. Івченко М. П. Сучасна українська літературна мова / М. П. Івченко. – К.: Видавництво Київського університету, 1965. – 502 с.
7. Коваль А. П. Практична стилістика сучасної української мови / А. П. Коваль. – К.: Вища школа, 1987. – 349 с.
8. Костенко Л. Вибране / Л. Костенко. – К.: Дніпро, 1989. – 558 с.
9. Костенко Л. Вітрила / Л. Костенко. – К.: Рад. письменник, 1958. – 92 с.
10. Костенко Л. Мандрівки серця / Л. Костенко. – К.: Рад. письменник, 1961. – 110 с.
11. Полюга Л. М. Словник антонімів / Л. М. Полюга. – К.: Радянська школа, 1987.
12. Симоненко В. Краса без красивостей / В. Симоненко. В. – Слово і час. – 1990. – № 3. – С. 13-17.
13. Сучасна українська літературна мова : Стилістика. За ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1973.

Буц Н. В. Лексическая антонимия в поэтических произведениях Лины Костенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.371-375.

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности антонимов, выбранных из поэтических произведений Лины Костенко, которые охарактеризованы по морфологическим и семантическим принципам.

Ключевые слова: антоним, лексика, морфология, семантика, контекст, опорные слова.

Bych N. W. Lexical antonyms in poetry of Lina Kostenko // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.371-375.

In article lexico-semantic features of the antonyms chosen from poetic products by Liny Kostenko which are characterized by morphological and semantic principles are considered.

Key words: antonym, lexicon, morphology, semantics, context, basic words.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 303.687:81'221

ЕКСПЛІКУВАННЯ СУМНІВУ У НОМІНАЦІЯХ ОКУЛЕСИЧНИХ КІНЕМ

Гнатюк А. В.

Волинський національний університет імені Лесі Українки, м. Луцьк, Україна

Стаття присвячена дослідженню проблеми експлікування сумніву у номінаціях окулесичних кінем при послідовній експліцитній та дизруптованій експліцитній вербалізації. У дослідженні ідентифікуються окулесичні кінеми на позначення сумніву у комунікації. На матеріалі сучасного художнього англомовного дискурсу встановлюється взаємозв'язок між ступенем експлікування сумніву у дискурсі та кількісним дизруптивним індексом дискурсного простору, де номінується та тлумачиться окулесична кінема.

Ключові слова: *сумнів, окулесична кінема, послідовна та дизруптована експліцитна вербалізація, дизруптиви, кількісний дизруптивний індекс.*

Однією із актуальних вимог до лінгвістичних досліджень сьогодення при вивченні мови є не лише розгляд її у структурному аспекті, але і врахування контексту реальної комунікації. Тому у центрі когнітивно-дискурсивної парадигми, що спричинила переорієнтацію лінгвістики від структурності до комунікації, знаходиться, головним чином, учасник комунікації [3, с. 25]. Фрагментом об'єктивної дійсності та її ментального відображення, що репрезентує авторські емоційні інтенції та ймовірні інтенції адресата є художній текст [2]. У дискурсному потоці емоційні реакції інтрактантів втілюються у низці номінацій, що експлікативно чи імплікативно описують стан продуцента-реципієнта.

Метою нашого дослідження є встановлення особливостей експлікування сумніву у сучасному художньому англомовному дискурсі у номінаціях окулесичних кінем.

Реалізація мети передбачає виконання наступних завдань:

- виокремлення окулесичних кінем на позначення сумніву у комунікації;
- підбірка ілюстрацій на матеріалі сучасного художнього англомовного дискурсу із прикладами номінацій таких кінем;
- аналіз ступеня експлікування сумніву у комунікативних діалогічних єдностях;
- у даній статті ми також з'ясуємо взаємозв'язок між ступенем експлікування сумніву та кількісним дизруптивним індексом дискурсного простору, де номінується та тлумачиться окулесична кінема. Встановлення описаної взаємозалежності становить новизну нашого дослідження.

Окулесична [6, с. 86] кінема погляду (візуальної взаємодії, зорового контакту) становить важливий компонент невербального спілкування. Згідно з даними іноземних психологів, співбесідники, знаходячись на відстані одного-двох метрів,

дивляться один на одного не менше 50–70% часу спілкування при тривалості одного погляду від двох до восьми секунд [4, с. 79].

Дослідження свідчать, що інформація, котра надходить у людський мозок, розподіляється наступним чином: 87% надходить візуально, 9% – слуховим шляхом, 4% – через інші органи чуттів [5, с. 174].

Повідомлення, що посилаються очима, набагато важче піддаються цензурі розуму, порівняно з тими, що передаються іншим способом. Навіть якби ми могли бачити лише очі співбесідника, а інша частина його обличчя була б прихована від нас, і тоді ми могли б зрозуміти багато з того, що він відчуває [1, с. 63]. Без успішної інтерпретації погляду співбесідника, його партнеру важко зрозуміти хід думок першого. Така ситуація знайшла своє відображення і у художньому дискурсному полі.

(1) “For some reason, this crudity was not offensive, coming from him. When I looked at him, he was gazing at me with a strange look in his eyes. But then, as I’ve said, his eyes were hard to read” [12, с. 192].

У художній літературі, описуючи персонажів, письменники звертають особливу увагу читача на очі героя, підбираючи влучні епітети. Аналізуючи художній англomовний дискурс, ми виділили найбільші цікаві з них. Так, наприклад, сюди ми віднесли такі вирази, як “ocean eyes,” “freak-a-delic eyes,” “ghostly eyes,” “feverish eyes,” “glassy eyes,” “eyes were as oily as a piece of old, smelly fish,” “hard and calculating eyes”

За виразом і розташуванням очей можна навіть визначити особливості характеру людини, як описано у наступному уривку.

(2) “The practice of judging character by aspects of a person’s physical appearance was often called upon in our house. For example, ... anyone who had eyes too close together or other signs of ‘bad breeding’ was thought to be untrustworthy” [11, с. 148].

Цікавим є опис очей у творі The Memoirs of Geisha”. Уся сюжетна лінія пронизана описом незвичайних очей головної героїні.

(3) “My mother said it was because we were made just the same, she and I – and it was true. We both had the same peculiar eyes of a sort you almost never see in Japan. Instead of being dark brown like everyone else’s, my mother’s eyes were a translucent gray, and mine are just the same. When I was very young, I told my mother I thought someone had poked a hole in her eyes and all the ink had drained out, which she thought very funny. The fortunetellers said her eyes were so pale because of too much water in her personality, so much that the other four elements were hardly present at all” [3, с. 13].

Візуальний контакт є особливим феноменом невербального спілкування [4, с. 80]. Основа для справжнього спілкування може бути встановлена лише при спілкуванні із можливістю зорового контакту [5, с. 167]. Сучасні дослідження свідчать, що погляд є обов’язковим в одних моментах діалогу і необов’язковим в інших. Так, візуальний контакт зустрічається в кінці фонетичних речень, на стиці двох реплік, та не зустрічається під час пауз нерішучості. Активне переривання погляду – рівноцінне виходу із ситуації спілкування [4, с. 80].

Систематичне дослідження проблеми зорового контакту розпочали Р. Екслейн та М. Аргайл. Вони прийшли до висновку, що погляд виконує сигнальну функцію в обміні репліками і приймає участь і вираженні та підсиленні інтимності та регулювання дистанції. Дана функціональна особливість погляду отримала назву “Моделі еквілібріуму близькості” (“Intimacy Equilibrium Model”) [4, с. 79; 8, с. 175].

За допомогою погляду співрозмовник навмисне чи підсвідомо розкриває свої справжні емоції чи переживання. Алан Піз називає вираз очей ключем до справжніх думок людини. У книзі “Язык телодвижений” він розповідає про експерименти, що проводились над професійними картіжниками. Дослідження показали, що, якщо їх супротивник одягне темні окуляри, професіоналам вдається виграти меншу кількість разів тому, що вони позбавлені можливості розпізнавати сигнали його очей [5, с. 164-166].

Спостереження за зіницями потенційних покупців практикували ще ювеліри Стародавнього Китаю. Вони слідували за зіницями покупців під час обговорення ціни. Арістотель Онассіс (судовий магнат і підприємець світового масштабу) завжди одягав темні окуляри під час укладання угод, щоб не видати своїх справжніх намірів [5, с. 174].

Серед усієї низки почуттів, емоцій, станів співрозмовника, що передаються за допомогою погляду, нашу увагу привернуло вираження епістемічного стану сумніву. Очі можуть стати самим “надійним сигналом сумніву в процесі спілкування, тому що вони є головним центром людського тіла, а зіниці рухаються повністю незалежно” [5, с. 165].

У психологічній літературі вказують наступну окулесичну поведінку комуніканта, котра видає його сумнів. Так, людина, що сумнівається, уникає зорового контакту, відводить очі вбік чи раптово звужує зіниці [1; 5; 7; 8]. Нами також було виявлено таку кінестетичну поведінку на позначення сумніву, як кліпання очима та округлення очей. Однак сумнів рідко трапляється у чистому вигляді, часто він є супровідником обману, лихого замислу, страху, а також процесу спогадів. Прослідкуємо, яким чином дана поведінка відображається вербально у сучасному художньому англomовному дискурсі.

Розглянемо приклади, де автор допомагає читачу зрозуміти епістемічний стан сумніву, у якому перебуває мовець, експлікуючи значення невербального сигналу. Розпочнемо із ілюстрацій на матеріалі дискурсного поля із безперервної послідовною експліцитною вербалізацією. Експлікування сумніву у таких випадках є максимальним. Номінація кінеми на позначення сумніву та авторське тлумачення такої кінеми синтаксично належать до одного і того ж простого речення чи частини складного, що дозволяє читачу відразу ідентифікувати комунікативний сумнів. Проаналізуємо наступні комунікативні діалогічні єдності:

(4) “Director Inoue Sato stood with her arms folded, her *eyes locked skeptically on* Langdon as she processed what he had just told her.

“He said he wants you to unlock an ancient portal? What am I supposed to do with that, Professor?” [10, с. 150].

Невербальний сигнал мовця *“eyes locked”* автор ідентифікує як прояв скептицизму за допомогою лексичної одиниці *“skeptically”*. Оскільки однією із сем, що входить до складу полісеманта *“skepticism”* є семи *“unwillingness to believe without demonstration”* та *“incredulity”* [9, с. 855], ми кваліфікуємо дану дискурсну поведіну як таку, що містить сумнів. Дискурсний потік, у якому епістемічний стан сумніву знаходить вираження у експліцитній вербалізації кінетичних зорових сигналів одночасно із послідовним поясненням таких номінацій, становить найпрозоріший приклад як для визначення епістемічного стану комуніканта, так і для аналізу номінацій невербальних кодів на його позначення. Наведемо ще декілька схожих ілюстрацій.

(5) “Son, this pyramid is a map... a map that reveals the location of one of humankind’s greatest lost treasures.

This map was created so that the treasure could one day be rediscovered.” Peter’s voice swelled now with pride. “And tonight, following tradition, I am able to offer it to you... under certain conditions.”

Zachary *eyed* the pyramid *suspiciously*. “What’s the treasure?” [10, с. 160]

Кінестетична окулесична поведінка співрозмовника *“eyed”* тлумачиться автором як прояв підозри за допомогою лексеми *“suspiciously”*. Оскільки однією із сем полісеманта *“suspicion”* є семи *“lack of faith”*, *“conjecture”*, *“apprehension”* [9, с. 855], ми відносимо номінацію даного кінестетичного компонента до низки номінацій супроводжуючих сумнів кінестетичних сигналів.

(6) “Mr. Langdon?” Anderson said, walking halfway to meet him. “I’m Chief Anderson. I handle security here.

You have a phone call.”

“For me?” Langdon’s blue *eyes looked anxious and uncertain*.

Anderson held out the phone. “It’s the CIA’s Office of Security.”

“I’ve never heard of it.”

Anderson smiled ominously. “Well, sir, it’s heard of you” [10, с. 42].

У даному прикладі кінестетичний елемент погляду, що служить для позначення сумніву, маркований вербально фразою *“eyes looked”*, підкріплюється групою лексичних одиниць – прикметників *“anxious and uncertain”*.

(7) “Langdon motioned to her BlackBerry. “Google ‘George Washington Zeus.’”

Sato *looked uncertain* but started typing. Anderson inched toward her, looking over her shoulder intently” [10, с. 58].

Епістемічний стан сумніву адресата мовлення вказується автором за допомогою вербалізованої кінеми *“looked”* та уточнюється прикметником *“uncertain”*.

(8) “The man – Herbert Sophist, presumably – *eyed* Shelyid *with skepticism*. But, unlike all the other slave dealers they had approached that day, he began to examine the prospective merchandise” [12, с. 112].

Кінема *“eyed”* трактується автором як маркер скептицизму, на що вказує використана ним лексема *“skepticism”*. Склад даного полісеманта аналізувався нами раніше у прикладі (4). На його основі робимо висновок, що скептична дискурсна поведінка комуніканта репрезентує сумнів.

Здійсимо логічний перехід від розгляду експлікування сумніву у дискурсному полі із безперервною послідовною експліцитною вербалізацією до аналізу досліджуваного явища на матеріалі дискурсного поля із перерваною дизруптованою експліцитною вербалізацією (від англ. “disrupt” – розривати, порушувати). Дискурсному полю із дизруптованою експліцитною вербалізацією притаманна розірвана послідовність між номінацією кінеми та уточненням автором її значення. На відміну від безперервної послідовної експліцитної вербалізації, де номінація кінеми та її значення мають місце у одному і тому ж простому реченні чи частині складного, перервана вербалізація передбачає наявність інших речень між кінемою та її кваліфікацією. Таку властивість дискурсного простору ми детермінуємо як дизруптивність, а сам дискурс та вербалізацію називаємо дизруптованими; речення, котрі роз’єднують номінації кінем з їхніми кваліфікаціями, відповідно, дизруптивними. Кількісний дизруптивний індекс, що вказує на число дизруптивів, не є сталим, проте варіюється у окремих діалогічних едностях. При встановленні кількісного дизруптивного індекса ми підраховуємо прості речення, які існують автономно, а також прості речення, що входять до структури складних речень. Кількісний дизруптивний індекс варіюється від низького до середнього та високого.

При низькому кількісному показнику обидві номінації (кінеми та її значення) є частинами одного складного речення, проте є репрезентовані у різних його частинах – простих реченнях, як, наприклад, розташувались у наступному дискурсивному полі номінації кінеми сумніву “*her eyes had begun to squint*” та її тлумачення “*she was hard at work willing herself to believe*”. Експлікування сумніву при низькому дизруптивному індексі є високим.

(9) “Satsu stood, she was so agitated to hear this. In a moment *her eyes had begun to squint*, and I could see *she was hard at work willing herself to believe* that nothing was going to take us from our tipsy house. She was squeezing out the things I'd told her in the same way you might squeeze water from a sponge. Slowly her face began to relax again, and she sat down once more on the edge of the platform. In a moment she was gazing around the room as if we'd never had the conversation at all” [13, с. 16].

При середньому кількісному показнику речення з номінаціями кінем та їхніх тлумачень можуть слідувати одне за одним, або номінації входять до складу різних речень. Кількість дизруптивів коливається від одного до трьох простих речень. Прикладом дискурсу із середнім кількісним дизруптивним показником є наступний діалог.

(10) “We're not that far away, actually,” she said softly. She pointed to the north. “Just two hills over. You'd find the castle where the Comte de l'Abbattoir and his Knights Companion met their end.”

My eyes widened. Gwendolyn sighed again. “You're familiar with the incident, I take it?”

I *hesitated*, finally understanding her odd mix of sentiments. “Um. Yes, of course. It's—ah, please don't take offense—considered the masterwork of the profession. When the report came to Ozar, my uncles spent an entire evening enthusing over the accounts” [12, с. 107].

Кінема розширених зіниць *“my eyes widened”* згодом підкріплюється номінацією стану реципієнта мовлення *“hesitated”*. Хоча вищенаведена експлікація є перерваного типу, кількісний показник простих речень, що її розривають, є низьким (2 дизруптиви) і тому сила експліцитності є достатньою. Наведемо приклади, де рівень експліцитності знижується у зв'язку із вищим кількісним показником речень, що розривають номінацію кінеми із експлікуванням її значення.

(11) “If it’s of any help,” Langdon said, “Peter’s hand is not the first such hand to make an appearance in this Rotunda.”

Sato eyed him like he was insane. “I beg your pardon?”

Langdon motioned to her BlackBerry. “Google ‘George Washington Zeus.’”

Sato looked uncertain but started typing. Anderson inched toward her, looking over her shoulder intently.

Langdon said, “This Rotunda was once dominated by a massive sculpture of a bare-chested George Washington... depicted as a god. He sat in the same exact pose as Zeus in the Pantheon, bare chest exposed, left hand holding a sword, right hand raised with thumb and finger extended” [10, с. 58].

Номінація *“Sato eyed him like he was insane”* вказує на цілу гаму емоцій, що переживає адресат мовлення, – від здивування й шоку до сумніву й зневіри. Експлікація кінеми *“Sato looked uncertain”*, що вказує на невпевненість та сумнів, віддалена від її номінації трьома дизруптивами, що дещо знижує рівень експлікування сумніву у комунікативній поведінці мовців порівняно із попереднім діалогом, проте залишає їй достатній експліцитний характер.

При високому кількісному показнику дизруптивності вербалізація кінеми сумніву та її тлумачення є настільки розірваною, що читач встигає сам розкрити імпліцитність невербального повідомлення, а уточнення значення кінеми, що з’являється у дискурсі пізніше, лише підтверджує чи заперечує його здогадку. Кількість дизруптивів становить від трьох і більше. Із зростанням їхнього кількісного показника експліцитність повідомлення падає від достатнього ступеня до низького.

Проілюструємо дане явище наступним прикладом:

(12) “Trish perused the list of search strings, and her *eyes grew wide*. What kind of crazy legend is Katherine investigating? “You want me to search for all of these key phrases?” One of the words Trish didn’t even recognize. Is that even English? “Do you really think we’ll find all of these in one place? Verbatim?”

“I’d like to try.”

Trish would have said impossible, but the I-word was banned here. Katherine considered it a dangerous mind-set in a field that often transformed preconceived falsehoods into confirmed truths. Trish Dunne *seriously doubted* this key-phrase search would fall into that category [10, с. 147].

Кількість речень між номінацією кінеми *“eyes grew wide”* та її експлікацією становить 11 одиниць, що вагомо зменшує ступінь експлікування сумніву у повідомленні до низького. Читач приймає власне рішення на рахунок стану, що переживає мовець, керуючись імпліцитністю зображення мовної реакції у тексті.

Пізніше він лише підтверджує чи заперечує свою здогадку номінацією *“seriously doubted”*.

Висновки. Підсумовуючи результати дослідження, зазначимо, що у ході роботи нами було виокремлено 5 окулесичних кінем на позначення сумніву у комунікації: уникнення зорового контакту, відведення очей вбік, раптове звуження зіниць, кліпання очима та округлення очей, номінації кінем яких проілюстровано у 9-ти дискурсивних уривках із сучасної художньої англійської літератури. У статті нами запропоновано наступну термінологію: дизруптив, дизруптована вербалізація, кількісний дизруптивний індекс. У результаті наукового експерименту було встановлено обернену залежність між ступенем експлікування сумніву у дискурсі шляхом номінацій окулесичних кінем та зростанням дизруптивного індексу дискурсивного простору. Рівень експлікування сумніву падає від високого до достатнього та мінімального із зростанням дизруптивного індексу від низького до середнього та високого. При безперервній послідовній вербалізації, де значення дизруптивного індекса прирівнюється до нуля, ступінь експлікування сумніву у повідомленні є максимальним. Результати дослідження планується застосувати при вивченні дискурсивних номінацій та тлумачень інших кінестетичних, акустичних та проксематичних одиниць невербальної поведінки комунікантів при вираженні ними сумніву.

Список літератури

1. Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб.: Питер, 1997. – 214 с.
2. Гладько С. В. Емотивність художнього тексту: семантико-когнітивний аспект (на матеріалі сучасної англійської прози): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец.10.02.04 “германські мови” / С.В. Гладько. – Київ. держ. лінгв. ун-т. – К., 2000. – 19 с.
3. Зверева О. Г. Вербальні та невербальні прояви домінуючого статусу старшого сіблінгу / О.Г. Зверева // Вісник СумДУ.– 2008. – № 1. – С.25-29. – (Серія “Філологія”).
4. Петрова Е. А. Визуальная психосемиотика общения: дис. на соискание учен. степени доктора психол. наук : спец.19.00.01 “общая психология; история психологии” / Е. А. Петрова. – М., 2000. – 402 с.
5. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / А. Пиз. – М.: Эксмо, 2006. – 272 с.
6. Хникіна О. О. Невербальні засоби вираження значення обвинувачення в англійській мові / О. О. Хникіна // Науковий вісник ВДУ. – 2007. – №3. – С. 84-88. – (Серія “Філологічні науки”).
7. Givens D. B. The Nonverbal Dictionary of Gestures Signs and Body Language Cues / D. B. Givens. – Spokane, Washington: Center for Nonverbal Studies Press, 2002. – 781 p.
8. Harrigan J. A. The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research / Harrigan J. A., Rosenthal R., Scherer K. R. – Oxford University Press, 2005. – 525 p.
9. Webster's Dictionary of Synonyms. First Edition. A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words. Springfield, Massachusetts, USA: Merriam Co. Publishers, 1947. – 907 p.

Джерела ілюстративного матеріалу:

10. Brown D. The Lost Symbol / D. Brown. – NY: Knopf Doubleday Publishing Group, 2010 – 528 p. (e-book)
11. Fletcher B. The House of Karamu / B. Fletcher. – North Melbourne: McPherson's Printing Group, 2003. – 438p
12. Flint E. Forward the Mage / E. Flint, R. Roach R. – NY: Baen Books, 2002. – 480 p. (e-book)
13. Golden A. Memoirs of a Geisha /A. Golden. – London: Vintage books, 1997. – 434 p. (e-book)

Гнатюк А. В. Эксплицирование сомнения средством номинаций окулесических кинем // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.376-383.

Статья посвящена исследованию проблемы эксплицирования сомнения средством номинаций окулесических кинем при последовательной эксплицитной и дизруптивной эксплицитной вербализации. На материале современного англоязычного художественного дискурса устанавливается взаимосвязь между уровнем эксплицирования сомнения в дискурсе и количественным дизруптивным индексом дискурсивного пространства, где номинируется и разъясняется окулесическая кинема.

Ключевые слова: *сомнение, окулесическая кинема, последовательная и дизруптивная эксплицитная вербализация, дизруптивы, количественный дизруптивный индекс.*

Gnatiuk A. V. Explicating doubt in nominations of oculesic kinemes // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.376-383.

The article presents a research on explicating doubt in nominations of oculesic kinemes in successive explicit and disrupted explicit verbalization. The study is performed on the basis of English-language contemporary fiction discourse. During the investigation we determined the interdependence between the level of doubt explicativeness and quantitative disruptive index of the discursive space, where the oculesic kineme is nominated and explained.

Key words: *doubt, oculesic kineme, successive and disrupted explicit verbalization, disruptives, quantitative disruptive index.*

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811. 161. 2'371

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ХУДОЖНЬОГО ПРОСТОРУ У ПОЕЗІЇ Ю. АНДРУХОВИЧА

Головіна В. С.

*Харківський національний педагогічний університет
ім. Г. С. Сковороди, м. Харків, Україна*

У статті аналізуються мовні засоби вираження художнього простору в поезії Ю. Андруховича. Досліджується структура художнього простору в поезії у зв'язку з лексико-семантичними засобами вираження реалістичного, ідилічного простору і різних явищ, що визначають його. Розглядаються питання про традиції та новаторство, динаміку розвитку мовного образу світу поета.

Ключові слова: картина світу, мовний образ світу, простір, мовний образ простору, простір «низу», простір «верху».

У літературознавстві вже міцно увійшли поняття літературного простору й часу – хронотопу. У працях М. Бахтіна, Ю. Лотмана, Д. Лихачова ґрунтовно доведено, що художній світ, як і світ об'єктивний, не існує поза простором і часом, бо саме простір і час є формами їх існування, їх обов'язковими атрибутами. Хронотоп визначає художню єдність літературного твору у його відношенні до реальної дійсності. Мова просторових відношень виявляється одним з основних засобів осмислення дійсності. На думку Ю. Лотмана, поняття «високий – низький», «правий – лівий», «близький – далекий», «відкритий – закритий», «обмежений – необмежений», «дискретний – неперервний» виявляються матеріалом для побудови культурних моделей із зовсім непросторовим змістом і набувають значення: «цінний – нецінний», «гарний – поганий», «свій – чужий», «доступний – недоступний», «смертний – безсмертний» та ін. Найбільш загальні соціальні, релігійні, політичні, моральні моделі світу, за допомогою яких людина на різних етапах своєї духовної історії осмислює оточуюче її життя, виявляються незмінно наділеними просторовими характеристиками то у вигляді протиставлення «небо – земля» або «земля – підземне царство» (вертикальна трьохчленна структура, організована на осі верх – низ), то у формі якоїсь соціально-політичної ієрархії з відміченим протиставленням «верхів» «низам», то у вигляді моральної відміченості протиставлення «праве – ліве». Уявлення про «звеличуючі» та «принижуючі» думки, заняття, професії, ототожнення «близького» із зрозумілим, своїм, рідним, а «далекого» із незрозумілим та чужим – все це поєднується у певні моделі світу, наділені виразними просторовими ознаками [7, с. 267].

Історичні й національно-мовні моделі простору стають організуючою основою для побудови «картини світу» – цілісної ідеологічної моделі, притаманної даному типу культури або окремому індивіду. На фоні цих побудов стають значимими і

окремі просторові моделі, що створюються тим чи іншим текстом або групою текстів.

На думку Л. Лисиченко, проблема мовного вираження простору в українській поезії є *актуальною*, складною, вона заслуговує пильної уваги дослідників, бо дає цінні матеріали для розуміння не тільки явищ літератури, мови, етики, а й того, що ми сьогодні називаємо ментальністю народу [5, с. 6].

Мета статті – розглянути особливості об'єктивізації мовними засобами просторових концептів у поезії постмодернізму, зокрема у творчості Юрія Андруховича, на прикладі його збірки «Екзотичні птахи та рослини» (1991).

В українській літературі Ю. Андруховича не випадково називають «конкістадором образно-художнього мислення» (Я. Голобородько): він розширює масштаби зору і мисленнєві координати сучасного літературного процесу, ламає стереотипи і сталі естетичні канони, позбувається тривіальних та банальних форм у своєму літературному іміджі, пропонуючи взамін нові парадигми поетичного думання. Творчість Андруховича – це постійне долаання суперечностей між лінійністю письма і нелінійністю мислення на абсолютно усіх вимірах – від фабули, лексики і лексичної культури до інтонації, тональності та енергетики слова. Ще замолоду обравши кращі традиції роботи над словом і смислом та віддавшись інтуїції, він будує власну концепцію вірша, спрямовану на «фонетичну ефектність, рокнрольну гостроту ритмічної структури, несподіваність рими, багатство, точність і – головне – цілковиту іновативність, драстичну і рідко вживану лексику, що в ній архаїка сусідувала б зі сленгом, а ейфорійна піднесеність – із межевою обценністю... Все це не могло не породити культу мови. Я жив із нею, наче з коханкою...» [2, с. 64].

Тексти поезій зі збірки поета «Екзотичні птахи та рослини» динамічні та багатозначні, вони залишають за читачем право на вільне прочитання та трактування символів у них. Андрухович грає з текстом, грає в текст, відображаючи та переломлюючи в ньому реальний світ. Більше того, він створює модель власного світу, заснованого на образах, що виникають у підсвідомості. У поезіях дуже мало розділових знаків, іноді важко зрозуміти, де початок, а де кінець фрази, в чому реалізується принцип децентрації, характерний для постмодернізму.

Мовна картина світу Ю. Андруховича ґрунтується на реаліях українського довкілля. Для поета простір – явище всеосяжне. І одним з образів поезії є місто. Це слово виступає у поета у прямому значенні:

Живуть під містом люди [1, с. 76];
 Але яке внизу лежало місто! –
 достоту, як завершений офорт [1, с. 95].

Слово місто набуває у Андруховича узагальненого значення, значення утопії, безвихідного, неживого місця, яке чітко обмежене, має непорушні кордони:

Повертаємся, всіявши зойком оazi;
 кров на піхвах, засмага східна.
 Та зачинене місто, мов острів прокази,
 або клітка, в якій єхидна [1, с. 19];
 Є міста, до яких неможливо зайти через браму.
 Є міста, до яких неможливо зайти [1, с. 90];

Живуть під містом люди.

Під містом. Тільки міста вже нема [1, с. 76].

І разом з тим, місто для поета конкретне, про що свідчать назви явищ, подій, дій, які відбуваються в місті: живуть кити під містом; живуть під містом леви та ін.

Про узагальнене значення слова місто свідчить, зокрема, те, що поет рідко подає власні назви міста:

Ми йшли пісками міст, мов митарі за митом,
обсипані зірками й пухом із тополь,
наповнивши завулки світлом і блакитом,
скоривши Неаполь, Марсель та Леополь [1, с. 4].

Ці й подібні назви уточнюють зміст образу й слова місто в поетичній картині письменника. Тому, на наш погляд, у слова місто є два значення: одне – це загальне значення-символ, місто з його найхарактернішими ознаками, а друге – це конкретне значення «місто Неаполь» чи «місто Марсель». Перше значення ґрунтується на поняттєвій основі лексичного значення, а в другому – на перше місце ставиться його денотативний, предметний компонент.

Порівняння «місто немов сузір'я» [1, с. 94] ще раз доводить, що у свідомості поета – це щось зникаюче, непостійне, таке, що людина перестає помічати з настанням ранку. Місто в поезії Андруховича не живе і не рухливе, адже жодного разу не персоніфікується через сполучення з дієсловами, які виражають дії, характерні для живих істот.

Простір міста характеризується назвами численних реалій, що є його ознаками. Ю. Андрухович використовує слова вулиця, завулок, околиця, площа, ринок тощо.

У поезії Андруховича на противагу сумному, замкненому, тісному простору міста постає ідилічний відкритий простір і традиційна лексика для його відображення: ліс, узлісся, галявина, пагорб, степ тощо. Це традиційний простір України. Відкритий простір степу чи поля символізує для поета волю, безмежжя просторів. Для посилення ефекту протиставлення, він вживає антоніми: вольність – тіснота:

а бий вас лиха година
з вашою тісністю
скочив на вірного коника
та й поїхав у небо
ось тут мені степ і воля [1, с. 70].

Слова степ та воля будуть у даному випадку контекстуальними синонімами.

Також слово небо тут для Андруховича – «широкий простір», не обмежений якимись рамками, а не верхня межа простору земного.

Для змалювання ідилічного простору поет також вживає велику кількість флоризмів, наприклад: бузина, калина, латаття, ліщина, липа, малина, ожина, очерет, порічка, суниця тощо:

Як і колись шепотітимеш,
мов заклинання: «Бузина,
калина, чорниця, шипшина, бузок!»
Впізнаватимеш кожен прожилок
на листках, і кожну ягоду, і піщинку,

бо всьому є своя назва,
яко на землі, так і на небі... [1, с. 24].

Ці флорони виступають у його творах тільки як засіб зображення простору, а не як самостійний предмет змалювання. І ці назви рослин традиційні для української природи.

«Верх» у поезії Ю. Андруховича в основному обмежується небом, небесами, небокраєм. Слово небо в основному вживається у прямому значенні й позначає «видимий над поверхнею землі повітряний простір у формі купола» [СУМ, с. 249]:

виглядаєш з неба бодай комету
і болить світло в темницях мозку [1, с. 37];
потім я жив на світі, де в небі птахи і духи,
і жодного апарату, важчого від повітря [1, с. 56].

Здавна темний колір неба вважався в народі передвісником негоди, біди, Андрухович змальовує небо чорним у своїх віршах, коли хоче показати тяжкість ситуації, її сумну безкінечність:

Мій пане, який нерозумний світ!..
Яка на румовище сходить журба!
Під небом, чорним, ніби графіт,
конаю в піску. І грифон з герба [1, с. 18];
... Дні твої, наче вода.
Небо запнулося чорним. Допишуєш пані:
сього року, здається, знову рушить орда... [1, с. 66]

Ще слово небо поет вживає у значенні потойбічного світу:

бо ніхто з нас ніколи не вернеться
і в поході точнісінько як на небі
колеса співають
і горілки не дають [1, с. 72].

Таким чином, можна зробити *висновок*, що цілісний ідеологічний простір Ю. Андруховича як представника постмодернізму визначається перш за все соціально-історичними та культурними умовами. Простір міста похмурий, обмежений з усіх боків, закритий. На противагу йому автор подає більш емоційний, оптимістичний ідилічний простір степу, той, до якого він так прагне у своїх мріях. Саме такою ідилічною, вільною мріє поет побачити нашу країну:

Бережи ж Господи хоч цю
україну небесну [1, с. 71].

Словниковий склад поезій Ю. Андруховича надзвичайно багатий і різноманітний. Це і традиційна лексика, і авторські новотвори. У віршах багато символів та інтерконтекстів, що створює матеріал для нашого *подальшого дослідження*.

Список літератури

1. Андрухович Ю. І. Екзотичні птахи і рослини: Поезії / Ю. І. Андрухович. – К.: Молодь, 1991. – 104с.
2. Андрухович Ю. І. Постмодернізм – не напрям, не течія, не мода / Ю. І. Андрухович // Слово і час. – 1999. – № 3. – С. 61-66.

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Лисиченко Л. А. Мовний образ простору і психологія поета: Наукова монографія / Л. А. Лисиченко, Т. В. Скорбач. – Харків: ХДПУ ім. Г. С. Сковороди, 2001. – 160 с.
5. Лисиченко Л. А. Художній простір у мовній картині світу поетичного твору / Л. А. Лисиченко // Лінгвістичні дослідження. Науковий вісник. Харків: ХДПУ, 1997. – Вип.3. – С. 3-6.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 350 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Наука, 1970. – 384 с.
8. Лотман Ю. М. Проблемы художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Труды Тартусского университета по русской и славянской филологии. – Тарту, 1968. – Вып. 209. – С. 75-94.

Головіна В. С. **Вербалізація художественного простору в поезії Ю. Андруховича** // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации».* – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.384-388.

В статье анализируются языковые средства выражения художественного пространства в поэзии Ю. Андруховича. Исследуется структура художественного пространства в поэзии в сочетании с лексико-семантическими средствами выражения реалистического, городского, идеального пространства и различных определяющих его явлений. Рассматриваются вопросы традиций и новаторства, динамики развития языкового образа мира поэта.

Ключевые слова: картина мира, языковой образ мира, пространство, языковой образ пространства, пространство «низа», пространство «верха».

Golovina V. **The art space verbalization in the poetry of Y. Andrukhovych** // *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios».* – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.384-388.

The article deals with the language ways of expression of art space in Y. Andrukhovych's poetry. The comparison of art space structure will be carried out in connection with lexical and semantic ways of realistic, urban, ideal space expression and different phenomena determined it. The questions on traditions and innovation, dynamic of development of a language image of the world at the poet are examined.

Key words: picture of the world, language image of the world, space, language image of space, space of "bottom", space of "top".

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.161.2' 373

ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНШОМОВНИХ НАЗВ ОСІБ У ЛЕКСИЧНІЙ СИСТЕМІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Гудима Н. В.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

У статті описано склад іншомовізмів на позначення назв осіб, виокремлено автором лексико-семантичну класифікацію за сферами вживання, визначено структурність іншомовної лексики та проаналізовано функціонування відповідних лексем в українській постмодерній прозі (на матеріалі творів Л. Дереша, С. Жадана та І. Карпи).

Ключові слова: *іншомовні лексичні одиниці, іншомовізми, тематична класифікація, сфера вживання, функціонування, постмодерна проза.*

Актуальність дослідження. Функціонування української мови в постмодерній прозі безпосередньо пов'язане з процесом запозичення. Потреба в називанні нових понять і реалій політичного, науково-технічного, культурно-освітнього життя суспільства спричинила зміни в якісному та кількісному складі тематичних груп лексики, в яких позначено розширення міжнародних суспільно-політичних, економічних і культурних контактів України з іншими державами, тенденція до співвіднесеності лексико-семантичної системи української мови та провідних мов світу. Саме через тематичну класифікацію можна наблизитися до розв'язання питання про розширення за рахунок запозичень понятійної структури мови, оскільки лексика української мови набуває системності завдяки зв'язкам лексичних значень, які організують слова в лексико-семантичну систему, що складається з окремих ланок – тематичних підгруп. Водночас через класифікацію лексики стає можливим моделювання структури мовної картини світу.

У сучасному українському мовознавстві дослідники торкаються питання тематичної класифікації іншомовної лексики.

О. В. Степанюк інноваційні лексичні одиниці поділяє на такі групи, як: лексика, пов'язана із суспільно-державним ладом; назви осіб; побутова лексика; назви ігор, фігур; спортивна лексика; літературно-мистецька лексика; назви понять, пов'язаних із наукою та освітою; назви будівель, споруд, приміщень та їх частин; назви установ, підприємств, закладів; назви засобів пересування; назви шляхів сполучень; назви, пов'язані з військовою справою; назви числових понять; назви мір; форми звертання; релігійна лексика; абстрактна лексика; лексика, що характеризує почуття, стан, поведінку людини; різне (слова, які не можна віднести до зазначених вище тематичних груп) [14, с.7].

Грунтовний поділ запозиченої лексики на тематичні групи запропонувала у докторській дисертації В. П. Сімонок, виділивши суспільно-політичну лексику, яку ділить на політологічну, адміністративну та правову; соціально-економічну; військову; виробничо-технічну; лексику будівництва й архітектури; флоро- та фауноназви; мистецьку лексику; спортивну лексику; побутову лексику [12, с.67].

Г. В. Кьорян стверджує, що однією з найбільш досліджених галузей словникового фонду української мови є лексика народного побуту, її елементи якнайповніше відбивають специфіку історичного розвитку народу – суб'єкта та об'єкта мовної діяльності. Паралельно мовознавець виділяє ще дві тематичні групи запозичень, а саме: слова, що позначають природні явища, рельєф, рослинний і тваринний світ і лексеми-професіоналізми [10, с.4].

О. А. Лисенко слова іншомовного походження класифікує за такими тематичними групами: хімія; фізика; математика; машинобудування; металургія; поліграфія; будівництво; медицина; сільське господарство; столярство; гірнична справа; морська справа; військова справа; текстильна справа; спорт [11, с.5].

С. П. Гриценко виділяє такі лексико-семантичні групи слів іншомовного походження: *всесвіт*; *людина*; *людина і всесвіт*; *людина як жива істота*; *душа і розум*; *людина як член суспільства*; *торгівля та фінанси*; *військова справа*; *релігія*; *число і кількість*, *міра*, *час* [1, с.6].

Мовознавець М. П. Кочерган серед лексики німецького походження виокремлює такі сфери: ремісництво (ковальство, слюсарство, столярство, кушнірство, шевство, кравецтво тощо); будівництво; сільське господарство; начиння та інші хатні речі; одяг, взуття, аксесуари; кулінарія; флора та фауна; торгівля, гроші, міра; характеристика людей за спорідненістю, свояцтвом, внутрішніми якостями; військова справа; суспільно-політичні поняття; ознаки та дії [8, с.20-21].

Проте у жодній із запропонованих класифікацій не знаходимо класифікації іншомовізмів на позначення назв осіб. Тому *мета* нашої *статті* – виявлення складу нових слів, запозичених з інших мов в українську, а саме іншомовізмів на позначення назв осіб та аналіз їхнього функціонування в українській постмодерній прозі (на матеріалі творів Л. Дереша, С. Жадана та І. Карпи).

Досягнення зазначеної мети передбачає розв'язання таких *завдань*: 1) виокремлення тематичних груп іншомовної лексики за сферами вживання; 2) визначення структурності відповідних лексичних одиниць (безпосередній чи опосередкований характер); 3) пошук відповіді на проблемне питання «Чи розширюють запозичення понятійну структуру сучасної української мови?»

Людина в процесі свого буття тісно контактує з іншими, із суспільством, природою, довкіллям, світом у цілому, які, матеріалізуючись у мові, зокрема в найменуваннях осіб, входять у лексичну систему. При цьому більшість найменувань осіб належить до споконвічного лексичного складу, хоч певну його частину в кожній з мов складають запозичення. Усього ж у лексико-семантичній групі «Назви осіб іншомовного походження» об'єднано близько 180 лексичних одиниць. Виділимо такі сфери функціонування іншомовізмів:

Соціальна сфера: *авантюрист* (фр.), *альфонс* (фр.), *бойфренд* (англ.), *бюргер* (нім.), *вегетаріанець* (нім. через посередн. с.-лат.), *віце-міс* (лат. та англ.), *волонтер* (фр.), *гей* (англ.), *денді* (англ.), *колекціонер* (фр. через посередн. лат.), *кузен* (фр.), *лузер* (англ.), *мадам* (фр.), *мадемуазель* (фр.), *монстр* (фр. через посередн. лат.), *негр* (фр. через посередн. ісп.), *панна* (польськ.), *пенсіонер* (фр. через посередн. лат.), *піжон* (фр.), *піонер* (фр.), *принц* (нім., фр. через посередн. лат.), *скінхед* (англ.), *супермен* (англ.), *сутенер* (фр.), *терорист* (фр.), *тінейджер* (англ.), *трансвестит* (фр.), *фаворит* (іт. через посередн. лат.), *шатен* (фр.), *шватер* (нім.), *шеф* (фр.), *шулер* (польськ.).

Сфера мистецтва: *акордеоніст* (фр.), *аматор* (фр.), *арт-директор* (англ. та лат.), *артист* (фр. через посередн. лат.), *бас* (іт.), *бас-гітарист* (іт. та ісп. через посередн. гр.), *диск-жокей* (англ.), *діджей* (англ.), *гастролер* (нім.), *віртуоз* (фр. через посередн. іт. та лат.), *клоун* (англ.), *корифей* (фр. через посередн. гр.), *кутюр'є* (фр.), *маестро* (іт.), *мажор* (фр. через посередн. лат.), *панк* (англо-амер.), *персонаж* (фр. через посередн. лат.), *поет* (фр., лат. через посередн. гр.), *покемон* (яп.), *поп-зірка* (англ. через посередн. лат. та укр.), *продюсер* (англ. через посередн. лат.), *режисер* (фр. через посередн. лат.), *Санта-Клаус* (англ.), *супермен* (англ.), *тамада* (груз.), *топ-модель* (англ. та фр. через посередн. лат.), *фокусник* (нім.), *шоумен* (англ.).

Сфера спорту: *альпініст* (фр. через посередн. лат.), *аутсайдер* (англ.), *байкер* (англ.), *бойскаут* (англ.), *боксер* (англ.), *велосипедист* (фр. через посередн. лат.), *волейболіст* (англ.), *гросмейстер* (нім.), *жокей* (англ.), *серфінгіст* (англ.), *скаут* (англ.), *снайпер* (англ.), *сноб* (англ.), *сноубордист* (англ.), *спортсмен* (англ.), *спринтер* (англ.), *тренер* (англ.), *турист* (фр.), *футболіст* (англ.), *шахіст* (перс.).

Сфера економіки та банківської справи: *агент* (нім. через посередн. лат.), *аутсайдер* (англ.), *банк'єр* (нім. через посередн. фр.), *біг-бос* (англ.), *бізнесмен* (англ.), *бос* (англ.), *бренд-менеджер* (англ.), *брокер* (англ.), *букмекер* (англ.), *бухгалтер* (нім.), *дилер* (англ.), *дистриб'ютор* (*дистрибутор*) (англ.), *інвестор* (англ. через посередн. лат.), *інкасатор* (нім. через посередн. лат.), *калькулятор* (нім. через посередн. лат.), *касір* (іт.), *клерк* (фр., англ. через посередн. с.-лат.), *клієнт* (нім. через посередн. лат.), *комерсант* (фр. через посередн. лат.), *компаньйон* (фр.), *маклер* (нім. через посередн. гол.), *мародер* (фр.), *менеджер* (англ.), *партнер* (фр.), *секретар* (фр. через посередн. лат.), *спонсор* (англ.).

Суспільно-політична сфера: *інкогніто* (іт. через посередн. лат.), *кайзер* (нім. через посередн. лат.), *маргінал* (фр. через посередн. лат.), *мер* (фр. через посередн. лат.), *ортодокс* (фр. через посередн. гр.), *фюрер* (нім.).

Сфера релігії та філософії: *адвентист* (англ. через посередн. лат.), *бедуїни* (нім. через посередн. ар.), *буддист* (фр. через посередн. санскр.), *зомбі* (англ. через посередн. афр.), *масон* (фр.), *пастор* (нім. через посередн. лат.), *радикал* (англ., с.-лат. через посередн. лат.), *сепаратист* (фр. через посередн. лат.), *суніт* (ар.), *фетишист* (фр.), *шиїт* (ар.).

Військово-морська сфера: *беркут* (тюрк.), *боцман* (гол.), *генерал* (нім. через посередн. лат.), *дезертир* (фр. через посередн. лат.), *кавалер* (фр.), *камікадзе* (яп.), *капітан* (фр. через посередн. лат.), *капрал* (фр. через посередн. іт.), *комісар* (фр.).

через посередн. лат.), *легіонер* (фр. через посередн. лат.), *лейтенант* (нім. через посередн. фр.), *ліквідатор* (фр. через посередн. с.-лат.), *матрос* (гол.), *офіцер* (нім., фр. через посередн. лат.), *пілот* (фр.), *сапер* (фр.), *сержант* (фр.), *фашист* (іт.).

Сфера побутового забезпечення: *бармен* (англ.), *вахтер* (нім.), *гід* (фр.), *гувернантка* (фр.), *кельнер* (нім. через посередн. лат.), *консьєрж* (фр.), *контролер* (фр.), *конферансьє* (фр.), *кур'єр* (фр.), *майстер* (нім. через посередн. лат.), *монтер* (фр.), *офіціант* (нім. через посередн. лат.), *промоутер* (англ.), *стюардеса* (англ.), *швейцар* (нім.), *пасажир* (фр.).

Сфера техніки: *інженер* (фр. через посередн. лат.), *провайдер* (англ.), *юзер* (англ.).

Сфера освіти та науки: *абітурієнт* (нім. через посередн. с.-лат.).

Сфера медицини: *дантист* (фр. через посередн. лат.).

Сфера ЗМІ: *журналіст* (фр.), *редактор* (фр. через посередн. лат.).

Юридична сфера: *юрист* (нім. через посередн. лат.).

Сільськогосподарська сфера: *комбайнер* (англ.), *фермер* (англ. через посередн. лат.).

Асоціальна сфера: *бандит* (іт.), *браконьєр* (фр.), *гангстер* (англ.), *контрабандист* (іт.), *мафіозі* (іт.).

Усі ці слова уже ввійшли до лексичної системи сучасної української літературної мови, про що свідчать словники (9; 15; 13; 16), однак є й такі, які не зафіксовані лексикографічними джерелами. Це: *арт-директор* – керівник артистичного шоу, концерту («*Гога обіцяв познайомити компаньйона з майбутнім арт-директором*» [3, с.411]); *бас-гітарист* – музикант, який грає на гітарі низького регістру («*Можливо, якби Терезка спрямувала цей тасмничий намір на щось людське, – на конкретного молодого чоловіка, що самотів за нею в сусідній аудиторії, або на відомого бас-гітариста...*» [2, с.21]); *біг-бос* – керівник серйозної фірми, підприємства, установи; головний підприємець («*Відтак Майнес розповідає нам, як його тато, будучи колись припанкованим студентом інженерного факультету, а не біг-босом паперової компанії, смажив на кімнатному обігрівачі сардельки*» [7, с.132]); *бренд-менеджер* – фахівець із питань реклами, організації управління в різних галузях виробництва, торгівлі тощо («*Віка-бренд-менеджер іще нам дала продегустувати чутарік того. Ну, щоби не втруїти ...*» [7, с.79]); *віце-міс* – дівчина, яку обирають голосуванням на конкурсі краси; перша після переможниці («*...що в Полтаві він два роки жив із українкою, що трохи була від нього старша, але ж була віце-міс Полтава...*» [6, с.254]); *лузер* – той, що зазнавав поразки; невдаха («*...це був напівпрофесійний клуб, який складався з отаких відставних аутсайдерів, більшість і з них справді грали на рівні якщо не першої, то принаймні другої ліги, але вони всі були кінченими лузерами, і наш містечковий клуб був їхньою лебединою піснею, відстійником для невдах...*» [5, с.296]); *поп-зірка* – популярний виконавець музичних творів («*...десятьків тисяч інших божевільних у цьому суспільстві – лузерів, аутсайдерів, банкрутів..., перейнятих ідеями фашизму і реваншизму, закоханих у поп-зірок фанатів...*» [5, с.388]); *поп-стар* – те ж саме, що

й *поп-зірка* («...*поп-стар*, який вправляє мізки всім, хто цього прагне і хто прийшов до нього цього літнього дощового ранку» [4, с.50]); *серфінгіст* – людина, яка ковзає на спеціальній дошці на прибійній хвилі («Я пробую заснути, але мене весь час викидає зі сну, ніби невдалого *серфінгіста* із хвилі, і я починаю тихо стогнати» [4, с.39]); *топ-модель* – модель високого класу (про манекенниць), людина, яка є втіленням еталону краси («Це як красива жінка. Якщо вона *топ-модель* і при цьому з першого разу доступна й цілком зрозуміла, навіть працівнику ЖЕКу дуже скоро така пасія набридне» [6, с.257]).

Висновки: матеріал постмодерністської прози, багатий на іншомовну лексику, дозволяє класифікувати іншомовізми, показавши більше розгалуження сфер вживання, вказуючи на розширення понятійної структури сучасної української мови.

Список літератури

1. Гриценко С. П. Лексичний вплив як чинник динаміки структури мови-реципієнта (на матеріалі латинських запозичень українських пам'яток кінця XVI – XVII ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.15 / С. П. Гриценко. – К., 1999. – С. 6.
2. Дереш Л. Архе: Монолог, який усе ще триває: [роман] / Любо Дереш. – Харків: Фоліо, 2007. – 319 с.
3. Жадан С. Гімн демократичної молоді // Капітал / Сергій Жадан. – Х.: Фоліо, 2007. – С. 401-532.
4. Жадан С. Деш Мод / Сергій Жадан. – Х.: Фоліо, 2006. – 229 с.
5. Жадан С. ANARCHY IN THE UKR // Жадан С. Капітал / Сергій Жадан. – Х.: Фоліо, 2007. – С. 231-401.
6. Карпа І. Кокореч та інші містичні їдла // Карпа І. Супермаркет самотності. Перламутрове порно / Ірена Карпа. – Харків, Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2008. – С. 201-268.
7. Карпа І. Супермаркет самотності. Перламутрове порно // Карпа І. Супермаркет самотності. Перламутрове порно / Ірена Карпа. – Харків, Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2008. – С. 3-199.
8. Кочерган М. П. Німецькі лексичні запозичення в південно-західних говорах української мови / М.П.Кочерган // Мовознавство. – 1997. – № 1. – С. 19-24.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
10. Кьорян Г. В. Романізми в українських говорах Хустищини: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Г. В. Кьорян. – К., 2001. – 20 с.
11. Лисенко О. А. Освоєння німецькомовних запозичень в українській нвуково-технічній термінології: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. А. Лисенко. – Х., 1999. – 21 с.
12. Сімонок В. П. Семантико-функціональний аналіз іншомовної лексики в сучасній українській мовній картині світу / В. П. Сімонок. – Х.: Основа, 2000. – 331 с.
13. Словник іншомовних слів: 23 000 слів та термінологічних словосполучень / [уклад. Л. О. Пустовіт та ін.]. – К.: Довіра, 2000. – 1018 с.
14. Степанюк О. В. Стилiстичні функції запозичень у поетичній творчості Л. Костенко: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. В. Степанюк. – К., 1997. – 20 с.
15. Сучасний словник іншомовних слів / [уклад. Л. І. Нечволод]. – Х.: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2007. – 768 с.
16. Шевченко Л. І. Новий словник іншомовних слів: близько 40 000 сл. і словосполучень / Л. І. Шевченко, О. І. Ніка, О. І. Хом'як, А. А. Дем'янюк. – К.: АРІЙ, 2008. – 672 с.

Гудыма Н.В. **Функционирование иноязычных названий лиц в лексической системе современного украинского языка** // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.389-394.

В статье описана иноязычная лексика для обозначения названий лиц, выделена автором лексико-семантическая классификация по сферам применения, определена структурность иноязычных единиц и проанализировано функционирование соответствующих лексем в украинской постмодернистской прозе (на материале произведений Л. Дереша, С. Жадана и И. Карпы).

Ключевые слова: *иноязычные лексические единицы, тематическая классификация, сфера применения, функционирование, постмодернистская проза.*

*Hudyma N.V. **The functioning of borrowed personal names in the lexical system of modern Ukrainian language** // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universitetu im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.389-394.*

The article shows the stock of borrowed words which denote personal names. The author has made the lexico-semantic classification of corresponding lexical units according to the sphere of their usage, delineated the structure of borrowed words and analysed their functioning in Ukrainian postmodern prose (using the works of L. Deresh, S. Zhadan and I. Karpa).

Key words: *borrowed lexical units, borrowed words, thematic classification, sphere of usage, functioning, postmodern prose.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 821.161.2 – 1.09

ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ МЕТАФОРИ В ХУДОЖНЬОМУ МОВЛЕННІ ОЛЕКСАНДРА ОЛЕСЯ

Гурко О.В.

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ, Україна*

*У статті досліджено функціональні типи метафори у художньому мовленні
Олександра Олеся. Індивідуально-авторські метафори розглянуто за
особливостями вираження уподібнювального компонента (іменникові, дієслівні й
прикметникові) та за структурою (прості, подвійні, складні та метафори
розгорнутого типу).*

Ключові слова: *функціональні типи метафор, поезія, уподібнювальний
компонент, структура, стиль, метафоричний образ.*

Мова – це не тільки засіб спілкування людей, а й таке явище, яке зберігає на довгі часи знання, почуття, уявлення людини. Слова здатні передавати найрізноманітніші емоції людини, але одне слово, одна назва дії чи стану – це ніби просто констатація факту. Для того ж, щоб мова набула краси, емоційності, чуттєвості, використовуються спеціальні засоби словесного зображення – синоніми, антоніми, епітети, порівняння, метафори та ін.

Взірцем для усного розмовного мовлення повинна стати мова художньої літератури, яка насичена досконалими художніми висловами, фразеологізмами, образами, думками, різноманітними тропами та іншими не менш прекрасними словесними образами.

У художніх творах відбиваються процеси, характерні для певного етапу розвитку літературної мови. Саме тому опис окремих ідіостилів є необхідною складовою загального дослідження історії національної художньої мови. Традицію її вивчення започаткували В. Ващенко, В. Виноградов, І. Білодід, В. Григор'єв. На сьогодні серед вітчизняних лінгвістів мову і стиль окремого автора вивчають К. Голобородько, Л. Дударенко, Н. Князєв, О. Муромцева, Л. Пустовіт, О. Семенюк, Л. Ставицька, Н. Сологуб, Л. Савченко, О. Таран та ін.

Наше дослідження ідіостилу Олександра Олеся – поета-лірика, продовжує одну з тенденцій, властивих сучасній лінгвістиці. Вибір теми визначається природою поетичної творчості митця й органічно пов'язаний із особливостями художнього мислення поета.

Особливу майстерність виявив Олександр Олесь у використанні метафоричних засобів художнього вислову. Його метафори перебувають на межі поетичних порівнянь і образів. Можна сказати, що порівняння та образи в Олесевій поезії нерідко виконують функції метафори. У статті ставимо за мету розглянути один із

найпродуктивніших художньомовних тропів – метафору. Основне завдання статті – виділити функціональні особливості метафори, зокрема охарактеризувати: 1) іменникові, дієслівні, прикметникові метафори; 2) прості, подвійні, складні та метафори розгорнутого типу. *Об'єктом дослідження є поезія Олександра Олеся.*

Перш за все з'ясуємо саме поняття метафори. Метафора – це семантичний процес, при якому форма мовної одиниці або оформлення мовної категорії переноситься з одного об'єкта позначення на інший на основі певної подібності між цими об'єктами при відображенні в свідомості мовця. В основі метафори лежить згорнене або приховане порівняння [4, с. 307].

Порівняймо експліцитно виражені приклади переходу від порівняння до метафори: «Сусіда, бородатий і рудий, як віничок сухого очерету», а далі: «Очеретяний віничок обережно підкрався...», «Овва? – скинувся віничок» [1, с. 22].

Для стилю Олександра Олеся характерне використання своїх, власне авторських метафор. Є, звичайно, і давно відомі, узуальні – це так звані стерті метафори, але кількість їх значно менша. Індивідуальні метафори – це ті ознаки художньої мови, за якими одразу пізнається авторський стиль. Індивідуально-авторська метафора Олеся є оригінальним продовженням фольклорної, народної. У ній відображаються найхарактерніші ознаки його стилю.

Кожним своїм віршем Олександр Олесь відкриває читачеві все нові й нові глибини свого багатого метафоричного світу, у якому він вільно оперує звуками й барвами слова, щоразу подаючи його по-новому. Метафори допомагають відтворити чарівні, захоплюючі образи. Індивідуально-авторські метафори Олександра Олеся варто розглядати за особливостями вираження уподібнювального компонента (іменникові, дієслівні й прикметникові) та за структурою (прості, подвійні, складні та метафори розгорнутого типу).

У поезії Олеся дуже яскраві іменникові метафори, де він за допомогою слів у переносному значенні підкреслює характерні ознаки предмета. Так, метафора «*море сонця*» позначає велику кількість тепла. У його поезіях неодноразово зустрічається метафоризація образу сонця, але при цьому метафори не схожі одна на одну, кожна має власну особливість. Зокрема, в метафорі «*усмішки сонця*» сонце постає персоніфікованою істотою, і формується вона внаслідок накладання нерівнорядних сил – парадигматичної семи «істота» в іменника «усмішка» та парадигматичної семи «неістота» в іменника «сонце», яке у різноманітних міфах постає як одухотворена й життєтворяща сутність. Це простежується у вірші «Зимою»:

Дивилося сонце на срібнії віти,
Всміхалося їм, і вони не змогли
Усмішки блискучого сонця стерпіти
І тонуті в млості якійсь почали... [2, с. 70].

Художньо-стилістичної метафоризації Олександр Олесь досягає за допомогою створення асоціативної символіки (очі – квіти, радість, вечір, хмари; хрести – люди; могили – рідна сторона; душа – країна Жалю). Трепетно і з любов'ю говорить автор про кохані очі дівочі і при цьому вдало використовує метафори: «Твої очі – тихий вечір... Твої очі – тиха радість...» [2, с. 91].

Психічний стан людини, а також природи передається метафорами, у яких семантика метафоричного слова пов'язана із звуковими асоціаціями. У вірші «О слово рідне! Орле скутий!» Олександр Олесь з глибокою ніжністю передає свою любов до рідного слова, у якому відображається вікова історія України, краса й ніжність природи, духовне багатство рідного краю. На цьому ґрунті і виникла іменникова метафора «Дніпра між ними левій реві» [2, с. 114]. Безперечно, основою такої метафори є асоціативне тло, *ревіти* – дуже чутно плакати.

Автор активно використовує загальновідомі дієслівні метафори типу *смівся день, гроза пройшла, співає море, радіє сонце, шумить степ, розливаються пісні*, адже українська природа постійно виступає ліричним героєм у його поезіях. Сонце, ниви, луки, землю, поет вважає джерелом свого поетичного хисту: «*Раділо сонце, ниви, луки*» [2, с. 52].

Зустрічаються в поетичному мовленні Олександра Олеся й метафори, що виникли внаслідок зіставлення ознаки якості предмета й уподібнення її до нього, наприклад: «*Річки ясні жемчужились, Шуміли і пливли...*» [2, с. 61].

Особливо стилістично насичені метафори у громадянській ліриці Олександра Олеся. У вірші «Хіба не бачите, що небо голубіє» поет повний оптимізму, райдужних надій на світле майбутнє свого народу. Він з усією переконливістю й упевненістю висловлює ідею неминучості українського національного відродження. Як прихід весни після зими неминучий, так само після довгих років поневолення прийде час визволення українського народу:

Хіба не бачити, що небо голубіє,
Що сонце ранком всміхається ніжним,
Хіба не вірите, що скоро день засвітить,
Що сонце наше вже з-за обрію встає... [2, с. 166].

Досить вдало в цьому вірші Олександр Олесь використовує поетичні метафори, важливу роль у яких відіграють дієслова типу *всміхається, голубіє, дивиться, встає*, які сполучаються з іменниками *небо, сонце, земля, день*.

Часто в структурі метафоричного образу в поезії Олександра Олеся головну роль відіграють прикметники. Їм надається високої ваги образність, вживаються вони в переносному значенні й стають метафоричними епітетами, що передають найтонші відтінки емоційного світовідчуття. Наприклад:

Я вибіг з хати в день майовий...
Шумів травою степ шовковий,
Смівся день, пісні лились [2, с. 52].

Прикметник «шовковий» є похідним і означає «виріб, зроблений з шовку», але водночас він містить у собі переносне значення «схожий на шовк, м'який, блискучий, тонкий» [3, с. 506]. Саме остання асоціація постає базовою при творенні образу степу шовкового, хоча тут можна простежити й наявність семи – «бути тихим, лагідним, спокійним» [3, с. 506]. Очевидно, поєднання цих сем і створює цілісний образ степу.

У способі метафоризації ознак, які виражені за допомогою прикметників, виділяються ті, що позначають колір. Вони є характерними взагалі для поетичної

мови, а в поетичному мовленні Олександра Олеся відрізняються індивідуальністю й неповторністю. Автор має свою улюблену гаму кольорів.

Різноманітною функціональною модифікацією характеризуються прикметники «золотий», «срібний», «рожевий», використовувані у своєму вторинному значенні. Глибинні можливості цих слів постійно хвилюють автора, він прагне віднайти для них найточніше застосування, а саме: «серце золоте», «рожевий ранок» [2].

Читаючи твори Олеся, все більше й більше переконаєшся, що майже вся його поезія просякнута простими метафорами: «вільне море», «море співало», «любов лежить», «день вмирає», «вогняне море», «душа ридас» [2]. Олександр Олесь дуже любив море. Він оспіває його суворість і ніжність у циклі поезій «3 кримських образів», що ввійшов у збірку «3 журбою радість обнялась». Море вабить поета як символ нескореності, воно викликає в нього думки про рідний край, про боротьбу за волю народу. Біля моря намагається він знайти спокій, втішити душевні болі:

Біг і прибіг я до вільного моря...

Море нічого мені не сказало [2, с. 98].

У поезії Олександра Олеся наявні і подвійні метафори, які складаються із дієслова та іменника в орудному відмінку. Наприклад: «умилась рососою», «шумів травою степ шовковий», «вогнем страждання запалить» [2]. Здебільшого це метафоричні епітети, що входять до складу подвійних метафор:

Ти знов прийшла, щоб всі чуття холодні

Вогнем страждання запалить... [2, с. 60].

Для поезії Олександра Олеся характерне вживання складних метафор: «зграї бурхливих хвиль», «осріблені місяцем гори блищать», «ліс цвіте осінніми квітками», «в моїй душі не сходе сонце» [2]. Зокрема, складна метафора «зграї бурхливих хвиль» виникла на ґрунті кількісного виміру й характеру асоціативного обліку цієї кількості. Адже «зграя» у прямому значенні – це група тварин або птахів того самого виду, які тримаються разом. Хвилі на морі також під впливом вітру становлять зграї. Саме на основі цієї асоціації за подібністю і витворюється згадана метафора.

У поезії Олександра Олеся зустрічаємося із метафорами розгорнутого типу. Ці метафори характерні для поетичного мовлення. Загалом вони вирізняються на загальному тлі незвичністю, несподіваністю, що, з одного боку, приваблює читача, а з другого боку, змушує його інтенсивно працювати не лише над розумінням тексту, його смислової завершеності, але й з метою глибшого відчуття естетичної вартості тексту, аромату його мови:

Дві хмароньки плили кудись

В убранні золотім

І мовчки зупинились... [2, с. 61].

Ця авторська метафора розвивається у своєму значенні від простої «хмароньки плили» до подвійної «мовчки зупинилися»:

І довго ще дві хмароньки

Стояли мовчки в ряд

І, пливучи, стинилися,

Щоб глянути назад [2, с. 61].

Цей метафоричний вислів, подібно до попереднього, у своїй основі має розвиток метафори, але вже від складної «*хмароньки стояли мовчки вряд*» до комплексу метафор за схожістю дії, до складу якого входить і дієприслівник: «*пливучи спинилися, щоб глянути назад*».

Розгорнута метафора, як правило, будується на основі одного образу:

*Як крізь хмари летючі,
Гляне сонце блискуче,
Усміхнеться в привіті,
Розіллється в блакиті* [2, с. 286].

У цьому розгорнутому типі метафори базовою є лексема «*сонце*», що спочатку виступає одним із головних компонентів простої метафори «*гляне сонце*», а далі за рахунок саморозвитку охоплює цілий ряд дієслів – *усміхнеться, розіллється* та іменників, що вказують на спосіб перебігу дії та її локалізації «*в привіті*», «*в блакиті*».

Олександр Олесь у творенні багатьох метафоричних структур активно використовує набутки української міфології, черпаючи з глибин те сакраментальне, що воістину передає національну неповторність світобачення:

*Дніпро! Дніпро!
Русалки пояс тобі тчуть...* [2, с. 551].

За фольклорними уявленнями, у річці, на дні моря живуть русалки. Олександр Олесь доторкнувся й цієї теми у своєму вірші. Використання фольклорних образів надає творові національно-фольклорного колориту. Автор своїм віршем стверджує, що русалки, які живуть на дні Дніпра, ніби пояс йому тчуть, бо рідний для них він:

*Дніпро! Дніпро!
Ти рідним братом України став...* [2, с.551].

Характерним є надання Україні й Дніпру людських властивостей, показ їх у родинних стосунках: Україна – сестра, Дніпро – брат.

Висновки. Дослідивши поезію Олександра Олеся, можна з упевненістю сказати, що найулюбленішими метафорами виступають: «*усмішка сонця*», «*море сонця*», «*рожева весна*», «*золоте серце*», «*сонця сміх*». До ключових слів його поезії належать «*сонце*», «*море*», «*хвилі*», «*мова*», «*усмішка*». Загалом у метафориці Олександра Олеся домінує дієслівна. З-поміж дієслівних метафор найчастотнішими постають: «*усе цвіте*», «*шумлять сосни*», «*сонце всміхається*», «*дрімає село*», «*шепчуть троянди*».

Список літератури

1. Українська мова: Енциклопедія / [ред. М. Бажан]. – К.: Українська енциклопедія М.П. Бажана, 2000. – 989 с.
2. Винниченко В. Оповідання / В. Винниченко. – К.: Наукова думка, 2001. – С.22.
3. Олесь О. Твори в 2-х томах / О. Олесь. – К.: Генеза, 1990. – Т.1. – 959с.
4. Сучасна українська літературна мова / [ред. А.П. Грищенко]. – К.: Вища школа, 1997. – С. 506.

Гурко Е.В. **Функциональные особенности метафоры в поэзии Александра Олеся** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.395-400.

В статье исследуются функциональные типы метафоры в художественной речи Александра Олеся. Индивидуально-авторские метафоры рассматриваются по особенностям выражения уподобленного компонента (существительные, глагольные и прилагательные) и по структуре (простые, двойные, сложные и метафоры развернутого типа).

Ключевые слова: функциональные типы метафор, поэзия, уподобленный компонент, структура, стиль, метафорический образ.

Gurko O.V. **Functional features of metaphor in the poetry of Oleksandr Oles** // *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio».* – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.395-400.

Functional types of metaphor in the poetry of Oleksandr Oles are examined in this article. Individual-authors metaphors for expressing similar component features (noun, verb and adjective) and structure (simple, double, complex and detailed metaphor type) are considered.

Key words: functional types of metaphors, poetry, similar components, structure, style, metaphorical type.

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 811.161.2

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ТРАНСФОРМАЦІЯ СЛІВ
У СВІТЛІ ФЛОРНОМІНАЦІЇ
(НА МАТЕРІАЛІ ПІВДЕННОБЕССАРАБСЬКИХ ГОВІРОК)**

Дакі О. А.

Ізмаїльський державний гуманітарний університет, м. Ізмаїл, Україна

Стаття присвячена дослідженню лексико-семантичної трансформації слів в українських південнобессарабських говірках. Подано репертуар флорноменів, утворених цим способом, визначено їх семантичні моделі.

Ключові слова: *лексико-семантична трансформація, семантична деривація, семантична модель, метафора, функціонально-семантичне поле.*

Проблеми номінації, зокрема способи творення номінативних одиниць, стали об'єктом лінгвістичних досліджень починаючи з 70-х рр. ХХ ст. Особливу актуальність вони набули у студіях, присвячених вивченню флорноменів (праці А. Й. Капської [2], М. М. Феценка [18], А. М. Шамоти [20], І. В. Сабадоша [11]), а саме у діалектологічних дослідженнях. Так, Л. Д. Фроляк висвітлює проблеми флорномінації в українських говорах Північного Приазов'я [19], Л. А. Москаленко – у степових говірках Миколаївської обл. [7], О. Ф. Миголинець – у говорах Закарпаття [5], О. Тимко – у говірці бачванських руснаків [15], Р. С. Омельковець – у західнополіських говірках [8], М. В. Поістогова [10] та О. А. Малахівська [3; 4] – у східнополіських говірках, А. О. Скорофатова – у східнослобожанських говірках [13], Р. Л. Сердега – у центральнослобожанських говорах [12], І. В. Гороф'янюк – у говірках подільського ареалу [1], М. М. Ткачук – у чорнобильських говірках [16; 17].

Актуальність. Хоча ця проблематика охопила майже весь український діалектний континуум, вона досі не досліджена в ареалі межиріччя Дністра та Дунаю. Українські говірки цієї території (південнобессарабські говірки) належать до південно-західних степових українських говірок.

У пропонованій статті ми поставили за *мету* репрезентування номенів, утворених шляхом семантичної деривації лексико-семантичної групи культивованих рослин (найменування рослин, їх сортів, частин рослин, різних періодів росту та досягання), та виявлення продуктивності лексико-семантичної трансформації як способу номінації в українських південнобессарабських говірках; визначення семантичні моделі творення фітономенів у межах різновидів семантичної трансформації. Джерельною базою дослідження стали власні польові записи лексики та зв'язних текстів у 60 говірках зазначеного ареалу.

Лексико-семантична трансформація слова, або семантична деривація, посідає чільне місце серед способів номінації. За твердженням В. К. Павела, розкриття її

суті ґрунтується на вивченні лексико-семантичних варіантів слів усередині окремого полісемантичного утворення [9, с. 38]. Орієнтуючись на наявність чи відсутність залежності вторинного значення від первинного виділяють внутрішньо мотивовану та внутрішньо немотивовану лексико-семантичну трансформацію. У контексті вивчення внутрішньо мотивованої семантичної деривації розрізняють поняття лексичної парадигматики та синтагматики, таким чином відокремлюють зміни значень слів, що парадигматично або синтагматично зумовлені [14, с. 55].

Розглянемо флорономени, утворені шляхом парадигматично зумовленої внутрішньо мотивованої лексико-семантичної трансформації. У межах цієї групи в українських південнобессарабських говірках зафіксовано 192 назви, серед них вирізняємо фітономени, утворені за такими різновидами семантичної трансформації:

а) розширення значення (6 назв) передбачає лексико-семантичну трансформацію слова, що базується на вертикальних зв'язках між членами однієї лексико-семантичної парадигми, результатом якої є збільшення семантичного обсягу слова. Виділяємо такі семантичні моделі творення фітономенів у межах зазначеного способу: модель 'частина рослини' → 'рослина', як-от: *на|с'ін'а* 'соняшник', *й|яблуко* 'дерево яблуні', *й|ягода* 'плід вишні'; модель 'частина рослини' → 'сукупність рослин', наприклад: *зе"р|но* 'обмолочені злакові культури'; модель 'складова частини рослини' → 'частина рослини', як-от: *ка|чан* 'серцевина качана капусти', *л|гичка* 'вусики на стеблі кавуна';

б) звуження значення (43 назви) означає лексико-семантичну трансформацію слова, що базується на вертикальних зв'язках між членами однієї лексико-семантичної парадигми, результатом якої є зменшення семантичного обсягу слова. Група фітономенів, утворених цим способом містить такі семантичні моделі: модель 'рід' → 'вид (частина видів одного роду)', як-от: *на|с|турц'й|а* 'настурція лікарська', *чорно|б|ривц'і* 'жовті набиті чорнобривці'; модель 'рід' → 'рід (вид) у певному стані', наприклад: *мак* 'дикий мак'; модель 'рослина' → 'частина рослини', як-от: *куку|руза* 'стебло кукурудзи', *мак* 'стебло маку', *п|росо* 'стебло проса', *л|в'ін'ача* 'стебло проса', 'сухе бадилля проса', *л|сой|ашник* 'сухе бадилля соняшника', *пат|солнух* 'головка соняшника', *пше"н|ниц'а* 'зерно пшениці', *й|ач|л'ін* 'зерно ячменю', *о"л|вес* 'зерно вівса', *п|росо"* 'зерно проса', *л|гречка* 'зерно гречки', *куку|руза* 'зерно кукурудзи', *куку|руска* 'зерно кукурудзи', *мак* 'зерно маку', *го"р|ох* 'зерно гороху', *ква|сол'а*, *ква|сол*, *фа|сол'ка* 'зерно квасолі', *бо|би* 'зерно гороху', 'зерно квасолі', *л|морква* 'серцевина моркви', *по"м'і|дор* 'плід помідорів', *л|груша* 'плід груші', *ай|ва* 'плід айви', *л|лива* 'плід сливи', *л|вишн'а* 'плід вишні'; модель 'загальна назва флороб'єкту' → 'назва конкретного флороб'єкту', наприклад: *л|сходи* 'сходи озимих культур', 'сходи ярових культур', *рост|ки* 'сходи озимих культур', *л|колос* 'колосок жита, пшениці, ячменю', *пом'і|дори* 'міленькі помідори', *зе"р|но*, *л|з'орнишко* 'зерно кукурудзи', *на|с'ін'а* 'насіння соняшника', 'насіння цибулі', 'насіння конопель', *сте"б|ло* 'стебло щавлю без листя', *л|товбур* 'насінний пагін цибулі', *л|зелен* 'листя молоді цибулі, часнику', *фу|раж* 'мілке зерно', *ка|чан* 'качан капусти', *л|лист'а* 'зелене листя на качанах з кукурудзи'; модель 'загальна

назва' → 'складова частина', наприклад: *см'іт'н'а* 'лушпиння з насіння соняшника', *брак* 'два огірки, що зрослися разом';

в) метафора (143 назви) – спосіб лексико-семантичної трансформації слова, що на відміну від двох попередніх різновидів парадигматично зумовленої семантичної трансформації, базується на міжпарадигматичних зв'язках слів [14, с. 59]:

1) власне метафора (51 назва), а саме: модель 'рослина' → 'рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї рослини', наприклад: *ф'іалка* 'левкої', *кар'тошка* 'жоржина', *р'ожа* 'мальва', *ка'л'ачики* 'мальва', 'герань', *нас'л'они* 'міленькі помідори', *с'лива* 'сорт помідорів', *кабач'ки* 'настурція лікарська', *л'і'л'ія* 'царська корона', 'клівія', *кактус* 'геліоцерус прекрасний' *курку'души* 'міленькі помідори', *ци'бул'а* 'гемантус білокрітковий', 'клівія', *лавр* 'олеандр', *али'ча* 'айва', *с'ливка* 'мірабель', *гар'буз* 'кавун', *али'ча* 'дерево айви', *га'д'учник* 'царська корона'; модель 'флорооб'єкт' → 'флорооб'єкт, який в цілому або якоюсь своєю частиною подібний до цього флорооб'єкта', як-от: *бз'д'ух* 'головня кукурудзи', *корч* 'одне гніздо картоплі'; модель 'частина рослини' → 'частина рослини, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї частини', наприклад: *к'в'ітка* 'колосок гречки', *с'товбур* 'серцевина моркви', *али'ча* 'плід айви', *з'ерно* 'одна виноградина', *ци'бух* 'чубук'; модель 'предмет' → 'рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цього предмета', як-от: *л'в'іник* 'колосок проса', 'суцвіття кукурудзи', *бат'л'ги* 'колосок проса', *ш'л'ана*, *ш'панка* 'головка соняшника', *ш'панки* 'чорна головка стрілки цибулі', *воло'кно* 'волосяний покрив качана кукурудзи', 'бокова тоненька ниточка на моркві', *зонтик* 'стебло моркви з квітками', *сабл'а* 'сансевіерія', *ба'т'іг* 'сансевіерія'; модель 'місце, на якому ростуть рослини певного габітусу' → 'місце, на якому ростуть рослини іншого габітусу', наприклад: *ле'вада* 'сад', *ро'садник* 'квітник'; модель 'тварина (частина тіла тварини)' → 'рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї тварини', як-от: *ку'ниці'а* 'суцвіття кукурудзи', *кон'дор* 'сорт картоплі', *л'і'вники* 'півники', *о'дутки* 'настурція лікарська', *во'к* 'середина розрізаного кавуна'; модель 'людина за соціальним статусом та іншими ознаками' → 'рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї людини', наприклад: *султ'ан* 'суцвіття кукурудзи', *май'ори* 'майоран', *кард'інал* 'сорт картоплі', *коро'лева* 'сорт картоплі'; модель 'частина тіла людини (тварини)' → 'рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї частини тіла людини (тварини)': *зуби* 'зубки часнику', *л'і'р'ія* 'листя молоді цибулі, часнику', *л'і'ро* 'листя молоді цибулі, часнику', *волос* 'волосяний покрив качана кукурудзи', *к'оси* 'волосяний покрив качана кукурудзи', *л'усо* 'вусики на стеблі кавуна'; модель 'речовина' → 'флорооб'єкт, який подібний до цієї речовини': *сажа* 'головня кукурудзи', 'головня колоскових'.

2) метафора, ускладнена деривацією (92 назви), зокрема:

– метафора, ускладнена матеріальною афіксацією без деформації твірної основи, представлена фітономенами, які утворюються за такими семантичними моделями: модель 'рослина' → 'флорооб'єкт, який в цілому або якоюсь своєю частиною подібний до цієї рослини': процес семантичної трансформації слова за цією моделлю доповнюється дериваційними афіксами двох функціонально-

семантичних полів: а) поле зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *с\ливка*, *с\ливки* ‘сорт помідорів’, *с\ливка* ‘алича (дерево і плід)’, *\липка* ‘герань’; *ци\бул\ка* ‘гемантус білокрітковий’, ‘клівія’, ‘тюльпан’; суфікс *-ок-*: *ду\бок* ‘міленькі хризантеми’, *поли\нок* ‘міленькі хризантеми’, *часни\чок* ‘нарцис’; суфікс *-очок-*: *ду\бочок* ‘міленькі хризантеми’; б) поле суб’єктності: суфікс *-ав-* / *-ов-* + *-к-*: *\порховка* ‘головня кукурудзи’; модель ‘предмет’ → ‘флорооб’єкт, який в цілому чи якоюсь своєю частиною подібний до цього предмета’: семантична трансформація слова відбувається за участю дериваційних морфем двох функціонально-семантичних полів: а) поле зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *\кашка* ‘колосок гречки’, ‘суцвіття кукурудзи’, ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, ‘осередок в насінні соняшника’, ‘осередок в кісточці абрикоси’, *\патка* ‘осередок в кісточці абрикоси’, *ш\л\атка* ‘головка соняшника’, *\куколки* ‘порожній колос’, *ко\жушки* ‘зелене листя на качанах з кукурудзи’, ‘сухе листя кукурудзи, яке знімають з качанів’, *шолом\ки* ‘зелене листя на качанах з кукурудзи’, ‘сухе листя кукурудзи, яке знімають з качанів’, *ло\патка* ‘хвостик кавуна’, *тар\елочки* ‘айстра’, ‘майоран’, *ме\телка* ‘колосок вівса’, ‘колосок проса’, ‘суцвіття кукурудзи’, *\шапочки* ‘майоран’; суфікс *-очк-*: *м\е\т\олочка*, *м\і\телочка* ‘колосок вівса’, ‘колосок проса’, ‘суцвіття кукурудзи’, *ко\робочка* ‘колосок проса’, ‘головка маку’, *\шапочка* ‘головка соняшника’, *ко\робочка* ‘дірява головка маку’, *ло\паточка* ‘стиглий стручок бобових’, ‘хвостик кавуна’, *\л\одочка* ‘вусики на стеблі кавуна’, *\д\удочки* ‘царська корона’; суфікс *-ч\ік-*: *грама\фонч\іки* ‘нічна красуня’, ‘петунія’, *кала\кол\ч\ік\і* ‘царська корона’; суфікс *-ечк-*: *\кашечка* ‘колосок проса’; суфікс *-ичк-*: *м\і\т\личка* ‘суцвіття кукурудзи’, *\ложичка* ‘хвостик кавуна’; суфікс *-ачк-*: *\в\і\н\ачко* ‘колосок гречки’, ‘суцвіття кукурудзи’; суфікс *-иц\’-*: *м\і\т\лиц\’а* (*ме\т\лиц\’а*) ‘суцвіття кукурудзи’; б) поле суб’єктності: суфікс *-н\ік-* / *-ник-*: *\саб\ел\н\ік* ‘сансевіерія’; модель ‘речовина’ → ‘флорооб’єкт, подібний до цієї речовини’: поле зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *\сажка* ‘головня кукурудзи’, ‘головня колоскових’; модель ‘місце зростання рослин певного габітусу’ → ‘місце зростання рослин іншого габітусу’: поле зменшеності-експресивності: суфікс *-ок-*: *са\док* ‘квітник’, суфікс *-очок-*: *са\дочок* ‘квітник’, суфікс *-чик-*: *го\ротч\ік* ‘квітник’; модель ‘тварина’ → ‘рослина, яка в цілому чи якоюсь своєю частиною подібна до цієї тварини’: процес метафоризації відбувається паралельно з додаванням афіксів функціонально-семантичного поля зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *со\бачки* ‘зів лева’; суфікс *-ок-*: *п\ету\шок* ‘середина розрізаного кавуна’, *вол\чок* ‘середина розрізаного кавуна’; суфікс *-ик-*: *\коз\лики* ‘довгий перець’; суфікс *-ичк-*: *ку\ничка*, *м\і\т\личка* ‘суцвіття кукурудзи’; суфікс *-чик-*: *ба\ранчик* ‘вусики на стеблі кавуна’; модель ‘частина тіла людини (тварини)’ → ‘рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї частини тіла людини (тварини)’: метафоричне перенесення твірних основ доповнюється афіксами трьох функціонально-семантичних полів: а) поле зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *\коски* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, *го\ловка* ‘дірява головка маку’, ‘чорна головка стрілки цибулі’, ‘качан капусти’, *глас\ки* ‘бруньки на виноградній лозі’, ‘маленькі ‘очки’ на моркві’, *\очки* ‘бруньки на виноградній лозі’, ‘маленькі ‘очки’ на моркві’, *\в\і\чка* ‘бруньки на виноградній лозі’, ‘відростки картоплі’, *\в\і\чки* ‘маленькі ‘очки’ на моркві’, *\рот\ики*

‘зів лева’, *зупки* ‘зубки часнику’, *вуско* ‘вусики на стеблі кавуна’, *шкурки* ‘лушпиння з насіння соняшника’, ‘лушпиння картоплі’; суфікс *-ок-*: *волосок* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, *р’їжок* ‘довгий перець’; суфікс *-ик-*: *вусик* ‘остюк’, ‘вусики на стеблі кавуна’, ‘маленькі вусики огірків’, *хвостик* ‘хвостик кавуна’; суфікс *-очк-*: *волобочки* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, *голівочка* ‘чорна головка стрілки цибулі’, *зубочки* ‘зубки часнику’; суфікс *-чик-*: *чупчик* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, *косики* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’, *зупчики* ‘зубки часнику’; суфікс *-ачк-*: *п’їрйачко* ‘листя молоді цибулі, часнику’; суфікс – *-ц’-*: *зупц’ї* ‘зубки часнику’; б) поле сукупності: суфікс *-ин’-*: *волосин’а* ‘волосяний покрив качана кукурудзи’; в) поле одиничності: суфікс *-ин-* + *-к-*: *волосинка* / *волосинки* ‘бокова тоненька ниточка на моркві’. Дерииваційний афікс, який не утворює функціонально-семантичного поля: суфікс *-ц’-*: *к’їл’ц’а* ‘відростки картоплі’; модель ‘людина’ → ‘рослина, яка в цілому або якоюсь своєю частиною подібна до цієї людини’: процес метафоризації здійснюється паралельно з додаванням афіксів функціонально-семантичного поля зменшеності-експресивності: суфікс *-к-*: *цїганка* ‘сорт картоплі’, *чарод’їйка* ‘сорт картоплі’; суфікс *-ик-*: *майорики* ‘майоран’; суфікс *-ік-*: *алкогол’їк* ‘сорт картоплі’; суфікс *-очк-*: *цїганочка* ‘сорт картоплі’, *цїганочк’ї* ‘чорнобривці’; суфікс *-чик-*: *майорчики* ‘майоран’; суфікс *-ім’-* + *-ан-* + *-к-*: *н’єгр’їт’анка* ‘сорт картоплі’; суфікс *-ичк-* / *-ічк-*: *п’анничка* ‘сорт картоплі’, *алкогол’їчка* ‘сорт картоплі’; суфікс *-ім’-* + *-ос-* + *-к-*: *н’єгр’їтоска* ‘сорт картоплі’; суфікс *-ук-*: *близн’уки* ‘два огірки, що зрослися разом’; суфікс *-ц’-*: *майорц’ї* ‘майоран’; модель ‘природний об’єкт чи природне явище’ → ‘рослина, яка в цілому чи якоюсь своєю частиною подібна до зовнішнього вияву цього явища’: семантична трансформація доповнюється афіксами двох функціонально-семантичних полів: а) поле суб’єктності: суфікс *-к-*: *сон’ашник* ‘соняшник’; б) поле неповноти ознаки: префікс *под-* + суфікс *-н’їк-*: *пo’тсолн’єчн’їк*; префікс *под-* + суфікс *-ух-*: *пат’солнух* ‘соняшник’; модель ‘дія (стан), яка відбувається з нефлористичним об’єктом’ → ‘дія (стан), яка відбувається з рослиною: процес метафоризації доповнюється: префіксом *ви-* функціонально-семантичного поля напряму руху: *ви\ходит*’, *вис\какуїет*’ ‘поява сходів’; префіксом *про-* функціонально-семантичного поля шляху руху: *проби\вайец’а* ‘процес проростання в землі’; префіксом *на-* функціонально-семантичного поля кількості: *набу\хайє* ‘процес проростання в землі’.

Висновки. Аналіз парадигматично зумовленої внутрішньо мотивованої лексико-семантичної трансформації флорономенів показав, що цей спосіб номінації є досить продуктивним. Серед різновидів семантичної словотвору домінує метафора, ускладнена деривацією, найменш продуктивним є розширення значення слова. За кількістю похідних флорономенів найбільш вираженою є модель ‘предмет’ → ‘флорооб’єкт, який в цілому чи якоюсь своєю частиною подібний до цього предмета’. Дерииваційні морфеми, за участю яких відбувається семантична трансформація слова, об’єднуються у функціонально-семантичні поля, найбільшу кількість репрезентантів має поле зменшеності-експресивності. Здійснене нами дослідження засвідчує, що подальше вивчення способів флорономінації, зокрема синтагматично зумовленої внутрішньо мотивованої лексико-семантичної

трансформації та внутрішньо немотивованої семантичної деривації українських південнобессарабських говірок, має широкі *перспективи* в діахронічному та ареалогічному дослідженнях.

Список літератури

1. Гороф'янюк І. В. Структурна організація та ареалогія флорономенів центральноподільських говірок: автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.01 / Гороф'янюк І. В. – К., 2010. – 23 с.
2. Капская А. И. Семантико-словообразовательная структура названий цветов в украинском языке: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.661 «Языки народов СССР (украинский язык)» / А. И. Капская. – К., 1979. – 22 с.
3. Малахівська О. А. Ареальна і семантична характеристика типів номінації кукурудзи (*Zea mays*) в українських говорах / О. А. Малахівська // Структурні рівні українських говірок. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 133-146.
4. Малахівська О. А. Назви дикорослих трав'янистих рослин / О. А. Малахівська // Говірки Чорнобильської зони: системний опис / [П. Ю. Гриценко, І. В. Воронич, Л. І. Дорошенко та ін.]. – К.: Довіра, 1999. – С. 134-167.
5. Мигoliniць О. Ф. Ботанічна лексика українських говірок Закарпатської області: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова” / О. Ф. Мигoliniць. – Ужгород, 1996. – 24 с.
6. Москаленко Л. А. Подібність рослини до іншої рослини як джерело номінації / Л. А. Москаленко // Укр. мова. – 2002. – № 3. – С. 39-50.
7. Москаленко Л. А. Похідні від назв кольорів у ботанічній лексиці українських степових говірок Миколаївщини / Л. А. Москаленко // Дослідження з української діалектології: зб. наук. пр. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 93-116.
8. Омельковець Р. С. Номінація лікарських рослин в українському західнополіському говорі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова” / Р. С. Омельковець. – К., 2004. – 21 с.
9. Павел В. К. Лексическая номинация (На материале молдавских народных говоров) / В. К. Павел. – Кишинев: Штиинца, 1983. – 231 с.
10. Поістогова М. В. Номінаційні процеси у ботанічній лексиці східнополіських говірок: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова” / М. В. Поістогова. – К., 2005. – 23 с.
11. Сабадош І. В. Формування української ботанічної номенклатури / І. В. Сабадош. – Ужгород: УДУ, 1996. – 192 с.
12. Сердега Р. Л. Лексика традиційного господарювання в говорах Центральної Слобожанщини (Харківщини): автореф.... канд. філол. наук спец.: 10.02.01 / Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2005. – 20 с.
13. Скорофатова А. О. Ономасіологія та лінгвогеографія фітономенів в українських східнослобожанських говірках: Автореф.... канд. філол. наук спец.: 10.02.01 / Луганський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ, 2008. – 24 с.
14. Способы номинации в современном русском языке / [Д. Н. Шмелев, А. Ф. Журавлев, О. П. Ермакова и др.]; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
15. Тимко О. Назви рослин і тварин у говорі бачванських русаків: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова” / О. Тимко. – Ужгород, 1998. – 24 с.
16. Ткачук М. Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони, мотивована зоономенами / Марина Ткачук // Волинь філологічна: текст і контекст. Західнополіські говірки в просторі та часі: [зб. наук. праць / упоряд. Г. Л. Аркушин]. – Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2010. – Вип. 9. – С. 155-162.
17. Ткачук М. Мікономінація в чорнобильських говірках (реконструкція редуکتивного ареалу) / М. Ткачук // Волинь – Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2010. – Вип. 22, Т. 2. – С. 275-282.

18. Фещенко Н. М. Названия лекарственных растений в украинском языке: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 „Языки народов СССР (украинский язык)” / Н. М. Фещенко. – К., 1974. – 24 с.
19. Фроляк Л. Д. Ботаническая лексика украинских говоров Северного Приазовья: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 „Языки народов СССР (украинский язык)” / Л. Д. Фроляк. – К., 1988. – 17 с.
20. Шамота А. М. Назви рослин в українській мові / А. М. Шамота. – К.: Наук. думка, 1985. – 164 с.

Даки Е. А. Лексико-семантическая трансформация слов в свете флоронимации (на материале южнобессарабских говоров) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.401-407.

Статья посвящена исследованию лексико-семантической трансформации слов в украинских южнобессарабских говорах. Представлен репертуар флоронимов, созданных этим способом, определены их семантические модели.

Ключевые слова: лексико-семантическая трансформация, семантическая деривация, семантическая модель, метафора, функционально-семантическое поле.

Daki O. A. Lexico-semantic transformation of words in the sphere of floronomination (on the base of south-bessarabian subdialects) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.401-407.

The article deals with lexico-semantic transformation of words in the Ukrainian South-Bessarabian subdialects. The bulk of attention is given to semantic models and the repertoire of floronomina formed by this method.

Key words: lexico-semantic transformation, semantic derivation, semantic model, metaphor, functional-semantic field.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.2+81'373.46

ОРІЄНТАЛІЗМИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Данилюк Н. М.

Університет Миколи Коперника, м. Торунь, Польща

Метою статті є спроба з'ясувати, як орієнтальні народи, що заселяли (заселяють) Україну, та їх мови вплинули на український лексичний фонд, установити, від кого й у які періоди свого розвитку українська мова перейняла найбільшу кількість орієнталізмів.

Ключові слова: *авари, булгари, угри, печеніги, половці, татари, мовні контакти, орієнталізми.*

Актуальність. Українська мова в усі періоди свого функціонування збагачувалася за рахунок іншомовних слів. Змінювалися часи, історичні умови, змінювалося коло контактуючих мов, а разом з тим зазнавали змін і шари запозиченої лексики. Нашою *метою* є спроба з'ясувати, як орієнтальні народи, що заселяли (заселяють) Україну, та їх мови вплинули на український лексичний фонд, дати коротку характеристику історичних передумов запозичень орієнтальної лексики в українську мову, а також установити, від кого й у які періоди свого розвитку українська мова перейняла найбільшу кількість орієнталізмів.

Слов'яни здавна стикалися зі східними народами, які окремими ордами заливали їхні південні землі. Одні з них перебували тут зовсім недовго, просуваючись далі на захід, інші – залишалися на кілька століть. Цими народами були булгари, авари, угри, хозари, печеніги, половці, татари. Булгари належали до урало-алтайського племені тюркської родини і жили спочатку на території, де річка Кама впадає у Волгу. Одна з гілок цих камських булгар, відокремившись у V столітті, перекочувала на територію слов'ян. У VII столітті булгари перейшли через Дунай, опанували Мізію й змішалися з прибулими туди раніше слов'янами, яким передали свою назву. За булгарами в VI – VII століттях прибули авари. Ослаблені сусідством східнослов'янських племен, авари частково загинули у боротьбі з антами, а частково під тиском нових кочівників пробралися в Західну Європу. Далі, відокремившись від урало-алтайської групи, східнослов'янськими теренами пройшли угри (мадяри) – останній азійський народ, що встиг оселитися на західноєвропейських землях [4, с. 132].

Одними з перших, хто надовго осів на території східних слов'ян, стали хозари. Із кінця VII століття вони встановили свою владу на всьому просторі від Волги до Дніпра, а в кінці VIII століття вже займали чорноморські степи. Під хозарський вплив спочатку потрапили сіверяни, що сиділи в районах північного Дінця й Дону. Звідси хозари поширилися на південь до Тмуторокані й навіть до Кримського півострова. Також під їхнім впливом знаходилися поляни, радимичі, в'ятичі [10, с.134].

Діалектно неоднорідні мови аварів, болгарів, хозар значного впливу на українські територіальні діалекти доби Київської Русі, очевидно, не мали. Проте

сліди цих мов спостерігаються не тільки в українських писемних пам'ятках (наприклад, булгаризми *тивун / тиун, каган / коган, хоть* «жінка», *хинове* «гунни», *болярин / боярин, лошадь, сапог, Тьмуторокань, Борис, Боян / Баян* тощо), а й у сучасній мові: *ватаг, хазяїн, ковер, харалуг, харалужний, корогва, лоша, сагайдак / сайдак, колчан, річка Сумень, буланій, карий* тощо [5, с. 747 – 748]. Крім того, на думку А. Ю. Кримського, зважаючи на те, що в дунайських булгарів у IX столітті поруч з державною християнською релігією «мав силу й іслам з його священною мовою арабською, то, очевидячки, могли вже й тоді заходити до слов'янської мови не тільки слова чисто тюркські, ба й декотрі арабські» [5, с. 575]. На тому, що через булгарську мову потрапляли до української всі арабські, перські й тюркські назви на позначення предметів торгівлі, наголошує Г. Халимоненко [9, с. 14].

Після прийняття каганом та столичною знаттю іудаїзму, що протиставило їх решті аристократії, у Хозарії один за одним почали спалахувати міжродові конфлікти. Скориставшись хаосом, у хозарський степ увійшли нові кочівники – печеніги. Перша згадка про печенігів у руських літописах датується 915 роком. Упродовж 915-1036 років Русь воювала з печенігами шістнадцять разів, не враховуючи дрібних сутичок. Утім взаємини Русі з печенігами не зводилися до самої лише конфронтації. Печеніги часто переходили на службу до руських князів, ставали їхніми союзниками в боротьбі з іншими кочовими народами. У 1036 році печеніги під стінами Києва зазнали нищівної поразки від Ярослава Мудрого, після чого частина з них перекочувала за Дунай; решта, що лишилася на своїх попередніх кочів'ях, через два десятиліття змушена була звернутися за допомогою до Києва, оскільки в приазовсько-причорноморський степ вступили нові господарі – половці [10, с. 64-66].

На 60-ті роки XI століття припадає перший удар половців на Русь. У цілому ж до початку XIII століття половці здійснили сорок дев'ять великих походів, завдаючи слов'янам нещадних господарських розорень і забираючи із собою велику кількість полонених. З іншого боку, територіальна близькість половецького світу, торгові контакти, а особливо – регулярні перехресні шлюби, якими скріплювалися перемирні угоди, і які були настільки численними, що кочівники поріднилися майже з усіма князівськими родами, призводили до поступового пом'якшення гостроти протистоянь [10, с. 66-67]. Половці потрапляли під вплив слов'ян, приймаючи навіть християнство, а слов'яни засвоювали половецькі риси й побутові особливості. Доказом такого взаємовпливу служить половецька лексика, що увійшла в словниковий склад східних слов'ян, та деякі слов'янські слова, запозичені половецькими племенами.

Пам'ятки давньоруської писемності з українських територій і дані порівняльно-історичних досліджень вказують на велику кількість печенізьких та половецьких запозичень. Проте їх розмежування утруднює близькості спорідненість мов печенігів і половців. Швидше за все від половців зайшли засвідчені в «Слові о полку Ігоревім» та літописах лексеми: *булат і харалуг, женьчуг, курган, шатро, япончица* (пізніше *опанча*), *клубук* (пізніше *ковпак*), *товар, коцій, чага, тлумач, лошадь* (пізніше *лоша*), *борсук, яруга, євшан, бур'ян* та інші. Г. Халимоненко висловлює версію, що з половецької мови переходили передусім лексеми, пов'язані з конярством, вівчарством, городництвом, а також військові терміни, назви одягу та інших ужиткових речей (*огир, бахмат, чапрак, ярчак, чабан, касир, кобеняк, кирея, кабиця* та ін.) [9, с. 15].

Невідомо, чим би в перспективі могло обернутися двохсотрічне протистояння половців зі слов'янами, яке поволі переросло в партнерство, коли б на східних околицях Половецького степу не з'явилася нова грізна сила – монголи. Монголо-татарська окупація була хоч і нетривалою, проте встигла певною мірою вплинути на лексичний фонд української мови. Окупаційна адміністрація нав'язала українському населенню своєрідну термінологію: найменування посад, податків, покарань, зброї (*баскак, даруга, осавула, калан, чамбул, яса* тощо) [9, с. 15]. Але загалом українці перейняли від Золотої Орди не так багато слів. Головним чином тюркська лексика тоді вплинула на мову Русі Московської, що васально підлягала Золотій Орді аж два з половиною століття [5, с. 576]. Ось що пише В. Русанівський про запозичену лексику післямонгольської доби: «Українсько-білоруські грамоти засвідчують порівняно мало запозичень з мов інших народів – тюркських, балтійських, молдавської, угорської, південнослов'янських. Це лексеми, що потрапили спершу в діалекти української і білоруської мови, а вже потім – у спільну літературну мову або в формовані літературні мови східнослов'янських народів. Серед тюркізмів слід відзначити *кактарь* «одиниця вимірювання ваги»..., *есакъ* «податок натурою»..., *орда* «середньовічна феодальна держава у тюркських і монгольських народів, а також територія цієї держави»..., *санжакъ* «губернатор у давній Туреччині»..., *тебенка* «шкіряна прикраса на кінському сидлі»...» [7, с. 59].

Не дуже численну групу запозичень зі східних мов фіксує й «Словник староукраїнської мови XIV – XV століть» [8]. У основній своїй масі це особові назви: *Аж-Герии, Аксакъ, Аксакъ-Темиръ, Али-Бег, Асанъ, Бекбулатъ, Бекгичъ, Берди, Билюрминъ, Бончак / Бончакъ, Боуздоуганъ, Бъешескоул / Бъешескоуль, Бъздыгъ, Каба, Караманъ, Команча, Команъ, Котлубуга, Курманъшикъ, Максакъ, Мамаи, Мендли-Кгерси, Мързе, Солтан, Табинъ, Темиръ, Хожжа-Мединъ*. Щодо загальних назв орієнтального походження, то в словнику зареєстровано такі, як: *есак, камка, кантарь, караиманъ, коуфтеръ, могорич, орда, очжа, тарканъ, тебенка, шаль, ярлыкъ*. Переважна більшість цих слів – тюркізми, хоча трапляються й лексеми арабського походження (*Асанъ, могорич, Солтан, Хожжа-Мединъ*), перського (*коуфтеръ, шаль*) або й навіть змішаного (тюрксько-арабського чи тюрксько-перського, наприклад: *Али-Бег* – від ар. alî «великий» і тюрк. beg «титул людини знатного походження»; *Бекбулатъ* – від тюрк. bek «пан» і перс. bulat «сталь, булат»).

У XV – XVIII століттях українці вступають у найрізноманітніші форми взаємин (воєнні, господарські, торгівельні) з Кримським ханством і Туреччиною. При такому активному контактуванні не міг не зазнати змін словниковий склад української мови. Орієнталізми, запозичені в цей період можна поділити на такі тематичні групи: назви, пов'язані зі **скотарством**: *чабан, отара, табун, аркан, торба, кабан, лоша, буланый, чалий, гайда* та ін.; із **городництвом**: *баштан, гарбуз, кавун, тютюн* і т. д.; зі **степовим життям**: *байрак, комиш, лиман, туман, беркут, сарана, бакай, гарба, куринь* і т. д.; із **військовою справою**: *кіш, табір, осавул, бунчук, чайка (човен), сагайдак* та ін.; назви на позначення **одягу**: *габа, кунтуш, кобеняк, шаровари, штани, очкур, сап'ян, чоботи, постолы, тасьма, серпанок* та ін.; назви, пов'язані з **торгівлею, промислом, побутом** та ін.: *чумак, аршин, могорич, майдан, чавун, казан, килим, тапчан, кав'яр, кава, кобза, люлька, гайдамака, харциз, канчук, кайдани, чума* і т. д. Безпосередньо запозичалися й тюркські слова, що відображали суспільне життя Туреччини, татар Криму, інших тюркських етнічних осередків: *хан,*

султан, візир, диван, чалма, калим, мечеть, намаз, ясир. Серед них чимало арабізмів і персизмів, які сприймалися й засвоювалися як властиво тюркські слова.

Особливо вплив східної лексики зріс із розвитком козацтва й чумацтва. Недаремно деякі вчені говорять навіть про двомовність серед козаків. Так, наприклад, Н. Яковенко у своїй праці «Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття» пише: «Що ж до мови, то українсько-татарська двомовність серед козацтва є досить поширеним явищем і в набагато пізніші часи, тож немає сумніву, що вона побутувала тоді, коли тюркський компонент населення прикордонних замків був доволі виразний. Запозичення ж козаками-слов'янами побутових деталей від своїх татарських колег переконливо фіксується і в їхньому зовнішньому вигляді, і в заміні назв для буденних широковживаних понять. Руський меч був замінений на криву татарську шаблю, руські гуслі – на кобзу, порти – на шаровари, довге слов'янське волосся – на оселедець. Своїх молодих слуг вони стали називати вже не отроками, а джурами, свої гурти не дружинами, а ватагами; до військової атрибутики увійшли тюркські поняття осавул, булава, бунчук, барабан, сурма, табір, майдан тощо. Тож не дивно, що турки іменували запорожців буткалами, себто змішаним народом» [10, с. 120].

Помітного впливу з боку Криму й Туреччини зазнав також український ономастикон. Багато козацьких прізвищ (за реєстрами XVII – XVIII століть) – тюркського походження: *Балабан, Мурза, Кочубей, Кутлубей, Шингерій* тощо [2, с. 747-748]. Значна кількість тюркізмів спостерігається й у гідронімії України: *Бакшала, Громоклія, Інгул, Кагарлик, Сугоклія, Ташлик, Чичиклія, Чортала, Яланець, Аджалик, Аталикова, Базавлук, Гайчул, Євсуг, Єрик, Ірклій, Кагамлик, Карачокрак, Коломак, Ташань, Тилігул, Узень, Ягорлик, Янчул, Янчокрак* та ін. [6, с. 139-142].

У XVIII – XIX століттях запозичення в українську мову потрапляли, як правило, за посередництвом російської мови, оскільки Україна, як і Крим, утратила рештки незалежності й увійшла до складу Росії. Так, серед орієнталізмів, які увійшли до української мови через російську можна назвати такі: *азарт, алхімія, альков, амбра, арик, артіль, арсенал, балаган, башка, бензин, бешмет, булат, бура, буран, бурда, бурундук, гамаша, гудрон, жерсть, караван, курага, лафа, магазей, мішура, набат, нашатир, паранджа, сироп* ін.

Загалом в українській мові налічується (за даними енциклопедії «Українська мова») близько чотирьох тисяч тюркізмів (без урахування власних назв). Понад половина з них – загальноновживані. Решта – історизми (*башлик, бунчук, дура, канчук, опанча, осавул, сагайдак, ясир*), діалектизми (*байлик* «безплатна примусова робота», *бичак* «ніж», *гарам* «худоба», *кавук* «мішок»), або вживаються в ролі екзотизмів для опису власне тюркського побуту (*бай, гарем, мурза, султан, хан*). Група екзотизмів є практично відкритою й постійно поповнюється [1, с. 695].

Отже, можна зробити висновок, що українсько-орієнтальні мовні контакти сягають ще часів ранньої східнослов'янської доби, коли степи Північного Причорномор'я контролювалися тюркомовними кочовими племінними об'єднаннями аварів, болгарів, хозарів, яких витіснили печеніги, що у свою чергу поступилися кипчакам-куманам-половцям, а останні золотоординцям і кримським татарам. Орієнтальні запозичення входили в українську мову з неоднаковою інтенсивністю. Найбільше їх потрапило на український мовний ґрунт у XV-XVIII століттях. Переважно це були тюркізми, хоча за їхнім посередництвом запозичалися також арабізми й персизми. І якщо тюркські запозичення досліджувалися досить активно,

то цього не можна сказати про лексику арабського походження. Тому в перспективі наших досліджень – з'ясувати, наскільки великою є частка арабських запозичень в українській мові, якими шляхами вони найчастіше проникали на український мовний ґрунт, які сфери життя найбільше збагатили.

Список літератури

1. Гаркавець О. М. Тюркізм / О. М. Гаркавець // Українська мова: Енциклопедія. – К.: «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 694-695.
2. Гаркавець О. М. Українсько-тюркські мовні контакти / О. М. Гаркавець // Українська мова: Енциклопедія. – К.: Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 747-748.
3. Етимологічний словник української мови: [у 7 т.] / [За ред. О. С. Мельничука]. – К.: Наукова думка, 1982 – 2006. – Т. 1-5.
4. Ковалів П. Лексичний фонд літературної мови Київського періоду X – XIV століть. Запозичення / П. Ковалів. – Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 1964. – Т. II. – 329 с.
5. Кримський А. Ю. Тюрки, їх мови та літератури / А. Ю. Кримський // Твори. – Т. 4. – Сходознавство. – К., 1974. – С. 449-583.
6. Масенко Л. Т. З гідронімії тюркського походження басейну Південного Бугу / Л. Т. Масенко // Структурні рівні мови і методи їх дослідження. – К.: Наук. думка, 1972. – С. 139-142.
7. Русанівський В. Історія української літературної мови / В. Русанівський. – К.: АРТЕк, 2001. – 391 с.
8. Словник староукраїнської мови XIV-XV століть: [у 2-х т.] / [За ред. Л. Л. Гумецької]. – К.: Наук. думка, 1977 – 1978. – Т. 1-2.
9. Халимоненко Г. І. Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови. Ч. 2. Лексика вівчарства / Г. І. Халимоненко. – К.: Київський університет, 1995. – 75 с.
10. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. Яковенко. – К.: Генеза, 1997. – 312 с.

Данилюк Н. М. Ориєнталізми в українському мові // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.408-412.

Целью данной статьи является попытка выяснить, как ориентальные народы, которые заселяли (заселяют) Украину, и их языки повлияли на украинский лексический фонд, определить, от кого и в какие периоды своего развития украинский язык почерпнул наибольшее количество ориентализмов.

Ключевые слова: *авары, болгары, угры, печенегы, половцы, татары, языковые контакты, ориентализмы.*

Danyliuk N. Oriental Borrowings in Ukrainian Language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.408-412.

The aim of the article is attempt to explain how the Oriental people which occupied and still occupy Ukraine, and their languages, influenced the Ukrainian lexis; to determine from whom and in what periods of the development of the Ukrainian language it adopted a majority of its Oriental borrowings.

Key words: *Avars, Bulgars, Pechenegs, Cumans, Tatars, language contacts, Oriental borrowings.*

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.161.2:811.161.2-32К1/7.08

МОВНІ ОСОБЛИВОСТІ РАНИХ ОПОВІДАНЬ М. КОЦЮБИНСЬКОГО (ЗА МАТЕРІАЛАМИ РУКОПИСНОЇ СПАДЩИНИ)

Коваленко Б.О.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

У статті розглядаються мовні особливості раних, неопублікованих за життя письменника, оповідань "21 грудня, на введеніє" та "Дядько та тітка". Матеріалом для дослідження стали автографи творів, що дозволило значно розширити перелік мовних особливостей ідіостилю письменника, поданого у "Курсі історії української літературної мови".

Ключові слова: *М. Коцюбинський, діалектизм, мовні риси, діалектні риси, подільський говір.*

Мовотворчість М. Коцюбинського є вершиною української прози кінця ХІХ – початку ХХ ст., “видатним явищем у розвитку української літературної мови в цілому, що підняла її на вищий ступінь якості, розширила її структурно-стилістичні і конкретні художні та науково-публіцистичні засоби виразу в галузі лексики, фразеології, синтаксису” [2, с. 519]. Значною була і роль письменника в розвитку української лінгвістики. Міркування про українську мову він виклав у літературно-критичних і публіцистичних працях, листах, у яких обстоював вільне, різностильове функціонування її, критикував помилкові, консервативні погляди на українську мову, окреслив джерела та шляхи збагачення її, висловив слушні міркування з питань лінгвостилістики, правопису тощо.

Актуальність. Мова творів письменника не перестає бути предметом різнопланових наукових праць і до сьогодні. На особливу увагу заслуговують дослідження, спрямовані на комплексний аналіз прози М. Коцюбинського, в яких розглянуто лексику різних шарів суспільства, мовностилістичні засоби, роль синтаксичних конструкцій, стилістичну морфологію та стилістичну фонетику його творів (Н. М. Бажан, М. М. Богдан, В. П. Дроздовський, Л. Д. Іванов, В. С. Калашник, Д. М. Колесник, В. І. Масальський, Л. І. Мацько, Н. С. Над'ярних, Д. Т. Кроть, С. Д. Єрмакова, О. Є. Пивоварова, О. А. Скоропада); стосунки та взаємозв'язки синоніміки народно-розмовної лексики, вживання діалектних елементів, особливостей фразеології та метафоризації лексем (М. М. Богдан, М. С. Грицюта, О. Г. Давидова, Л. Д. Іванов, В. А. Луценко, Т. П. Матвєєва, І. Й. Ощипко, Л. С. Паламарчук); мовні особливості окремих творів письменника (Л. Д. Іванов, Л. І. Мацько, П. П. Плющ).

Зауважимо, що наприкінці ХІХ ст. у багатьох прозаїків перші твори належали до “літератури для народу” і мали бути зразками просвітительського реалізму з

дидактичною настановою. До таких належать і ранні, не опубліковані за життя письменника, твори: “21 грудня, на введеніє” і “Дядько та тітка”.

Хронологічно оповідання “21 грудня, на введеніє” вважається другим твором М. Коцюбинського з його ранніх спроб. Орієнтовною датою написання вважають 1885 рік, оскільки автограф твору міститься в одному зшитку з автографом оповідання “Дядько та тітка”, в якому стоїть дата: “4 лютого 1886 року”. Свідченням того, що автор планував друкувати свої твори є особливий правопис, яким написані ці оповідання – ярижка, офіційний правопис, що був запроваджений у російській Україні після Ємського указу (1876). Передові українські письменники користувалися ним лише в творах, призначених для друкування у царській Росії.

Ранні твори письменника, на думку В. І. Масальського, за манерою письма, мовним стилем дуже близькі до зразків реалістичної прози І.С. Нечуя-Левицького, ще більше – П. Мирного [5, с.8]. Сам М. Коцюбинський про це пише в листі з 22-го липня 1896 року Панасові Мирному: “Ваші твори мали великий вплив на мене. Окрім величезного літературного хисту, який зразу зачарував мене, я бачив в них широкий та вільний розмах думок – власне те, чого не стає мало не всім нашим белетристам... Я читав і перечитував ваші романи, упивався ними...”.

Мета статті – з’ясування мовних особливостей ранніх оповідань М. Коцюбинського “21 грудня, на введеніє” й “Дядько та тітка”, виявлення того, якою мірою відбилися говіркові явища в цих оповіданнях. Матеріалом обрано автографи (р-2, р-3), які зберігаються у відділі рукописів Чернігівського літературно-меморіального музею-заповідника Михайла Коцюбинського.

Ми обрали за матеріал дослідження автографи тому, що схилиємося до думки П. Ю. Гриценка, який зауважує: “Необхідність спиратися у лінгвістичних студіях на історію тексту залишається актуальною під час вивчення ідіолекту письменника, особливостей мови його творів” [3, с.20], а “некритичний вибір варіанта тексту для вивчення мови художнього твору, ідіолекту письменника як цілості чи для укладання словника мови його творів, призводить до прорахунків дослідників” [3, с.20]. Так, у працях дослідників мовотворчості М. Коцюбинського, аналіз яких ґрунтується на текстах різних років видання, натрапляємо на протилежні думки. Зокрема, К. П. Дорошенко зауважував, що “мова ранніх творів письменника рясніє діалектизмами” [4, с.8], а І. К. Білодід, прагнучи створити мовний портрет письменника у контексті історії української літературної мови, вивчав мову його творів за виданням 1950-го року і зазначав таке: “Безперечно, в мові ранніх оповідань письменника діалектизмів більше, ніж у пізніших творах... Проте вони не “ряснюють” у мові оповідань і цього, раннього періоду” [2, с. 523]. Підкреслюючи, що “мова М. Коцюбинського як своїм словниковим складом, так і граматичною будовою цілком входить у норми сучасної української літературної мови”, вчений все ж таки виділяє деякі риси, що “становлять особливість мови письменника і свідчать про наявну в той час неунормованість літературної мови в певних галузях” [2, с. 549].

Рукописи М. Коцюбинського та прижиттєві видання його творів уповноважують на розширення переліку мовних особливостей поданого у “Курсі історії української літературної мови”. Так, обмежившись рукописами лише двох невеличких за обсягом оповідань фіксуємо низку рис, які маркують ідіостиль письменника.

I. На фонетичному рівні:

1. Ненормативне вживання наголошених і ненаголошених голосних, а саме:
а) часте змішування [е] та [и]: написання на місці [и] літери е – *жевіт**, *прєбігла*, *зберайтеся*, *нісенітнецю*, *седить*, *крєслаті*, *кешеню*, *нібе* (ніби), *роз'ятрете*, *прелізе* і, навпаки, написання на місці [е] літери и – *христючысь* (хрестячись), *повинен*; б) вживання [е] на місці [о]: *черныльна* (душа); в) вживання [и] на початку слів *инак*, *иншу*, *исторія* та похідних від них; г) вживання [и] на місці [і], наприклад: *унтер-офыцєрський*, *гыллястый*, *гылля*; д) вживання [і] на місці [и], наприклад: *зимоваты*, *горить*, *комин*; е) вживання [і] на місці [е] – *каменем*; є) в окремих словах деяких південно-західних говорів замість [і] (<ѣ) можуть виступати й інші звуки. Так, [і] внаслідок асиміляції до [у] в наступному складі може переходити в [у], що спостерігається, наприклад, у слові *цілувати*: *обцілюю*, *поцілюнкамы*; ж) вживання [о] на місці [і], наприклад: *смород*; з) вживання [о] на місці давнього етимологічного [а] у словах *горячий*, *хозяйка* тощо; і) вживання [о] на місці [е], наприклад: *смордючим*.

2. Збереження м'якості шиплячих та африкат. В оповіданнях, хоч і не послідовно, шиплячі та африката [ч] зберігають свою давню м'якість (лише в кінці слів): *хочь*, *бачышь*, *помрешь*, *хочешь*, *перечытуешь*, *второпаешь*, *вдіешь*, *згадаешь*, *ковтнешь*, *будешь*, *думаешь*.

3. Вживання [ф] замість [кв] у слові *фасоля*.

4. Досить помітним явищем є випадіння звука або групи звуків у дієслові *хотіти*, у середині присудкового слова *треба*, у частці *нехай* (синкопа): *тра*, *най*, *хтилось*.

4. Уподібнення приголосних: *роскишний*, *рєсходитєся*, *рєстрєпаннєм*, *звєтки*, *заквичана*, *звєтцьє*.

5. Характерною ознакою подільського говору є стверділий кінцевий [т'] у дієсловах 3-ої особи однини і множини теперішнього часу і 2-ої особи множини наказового способу: *пустит*, *знают*, *мают*, *пошлит*, *зелєніют*, *обстєпают* тощо. В оповіданнях, хоч і не послідовно, але кінцевий [т'] зазнає ствердіння.

6. Найбільшу кількість фонетичних варіантів в українських діалектах має числівник *один*. Форми числівників називного-знахідного відмінків однини чоловічого роду з кореневим е, а не и органічно витворились із старовинних форм з кореневим ь (*одєн*, *едєн*, *ідєн* < *одьнъ*, *едьнъ*). Форми цього числівника з початковим є та його рефлексом ї (*єдь-*>*їд-*) поширені в багатьох південно-західних говорах, зокрема у подільсько-волинських говорах: *їдєн*. Зберігає цю ж форму й М. Коцюбинський у своєму оповіданні: *ідєн*.

7. Рядом варіантів представлений у діалектах числівник *чотири*: у південно-західних, зокрема в подільсько-волинських: *штири*, *штирі*; порівняймо в оповіданні: *штыре*, за *штырѣх*.

8. Вставні приголосні [л], [н] після губних, наприклад: "...на голови чорный *мнякїй* капелюх"; "У дядька *мнягка*, тепла, прывитна душа" (р-3).

* Тут і далі приклади подаємо за: р-2 – "21 грудня, на введеніє" та р-3 – "Дядько та тітка". Автографи.

9. В оповіданнях, хоча й не послідовно, приголосні, в іменниках середнього роду II відміни, у позиції після голосних перед давнім закінченням **-ьје** не подовжуються, наприклад: *иматя, оповіданя, йменя, весиля, волося* тощо.

10. В оповіданні “21 грудня...” лише раз замість африкати [ч] у частці *хоча* вживається африката [ц’]: *хоць*.

11. Палаталізація [н] перед шиплячими та суфіксами **-ств-**, **-ськ-**, а також у слові *кінцями*, наприклад: *меньчый, паньськым, з дьтыньства, киньцямы*.

12. Етимологічне [т’с’а] М. Коцюбинський передає буквосполученням **-тся, -тсья** або **-тця**: *гріється, хочеться, поряється, родяться, дьвытьсья, сварытця*.

II. На морфологічному рівні:

1. Широке використання словоформ з [і]: а) у флексіях О. від. прикметників тв. групи (*струнким* стеблом, *важким* каменем, *горячимы* поцюлонкамы, *невельким* ставком (р-3); б) у кінці прислівників *трохи, пишки* (р-3); в) у закінченні **-ій** замість **-ий** у Н.від. прикметників та займенників, прикметникового походження (*другий, якій, мняккій, людськкій, жовтогарячій, такій*); г) у Н.від. множини прикметників тв. групи (*рябенькымы, бильмы*); д) у флексіях Н.від. множини іменників (два *рядки*, чымчыкують *ноги, садки* поламалысь, добрыдень, *парубки*).

2. Водночас помітним є зворотний процес – використання словоформ з [и] замість [і] а) у М.від. прикметників М. Коцюбинський замість флексії **-ій** використовує закінчення **-ий**: на *ливый* щоци; б) у Н.від. множини дієприкметників трапляється закінчення **-и** замість **-і**: *зморщены, зібраны, захлялы* собаки.

3. У ранніх оповіданнях М. Коцюбинського дієслівні форми 1-ої особи однини теперішнього часу дієслів II дієвідміни подано без чергування [д], [т], [з], [с] з відповідними шиплячими, наприклад: *пидходю*”. У цих же творах письменника натрапляємо на форми типу *хожу, сижу*, де чергування відбулося, але фонема [дж] заступається фонемою [ж], що характерно для полтавських, південнокиївських і середньочеркаських говірок.

4. Форма О. від. однини іменників на **-ом (-ём, -ем)**: *щастём, спокоєм*.

5. Вживання закінчення **-ів** замість нульової флексії у формах Р.від. множини іменників жіночого роду I відміни – *бабив*.

6. Послідовно в оповіданнях М. Коцюбинський вживає закінчення **-е** у слові *люди*: *люде*.

7. Вживання прикметниково-прислівникового суфікса **-іщ-** та **-ч-** для вираження вищого та найвищого ступенів порівняння замість суфікса **-іш-**, наприклад: *голоснице, теплице, добрищає, меньчый*.

III. На лексичному рівні:

1. Вживання слів, які на сучасному етапі сприймаються як русизми: *почтовый* (поштовий), *город* (місто), *выноватый* (винний), *прежни* (попередні), *содержувати* (утримувати), *позавыдовати* (позаздрити).

2. Серед лексичних регіоналізмів автора можна відзначити такі: *бында* (стрічка), *кляснути* (плескати), *заким* (поки), *муштарда* (особливим способом приготвлена гірчиця), *най* (нехай), *збижжена* (збідована), *квадранець* (чверть години).

Висновок. Отже, вивчення мови творів за рукописною спадщиною дозволяє розширити перелік мовних особливостей поданого у “Курсі історії української літературної мови”. Так, обмежившись рукописами лише двох невеличких за обсягом оповідань, фіксуємо низку рис, які маркують ідіостиль письменника: ненормативне вживання наголошених/ненаголошених голосних, написання слів за фонетичним

принципом, уживання стверділого кінцевого [т'] у дієсловах 3-ої особи однини та множини теперішнього часу й 2-ої особи множини наказового способу, в іменниках середнього роду II відміни не подовжуються приголосні, у позиції після голосних перед давнім закінченням -ьє, вживання закінчення -е у слові *люди*, вживання прикметниково-прислівникового суфікса -іщ- та -ч- для вираження вищого та найвищого ступенів порівняння тощо. Мова автора та мовлення персонажів аналізованих оповідань відбиває ряд діалектних рис південно-західного наріччя. Як засвідчує фактичний матеріал, мова оповідань унормована: з одного боку, у ній відображені індивідуальні творчі здобутки попередніх письменників, а з другого – поєднання особливостей подільського говору, який був рідним для М. Коцюбинського.

Список літератури

1. Бевзенко С. П. Українська діалектологія / С. П. Бевзенко. – К.: Вища шк., 1980. – 246 с.
2. Білодід І. К. Мова творів М. Коцюбинського // Курс історії української літературної мови / [За ред. І. К. Білодіда]. – Т. 1: Дожовтневий період. – К., 1958. – 596 с.
3. Грищенко П. Ю. Ідіолект і текст / П. Ю. Грищенко // Лінгвостилістика: об'єкт – стиль, мета – оцінка: Збірник наукових праць, присвячений 70-річчю від дня народження проф. С. Я. Єрмоленко / [відп. ред. Академік НАН України В. Г. Складенко]. – К., 2007. – С. 16-43.
4. Дорошенко К. П. Мова і стиль повісті «Фата моргана» М. Коцюбинського / К. П. Дорошенко. – К., 1951. – 48 с.
5. Масальський В. І. Мова і стиль творів М. Коцюбинського / В. І. Масальський. – К.: Радянська школа, 1965. – 126 с.

Коваленко Б.А. Речевые особенности ранних произведений М. Коцюбинского (по материалам рукописного наследия) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.413-417.

В статье рассматриваются речевые особенности ранних, неопубликованных при жизни писателя, рассказов “21 декабря, на введение” и “Дядька и тетя”. Материалом для исследований послужили автографы произведений, что позволило расширить список речевых особенностей идиостиля писателя, поданного в “Курсе истории украинского литературного языка”.

Ключевые слова: *М. Коцюбинский, диалектизм, черты речи, диалектные черты, подольский говор.*

Kovalenko B. Linguistic features of early stories by M. Kots'ubynskiy (according to the materials of autograph heritage) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.413-417.

In the article the language features of early not published within the authors life time stories such as “21 Hrudn'a, na vvedeniye” and “D'ad'ko ta titka” are analyzed. The material, which was used for the research, were the autographs of the texts, which provided a possibility to make wider the list of language features of writer's style, which is specified in the “Course of Ukrainian literary language”.

Key words: *M.Kots'ubynskiy, dialect unit, language features, dialect features, Podillian dialect.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 811.161. 2' 373.4 :82-94

ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ КОМІЧНОГО В МОВІ УКРАЇНСЬКОГО ЖУРНАЛУ «ПЕРЕЦЬ» (ОМОНІМИ, АНТОНІМИ, СИНОНІМИ)

Кузьмич О.Я.

Волинський національний університет імені Лесі Українки, м. Луцьк, Україна

У статті йдеться про лексичні засоби комізму в мові українського журналу «Перець». Аналізуються приклади комічного використання омонімів, антонімів, синонімів. Називаються семантичні групи омонімів і контекстуальне вживання антонімів і синонімів як засобів комічного.

Ключові слова: *лексичні засоби гумору, омоніми, антоніми, синоніми, контекстуальне вживання.*

Лексичний склад мови не становить механічної сукупності слів, а являє собою певну систему, елементи якої співвідносні і взаємозв'язані, підпорядковані внутрішнім закономірностям цієї системи. Слово кожної мови досліджується не тільки з погляду його морфологічної структури, словотвірних та граматичних властивостей, а, в першу чергу, воно цікаве з погляду свого реального, або лексичного, значення (прямого чи переносного), експресивно-стильових та інших мовних властивостей [7, с. 7]. Останні мають здатність надавати слову комічного ефекту. Лексика української мови має значні можливості для того, щоб певне слово стало засобом вираження комічного.

Лінгвістичні дослідження комічного у сфері мови проводили такі лінгвісти, як Т. О. Буйницька [1], П. Плющ [3], С. І. Походня [5], Б. Г. Пришва [6], О.Б. Шонь [8], О. А. Шумейко [9], А. А. Щербина [10] та інші дослідники. Але, незважаючи на значну кількість наукових праць, які стосуються лінгвістичних засобів комічного, проблема мовних засобів творення комічного в ЗМІ й досі залишається поза увагою лінгвістів, хоча саме в них дуже виразно виявляється їх потенціал. Мовні засоби комічного, зокрема омоніми, антоніми, синоніми, знаходять найбільш широке вираження у лексичній сфері ЗМІ, зокрема у мові українського гумористичного журналу «Перець». Дослідження лексичних засобів комічного, вжитих у цьому журналі, залишається *актуальним* через повну невисвітленість вказаної проблеми і різне сприймання феномену комічного [2, с. 388].

Мета написання дослідження полягає в аналізі лексичних засобів творення комічного у мові українського гумористичного журналу «Перець».

Завдання роботи: 1) дослідити вживання антонімів в мові аналізованого журналу; 2) охарактеризувати використання в журналі омонімів, 3) вивчити вживання синонімів.

Омоніми – слова, що мають однаковий звуковий склад, але відмінні значенням. Хоча переважна частина омонімів виражає нейтральне значення, вони займають значне місце серед лексичних засобів комізму в аналізованому журналі, адже наділені значним виражальним потенціалом зображення словесної гри, матеріал для створення дотепів і каламбурів [4, с. 50]. У мові «Перця» вони широко вжиті для створення дотепів і каламбурів, бо, в першу чергу, майстрів слова приваблює суперечність між формою і змістом, різниці між звучанням і значенням.

У журналі «Перець» широко вживані омоніми, які створюють комічний ефект. Тут, крім повних омонімів, використовуються різні за значенням омонімічні групи: омоформи, омофони, омографи.

Повні омоніми для створення комічного ефекту виражаються тут за допомогою:

1. однієї частини мови:

іменника:

Складається враження, що новий клас зароджується з тих, хто не дотягнув і до н'ятого класу (М. Левицький, 1993, № 9, с. 1).

дієслова:

Його хотіли з крісла вижити, / Не той був зав – спромігся вижити! (Г. Гарченко, 1991, № 11, с. 4);

У мові журналу вживаються і такі різновиди омонімів, як омоформи:

1. однієї частини мови, зокрема дієслова:

Голова колгосп доїв, поки зовсім не доїв (Флоріан Вишкварка, 1993, №8, с.1).

2) різних частин мови:

У клубі всюди гасла, гасла, / А культробота – гасла, гасла (Г. Гарченко 1991, №11, с. 4); *Щоб перед законом були всі рівні, він і сам повинен бути на рівні* (М. Левицький, 1992, № 2, с. 3).

Омофони як слова, подібні за вимовою слова, проте різні графічно, теж знаходять у мові журналу своє місце:

Не бачимо з них користі й на гріш ми, – / Та як уміють розкидатись грішми (Г. Гарченко, 1991, № 11, с. 4); *Коли створив Господь Адама, він зразу запитав: «А дама?»* (Я. Штаудінгер, 1993, № 12, с. 12).

Антоніми посідають помітне місце серед виражальних засобів мови. Вони ж відіграють і значну стилістичну роль через можливість створювати контрастну характеристику образів, понять, предметів і явищ. Часто з допомогою антонімів можна передати крайні вияви людського буття. Логічну основу антонімії складають несумісні поняття зі спільною родовою ознакою, видові ознаки яких виключаються. Антоніми входять до списку стилістичних засобів і через їх внутрішній значеннєвий потенціал, і завдяки тому, що антонімічні контрасти досить динамічні, рухомі. Це уможлиблює не лише їх узвичасне вживання за наперед визначеним словесним зразком, а й створює передумову для індивідуального використання мовцем. Антоніми як засіб комічного можуть стосуватися внутрішнього світу людини: *На свій оптимізм дивився з песимізмом* (М. Левицький, 1991, № 8, с. 11).

Уживаючись у функції зіставлення, слова, що вказують на протилежні значеннєві стосунки, дозволяють порівнювати не тільки різні реалії, а й ознаки:

– *Тату, – каже вісімнадцятилітній син своєму батькові, – ти все думаєш, що я надто молодий, щоб водити наш автомобіль?*

– *Ні, синку, ти не надто **молодий**. Це наш автомобіль надто **старий**, щоб довірити його тобі* (1993, № 9, с. 11).

Ознака з семантикою комізму може мати й протиставний характер:

*У поліклініці: «**Одноразовим** шприцам – **масове** застосування!»* (1992, № 4, с. 7).

Вираження антонімічної ознаки може виступати й у формі прислівника: *Жити було б набагато **краще**, коли б ми не знали, як **погано** живемо* (О. Перлюк, 1993, №7, с.1). Антоніми-прислівники, які поповнили розряд прийменників, комічно відтворюють і локативне значення: *Щоб гості не куняли в новорічну ніч перед телевизором, просадіть їх не **попереду**, а **позаду** телевізора* (1992, № 1, с. 5).

Антонімічні протиставлення закладені у всіх повнозначних частинах мови. Проте як засіб мовного комізму у журналі найчастіше вживаються головні частини мови – іменник і дієслово.

У мовній канві журналу трапляються антоніми, виражені іменниками як української, так і іншої мови: ***Правила** не існують для тих, хто живе за **винятками*** (О. Сеїн, 1992, № 2, с. 10); ***Драма** чоловіків починається, коли дружина перед ним ламає **комедію*** (Я. Гросс, 19913, № 12, с.12).

Дієслівні антоніми дозволяють зіставити різні дії: ***Василь**, чекаючи вироку, сидів, як на жаринах. і нещадно знущався зі своєї кепки: **м'яв**, **розгладжував**, **натягував** на коліно, **ламав** козирок* (Г. Шиян, 1992. № 2, с. 5).

Цікавим прикладом антонімів, вжитих для забезпечення комічного ефекту, можна вважати використання займенників «всі» і «кожен»: *Як відняти **всіх**, щоб додати **кожному**?* (Х. Ягодзинський, 1993, № 12, с. 12).

Оцінюючи вживання антонімів як лексичного засобу творення комічного, бачимо, що з їх допомогою виражено контрастні смислові стосунки. Особливо це помітно під час вживання контекстуальних антонімів: *І я виступав би за **соціалізм**, якби мав можливість їздити в **канкраїни**!* (О. Перлюк, 1992, № 2, с.7).

Не менш виразним у мові журналу виявляється вживання синонімів. Їх добір свідчить про добре мовне чуття, гнучкість у використанні мовного арсеналу, який покликаний передати зміст подібного поняття зі стилістичною настановою. З частиномовного погляду найколеритнішим тут виявляється дієслово: ***Здолав** десяток різних мов, а от своєї не **зборов*** (Д. Солодкий, 1993, № 10, с. 3).

Особливий комічний ефект досягається нагромадженням синонімів: *Найсвітліші керівні уми районного масштабу **мізкували**, як би трудівників села за звитьяжну працю мобілізувати. І такі **придумали**. **Змикитили**, що в умовах суцільного дефіциту за можливість придбати щось таке за власні гроші люди кістками лягатимуть* (М. Дорошук, 1992, с. 4); *Машинами, підводами, велосипедами й пішки селяни **йдуть**, **трюхикають** і **тьопають** до районного містечка* (В. Вовчик, 1992, № 1, с. 5).

Синоніми можуть бути і контекстуально вживаними: *Одні депутати щось відстоюють, інші – відсиджують* (М. Левицький, 1993, № 8, с.1). Контекстом зумовлена схожість дій. У виразі: *Жінки люблять гумористів, зустрічаються з ліриками, виходять заміж за прозаїків* (О. Гаца, 1992, № 4, с.3) – контекстуальними синонімами можна вважати назви людей з різними напрямками письменницької діяльності. Контекстуальні антоніми навіть через іменникову форму можуть показувати причинно-наслідкові зв'язки: *З великим нетерпінням шанувальники гумору чекають на вихід чергової збірки поета-лірика М. Зяма. Свою любов до його поезії пояснюють тим, що на його вірші гумористи пишуть дуже дотепні пародії* (1992, № 2, с. 5).

Нагромадження контекстуальних синонімів також відноситься до дієвих засобів вияву комізму, який стає виразнішим після почутої відповіді на першу репліку:

– *Гадаєте, якщо я провінціалка, то згоджуся жити у цій маленькій, тісній і незатишній кімнатці? Ні за що!*

1. *Заспокойтеся, мадам, адже це лише ліфт...* (1992, № 3, с.11)

Висновки. Лексика української мови наділена величезним значеннєвим потенціалом, який покликаний бути засобом вираження комізму. Лексичні засоби комічного широко функціонують у засобах ЗМІ. Значний арсенал цих засобів, зокрема омоніми, антоніми, синоніми, представлений у мові українського гумористичного журналу «Перець». У ньому наявні випадки різних значеннєвих груп омонімів, а й наводяться переконливі приклади контекстуального використання антонімів і синонімів.

Список літератури

1. Буйницька Т. О. Мовностилістичні засоби вираження іронії у публіцистиці Г. Канта / Т. О. Буйницька // Іноземна філологія: Вип. 84. – Львів, 1986. – С. 72-79.
2. Мацько Л. І. Стилістика української мови: Підручник / Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько; За ред. О. М. Мацько. – К.: Вища школа, 2003. – 463 с.
3. Плющ П. П. Мовні засоби гумору в „Енеїді” І. Котляревського / П.П.Плющ. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1959. – 68 с.
4. Пономарів О. Д. Стилістика сучасної української мови / О. Д. Пономарів. – К.: Либідь, 1993. – 248 с.
5. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. – К.: Наукова думка, 1989. – 128 с.
6. Пришва Б. Г. Засоби гумору в творах Остапа Вишні. Лінгвостилістичний аналіз / Б. Г. Пришва. – К.: Вища школа, 1977. – 118 с.
7. Сучасна українська мова: Лексика і фразеологія. – К.: Наук. думка, 1973. – 440 с.
8. Шонь О. Б. Мовностилістичні засоби реалізації гумору, іронії і сатири в американських коротких оповіданнях: дис. ... канд. філол. наук. / О.Б. Шонь. – Л., 2003. – 225 с.
9. Шумейко О. А. Мовні засоби творення комічного в сучасній українській поезії (на матеріалі творів другої половини ХХ століття): дис... канд. філол. наук: 10.02. 01 / Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна / О.А. Шумейко. – Х., 2001. – 198 арк.: 168-194.
10. Щербина А. А. Про іронічний ефект і методи його вивчення / А. А. Щербина // Питання граматики і лексикології української мови. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – С. 60-69.

Кузьмич Е.Я. **Лексические средства комического в языке украинского журнала «Перець» (омонимы, антонимы, синонимы)** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.422-422.

В статье идет речь о лексических средствах комизма в языке украинского журнала «Перець». Анализируются примеры комического использования омонимов, антонимов и синонимов. Называются семантические группы омонимов и контекстуальное использование антонимов и синонимов как средств комизма.

Ключевые слова: лексические средства юмора, омонимы, синонимы, антонимы, контекстуальное использование.

*Kuzmich O. **Lexical means of humor in the language of ukrainian magazin «Perets» (homonyms, antonyms, synonyms)** // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.417-422.*

The article deals with the lexical means of humor in the language of Ukrainian magazine «Perets». The examples of comic explanation of homonyms, antonyms, synonyms analyzed. Semantic groups of homonyms and contextual use of antonyms and synonyms as the means of humor are considered.

Key words: lexical means of humor, homonyms, antonyms, synonym, contextual use.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.2'373.611

СЛОВОВІРНЕ ГНІЗДО З ВЕРШИННИМ СОМАТИЗМОМ СЕРЦЕ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Левун Н.В., Степаненко О.К.

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ, Україна*

У статті здійснено послідовний аналіз словотвірних ланцюжків і парадигм, що формують структуру СГ з вершинним соматичним компонентом «серце», демонструючи словопороджувальний потенціал слова-вершини і його реалізацію в конкретних похідних одиницях.

Ключові слова: *дериват, парадигма, похідне слово, словотвірне гніздо, словотвірний ланцюжок, ступінь похідності.*

Глобальна мовна система характеризується тим, що в її межах не існує жодної ділянки, яка б не змінювалася, оскільки в природі кожного лінгвального елемента закладена нестатичність, динаміка. Якщо вести мову про словотворення, то воно на цьому тлі постає як досить динамічна й жива підсистема, яка має необмежені можливості постійного збагачення і розширення. Уже цей факт відрізняє словотворення від багатьох інших формалізованих мовних підсистем зі стабільною конфігурацією і превалюванням закритих рядів слів [7, с. 379]. Словотвір, як відомо, займається вивченням морфологічної структури слова крізь призму його номінативного призначення в мові. Завдання вияву особливостей і основних тенденцій розвитку словотвірної системи певної мови перебувають серед основних завдань сучасного мовознавства [12, с. 122].

Будучи створеним за допомогою різних словотворчих компонентів, похідне слово зі структурної точки зору виступає складною (діалектичною) мовною одиницею. Виявлення і правильна інтерпретація словотвірної структури деривата можливі лише на широкому тлі всієї його словотвірної «сім'ї» – серед споріднених (однокореневих) слів [1, с. 97]. У процесі «гніздового» вивчення дериватів (від твірного слова до похідного), як вважає А. Зверев, особлива дослідницька увага зосереджується на словотвірному потенціалі твірних слів (які одиниці утворюються від цієї базової основи, які відношення існують між членами гнізда, які відношення цих членів з вершинним словом). У дослідженнях, які базуються на цьому принципі, робиться аналіз відношень у мікросистемі «твірне – похідне», способів перетворення основи твірної одиниці в основу похідної. Такий («гніздовий») спосіб вивчення словотвірної системи, на думку вченого, обмежується, по суті, дослідженням формального аспекту зв'язків у парі «твірне – похідне», семантичний же план похідних сприймається як зарані заданий, а словотвірні значення не потрапляють в об'єкт дослідження [4, с. 10-11].

Однак інші лінгвісти у вивченні словотвірного гнізда (далі – СГ) вбачають значні лінгвістичні перспективи. Так, І. Улуханов констатує багатосторонність і різноманітність зв'язків між словами в СГ [15, с.21]. На думку Г. Василевич, здійснення комплексного вивчення СГ відкриває перед ученими можливості для виявлення ступеня продуктивності кореневих морфем, більш детального показу лінгвальних чинників, які взаємодіють у словотвірній структурі різних частин мови на різних етапах реалізації кореневою морфемою своїх словотвірних потенцій [1, с. 101]. Як вважає Н. Лесюк, дослідження у межах словотвірного гнізда дають можливість яскраво і повною мірою простежити: а) ієрархію зв'язків між членами гнізда; б) семантичні зв'язки між однокореновими словами; в) типи мотивації похідного; г) способи «організації» внутрішньої структури похідних слів; д) видозміни категоріальної семантики мотиватора (твірного слова) в семантиці мотиванта (похідного) [8, с. 213]. Основою для виділення СГ виступила здатність певного кореня (твірної основи) породжувати більшу, ніж одиниця, кількість дериватів. Дослідники визначають СГ по-різному. Ці дефініції можна звести до кількох типів: це, зокрема, 1) сукупність слів зі спільним коренем [15, с. 7; 13, с. 30; 3, с. 16]; 2) упорядкована відношеннями похідності сукупність однокоренових слів [9, с. 134; 13, с. 30; 16, с. 7]; 3) сукупність слів, упорядкованих відношеннями похідності (живими послідовними словотвірними зв'язками) і об'єднаних спільністю кореня [5, с. 573; 8, с. 213]; 4) сукупність усіх словотвірних ланцюжків з тим самим словом-вершиною (непохідним словом) [6, с. 144; 11, с. 565]; 5) єдність дериваційних рядів (словотвірних парадигм), які починаються тим самим непохідним словом, що знаходиться на нульовому такті [10, с. 29]; б) складна цілісна система, де впорядковуються взаємозв'язки і відношення між однокореновими словами [2, с. 5]. Остання дефініція перебуває в руслі концептуальних ідей дериватологів, які вважають, що системність словотворення забезпечується системністю СГ [13, с.36], оскільки, будучи комплексною одиницею словотвірної системи, СГ також являє собою мікросистему, елементи якої впорядковані на основі відношень структурно-семантичної мотивованості. Ми будемо кваліфікувати СГ як організовану єдність пов'язаних структурною і смисловою похідністю лексем, системний характер якої базується на таких магістральних ознаках, як: а) спільність кореня; б) похідність (існування живих словотвірних зв'язків); в) наявність слова-вершини (непохідної основи). СГ – система динамічна, оскільки в її межах простежуються процеси як переміщення деяких дериватів на периферію СГ або взагалі виходу за його межі, так і активного поповнення новими одиницями. Фактор динамічності гнізда впливає на активність/пасивність лексем, що входять до нього. Глибина СГ формується ступенем похідності. Ступінь похідності деривата залежить від кількості словотвірних актів, які лежать між ним і словом-вершиною, яке виступає головним складником СГ, задаючи йому формальні і смислові параметри [2, с. 5].

Мета статті – аналіз словотвірних ланцюжків і парадигм, що формують структуру СГ з вершинним соматичним компонентом «серце».

Деривати СГ з вершиною СЕРЦЕ розташовуються на трьох ступенях похідності. Перший ступінь складають три частиномовні зони (37 одиниць), з них а) іменники (17): суфіксальні (*серденько, сердега, сердека, сердяга, серденя, серцевина,*

сердечко), префіксально-суфіксальні (*передсердя, осердя*), композити (*односердя, серцеїд, серцебиття, серцевідець, серцезнавець, милосердя, простосердя, щиросердя*); б) прикметники (19): суфіксальні (*серцевий, сердешний, сердечний*), префіксально-суфіксальні (*навколосерцевий, підсерцевий, безсердечний, безсердий*), композити (*добросердечний, добросердний, добросердий, милосердий, фальшивосердний, простосердечний, простосердий щиросердечний, щиросердий, м'якосердий, серцеподібний, сердобольний*); в) дієслова (1): складно – суфіксальне *милосердствувати*.

За нашими підрахунками, II ступінь формують чотири частиномовні зони (31 одиниця), з них: а) іменники (14): суфіксальні (*серденятко, серцевинка, сердечник, сердечність, безсердечність, добросердечність, добросердність, добросердість, простосердість, простосердечність, щиросердечність, щиросердість*), композити (*серцеїдка, м'якосердя*); б) прикметники (6): усі суфіксальні (*сердешиненький, серцевинний, односердний, щиросердний, милосердний, простосердний*); в) прислівники (10): усі прислівники суфіксальні (*добросердно, простосердо, милосердо, безсердечно, сердечно, щиросердечно, простосердечно, добросердечно, щиросердо, сердобольно*); г) дієслова (1): суфіксально-постфіксальне *милосердитися*.

На III ступені визначаються дві частиномовні зони (8 одиниць), із них: а) іменники (3): усі суфіксальні (*простосердність, сердоболець, сердечниця*); б) прислівники (5): усі суфіксальні (*односердно, односердне, милосердно, простосердно, щиросердно*).

Найбільш численною словотвірною парадигмою (далі – СП) виступає, як і в більшості інших СГ, СП вершинного компонента. Вона нараховує 37 дериватів (див. I ступінь). На II ступені спостерігається різке збільшення кількості СП й одночасне скорочення числа дериватів, які їх формують. Тут, за нашими підрахунками, є двадцять СП. Десять із них дорівнюють словотвірним парам (твірні слова таких СП продукують лише один дериват): *сердобольний* → *сердобольно*; *м'якосердий* → *м'якосердя*; *щиросердя* → *щиросердний*; *серцеїд* → *серцеїдка*; *серденя* → *серденятко*; *простосердя* → *простосердний*; *милосердя* → *милосердний*; *добросердий* → *добросердість*, *сердешний* → *сердешиненький*, *односердя* → *односердний*. Дев'ять парадигм об'єднують по два деривати: *безсердечний* → *безсердечність* і *безсердечно*; *добросердечний* → *добросердечність* і *добросердечно*; *добросердний* → *добросердність* і *добросердно*; *милосердий* → *милосердо* і *милосердитися*, *простосердечний* → *простосердечність* і *простосердечно*. *простосердий* → *простосердість* і *простосердо*; *серцевина* → *серцевинка* і *серцевинний*; *щиросердечність* → *щиросердечність* і *щиросердечно*; *щиросердий* → *щиросердість* і *щиросердо*. В одній СП об'єднуються три похідних: *сердечний* → *сердечник*, *сердечність* і *сердечно*.

На III ступені виявлено чотири СП, які збігаються зі словотвірними парами: *милосердний* → *милосердно*; *сердечник* → *сердечниця*; *щиросердний* → *щиросердно*; *сердобольна* → *сердоболець*. Дві парадигми об'єднують по два деривати: *односердний* → *односердно* і *односердне*; *простосердний* → *простосердність* і *простосердно*.

В аналізованому СГ налічується 49 словотвірних ланцюжків (далі – СЛ), які включають від двох до трьох членів. У частиномовному плані превалюють структури змішаного типу: *серце* → *безсердечний* → *безсердечність*; *с.* → *сердешний* → *сердешенький*; *с.* → *добросердечний* → *добросердечність*; *с.* → *милосердя* → *милосердний* → *милосердно*; *с.* → *щиросердечний* → *щиросердечність*; *с.* → *сердобольний* → *сердобольно* → *сердоболець*. Рідше зустрічаються СЛ, сформовані зі слів різних частин мови (такі СП ілюструють міжчастиномовне словотворення): *с.* → *безсердечний* → *безсердечно*; *с.* → *добросердечний* → *добросердечно*; *с.* → *милосердий* → *милосердо*; *с.* → *простосердий* → *простосердо*; *с.* → *сердечний* → *сердечно*.

Ще рідше – СП, деривати якої належать до тієї ж, що і вершина, частини мови (внутрішньочастиномовне словотворення): *с.* → *серцевина* → *серцевинка*; *с.* → *серденя* → *серденятко*; *с.* → *серцеїд* → *серцеїдка*.

Висновки. Таким чином, у структурному плані СГ з вершинним соматизмом *серце* становить собою сукупність 76 дериватів, розміщених на трьох ступенях похідності, у парадигматичному плані організованих у 25 СП з різною кількістю (від одного до трьох) членів, а в синтагматичному – в 49 словотвірних ланцюжків, найдовші з яких (вони характеризують гніздо в плані його глибини) дорівнюють трьом дериватам.

Дослідження СГ становлять собою безперечно *перспективну* наукову діяльність в аспекті визначення дериваційної спроможності твірних слів, що мають специфічну номінативну спрямованість (соматизми), а також ілюструють словотвірну (структурну і смислову) ієрархію в конкретному СГ.

Список літератури

1. Василевич А. Я. Словотвірне гніздо кореня *дум-* у сучасній українській літературній мові / Г. Я. Василевич // Зап. держ. ун-т. Питання словотвору: Зб. наук. праць. – К.: Вища шк., 1979. – С. 96-101.
2. Дияк О. В. Структурно-семантична організація словотвірних гнізд із коренями на позначення металів: автореф. дис. на здобуття наук. степеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. В. Дияк. – К., 2006. – 21 с.
3. Егоров Г. Г. Значение производного слова и семантика словообразовательного гнезда / Г. Г. Егоров // Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Словообразовательные единицы – их семантика и взаимодействие. Сб. науч. тр; [Отв. ред. А. А. Горбачевский]. – Душанбе, ТГУ, 1986. – С. 14-18.
4. Зверев А. Д. Словообразование в современных восточнославянских языках: [учеб. пособ. для ВУЗов] / А. Д. Зверев. – М.: Высш. шк., 1981. – 205 с.
5. Клименко Н. Ф. Словотвірне гніздо / Н. Ф. Клименко // Українська мова: Енцикл. / Редкол.: Русанівський В. М. (співголова), Тараненко О. О. (співголова), Зяблюк М. П. та ін. – К.: Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2000. – С. 573.
6. Кочерган М. П. Загальне мовознавство: [підруч. для студ. філол. спец. вищ. закл. освіти] / М. П. Кочерган. – К.: Академія, 1999. – 288 с.
7. Кубрякова Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // АН СССР. Ин-т языкознания. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. [Отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1972. – С. 344-393.
8. Лесюк М. П. Дослідження словотвору на рівні словотвірних гнізд / М. П. Лесюк // Прикарп. нац. ун-т ім. В. Стефаніка. Вісн. Сер. Філологія. Вип. 15–18. – Івано-Франківськ: Вид.-дизайнер. від. ЦІТ, 2007. – С. 212-216.

9. Лопатин В. В. Словообразование / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русская грамматика: в 2-х т.; [Ред. кол: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – С. 133-149.
10. Матешина Г. В. Морфонологические характеристики отглагольного словообразовательного гнезда / Г. В. Матешина // Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина Словообразовательные единицы – их семантика и взаимодействие. Сб. науч. трудов; [Отв. ред. А. А. Горбачевский]. – Душанбе, ТГУ, 1986. – С. 29-37.
11. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К, 2006. – 716 с.
12. Стишов О. А. Українська лексика кінця ХХ століття: (На матеріалі мови засобів масової інформації) / О. А. Стишов. – К.: КНЛУ, 2005. – 388 с.
13. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: [в 2 т.:] ок. 145000 слов. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 18-52.
14. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: [курс лекций] / Александр Николаевич Тихонов; Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Самарканд: б/и, 1971. – 386 с.
15. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / Игорь Степанович Улуханов; АН СССР; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
16. Шкільний словотвірний словник сучасної української мови: 15 600 слів у складі 127 гнізд / Укл.: Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – К.: Наук. думка, 2005. – 264 с. – (Словники України).

Левун Н. В., Степаненко Е. К. Словообразовательное гнездо с вершинным соматизмом сердце в украинском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.423-427.

В статье осуществлён анализ словообразовательных цепочек и парадигм, формирующих структуру СГ с вершинным соматическим компонентом «сердце», демонстрируя словопорождающий потенциал слова-вершины и его реализацию в конкретных производных единицах.

Ключевые слова: *дериват, парадигма, производное слово, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепочка, степень производности.*

Levun N., Stepanenko O. Word-formative family of words with the top somatic element heart in the ukrainian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.423-427.

The analysis of word-formative chains and paradigms, forming the structure of word-forming family with its top or peak element “heart” is carried out. The accompanying potential of the top or peak-word and its realization in the derivative unites are also shown.

Key words: *derivative, paradigm, derivative word, word-forming family, word-forming chain, the degree of derivation.*

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 524.85:811.161.2

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ ГРАДАЦІЙНОЇ СВІТОБУДОВИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Марчук Л.М.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

В українській мові вербалізацію ієрархічної градаційної структури світу (в усіх сферах) забезпечують: ядерні лексеми (узувальні), відтворені певними частинами мови, семантично співзвучними з нулем (початком) на шкалі градації; периферійні лексеми (узувальні чи okazіональні), які відбивають ступенювання в будові, розвитку, зміні живих чи неживих організмів, почуттів, ознак, дій тощо.

Ключові слова: *градація, градаційна шкала, модифікатор, інтенсифікатор, градаційна одиниця.*

Актуальність. Градація відіграє значну роль у процесах концептуалізації та категоризації, оскільки є засобом знань про міру, ступінь та інтенсивність різних феноменів. *Мета статті* – дослідження комунікативно-функціонального аспекту градації, яке сприятиме впорядкуванню знань щодо навколишнього світу та забезпечить можливість осмислення механізмів породження та розуміння текстів.

Вперше мовну градацію на матеріалі французької мови виділив Е. Сепір, який розробив понятійний апарат цієї лінгвістичної проблеми та вказав на перспективи її дослідження. Проблема семантичної градації одержала розвиток у роботах таких зарубіжних мовознавців, як Д. Болінджер, М. Бірвіш, Д. Льюїс, Ч. Освуд та ін. У російському мовознавстві дослідженню різних аспектів цієї проблеми присвятили роботи В.В. Бабайцева, В.А. Белошапкова, В.В. Виноградов, О.А. Земська, М.С. Трубецької, Н.Ю. Шведова, С.М. Колеснікова, Т.В. Подуфалова, О.І. Шейгал. У сучасному українському мовознавстві категорію градації досліджували лише фрагментарно І.Р. Вихованець, К.Г. Городенська, Н.В. Гуйванюк, С.Є. Ігнатієва, В.І. Кононенко, М.П. Кочерган, О.І. Нечитайло, І.І. Слинко, С.О. Соколова, Т.М. Спільник.

Взаємодія об'єктивного (О – градуїований концептуальний світ) та суб'єктивного (S – суб'єкт градації з його емоціями та інтелектуальним баченням) світів створює градацію у мові.

Навколишній світ безкінечно різноманітний, але всі види і форми матерії характеризуються властивими їм кількісно і якісно визначеними характеристиками. Кількісні характеристики завжди перебувають у діалектичній суперечності з якістю, що декларує закон переходу кількісних змін у якісні. Градація разом з іншими ознаками – часом, простором, числовими показниками, інтенсивністю, частотністю – несе кількісне навантаження, одночасно відображаючи якість, що змінюється, напр.: *«Та, на жаль, і найщасливіша казка має кінець, скатерка-самобранка перетворюється у неsvіжу*

серветку, баскі рисаки – на вичовганий рибальський стільчик, а ясна королева – на сварливу, зів'ялу бабу» (Г. Тарасюк, Сестра моєї самотності, с. 95).

Вибір градаційних засобів зумовлений комунікативною метою, умовами мовленнєвої ситуації, історичними й соціальними чинниками мовленнєвої діяльності. Виокремлення конкретного градаційного засобу залежить від мовця, що в цей момент є суб'єктом градації й градує текст. Добір градаційних одиниць є ознакою стилю мовної особистості мовця (письменника), що пов'язано з поняттям *норми* (нульового ступеня виміру).

В аспекті реалізації мовою функції засобу спілкування людей мовлення постає певним матеріальним конструктом, проміжною ланкою між мовою й комунікацією. У комунікації реалізуються всі можливі впливи складників спілкування на засоби мовного коду. Як зазначає Ф.С. Бацевич, «...міжособистісне спілкування є формуванням комунікативних смислів і обміном ними в процесі інтеракції» [1, с. 84]. З цієї позиції передбачуємо створення градаційного комунікативного смислу тексту як особистісного вияву комунікативних значеннєвих планів, які формуються внаслідок дії сукупності когнітивних, психологічних і соціальних чинників, що породжують особистісний градаційний смисл об'єктів і явищ дійсності (більший, ніж ця вежа), відображають їхній життєвий сенс для суб'єкта і презентують його за допомогою емоційного градаційного забарвлення образів та їхнього трансформування. Напр.: *«На смак вона була – ніжний вишуканий трюфель. Солодкий, гіркий, м'який. Всередині може бути будь-яка начинка, з будь-яким присмаком, тут єдиного правила не існує, бо Марія Фернандес – жінка без правил. Але моя Марія Фернандес має начинку з ароматом гіркою мигдалю. Трюфель тане у тебе на губах, тане в твоїх руках, приємно лоскоче по язичку, і ще довго-довго по тому на твоїх губах і в тобі лишається його смак»* (Л. Клименко, Paloma negra).

Основа поняття функціонально-семантичного поля градації в українській мові складає аналіз різнорівневих мовних засобів, що використовуються мовцем (суб'єктом, що градує) для вираження семантики градації у всіх її різновидах і варіантах.

Виділення конкретного мовного засобу і визначення його значення в градаційних словах і їхніх градаційних семантичних планів виявило низку інших засобів, безпосередньо пов'язаних із цією значеннєвою сферою, – якісні й оцінні прикметники, ступені порівняння прикметників/прислівників, слова-градатори, інтенсифікатори, модифікатори тощо. Семантична домінанта поля градації дозволяє встановити співвідносність градаційних висловлень, як-от: *Ти старий. Ти старший за нього. Ти старший за нього на кілька років*. На останньому етапі вибудовується ланцюжок залежних один від одного мовних засобів, які складаються із градаційних форм, конструкцій, лексичних показників, необхідних для єдиного семантичного комплексу і його варіантів у межах категорії градації.

У єдності проявляється взаємодія семантичного і прагматичного аспектів градації, напр.: *«День мій почався і не вранці, і не з кави. А під обід, з гігантським горням міцного чаю з лимоном, коли я стала біля вікна видивлятися наполегливу баскетболістку»* (Г. Вдовиченко. Хто такий Ігор?). Парадигматичний аспект передано через парцеляцію реченнєвої структури, семантичний план репрезентовано моделями із синонімічним змістом.

Як зображально-виражальний засіб градація в авторитетних вітчизняних працях тлумачиться так: *градація* – лат. *gradatio* – поступове підвищення, посилення, від *gradus* – крок, ступінь [6, с. 109, с. 756].

Як фігуру мови *градацію* кваліфікують дещо інакше: розташування послідовно нагромаджуваних семантично близьких або семантично однотипних компонентів конструкції в напрямі поступового наростання, посилення або (значно рідше) спаду, послаблення (з відповідним наростанням або спадом інтонації) інтенсивності їхнього значення. А частіше – просто емоційно-експресивної характеристики всього висловлення. Відповідно виділяється висхідна градація, або клімакс, і спадна градація, або антиклімакс [6, с. 757].

Д.Е. Розенталь зазначав: «Градація – це стилістична фігура, що складається із такого розташування слів, за якого кожне наступне посилює (рідше послаблює) значення, завдяки чому створюється наростання (рідше спадання) враження, яке вона створює» [4, с.102]. Градація в стилістиці художнього мовлення тлумачиться таким чином: «лат. *gradatio*» – поступове підвищення, посилення, стилістична фігура певної будови, у якій кожна наступна частина посилює (або послаблює), нагнітає смислове чи емоційно-експресивне значення. Градація буває висхідна, тоді стилістичний ефект збільшується, наростає і посилюється значення з додаванням кожного наступного компонента фігури. Градація спадна, навпаки, характеризується з кожною наступною частиною зменшенням значення, спаданням стилістичного ефекту і враженням від нього [2, с. 435]. Напр.:

1. Висхідна градація: **«Суспільство масового споживання від споживання і замовлення позиточних речей неминуче переходить до споживання замовлених емоцій і, з дозволу сказати, духовних феноменів, до замовлення власної віртуальної особистості охочих і платоспроможних...»** (І. Дзюба, Україна перед Сфінксом майбутнього).

Компоненти цієї фігури розташовані таким чином, що кожна наступна виявляється насиченішою, виразнішою, ніж попередня.

2. Спадна градація:

«О, Олександро, якби ти була молода і здорова, можливо, теж поварилася б у цьому жовтогарячому вареві... Але ти – хвора і втомлена жінка, яка мусить визнати, що час її подвигів минув» (Г. Тарасюк. Сестра моєї самотності).

Крім того, дослідники вказують і на те, що градація найповніше виявляється в синтаксичних побудовах (словосполученнях чи ширших утвореннях, пов'язаних способом однорідності) [5, с. 366]: напр.: **«Ще тільки закладався фундамент і копалися траншеї під комунікаційні мережі, ще лише починали зводити стіни й класти перекриття перших поверхів, ще цибатий кран, зіп'явшись на ноги, примірявся до першого вантажу – так обережно, наче то не цеглини були, а діти, що він їх мав рознести по майбутніх квартирах, ще гори піску, цегли, арматури і труб захирашували велике подвір'я, а могутні тягачі-панелевози ревіли натужно, вибехкуючи колії, в яких недовго й шию звернути, ще й майбутні вікна й двері темніли порожніми отворами і звідти раз по раз вилітало будівельне сміття; ще навіть не думали про комісію по прийому об'єкта, яка, заплющивши очі на всі недоробки й упущення, підпише відповідний акт, – будинок лише народжувався: в колотнечі, в сварках, у біганині, в щоденних летючках, у муках, які породіллям і не снилися, а майбутні мешканці вже щоденно навідувалися до нього, і чим вище**

піднімались поверхи, тим більше і більше приходило на будівельний майданчик людей» (А. Дімаров, Боги на продаж).

Парадигматичні і синтагматичні зв'язки взаємодіють у мові в процесі формування і вираження градаційних відношень. Градаційні значення, як семантична парадигма, представлені значеннями слів *більший/менший, більше/менше*. Синтагматичні зв'язки між складниками – компонентами градаційного висловлення формують конотативні компоненти значення в семантично споконвічно незмінних і невимірних слів.

Парадигматичні й синтагматичні зв'язки градаційних мовних одиниць більше зумовлені внутрішньою структурою семем. Члени градаційної опозиції (антоніми) взаємно передбачувані: *великий-маленький, високий-низький*. Градаційний синтаксичний член (предикат) містить у своїй структурі віртуальні моделі різних синтаксичних конструкцій, напр.: *«Помилок припускається той, хто має погану пам'ять і не вміє прорахувати розвитку подій на два кроки вперед... Перемагає той, у кого голова холодна, хто вміє тримати себе в руках»* (Г. Вдовиченко, Хто такий Ігор?). До сигніфікативного аспекту значення відносимо обов'язковий градаційний компонент (градосему), необхідний для існування різнорівневих градаційних одиниць мови (градотативів). Факультативна градосема реалізується лише у мовленні, у градаційних висловленнях і залежить від мовленнєвого оточення. Обов'язкові та факультативні градосеми передають складні зв'язки системи і навколишнього середовища в реалізації градаційної функції мовних одиниць.

Як недискретні одиниці градосеми виконують відображальну і системотвірну функції. Актуалізація градосеми в мовленні та її генетика зумовлені місцем у складі семантичних полів (парадигм) і семантико-синтаксичних моделей (синтагм). Таке явище дає змогу виділити особливі типи мовних значень градації за їхньою структурою. Ці типи об'єднуються однією функцією – вираженням мірильного ставлення суб'єкта, що градує, до градуйованого об'єкта щодо нульового ступеня виміру.

Інтерпретація мовної семантики градації здійснюється градаційними типами лексичних значень слів. Градаційні значення відповідають прямим і переносним значенням, при цьому окремі вислови можуть пов'язуватися фразеологічним зв'язком. Типи градаційних значень і їхні різновиди виділяються на основі різних ознак. Усі слова, що підлягають градуюванню, мають якісну чи градаційну характеристики.

Похідні від якісних прикметників використовуються здебільшого для виконання предикативної функції. Проте основними виразниками якісної ознаки виступають якісні та якісно-оцінні прикметники, напр.: *«А ще було її зітхання. Чи стогін. Такий глибокий, тихий, бесамемучний»* (Л. Клименко, Paloma negra). Отже, у функціонально-семантичному полі градації градаційний предикат знаходить своє місце в семантичній моделі: *суб'єкт, що градує – градаційний предикат – градуйований об'єкт*.

Висновки. Оскільки вираження ступеня величини вияву ознаки є прерогативою не лише лексичних, але й словотвірних, морфологічних, синтаксичних засобів, то можна твердити, що існує семантичний простір сукупних мовних одиниць, об'єднаних спільністю градаційного значення, яке виражається ними, або виконуваною градаційною функцією. Отже, можемо з упевненістю констатувати

існування функціонально-семантичної категорії градації, яка в українській мові репрезентована впорядкованою множинністю лексичних і граматичних одиниць.

Значення *більше* і *менше* розрізняються на лексичному рівні та виражаються в конструкціях із компаративом, який може виконувати синтаксичну функцію присудка (у єдиному чи почленованому синтаксичному фразеологізмові) або обставини зі значенням ступеня порівняння у двох семантичних формах.

Значення *«рівно»* реалізується також у фразеологізованих синтаксичних моделях з обов'язковими компонентами: *такий же..., як; стільки ж, як.*

Список літератури

1. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної генології: [навч. посібник] / Ф.С. Бацевич. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 248 с.
2. Мацько Л.І. Стилїстика української мови: [підручник] / Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько. – К.: Вища шк., 2003. – 462 с.
3. Овчаренко М. Протоерей / М. Овчаренко // Віра й культура. – Ч.8, 1955. – С.14-16.
4. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – М.: Наука, 1979. – 102 с.
5. Сучасна українська літературна мова: морфологія / [за заг. ред. І. К. Білодіда]. – К.: Наукова думка, 1969. – 583 с.
6. Українська мова: [енциклопедія] / редкол.: В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін. – К.: Українська енциклопедія імені М.П.Бажана, 2004. – 821 с.

Марчук Л.Н. Вербалізація поняття градаційного мироздання в українському мові // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.428-432.

В українському мові вербалізацію ієрархічної градаційної структури світу (во всіх сферах) забезпечують: ядерні лексеми (узвальні), воспроизведенные некоторими частями речи, семантически соизмеримыми с началом (0) на шкале градації; периферійні лексеми (узвальні или окказиональні), которые репрезентують ступенювання в побудові, розвитку, зміні живих или неживих організмів, почувань, якостей, дій і т.п.

Ключевые слова: градація, градаційна шкала, модифікатор, інтенсифікатор, градаційна одиниця.

Marchuk L. Verbalization of conception of gradational world creation in ukrainian language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.428-432.

In Ukrainian language the verbalization of hierarchical gradational structure of the world (in all spheres) is provided with core lexical units (usual), which are reproduced by separate parts of speech, semantically consonant with null (the beginning) on the gradational scale; peripheral lexical units (usual or occasional), which reflect the grade of structure, development, changing of living and abiotic organisms, feelings, features, actions etc.

Key words: gradation, gradational scale, modifier, intensifier, gradational unit.

Поступила до редакції 15.04.2011 р.

УДК 811.161.2'37

ДО ПИТАННЯ ПРО СЕМАНТИЧНУ КЛАСИФІКАЦІЮ ПРЕДИКАТІВ НАЯВНОСТІ / ВІДСУТНОСТІ

Мелькєсцева Н.В.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

У статті зроблено спробу з'ясувати особливості предикатів наявності / відсутності, визначити семантичні критерії їхньої класифікації. Проаналізовано семантичні типи предикатів наявності / відсутності та засоби їх вираження в сучасній українській мові.

Ключові слова: *буття, предикат наявності / відсутності, буттєве речення, семантика, семантична класифікація.*

У сучасній лінгвістичній науці приділяють значну увагу дослідженню семантичного аспекту речення, організаційним центром якого є предикат. Предикат позначає активну або статальну ознаку, яка проявляється у часі та співвідноситься з предметом (суб'єктний предикат) або ситуацією (безсуб'єктний предикат) [1, с. 24].

До проблеми предикатів, їх семантичної класифікації та реченнєвотвірної функції неодноразово зверталися вітчизняні (Н.М. Арват, І.Р. Вихованець, К.Г. Городенська, А.П. Загнітко, Т.Є. Масицька, М.В. Мірченко) та зарубіжні мовознавці-синтаксисти (Н.Д. Арутюнова, Б.В. Богданов, О.М. Селіверстова, Ю.С. Степанов та інші). Проте й сьогодні чітко не визначено критерії виокремлення груп предикатів, серед дослідників немає одностайності у визначенні лексико-семантичних та синтаксичних ознак різних типів предикатів, не з'ясовано їхні валентні характеристики.

Одним із принципів класифікації предикатів є їхня співвіднесеність із часовим відображенням подій або явищ у реченні. За цією ознакою виокремлюють два типи предикатів: динамічні та статичні. Статичні, а також пов'язані з ними деякі динамічні предикати, виступають організаційним центром буттєвих речень, які констатують факт існування або відсутності об'єкта в реальному світі чи його певному фрагменті та відображають відносно завершені стани, процеси, дії [2, с. 8].

Дослідження різноманітних синтаксичних одиниць з модельною семантикою екзистенції здійснювали Н.Д. Арутюнова, Є.М. Ширяєв [2], Т.В. Булигіна, О.М. Селіверстова [11], А.В. Величко [4], В.С. Григор'єва [6], Н.В. Кавера [8], О.І. Леута [9], Л.І. Лонська [10] та інші. Проте питання класифікації буттєвих речень залишається до цього часу не розв'язаним як у вітчизняному, так і в зарубіжному мовознавстві.

Необхідність дослідження типології предикатів із семантикою буття, проблемність питання про їхні семантичні класи й зумовлюють *актуальність* обраної теми. Тому на основі огляду наукових розвідок маємо *на меті*

проаналізувати наявні класифікації предикатів та з'ясувати критерії визначення і типологізації предикатів наявності/відсутності.

Для досягнення сформульованої мети потрібно розв'язати такі основні завдання: 1) здійснити аналіз семантичних класифікацій предикатів; 2) з'ясувати критерії виокремлення семантичного класу предикатів наявності / відсутності; 3) схарактеризувати основні типи предикатів наявності / відсутності.

Лінгвістична література, присвячена дослідженню буттєвих предикатів, характеризується кількома основними напрямками.

У російському мовознавстві деякі дослідники (Н.Д. Арутюнова, Є.М. Ширяєв, В.С. Григор'єва) виділили в окремий логіко-граматичний тип речення екзистенції, конструктивним центром яких є предикати буття. Класифікація буттєвих речень здійснена на основі перетину типів «зона буття» та «наявний предмет». Зона буття може варіюватися від світу, всесвіту, який розглядається поза його просторовими та часовими межами, до мікросвіту людини або його частини, що розглядається в певний момент буття [2, с. 233-271].

У монографії «Семантические типы предикатов» О.М. Селіверстова та Т.В. Булигіна пропонують формально-морфологічну класифікацію, за якою виокремлюють: 1) предикати дії; 2) процесу; 3) стану; 4) якості; 5) розташування в просторі; 6) потенційності; 7) класу та «зв'язку»; 8) результату та факту. Автори включають локативні, екзистенційні та посесивно-екзистенційні предикати до класу просторових. Слово «простір» вживається тут у широкому значенні й використовується для позначення конкретного фізичного простору, множини, ситуації, події. Характерною рисою предикатів «розташування в просторі» є те, що їхні денотати не належать до створених або таких, що виникають у часі явищ; вони вказують лише на зв'язок певного об'єкта та простору. Просторові предикати можуть розглядатися як такі, що безперервно тривають у часі, або як абстраговані від безпосереднього протікання в часі [11, с. 146-151].

В українському мовознавстві найчастіше послуговуються семантичною класифікацією І.Р. Вихованця, який спочатку поділив предикати на два узагальнені класи: предикати дії (*будувати, пекти, споруджувати, творити; бити, валити, колоти, руйнувати; везти, котити, нести, сунути; іти, їхати, бігти, мчати тощо*) та стану (*боляче, важко, радісно, соромно, легко, спекотно*), які згодом доповнив предикатами процесу (*рости, в'янути, квітнути, осипатися; твердіти, м'якшати, замерзати, горіти*), якості (*зелений, червоний; гнідий, вороний; голосний, дзвінкий; солодкий, гіркий; запашилий; гострий, колючий; важкий, легкий; гарячий, холодний; великий*), кількості (*один, мало, багато, кілька, декілька, чимало*) та локативними (*бути, перебувати, сидіти, лежати, стояти, висіти; падати, хилитися, текти, завалюватися*) предикатами. Він зараховує предикати наявності/відсутності (*бути, існувати, жити; лютувати, панувати тощо*) до предикатів стану, просторова наявність конкретизується класом локативних предикатів [5, с. 93-111]. Такого погляду дотримуються й інші лінгвісти, зокрема Н.В. Кавера, О.І. Леута, Л.І. Лонська.

У загальній системі предикатів Н.М. Арват та А.П. Загнітко вичленовують предикати наявності/відсутності (існування) (*бути, існувати, матися, жити тощо*), а також їхні різновиди – предикати володіння, приналежності (*мати, володіти, належати тощо*) та предикати місцезнаходження або статальної локалізації (*бути* (локалізація), *розташуватися, розкинутися, лежати, висіти та інші*) в окремі підкласи [1, с. 24-25; 7, с. 287-288].

Синтаксична модель наявності/відсутності є найтипівішим вузьким виявом буттєвих речень, до яких традиційно відносять лише номінативні речення. Основною функцією буттєвих номінативних речень є вираження стану навколишнього середовища. Предикатним компонентом у них часто виступає іменник у формі називного відмінка: *І тільки гриви... курява... і свист... Лунких копит оддаленілий цокіт... І ми...і степ...і жовтий падолист... І цих дворів передвечірній клопіт...* (Л. Костенко). Однак суттєву роль у формуванні речень із семантикою буття відіграють дієслова зі значенням екзистенційності, які виступають спеціалізованим засобом вираження предикатів наявності / відсутності.

У сучасному мовознавстві представлено кілька підходів до класифікації дієслівних буттєвих речень. Усі дослідники (Т.В. Булигіна, Н.В. Кавера, Л.І. Лонська, О.І. Леута, О.М. Селіверстова) виокремлюють власне екзистенційний варіант існування, у яких буттєва семантика нічим не ускладнена. Предикати власне буттєвих речень найчастіше виражені дієсловами з семою існування без будь-яких додаткових характеристик і функціонують у значенні «бути в наявності, мати місце в дійсності»: (*бути – є; буде, буду, будеш, був, була, було; матися, існувати, траплятися, статися, відбуватися, діятися, здійснюватися тощо*): *Є для серця така покута – забувати скоріше зло...* (Л. Костенко). *Був вечір, свіжий, запашиний, після довгої задушливої спеки* (З. Тулуб). *Такий звичай існує, але він суперечить правилам* (П. Загребельний).

Різновидами цього типу є речення, що описують етапи (поява, протікання, припинення) та способи існування (позначення кольорової кваліфікації, звучання, запаху, свічення, горіння, оптичних явищ), інтенсивність вияву буття певних явищ: *На лузі з'явилося безліч семінаристів* (У. Самчук). *Знову в родині запанувала незгода, Андрій навіть побив у розпуці Маланку* (М. Коцюбинський). *В гарячий ясний літній день ліс на горах сяє, а в долинах чорніє* (І. Нечуй-Левицький) [9, с. 153-154].

Предикати відсутності заперечують існування предметів, явищ, подій у дійсності. Вони виражаються заперечною формою предикатів наявності з часткою *не* (функціональним заміником синтаксеми *є* виступає екзистенційний предикат *нема*), дієсловами із семантикою відсутності, заперечення або припинення існування (*зникнути, перестати, припинитися, зменшитися, випаруватися, закінчитися*): *Все не те, коли нема любові* (Д. Павличко). *З того часу у них із Семеном ні спірки, ні лайки не було* (Б. Грінченко). *Минають дні, минають ночі, Минає літо, шелестить Пожовкле листя, гаснуть очі, Заснули думи, серце спить...* (Т. Шевченко).

У буттєвих реченнях другого типу буттєва семантика ускладнена додатковим значенням володіння (О.М. Селіверстова, Л.І. Лонська, О.І. Леута). Посесивна наявність/відсутність вказує на приналежність предмета певному суб'єкту, володіння чимось і виражається дієслівними предикатами із посесивним значенням (*мати, бути володіти, належати, знаходитися, водитися, з'являтися, тримати*): *Я не одна, єсть у мене і батько, і мати... Єсть у мене... туманочку, Туманочку, брате!* (Т. Шевченко). *Мала в своїй крові батькову несамовитість і материн легкий норів* (П. Загребельний). *А потім побралися, Худоби діждалися, Придбали хутір, став і млин, Садок у гаї розвели і пасіку чималу — Всього надбали* (Т. Шевченко).

До третьої групи належать буттєві речення із семантикою розташування, місцезнаходження у просторі (О.М. Селіверстова, Н.В. Кавера, Л.І. Лонська, О.І. Леута). Предикати локалізованої наявності (місцеперебування) речень екзистенції об'єднує значення «існувати, знаходитися, перебувати в певному місці».

У ролі предикатів локалізованої наявності можуть вживатися : 1) дієслова буття і перебування (*бути, знаходиться, поміщатися, з'являтися*) та їх експресивні синоніми (*вертяться, стирчати, крутяться, топчуться, обтираються*): *Проти церкви через дорогу була оселя вільшаницького священика; за старим домом зеленів старий садок (І. Нечуй-Левицький). Чого являєшся мені У сні? (І. Франко)*; 2) делексикалізовані дієслова із семантикою звучання, кольорової кваліфікації, свічення: *На дні довгого яру блищать рядками ставочки в очеретах, в осоці, зеленіють левади (І. Нечуй-Левицький)*; 3) дієслова місцеперебування із вказівкою на спосіб розміщення – протяжність, розподіл та спосіб розташування у просторі (*розкинутися, розтягнутися, розташовуватися, приткнутися, простиратися, слатися, стелитися, розлитися, влаштуватися тощо*): *Долиною повилась річечка, наче хто кинув нову синю стрічку на зелену траву (М. Коцюбинський)*.

До визначених трьох груп буттєвих речень О.І. Леута додає ще одну – кількісної наявності. Предикати квантитативної наявності відображають ситуацію, явище, предмет дійсності з огляду на його кількість. Основними складовими конструкцій квантитативної наявності є буттєвий предмет і його кількісний компонент, який може виражатися іменними формами із значенням кількості (числівниками, кількісними іменниками, прислівниками). Якщо квантитативний компонент відсутній, кількісна кваліфікація знаходить своє вираження в генітивних реченнях: *А соняшника, а маку, буряків, лободи, укropу, моркви! (О. Довженко). А твалту! А крику! (Т. Шевченко). Пішла... Ні відгуку, ні погляду, ні слова (О. Олесь). Ні прикмет, ні відгуку, ні сліду (Л. Костенко)*.

За семантикою дієслівних предикатів виокремлюють такі моделі кількості: 1) з дієсловами буття (*є, бути, бувати, існувати*): *І доріг є багато, А Вітчизна — одна (А. Малишко)*; 2) з дієсловами появи, виявлення (*з'являтися, вийти, створитися, залишатися*): *Бійців залишилося мало (О. Довженко)*; 3) з дієсловами збільшення, накопичення (*збільшуватися, зростати, примножувати, прибавляти, розширяти, накопичувати, набігати*): *Народ росте, і множитья, і діє Без ваших нагаїв і палаша (В. Симоненко)*; 4) з дієсловами зменшення, зникнення (*зменшуватися, скорочуватися, зникати, випаровуватися, танути*): *Тане й тане мій Василько як свічка (М. Вовчок)*; 5) з дієсловами кількості (*рахувати, нараховувати, налічувати*): *Шило поклав на стіл пачку квитанцій і сказав, що за нею рахується кільканадцять недоплат: по м'ясу, по городині, по яйцях (Ю. Мушкетик)*; 6) з дієсловами переміщення, руху (*прибути, приїхати, наїхати, набігти*): *На весілля панів наїхало, що гуло у будинку, як у вулику (М. Вовчок)*; 7) з дієсловами, що входять до складу фразеологізмів із значенням невизначеної кількості (*кіт наплакав, залийся, не полічити*): *А ворожих трупів і не злічити (О. Довженко)* [10, с. 160-164].

Висновки. Отже, категорія наявності / відсутності в лінгвістиці констатує або заперечує факт існування предметів, явищ, подій. Буттєві моделі, що відображають способи існування фрагмента буття, виражаються предикатами наявності/відсутності, посесивної наявності (володіння), локалізованої наявності (місцеперебування) та квантитативної (кількісної) наявності. Семантичні групи предикатів наявності/відсутності потребують подальшого аналізу, конкретизації та встановлення чітких меж між ними.

Список літератури

1. Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке / Н.Н. Арват. – К.: Вища школа, 1984. – 159 с.
2. Арутюнова Н.Д. Русское предложение: Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
3. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 204 с.
4. Величко А.В. Простое предложение: Опыт семантического описания / А.В. Величко, Ю.А. Туманова, О.В. Чашна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 119 с.
5. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / І.Р. Вихованець. – К.: Наук. думка, 1992. – 222 с.
6. Григорьева В.С. Семантические типы бытийных предложений в аспекте их денотативной соотнесённости // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. – Калинин: КГУ, 1980. – С. 135-142.
7. Загнітко А. Теоретична граматика української мови. Синтаксис / Анатолій Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 663 с.
8. Кавера Н.В. Значеннєве розмежування дієслівних предикатів зовнішнього стану // Мовознавчий вісник: Зб. наук. пр. / МОН України. Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького; Відп. ред. Г.І. Мартинова. – Черкаси: Видавець Чабаненко Ю. – 2009. – Вип.8. – С. 108-116.
9. Леута О. Структура і семантика дієслівних речень в українській літературній мові / Олександр Леута. – К.: Такі справи, 2008. – 208 с.
10. Лонська Л.І. Структурно-семантичні особливості буттєвих речень в українській мові: автореф. Дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л.І. Лонська. – Київ, 2001. – 19 с.
11. Семантические типы предикатов / [под ред. О.Н. Селиверстовой]. – М.: Наука, 1982. – 365 с.

Мелекесцева Н.В. К вопросу о семантической классификации предикатов наличия / отсутствия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.433-437.

В статье сделана попытка определить особенности предикатов наличия / отсутствия, семантические критерии их классификации. Проведен анализ семантических типов предикатов наличия / отсутствия и средств их выражения в современном украинском языке.

Ключевые слова: *бытие, предикат наличия / отсутствия, бытийное предложение, семантика, семантическая классификация.*

Melekestseva N. V. Some aspects on the question of the semantic classification of the predicates of presence / absence // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.433-437.

It has been made an attempt to find out the peculiarities of the predicates of presence / absence, to define the semantic criterion of their classification. The semantic types of the predicates of presence/absence and the means of their expression in modern Ukrainian language have been analysed.

Key words: *existence, predicate of presence / absence, existential sentence, semantics, semantic classification.*

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161.2'38:070

АНОРМАТИВНІ ЯВИЩА СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В ЗМІ (НА РІВНІ ГРАМАТИКИ ТЕКСТУ)

Мітрохина Л. М., Разумейко М. С.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна

У статті аналізуються тексти електронних засобів масової інформації (радіо і телебачення) з погляду їх відповідності нормам сучасної української літературної мови. Пропонуються деякі рекомендації щодо підвищення рівня культури мовлення в сучасних ЗМІ.

Ключові слова: *граматична норма, граматична помилка, точність мовлення, просторіччя, тавтологія.*

Постановка проблеми. Актуальність. Поряд із такими важливими питаннями культури мови, як оволодіння правилами орфографії, лексикології, вимови і наголошування, велике значення має також вивчення і правильне використання мовних засобів вираження думки залежно від мети і змісту висловлювання, що їх регулюють граматичні норми мови.

Грамматичні норми сучасної української літературної мови поділяються на морфологічні (регулюють правильний вибір морфологічних форм слів при формотворенні та словозміні, а також їх поєднання) і синтаксичні (визначають нормативну побудову словосполучень і речень).

Мета статті – аналіз текстів електронних засобів масової інформації (радіо і телебачення) з погляду їх відповідності нормам сучасної української літературної мови шляхом подання найбільш поширених у живому усному мовленні неправильних варіантів, указуючи на їхню анормативність і неприпустимість і рекомендуючи основний, правильний варіант, закріплений нормативно.

В усному мовленні дикторів радіо і телебачення нами зафіксовано порушення норм морфології та синтаксису української мови загальною кількістю 105 одиниць; з них ненормативні словоформи становлять 79 помилок і ненормативні синтаксичні одиниці – 26 помилок. Вони пояснюються як недостатньою мовною компетенцією мовців, низьким рівнем знання граматичних засобів, так і складністю відповідних норм, що перешкоджає їх успішному засвоєнню та застосуванню (це стосується, зокрема, деяких випадків граматичного зв'язку, варіантності синтаксичних конструкцій тощо).

Найпоширенішими є відступи від морфологічних норм при формотворенні іменників – нами зафіксовано 23 такі помилки. Ненормативні явища охоплюють такі граматичні категорії цієї частини мови як рід і відмінок. Особливою регулярністю відзначаються помилки, що виникають при відмінюванні іменників. Труднощі становлять, як правило, форми кличного і родового відмінків, тому зупинимось на них докладніше.

Українська мова належить до тих слов'янських мов, які для граматичного оформлення звертання зберегли кличний відмінок із прадавніх часів, тоді як інші (російська, словацька тощо) втратили його. Отже, вживання називного відмінка замість кличного при звертанні є порушенням граматичної норми української літературної мови [3, с. 202-203]. Наприклад: *Володимир Михайлович, не турбуйтеся (НР)*; *добрий вечір, Люда (Студія «1+1», «ТСН»)*.

Наряду з кличним відмінком, значні труднощі при словозміні іменників становить родовий відмінок однини другої відміни чоловічого роду, а саме правильний вибір флексії –а(-я) чи –у(-ю). В усному мовленні, зокрема й у телерадіопередачах, ці закінчення невинновідповідно взаємозамінюються, наприклад: *департамент авіаційного транспорту (радіо)*; *вчені збираються зробити елементний аналіз каменя (НР, «АВС»)*.

Значні труднощі і, як наслідок, систематичні відхилення від граматичних норм пов'язані з уживанням правильних відмінкових форм іменників, що входять до складу кількісно-субстантивних сполучень. Нормативно числівники ДВА, ТРИ, ЧОТИРИ, (у тому числі в складених формах), вступаючи в граматичні зв'язки з іменниками, вимагають від них форми називного відмінка множини [5, с. 128] (два брати, сорок три книги і т.п.). Натомість у мовленні дикторів радіо й телебачення правильна форма систематично замінюється на родовий відмінок однини, очевидно, під впливом російської граматики, де ця форма використовується послідовно й закріплена нормою (пор.рос. ДВА БРАТА і под.): *чотири керівника комітетів (НР)*; *двадцять два метра за секунду (НР, «Прогноз погоди»)* тощо.

На противагу відмінкові, рід є класифікувальною категорією іменника як частини мови, а тому не може довільно змінюватися. Вживання іменників української мови в невластивому їм роді становить відступ від морфологічних норм: *це наша біль (радіо)*; *сто грамів кропиви залити однією літрою води (НА, «Сім'я – фортеця моя»)*.

Зауважимо, що коли у другому реченні порушення норми не вмотивоване, то іменник БІЛЬ вжито в жіночому роді за аналогією до рос. БОЛЬ.

Проблемним питанням у системі українського прикметника, яке спричинює виникнення численних помилок, є творення і вживання ступенів порівняння. Відомо, що прикметники в українській мові можуть мати вищий і найвищий ступені порівняння, кожен із яких здатний функціонувати в простій або складеній формі. Порушенням норми є поєднання обох форм ступенювання, наприклад: *зв'язок стає більш активнішим (НР, «Влада слова»)* -**пор. правильні варіанти:** *більш активним або активнішим*.

Іноді в засобах масової інформації можна почути ще один тип помилок, пов'язаний вже з утворенням найвищого ступеня. Це вживання слова САМІЙ в аналітичних формах замість нормативних НАЙБІЛЬШ, ЩО-, ЯКНАЙБІЛЬШ: *саме головне – вирішити бюджетні питання (радіо)*.

Такі конструкції є кальками з російської мови (пор. рос. САМОЕ ГЛАВНОЕ), сприймаються як елемент просторіччя в усному суржиковому мовленні. На сторінках преси, в радіо- і телепередачах вони неприпустимі.

Численні помилки спостерігаються при словозміні та вживанні числівників української мови. Особливо проблемним є відмінювання числівників, де українська мова виразно виявила риси своєї індивідуальності, які, проте, досить складні для

засвоєння в умовах білінгвізму, у протиставленні відповідним нормам мови російської. Це спричинює численні помилки в суржиковому мовленні типу: *підтримані вісьм'ю фракціями (радіо); шквалите посилення вітру до шестидесяти метрів за секунду (НР);*

представники ста восьмидесяти дев'яти країн (УТ-1).

Ненормативне вживання займенників полягає в поодиноких випадках неправильного їх відмінювання, наприклад: *не давати іншій можливості (НР) – пор. форму родового відмінка іншої;*

Для публіцистичного мовлення, що потребує логізації висловлювання, аргументації авторської думки, виявлення причинно-наслідкових зв'язків тощо характерне широке використання різноманітних засобів сполучниково-прийменникового зв'язку (з огляду на те, що; тим часом, як; унаслідок того, що і т. ін.). Як зауважує О. Д. Пономарів, рівень мовлення «знижують невмотивовані запозичення з російської мови, здебільшого кальки типу МІЖ ТИМ, ЗГІДНО (даних), ДЯКУЮЧИ (наслідкам). Українська мова має для цих випадків власні службові слова – тим часом, згідно з (даними), завдяки (наслідкам) і подібне» [3, с. 181].

Подібні відступи від норми спостерігаємо й у висловах: *на протязі календарного року відбувається співпраця між господарствами (НР, «Огляд національних новин»); придбати порядка п'яти мільйонів тонн вугілля (НР «Споживач»); не дивлячись на це (радіо) тощо.*

Інтерференційний російськомовний вплив призводить також до надуживання конструкцій з прийменником ПО в засобах масової інформації. Разом із тим український прийменник ПО є далеко не таким поширеним, як його відповідник у російській мові, і в мовленнєвій практиці часто замінюється іншими прийменниками (з, щодо, для, на, до тощо), сполучниками (як, коли та ін.) або безприйменниковими конструкціями. Наприклад: *не є життєздатною по причині поганого фінансування (НР) – пор.: через погане фінансування; робота по прийняттю закону по легалізації (УТ-1) – пор.: робота з прийняття закону про легалізацію тощо.*

Порушення норм синтаксису сучасної української літературної мови у ЗМІ залежно від виду синтаксичних одиниць, на які поширилися ненормативні явища, можна узагальнено поділити на дві групи – помилки у словосполученнях і неправильна побудова речень (у межах останньої ми виокремлюємо дві підгрупи – порушення синтаксичних норм простого і складного речення).

Як свідчать наші спостереження, відхилення від граматичних норм на рівні словосполучення в мовленні ЗМІ найчастіше трапляються через контамінацію.

Синтаксична контамінація виявляється у граматично невиправданому сплутуванні сполучувальних можливостей слів, які близькі за змістом, але керують різними відмінками, наприклад: *чоловіки, які подібні на жінок (Студія «1+1», «Я так думаю»)* – помилка виникла внаслідок контамінації конструкції ПОДІБНИЙ ДО (головне слово керує родовим відмінком): СХОЖИЙ НА (вимагає від залежного іменника форми знахідного відмінка) під впливом норм сполучуваності останньої і синонімічності керувальних слів.

Норми граматичної сполучуваності української мови часто порушуються під впливом мови російської. Наприклад: *учні опановують українською мовою (НР); хочу подякувати артистів естради (НР).*

Таким чином, виявлені помилки на рівні українського словосполучення становлять такі типи:

- невмотивована заміна безприйменникових конструкцій приєднаними (типу контролювати за);
- вживання неправильної відмінкової форми залежного слова під впливом граматичних норм сполучуваності російської мови (подякувати артистів);
- синтаксична контамінація конструкцій унаслідок їхньої семантичної тотожності і смислової близькості керувальних слів (подібних на).

Ненормативні явища на рівні синтаксису речення найбільшою мірою поширені у простих реченнях і майже не стосуються складних конструкцій. На основі спостережень за мовленням ЗМІ з точки зору його відповідності граматичним нормам сучасної української літературної мови зафіксовані такі типи помилок у побудові простих речень:

- порушення граматичної координації між підметом і присудком: *ті, хто переробляє продукцію (радіо)*.

У двоскладному реченні граматичне узгодження присудка з підметом виявляється, зокрема, у координації форм числа. Із займенником ХТО присудок, виражений дієсловом теперішнього часу, умовно вживається у формі однини [1, с. 213];

- введення підмета в безособове речення: *сімсот тридцять четверта поправка йдеться про таке (НР)*.

- дублювання підмета іншим словом у реченні: *свідомість, як відомо, вона притаманна тільки людині (радіо)*.

- ненормативні конструкції з однорідними членами речення: *дітей віддають до школи не тільки вивчати грамоту й астрономію, а й військову справу (НР, «Школяда»)*.

Порушення синтаксичних норм у складному реченні трапляються рідко, представлені поодинокими помилками. Так, у мовленні ЗМІ спостерігаються помилки в побудові складних речень (зауважимо, що вони стосуються тільки складнопідрядних конструкцій):

- заміна складнопідрядного речення з підрядною обставиною частиною причини або часу на дієприкметниковий зворот; наприклад: *використовуючи відбілювач, моя білизна стає сірою («Интер», реклама); перебуваючи під арештом, чоловіка прооперували (студія «1+1», «ТСН»)*.

Дієприслівник у складі звороту завжди пояснює в реченні дієслово, вказуючи на додаткову дію. У першому реченні пояснюване дієслово є присудком, а отже називає дію предмета (БЛИЗНА). Таким чином дієприслівниковий зворот також стосується підмета («білизна використовує відбілювач»). У другому реченні виконавця дії визначити не можна (це односкладне неозначено-особове речення), а отже незрозуміло, дію якого саме суб'єкта називає дієприслівниковий зворот.

Висновки. Таким чином, аналіз текстів передач радіо і телебачення з погляду їхньої відповідності граматичним нормам сучасної української літературної мови свідчить, що найбільшою мірою анормативні явища поширені у системі морфологічних форм (особливо це стосується відмінкової парадигми іменників і числівників, ступенів порівняння прикметників і прислівників), а також в будові словосполучень (контамінація, інтерференційні типи граматичного зв'язку). Це пояснюється білінгвальною взаємодією української та російської мов на тлі значних

мовних одиниць. На рівні речення – як простого, так і складного – специфіка синтаксису двох мов виявляється меншою мірою, а тому і норма порушується несистематично і виникнення помилок пояснюється не міжмовною інтерференцією, а швидше недостатнім опануванням мовцями граматичних норм, низьким рівнем мовленнєвої культури.

Список літератури

1. Волох О. Т. Сучасна українська літературна мова. Морфологія. Синтаксис/ О. Т. Волох, М. Т. Чемерисов, Є. І. Чернов [2-ге вид., перероб. і доп.] – К.: Вища шк., 1989.
2. Козачук Г. О. Українська мова для абітурієнтів: [навч. посібник] / Г. О. Козачук [2-ге вид., стер.] – К.: Вища шк., 1994.- 272 с.
3. Пономарів О. Д. Стилїстика сучасної української мови/ О. Д. Пономарів [3-ге вид., перероб. і доп.] – Тернопіль: Богдан,2001.- 248 с.
4. Словник труднощів української мови / [За ред. С. Я. Єрмоленко] – К.:Наукова думка, 1989.
5. Словник української мови: в 11т. / [ред. кол. І. К. Білодід та ін.] – К.: Наукова думка, 1970-1980.

Мітрохіна Л. М., Разумейко М. С. Анормативные явления современного украинского языка в СМИ (на уровне стилистики текста) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.438-442.

В статье анализируются тексты электронных средств массовой информации (радио и телевидения) с точки зрения их соответствия нормам современного украинского литературного языка. Предлагается ряд рекомендаций, которые способствуют повышению уровня культуры речи в современных СМИ.

Ключевые слова: *грамматическая норма, грамматическая ошибка, точность речи, просторечие, тавтология.*

Mitrokhina L. M. Razumeyko M. S. Abnormal phenomena of the Modern Ukrainian Language in Mass Media (on the Level of text grammar) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.438-442.

Texts of electronic mass media (radio and television) are analyzed in the article from the point of view of their compliance with the norms of the modern Ukrainian literary language. A number of recommendations that facilitate the level of speech culture in modern Mass Media are suggested.

Key words: *grammatical norm, grammatical error, accuracy of speech, vernacular, tautology.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 81'373.46'611=161.2:61

ФОРМАЛЬНА СТРУКТУРА ТЕРМІНІВ АКУШЕРСТВА ТА ГІНЕКОЛОГІЇ

Морозова Г. О.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна

У статті досліджуються однокомпонентні терміни акушерства та гінекології з розгляданням їх внутрішньої структури, а також багатокомпонентні терміни цієї ж термінологічної мікросистеми з погляду їх граматичної будови.

Ключові слова: *термін, формальна структура терміна, однокомпонентні терміни, багатокомпонентні терміни, внутрішня структура терміна, граматична будова терміна.*

Актуальність. Терміни акушерства та гінекології становлять значну частину лексичного складу в галузі медицини. В термінологічній мікросистемі акушерства та гінекології знайшли відображення характерні особливості медичної лексики; водночас її назви мають специфічні риси, зумовлені особливостями її формування та функціонування. Сказане повною мірою стосується і формальної структури аналізованої мікросистеми.

У сучасному термінознавстві формальна структура термінів розглядалася в праці Л. Кім і Т. Пристайко, які запропонували класифікувати терміни за формальною структурою на терміни-слова, терміни-словосполучення та терміноелементи [3, с. 15], а також у низці інших досліджень, присвячених проблемам термінології [1; 2; 4; 6] та ін.

Мета статті – опис формально-структурних особливостей термінології акушерства та гінекології.

Термінологію акушерства та гінекології можна поділити за формальною структурою на дві групи: 1) однокомпонентні терміни, 2) багатокомпонентні терміни.

Група **однокомпонентних термінів** (близько 45,2 %) включає терміни-слова, які пишуться разом або через дефіс. З точки зору внутрішньої структури вони поділяються на: 1) термінологічні одиниці коренево-флексивної будови, тобто такі, в яких з погляду сучасної мови не виділяються словотворчі афікси: *матка, брижа, гамета, залоза, кіста* та ін., 2) терміни-афіксальні деривати: *затискач, сечівник, очеревина, гестація, ампуляризація* та ін.; 3) терміни-складні слова (компонентні деривати): *вакуум-екстрактор, голівкотримач, вагіноспазм, самозараження, хіміотерапія* та ін.; 4) терміни-аббревіатури літерного типу: *ПЛ – плацентарний лактоген, ППК – плацентарно-плодовий коефіцієнт, ХГ – хоріонічний гонадотропін* та ін.; 5) терміни моделі «аббревіатура + іменник»: *ДВЗ-синдром (синдром*

дисемінованого згортання крові), РНК-вірус (вірус рибонуклеїнової кислоти), МОЗ України (Міністерство охорони здоров'я України) та ін.

Серед термінів-слів в акушерсько-гінекологічній номенклатурі зустрічаються також своєрідні моделі **слів-символів**, як, наприклад *α-фетопротеїн, d-імуноглобулін, IgM-антитіла*. Також зустрічається комбінація терміноелементів та числових компонентів: *17α-гідроксилаза, 17, 20-десмолаза, 5α- дигідротестостерон, 5α-редуктаза* тощо.

Таким штучним шляхом із обмеженого переліку терміноелементів з усіченням слів та їх скорочень утворюються найменування для численних хімічних сполук. Багатоосновні утворення, що при цьому виникають, являють собою ніби зчеплення морфем або морфемних комплексів. У загальноприйнятому сенсі тут немає чіткого розмежування на кореневі та афіксальні морфеми. Кожен елемент складної конструкції в цьому випадку є носієм конкретно заданої інформації. Причому ступінь їх інформативності, семантичного значення (і, відповідно, морфологічний статус) перебуває в залежності від їхнього положення у низці відповідної функції позначуваного ними компонента сполучення.

За походженням здебільшого терміни-слова належать до запозичень: *везикула, етіологія, епітелій, інцест, ротація* та ін., а також до питомої лексики: *двійнята, жовтяниця, звалтування, зародок, викидень* тощо. Найбільшими словотвірними можливостями наділені прості непохідні терміни, які є продуктивною твірною базою для інших термінологічних одиниць: *смерть – смертність (перинатальна), таз – тазові (кістки), піхва – піхвові (виділення)* та ін.

Група **багатокомпонентних термінів** (близько 54,8 %) містить одиниці, які виражають внутрішній цілісний зміст поняття за допомогою двох або більше слів-компонентів з роздільним написанням. Продуктивність багатокомпонентних термінів в акушерсько-гінекологічній лексиці надзвичайно висока, що пояснюється їх здатністю до різноманітного комбінування та потенцією до збільшування складу компонентів.

За кількісним складом серед багатокомпонентних термінів у термінології акушерства та гінекології виділяються конструкції з двома і більше компонентами, які структурно поділяються на два типи: 1) прості, у яких семантико-синтаксичним способом поєднуються два повнозначні слова: *вірільний синдром, фіброкистозні зміни, фенотипова стать* та ін.; 2) складні, тобто словосполучення, до складу яких входить більше двох самостійних одиниць: *фімбріальний кінець труб, туберкульоз статевих органів, селективна артеріальна емболізація* та ін.

З точки зору граматичної структури двокомпонентні терміни (близько 86,4 %) представлені моделями:

1. Пн + Ін* : *післяпологовий аднексит, аутосомальна трисомія, антисперміальні антитіла, бактеріальний вагіноз, бородавчаста карцинома, декубітальні виразки, сидловидний ніс, лобковий педикульоз, мікробні асоціації, клубовий лімфовузол, клімактеричний синдром* та ін.;

2. Ін + Ір: *хвороба Аддісона, ведення пологів, відшарування плаценти, «тест папороті», дисгенезія гонад, експульсії плаценти, жовтяниця новонароджених, загроза аборту, зв'язка матки, придаток яєчника, коартація аорти, планування сім'ї, симптом Кушталова, індурація рани, інфекція герпесу* та ін.

Такі моделі в аналізованій термінологічній мікросистемі високопродуктивні, оскільки забезпечують необхідну однозначність і системність [1, с. 105].

Тричленні конструкції (близько 12,25 %), репрезентовані складеними термінами моделей:

1. Ін + Ір + Ір: *ампутація шийки матки, градієнт активності міометрія, дефект частки плаценти, ерозія шийки матки, канал шийки матки, перекручення ніжки вузла, пенетрація стінки яйцеводу та ін.*;

2. Ін + Пр + Ір: *аномалії пологової діяльності, ампула маткової труби, блокатор нейром'язових рецепторів, вилиття навколоплідних вод, воронка маткової труби, гіперемія молочних залоз, матурація вагінального епітелію, синдром набутого імунodefіциту та ін.*;

3. Пн + Ін + Ір: *алкогольний синдром плоду, аномальний набір хромосом, гемолітична хвороба новонароджених, біофізичний профіль плоду, еозинofільна метаплазія ендометрія, задня спайка вагіни, інтравезикальний тиск сечі та ін.*;

4. Пн + Пн + Ін: *ядерний магнітний резонанс, надгіпоталамічні церебральні структури, мікроангіопатична гемолітична анемія, гестаційна трофобластична хвороба, дисфункціональна маткова кровотеча, дитячий церебральний параліч та ін.*

У термінології акушерства та гінекології, окрім зазначених, зафіксовано близько 1,5 % інших термінологічних конструкцій: 1) чотирикомпонентних: *ампулярна локалізація плідного яйця, дренажування порожнини малого тазу, злаякісне переродження фіброміому матки, паренхіматозне запалення молочних залоз,* 2) п'ятикомпонентних: *кіста великої залози присінка піхви, локальна гідатифомна зміна при відсутності плоду,* 3) шестикомпонентних: *абсцес прямокишково-маткової кишені черевної порожнини, синусоїдальний ритм частоти серцевих скорочень плоду.*

Зазначені багатокомпонентні терміни не вирізняються досконалістю будови, тому їх термінологізацію можна вважати відносною, бо вони скоріше описують поняття: *екстрагландулярна ароматизація циркуляційного андростендіона – хвороба полікістозних яєчників.* Терміни з великою кількістю компонентів, на наш погляд, не можна вважати вдалими, оскільки вони нечітко називають поняття, надзвичайно громіздкі, що суперечить прояву закону мовної економії. У таких конструкціях практично стерта межа між складеними термінами та їх визначеннями.

Висновки. Формальна структура термінів акушерства визначається їх розмежуванням на однокомпонентні й багатокомпонентні з урахуванням їх внутрішньої та лексико-граматичної структури. Однокомпонентні терміни, серед яких виділяються прості непродуктивні терміни, похідні афіксальні терміни, терміни-композиції, аббревіатури і слова-символи, є продуктивною твірною базою для виникнення багатокомпонентних терміноодиниць, які широко представлені в термінологічній мікросистемі акушерства та гінекології.

Примітки:

* Велика літера позначає частину мови, мала – відмінок.

Список літератури

1. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
2. Д'яков А. С. та ін. Основи термінотворення: семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. С. Д'яков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. – К.: Вид. дім «KM Academia», 2000. – 216 с.
3. Ким Л. А., Пристайко Т. С. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 147 с.
4. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения: [учеб. пособие] / Т. Р. Кияк. – К.: УМК ВО, 1989. – 104 с.
5. Лотте Д. С. Вопросы заимствования иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
6. Пристайко Т. С. Лексико-номинативная организация специального текста / Т. С. Пристайко. – Дніпропетровськ: УКо Іма-прес, 1996 (а). – 200 с.

Морозова А. А. Формальная структура терминов акушерства и гинекологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.443-446.

В статье исследуются однокомпонентные термины акушерства и гинекологии и рассматривается их внутренняя структура; анализируются многокомпонентные термины этой же терминологической микросистемы с точки зрения их грамматического строения.

Ключевые слова: *термин, формальная структура термина, однокомпонентные термины, многокомпонентные термины, внутренняя структура термина, грамматическое строение термина.*

Morozova A. A. The formal structure of terms of obstetrics and gynecology // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.443-446.

In article unicomponent terms of obstetrics and gynecology from the point of view of internal structure, as well as multicomponent terms of the same terminological microsystem considering their grammatic structure are investigated.

Key words: *the term, formal structure of the term, unicomponent terms, multicomponent terms, internal structure of the term, a grammatic structure of the term.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 42 + 4У

ДОСЛІДЖЕННЯ ІРРЕАЛЬНОГО В МОВОЗНАВСТВІ: СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ

Нікульшина Т.М.

*Інститут філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка,
м. Київ, Україна*

У статті подано огляд сучасних лінгвістичних підходів до вивчення ірреального. Зіставлено основні наукові підходи. Визначено головні недоліки та переваги. Окреслено напрямки подальших досліджень.

Ключові слова: *ірреальність, вербалізація, уявний, концепт, дієслово, модальність.*

У просторі можливих світів зконструйований ірреальний світ є опонентом, контрприкладом світу реального. Ірреальне не співвідноситься безпосередньо з матеріальними об'єктами. Воно належить до сфери уявного, навколо якої не вщухають наукові дискусії, що є частковим проявом проблеми співвідношення матеріального та ідеального, буття і небуття.

Актуальність проведеного дослідження зумовлена активною розробкою мовознавцями теорії можливих світів та визначенням місця ірреального. *Метою* нашого дослідження є аналіз сучасних мовознавчих тенденцій у вивченні ірреального. Відповідно до поставленої мети у статті вирішуються наступні *завдання*: виявити й окреслити загальні тенденції у дослідженні ірреального, надати їм характеристику з позиції антропоцентричної орієнтації сучасної наукової парадигми.

В останні роки в рамках антропоцентричної парадигми до кола наукових інтересів мовознавців увійшли дослідження ірреального в різних площинах: з точки зору семантичних особливостей мови [2; 31], вербальної експлікації можливого [32]; підсвідомого [14], в межах профетичної картини світу [13] тощо.

Про значущість зазначеного поняття в житті людини свідчить широкий діапазон мов, на матеріалі яких були проведені дослідження ірреального в мовознавстві – *англійська* [32; 33; 35], *болгарська* [8], *іспанська* [3], *італійська* [34], *німецька* [20]; *осетинська* [6], *російська* [7; 17], *українська* [15; 25]; *французька* [29], *мови Африки* [27] та інші.

Ірреальність може експлікуватися за допомогою різних лексико-граматичних розрядів слів: іменників, прикметників, дієслів. Але оскільки дієслово становить універсальну одиницю вербалізації ірреальності, воно було і є предметом надмірної уваги мовознавців. Було здійснено аналіз ірреальності як граматичної категорії [1; 8; 16; 27]; особлива увага приділялася модальному аспекту [1; 4; 16; 19; 23]; значна кількість дослідників вивчала ірреальність на синтаксичному рівні [4; 20; 23; 24; 34]; було

зроблено спробу дослідити ірреальне в діяхронічному аспекті [4; 22]. Сьогодні набуває поширення опрацювання опозиції *реальне/ірреальне* [6; 12; 27; 30].

У вітчизняному мовознавстві були розглянуті такі аспекти ірреального як потенційність [26], компаративеми з ірреально-порівняльним показником [28], семантико-синтаксична природа поля умовності [25], висловлювання гіпотетичної модальності [9], лінгвокогнітивні особливості [18], семантико-номінативна природа концепту “чорт” [5]; концептосфера БОГ в українській мовній картині світу [15] тощо.

Ґрунтовні дослідження були проведені Інститутом східних мов у співпраці з Проблемною групою з теорії граматики, які знайшли відображення в колективній праці *Ирреалис и ирреальность: исследования по теории грамматики* [10].

Водночас, незважаючи на досить глибоку висвітленість цієї проблеми в граматиці стосовно дієслова, питання щодо експлікації ірреальності іншими частинами мови, як і лінгвокогнітивні особливості, залишаються відкритими для обговорення. Вивчення і аналіз ірреальності з урахуванням останніх надбань антропоцентричного підходу мають лише поодинокі спроби [7; 13; 14; 17; 18].

Вивчення і аналіз категорії ірреальності у зіставному аспекті також мають лише фрагментарну висвітленість у лінгвістичних студіях. Так, М. Б. Будильцева розглядала вираження модальних значень можливості та припущення на матеріалі російської та іспанської мов [3]; Є. А. Григор’єва зіставляла концепти ірреального світу в російській, англійській та чуваській мовах на матеріалі ядерних іменників із архісемою “злий дух” [7]; О. С. Колесник досліджував концепт *МАГІЧНИЙ ОБ’ЄКТ* у британському й українському міфологічних просторах [11]; Т. М. Нікульшина вивчала концепт *SPIRIT/ДУХ* та його вербальну експлікацію на матеріалі англійської та української мов [18], структуру та специфіку номінації лексичних одиниць лексико-семантичного мікрополя “нечисть” [18]; Т. Ю. Передриєнко зіставляла концепти БОГ, ДИЯВОЛ у російській та англійській лінгвокультурах [21]; І. Ф. Рагозіна аналізувала контрфактичне пояснення в ірреально-умовном реченні російської та французької мов [24].

Незважаючи на значні здобутки, не можна стверджувати, що проблему розв’язано повністю. До сьогодні аналіз ірреального, репрезентованого модальними словами і словосполученнями, частками, сполучниками, різними конструкціями тощо, розглянуто на морфологічному й синтаксичному рівнях у граматичному аспекті. Але ми вважаємо, що такий підхід обмежує вивчення семантики ірреального, звужуючи межі його дослідження. Слід відзначити, що ірреальність – це не лише модальність, і її доцільно проаналізувати за рахунок залучення інших мовних засобів і розглянути в різних аспектах.

Категорія ірреальності є невід’ємною частиною процесу пізнання, відбиття й розуміння духовної культури і становить важливий фрагмент картини світу. Незважаючи на велику кількість досліджень, присвячених аналізу ірреальності, проблема залишається невирішеною, тому що на кожному етапі наукового пізнання з’являються нові аспекти її розгляду. Зацікавленість мовознавців у виявленні особливостей вербалізації людських уявлень про те, що реально існує лише в нашій свідомості, про нереальний світ, який моделюється на основі нашого сприйняття реально існуючого, визначає один із напрямків сучасних лінгвістичних студій. Ідеї

філософії та логіки сприяють розвитку фундаментальних лінгвістичних розробок проблем, пов'язаних із актуалізацією можливостей уявлення. Сьогодні поняття “конструювання світу” і розв'язання питань, які стосуються сприйняття світу органами чуття та свідомістю, становлять один із найважливіших аспектів лінгвістичних досліджень. Оскільки інтердисциплінарність є однією з найбільш характерних рис сучасної мовознавчої науки, отже, подальше вивчення досліджуваного явища повинно проводитися за умови релевантного застосування до мови вже пізнаного іншими галузями людських знань.

Список літератури

1. Агашина Н. М. Ирреальная модальность в современном русском языке: дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Агашина Наталья Михайловна. – Ставрополь, 2003. – 197 с.
2. Бабушкин А. П. “Возможные миры” в семантическом пространстве языка / Анатолий Павлович Бабушкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 86 с.
3. Будильцева М. Б. Выражение модальных значений возможности и предположительности в русском и испанском языках : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01, 10.02.05 / Будильцева Марина Борисовна. – М., 1984. – 250 с.
4. Ватанабе Кику Модальные значения и референтные отношения в инфинитивных предложениях древнерусского языка: XI-XIV вв. : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Ватанабе Кику. – СПб, 2008. – 246 с.
5. Вільчинська Т. Семантико-номінативна природа концепту “чорт” у мовно-концептуальній картині світу Б. І. Антонича / Т. Вільчинська // Наукові записки КДПУ ім. В. Винниченка. Серія : Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : КДПУ, 2009. – Вип. 81 (3). – С.51-55.
6. Выдрин А. П. О лексико-синтаксических способах выражения реальных и ирреальных значений (на материале осетинского языка) [Электронный ресурс] / А. П. Выдрин. – Режим доступа : http://ossetic-studies.org/biblio/Vydrin_kwy_and_kaed.
7. Григорьева Е. А. Концепты ирреального мира в русском, английском и чувашском языках (на материале ядерных существительных с архисемой “злой дух” и их производных) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.20 / Григорьева Евгения Артуровна. – Казань, 2005. – 236 с.
8. Дамянова Х. Конструкции с отглагольными номинализациями на –не в болгарском языке и их русские соответствия / Х. Дамянова // Болгарская русистика. – 2010. – №1-2. – С.44-52.
9. Драгомирецький О. О. Семантичні типи і структура референції висловлювань гіпотетичної модальності (на матеріалі французької, англійської і української мов) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 “Загальне мовознавство” / О. О. Драгомирецький. – Одеса, 2005. – 20 с.
10. Ирреалис и ирреальность: исследования по теории грамматики / Под. ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманчиевой. – М. : Гнозис, 2004. – 482 с.
11. Колесник О. С. Вербалізація концепту *МАГІЧНИЙ ОБ'ЄКТ* у британському й українському міфологічних просторах / О. С. Колесник // Проблеми зіставної семантики: зб. наук. праць. – Київ : КНЛУ, 2009. – Вип. 9. – С.136-141.
12. Кузнецова А. И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса / А. И. Кузнецова // Ирреалис и ирреальность: исследования по теории грамматики / [под. ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманчиевой]. – М. : Гнозис, 2004. – С.88-106.
13. Левицкий А. Э. Пророческая картина мира / А. Э. Левицкий // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – 2010. – № 1. – Т.2. – С.21-23.
14. Левицький А. Е. СОН та МРІЯ як номінації квазіреальності у східнослов'янських і західногерманських лінгвокультурах / А. Е. Левицький // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць. – 2009. – Вип. 26. – Ч. 3. – С.410-416.

15. Мацьків П. В. Концептосфера БОГ в українській мовній картині світу: біблійний, фольклорний, словниково-діахронний дискурси : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова" / П. В. Мацьків. – 2008. – 36 с.
16. Муковозова Н. И. Модальная семантика инфинитивных конструкций : дисс. кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 / Муковозова Наталья Ивановна. – М., 2004. – 190 с.
17. Названова И. А. Концепт "ирреальность" в семантическом пространстве русского языка : дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Названова Ирина Александровна. – Таганрог, 2006. – 160 с.
18. Нікульшина Т. М. Ирреальний світ англійською та українською мовами : [монографія] / Тетяна Миколаївна Нікульшина. – Донецьк : Східний видавничий дім, 2010. – 186 с.
19. Офицерова Е. А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 "Русский язык" / Е. А. Офицерова. – СПб, 2005. – 24 с.
20. Панчишина Т. А. Ирреальне бажання як філософсько-психологічна категорія / Т. А. Панчишина // Проблеми сучасної психології. – 2010. – Вип.9. – С.254-263.
21. Передриенко Т. Ю. Концепты "Бог" и "Дьявол" в русской и английской лингвокультурах: на материале паремий и афоризмов : дис.... кандидата филол. наук : 10.02.20 / Передриенко Татьяна Юрьевна. – Челябинск, 2006. – 197 с.
22. Поліна Г. В. Мовна об'єктивізація концепту БОГ в англійському дискурсі XIV-XX століть : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 "Германські мови" / Г. В. Поліна. – Харків, 2005. – 21 с.
23. Рагозина Е. В. О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях / Е. В. Рагозина // Вестник ВолГУ. – Серия 2. – 2008. – № 1 (7). – С.32-36.
24. Рагозина И. Ф. Контрфактическое объяснение в ирреально-условном предложении (на материале русского и французского языков) / И. Ф. Рагозина // Вопросы языкознания. – 2010. – №1. – С.46-60.
25. Руденко Н. П. Семантико-синтаксична природа поля умовності в сучасній українській літературній мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова" / Н. П. Руденко. – К., 2002. – 20 с.
26. Сікорська О. О. Функціонально-семантична категорія потенційності в українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова" / О. О. Сікорська. – Одеса, 2007. – 23 с.
27. Урманчиева А. Ю. Выражение реальности/ирреальности ситуации в глагольных системах языков Африки : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.20 / Урманчиева Анна Юрьевна. – М., 2004. – 272 с.
28. Шаповалова Н. П. Функціонально-семантичний статус порівняльних конструкцій у сучасній українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова" / Н. П. Шаповалова. – Дніпропетровськ, 1998. – 16 с.
29. Якубов Ж. А. Способы выражения значения ирреальности в современном французском языке: (на уровне простого предложения) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.05 "Романские языки" / Ж. А. Якубов. – М., 1991. – 18 с.
30. Elliot J. R. Realis and Irrealis: Forms and Concepts of the Grammaticalization of Reality / Elliot J. R. // Linguistic Typology. – 2000. – № 4. – P.55-90.
31. Hintikka J., Hintikka M. B. Are There Nonexistent Objects? Why not? But Where Are They? / Jaakko Hintikka, Merrill B. Hintikka // J. Hintikka, M. B. Hintikka The logic of epistemology and the epistemology of the logic: selected essays. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1989. – P.37-44.
32. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1999. – 628 p.
33. Lycan W. G. Real Conditionals / William G. Lycan. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 240 p.
34. Pietrandrea P. The conceptual structure of irreality. A focus on non-exclusion-of-factuality as a conceptual and a linguistic category [Електронний ресурс] / P. Pietrandrea. – Режим доступу : <http://www.pietrand@uniroma3.it>.
35. Radden G. Cognitive English grammar / G. Radden, R. Dirven. – John Benjamins Publishing Company, 2007. – 374 p.

Никольшина Т.Н. Исследование ирреального в языкознании: современные тенденции // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.447-451.

В статье проводится обзор существующих в современной лингвистике подходов к изучению ирреального. Сопоставляются основные научные подходы и выполняется их критический анализ. Определяются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: *ирреальность, вербализация, вымышленный, концепт, модальность.*

Nikulshina T. M. Irreality in Linguistics: Modern Tendencies // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.447-451.

The article reviews current linguistic approaches to investigating irreality. The major ones are suggested and analyzed. The advantages and disadvantages of presented approaches are reflected. The perspectives of further studies are outlined.

Key words: *irreality, verbalization, imaginary, concept, verb, modality.*

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.161

СТРУКТУРА ТА СКЛАД ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ ІЗ СЕМАНТИКОЮ ПОЗИТИВНОЇ ЕСТЕТИЧНОЇ ОЦІНКИ

Підгородецька І. Ю.

Харківський національний економічний університет, м. Харків, Україна

У статті розглянуто лексичні одиниці з семантикою позитивної естетичної оцінки, які було виокремлено з художніх текстів для дітей (II пол. XIX – поч. XX ст.). Схарактеризовано їх структуру та семантичні складники. Здійснено порівняльний аналіз їх компонентного складу.

Ключові слова: *лексична одиниця, позитивна естетична оцінка, сема.*

Актуальність. Увагу сучасних лінгвістів привертають питання розвитку лексичної семантики слів, які позначають непередметні сутності. *Краса* як лінгвокультурний феномен української ментальності постає складним і багатовимірним явищем, досліджуваним у філософії, естетиці, психології, мистецтвознавстві, мовознавстві. З огляду на це, тематика нашої розвідки є актуальною. Науковий інтерес автора дослідження становить мовний аспект вираження в літературних текстах для дітей (II пол. XIX – поч. XX ст.) *краси* як художньомовної універсалії – семантичної категорії, об'єктивованої лексико-граматичними й стилістичними ресурсами.

Мета роботи – визначення та порівняння структурного складу лексичних одиниць зі значенням позитивної естетичної оцінки.

В українській лінгвістиці одиниці із семантикою естетичної оцінки розглядають В. Складенко [9], О. Тищенко [12] (етимологічний аспект); Л. Лисиченко [6] (структура лексичного значення); С. Єрмоленко [4], О. Маленко [7], Н. Сукаленко [11] (образні засоби вербалізації *краси*); Т. Космеда [5] (прагматичний аспект); О. Цапок [13] (концептуальний аналіз). У зарубіжних мовознавчих студіях відображення естетичних оцінок у різних мовах досліджують Н. Арутюнова [1], Є. Вольф [3], Ю. Мещерякова [8] та ін.

Дослідження художньо-мовних універсалій *краса* на матеріалі художніх текстів передбачає виявлення лексичних одиниць з ядерним значеннєвим компонентом позитивного естетичного оцінювання та порівняльний аналіз їх структурних складових. Методом суцільної вибірки встановлено лексичні одиниці із семантикою позитивної естетичної оцінки, які представляють досліджувану універсалію в художніх текстах для дітей. До них належать лексема *краса*, синоніми та похідні цієї лексеми (*врода, красивий, красний, прекрасний*), а також прикметники, які виражають естетичну оцінку (*гарний, дивний, милий, розкішний, чарівний, чудовий*). Зв'язок дескриптивного та власне оцінного (емотивного) смислу в значеннях слів найбільш виявляє себе в системі прикметників, для яких ознакова семантика є основною [3, с. 29].

Словники сучасної української мови подають такі дефініції поданих одиниць: *краса* – 1. Властивість, якість гарного, прекрасного; 2. Оздоба, прикраса когонебудь, чого-небудь; 3. Гарна, приваблива зовнішність; урода; 4. заст. Красуня [10, т. 4, с. 326; 2, с. 581]; *врода (урода)* – 1. Сукупність уроджених фізичних рис людини; зовнішній вигляд; 2. Сукупність зовнішніх рис, якостей людини, які справляють приємне враження; краса, уродливість; 3. перен., розм. Красива вродлива людина; 4. перен., заст. Сукупність природних явищ, які милують зір; гарні краєвиди» [10, т. 1, с. 759-760]. Порівнюючи лексичні значення слів *краса* і *врода*, зазначаємо, що, хоча вони мають однакову кількість ЛСВ, перше має ширше значення, оскільки стосується не лише зовнішніх рис людини, а й властивостей природних об'єктів, речей, створених людиною.

Лексема *гарний* містить оцінний компонент у таких ЛСВ: «1. Приємний зовнішнім виглядом; який відзначається гармонією барв, ліній і т.ін.; який має привабливу зовнішність, привабливі риси обличчя; приємний для слуху, милозвучний; блискучий, ефектний; 2. Який має позитивні якості або властивості, цілком відповідає вимогам, заслуговує схвалення; який сприяє успіхові, пов'язаний з ним; вдалий; 3. у знач. ім. гарне. Те, що має позитивні якості, властивості, заслуговує схвалення; 4. З позитивними моральними якостями (про людину); який має досвід, знає свою справу; зразкової поведінки» [10, т. 2, с. 34]. Сема позитивного естетичного оцінювання присутня в ЛСВ 1, тоді як ЛСВ 2, 3 містять компонент загальної позитивної оцінки, а ЛСВ 4 – позитивної етичної оцінки. Лексема *хороший* має два ЛСВ, які в цілому збігаються з ЛСВ 2 та ЛСВ 4 лексеми *гарний*: «1. Який має позитивні якості або властивості... // Схвальний, приємний // Те саме, що милозвучний // Гарний, справжній (про життя) // Ясний, теплий, тихий, сонячний (про погоду, пору дня, року і т.ін.) // Який приносить щастя, радість, задоволення і насолоду; 2. Який відзначається позитивними моральними якостями (про людину)» [10, т. 11, с. 129-130].

Значення лексеми *красивий* частково збігаються зі значенням лексеми *гарний*, що засвідчено у словниках: *красивий* «те саме, що гарний 1» [10, т. 4, с. 326]. Слово *красивий* підкреслює зовнішню позитивну ознаку речей, природних об'єктів, людини, тоді як *гарний* може означати позитивні внутрішні властивості людини. Слово *вродливий (уродливий)* зі значенням «який має приємне обличчя, вигляд; гарний, красивий» [10, т. 1, с. 760] вживається для загальної позитивної естетичної характеристики людини.

Рідко вживаним морфологічним варіантом слова *красивий* є прикметник *красний*: «те саме, що гарний 1; прекрасний, чудовий; // Який має привабливу зовнішність; уродливий [10, т. 4, с. 326]. Це слово реалізує відтінок прямого значення «який має привабливу зовнішність; уродливий (у 1 знач.)» і має спільну сему зі словом *красивий* – приємний зовнішністю.

Аналіз структури лексичних одиниць *краса*, *врода*, *красивий*, *красний*, *гарний*, *вродливий* дає змогу визначити їх компонентний склад: «властивість», «зовнішня привабливість» (позитивна естетична оцінка), «внутрішні позитивні характеристики» (позитивна етична оцінка). Лексема *прекрасний*, маючи такий самий набір сем в ЛСВ 1, 2, 5, відрізняється наявністю семи «дуже»: «1. Який відзначається надзвичайною красою, милує око гармонією барв, ліній і т.ін.; дуже гарний; який має дуже привабливий вигляд; який справляє надзвичайно приємне, сильне враження; надзвичайно приємний для слуху; милозвучний; 2. Який має надзвичайні позитивні

риси, моральні якості і т. ін. (про людину); наділений надзвичайним умінням робити що-небудь; 3. Довершений за формою і змістом; досконалий; який вирізняється серед інших подібних явищ, предметів тощо своїми надзвичайними якостями, особливостями і т. ін. 5. Те, що є втіленням краси, що відповідає її ідеалам, викликає у людини найвищу естетичну насолоду» [10, т. 7, с. 534–535].

Прикметники *дивний, милий, тишиний, розкішний, чарівний, чудовий* виражають позитивну оцінну семантику як у прямих, так і в похідних значеннях: *дивний* – 2. Дуже гарний; чудовий, чарівний» [2, с. 294]; *милий* – 1. Дуже приємний, лагідний у стосунках з людьми; хороший, симпатичний. // Який привертає увагу приємною зовнішністю, приємним виглядом. // Який викликає почуття задоволення; дуже приємний (про звуки голосу, сміху тощо). // Пов'язаний з приємними переживаннями; сповнений привітності, доброзичливості; люб'язний [2, с. 666]; *розкішний* – 3. Щедрий на природні багатства; багатий, красивий; буйний у своєму рості, цвітінні; 4. Який відзначається красою, пишністю, яскравістю; щедрий на тепло, яскраві фарби; 5. Який задовольняє найвищі естетичні вимоги, смаки; вишуканий, прекрасний; з красивою, привабливою зовнішністю (про людину); в яскравому вбранні [10, т. 8, с. 699-700; 2, с. 1245]. *тишиний* – 1. Буйний у своєму розквіті;... 5. Який приваблює своєю чарівністю, незвичайністю; привабливий, дуже гарний; 6. Який складається з різних кольорів; багатобарвний, барвистий [2, с. 945]. *чудовий* – 1. Прекрасний, чудесний (у 2 знач.). 2. З високими моральними якостями (про людину); доброї вдачі, тихий, слухняний [10, т. 11, с. 375]. *чарівний*: «2. перен. Надзвичайно, дуже гарний; чудовий. // Незвичайний, дивний, загадковий у своєму вияві. // Який захоплює неповторністю, красою. // Який приваблює своєю зовнішністю або внутрішнім, духовним світом; надзвичайно вродливий. // Неповторний своєю мелодійністю, красою. // Який має велику естетичну силу впливу (про мистецтво)» [10, т. 11, с. 269-270; 2, с. 1593]. Зазначені лексичні одиниці об'єднують семи «позитивна оцінка», «зовнішня ознака», «найвищий ступінь вияву ознаки». Лише в окремих ЛСВ лексеми *милий* виступає семантичний складник «внутрішня характеристика».

Висновки. Отже, аналіз структури та компонентного складу лексичних одиниць *краса, врода, гарний, красивий, красний, прекрасний, вродливий, дивний, милий, тишиний, розкішний, чарівний, чудовий, хороший* дає підстави вважати, що зазначені слова експлікують художньо-мовну універсалію *краса*, оскільки семантика позитивної оцінки формує ядро їх лексичного значення. Диференціальними постають семантичні складники «ознака природного / штучного об'єкта», «характеристика людини», «зовнішня привабливість», «внутрішні позитивні властивості», «найвищий ступінь вияву ознаки». Перспективу подальших досліджень вбачаємо у з'ясуванні особливостей функціонування зазначених одиниць у мові творів для дітей.

Список літератури

1. Арутюнова Н. Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 5-29.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [укладач і голов. ред. В. Т. Бусел]. – К.: Ірпін'я : Перун, 2007. – 1736 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 229 с.

4. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури / С. Я. Єрмоленко. – К.: Інститут української мови НАН України, 2009. – 352 с.
5. Космеда Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т. А. Космеда. – Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 350 с.
6. Лисиченко Л. А. Багатозначність у лексико-семантичній системі: структурний, семантичний, когнітивний аспекти / Л. А. Лисиченко. – Харків: Основа, 2008. – 272 с.
7. Маленко О. О. Лінгво-естетична інтерпретація буття в українській поетичній мовотворчості (від фольклору до постмодерну) / О. О. Маленко. – Харків: Основа, 2010. – 488 с.
8. Мещерякова Ю. В. Красота // Антологія концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 88-102.
9. Склярєнко В. Г. Етимологічні розвідки // Мовознавство. – 1997. – № 4–5. – С. 11-16.
10. Словник української мови. В 11 томах / І. К. Білодід [голов. ред.]. – К.: Наукова думка, 1970-1982.
Т. 1: Українська мова. – 1970. – 799 с.: іл.
Т. 2: Українська мова. – 1971. – 550 с.: іл.
Т. 4: Українська мова. – 1973. – 840 с.: іл.
Т. 7: Українська мова. – 1976. – 723 с.: іл.
Т. 8: Українська мова. – 1977. – 927 с.: іл.
Т. 11: Українська мова. – 1980. – 699 с.: іл.
11. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образно-языковой картине мира / Н. И. Сукаленко. – К.: Наукова думка, 1992. – 160 с.
12. Тищенко О. В. Обрядова семантика слов'янських мов у зіставно-типологічному аспекті : автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10.02.15 / О. В. Тищенко. – К., 2001. – 32 с.
13. Цапок О. М. Мовні засоби репрезентації концепту КРАСА в поезії українських шістдесятників : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / О. М. Цапок. – Черкаси, 2004. – 20 с.

Подгородецкая И. Ю. Структура и состав лексических единиц с семантикой положительной эстетической оценки // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.452-455.

В статье рассмотрены лексические единицы с семантикой положительной эстетической оценки, выделенные из художественных текстов для детей (II пол. XIX – нач. XX вв.). Охарактеризованы их структура и семантические составляющие. Осуществлен сравнительный анализ их компонентного состава.

Ключевые слова: лексическая единица, положительная эстетическая оценка, сема.

Pidgorodetska I. Y. The structure and composition of the lexical units with semantics of positive aesthetic estimation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.452-455.

In the article lexical units with semantics of positive aesthetic estimation, abstracted from fiction texts for children (2nd half XIXth – beginning XXth centuries) are considered. Their structure and semantic constituents are characterized. The comparative analyse of their component composition is realised.

Key words: lexical units, positiv aesthetic estimation, seme.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 821.161.2

ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРЕЦЕДЕНТНИХ ТЕКСТІВ В ЕПІСТОЛЯРНОМУ ДИСКУРСІ І. ФРАНКА

Саліонович Л. М.

*Харківський національний педагогічний університет
ім. Г. С. Сковороди, м. Харків, Україна*

Стаття присвячена розгляду епістолярію І. Франка, зокрема прецедентним текстам у листах до чоловіків і жінок, з огляду на проблеми гендерної лінгвістики. Розглянуто явище інтертекстуальності у дискурсі І. Франка, а також виокремлено функції прецедентних текстів у його епістолярному дискурсі.

Ключові слова: *прецедентний текст, інтертекстуальність, епістолярний дискурс.*

Інтертекстуальність – це важлива текстова категорія, яка відображає наявність у певному тексті відбитки інших текстів, у більш широкому розумінні – діалогічний зв'язок тексту в семіотичному універсумі з попередніми текстами (рекурсивний) і з подальшим текстотворенням (прокурсивний). Термін введений 1967 р. послідовницею М. Бахтіна, семіологом і літературознавцем Ю. Крістевою [7].

Актуальність. Інтертекстуальність здебільшого розглядають як рекурсивний зв'язок з іншими текстами (з тими, що вже створені) і як занурення тексту до континууму інших текстів. Інтертекстуальність спостерігається в текстовому просторі одного автора, дослідники пояснюють це автокомунікацією, тобто діалогом автора із собою. Н. Фатеева виокремлює автоінтертекстуальність як ознаку індивідуально-авторського стилю, що позначає інтертекстову взаємодію текстів одного автора [9, с. 12-21].

Прецедентні тексти, як і явище інтертекстуальності репрезентантом якого, власне, вони і є, сьогодні активно вивчають дослідники. Вагомий внесок у теорію прецедентних текстів зробили такі сучасні російські мовознавці, як Н. Бурвікова [4], Д. Гудков [5], Ю. Караулов [2], В. Костомаров [4], В. Красних [6], І. Михальова [8], Ю. Сорокін [8] та ін.

Матеріалом для цього дослідження стала перша частина епістолярію І. Франка (1874-1885 рр.), а саме прецедентні тексти, вживані І. Франком у епістолярному дискурсі.

Прецедентні тексти – явище багатоаспектне, тому розглядають його з різних ракурсів – з огляду на лінгвістику тексту, психолінгвістику, теорію мовленнєвих актів, когнітивну лінгвістику.

Прецедентні тексти вважають одним із прецедентних феноменів, який, за визначенням В. Красних, «є компонентом знань, призначення і зміст якого добре відомі представникам певної етнокультурної спільноти, актуальним і використаним у пізнавальному й комунікативному плані» [6, с. 50].

Н. Бурвікова, Д. Гудков, Ю. Караулов, В. Костомаров, В. Красних, І. Михальова, Ю. Сорокін та ін. виділяють три типи прецедентних феноменів: 1) соціумно-прецедентні, відомі будь-якому пересічному представнику певного соціуму; 2) національно-прецедентні, відомі пересічному представнику певної національної спільноти; 3) універсально-прецедентні, відомі пересічній сучасній людині.

Прецедентними феноменами вважають: **прецедентне ім'я** (Д. Гудков, І. Захаренко, В. Красних) – індивідуальне ім'я персонажа, пов'язане з відомим твором (*Тарас Бульба, Обломов*) або із ситуацією, артефактом, відомими носіями мови (*Чорний шлях, тропа Івана Сусаніна,*), або з ім'ям-символом, що репрезентує еталонну сукупність якостей, рис (*Тарас Шевченко, Олександр Пушкін, Паїсій Хілендарський, Шота Руставелі*). Це складний знак, під час використання якого в комунікації здійснюється апеляція (звернення до кого-, чого-небудь) не до власного денотата (предмет думки, що відображає предмет або явище об'єктивної дійсності та утворює той понятійний зміст, з яким співвідноситься подана мовна одиниця), а до набору диференційних ознак цього прецедентного імені. Прецедентне ім'я може складатися з одного або кількох елементів, позначаючи при цьому одне поняття; **прецедентна ситуація** (В. Красних) – значуща подія, яка реально відбулася в житті етносу та цивілізації; її знаком може бути прецедентне ім'я або висловлювання (наприклад, ситуація зради Іудою Христа, яку розуміють як еталон зрадництва та позначають такими прецедентними ім'ям і висловлюванням: *поцілунок Іуди, за 30 срібних*); **прецедентне висловлювання** (В. Костомаров, Н. Бурвікова, І. Захаренко) – складна мовна одиниця, сума значень компонентів якої не дорівнює її змісту. Це висловлювання часто використовується носіями певної мови. До прецедентних висловлювань відносять цитати (фрагмент тексту), назви творів; **прецедентний текст** (Ю. Караулов, Ю. Сорокін) – відомий твір, актуалізований в інших текстах, повернення до якого кероване механізмами інтертекстуальності.

Інтертекстуальність розуміють як зв'язки між текстами у безперервному існуванні, де в тексті має місце один або кілька текстів, а, значить, під час аналізу підлягають розгляду зв'язки, які виникають між цим текстом і попередніми текстами, що можуть знаходитися в необмеженому часом просторі. В. Красних виділяє характеристики прецедентних феноменів, зокрема їхню здатність: 1) виконувати роль еталону культури; 2) функціонувати як згорнута метафора; 3) виступати як символ певного феномена або ситуації [6, с. 54]. Прецедентні феномени є компонентами мовленнєвого спілкування людей, а їх незнання або неправильне вживання та сприйняття призводить до порушення взаєморозуміння у процесі міжкультурної комунікації. Отже, прецедентний текст – явище багатоаспектне й багатофункціональне.

Мовознавці вважають, що прецедентні тексти *мають особливу цінність для дослідження дискурсу мовної особистості в історичному, культурному, країнознавчому ракурсах.*

Наукові студії про прецедентні тексти цікаві тим, що в них проблема інтертекстуальності розглянута на тлі лінгвокультурної свідомості. Наприклад, в роботі Г. Денисової «підхід до інтертекстуальності полягає у спробі розглянути інтертексти як складові елементи семантичної пам'яті носіїв російської мови / культури та їх прояви у різних галузях мовленнєвої діяльності» [1, с. 261]. Г. Денисова наголошує, що будь-яка мовна особистість, яка формується в межах

лінгвокультурного простору, неминуче виховується під впливом інтертексту й згодом сама стає суб'єктом, який їх використовує.

Г. Денисова виділяє 12 функцій інтертексту: 1) первинний засіб комунікації; 2) засіб створення мовної гри; 3) неявний засіб оцінки; 4) прийом переконання реципієнта; 5) засіб комунікативного впливу; 6) своєрідний засіб оформлення думок; 7) відправний момент роздумів; 8) контактостановлюючий засіб; 9) інтерпретаційне знаряддя; 10) спосіб пародіювання; 11) спосіб демонстрації ерудиції; 12) прийом прикрашання тексту [1, с. 163-178].

До зазначених функцій інтертексту можемо додати ще одну – репрезентацію категорії гендеру, у чому і полягає *мета дослідження*.

Завдання дослідження – розглянути прецедентні тексти щодо їх можливості віддзеркалювати, репрезентувати гендерні категорії.

З огляду на класифікацію прецедентних феноменів зазначимо, що в епістолярному дискурсі І. Франка наявні три типи прецедентних феноменів:

- 1) прецедентні імена (*Шевченко, Шекспір, Чернишевський* та ін.);
- 2) прецедентні вислови, особливо з латині (напр., «*Коли сими днями не буде реформи цілої правди in caritate et membris, то я прямо заявлю Кониському, що з комітету виступаю*» (лист № 122 до М. Драгоманова) [11, с. 185]);
- 3) прецедентні тексти (напр., «*Ех, женицини, женицини!*» – сказав десь-то *Шекспір, і велику правду сказав*» (лист № 6 до У. Кравченко) [11, с. 16]).

І. Франко активно використовував у своєму мовленні німецькі слова, зразки німецької усної народної творчості, крилаті вислови, адже його глибока обізнаність в німецькій літературі давала змогу часто цитувати німецьких авторів, насичуючи його мовлення прецедентними текстами.

Як узагальнення аналізу комунікативної компетенції Івана Франка, Т. Космеда, враховуючи специфіку прецедентних текстів, визначає такий їх корпус: 1) фольклор народів світу (приказки, прислів'я, притчі, казки тощо), антична міфологія; 2) твори світової художньої літератури; 3) релігійні твори, передусім Біблія; 4) наукові тексти українських та інших, переважно слов'янських дослідників; 5) публіцистичні тексти історико-філософського та політичного характеру [3, с. 200].

І. Франко наголошував, що він часто застосовує такий мовний засіб, як використання вже готової основи, канви, на яку накладається власний візерунок [10, с. 45]. Такою канвою для Франка передусім був фольклор або твір із чужої чи своєї літератури на ту саму тему. Іншими словами, дискурс Івана Франка є яскраво вираженим зразком використання прецедентних текстів. На думку Т. Космеди, сьогодні тексти І. Франка також стали текстами, які найбільше цитують в українському мовленні в проекції на всі стилі, адже тексти І. Франка дуже вдалі для того, щоб набувати статусу прецедентних [3, с. 198].

Як зазначає Т. Космеда, «І. Франко особливо активно використовує прецедентні тексти в публіцистичному дискурсі і, впливаючи на підсвідомість адресата через певні спогади, відчуття, асоціації, ці прецедентні тексти допомагають формувати громадську думку про явища, події, факти навколишнього світу» [3, с. 200].

Можемо стверджувати, що в епістолярному дискурсі І. Франко також широко використовує прецедентні тексти. Частотним типом використання прецедентних текстів у Франка є цитати щодо омовлення *гендерних ролей*. Він часто користується фольклорними джерелами, крилатими висловами.

До аналізу на предмет виявлення прецедентних текстів були залучені уривки з листів до чоловіків і жінок за перший період листування.

З усіх типів прецедентних текстів в епістолярному дискурсі І. Франка зустрічаємо фольклорні джерела, а саме прислів'я та приказки й цитати з художніх творів.

Зазначимо, що прецедентні тексти з фольклорних джерел у листах до жінок І. Франко вживає майже завжди поряд із фразеологічними зворотами. Вважаємо, що якість їх вживання прямопропорційна ступеню довіри та впевненості у тому, що адресат правильно сприйме думку адресанта, навіть якщо листи мають діловий характер, наприклад у листі № 234 до Н. Кобринської: “Звісна річ, я, почувши о такій їх для мене ласці, здивувався дуже, яким лицем могли вони, скривдивши мене і віднявши мені те, що було моє і при чім я все-таки два роки добре потрудився, **кидати мені опісля крушину з свого стола**. Розуміється само собою, що відказав навідрізі в своїм співробітництві, і в співредакторстві – **нехай собі їдять, що зварили**. [...] Тепер приходиться до нас пора тишини, хоч і не добровільної: що в ту пору зробимо, те буде зроблено і буде, певно, триваліше і краще, ніж те, що зроблено прихапцем, в поспіху та серед завірюхи. **А як прийде наш час ділання, тоді ми зможемо виступити як Бог приказав**” [11, с. 506-507] або у листі № 48 до Л. Драгоманової: “Крім дармої роботи, що забирала мені весь вільний час і не дозволяла заробляти нічого збоку поза “Kurjerom Lwowskim”, я мушу платити ще значний дефіцит (около 500 гульденів), котрих **відки взяти – святий знає**” [11, с. 67].

Іноді І. Франко використовує прецедентні тексти для створення комічного ефекту, у такому разі переprasуючи за надто довгий лист. Отже, у листі до Олени Пчілки № 3 він пише: “Отсе і все. Надокучив же я Вам своїм балаканням! Та що, **коли чоловік знає, що не поб'ють, то й балакає**, а бумага терпелива. **А колись, коли приведе Бог побачитись, то вже так за когось сховаюся, що хоч і схочете побити, то не досягнете**” [11, с. 11].

І. Франко вживає також перефразовані замовляння у напівжартівливій формі, при чому це не зменшує важливість того змісту, який він намагається донести до адресата, а отже, прецедентний текст функціонує як своєрідний засіб уведення думок. Так, у листі № 37 до Н. Кобринської він говорить: «[...] Ви, хоч ніби знехотя, наговорили мені компліментів, згадуючи щось о Вашім намірі зробити мене комендантом галицької літератури. **Од повітря, глада, огня і війни і од команди над галицькою літературою спаси мене Господи!**» [11, с. 65].

У листі № 60 до О. Рошкевич Франко вводить поодинокі слова російською мовою (з посиланням на їх автора), наприклад: «Але що се я пишу! Ти готова подумати, що я “стратив поважання” або щось подібного, – а я хтів би тільки, як той Чернишевський каже **“панєжитьсья**». Може бути, що мені се не до лица, і для того мої ніжності виходять все якісь медведюваті, ні, краще – валилуваті» [11, с. 162]. На нашу думку, в цьому випадку прецедентний вислів + прецедентне ім'я функціонують як контактовстановлюючий засіб.

У листуванні з чоловіками спостерігаємо те саме явище, що й у листуванні з жінками – використання фразеологізмів і прислів'їв, іноді перефразованих, і їх використання є мірилом ступеню довіри і порозуміння з адресатом, як, наприклад, у листі № 122 до М. Драгоманова: «**І пішов чоловік (Кониський) крутитися, як та віця, що має крутець, і докрутився до того, що й комітет, ним вибраний, оце вже два тижні не сходиться, і рахунків йому Олесницький не здає** [...] А рішено: програми ніякої не

видавати, а просто повторити експеримент з 1884 року, т. є. творити комітет з обох партій без ніякого глибшого порозуміння, причім, очевидно, знов вийде так, *що в тім комітеті одні будуть рити ями під другими, і обі партії разом упадуть, ще й взаємно обкидають себе болотом. Бог їм на поміч*» [11, с. 185].

Найчастіше прецедентні тексти І. Франко використовує наприкінці листів, можливо, підсумовуючи певним чином сказане, або як комунікативний намір узагальнити та закінчити розмову, як, наприклад у листі № 35 до М. Драгоманова: «Єсть вправді невеличка надія на оснування такого незалежного журнальчика у Львові, але надія настільки ще непевна, що я й говорити Вам о ній *не хочу, щоб ми оп`ять не почали ловити рибу перед саком, так як се було з “Поступом”*» [11, с. 63] (вважаємо, що даний прецедентний текст функціонує як прийом переконання реципієнта з неявним засобом оцінки) або у листі № 85 до Ф. Вовка: «Щодо друкарні, то сам же він (Антін Маньківський) був тут і допитався все, – *якого ж чорта лисого ще питає?* Впрочім, на всякий спосіб, як віддадуть з Кракова гроші, то віддадуть друкарні, котра, як чути, числить собі (за не виготовлені на час роботи) 70 р., а виготовити і скінчити ті роботи не хоче. *Ось йому віз і перевіз*» [11, с. 229]. Вищезазначені тексти функціонують як інтерпретаційне знаряддя з неявним засобом оцінки.

У діловому листуванні з чоловіками І. Франко вживає також перекладені цитати, надаючи їм певного гумористичного забарвлення, як у листі до Ф. Вовка: «А то наші українофіли друкують, пишуть таке, що аж їм самим обридло, *немов ті пси у Гейне, що просять прохожого: “А копни ж нас, най гавкнем раз!” І копнути їх нікому*» [11, с. 228]. Отже, прецедентний текст вжитий як інтерпретаційне знаряддя та як неявний засіб оцінки.

Висновки. В епістолярному дискурсі І. Франка прецедентні тексти функціонують як: 1) засіб створення мовної гри; 2) неявний засіб оцінки; 3) своєрідний засіб введення думок; 4) контактостановлюючий засіб; 5) інтерпретаційне знаряддя; 6) спосіб пародіювання.

Як вже зазначалося, якісні характеристики прецедентних текстів не залежать від статі адресата, але спостерігаємо певну закономірність: у листах до жінок, з якими в І. Франка були суто ділові стосунки, прецедентні тексти широко репрезентовані, в той час як у листах інтимних (наприклад, до О. Хоружинської, К. Попович, за винятком О. Рошкевич) І. Франко уникає вживання прецедентних текстів, можливо, тому, що намагається уникнути ймовірного непорозуміння, що знову-таки вказує на традиційне патріархальне сприйняття жінки як недосконалого комуніканта.

Зазначимо, що у листах до чоловіків прецедентні тексти переважно функціонують як неявний засіб оцінки, як своєрідний засіб введення думок, як інтерпретаційне знаряддя та як спосіб пародіювання, в той час як у листах до жінок вони функціонують як засіб створення гри, неявний засіб оцінки, своєрідний засіб введення думок, контактостановлюючий засіб та інтерпретаційне знаряддя.

Подальший аналіз епістолярного дискурсу І. Франка на предмет виявлення прецедентних текстів і визначення їх функцій у дискурсі в цілому дасть можливість докладніше визначити, яким чином прецедентні тексти репрезентують категорію гендеру в епістолярному дискурсі І. Франка.

Список літератури

1. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод: [монография] / Г. В. Денисова. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: [монография] / Ю. Н. Караулов. – М.: КомКнига, 2006. – 261 с.
3. Космеда Т. А. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри: [монографія] / Т. А. Космеда. – Львів: Видавництво «ПАІС», 2006. – 328 с.
4. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. А. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1 – С. 42-53.
5. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. – Сер. 9.: Филология. – 1997. – С. 158-164.
6. Красных В. В. Этнопсихолінгвістика и лингвокультурология: [курс лекций] / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гиозис», 2002. – 284 с.
7. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
8. Сорокин Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. – С. 98-117.
9. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов: [монография] / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
10. Франко І. Из секретів поетичної творчості / І. Франко // Зібрання творів: [у 50 т]. – К.: Наукова думка, 1981. – Т.31: Літературно-критичні праці (1897-1899) / [упоряд. та комент. Ю. Л. Булаховської та ін.]. – 1981 – С. 45-119.
11. Франко І. Листи (1874-1885) / І. Франко // Зібрання творів: [у 50 т]. – К.: Наукова думка, 1986. – Т.48: Листи (1874-1885) / [упоряд. та комент. В. В. Громової та ін.; ред. Н. Л. Калениченко]. – 1986. – 768 с.

Салионович Л. Н. Функционирование прецедентных текстов в эпистолярном дискурсе И. Франко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.456-461.

Статья посвящена рассмотрению эпистолярия И. Франко, в частности прецедентным текстам в письмах к мужчинам и женщинам, в аспекте проблем гендерной лингвистики. Рассмотрено явление интертекстуальности в дискурсе И. Франко, а также определены функции прецедентных текстов в его эпистолярном дискурсе.

Ключевые слова: *прецедентный текст, интертекстуальность, эпистолярный дискурс.*

Salionovich L. M. Functions of precedent texts in I. Franko's epistolary // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.456-461.

Article deals with the epistolary genre, appropriate to I. Franko, in particular, precedent texts in his letters to men and women are examined in the aspect of gender linguistics problems. The phenomenon of intertextuality in I. Franko's epistolary discourse is considered to determine functions of precedent texts.

Key words: *precedent text, intertextuality, epistolary discourse.*

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 81+808.2

МОДУСНІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ ЯК РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ

Сахарова О. В.

Київський слов'янський університет, м. Київ, Україна

У статті розглядаються зміст і функції модусних ремінісценцій в процесі мовлення людини; аналізується їх співвідношення з комунікативною програмою та домінуючими особистісними рисами співрозмовників.

Ключові слова: *модусні ремінісценції, мовна особистість, комунікативна програма.*

Мовна особистість, опинившись у центрі уваги сучасної лінгвістичної та психолінгвістичної науки, вивчається у багатьох вимірах: з точки зору її формування, професійного вияву, характеру презентації особистісних рис, особливості вияву комунікативної програми, моделювання певних жанрів, дискурсів, комунікативних стратегій та тактик тощо. Ці проблеми висвітлені у працях Н. Д. Арутюнової [2], Г. Й. Богіна, Ф. С. Бацевича [4], В. В. Дементьєва, В. І. Карасіка [6], Ю. М. Караулова [7], К. Ф. Седова [8] та інших науковців.

Багатовимірною стихією людської комунікації ставить нові питання перед дослідниками. Вербальне буття особистості вивчається у межах теорії мовної особистості, комунікативної лінгвістики, теорії дискурсу, лінгвістичної генології, психолінгвістики, соціолінгвістики тощо [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8].

Онтологічна сутність спілкування полягає в тому, що люди обмінюються не лише певною інформацією, формат якої визначається конкретною комунікативною ситуацією, але й глибинними смислами, модусами, що співвідносяться з особистісними асоціаціями, ремінісценціями, роздумами.

Характер таких «інформаційних відхилень» зумовлений як комунікативною програмою мовця, так і зовнішніми чинниками. *Метою статті* є висвітлення змісту та функцій модальних ремінісценцій в процесі вербальної інтеракції як типових для особистісно-орієнтованого, а іноді й для статусно-орієнтованого дискурсу. Під модальною ремінісценцією ми розуміємо певні відхилення від загального спрямування розмови, коли мовець апелює до своїх спогадів, міркувань, асоціацій. Такі явища притаманні людській природі, бо саме індивідуальні досвід, переживання, враження, події складають той модусний зміст особистості, який завжди переважає при сприйнятті та інтерпретації світу взагалі, та його опису зокрема. Усвідомлення реальності обов'язково інтерпретується через модус, який, за Ш. Баллі [3], виражає різні відтінки почуття або волі людини та її ставлення до реальності.

Мета зумовлює виконання таких завдань: 1) виявити типові ознаки модусних ремінісценцій у мовленні співрозмовників; 2) визначити функціональне зумовлення

звернення до модусних ремінісценцій в процесі вербальної інтеракції; 3) схарактеризувати семантичні різновиди модусних ремінісценцій в комунікативному процесі; 4) проаналізувати жанрову приналежність модусних ремінісценцій в особистісно-орієнтованому та статусно-орієнтованому дискурсі.

Бажання людини розкрити свій внутрішній є її екзистенційною сутністю. Характер апеляції до глибинних смислів залежить від жанру, тональності, мовних особистостей учасників вербальної інтеракції.

Коли минуле є спільною частиною життя комунікантів, його реальність відтворюється фрагментарно, відповідно до тих асоціацій, що породжує конкретна комунікативна ситуація.

Мама. Я народилася в евакуації, важких часів майже не пам'ятаю. Пам'ятаю День Перемоги – всі плакали, і я, дурненька, плакала, бо думала – скоїлась біда, а то був найсвітліший день у нашому житті. У мене був тато... А ти з мамою у війну лишився тут, і коли ти розповідав мені, як ночами крав буряки, а по полю стріляли з автоматів німці і пускали ракети – просто так, я теж плакала... Навіть коли з тобою познайомилась, ти був іще такий виснажений, з такою тугою у напівголодних очах, і я думала: “Боже мій! Що я можу зробити, щоб він забув, назавжди забув ті прокляті роки?” А потім з'явився Сергійко. Такий маленький, рожевенький... Ми вже тоді жили добре... І ти простоював над ним цілі години і дивився, як він спить. І я пишалася тобою. Ти так для нас старався. І працював, і вчився. А потім стало зовсім добре (Я. Стельмах, с. 107).

Соціальна історія виступає таким же фоном емоційного життя героїні, як і історія життя чоловіка. Відтворення минулого здійснюється через предикати емоційного стану (*плакала*), які повторюються по відношенню її сприйняття чоловіка. Звернення до адресата зумовлює зміст фрагментів спогадів, що вербалізуються: вони стосуються саме щасливих моментів спільного життя, тих дій та станів, які найбільше запам'яталися героїні, бо були для неї найдорожчими (*простоював над сином, старався, працював, вчився*). Жанрова кваліфікація комунікативної вербалізації спогадів варіюється від відвертої розмови, обміну думками до дискусії та суперечки.

Модальні ремінісценції в інших ситуаціях спілкування зосереджено на певних відчуттях, зумовлених конкретними подіями, способом життя мовця та людей, що його (її) оточували. Найчастіше це виявляється у розмовах з незнайомою або мало знайомою людиною. Така ремінісценція містить інформативну частину (що іноді представляє стиль життя певного соціуму в певну епоху), емоційне відтворення фактів, що зумовлює якесь філософське узагальнення, та певну перспективу на майбутнє:

Тоня. В дитинстві я вірила у щастя. Щастя – це коли в тебе є така лялька, як в сусідської Нінки. Ми, кілька сімей, жили у величезній комуналці з напівтемною кухнею, – там стояло безліч столиків, сичали жаровні, бризкали виварки, – із запахом білизни, мила, смаженої картоплі. Досі страшенно люблю смажену картоплю – мені завжди діставалось її менше, ніж хотілося... Мої однокласники дражнили мене, бо я ходила в одному платтячку. І я дивилася з вікна, як хлопці

грають у коци... У мамі з вітчимом з'явився мій братик, і їм було не до мене. І мені здавалось – нікому в світі я вже не буду потрібна... (Стельмах, с. 139).

Спроба дати визначення найзагадковішому феномену людства через дитячі відчуття та образи зумовлює встановлення системи гештальтів, що детально відображають атмосферу формування почуття, що вербалізується через самоприниження (*мені завжди діставалось її менше; однокласники дражнили мене, бо я ходила в одному платтячку*).

Апеляція до минулого, до опису життєвих випробувань, через які проходить мовець, притаманні невимушеній розмові, набувають маніпулятивних стратегій в ситуаціях впливу:

Друг. А я змушений був після восьмого класу подаватись у якийсь дурний технікум, тому що батечко від нас дременув, а там давали стипендію, тоді зубами прогризатись в інститут, в аспірантуру... Сидіти в помийці нікому не хочеться. А у нього все – ось на долоні! Чому, за яким правом, я тебе питаю? (Стельмах, с. 148).

Звернення до біографічних фактів у тональності бідкання зумовлене прагненням мовця протиставити свій життєвий шлях проблемам друга, якому не доводиться особливо “зубами прогризатись”, що, на думку персонажа п'єси, має вигідніше виставити саме його. Глибинна образа на всіх, кому в житті більше пощастило, кому “з дитинства все було дозволено”, і все було “на тарілочки”, вербалізується в риторичних питаннях (Чому, за яким правом..?). В такий спосіб герой намагається переконати дівчину в перевазі себе як особистості.

Власний життєвий досвід видається для багатьох особистостей підставою для стратегій переконання:

Павло Антонович.... кинь ти хлопця свого, га, Тонь?.. Ти зрозумій, я ж до тебе з усім серцем. Життя прожив. Чого набачився! Усякого надивився! І в окопах замерзав, і достатки були. І дітей своїх на ноги ставив... Повір мені, Тоню, не потрібен він тобі (Стельмах, с. 152).

Жанр переконання (умовляння) включає апеляцію до власного минулого (*І в окопах замерзав, і достатки були. І дітей своїх на ноги ставив...*) як доказ у правильності власних думок. Неадекватність змісту ремінісценцій та комунікативної програми персонажа не усвідомлюється мовцем, що є типовим для певних мовних особистостей.

Модусні ремінісценції, пов'язані з відповідною особистісною драмою, можуть слугувати причиною певних дій, вчинків, професійної діяльності мовця.

Авілов (читає по папірцю). «Ще студентом-медиком я мріяв створити вакцину, яка б врятувала мільйони людей від грізної небезпеки. Я щасливий, що мої юнацькі мрії збуваються». (Віддає папірець Владову). Це брехня. Замолоду я мріяв не про грип – бо що таке грип? Це банально, суцільний нежить, аспірин... Я хотів бути славнозвісним хірургом, неодмінно нейрохірургом. І що ж? пішов на операцію – і не витримав вигляду крові. Знепритомнів. Типовий слабак, аж самому гидко було. Довелося йти в мікробіологію. А потім, коли я був уже аспірантом, захворів на грип... Мешкали ми тоді разом з батьками в одній кімнаті. У батька було погано з кров'ю. лейкопенія – це коли мало лейкоцитів. А лейкоцити захищають організм... Батько заразився від мене грипом. Через два дні він помер ... не дочекавшись внуків,

ще не дуже старий. А я й донині почуваю себе вбивцею, наче це я винен у його смерті... Якщо наша вакцина виявиться ефективною – а я вірю в це, – я гадаю, що тільки тоді з моєї душі спаде почуття провини (Ю. Щербак, с. 11-12).

Несподівана ремінісценція професора, про якого знімають фільм, виступає альтернативою певного шаблону, за яким моделюються подібні мовленнєві жанри. Його мовлення включає безапеляційні оцінки як альтернативного тексту (*Це брехня*), так і власних станів та дій (*Типовий слабак*). Модальний ракурс оповіді доповнюється відповідним модальними предикатами (*Довелося йти, почуваю себе*) та багатовимірною темпоральною площиною – насиченим минулим, теперішнім та перспективою на майбутнє.

Висновки. Таким чином, модусні ремінісценції є невід’ємною частиною вербального буття людини, маркером асоціативного мислення, коли конкретні події, ситуації нагадують певні фрагменти життя. Найповніше вони виявляються у спогадах.

У ситуації спілкування людей, що прожили спільне життя (або його частину), наприклад, подружжя, ремінісценції виникають як осмислення дій та вчинків адресата, що вербалізується через предикати активної дії. Такі спогади реалізуються через мовленнєві жанри “відверта розмова”, “обмін думками”, “дискусія”, “суперечка” та слугують для посилення психологічного об’єднання мовців

Жанри умовляння, переконання, поради, сповіді також можуть містити елементи модусних ремінісценцій. Такі вербальні акти можуть мати функції маніпуляції або самопрезентації.

Репертуар маніпулятивних стратегій доповнюють також жанри бідкання, агресивної оповіді, образ, які слугують переконанням у своїй перевазі.

Апеляція до модусних ремінісценцій у діловій комунікативній ситуації слугує альтернативою до примітивної картини світу, матриці, яку намагаються накласти на будь-яку долю. Модусні ремінісценції в такому дискурсі є знаком глибинних міркувань над сутністю буття взагалі, та над конкретними життєвими ситуаціями зокрема.

Список літератури

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. / К. Ажеж. – М., 2003. – 301 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. – М., 1998. – 896 с.
3. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
4. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної генології / Ф. С. Бацевич. – К., 2006.
5. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – Вып. 1. – Саратов, 1997. – С. 99-111.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
9. Стельмах Я.М. Провінціалки: П’єси / Я.М. Стельмах. – К.: Мистецтво, 1991. – 268 с.
10. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88-98.
11. Щербак Ю. М. Відкриття / Ю.М. Щербак. – К.: Мистецтво, 1976. – 72 с.

Сахарова О. В. Модусные реминисценции как репрезентация языковой личности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.462-466.

В статье рассматриваются содержание и функции модусных реминисценций в процессе речи человека; анализируются их соотношение с коммуникативной программой и доминирующими личностными чертами собеседников.

Ключевые слова: модусные реминисценции, языковая личность, коммуникативная программа.

Sakharova O. V. Modus reminiscence as the representation of the linguistic personality // *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios».* – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.462-466.

The article is dedicated to the means and function of the modus reminiscence in the process communicative of people; zeir correlation with the communicative programme and dominanting personal characteristics are analyzed.

Key words: Modus reminiscence, linguistic personality, communicative programme.

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 811.161.2'38'42:821.161.2.09

ФУНКЦІОНУВАННЯ ЗВЕРТАНЬ У МОВІ ТВОРІВ І. С. НЕЧУЯ-ЛЕВИЦЬКОГО

Терещенко К. С.

*Кримський науково-методичний центр управління освітою НАПН України,
м. Сімферополь, України*

*Стаття присвячена дослідженню лексико-граматичної та стилістичної
характеристики звертань у повістях І. С. Нечуя-Левицького «Кайдашева сім'я»
та «Микола Джеря».*

Ключові слова: *мовленнєвий етикет, звертання, вокативні речення,
українська мова, лексика.*

Різні мови світу виробили спеціальні (лексичні, морфологічні, синтаксичні) засоби вираження ввічливості, особливі етикетні мовні формули, які утворюють у кожній конкретній мові цілу систему – мовленнєвий етикет.

Український мовленнєвий етикет – явище прогресивне та суто національне, бо належить рідній (материнській) мові й відображає національний характер українця, його ментальність – склад розуму, самотутній спосіб мислення й світосприймання.

Український мовленнєвий етикет передбачає властиві українцям національно специфічні правила мовленнєвої поведінки, втілені в системі стійких формул і виразів для прийнятих і запропонованих суспільством ситуацій чемного контакту із співбесідником [5]. Формули, що вживаються при зав'язуванні контакту між мовцями, – формули звертань і привітань; при підтриманні контакту між мовцями – формули вибачення, прохання, подяки; при припиненні контакту – формули прощання, побажання тощо [4, с. 92].

Серед формул ввічливості найважливішою, безсумнівно, є звертання.

Українська мова має звичні звертання, вони часто повторюються багатьма мовцями, тому й стали характерними для мови в цілому.

Саме тому вивчення звертань завжди було і є необхідною й *актуальною* темою. Вживання звертань у творах І. С. Нечуя-Левицького ще не було предметом детального вивчення, тому це дослідження дасть можливість вивчити особливості вживань звертань у мові творів письменника.

Метою роботи є дослідження лексико-граматичної та стилістичної характеристики звертань у повістях І. С. Нечуя-Левицького.

Джерелом дослідження звертань стали повісті І. С. Нечуя-Левицького «Кайдашева сім'я» та «Микола Джеря». Вивчення проходило на основі зібраного матеріалу з двох повістей (понад 400 позицій).

До вивчення проблеми звертань неодноразово поверталися такі дослідники, як Ф. І. Буслаєв, В. В. Виноградов, Д. М. Овсянко-Куликовський, О. Огоновський, О. М. Пешковський, О. О. Потебня, О. Г. Руднев, М. М. Шанський, О. О. Шахматов,

Н. Ю. Шведова. В українському мовознавстві дослідженню звертань присвячені роботи І. К. Кучеренка, Є. К. Тимченка, І. Т. Яценка та ін.

Загалом у лінгвістиці до визначення статусу звертання та його функціонального навантаження існує кілька підходів:

1. Звертання не входить до складу речення (не є членом речення) (О. О. Шахматов, О. М. Пешковський, вузівські та шкільні підручники).
2. Це особлива група номінативних речень (Л. А. Булаховський).
3. Звертання є членом речення (підметом) (О. Г. Руднев, І. Р. Вихованець).

У повістях І. С. Нечуя-Левицького використовується один з найсильніших граматичних засобів мови – різні види звертань.

Звертання – це слово (або сполучення слів), яке називає того, до кого або до чого звернене мовлення. Воно має форму кличного або омонімічного називного відмінка і вимовляється з особливою, кличною інтонацією. Основна функція звертання – спонукати співрозмовника слухати, спонукати його до спілкування. [2, с. 268]

Визначають два функціональні типи звертань: власне звертання (виступають як назви конкретних адресатів мовлення, як форми вольових виявлень мовця) і звертання, що вживаються як інтимізуючі вирази в різних комунікативних ситуаціях (надають мовленню відтінку інтимності). На сторінках повістей трапляються обидва ці типи звертань.

Найчастіше письменник уживає звертання, що служать назвами осіб. У творах переважають звертання – жіночі імена – назви персонажів. Більшість із них – це розмовно-побутові варіанти: *Мотре* (7,75%; від Мотрона); *Мелашко* (3,5%; від Меланія); *Палажко* (2,25%; від Пелагея (Пелагія)); *Любко* (0,75%; здрібніло-пестливий варіант імені Любов (Любина)); *Марусе* з варіантом закінчення у кличному відмінку *Марусю* (0,5%; здрібніло-пестливий варіант імені Марія (Мар'я)); *Параско* (0,25%; від Парасковія). Трапляються й звертання – офіційні повні імена: *Нимидоро* (2,25%); *Мокрино* (2,25%).

Таким чином, у повістях ужито 8 жіночих імен (всього 19,5% від загальної кількості слововживань). Наприклад: “*Марусю! Та не кидайся-бо!*” [3, с. 140]; “*А йди лишень сюди, Мотре, щось маю тобі казати*” [3, с. 142].

Дещо рідше трапляються звертання – чоловічі імена. Це теж як повні імена, так і розмовно-побутові варіанти. Відповідно: *Карпе* (6%); *Миколо* (3%); *Петре* (0,75%); *Лавріне* (3,5%; від Лаврентій); *Омельку* (1,5%; від Омелян); *Грицьку* (0,25%; від Григорій).

Отже, у повістях знаходимо 6 чоловічих імен (вони становлять 15%). Наприклад: “*Сватай, Карпе, Палажку*” [3, с. 113]; “– *Ну що скажеш, Петре? – обізвася батюшко з другої кімнати*” [3, с. 21].

У творах також є невелика кількість звертань, що називають прізвище або прізвисько людини (1%): *Посмітюхи*, *Смутку*, *Кайдашенку*, *Кайдашихо*. Наприклад: “*Тепер поздоровляю вас з новим щастям, новим здоров'ям, панове Посмітюхи...*” [3, с. 93]; “*Гей, Смутку! Годі тобі смуткувати...*” [3, с. 106].

У функції звертань у творах також виступають назви спорідненості та свояцтва: *мамо* (12%); *дочко* (6%); *сину* (5,5%); *тату* (5,25%); *свахо* (2,5%); *бабо* (1,75%); *жінко* (1,5%); *матінко* (1%); *ненько* (1%); *куме* (0,75%); *дитино* (0,75%); *діти*

(0,5%); *діточки* (0,5%); *доню* (0,5%); *невістко* (0,5%); *невісточко* (0,5%); *свекрухо* (0,5%); *свату* (0,5%); *матусю* (0,25%); *дітоньки* (0,25%) (всього – 42% від загальної кількості слововживань). Наприклад: “**Мамо!** годі вам спати!” [3, с. 162]; “– Лягаймо, **невістко**, спати, бо завтра треба вдосвіта вставатъ та на панцину поспішатъ, – сказала мати...” [3, с. 24]; “**Ой сину**, мовчи лишень!” [3, с. 25].

У повістях трапляються звертання, що містять різну оцінку особи за її характером, вдачею, поведінкою: *волоцюго*, *злодійко*, *ледащо*, *навісна*, *погана*, *п’янице* (1,5% від усіх слововживань).

Також у функції звертань виступають узагальнені назви, які містять соціальну оцінку особи (всього – 3,25%): *брати-товариші* (1%); *браття* (0,75%); усічена форма звертання “брате” – *бра* або *бра’* (0,75%); *пане* (0,5%); *княгине* (0,25%).

У повістях І. С. Нечуй-Левицький вживає також звертання, що є назвами осіб за професією, званням, родом діяльності: *батюшко* (2,25%); *матушко* (1%); *козаче* (1%); *отамане* (1%); *музики* (0,25%); *шинкарю* (0,25%) (всього 19,5% від загальної кількості слововживань).

Трапляються звертання – назви осіб за віком (6,25%): *чоловіче* (2%); *дівчино* (1,75%); *хлопці* (1%); зневажливе звертання *дівко* (0,5%); *молодице* (0,5%); *стара* (0,5%). Наприклад: “**Ой ти, дівчино**, з кучерявої руги-м’яти звита...” [3, с. 150].

У повістях наявні звертання, що є узагальненими назвами: *панове громадо* (1%); *люди добрі* (0,75%) (всього – 1,75%).

Трапляються звертання до Бога та до святих, які пов’язані з віруваннями українців: “**Господи милостивий!** Візьми мене до себе!” [3, с. 120]; “**Помилуй його, безкостий Марку, сухий Никоне, мокрий Миколаю!**” [3, с. 239]. Деякі з них становлять собою усталені звороти, вони перестали називати конкретне поняття й тому перетворилися у вигуки. Наприклад: “**Боже!** помози!” [3, с. 150]; “**Господи, як тут просторно, як тут широко!**” [3, с. 60]. Від загальної кількості звертань вони становлять 2,5%.

Зібраний матеріал свідчить, що у мові повістей вживаються різноманітні пестливі слова: *сонечко*, *мила*, *чорноброва*, *втіхо*, *красо*, *соколе*, *дівчино-горлице*, *щастя моє*, *доле моя*, *серденько*, *серце кохане*, *серденько любе*, *голубчику*, *білий лебедиду*. Наприклад: “**Дівчино-горлице!** Коли б ти знала, якого жалю ти мені завдала! – подумав Микола, глянувши на Мокрину” [3, с. 105]; “**Прощай, моє ясне сонечко!**” [3, с. 191]; “**Серце, голубчику, білий лебедиду!** – говорив п’яний Грицько...” [3, с. 260] та ін.

Але знаходимо й лайливі слова: *суко*, *сатано*, *іродова душе*, *суча дочко*, *бісова дочко*, *свиню*, *паскудо*, *стара відьмо*, *дурню*, *вразий сину*, *сучий сину*. Наприклад: “**Якого ти дідька чіпляєшся до мене, сатано?**” [3, с. 244]; “**Чого ти, бісова дочко, гризешся з матір’ю? – крикнув старий Кайдаш**” [3, с. 173]; “**Говори, дурню!**” [3, с. 134]; “**О, брешеш, сучий сину; не докажеш!** – промовив Задерживіст, вже трохи п’яний” [3, с. 106].

У повістях, окрім назв осіб, знаходимо незначну кількість (2%) звертань до птахів і тварин. Наприклад: “**Не куй, сива зозуле, не кажи мені багато літ жити!**” [3, с. 40]. До тварин звертаються за їх мастю: *сірий* (до вола), *моругий* (до вола), *перістий* (до вола).

Зустрічаємо звертання, що є географічним поняттям: “Прийми, **море**, **мос грішне тіло!**” [3, с. 117] та звертання до рідної хати: “**Процайте, рідні пороги**, де походжали мої ноги!” [3, с. 61] (вони складають 0,5 %).

Таким чином, в аналізованих повістях використовуються різні типи звертань за їх значенням, які представлені в таблиці.

Значення	Звертання	Відсоток
Назви спорідненості та свояцтва	<i>Мамо, дочко, сину, тату, свахо, бабо, жінко, матінко, ненько, куме, дитино, діти, діточки, доню, невістко, невісточко, свекрухо, свату, матусю, дітоньки.</i>	42%
Жіночі імена	<i>Мотре, Мелашко, Палажко, Нимидоро,</i>	19,5%
Чоловічі імена	<i>Мокрино, Любко, Марусе, Марусю, Параско, Карпе, Лавріне, Миколо, Омельку, Петре, Грицьку.</i>	15%
Назви осіб за віком	<i>Чоловіче, дівчино, хлопці, дівко, молодице, стара.</i>	6,25%
Соціальна оцінка особи	<i>Брати-товариші, браття, бра, бра', пане, княгине.</i>	3,25%
Звертання до Бога, святих	<i>Господи милостивий, безкостий Марку, сухий Никоне, мокрий Миколаю, Боже, Господи.</i>	2,5%
Звертання до птахів, тварин	<i>Сива зозуле, сірий, муругий, перістий.</i>	2%
Узагальнені назви	<i>Панове громадо, люди добрі.</i>	1,75%
Оцінка особи за її характером, вдачею, поведінкою	<i>Волоцюго, злодійко, ледацо, навісна, погана, п'янице.</i>	1,5%
Звертання за прізвиськом, прізвиськом	<i>Посмітюхи, Смутку, Кайдашенку, Кайдашихо.</i>	1%
Звертання до хати	<i>Рідні пороги.</i>	0,25%
Звертання, що є географічним поняттям	<i>Море.</i>	0,25%

У творах окрім власне звертань трапляються і звертання, що вживаються як інтимізуючі вирази. Їх небагато, наприклад: “*І цур йому, пек йому! ходім, **бра**, в солону*” [3, с. 107]; “*Здоров був, **соколе!***” [3, с. 260].

Звертання можуть виходити за межі речення, вживатись із самостійною інтонацією, що викликає складне уявлення, у центрі якого перебуває певна особа. Тобто таке звертання вважається реченням-звертанням або вокативним.

Зібраний нами матеріал свідчить, що у мові творів трапляється значна кількість вокативних речень (18,25% від загальної кількості звертань). За змістом і функцією їх можна розподілити на такі групи:

1) звертання-речення, якими гукають, просять, закликають або вимагають якомусь зреагувати на поклик, зробити що-небудь, розповісти, пояснити. Наприклад: “***Омельку! Омельку!** – гукнула Кайдашиха тонким голосом!*” [3, с. 137]; “***Брати-товариші!** Коли хто вернеться додому, накажіть моїй жінці, нехай не журиться, не плаче та нехай доводить до розуму дітей*” [3, с. 84]; “***Мотре!** Чи дома твій*”

батько та мати? – спитав Кайдашенко з-за воріт” [3, с. 142]; “**Лавріне!** – знов гукнула Кайдашиха” [3, с. 203];

2) звертання-речення з виразною спонукальною функцією – попереджувальною, заборонною, наказовою, наприклад: “**Шинкарю!** давай лишень сюди дорогого вина! – крикнув Задержіст, сідаючи на лаву” [3, с. 107]; “**Карне!** Держи-бо цабе! – крикнув батько на сина” [3, с. 147]; “**Мокрино!** йди додому!” [3, с. 116]; “**Мотре!** покинь мотовило, бо як ухоплю кочергу, то поб’ю тобі руки” [3, с. 172]; “**Мамо!** годі вам спати!” [3, с. 162]; “**Тату!** не наближайтесь, – говорив спокійно, але понуро Карпо, стоячи стовпом на одному місці” [3, с. 174];

3) звертання-речення, що виражають різноманітні реакції мовців, їхні внутрішні переживання, які сконцентровані у звертанні. Ці звертальні побудови виражають радість, здивування мовців, любов, ніжне ставлення до особи, переляк, безнадію або глибокий біль від того, що трапалося. Наприклад: “**Рятуйте жінку, дітей! Хто в бога вірує!** – крикнув Кавун. – **Миколо! Нимидоро!**” [3, с. 83]; “**Голубко Мокрино!** – промовив Микола, взявши її за руки” [3, с. 118]; “**Ненько моя, голубко моя!** Нащо ж ти мене так рано покидаєш?” [3, с. 126]; “**Серце моє, дитино моя!** Ти й не знаєш, що зостасиця сиротою! – плакала Нимидора, задавлюючи хрипкий голос у грудях” [3, с. 61].

У творах І. С. Нечуя-Левицького звертання використовуються переважно як засіб посилення виразності й емоційності мови героїв. Для мовлення героїв характерні стилістично нейтральні, пестливі, голубливі звертання, звертання, які виражають радість, повагу, захоплення, жаль, лайливість, докір.

Отже, мова героїв експресивна, емоційно забарвлена. Емоційне забарвлення звертань у повістях розкривається:

1) у лексичному значенні слова, яким виражено звертання: “**Одчепіться, мамо,** з тією Варко” [3, с. 11]; “**Я, бабо,** піду в волость жалітись на вас” [3, с. 233];

2) у переносному значенні слова-звертання: “– **Чого ти, бісова дочко,** гризешся з матір’ю? – крикнув старий Кайдаш” [3, с. 173]; “**Здоров був, соколе!**” [3, с. 260];

3) за допомогою суфіксів суб’єктивної оцінки: “**Оце недавно, серденько моє,** просили мене готувать обід аж у Демки: у священика були хрестини” [3, с. 153]; “**Голубчику!**” [3, с. 260];

4) за допомогою означень і прикладок, які стоять при звертанні (звертаннях): “**Не дуже дави ножем, моє серденько любе,** то гориць не буде скавучать...” [3, с. 157]; “**Ось я тобі, стара відьмо,** покажу ченців та чортів!” [3, с. 223].

Засобом експресивного напруження мови є повторення звертання, а також вживання при ньому часток або вигуків: “**Карне! Карне!**” [3, с. 157]; “– **Омельку! Омельку!** – гукнула Кайдашиха тонким голосом” [3, с. 137]; “**Пху на тебе, сатано!**” [3, с. 165]; “**Тпру, моругий!**” [3, с. 195] та ін.

Всі згадані звертання вживаються в діалогічній мові, в мовленні персонажів. В авторській мові вони відсутні.

Висновок. Отже, звертання є своєрідним лакмусовим папірцем, що свідчить про зміни в суспільстві, стосунки між членами цього суспільства, їхню роль і статус. У повістях І. С. Нечуя-Левицького «Кайдашева сім’я» та «Микола Джеря» майстерно використовується таке явище усного мовлення, як звертання. І. С. Нечуй-

Левицький узагальнює та типізує найхарактерніші особливості живого мовлення, якому притаманна безпосередня спрямованість до слухача.

Список літератури

1. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: [ідручник] / І. Р. Вихованець. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
3. Нечуй-Левицький І. С. Микола Джеря. Кайдашева сім'я / І. С. Нечуй-Левицький. – К.: Молодь, 1984. – 264 с.
4. Плющ Н. П. Формули ввічливості в системі українського мовного етикету / Н. П. Плющ // Українська мова і сучасність. – К., 1991 – С. 92-98.
5. Словник української мови: В 11 т. – К.: Наукова думка, 1970-1980.
6. Стельмахович М. Український мовленнєвий етикет / М. Стельмахович // Урок української. – 2001. – № 3. – С. 14-15.
7. Сучасна українська літературна мова. Синтаксис / [за ред. О. Д. Пономарева]. – К.: Либідь, 1994. – 256 с.
8. Сучасна українська літературна мова: Синтаксис / [за ред. І. К. Білодіда]. – К.: Наук. думка, 1972. – 511 с.
9. Українська мова: Енциклопедія. – 2-е вид. – К.: Вид-во Укр. енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – 824 с.

Терещенко Е. С. Функционирование обращений в языке произведений И. С. Нечуй-Левицкого // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.467-472.

Статья посвящена исследованию лексико-грамматической и стилистической характеристики обращений в повестях И. С. Нечуй-Левицкого «Кайдашева сім'я» и «Микола Джеря».

Ключевые слова: *речевой этикет, обращение, вокативные предложения, украинский язык, лексика.*

Tereschenko E. S. The functioning of appeals in the language of works of I. S. Nechuy-Levitskiy // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.467-472.

The article is devoted research of leksiko-grammatic and stylistic description of appeals in the stories of I.S. Nechuy-Levitskiy «Kaydasheva sim'ya» and «Mikola Dzherya».

Key words: *speech etiquette, appeal, vocative sentences, Ukrainian language, vocabulary.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.2'373.46:33

ПРОБЛЕМИ ТЕРМІНОЛОГІЧНОГО НОРМУВАННЯ В ЕКОНОМІЧНІЙ СФЕРІ НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ

Черемська О.С.

Харківський національний економічний університет, м. Харків, Україна

Окреслено основні проблеми та особливості термінологічного нормування на матеріалі економічної термінології.

Ключові слова: *термінологічне нормування, економічні терміни, запозичення, синонімічні варіанти.*

Сучасна економічна термінологія – явище неоднорідне, що зумовлено походженням і розвитком багатьох економічних термінів. У ній паралельно функціонують терміни як національного, так і іншомовного походження. Економічні, політичні та культурні зв'язки між різними країнами є екстралінгвістичними чинниками міжмовних взаємовпливів, наслідком яких стало активне запозичення лексичних одиниць. Засвоєння мовою запозичуваних термінів – складний діяхронічний процес, у якому переплітаються взаємозв'язки й взаємодія, з одного боку, мови, яка запозичує, та мови, що віддає, а з іншого боку – внутрішньосистемні особливості мови-позичальниці. Такі явища можуть спричинювати порушення лексичних норм. У зв'язку з цим *актуальною* є проблема подальшого вкоренення економічної термінології.

На сучасному етапі розвитку української наукової мови активне функціонування економічної терміносистеми актуалізує завдання дослідження проблем нормалізації термінологічного фонду економічної сфери спонукає до його подальшого опрацювання.

Мета статті – з'ясувати особливості нормативних процесів сучасного періоду, виокремити основні проблеми термінологічного нормування на матеріалі економічної термінології та накреслити шляхи розв'язання визначених проблем, що спричинюють порушення мовних норм.

Складовими економічної термінології є макроекономічна та мікроекономічна терміносистеми. Мікроекономіка як наука досліджує поведінку індивідуального економічного суб'єкта, у центрі ж уваги макроекономічної теорії перебуває економічна діяльність усього суспільства. Кожна з цих економічних галузей знань послуговується характерними їй термінами. Однак проблеми економічної термінології в цілому пов'язані з особливостями термінологічної семіотичної системи.

Термінології як семіотичній системі властиві певні ознаки: 1) прагнення до одно-однозначної відповідності, тобто моносемії, яке порушується у всіх терміносистемах, що спричинене різними аспектами дослідження того самого поняття або невпорядкованістю термінологічного апарату певної течії, галузі чи теорії через їхню новизну; 2) прагнення до усунення синонімії шляхом конкретизації строгої дескрипції синонімічних пар чи дублетів; 3) відкритість і динамізм системи, що виявляється у процесах термінологізації, ре- і детермінологізації, постійному поповненні системи новими термінами; 4) прозорість внутрішньої форми терміна, що полегшує його сприйняття і збереження у терміносистемі; 5) жорстка конвенційність, що дає змогу застосовувати терміни у певній обмеженій сфері спілкування; 6) стилістична нейтральність [13, с. 618].

З урахуванням цих ознак і має відбуватися термінологічне нормування сьогодні. Однак через ряд причин екстралінгвістичного характеру, як наприклад, перерваність традицій власнемовного термінотворення, тривала відсутність принципів стандартизації, стандартів на українські терміни та ін. нормативні процеси в галузі термінології пов'язані з багатьма проблемами.

За спостереженнями науковців, однією з таких проблем став термінологічний вибух в Україні, викликаний державним статусом української мови та економічними потребами, що зумовило значною мірою «некеровану ланцюгову реакцію творення слівників». Ця ситуація спричинила такі явища, як калькування російських термінів, з одного боку, та «реставрацію давно забутих діалектизмів, okazіоналізмів, штучних витворів» – з іншого. За такої ситуації у справі термінотворення, як вважає Т. Кияк, важливо зважати на традицію, орієнтовану на повноцінну комунікацію, взаєморозуміння між фахівцями як однієї країни, так і на міжнародному рівні [15, с. 3].

Проблеми сучасного українського термінотвору і терміновжитку, на думку В. Пілецького, зумовлені впливом двох чинників – глобалізацією сучасної науки і пов'язаним з нею впливом іншомовної лексики, а також із термінною спадщиною 30-80-х років ХХ століття, коли основною засадою українського термінотвору була така: із двох чи більше назв вибирати найближчу до російської. Нерідко таке найменування суперечило духові української мови і не відбивало системних взаємозв'язків українських назв спеціальних понять [11, с. 429]. Мовознавець виокремлює важливі проблеми сучасного термінознавства: співвідношення термінів власне українських та позичених; місце синонімів у терміносистемі; словотворчі проблеми українського термінознавства; проблеми вимови і написання термінів [9, с. 116-118], а також виділяє типи назв, навколо яких відбуваються сучасні термінологічні дискусії: 1. Назви процесових понять. 1.1 Назви предметних дій. 1.2 Віддієслівні прикметники. 2. Терміни-інтернаціоналізми. 3. Росіянізми. Англіцизми [11, с. 429-436].

Дослідниця науково-технічної термінології Г. Наконечна, підводячи підсумки термінологічної роботи останніх років, окреслює такі самі термінологічні проблеми: проблема спадщини, проблема запозичень, проблема перекладу термінів, словотворча проблема, правописна проблема, проблема транслітерації, проблема

синонімії, проблема культури наукової мови. Завдання українських термінологів убачає не в укладенні єдиної, незмінної для всіх часів національної термінології, а в досягненні її стабільності й функціональної оперативності в певних (якомога ширших) часових межах. У зв'язку з цим важливо виробити генеральні підходи (саме підходи, а не терміносистеми) до називання наукових понять [6, с. 130-144]. Серед важливих завдань українських термінознавців-лінгвістів – з'ясування місця чинних і новостворених назв спеціальних понять у лексичній підсистемі української літературної мови, з одного боку, і вивчення умов функціонування термінів у науковому тексті, з другого [10, с. 115].

Унормування термінів – динамічний процес, характерний усім терміносистемам. Унормування терміносистем української мови безпосередньо залежить від вирішення низки проблем: порушення лексичної загальнолітературної норми, неточне лексичне позначення наукових понять, уживання слів, не властивих українській мові, наявність термінологічної полісемії, омонімії, синонімії, словотвірних варіантів тощо [12, с. 23].

Усі ці проблеми термінологічного нормування повною мірою властиві економічній сфері. В економічних словниках кінця ХХ – початку ХХІ століття [2; 16; 17] можемо спостерігати часті впливи російськомовного посередництва: *договор рамочний* – *договір рамковий*, *долевая собственность* – *часткова власність*, *развивающий маркетинг* – *розвиваючий маркетинг*, *падающий спрос* – *падаючий попит*, *оценка кредитоспособности товара* – *оцінка кредитоспроможності товару*, *оценка подрядчика* – *оцінка підрядника*, *доминирующее положение* – *домінуюче становище*, *оптовая и торговая надбавка* – *оптова та торговельна надбавка*, *исключительная лицензия* – *виключна ліцензія*, *невключная лицензия*, *базисная цена* – *базисна ціна* (*базисні умови постачання*, але *базовий прибуток*), *баланс долгосрочных вложений* – *баланс довгострокових вкладень*, *оборот денежный* – *оборот грошовий*, *разработка плана сверху вниз* – *розробка плану зверху вниз* та ін.

Як бачимо, на лексичному рівні порушення норм найчастіше спричинені уживанням російськомовних запозичень і кальок, наприклад: *оборотні активи* замість *обігові*; *внутриторговельний баланс* замість *внутрішньоторговельний*; *денежные средства* – *грошові кошти*, замість *кошти*; *поставка товаров*, *умови поставки базові* замість *постава*, *постачання*; *в розстрочку* замість *на виплат*; *виручка* замість *виторг*; *недоїмка страхових платежів* замість *недоплата*; *надбавка за розстрочку*, *надбавка ризикова* замість *надвишок*; *вексельна мітка* замість *вексельна позначка*; *чистий приплив капіталу* замість *надходження*, *торговля посылочная* – *торгівля посилочна* замість *посилкова*.

Характерною рисою сучасного періоду, що свідчить про незавершеність нормалізації економічної терміносистеми, є наявність синонімічних варіантів багатьох термінів. У двомовних російсько-українських словниках можемо спостерігати часті явища синонімії: *векселедержатель* – *утримувач векселя*, *одержувач векселя*; *безвозмездный* – *безплатний*, *безкоштовний*; *бессрочный* – *безстроковий*, *безтерміновий*; *должностной* – *посадовий*, *службовий*; *самоокупаемость* –

самооплатність, самоокупність; способность – здатність, спроможність (купівельна); экономно – оціадливо, економно; убыль – збиток, втрата; укрупнение – збільшення, укрупнення, ущільнення; оборотные средства – оборотні кошти, обігові кошти.

Відкритість і незбалансованість термінологічної системи, міжмовна взаємодія, неоднозначність способів вираження лексичного і граматичного значення спричинюють, окрім синонімії, різні явища варіантності, зокрема, фонетичні: *неустойка – неустойка, неустійка, невстійка, недодержка, недотримка, штраф, безпека*; акцентуаційні: *маркетинг – маркетинг, маркетинг*; морфологічні: *тезис – тезис, теза*; словотвірні: *кредитор – кредитор, позикодавець, позичкодавець* та ін.

Особливо частим є вживання словотвірних варіантів: *единоличный – одноособовий, односібний; казна – скарбниця, скарбівниця; излишки – лишок, надлишок; ссуда – позичка, позика; прием – приймання, прийняття (товару, вкладів) та ін.* Такі явища можна пояснити тим, що унормування терміносистем на словотвірному рівні пов'язане також зі словотвірною варіантністю (*без прибильшень – без перебільшень, категоріальний – категорійний, благодійний – благотворний, завідующий – завідувач, бальна система – балова система, банк довгострокових вкладів – вкладень, зовнішньоторговий обіг – зовнішньоторговельний*). Варіантні словотвірні засоби, як зауважує К. Г. Городенська, – взаємозамінні, семантично й функціонально тотожні афікси, пов'язані паритетними, а не конкурентними зв'язками. Це зумовлює їх взаємодію, унаслідок якої один з них закріплюється як нормативний, а інші виходять з ужитку або використовуються лише в певному стилі [1, с. 3].

Однак берегти українське мовне докільля сьогодні, як зауважують мовознавці, означає не тільки шукати способів і засобів уникати російськомовних термінів. Великомасштабні глобалізаційні процеси висунули на перше місце у світовій комунікації мову англійську, яка не тільки не збагачує словник українського науковця, але й витісняє з нього питомі слова й вирази [11, с. 436].

На початку XXI століття українська термінологічна система перебуває в стані активних змін, спричинених взаємодією різномовних термінологічних систем, що супроводжується термінологічними запозиченнями з європейських мов і, зокрема, з англійської. Найчисленнішими серед англіцизмів виявилися назви економічної, фінансової і комп'ютерної сфер (приблизно 32%). Як зазначено в сучасних дослідженнях інноваційних процесів у мові науково-технічної комунікації (Г. Онуфрієнко, Т. Папенко, О. Симоненко, Д. Шапран, О. Шарапов та ін.), за цих неминучих процесів іншомовного запозичення суспільство, однак, завжди прагне зберегти унікальність нації на мовному рівні. Це насамперед проявляється в активному творенні неологізмів переважно як похідних від запозичень на питомому ґрунті, наприклад: *квотування, дилерський, офшорний, ф'ючерсний, тендерний, детінізація внутрішній аудит, дрібний бартер* та ін., які легко входять у лексико-граматичні парадигми рідної мови і зберігають цілісність та адекватність мовної системи [8, с. 195-196].

Українські термінологи (С. Денисенко, О. Лисенко, Т. Кияк, І. Кочан, Т. Панько, С. Симоненко та ін.) розглядають запозичення в термінології як природний процес, властивий усім мовам. Він зумовлений зокрема й прагненням українських науковців увійти в європейську мовну спільноту, мати єдиний термінологічний фонд.

Однак незважаючи на те, що українська мова частково асимілює чужі слова, велика кількість англіцизмів створює загрозу для зрозумілості національної терміносистеми і часто негативно впливає на якість засвоєння термінів у навчальному процесі. Зловживанням іншомовних термінів за наявності українських, наприклад: *бартер*, *еквайр*, *еквайринг*, *тендер*, *ремітент*, *евальвація* та ін. Зважаючи на те, що запозичення в термінології є об'єктивний і неминучий фактор її еволюції, варто пам'ятати, що вони доцільні тільки в тому випадку, коли відповідають життєвим потребам і не порушують національної специфіки терміносистеми [9, с. 6].

За таких умов головним завданням сучасного термінологічного процесу є розроблення методики виокремлення ненормативних одиниць і відбору відповідного варіанта терміна з-поміж синонімічних рядів задля уникнення термінологічної дублетності, зокрема формулювання принципів стандартизації та внормування українського термінологічного корпусу запозичень-англіцизмів.

Характеризуючи терміни за критерієм унормованості – неунормованості, до неунормованої економічної термінології зараховують: професіоналізми (*неустойка*, *“гарячі гроші”*, *неліквід*), професійні жаргонізми (*“біки”*, *“ведмеді”* – біржові гравці), терміноїди, тобто не усталені в мові мікроекономічні терміни-неологізми (*зв'язка*, *випрядки*, *екстерналії*); до унормованих – усталені одиниці наукової або галузевої терміносистеми, які відповідають літературним нормам мови та введені до словників і довідників.

Найважливішим критерієм відбору термінологічної одиниці з-поміж синонімічних варіантів є однозначність терміна у межах однієї терміносистеми, важливими також є такі критерії, як відсутність експресії, стислість, системність, повнота вираження, дериваційна спроможність, мовна коректність [7].

Дослідниця економічної термінології української мови Т. Панько стверджує, що в період становлення термінологічних систем важливо, щоб запозичення їх не заповнили, щоб не втрапилася розумна рівновага власного і запозиченого [8, с. 9]. Потрібне з'ясування специфіки формування структури кожної термінологічної системи, вивчення історії вироблення міжнародних і власних критеріїв у підході до стандартизації термінів... *термін виробляється і виходить на стандарт у результаті частоти його вживання в певній фаховій сфері*. Спрацьовує зручність термінологічної моделі і його словотворча (термінотворча) гнучкість. Не спускаються зверху і критерії підходу до вироблення термінологічних стандартів, їх запровадження – логічне завершення формування термінологічних систем [9, с. 10].

Висновки. Основними напрямками роботи лінгвістів у сфері унормування та уніфікації термінів, які повинні сприяти їх удосконаленню, Т. Михайленко вважає такі: 1) дослідження реального вживання термінознавчих термінів у текстах різних

авторів, представників різних термінологічних шкіл; 2) виділення й опис цього термінологічного масиву; 3) виділення термінів-дискрипторів, тобто одиниць, які найточніше передають значення термінологічного поняття, із дублетних (синонімічних) рядів; 4) публікування термінів-дискрипторів у вигляді списків або додатків до термінологічних праць, а в майбутньому – видання словника термінознавчих термінів, зокрема й багатомовного [5, с. 128]. Ці завдання вважаємо актуальними й для інших термінологічних систем.

Список літератури

1. Городенська К. Словотвірна варіантність і процеси унормування сучасної української термінології / К. Городенська // Українська термінологія і сучасність: [зб. наук. праць]. – К., 2003. – Вип. V. – С. 3-6.
2. Гриньова В. М. Тлумачний словник економічних термінів: Навчальний посібник / В. М. Гриньова, В. О. Коюда. – Х.: ВД «ІНЖЕК», 2003. – 184 с.
3. Кириленко В. Стандартизація термінології: визначення проблем у термінології та їх розв'язок / В. Кириленко // Українська наукова термінологія. [зб. матеріалів науково-практич. конференції «Українська наукова термінологія. Проблеми перекладу»]. – К.: Вид. Наук. думка, 2009. – С. 51-56.
4. Кочан І. Українське термінознавство на сучасному етапі / І. Кочан // Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми та сучасність: [матеріали засідань Мовознавчої комісії і Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 років]. – Львів: Наукове товариство ім. Т.Шевченка у Львові. Філологічна секція. – Том 9. – С. 101-108.
5. Михайленко Т. Про метамову термінознавства / Т. Михайленко // Мовознавчі студії [матеріали конференцій]. – Львів: Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Філологічна секція. – Том 13. – 2002. – С.119-129.
6. Наконечна Г. Декілька підсумків термінологічної роботи останніх років / Г. Наконечна // Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми та сучасність: [матеріали засідань Мовознавчої комісії і Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 років]. – Львів: Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Філологічна секція. – Том 9.– с. 136-144.
7. Олійник А. Д. Роль запозичень-англіцизмів у розвитку сучасної української мікроекономічної термінології: автореферат дис. канд. філол. наук : 10.02.01 / А. Д. Олійник; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2002. – 20 с.
8. Онуфрієнко Г. С. Науковий стиль української мови: [навч. пос.] / Г.С. Онуфрієнко.– К. : «Центр навчальної літератури», 2006.– 312 с.
9. Панько Т. І. Українське термінознавство / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. – Львів: Світ, 1994. – 216 с.
10. Панько Т. Теоретичні засади українського термінотворення / Т. Панько // Науково-технічне слово: Бюлетень Видавничо-термінологічної комісії Львівського політехнічного інституту. – 1992. – № 1. – С. 5-10.
11. Пілецький В. Деякі лінгвістичні проблеми українського термінознавства / В. Пілецький // Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми та сучасність: [матеріали засідань Мовознавчої комісії і Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 років]. – Львів : Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Філологічна секція. – Том 9. – С. 115-119.
12. Пілецький В. Сучасний український термін (проблема збереження національномовної самобутності) / В. Пілецький // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Львівський національний університет імені Івана Франка, 2004. – Вип. 34. – Ч. I. – С. 428-438.
13. Симоненко Л. Лінгвістичні проблеми унормування наукової термінології / Л. Симоненко // Українська термінологія і сучасність: [зб. наук. праць]. – К., 2007. – Вип. VII. – С. 21-25.
14. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: Термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К, 2006. – 716 с.
15. Селігей О. П. Сучасне термінотворення: симптоми та синдроми / О. П. Селігей // Мовознавство. – 2007. – № 3. – С.48-61.

16. Українсько-російсько-англійсько-німецький тлумачний та перекладний словник термінів ринкової економіки / [під ред Т. Р. Кияка]. – К.: Обереги, 2003. – 2-е вид. – 621 с.
17. Українсько-російський економічний тлумачний словник / [авт.-упор. В. М. Копоруліна]. – Х.: Факт, 2005. – 400 с.

Черемская О.С. Проблемы терминологической нормализации в экономической сфере на современном этапе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.473-479.

Рассматриваются основные проблемы и особенности терминологической нормализации на материале экономической терминологии.

Ключевые слова: терминологическая нормализация, экономические термины, заимствования, синонимические варианты.

Cheremskaya O.S. Problems of terminologic standardization in the economic sphere today // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.473-479.

In the article the main problems and specific features of terminologic standardization in the economic sphere is presented.

Key words: terminologic standardization, economic terminology, loanwords, sinonimic variants.

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 811.111'37

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ АСПЕКТИ ЛАКУАРНОСТІ У МОВІ ТА МОВЛЕННІ

Швачко С.О.

Сумський державний університет, м. Суми, Україна

У статті зроблено спробу накреслити напрямки дослідження категорій лакуарності, її адгерентних понять – еліпсису, імплікації та комунікативного мовчання.

Ключові слова: *лакуна, імплікація, еліпсис, мовчання, елімінація, делакунізація.*

Метазнак «лакуна» (лат. *lacuna* «пропуск», «прогалина», «пусте місце») має міждисциплінарний характер. Як об'єкт вивчення лакуна розглядається тут у парадигмі адгерентних понять, які є предметом дослідження [1; 3]. *Актуальність* теми зумовлена значним інтересом сучасних лінгвістів до системно-функціонального буття одиниць мови та мовлення – їх виміру та вимірювання, тенденціями кореляції мови та мислення, екстеріоризації мовленнєвих процесів, моделювання парадигм лакуарності, ідентифікації відсутніх компонентів поверхневої та глибинної структур, текстових пустот, нелексикалізованих концептів. *Матеріалом аналізу* були аутентичні лексикографічні джерела, досвід вітчизняних та зарубіжних учених з проблематики, а також результати дискурсивного осмислення релевантного емпіричного матеріалу. *Новизна роботи* озаглавлена самою темою. У перекладацькій практиці нагальною є проблема елімінації лакун – їх осмислення, семантизації та омовлення. *Дослідження* неіснуючих слів та їх денотатів (пустих кліток) є вельми *перспективним* з огляду на їх теоретичну значущість у парадигмі спілкування як у когнітивних процесах, так і в дидактичних тлумаченнях міжмовної та міжкультурної комунікації [4].

Імпліцитність як мовленнєва лакуна не реєструється у словниках. Прихованість інформації, її латентність маркується частково поверхневими індикаторами типу англ. *in a nutshell, summing it up, i.e., that is*; укр. *не знаю, коротше, не тяни, в двох словах, так сказати, послухай, що люди кажуть, та зрозумій ти що, сказав «а», скажи «б», і т.д.* та ін. Імплікованими є також пошукувані відгадки до загадок (Наприклад: укр. *від чого качка пливе?; ні вікон, ні дверей – повна хата людей*) або підсумкові зауваження типу укр. *хитрить, не все каже, неясно говорить, щось приховує*. Джерела імплікації розкриваються в інтеракції комунікантів, в їх спілкуванні, що позначені полімодальністю та політематичністю на векторі адресант – адресат. Індикаторами імплікаційних лакун виступають вербальні та невербальні засоби, контексти з поліситуативними структурами. Поява лакун зумовлюється дією закону економії, який частково представлений в еліптичних структурах – адгерентних до імплікатур. Традиційними, легалізованими у мовленні є явища

синтаксичних лакун (еліпсис), з одного боку, та моделі словотвору – аббревіації, акроніми, згортання фраз, з іншого боку. Пор. укр. *два кольори, мої два кольори, червоне – то любов, а чорне – то журба*; США ← *Сполучені Штати Америки*; англ. USA ← *Uncle Sam*; *fruite* ← *fruit and juice*; *as* ← *all so*; *alone* ← *all but one*. Імплікація є вельми дієвою на глибинному рівні, у процесах домислення, переосмислення прихованого змісту. Пор. рос. *Что делать?*; *Что скажет Марья Алексеевна?*; *А судьи кто?*; укр. *Хіба ревуть воли, як ясла повні?*; англ. *To be or not to be*; *What will Mrs Grundy say?*; *Will you come into my parlour?* *said the spider to the fly*.

Елімінації інформаційних лакун сприяє не тільки мегаконтекст, але і міні-контексти малого синтаксису. Пор. англ. *all day round service but now*. У виразах англ. *bus station ma station bus* семи локальності та приналежності маркуються послідовністю лексем – у лінійному вимірі. Семантичні лакуни, імпліковане значуще на вертикальному зрізі потребують виміру додатковими смислами, посиленнями на лінгвістичний або соціальний досвід, вимагають комплексного аналізу інтеграції вербальних та невербальних засобів. Вияв прихованого смислу породжується міжреченнєвими відношеннями, і дієвими тут є усталені прийоми умовчання та ефекту нескінченого речення. Імплікація значущого (інколи рематичного) є компонент мовленнєвої поведінки, який посилює глибинну структуру текстів, збагачуючи останні інтендованими смислами. Джерелом імплікатури є емоційний, моральний, психічний стан комунікантів (пор. англ. *attention span, linguistick shock*), їх небажання давати пряму відповідь, або, навпаки, бажання уникнути вичерпний перелік.

Адгерентним поняттям є перерване мовлення – мовчання, що зумовлене емоційними чинниками (інколи – неінтендованими), дієвістю зовнішніх екстралінгвальних факторів. Погоджуємось з проф. А.П. Загнітко, що: «Імплікація як категорія мовленнєвої комунікації надзвичайно смна і її обсяги можуть бути вичерпно пізнаними за умови зіставлення з експлікованістю та елімінацією, що загалом постають корелятивними / некорелятивними у внутрішньотекстовій структурі» [2, с. 65].

Імплікатура приховує деталі діахронної пам'яті, навіває канонізовані зміни у мові, когнітивні витоки структур, наприклад, типу англ. *stone wall*, або: ввічливих фраз *how do you do, good-bye, good luck*, укр. *на добраніч, з Богом, до побачення*; акумулятивних застережень типу англ. *after dinner sleep a while..., don't trouble trouble, etc.*; укр. *застав дурного Богу молитися..., після дощук...*

Лакунам як одиницям з прихованим смислом, «висловлюванням в квадраті», інформатемам поміж рядків валідними притаманні комплексні підходи дискурс аналізу. За концепцією Грайса, спрацьовує комплементарне, стандартне, прагматичне осмислення лакун, коли буквальний смисл є базою для експлікації небуквального смислу. Психологічний підхід, зокрема, передбачає нерелевантність до буквального смислу (експліцитного), який (підхід) тяжіє до антецедентів, до здобутого досвіду мовців. Звідси лакуни ідентифікуються як узуальні, канонізовані, зареєстровані в аутентичних джерелах, тезаурусах, з одного боку, та, з іншого – okazionalnі, імплікативні, ситуативні. Як бачимо, лакуни мають місце у мові та мовленні. До них тяжіє мовчання як силенціальний ефект. Аналіз наукової

літератури показує, що лакунарність як «категорія відсутності» позначена низкою метазнаків, серед яких виокремлюються наступні: *культуреми, еліпсис, риторичне питання, згортання фрази, мовчання, гендерна спустошеність, імпліцитність, ксеноніми, лакуна пам'яті, лакуна слова, етнографічна лакуна, невербаліка, умовчання, графічна інконгруентність*.

Зникають слова і мови не безслідно. Вони залишають після себе зоряне сяйво та листопад міфологем. При цьому деякі етюди минулості стають лакунами, елімінація яких приносить насолоду результатами пошуків, осмислення віх історії та глибше розуміння проблем сьогодення та майбутнього. Значущість теми зумовлюється інтересом лінгвістів до забутих лексем, до глибинних структур, культурем та їх делакунарності. Валоративним є аналіз ретроспективного буття таксономії лакун, семантичної девіації, забутих слів, їх пробудженості в оновленому стані. Воскресіння слів нагадує сяйво згаслих зірок на лінгвістичному небосхилі. Лакуни – це не пустоти, а свідки золотого дощу словопаду. Міжмовні та внутрішньомовні лакуни розпізнаються на базі аутентичних лексикографічних джерел, із досвіду досліджень вітчизняних та зарубіжних учених, а також осмислення емпіричного матеріалу. Моделювання парадигм лакунарності, її гетерогенної поліаспектності є вельми валоративним для оновлення діяхронічної пам'яті.

Слова, як і люди, приходять та уходять (англ. *people come and go*). Традиції та звичаї підвладні еволюційним процесам у культурах, що спрацьовують у різних соціумах. При універсальній наявності культурем їх різноманітність є дієвою. Лакуни як інгерентні риси комунікації мають місце на синхронних і діяхронних векторах, у вербальних і невербальних представленнях. Діяхронні надбаня (віра, звичаї, танці, пісні, артефакти, мистецтво) передаються із покоління в покоління на параметрах аксіологічного виміру. Мертві мови самі старіють, становляться лакунами. У живих мовах лакунарність притаманна як системі, так і її реалізації, мовленнєвим ситуаціям. Синхронні надбаня досвіду проникають у концептосфери носіїв мови – як лексично позначених, так і в «пустих клітинах», лексично немаркованих. Діяхронна інформація дублюється у синхронному бутті мови на рівні універсального, омовленого коду, у корпусі невербалізованих концептів, а також у специфічно маркованих лакунах. Наявність словників «неіснуючих слів» у царині фантастики та ірреальності, зокрема, об'єктивує існування лакун у концептосферах соціумів. Лакуни елімінуються у мовленні за допомогою полілексемних конструювань, що компенсують відсутність однослівних позначень. Цей засіб є прозорим при утворенні складних слів, у процесі лексикалізації синтаксичних словосполучень. Для осмислення конгруентності лексем різних мов валідним є виявлення еквівалентності гіперогіпонімічних відношень корелюючих систем. Пор. міжмовні лакуни слів англ. *arm – hand*, та укр. *рука*. Лакунарність елімінується при інтерлінгвальному аналізі, експлікації конгруентності корелюючих одиниць засобами парадигми компенсаторів. Черговими маркерами виступають міжкультурні лакуни при порівнянні субкультур носіїв різних мов. Дидактично вагомим є процес елімінації лакун у навчальному процесі при вивченні іноземних мов, їх порівняння з рідною мовою. Внутрішньомовна лакунарність проявляється у процесі семантичної девіації слів (синонімів, антонімів, омонімів), словосполучень та текстових

композицій, а також у пошуках забутих, етимологічних витоків. Щедрим джерелом загублених лакун є фразеологізми – усталені словосполучення, смисл яких мультиплікативно мотивується їх компонентами. Пор. англ. *to fish in the air* «переливати із пухого в порожнє», *to mark with a T* «позначати злодія ініціальною буквою», *Uncle Sam* «дядько Сем», *a fair weather friend* «ненадійний друг». Лексична розбіжність, наприклад, омовлюється в «Українсько-українському словнику незрозумілих слів, уживаних українцями районів Закарпаття» [6, с.181-192], таким чином: *бачі* – *батько* (угорське), *блискотека* – *дискотека зі світловими ефектами*, *буркур* – *мінеральне джерело, мінеральна вода*, *гурка* – *ковбаса, кровянка, ліверка* (угорське), *чумарка* – *шкварка*, *клепач* – *молоток*, *лаба* – *нога*, *мачка* – *кішка*, *склеп* – *крамниця*, *шата* – *одяг*, *штат* – *держава*.

«Золота осінь» позабутих значень слів – це лакуна, що свідчить про дієвість «вічного двигуна» мови (конвертування забутого у неологізм, вторинні деривації конструювань), про бівекторність процесів лакунізації і делакунізації. Мовна лакунарність діє у доменах систематології, ідіолекта, граматичних категорій, латентної репрезентації енігматичності, в омовленні міжкультурної комунікації. І сьогодні актуально звучать слова М.Т. Рильського: «Неологізми, новотвори родяться щодня – в міру того, як щодня родяться нові явища й поняття. Треба тільки завжди розрізнити органічно виниклі, потрібні неологізми від неологізмів-брякалець, виграшок, цяцьок» [4, с. 80]. Ці слова видатного майстра художнього слова цілком стосуються застарілих слів, які, переосмислившись, набули нових значень, поповнили категорію семантичних неологізмів. А доречне і вдаль вживання їх завжди свідчить про добре знання мови, про високу мовну культуру людини.

Як відомо, у кожній мові під дією зовнішніх і внутрішніх чинників її розвитку постійно відбуваються два паралельні процеси – народження і старіння слів. Хоч обидва ці процеси протилежні, причому перший з них випереджає другий, проте вони тісно взаємопов'язані і характеризуються тривалістю і поступовістю протікання. Саме процес старіння частини словникового складу викликає появу архаїчних, застарілих слів, які не відразу виходять із мовного вжитку.

Про забуті слова йдеться у трактатах етимологів, а також в аутентичних словниках. Останні, за словами Вольтера, є «всесвітом в алфавіті» [5]. Спеціальні глосарії експлікують застарілі слова, словосполучення, їх енігматичність та загадковість. Архаїзми, варваризми, екзотизми, поетизми, діалектизми, професіоналізми та термінологізми експлікуються у відповідних джерелах делакунізації феноменів, елімінації лексичних труднощів, що служить збагаченню компетенцій адресатів на мовному та культурному векторах [1; 3].

Лакунарність вивчається у теоретичних діадах типу лакунарність :: мова, лакунарність :: мовлення, лакунарність :: лексикографія, лакунарність :: мовленнєві жанри, лакунарність :: мислення, лакунарність :: культура, лакунарність :: дефініція, лакунарність :: гендер, лакунарність :: графіка, лакунарність :: композиція тощо. У теоріях про витоків та критерії лакунарності задіяними у науковій парадигмі є метазнаки *нереалізовані одиниці, незаповнені клітини, ідіоетнічні різновиди, ситуативні лакуни, типи лакун, делакунізація, латентні конструкції, категорія відсутності, невербалізовані пустоти, лексикографічні лакуни, імплікації, гендерна*

лакунізація, композиційні лакуни, прецедентологія, інтерлакунарність, інтралакунарність, лакунарна картотека, типологія міжмовних лакун, контамінація лакун, міжкультурні лакуни, лексичні лакуни, граматичні лакуни, фонетичні лакуни, делакунізація.

Висновки. Міжкультурні та міжмовні лакуни – пріоритетний вектор дослідження контактів та взаємодії соціумів. Значну долю національної специфіки будь-якої мови, а також соціального, економічного, культурного, політичного буття її носіїв обіймають лакуни, які принципово відсутні у психології, традиціях, звичаях, концептосферах інших етногруп – їх делакунізація потребує значних зусиль у домені сьогоденних проблем інтралінгвального та інтерлінгвального спрямування.

Питання лакунарності та суміжних категорій – еліпсису, імплікації, комунікативного мовчання – є вельми *перспективними* для подальшого осмислення проблем «категорії відсутності».

Список літератури

1. Быкова Г.В. Феноменология лексической лакурности русского языка / Г.В.Быкова. – Благовещенск, 1998. – 107 с.
2. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Синтаксис / А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
3. Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – 257 с.
4. Рильський М.Т. Твори в трьох томах [Текст] / М.Т. Рильський. – Т.3. – К.:Держвидав України, 1955.
5. Сомов В.П. Словарь русских забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М.: Гуманит: Владос, 1996. – 764 с.
6. Чучка П. Деца у нотаря [Текст] / П. Чучка. – Ужгород: Сливовниця & К, Поліграфцентр «Ліра», 2010. – 207 с.

Швачко С.А. Лингвокогнитивные аспекты лакунарности в языке и речи // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.480-484.

В статье сделана попытка обозначить направления исследования категории лакунарности, её адгерентных понятий – эллипсиса, импликация, коммуникативного молчания.

Ключевые слова: лакуна, импликация, эллипсис, молчание, элиминация, делакунизация.

Shvachko S.O. Linguacreative Lacunatic Phenomenon in Language and Speech // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.480-484.

The article in question deals with the major categories of lacuna, its adherent notions of ellipsis, implication, silence.

Key words: lacuna, implication, ellipsis, silence, elimination, delacunization.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161.2

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ГРІХА У ФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Щербачук Л.Ф.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна

У статті аналізується специфіка об'єктивації концепту ГРІХ у фразеологічному просторі української мови. Визначено, що досліджувані фразеологізми концептуалізують морально-етичні норми українського народу.

Ключові слова: *концепт, гріх, мораль, фразеологізм, концептуалізація.*

Постановка проблеми. На сучасному етапі розвитку лінгвістики антропоцентричний напрям, що все активніше привертає увагу лінгвістів, є тією методологічною основою, яка об'єднує когнітивну й лінгвокультурну парадигми. Проблематика нашого дослідження пов'язана з концептуалізацією й категоризацією елементів духовної культури фразеологізмами української мови.

На думку Ю.Д. Апресяна [1], кожна природна мова відображає певний спосіб сприйняття, концептуалізації світу; значення, що в ній виражаються, складаються в якусь єдину систему поглядів. Мова виступає невід'ємним компонентом свідомості, його інструментом, посередником між людиною і концептуальною картиною світу, яка відображає його в мовних формах, при чому концептуальна картина світу розглядається як уявлення у свідомості інтеріорізованого людиною світу [8, с. 259].

Актуальність. Збільшений інтерес до вивчення людини як мовної особистості й носія морально-етичних якостей спричинив необхідність дослідження універсальних форм зберігання знань, однією з яких є концепт – «оперативний змістовний елемент мислення», мінімальна одиниця, що виникає в процесі концептуалізації [6, с. 90]. Яскравими вербалізаторами концепту й виразниками етнічно зумовлених нюансів світосприйняття, світоосмислення та світооцінки можуть слугувати фразеологізми.

Мета роботи: дослідити специфіку об'єктивації концепту ГРІХ у фразеологічному просторі української мови.

Розглядаючи суть концепту, дослідники особливо відзначають його причетність до етнокультурного світу людини. Семантичний його зміст при цьому інтерпретується в контексті форм думки носія мови як етнокультурна репрезентація. «Концепт є вираженням етнічної специфіки мислення, і його вербалізація обумовлена лінгвокогнітивно етнокультурно маркованою асоціативною компетенцією носія концептуальної системи» [12, с. 144]. У термінах Ю.С. Степанова концепт – мікромодель культури, він породжує її та породжується нею. Як «згустку культури», концепту притаманна екстралінгвістична, прагматична, тобто позамова інформація [11, с. 40]. Формування концепту представлено Г.Г. Слишкіним як процес співвідношення результатів пізнання дійсності з раніше засвоєними культурно-ціннісними домінантами, вираженими в релігії, мистецтві

тощо [9, с. 34]. Отже, пізнання концепту допомагає відтворити етнокультурний образ, особливість менталітету носія мови.

Предметом нашого дослідження є особливості об'єктивації концепту ГРІХ у фразеологічній системі української мови як когнітивної структури і як універсалії людського мислення, і як феномену національної картини світу носіїв української мови.

Варто наголосити, що поняття гріх є одним з найважливіших для людської свідомості й загальнолюдської культури. Воно присутнє в багатьох міфологічних, релігійних, філософських і етичних системах і своїм корінням сягає глибини віків. Це поняття регламентує поведінку й регулює стосунки індивіда й соціуму, визначаючи етичні орієнтири; виступає одночасно як морально-етична й соціо-оцінна категорія, яка осмислюється в культурі та має вербальне втілення в мові. Особлива роль в об'єктивації концепту належить фразеологізмам, що функціонують як культурні знаки й виступають як згорнуті національно-культурні тексти, як яскрава ілюстрація естетичних і соціальних цінностей, що визначає той або інший етнос [5, с. 34-36]. На рівні фразеології, на думку В.В. Жайворонка, виразно виявляються національно-культурні особливості мовної системи [3, с. 33].

Зважаючи на те, що пізнавальні процеси – це власне процеси породження й трансформації смислів, очевидний нерозривний зв'язок дослідження концептуалізації з дослідженням семантики.

У Новому тлумачному словнику української мови подається таке визначення гріха: 1. Порушення релігійно-моральних догм, настанов і тп, провина; 2. Поганий, непорядний вчинок; якийсь недолік, помилка, розпуста, перелюбство; 3. Непорядно, недобре; недозволено [7, с. 668]. В.В. Жайворонко у словнику-довіднику «Знаки української етнокультури» гріх кваліфікує як порушення заповідей Божих, релігійно-моральних догм, настанов і т. ін.; також провина, непорядний вчинок і т.п. [2, с. 157].

Дотримуємося тієї точки зору, що найбільш повно специфіка концептуалізації об'єкта відбивається в значенні, яке виступає одним із способів концептуалізації. Когнітивна обробка нового знання при його концептуалізації відбувається шляхом перенесення «буквального» знання мовних знаків і супровідних з ними асоціацій на іншу ділянку знання.

Основними репрезентантами концепту ГРІХ у фразеологічній системі української мови виступають фразеологізми з однойменним компонентом *гріх*, а також компонентами – похідними від лексеми гріх: *зрішній*.

Дослідження показали, що українська фразеологія в основному відображає етичне Новозавітне осмислення гріха, згідно з яким ГРІХ пов'язаний з духовною діяльністю людини та сприймається як порушення етичних установок, моральних правил, наприклад: **набиратися гріха**. Робити те, що заборонено нормами християнської моралі. *З отцем, ненькою полаюсь, Гріха наберуся* (укр. пісня) [10, с. 415]. Крім того, українська фразеологія репрезентує також Старозавітне, де поняття ГРІХ перебувало в правовій сфері: **не минути гріха**. Вчинити щось недозволене, що має погані наслідки. *Мабуть, якби попалося що хлопцеві під руку, то й гріха не минути, все міг би зробити за таку тяжку образу* (О. Гончар) [10, с. 388].

Полісемічний фразеологізм **брати гріх на душу** (1. Діяти проти власної совісті, прийнятих норм моралі, робити щось несхвальне; 2. Чинити злочин, убивати кого-небудь; 3. жарт. Нести моральну відповідальність за кого-небудь, за чийсь вчинки, дії [10, с. 39]) відображає етичну і правову сфери ГРІХА.

Приклади свідчать, що у свідомості українців закріпилося уявлення про те, що етичні, моральні норми можуть порушуватися суб'єктом «добровільно», а також до порушень морально-етичних норм можна спонукати суб'єкта, провокувати його: **призводити/привести до гріха** кого. Штовхати кого-небудь на якийсь поганий учинок, спонукати до чогось недоброго. *Раз і каже батько: – Як ти такий, що нас старих, до гріха призводиш – іди собі, а ми вже якимось самі* (П. Тичина) [10, с. 559]; **наводити/навести на гріх** кого і без додатка.. Спонукати кого-небудь до аморальних вчинків. *Навели гріх та й покинули на сміх* (укр. пісня); **підбивати/підбити на гріх**. 1. Спонукати кого-небудь до якогось поганого непристойного вчинку; 2. Схиляти до інтимних стосунків, взаємин. *Зводив собі на думку (відлюдник), яка вона гарна та молода дівчина, та почав уже й способу прибирати, як би її на гріх підвести* (переклад М. Лукаша) [10, с. 507]; **доводити/довести до гріха** кого і без додатка. Бути причиною чиїх-небудь несхвальних вчинків; провокувати кого-небудь на погані вчинки. *Люблю бісове коріння (жінки), хоч воно й до гріха доводить.., – бормотав Пищимуха* (Панас Мирний) [10, с. 211].

Спонукати суб'єкта до гріха, до порушення морально-етичних норм може як інший суб'єкт: *Йдіть собі панове-молодці. І ти йди, – тихо сказав Бульба козакові з вийнятою шаблею. – Іди, не доводь мене до гріха* (О. Довженко) [10, с. 211], так і його власне почуття (мова йде про жагучу пристрасть): *Чи така вже невгамовна, дика натура чоловіка, що не властен він боротися з жагою, котра раптом... обхопе його й доведе до гріха!..* (М. Кропивницький) [10, с. 211].

Не менш важливим є той факт, що ГРІХ можна попередити, зусиллям власної волі не допустити гріхопадіння: **відійти від гріха**. Запобігти якомусь осудливому вчинку; не допустити, відвернути що-небудь небажане, неприємне. *Роман чує, як буйний гнів кидається йому в руки, в голову, і, щоб відійти від гріха, швидко обертається і вилітає з нечистої, тісної од всякого добра кімнати* (М. Стельмах) [10, с. 101].

Однією з головних особливостей культурних концептів є образна їх репрезентація за допомогою їхніх ознак. Фразеологізми української мови підтверджують, що в українській свідомості склалося уявлення про кваліфікацію гріхів: **гріх первородний, звичайні гріхи, страшні і смертні гріхи**. Так, **страшний гріх** асоціюється з соромом: *Вона так вжахнулася, немов те хотіли її привести до страшного гріха, до вічного сорому* (Л.Яновська) [10, с. 868], а **смертний гріх** порівнюється з неприємним, зверхнім, зневажливим ставленням до кого- або чого-небудь: **як смертний гріх** зі сл. *поганий, гідкий* і т. ін.. *зневажл.* Уживається для підсилення значення наведених слів; дуже, у вел. мірі, надто. *...Правда ж вона погана, як смертний гріх* (Леся Українка) [10, с. 172].

Від первородного гріха християнин омивається в таїнстві хрещення, але з часом спокушається новим гріхом [2, с. 157]. Фразеологізми української мови свідчать, що чинити гріх на буденному рівні не лише звична справа, але може бути й неминучим фактом: **не розминутися з гріхом**. Допуститися помилок, непорядних вчинків і т. ін. *Ніякий чоловік з гріхом не розминеться, – І в селах так, і в городах* (Л.Глібов) [10, с. 612]; **впадати в гріх, увійти в гріх**. Робити щось заборонене певними етичними нормами [10, с. 125].

В українській фразеології також віддзеркалюється релігійне уявлення про можливість спокутування гріхів через: а) чистосердечне визнання помилок, розкаяння: **нічого гріха таїти**. Треба признатися, сказати відверто; немає потреби

приховувати щось [10, с. 705]; б) через добрі діяння: **спокутувати/спокутати свої гріхи**. Намагатися добрими ділами, доброю поведінкою заслужити прощення за що-небудь [10, с. 683].

Важливо відзначити, що у фразеології української мови відбито народне переконання в тому, що гріха все-таки слід уникати, сторонитися: **далі від гріха**. 1. Відсторонюватися від якихось дій, від участі в якій-небудь справі, розмові і т.ін.; уникати чого-небудь неприємного, небезпечного і т. ін. 2. Зі сл. триматися, держатися. Осторонь, на віддалі. *Первоцвіт обнік Горецького лютим поглядом..., але повернув мовчки до тих, що стояли під явором, – просто відійшов подалі від гріха* (Тарнавський) [10, с. 187].

Висновки. Отже, фразеологізми з компонентом ГРІХ експлікують морально-етичні норми, що виступають як відповідні еталони й лежать у сфері усвідомленої мотивованої поведінки.

Українська фразеологія відображає також уявлення про гріх як загальносоціальне, особисте поняття в зіставленні з релігійним: **не боятися гріха**. Діяти всупереч моральним принципам, нормам [10, с. 37]; **з гріхом пополам**. Не зовсім добре, не зовсім так, як годилось би, не без помилок [10, с. 544]. Амбівалентність почуттів, своєрідна дихотомія в ставленні до того чи іншого явища експлікована фразеологізмом **і сміх і гріх**. Одночасно смішно і сумно; трагікомічно [10, с. 670].

Концепт ГРІХ у фразеологічній системі реалізує універсальні опозиції морально-етичного порядку *добре/погано*: **переплутати грішне з праведним**. Змішувати все хороше і погане [10, с. 497]. Категорію *погано* репрезентує фразеологізм: **як на гріх**. Наче навмисне, наче на зло [10, с. 171]; категорію *добре* – фразеологізм **не гріх**. Можна, варто, треба [10, с. 171]. Такі опозиції пов'язані з тим, що однією з головних конститутивних ознак категоріального статусу концепту визнається його антонімічний характер, наявність бінарної опозиції як релевантної ознаки будь-якого концепту. Ця бінарність, як відзначає В.І. Карасик, може мати різні напрями, що уточнюють концепт діалектично або логічно, наприклад: суть – явище, життя – смерть, свобода – необхідність тощо [4, с. 56-66].

В українському ментальному просторі ГРІХ метафорично уявляється якоюсь речовою сутністю з властивими фізичними характеристиками предмета. ГРІХ, як і будь-яку річ, можна покласти, перекласти на щось, на когось: **покласти гріх на кого**. Звинувачувати кого-небудь у чомусь [10, с. 535]; **положити гріх на душу**. Зробити який-небудь непорядний вчинок або злочин [10, с. 538]. ГРІХ має об'єм і займає відповідний простір, куди можна ввійти: **увійти в гріх** [10, с. 125]; його можна обійти або обов'язково зустріти на своєму шляху: **не розминутися з гріхом** [10, с. 612].

Фразеологізми української мови вказують також на образне асоціативне співвідношення концепту ГРІХ з поняттями **душа і чорт**, що відбиває міфологічне уявлення українського народу [2, с. 157]: **носитися як чорт з грішною душею**. Приділяти надмірну увагу чомусь незначному [10, с. 249]; **як дідько за грішну душу** зі сл. захопитися, триматися [10, с. 769]; **рятувати грішну душу**. За християнським віровченням – допомагати позбуватися від гріхів, звільнитись від вічних мук після смерті [10, с. 627].

В українській фразеології ГРІХ об'єктивується категоріальними ознаками як живих, так і неживих предметів. Грішним може бути: **тіло світити грішним тілом** [10, с.206]; **діло: грішне діло** [10, с. 204]; **земля: покидати грішну землю** [10, с. 534]; **вода: грішна вода** [10, с. 121].

Отже, концепт ГРІХ у фразеології української мови віддзеркалює морально-етичні принципи народу, його релігійні, соціокультурні й буденні знання. Категоризація ГРІХА корелює з такими концептами, як: СПОКУТА, СОВІСТЬ, ВОЛЯ тощо, аналіз яких передбачає *перспективу подальших досліджень*.

Список літератури

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1974. – 367 с.
2. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: [словник-довідник / Текст] / В.В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
3. Жайворонок В.В. Українська етнолінгвістика: Нариси: [навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл.] / В.В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2007. – 262 с.
4. Карасик В. И. Определение и типология концептов: [Текст] / В.И. Карасик // Слово – сознание – культура: [сб. науч. тр.]. – М., 2006. – С. 56-66.
5. Кононенко В.І. Українська лінгвокультурологія: [навч. посіб. / текст] / В.І. Кононенко. – К.: Вища шк., 2008. – 327 с.
6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов: [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой; Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1996. – 245 с.
7. Новий тлумачний словник української мови: у чотирьох томах [Текст] / [уклад.: В.В. Яременко, О.М. Сліпущко]. – Т. 1. – К.: Аконті, 1998. – 912 с.
8. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія [Текст] / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К., 2006. – 716 с.
9. Слышкин Г.Г. Концептологический анализ институционального дискурса / Г.Г. Слышкин // Филология и культура. – 2001. – С. 34-36.
10. Словник фразеологізмів української мови [уклад. В.М. Білоноженко, Гнатюк І.С., Дятчук В.В. та ін.; відпов. ред. В.О. Винник] – К.: Наукова думка, 2003. – 1098 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
12. Фесенко Т.А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений [Текст] / Т.А. Фесенко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. трудов. – Рязань, 2000. – С. 141-144.

Щербачук Л.Ф. Концептуалізація ГРЕХА во фразеології українського языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.485-489.

В статье анализируется специфика объективации концепта ГРЕХ во фразеологическом пространстве украинского языка. Определено, что исследуемые фразеологизмы концептуализируют морально-этические нормы украинского народа.

Ключевые слова: *концепт, грех, мораль, фразеологизм, концептуализация.*

Shcherbachuk L.F. Conceptualization of SIN in the phraseology of the Ukrainian // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.485-489.

The article analyzes the specificity of the objectification in the concept of SIN in a phraseological space of the Ukrainian language. It is determined that the studied phraseological units conceptualize moral and ethical standards of the Ukrainian people.

Key words: *concept, sin, phraseological unit, morality, conceptualization.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

РАЗДЕЛ 9. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 82.09.- 043.3.

СВОЄРІДНІСТЬ ОПОВІДНОЇ СТРУКТУРИ НАРИСІВ-СПОГАДІВ І. С. ШМЕЛЬОВА «СТАРЫЙ ВАЛААМ»

Ігнатів Н. Є.

Львівський національний університет імені Івана Франка, м. Львів, Україна

У роботі розглядаються особливості оповідної структури нарисів-спогадів І. С. Шмельова «Старый Валаам». Акцентується увага на специфіці взаємопроникнення своєрідних за характером принципів оповіді в автобіографічну прозу письменника: зазначено, що автор використовує безпосередні звертання до читача, вводить у розповідну канву роздуми про фрагменти своєї першої публікації, присвяченої паломництву на Валаам.

Ключові слова: автобіографічна проза, нарис-спогади, автор-оповідач.

Творчість І. С. Шмельова після повного її повернення у літературний процес наприкінці 1980-х років викликала цілком закономірне зацікавлення, а згодом – висвітлення у наукових дослідженнях: на зміну публікаціям у часописах і вступним статтям до збірань творів письменника з'явилися монографічні праці А. Любомудрова, О. Сорокіної, А. Чернікова, І. Єсаулова, О. Рудневої, Н. Солнцевої, захищено дисертаційні роботи (Л. Бронська, Л. Зайцева, Т. Таянова та ін.). Щорічні Кримські міжнародні читання (Алушта, 1993-2010) та ювілейні конференції (Москва, Санкт-Петербург, Калуга), присвячені доробку письменника, дають можливість нових спроб інтерпретації прози І. С. Шмельова та разом з тим окреслюють нове коло проблем, які потребують осмислення.

Мета даної роботи – висвітлення особливостей оповідної структури нарисів-спогадів І. С. Шмельова «Старый Валаам». Оскільки цей твір окремо не досліджувався, зазначений аспект вивчення автобіографічної прози письменника є *актуальним*.

Книга спогадів «Старый Валаам» (1935 р.) – одна з найважливіших сторінок у творчому доробку письменника, багатому на різножанрові твори автобіографічного характеру. Двічі у своєму житті звертаючись до теми паломництва в роки молодості у монастирську обитель на Валаамі, І. С. Шмельов ще і ще раз підкреслює вагомість цього моменту свого життя [3, с. 72]. Перші враження про паломництво письменник відтворив у нарисах «На скалах Валаама», які побачили світ у 1897 році. Вже через багато років після виходу першої книги, переосмислюючи значення свого перебування у святому місці, письменник зазначив у вступному слові до нарисів-

спогадів «Старый Валаам», які створювалися вже на чужині, у Франції: «...сорок лет тому, я, юный, двадцатилетний студент, «шатнувшийся от церкви», избрал для свадебной поездки – случайно или неслучайно – древнюю обитель, Валаамский монастырь. Эта поездка не прошла бесследно: я вынес много впечатлений, ощущений – и вышла книжка... Ныне я не писал бы так; но суть осталась и доныне: светлый Валаам» [5, с. 837].

Саме Валаамський монастир, перлину суворої землі, обрав юний І. С. Шмельов як місце паломництва після одруження з Ольгою Охтерлоні. Значно пізніше письменник усвідомив, що приїзд у святі місця не був випадковістю, адже якраз тут він отримав благословення на дорогу творчості. Спогади про перебування у монастирській обителі в єдиному руслі відтворюють враження різних періодів життя героя-оповідача – його дитячих років у батьківському домі в Москві (виринають такі дорогі серцю письменника картини «милого его Замоскворечья»), перебування на Валаамі під час весільної подорожі та того складного часу в еміграції, коли він вже назавжди був відірваний від рідної землі.

Автобіографічна основа образу оповідача проявляється у найменших деталях розповіді: в цьому образі поєднуються і студент, для якого багато що з побаченого становить привід для внутрішньої боротьби та сумнівів, але все ж він усією душею готовий до відкриття «чудесного»; і мандрівник у часі [1, с. 55], який згадує про північну монастирську обитель через чотири десятиліття після перебування там і навіть подає у тексті рядки листа читача першої своєї книги («наївної дещо», як зазначав пізніше), – але саме таким чином, завдяки появі перших нарисів І. Шмельова про паломництво на скелі Валааму, проявляється зв'язок часів: «Я глубоко признателен автору письма, напомнившего мне забытое... Эти строки многое мне открыли. Что говорю я – многое! Огромное мне открыли, чего и предполагать не мог автор письма того. Открыли таинство человеческой судьбы, неисследимую духовную глубину и силу человеческой личности...» [926]. Така «відкритість» авторського тексту сприяє безпосередньому впливу на читача, посилює живий діалог через десятиліття. Враження від побаченого, відчуття, збережені упродовж багатьох років, постають за рядками книги «Старый Валаам» як глибоке свідчення того, наскільки відвідини святих місць на Ладозі сприяли утвердженню І. Шмельова у вірі в переломний для формування людської особистості момент, додавали сил у пізнанні себе самого та світу.

Відтворюючи монолог монаха-провідника про подвижників Валаамської обителі, автор-оповідач зосереджує увагу читача на його роздумах-звертаннях до молодого паломника: «У нас здесь глухо, а все-таки народ доходит до дебрей самих, желает от святого человека-подвижника благословения и молитвы... душа его желает... А вы говорите – зачем из мира уходит! ...Поглядите, как к нашим схимонахам влекутся. Значит, душа желает очищения, а вы говорите – для чего такое. Нет, недаром они на подвиге стояли. Поживете – узнаете» [892]. І вже зовсім інша часова площина виринає у наступній фразі, автор в одну мить перекидає місток від далеких 1890-х, періоду його паломництва до монастиря, до 1930-х – часу, коли пишуться рядки книги: «Пожил я – и узнал, многое узнал. И как хотел бы теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге

стоящего, отрешившегося от всего земного, – благословиться. Где Россия, творившая светлых старцев, духовников народных? Есть ли они теперь, на новом Валааме?» [893]. А далі думка оповідача ліне з повних трагізму на Батьківщині письменника 1930-х у майбутнє: «Придет время – и расцветут редкостные цветы духовные: Господний посев не истребится» [893].

Книга нарисів І. С. Шмельова складається з дванадцяти частин, кожна з яких є завершеним фрагментом розповідей і роздумів автора-оповідача про побачене на Валаамі й осмислене з часом («К Валааму», «У отца настоятеля. Чудеса», «На пароходике по скитам. Отклик из дали лет. В Никоновом заливе», «Лесная встреча. Рассказ странника. Журавли» та ін.). Так, у четвертому розділі письменник подає повні експресії враження від побаченого, коли йому відкрилася краса собору Преображення Господнього, і водночас він повертається у минуле, зринають спогади дитинства, пов'язані з пізнанням основ віри й образами дорогих серцю людей: «Какие синие купола в лазури, золотое крестов блистанье! Всплывает от детских лет: «Лик Его был, как солнце, и ризы белы, как снег». Нет, не забыл еще. Как раз об этом рассказывал на экзамене, когда поступал в гимназию. И вот, тоже 7 августа, как тогда, – такой же солнечный день, с северной крепкой свежестью – и вижу, как и тогда я видел, Преображение Господне. Только тогда был Горкин, рассказывал про «трех Спасов» и утешал: «Не робей, впустят тебя в училищу». И вот, «впустили», и вот уже я студент... Милого Горкина уже нет на свете, но вот почти такой же, такой же русский и ласковый, – о.Антипа. И говорок его чуть похожий. Только не говорит «милок» [869].

Письменнику вдається відтворити особливості мовлення своїх героїв – і тих, хто відійшов у вічність («– ...А Донской монастырь вы знаете?», – звучить запитання ігумена Валаамської обителі о.Гавриїла, а далі невласне-прямою мовою – авторське: «Господи, Донской!.. там похоронен мой отец... и Горкин» [871]), і тих, хто супроводжував його з дружиною Ольгою монастирськими стежками та відкривав таємниці подвижницької праці ченців; автор надає читачеві можливість заглибитись у сферу їхніх роздумів і міркувань, – таким чином він наближає й читача до осягнення сутті щоденного подвигу чернечого життя, до осмислення цієї тихої та непоказної дороги служіння Богу.

Знову ж таки це настільки характерне й органічне для оповідної манери І. С. Шмельова перенесення з однієї просторово-часової ситуації в іншу спостерігаємо, коли автор-оповідач згадує монастирську трапезу. Атмосфера спокою та молитовного умиротворення, коли їжа не просто споживається, а «вкушається», як дар Господній, сприяє поверненню оповідача у минуле: «И вспоминается мне далекое, ушедшее. В детстве Горкин мне говорил, плотник наш: «Кушай, милок... это хлебушка наш насущный, заработали мы его с тобой... крестись, на хлебушку всегда креститься надо, дар Господень» [885]. Образ Горкіна, незамінної людини та майстра у батьківській артілі, людини-праведника, яка по-особливому вплинула на формування хлопчика Івана, неодноразово з'являється на сторінках автобіографічних творів І. Шмельова. Мабуть, не було такого моменту у процесі духовного зростання героя-оповідача, до якого не долучився б цей святий чоловік. І саме тому ставлення до хліба як до Господнього дару, особливий смак хліба з

дитинства – все це згадується тут, у північній обителі молодому паломнику: «...и необыкновенно сладок был этот «хлеб насущный», забытый в детстве. И вот вспомнился, отозвался здесь, на Валааме, в иной артели – тех же русских простых людей, рясой прикрывших свои рубахи и трудовые плечи, только людей особых, отобранных, собравшихся с сел и полей российских во имя Божие...» [885].

Слід зазначити, що час в автобіографічній прозі І. С. Шмельова «не просто проривається до вічності через густий, дотичний побут, але й сам по собі є власне відлунням православної вічності» [2]. І. А. Єсаулов на підтвердження цієї думки наводить промовистий фрагмент з книги «Лето Господне»: «Я смотрю на Распятие. Мучается Сын Божий» – не в давньоминулому часі християнської історії, а саме зараз, поруч зі мною і за мене» [2]. На сторінках «Старого Валаама» аналогічними за своєю сутністю є роздуми оповідача: «...страж Валаама и ограда – Никольский скит. Чтимый святитель бодрствует на водах, благословляет входящих в тихие воды монастырские...» [845].

Важливим моментом авторської розповіді про пережиті у монастирі зустрічі, враження та відчуття є відтворення картини, яка внесла в душу молодого паломника несподівані настрої: журавлі, пролітаючи над Валаамом, своїми закличними звуками наче сповіщали про щось нове, натякали на щось. Через багато років, подумки повертаючись у ті далекі часи юності, автор-оповідач зазначає: «Думал ли я тогда, у лесной часовни, что все это как-то отзовется в жизни, как-то в нее вольется и определится? И вот, определилось. Связал меня Валаам с собой. Вспоминается слово, сказанное нам схимником о. Сысоем, в скиту Коневском, несознанное тогда, теперь для меня раскрывшееся: «Дай вам Господь получить то, за чем приехали» [967]. Далі читачеві відкривається історія пошуків героя-оповідача: така обтяжлива для нього у період становлення служба чиновника несподівано завершується осягненням того, що інше призначення йому дано – на березі ріки Клязьми, куди пішов, щоб втекти від себе, забути, він раптом згадав Валаам з його святою тишею [3, с. 77] і вже зовсім несподівано для себе самого почув, «как в лесах на Валааме... далекий-далекий звон, особенный звон, с подтреском, будто на деревянных струнках перебирает кто-то...ближе, громчей, слышней... Вспомнилось – журавли?! ...Все позабыв, мыслью я уносился с ними в голубизну... Не думая, не сознав – нашел. Эти две «встречи» слились в одно. С того и началось писательство» [965-966].

Асоціативні зв'язки, іноді неочікувані переходи від одного плану розповіді до іншого, певна калейдоскопічність зображених картин – все це разом творить неповторну цілісність і внутрішню гармонійність тексту І. Шмельова. Та найважливішим є прагнення автора-оповідача відкрити читачеві неоціненну вагомість духовних поривань, а тому вже з глибокою життєвою мудрістю він зазначає: «Многое мне открылось, великое... Закрыты человеческие судьбы; в явлениях жизни, случайных и незначительных, таятся, порой, великие содержания: будь осторожен в оценках; в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд» [927].

Висновки та перспективи дослідження. Книга нарисів «Старый Валаам», відкрита та щира, спрямована перш за все «до емоційної уяви читача незалежно від його національної чи конфесійної приналежності» [4, с. 6] і здатна захопити кожного

художньою довершеністю та втіленими у ній роздумами автора над загальнолюдськими цінностями, а образ оповідача та принципи творення розповідної канви у спогадах можуть досліджуватися й надалі у різних ракурсах, включаючи можливість розширення матеріалу з долученням до аналізу інших автобіографічних творів письменника.

Список літератури

1. Буслакова Т. П. Литература русского зарубежья / Т. П. Буслакова. – М.: Высш. школа, 2003. – 365 с.
2. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе [Электронный ресурс] / И. А. Есаулов. – Петрозаводск, 1995. – Режим доступа: www.jesaulov.porod.ru/. – Название с экрана.
3. Ігнатів Н. Є. «Старый Валаам» И. С. Шмелева: характер отражения впечатлений о жизни монастырской обители // И. С. Шмелев и писатели литературного зарубежья. XVI Крымские международные Шмелевские чтения. Сборник научных статей международной конференции. 19-23 сентября 2007 г. – Алушта, 2009. – С. 71-79.
4. Руднева Е. Г. Заметки о поэтике И. С. Шмелева / Е. Г. Руднева. – М.: Ивент маркетинг, 2002. – 126 с.
5. Шмелев И. С. Лето Господне. Избранное / И. С. Шмелев. – М.: Изд-е Сретенского монастыря, 2004. – 1135 с.

Ігнатів Н. Є. Своєобразие повествовательной структуры очерков-воспоминаний И. С. Шмелева «Старый Валаам» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.490-494.

В работе рассматриваются особенности повествовательной структуры очерков-воспоминаний И. С. Шмелева «Старый Валаам». Акцентируется внимание на специфике взаимопроникновения разнообразных по характеру приемов повествования в автобиографическую прозу писателя: указывается, что автор использует непосредственные обращения к читателю, вводит в повествовательную канву размышления о фрагментах своей первой публикации, посвященной паломничеству на Валаам.

Ключевые слова: автобиографическая проза, очерки-воспоминания, автор-повествователь.

Ihnativ N. Peculiarity of the narrative structure of the reminiscencies «The Old Valaam» by I.S.Shmelov // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.490-494.

Peculiarity of the narrative structure of the reminiscencies «The Old Valaam» by I.S.Shmelov is considered in this article. The emphasis is made on the specific interaction of special forms of narration in autobiographic prose of the author. It is pointed out that the author adresses the reader, introduces the fragments of his first publication devoted to pilgrimage to Valaam.

Key words: autobiographic prose, reminiscencies, the first person narrator.

Поступила до редакції 20.04.2011 р.

УДК 811.111

АВТОРСКИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Кобякова И.К.

Сумской государственной университет, г. Сумы, Украина

В статье исследуются вопросы структурно-содержательного наполнения авторских юмористических изречений (АЮИ), отличительные черты нетипичных текстов, а также их классификация.

Ключевые слова: *структурно-содержательный, авторские юмористические изречения (АЮИ), нетипичные тексты, классификация.*

Тексты изучаются в русле гностических, конструктивных, коммуникативных, функциональных и обучающих аспектов. Разнообразие текстов проявляется в наличии текстов больших и малых форм, информативных, эмоциональных и неэмоциональных, устных и письменных, вербальных и невербальных. Текст как элемент эволюции культуры выступает важным ингредиентом конвенциональных канонов и традиций. Как объект литературы, текст коррелирует с игрой по содержанию и с ритуалом по форме. В текстах репрезентируются реальные и ирреальные события, сохраняются традиции прошлого, в вымыслах и фантазиях создаются новые модели картин мира.

Содержательные оппозиции *данное:: новое; известное:: неизвестное; важное:: неважное; тривиальное:: нетривиальное; серьезное:: несерьезное* по-разному материализуются в текстах. Типичные тексты, в отличие от нетипичных, характеризуются наличием содержательно-логической связности, ригористичной формы и структурно-композиционной данности. В нетипичных текстах (объект исследования) формальные связи превалируют над содержательными (предмет исследования), в этих текстах часто отсутствуют логические связи. В некоторых нетипичных текстах не реализуются такие категории, как заголовок, сюжет зачин, концовка. Тексты с неотмеченными категориями заглавий (например, *пословицы, загадки, изречения*) размещаются в антологиях по тематическому принципу.

Цель статьи – исследовать вопросы структурно-содержательного наполнения авторских юмористических изречений (АЮИ), отличительные черты нетипичных текстов, а также их классификация.

Все аномальное воспринимается на фоне определенной нормы. Нормой художественного текста (ХТ) является наличие фабулы, образной системы и композиции. Идеино-образная система ХТ реализуется в его содержании, которому подчинен план выражения, композиция и оязыковление. Релевантным для нетипичных текстов малого жанра является дисгармония между формой и содержанием, наличие информативных лакун (ср. *скороговорки, детские считалки, рифмовки*).

Категория содержания представлена в авторских юмористических изречениях (АЮИ) референтом, объектом мысли; сюжет, фабула не являются здесь абсолютно релевантными. Идея высказывания сопряжена с замыслом автора реализацией юмористического эффекта. Нестандартной является и композиционная представленность АЮИ, состоящих из зон темы и ремы. В зоне ремы ЛКФ (лингвокреативная функция) дает сбой категории связности, обрывает логическую связь между темой и ремой, завершает коммуникативную программу адресанта.

Композиционно АЮИ относятся к нестандартным текстам из-за отсутствия в них заглавия, форм архитектоники, структурного деления на разделы и части. Эти тексты линейно представлены простыми и сложными, параллельными или кумулятивными структурами, оязыковляющими авторские несерьезные, алогичные рассуждения о субъективном видении мира. Небольшие по размеру, стилистически компрессированные АЮИ составляют собой группу текстов, именуемых текстами малого жанра. Родовой формой этого жанра являются художественные произведения. Род и жанр как элементы плана выражения и носителя стиля имеют предписывающую функцию в плане построения текста (ср. *дневник, притча, изречение, рассказ*).

Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская полагают, «что есть все основания считать афоризмы и изречения одним и тем же жанром. Можно предположить, что в историческом разрезе эти понятия находятся как бы на одной прямой: афоризм – это современный вид изречений, изречения – это прошлое афоризма» [6, с.16]. Авторы монографии «Афористика» предлагают следующее определение афоризма: «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [6, с.3].

Афоризмами (греч. *Aphorismos* «определение», «разграничение») назвал древнегреческий ученый Гиппократ (ок. 400 лет до н.э.) свой медицинский трактат о симптомах и диагнозах заболеваний, об искусстве их исцеления и предупреждения. Трактат начинался словами: Жизнь коротка, искусство долговечно (ср. англ. *Life is short, art is long*). Очевидно, это высказывание и послужило причиной метонимического сдвига слова «афоризм», которое приобретает статус «сентенции» (лат. *sententia* «мнение», «суждение»), гнома (лат. *gnoma* «мысль», «мнение»), максимы (лат. *maxima* «высшее правило», «сжатый стиль»). Первое (медицинское) значение употребляет Данте еще в 13 веке. А в 16 веке Антонио Перес афоризмами называл свои политические трактаты, т.е. медицинский ореол слова постепенно затухает. Во Франции исходное значение слова «афоризм» оказалось устойчивее. Изначально в России (18 век) это слово имело двойное применение (и медицинское, и литературно-художественное). Эволюция слова «афоризм» обусловлена социально-лингвистическими факторами, сыгравшими важную роль в сближении понятия «афоризм» и «изречение». Со временем тематика афоризмов-изречений проникает в область морали, истории, политики, литературоведения. А в период средневековья появляются изречения сатирического, юмористического парадоксального характера. Происходит обогащение афоризмов остроумием. Отмечая генетическую близость афоризмов и парадоксов, авторы «Афористики» указывают на дистантность этих номинаций. За афоризмами они оставляют прерогативу научности и художественности. «гармоническое сочетание художественной формы с логической обоснованностью науки и есть отличительное свойств афоризмов» [6, с. 27]. Авторы указанной

монографии отдают предпочтение серьезным афоризмам-изречениям. По их утверждениям, афоризм «представляет мудрую мысль, не обязательно новую, а только заключенную в оригинальную форму» [6, с. 42]. Несерьезные изречения, отличающиеся оригинальной, противоречащей устоявшимся канонам мыслью, авторы «Афористики» относят к парадоксам.

Парадоксы, согласно установленным определениям, это оригинальные, расходящиеся с общепринятым, а нередко и со здравым смыслом суждения. Очевидным представляется существование массива парадоксальных изречений, которые находятся в деривационных отношениях как с серьезными афоризмами, так и с другими текстами малого жанра.

Афоризмы и парадоксы сближает объемный признак (лаконичность, краткость), принадлежность к единому художественно-литературному малому жанру, завершенность, остроумие, авторская индивидуальность, синтез общения, тенденция к углубленным размышлениям, синтезированию социальных проблем, отсутствие фабульности, манера изложения, итоги раздумья, красочность суждения, выразительность и образность, стремление к необычности и оригинальности формы и содержания.

Понятие парадокса возникло в античной философии для обозначения новых, необычных мыслей. Выдающийся оратор древности Цицерон посвятил этому жанру свой философский труд «Парадоксы». Парадоксы отличаются неожиданностью, смелостью выводов, противоречащих общепринятым понятиям. Парадоксы – это блестящие по форме и неожиданные в смысловом отношении мысли; это остроумная попытка уйти от истины [5, с. 289]. В. Грасиан называет парадоксы «выродками истины», которые «должны быть вроде соли, применять их надо не густо и с умением, ибо эти мысли рискованные» [2, с. 313].

Противоречиво у авторов «Афористики» звучит положение об отношении афоризмов к инновациям. У афоризмов не мысль должна быть обязательно новой, а оболочка, в которую она заключена, чтобы привлечь к старой (а также и новой) истине внимание и закрепить ее в памяти. На наш взгляд, афоризмы содержат не только извечные принципы, им также присуща инновативность мысли, что объективируется, в частности, наличием АЮИ в разных языковых системах. Что касается парадоксов, то эти изречения включены в игру словом, образом и мыслью, они реализуют как лингвокреативную, так и развлекательную функции.

Как нам представляется, авторские изречения соотносятся с двумя группами афоризмов, а именно: с группами серьезных и несерьезных, курьезных изречений. Что же касается истинности мысли, заключенной в рамках афоризмов, т.е. критерии зависят от мировоззрения и установок общества, которые носят несколько изменчивый характер, а это, несомненно, сказывается на смене квалификативных оценок, на устаревании одних афоризмов, на актуализации других, ранее не культивированных.

Авторские юмористические изречения включают в себя не только парадоксы, но также и грегории. Грегории – интересные, остроумные изречения и слова (ср. *красное слово, итришок*). З. Гомес ввел в лингвистику этот термин, разработав некоторые теоретические положения по данной категории, он обратил особое внимание на актуальность исследования проблем грегеризма [1, с. 293]. Грегерия близка к японскому хокку – зарисовке с натуры, только, в отличие от последнего, она создается в прозе [1, с. 293]. К грегериям относятся изречения в прозе типа: –

Никто не обнимет необъятное. – Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься? – Эгоист подобен давно сидящему в колодеце. – Где начало того конца, которым оканчивается начало? – Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя. – Вакса чернит с пользой, а злой человек – с удовольствием. – Лучшим кажется то, к чему он имеет охоту [4, с. 56, 58, 64, 66, 67, 68, 73].

Выводы. Общим для текстов малого жанра является признак объемности, лаконичности и краткости [3, с. 109]. Самым краткими представляются пословицы и изречения, к пролонгированным относятся басни и эпиграммы. Все тексты малого жанра отмечены завершенностью синтезированной мысли, информативностью. При этом басням присуща фабульность, притчам-выводам предшествуют конкретные истории морально-религиозного характера, эпиграммы отмечены конкретикой и ироничностью. К возвышенным текстам относятся притчи, серьезные афоризмы, что нельзя сказать об АЮИ, баснях и эпиграммах, которым присущи к тому же ирреальность, игра мыслью и образом. Тексты малого жанра относятся к суждениям на «вечные» темы морали и нравственности, все они антропоцентричны.

Список литературы

1. Гомес де ла Серна З. Избранные / З. Гомес де ла Серна. – М., 1983. – 296 с.
2. Грасиан Б. Остроумие или искусство изощренного ума / Б. Грасиан. – М.: Прогресс. – 313 с.
3. Кобякова І.К. Креативне конструювання вторинних утворень в англомовному дискурсі / І.К. Кобякова. – Вінниця: Вид-во Нова книга, 2007. – 128 с.
4. Кривин Ф.Д. Мелочи жизни: Русская сатира и юмор второй половины XIX- XX века / Ф.Д. Кривин. – М.: Изд-во Правда, 1990 – 480 с.
5. Манн Т. Сочинения / Т. Манн. – Т.2. – М., 1958. – 289 с.
6. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская – М.: Наука, 1990. – 416 с.

Кобякова І.К. Авторські гумористичні висловлювання: структурно-змістовні характеристики // Ученіє запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.495-498.

У статті досліджуються питання структурно-змістовного наповнення авторських гумористичних висловлювань (АГВ), характерні риси нетипових текстів, а також їх класифікація.

Ключові слова: *структурно-змістовний, авторські гумористичні висловлювання (АГВ), нетипові тексти, класифікація.*

Kobyakova I.K. Authoritative humorous utterances: structural and semantic properties // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.495-498.

The article in question deals with authoritative humorous utterances: structural and semantic properties, distinguished features of nontypical texts and their taxonomy.

Key words: *structural and semantic properties, nontypical texts, taxonomy.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 821.161.1

ФЕНОМЕН РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Корчевская О. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*В статье рассматривается проявление идей русского европеизма в
литературно-эстетических концепциях русской эмиграции.*

Ключевые слова: *русская эмиграция первой волны, литературная критика,
русский европеизм.*

Широко известно существование в русской эмиграции первой волны евразийского течения, провозгласившего родство России с Азией, восточного славянства – с туранством. Однако в целом свойственное евразийству антизападничество не получило распространение среди русских эмигрантов. Это и неудивительно: в этой эмиграции преобладали представители дворянской и интеллигентской элиты, тесно связанные с европейской культурой. Европейское образование и воспитание сочеталось у них с русским национальным самосознанием. Они не только не отказались от него в эмиграции, но, напротив, стали особенно им дорожить. С философской и общественно-политической точки зрения русский европеизм в эмиграции получил характеристику в диссертации З. Д. Яковлевой, в то время как проявление его идей в литературно-эстетических концепциях русской эмиграции до сих пор практически не исследовано.

Цель данной статьи – охарактеризовать феномен русского европеизма в литературной критике русской эмиграции первой волны.

Философское обоснование русского европеизма заложено в работах П. Я. Чаадаева, В. Соловьева, Н. Бердяева. Эти философы отстаивали идею необходимости развития в русской культуре именно европейских принципов («сознания безусловного человеческого достоинства, принципа самостоятельной и самодетельной личности»). В работе «*Душа России*» (1915) Н. Бердяев сожалел о том, что в русской истории, в отличие от западной, не было периода рыцарства, которое бы закалило характер русского человека [2, с. 34]. Борясь за европейскую Россию, они не принимали ее азиатскую составляющую (коллективизм, рабство, деспотизм, растворение личности в коллективе).

В целом русский европеизм был распространенным в эмиграции умонастроением, которое проявлялось у представителей разных идейных течений, стремившихся модернизировать русскую традицию с помощью европейской прививки. «Новоградцы» Ф. Степун, Г. Федотов, И. Бунаков-Фондаминский пытались соединить «вселенское православие», «формальную демократию» и

«социальное дело». Говоря о них, В. Яновский отмечал, что «латинская прививка к родному максималистскому полудичку обернулась творческой удачей» и что они «не менее животворящи для будущей, новой, европейской России», чем молодая эмигрантская литература [16]. Д. Мережковский и З. Гиппиус были ориентированы на сближение с латинством.

В 1930-е годы для младшего поколения эмиграции и прежде всего круга журнала «Числа» западный вектор в творчестве был связан со следованием модернистской традиции, напитанной восточным, иррационально-созерцательным началом. Ориентация на ценности европейской культуры (принцип личности, мужественный дух, упорядоченность, трезвый взгляд на вещи, сознательность) у младоэмигрантов (Н. Берберовой, В. Яновского, Г. Газданова, В. Набокова, З. Шаховской) отчетливо проявилась в послевоенный период. Литературная ориентация русских писателей на Запад включала в себя повышенный интерес к стилистическим и композиционным особенностям литературного произведения. Формальное совершенство, продуманность композиции, сюжетная напряженность, точность, четкость языка, острота ума считались преимуществами западной литературы.

Русская пассивность, растворенность личности в коллективе или природе, широко проявляющаяся в персонажах русской литературы, нередко были мишенью для литературной критики эмиграции. Так, З. Гиппиус упрекала Б. Зайцева за отсутствие в его дореволюционном и раннеэмигрантском творчестве ощущения человека, личности: «Герои его рассказов – «зелень полей», «черный обворожительный ком-земля», вся тварь, «совокупно (и покорно) стенающая об избавлении»; а герои, люди, если искать в них людей, – кажутся странно-легкими, мерцают, скользят <...> потому что и они – та же земля, та же зелень полевая» [4, с. 54-55]. Ф. Степун говорил о растворении человека в творчестве Бунина «в природно-космическом бытии». По мнению критика, имя Бунина не связывается в нашем представлении с образами его героев, как, например, имя Достоевского вызывает в памяти Раскольников, Мышкина, Карамазовых, а имя Толстого – образы Наташи Ростовской, Анны Карениной, Пьера Безухова [13, с. 365-385].

Герой русской литературы – обычно человек пассивный, безвольный, не способный к действию и борьбе. Эту его особенность отмечали эмигрантские критики и неозападнической, и неославянофильской ориентации, правда, оценивая ее по-разному. Б. Зайцев заметил, что «любимые люди» Тургенева «пассивны, мало кузнецы, но никогда и не наглецы», они «в стороне от жизненных большаков, где орудут люди с волчьими зубами». «Русское лицо», выраженное в героях Тургенева, – одновременно прелестное и печальное, слабое и неустроенное, неприспособленное, непрактическое [5, с. 15].

Безволие называл сущностной чертой князя Мышкина И. Ильин. Роман «Идиот» философ рассматривал как «трагедию жизни», «трагедию благочестивого человека», который «из-за своего безволия так мало способен сделать»; «лирическую поэму» о «страданиях чистой, но безвольной мужской любви» [8, с. 301].

В. Набоков охарактеризовал «чеховского интеллигента» как человека, сочетавшего «глубочайшую порядочность с почти смехотворным неумением осуществить свои идеалы и принципы»; преданного «нравственной красоте, благу

всего человечества», но в частной жизни неспособного «ни на что дельное»; погрузившего «свою захолустную жизнь в туман утопических грез»; точно знающего, «что хорошо, ради чего стоит жить», но при этом все глубже тонущего «в грязи надоевшего существования», несчастного в любви, «безнадежного неудачника в любой области», «доброго человека, неспособного творить добро» [12, с. 329]. Одной из немногих в русской литературе попыток создания положительного деятельного мужского характера, как заметил Набоков, был тургеневский Базаров. Однако добавил при этом, что автор романа «Отцы и дети» в принципе был не способен привести мужские персонажи к победе в пределах своего замысла [12, с. 147]. В своем творчестве Набоков восполнил этот пробел русской классики, создав, по мнению Н. Хрущевой, «нового, побеждающего, рационального, efficiently-западного героя, свободного от русских сомнений, высоких слов и помыслов» [14]. Для набоковских героев Ганина («Машенька»), Мартына («Подвиг») и Годунова-Чердынцева («Дар»), пишет исследовательница, «собственная жизнь (часто в форме простого выживания) <...> важнее, чем все прекраснотушные, утопические, непрактичные, нематериальные идеи русской литературы» [14, с. 92-104].

Другой формой «женственной» «русскости» был страстный, импульсивный, неистовый характер, представленный в персонажах Достоевского. Человек с внутренним надрывом, внутренним изломом в эмиграции назывался «типом Достоевского», «человеком Достоевского» и т.д. Например, «Достоевской девушкой» называется в романе Б. Зайцева «Дом в Пасси» его героиня Капа; в очерке о Тютчеве Б. Зайцев характеризует как «тип Достоевского» возлюбленную поэта Е. Денисьеву: «интеллигентка с тяжким, нервным взглядом, болезненная, вспыхивающая, очаровательная в своей возбудимости и несущая уже в себе драму» [6, с. 106]. Интересно, что И. Ильин относил к «типу Достоевского» Л. Толстого, находя у него «классический надрыв духа», «борения», страдания, бессилие, слезы отчаяния, «бездну в глубинах сердца и жажду совершенства» [8, с. 326].

Страстность и безмерность русской природы проявлялась в хаотичности литературного стиля. В эмиграции такие обвинения выдвигались, в первую очередь, И. Шмелеву и А. Ремизову. Антон Крайний (З.Н. Гиппиус) ставил Шмелеву в упрек отсутствие чувства меры, сдержанности, собранности, замечая, что «по-русски безмерное – святое – бурление души заставляет его забывать и о писательском целомудрии», между тем как «вопли, водопады и пена слов» – это нарушение закона искусства. Эти особенности личности и стиля, по мнению критика, делают Шмелева «слишком русским» и являются препятствием для достижения им всемирности [4, с. 54].

И. Ильин отмечал, что «художественно-беззаконному, анархическому юридическому стилю Ремизова» недостает «простоты и предметности». По его словам, «эстетическая материя» Ремизова лишена равновесия, чуждается «меры и строгого вкуса», направлена «против нормального мышления» [7, с. 325].

Стилю Шмелева и Ремизова нередко противопоставлялся язык И. Бунина. Та же З. Гиппиус отмечала, что у последнего, кроме «русскости», есть «магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность», приближающие его к всемирности [4, с. 53]. В. Вейдле писал о языке Бунина, что это «не словесный узор, крутящийся вокруг узора мысли, и не уносящая мысль в свой водоворот стреми-

тельная, захлебывающаяся речь, а уверенная полновесность твердо поставленной на свое место и вонзенной в свою мысль фразы» [3, с. 787].

П. Милюков противопоставлял Толстого и Достоевского, которые «хлебнули слишком крепкого раствора русской народной стихии», «русскому европейцу» Тургеневу – художнику-наблюдателю, писавшему о русской жизни, находясь «на том берегу» [цит. по: 1, с. 410].

Русских европейцев, критиковавших азиатскую составляющую русской души, Запад не только притягивал, но и отталкивал. В западной жизни они не принимали материализм, рассудочность, буржуазность («Европу лавочников»), теплохладность. За отточенной, совершенной формой европейской литературы они часто видели пустоту, равнодушие, пресыщенность, духовную слепоту. На Западе они искали русский образ Запада.

Г. Адамович признавал, что в целом «французы пишут лучше нас, острее, яснее, тоньше, гибче». Однако одного из ведущих критиков эмиграции удручало французское «суесловье», «неискоренимое пристрастие к “фразе”, общая какая-то пустота и праздность речи»; «декоративность речи», за которой скрывается «декоративность чувств» [цит. по: 9, с. 155]. Он отмечал, что попытка «уловить единую, основную, обобщающую „тему” современной французской литературы и перевести ее „на русские понятия, русский духовный язык” приводит к недоумению: „Не то”, а главное, „не о том” [цит. по: 9, с. 156]. Главное отличие русской литературы от французской Адамович видел в том, что ее тема «в общих ее чертах остается еще темой христианской...», человек в ней еще не возведен в Абсолют, как на Западе [цит. по: 9, с. 155-156].

С одной стороны, русские эмигранты, как было показано выше, ценили «меру», ясность, трезвость, а с другой – с русским максимализмом их же осуждали и искали противостоящие им анархичность и революционность во французской литературе, стараясь найти «себя в другом». Б. Поплавский признавался, что ему ближе «какой-нибудь хасидский иллюминант оборванный, фанатический и даже нетерпимый», «чем элегантный неверующий и добрый европеец, гутирующий все, каким в России был Тургенев» [11].

Неудивительно, что большинство русских европейцев в эмиграции переживало драму неполной аккультурации. Говоря о Г. Федотове, И. Фондаминском, Ф. Степуне, В. Вейdle, В. Яновский указывает на двойственность и внутреннюю противоречивость, отличавшую каждого из них. В личности Г. Федотова, по его словам, «музыкальная податливость» соединялась с «пророческим гневом», ненависть к родной истории – с любовью. В таком противоречивом соединении для Яновского нет ничего нового: такими же были русские европейцы XIX века – Печерин, Чаадаев, Герцен, Соловьев. Мать Мария и Илья Фондаминский в восприятии В. Яновского предстают как феноменальное соединение европейцев с народниками: «Он (И. Фондаминский. – О. К.) <...> даже шел в «зарубежный народ»: ездил по провинции с наивными докладами». В некоторых русских европейцах, в частности в Ф. Степуне, Яновский отмечает неизжитое русское «подполье» («беспокойный дух, раздираемый многими противоречиями подсознания и подполья») [16].

Русская эмиграция выработала новое понимание феномена «русскости», не связанное с этничностью, принадлежностью к крестьянскому сословию и деревенской культуре. Так, И. С. Лукаш противопоставлял народничество национальной линии в русской литературе, отмечая, что превращение «национальной пушкинской литературы» «в этническую литературу племени, с обязательными мужиками, деревней, провинцией» послужило причиной распада «имперской российской нации» [цит. по: 10, с. 6-7]. Критерием «русскости» для В. Яновского, как и для большинства молодых эмигрантов, была религиозность, понимаемая как теологическая интуиция, религиозное беспокойство, озабоченность «последними вопросами». «Арелигиозность», практический и прагматический взгляд на вещи, лишенный метафизического измерения, как, например, у Фельзена, воспринимается Яновским, скорее, как ущербность и недостаток.

Неудивительно поэтому, что петербуржец и русский европеец Г. Адамович за годы эмиграции приблизился к славянофильству. В своей книге «L'autre patrie» он пришел к выводу, что «основная идея» славянофилов «таинственным образом сходна с метафизической идеей возвращения, лучше согласуется с поэтическими преобразованиями или с преобразованиями чувств и находит больше откликов в сердцах» [цит. по 9, с. 159]. Однако, как отмечает О. Коростелев, у ведущего критика русской эмиграции продолжал вызывать отталкивание «облегченный вариант славянофильства, не отягощенный сомнениями и вообще интеллектом» [9, с. 160].

Выводы. Русский европеизм – широко распространенное в эмиграции умонастроение. Представители самых разных идейных течений подчеркивали изъяны русского начала (обезличенность человека в коллективе, пассивность, преданность мечтам и страстям) и указывали на необходимость ему европейской прививки (дисциплина, личная инициатива, чувство собственного достоинства, сознательность). В литературной критике европеизм выражался в повышенном интересе к форме и утверждению деятельного героя – качествах, которые европеисты не находили у русских авторов. Неоспоримым достоинством русской литературы для европеистов, как и для неопочвенников, была ее метафизичность. В европейской культуре их отталкивали материализм, рассудочность.

Список литературы

1. Александров В. А. Тургенев / В. А. Александров, К. А. Жулькова // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940: [в 4 т.] / РАН, ИНИОН. – М. : РОССПЭН, 1997. – Т. 4 : Всемирная литература и русское зарубежье. – 2006. – С. 404–412.
2. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
3. Вейдле В. В. Из статьи «На смерть Бунина» / В. В. Вейдле // Избранные сочинения / И. А. Бунин ; сост., вступ. ст., коммент. С. Р. Федакина. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – С. 782-787.
4. Гиппиус З. Н. Полет в Европу / З. Н. Гиппиус // Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1 / сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. – М. : Олимп, АСТ, 2002. – С. 46-76.
5. Зайцев Б. [О Тургеневе] / Борис Зайцев // Тургенев и его время : сб. 1. / под ред. Н. Л. Бродского. – М. : Гос. изд-во, 1923. – С. 14-16.
6. Зайцев Б. Тютчев: жизнь и судьба: (к 75-летию кончины) / Бор. Зайцев // Возрождение. – 1949. – Тетрадь 1 (январь). – С. 97-109.
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: [в 10 т.] / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1993-1999. Т. 6. Кн. I – 1996. – 560 с.

8. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. Ильин / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2007. – 464 с.
9. Коростелев О. А. Георгий Адамович о взаимоотношениях французской и русской литературы // Русские писатели в Париже : Взгляд на французскую литературу : 1920–1940 : материалы Международ. науч. конф., 8-10 декабря 2005 г., Женева / сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Моррар, Ж. Тассис. – М. : Русский путь, 2007. – С. 152-162.
10. Коростелев О. А. Пафос свободы : Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920-1970) : [предисловие] / О. А. Коростелев // Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1 / сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. – М. : Олимп, АСТ, 2002. – С. 3-35.
11. Поплавский Б. Доклады. Наброски выступлений [Электронный ресурс] / Борис Поплавский // Новый Журнал. – 2008. – № 253. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2008/253/po18.html>.
12. Набоков В. В. Лекции по русской литературе : пер. с англ. / В. В. Набоков ; предисл. Ив. Толстого. – М. : Независимая газета, 1996. – 440 с.
13. Степун Ф. А. Литературные заметки: И.А.Бунин (По поводу «Митиной любви») / Ф. Степун // И. А. Бунин : Pro et Contra : Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антол. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 365-385.
14. Хрущева Н. Владимир Набоков и русские поэты (Из книги "В гостях у Набокова") / Н. Хрущева // Вопросы литературы. – 2005. – № 4 (июль–авг.). – С. 92-104.
15. Яковлева З. Д. Проблема взаимосвязи культуры и цивилизации в философии русского зарубежья 1920-1940-х годов : дис.... канд. филос. наук : 09.00.03 / Яковлева Зухра Джуракуловна. – Тверь, 2006. – 202 с.
16. Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти / В. С. Яновский. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – 276 с.

Корчевська О. В. Феномен російського європеїзму в літературній критиці російської еміграції першої хвилі // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.499-504.

У статті розглядається прояв ідей російського європеїзму в літературно-естетичних концепціях російської еміграції.

Ключові слова: російська еміграція першої хвилі, літературна критика, російський європеїзм.

Korchevskaya O. The phenomenon of Russian Europeanism in the literary criticism of the Russian emigration of the first wave // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.499-504.

The article studies the reflection of the ideas of Russian Europeanism in the literary and aesthetic conceptions of the Russian emigration.

Key words: Russian emigration of the first wave, literary criticism, Russian Europeanism.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 82.0

ГРЕЧЕСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. БРОДСКОГО (С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ ИЗ ГОМЕРА)

Лазариди М.И.

Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан

*На материале античных стихов И. Бродского и реминисценций из «Одиссеи»
Гомера освещается проблема любви к родине.*

Ключевые слова: *Одиссей, Тезей, Телемах, Паламед, Скирос.*

Сладостней нет ничего нам отчизны и родичей наших...

Гомер

Когда-нибудь придется возвращаться...

Назад. Домой. К родному очагу.

И. Бродский

И. Бродский – поэт античного масштаба по силе таланта, по своеобразию мышления, по титанической работе над освоением слова.

Человек – это то, что он читает. Так считал И. Бродский. И читал всю жизнь. Не только в библиотеках родного Ленинграда с богатейшей сокровищницей мирового разума и красоты, но и в глухой сибирской деревеньке, куда был сослан за «тунеядство». В Ленинград он вернулся личностью, уже осознавший (в определенной мере) свое предназначение. За полтора года ссылки он много читал и думал. А. Ахматова, его добрый гений, понимала, что уже выстраивается трагическая судьба большого поэта. Ибо творческий путь гения тернист, духовный «титанизм» несовместим с обыденностью, люди «не от мира сего» плохо уживаются с прозой жизни. *Цель статьи* – освещение проблемы любви к родине в творчестве И. Бродского.

Общеизвестна судьба поэта, получившего Нобелевскую премию, обласканного в мире культуры и науки, получившего признание во всем мире. Но была и другая сторона, кровоточащая рана, боль от которой не утихала даже в самые светлые минуты жизни. После отъезда в Америку он прожил еще около четверти века. Родителям не суждено было больше увидеть своего единственного сына, а он никогда не вернулся в отчий дом. Похоронен в любимой Венеции, которая так напоминала ему Ленинград, также построенный гениальными итальянскими архитекторами.

Как можно высказать свою боль и тоску по потерянной родине? Какие образы человеческой истории помогут залечить раны души? Поэт находит такого друга по несчастью, который может подсказать выход из душевного тупика.

Это Одиссей. Царь Итаки, сын Лаэрта, муж Пенелопы, отец Телемаха, один из самых известных героев «Илиады» Гомера. Его странствиям посвящена гениальная «Одиссея». Само его имя является названием сложных жизненных перипетий. Смелый и опытный воин, он использовал не только свою физическую силу, но и интеллектуальную одаренность, одерживая победы не только могуществом оружия, но и изощренностью ума; недаром он назывался хитроумным.

Приведем текст стихотворения И. Бродского, его раздумья о судьбе Одиссея и о своей, которая вырвала поэта из семьи на долгие годы, отмерила жизнь, полную приключений, но не подарила счастья возвращения:

И. Бродский, *Одиссей Телемаку (1972)*

Мой Телемак,

Троянская война

окончена. Кто победил – не помню.

Должно быть, греки: столько мертвецов

вне дома бросить могут только греки...

И все-таки ведущая домой

дорога оказалась слишком длинной,

как будто Посейдон, пока мы там

теряли время, растянул пространство.

Мне неизвестно, где я нахожусь,

что предо мной. Какой-то грязный остров,

кусты, постройки, хрюканье свиней,

заросший сад, какая-то царица,

трава да камни... Милый Телемак,

все острова похожи друг на друга,

когда так долго странствуешь; и мозг

уже сбивается, считая волны,

глаз, засоренный горизонтом, плачет,

и водяное мясо застит слух.

Не помню я, чем кончилась война,

и сколько лет тебе сейчас, не помню.

Расти большой, мой Телемак, расти.

Лишь боги знают, свидимся ли снова.

Ты и сейчас уже не тот младенец,

перед которым я сдержал быков.

Когда б не Паламед, мы жили вместе.

Но может быть и прав он: без меня

ты от страстей Эдиповых избавлен,

и сны твои, мой Телемак, безгрешны [1, с. 211-212].

Как известно, Одиссей не хотел уходить на войну с Илионом, но как сложилась бы жизнь героя, не обогащенная странствиями, накоплением опыта, различными приключениями (история с троянским конем и падение царства Приама; встреча с обольстительными сиренами (Рис. 1); спасение Одиссея Навсикаей (илл.2), дочьерью царя Агенора; ослепление Полифема, сына могущественного Посейдона; встреча с волшебницей Киркой, которая превратила в свиней многих из его спутников, но не

самого Одиссея; встреча в подземном мире с матерью, которая умерла из-за разлуки с сыном)? Сумел бы он стать той личностью, что в течение тысячелетий является символом мужества, борьбы за выживание, несломленности бойца, удачи?.. И как сложилась бы судьба самого И. Бродского без тех испытаний, которые ему выпали на долю? В стихотворении поэт постоянно возвращается к истории Одиссея: «Грязный остров» – это остров Кирки, где Одиссей провел долгих 7 лет. «Посейдон ...растянул пространство» – это отмщение грозного бога морей Посейдона за ослепление сына, одноглазого Полифема, осуществленного рукой Одиссея и его товарищей. «Когда б не Паламед, мы жили вместе» – притворившись сумасшедшим, Одиссей заседал поле солью, но Паламед разоблачил его, положив на пашню маленького Телемака, и вынудил его пойти на войну (позже Одиссей жестоко отомстит Паламеду). О чем сожалеет Одиссей? О погибших товарищах по оружию, потеряв жизнь, вряд ли освящены посмертной славой в глазах живых. И о том, что все «острова похожи друг на друга». И нет родного дома, и родных лиц. «Глаз, засоренный горизонтом, плачет»... Тоска, получившая название «ностальгия» – тоска по родине. И тема смерти. «Ведущая домой дорога оказалась слишком длинной». Поэта она не привела домой.

Рис. 1. Одиссей и сирены.
Чернофигурная керамика, прим. 340 г. до н.э.
Пергамский музей. Античное собрание (Берлин)

Ф. Лейтон. Навсикая. 1878

В стихотворении «Развивая Платона», обращаясь к Фортунатосу, лирический герой пишет о своей мечте:

*Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава – рука
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы...
Чтобы там была Опера...
Там была бы Библиотека, и в залах ее пустых
Я листал бы тома ...
В сумерках я следил бы в окне стада
Мычащих автомобилей, снующих туда-сюда
мимо стройных нагих колонн с дорической прической,
безмятежно белеющих на фронтоне Суда[1, с. 304-306].*

Перед нами ностальгический образ города, великого и прекрасного, родного, но отвернувшегося от своего неузнанного сына. И у лирического героя, оказавшегося перед беснующейся толпой, уверявшей, что он «Не наш!» – оказалась возможность посмотреть на свою родину изнутри. Познание это было неподъемно для человеческого духа, и он покинул город, который любил так, как – выражаясь языком Шекспира – «сорок тысяч братьев любить не могут». Страдание расставания с родиной поэт выражает, используя образ Тезея, победителя Минотавра, – это один из любимейших символов И. Бродского (стихотворение «1972 год»).

*Точно Тезей из пещеры Миноса,
выйдя на воздух и шкуру вынеся,
не горизонт вижу я – знак минуса
к прожитой жизни. Острей, чем меч его,
лезвие это, и им отрезана, когда изменились времена,
лучшая часть.(...)
Хочется плакать. Но плакать нечего [1, с. 221].*

Но почему поэт не вернулся, когда изменились времена, когда поступили приглашения Нобелевскому лауреату посетить город детства уже в качестве почетного гостя; в конце концов, посетить могилы родителей. Думаю, этому помешала очень сильная любовь: к городу, дому, друзьям, родителям. Как бы это не звучало парадоксально. Любишь так, что даже вспоминать тяжело – как бы не разорвалось сердце.

А теперь обратимся к стихам поэта, к его лирическому дневнику, к гениальной поэзии, одной из задач которой изначально является способность залечивать раны души.

К Ликомеду, на Скирос (1967)
*Я покидаю город, как Тезей –
свой лабиринт, оставив минотавра
смердеть, а Ариадну – ворковать
в объятьях Вакха.
Вот она, победа!
Апофеоз подвижничества. Бог
как раз тогда подстраивает встречу,
когда мы, в центре завершив дела,
уже бредем по пустырю с добычей,*

*навеки уходя из этих мест,
чтоб больше никогда не возвращаться.
В конце концов, убийство есть убийство.
Долг смертных ополчиться на чудовищ.
Но кто сказал, что чудовища бессмертны?
И, дабы не могли мы возомнить
себя отличными от побежденных,
бог отнимает всякую награду,
тайком от глаз ликующей толпы,
и нам велит молчать. И мы уходим.
Теперь уже и вправду – навсегда.
Ведь если может человек вернуться
на место преступления, то туда,
где был унижен, он прийти не сможет.
И в этом пункте планы божества
и наше ощущение униженья
настолько абсолютно совпадают,
что за спиной остаются: ночь,
смердящий зверь, ликующие толпы,
дома, огни. И Вакх на пустыре
милуется в потемках с Ариадной.
Когда-нибудь придется возвращаться.
Назад. Домой. К родному очагу.
И ляжет путь мой через этот город.
Дай бог тогда, чтоб не было со мной
двуострого меча, поскольку город
обычно начинается для тех,
кто в нем живет, с центральных площадей
и башен.
Но для странника – с окраин [1, с. 103-104].*

В стихотворении «К Ликомеду, на Скирос» поэт размышляет о том, почему он не может вернуться домой хотя бы на время, и приходит к мысли, что можно вернуться даже на место преступления, но не на место униженья.

Скирос – небольшой остров в Эгейском море, связан с именами мифических героев – Одиссея и Тезея. У Ликомеда Фетида прятала своего сына Ахиллеса от Троянского похода. Ахиллес – «самый благородный герой греческого пантеона» по воле богов должен был погибнуть. Это хитроумный Одиссей обнаруживает его в толпе дочерей Ликомеда, переодетого в женское платье, и забирает в Трою. Но Скирос связан также и с Тезеем, со смертью героя. Здесь Ликомед, в угоду тирану, сбрасывает его со скалы.

Поэт завершает стихотворение раздумьями о том, что когда-нибудь придется возвращаться домой; странником, идущим через окраины. И путь его ляжет через этот город. Почему же он так боится, когда путь его ляжет через этот город, чтобы у него не было с собой оружия («Дай Бог тогда, чтоб не было со мной двуострого ножа»)?

Такой нож был у Одиссея на острове Кирки, когда он направлялся в дом волшебницы, в котором исчезли все сотоварищи славного героя, назад же никто не возвратился.

*...и не медля, надев на плечо среброгвоздь,
Медный двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить...* [2, с. 123].

Еврилох, рыдая, стал отговаривать Одиссея идти на верную погибель, но безуспешно:

*Друг Эврилох, принуждать я тебя не хочу...
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно* [2, с. 123].

Вот что делает человека прекрасным – следование чувству долга, чести!

Двуострым ножом покончил с собой Гемон на глазах у перепуганного насмерть Креонта, чтобы отомстить за Антигону и отмыть запятнанную бесчеловечностью своего отца честь семьи [3].

Выводы. У каждого человека есть своя Итака. Радостно, что Одиссей смог осуществить свою мечту о возвращении на родину; горестно, что И. Бродскому это не удалось. Но душа поэта, живущая в стихах, с нами. Поэзия И. Бродского такова, что ее пространство осваивается очень медленно. Обилие мыслей, нетривиальность мышления, разнообразие ассоциаций, фантастическая начитанность – все это является испытанием для читателя. Счастье, если удастся справиться с этой планкой. Тогда наступает время наслаждения чистой поэзией. Гедонистическое чувство, которое испытывает читатель, стоит всех трудов по освоению земли неизведанной (*terra incognita*), созданной гением И. Бродского на русском языке, позволяющей знакомиться с шедеврами на языке оригинала.

Список литературы

1. Бродский И. Часть речи. Избранные стихи 1962-1989 / И. Бродский. – М.: Худ. л-ра, 1990.
2. Гомер. Одиссея. Пер. с древнегреч. В.А. Жуковского/ Гомер. – М.: Моск. рабочий, 1982.
3. Софокл. Антигона // Трагедии. Пер. с древнегреч. С. Шервинского / Софокл. – М.: Искусство, 1979. – С.139-193.

Лазариді М.І. Грецька тема в творчості Й. Бродського // Ученіє запискі Таврічського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.505-511.

На матеріалі античних віршів Й. Бродського та ремінісценцій з «Одисеї» Гомера висвітлено проблему любові до батьківщини.

Ключові слова: *Одисей, Тезей, Телемах, Паламед, Скирос.*

Lazaridi M.I. The Greek theme in the works of J.Brodsky (with the reminiscences from Homer) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.505-511.

The article is devoted the problem of patriotism (on the material of the poetry of J.Brodsky and “Odyssea” of Homer).

Key words: *Odyssey, Thezeus, Telemaxos, Palamed, Skiros*

Поступила в редакцию 15.04.2011 г.

УДК 811.161.1'42

СОВРЕМЕННАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: В ПОИСКАХ НЕВЫРАЗИМОГО

Минаева Э.В., Пономарёва Т.А.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

В статье обозначены некоторые значимые признаки современной визуальной поэзии; предпринята попытка рассмотрения возможных перспектив развития данного литературного направления.

Ключевые слова: *современная визуальная поэзия, анимационная поэзия, перспективы развития визуальной поэзии.*

Постановка проблемы. В последнее время интерес исследователей к современной поэзии неуклонно возрастает. *Актуальность.* Это может быть обусловлено особенностями самого предмета изучения: соглашаясь с постулатом о том, что абсолютно новую поэзию создать невозможно, современные авторы формируют поэтический дискурс, обладающий рядом новаторских черт.

Цель данной работы – описание некоторых типологических особенностей современного поэтического дискурса, в частности визуальной поэзии.

Признаки, отличающие современную поэзию от традиционной, связаны, прежде всего, с особенностями функционирования художественного слова. При анализе языка современной поэзии, как справедливо отмечает Н. Фатеева, «необходимо пересмотреть само лингвистическое определение «слова»... поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него» [18, с.85]. Слова утрачивают свои границы, происходит объединение / разъединение слов (морфем) с помощью знаков препинания, пробелов, скобок, выделений шрифтами. Каждый языковой знак приобретает самостоятельность и особую значимость, «выстраивает на странице особую визуальную линию смысла» [18, с. 83]. В качестве примера приведем стихотворение Анны Альчук.

МАЯКОВ одиночество

С(КИль) корабля

без руля **ВЦИК**атил

для рубля в револю

цию

(реВ)ОЛН к нулю

льнул

бортом к Кирпичу

мая ков мая цык

то...чкапули в конце

А. Альчук [3, с. 465]

В современном поэтическом дискурсе линейная организация стихотворного текста перестаёт быть обязательной, текст приобретает возможность быть интерпретированным по вертикали, диагонали, в виде любой геометрической

фигуры или любым другим графическим способом. И тогда можно говорить о явлении, называемом визуальной поэзией.

Визуальная поэзия – авангардное направление на стыке поэзии и изобразительного искусства; в рамках этого направления особое значение приобретает визуализация текста графическими элементами, расширяющими его образное и смысловое значение [16]. В визуальном тексте смысловая и художественная нагрузки распределяются между поэтическим сообщением и графической или изобразительной формой его выражения, при этом создаваемое комплексное значение не может быть выражено ни одним из художественных средств, взятых в отдельности [2, с. 16].

Термин «визуальная поэзия» в современной лингвистике нельзя считать устоявшимся. Существуют синонимические номинации: стихографика, видеопэзия, медиапоэзия, фигурные стихи и др. Последний термин, по мнению Е. Степанова, определяет лишь часть визуальной поэзии, явления более широкого и масштабного [17].

Визуальная поэзия в мировой культуре известна с III века до нашей эры. Александрийские поэты Симмий, Досиад и Феокрит считаются изобретателями фигурных стихов. Родоначальником русской визуальной поэзии исследователи называют Симеона Полоцкого. В жанре визуальной поэзии работали Державин и Сумароков. В начале XX века в русской визуальной поэзии происходит новый всплеск, представленный именами А. Белого, В. Брюсова, В. Каменского, Д. Бурлюка, В. Хлебникова, С. Кирсанова и других. В советское время свои видеомы публиковал Андрей Вознесенский. Сегодня в жанре визуальной поэзии работают многие поэты: Сергей Сигей, Ры Никонова, Алексей Хвостенко, Дмитрий Авалиани, Александр Федулов, Сергей Бирюков, Валерий Галечьян, Света Литвак, Елена Кацюба, Константин Кедров, Дмитрий Зимин, Андрей Кирсанов и другие. Необходимо отметить, что элементы шрифтовой (визуальной) поэзии в настоящее время используют многие (возможно, большинство) современные поэты.

Описанию и анализу русской визуальной поэзии посвящены работы таких исследователей, как М. Гаспаров, Ю. Лотман, А. Квятковский, С. Сигей, С. Бирюков, Ю. Гик, Е. Степанов, В. Колотвин, М. Асылбекова и других. Тем не менее, функционирование невербального в современной поэзии исследовано, на наш взгляд, недостаточно.

Некоторые современные исследователи считают визуальные стихотворения не поэтической формой, а совершенно отдельным видом искусства [14]. Как отмечает Юрий Гик, «под визуальной поэзией понимают размытый культурный феномен, находящийся в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами. Точного и удовлетворительного определения визуальной поэзии пока не выработано, хотя описание термина или его составляющих (конкретная поэзия, фигурная поэзия) уже можно найти в словарях ...» [6, с. 56]. Евгений Степанов полагает, что визуальная поэзия выполняет высокие эстетические функции и объединяет графические и вербальные возможности дискурса [17]. Борис Гринберг метафорически определяет визуальную поэзию как «искусство изображения потаенного в стихах» [7].

Некоторые исследователи, положив в основу классификации прежде всего визуальный принцип, внешний вид, выделяют три основные группы подобных произведений:

а) геометрические изображения (текст расположен в виде строго геометрической фигуры);

б) изображения под конкретные предметы (внешняя форма повторяет очертания какой-либо вещи);

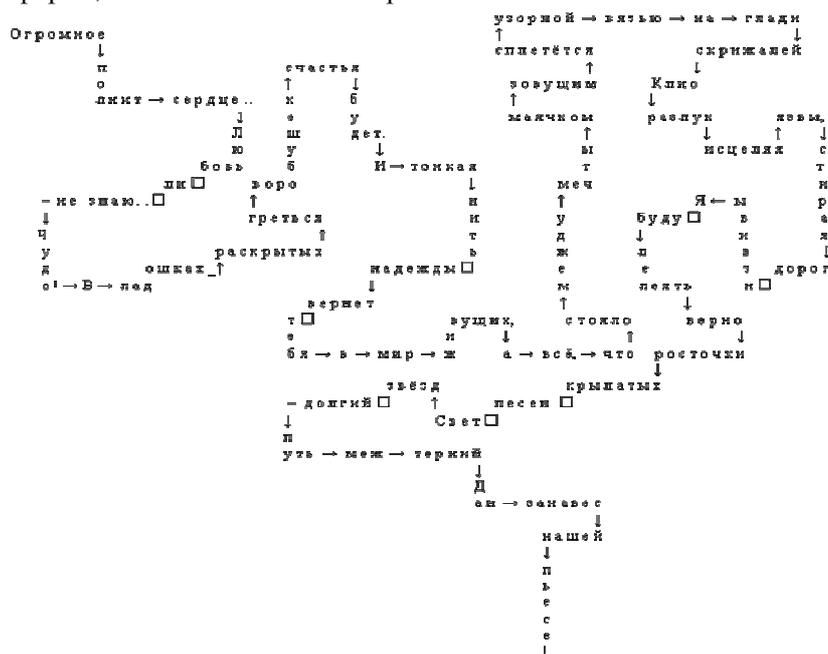
в) абстрактные живописные изображения, определяемые автором в качестве стихотворений (их принадлежность к поэзии устанавливается, как правило, только благодаря таковой заданности в заглавии или расположению в контексте других стихотворений).

В некоторых случаях границы между текстами первой и второй группы кажутся весьма зыбкими [4].

Наблюдения над современной визуальной поэзией позволяют говорить о многообразии видов данного направления. Рассмотрим некоторые из них.

В современной поэзии широкое распространение получили *фигурные стихи* (другие названия: графические стихи, стихографика, каллиграмма) – стихи, в которых графический рисунок строк или выделенных в строках букв складывается в изображение какой-либо фигуры или предмета (монограмма, ромб и др.), проще говоря, слова стихотворения образуют рисунок. Родоначальником жанра считают Г. Аполлинера. К передаче художественных смыслов таким образом обращаются многие современные поэты (нельзя не упомянуть видеомы А. Вознесенского, написанные и изданные в советское, а затем в перестроечное время): С. Сигей, В. Галечьян, А. Моцар, Л. Блинов, А. Фролов, Е. Мякишев, Т. Манкова и др.

В фигурных стихах центральный образ обычно опредмечивается формой. Ярким примером может быть *стихотворение-лабиринт* Т. Манковой «Ариадна» [12]. Поэтический текст, расположенный в виде лабиринта, не утрачивает своей семантической значимости и интертекстуальной наполненности, напротив, благодаря форме, значимость текста возрастает.

Интересным в современной визуальной поэзии нам кажется жанр, созданный Дмитрием Авалиани. Герман Лукомников назвал этот жанр *листоверть*, интерпретировать его можно как своего рода визуальный палиндром, поскольку в одном таком визуальном объекте под разным углом зрения прочитывается разный текст. Наиболее часто используемый (хотя и не единственный) способ смены угла зрения – переворачивание листа с объектом на 180 градусов [1]. Приведем в качестве примера стихотворение Д. Авалиани:

Рассмотрим еще несколько произведений этого же автора, написанных панторифмой.

Панторифма – это стихотворение, в котором каждый стих целиком является рифмой. Д. Авалиани усложняет задачу, стремясь не просто к звуковой близости строк, а к полному их тождеству – различаются только места словоразделов и ударений. В таком стихотворении каждое слово многозначно, каждый знак полисемантичен. Приведем несколько примеров [1]:

Остановимся еще на одном жанре визуальной поэзии – *лингвогобелене*, который был изобретен Вилли Р. Мельниковым. По словам создателя лингвогобелена, этот «жанр не декларирует использование максимального количества языков: по мере разветвления смыслового древа на его разноязычных ветвях-фразах рождаются новые образы-мутанты, образуемые пространственными и временными перепадами между мелодикой, колористикой и мифологией языков. Автор многоязычных

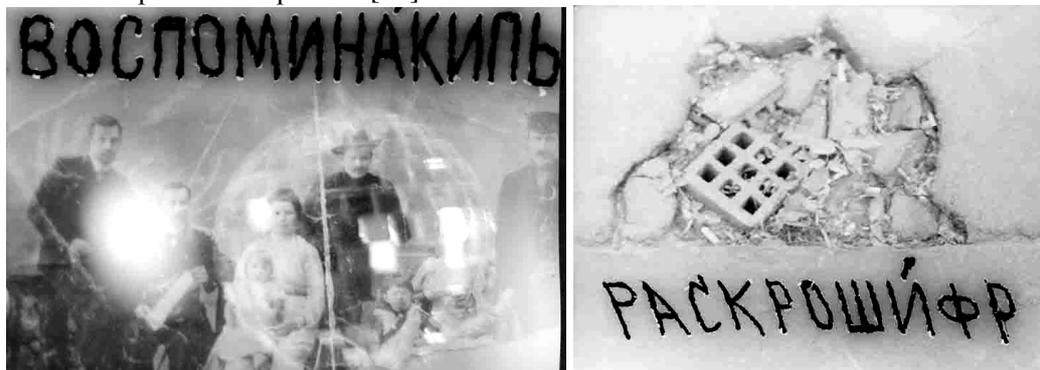
ковропрядений не стремится к эпатажной иероглифичности, а лишь пытается овизуализировать взаимопревращение культур и эпох. Всякий, кто пытается вчувствоваться в лингвогобелены, ощущает в себе кристаллизацию способности вчувствоваться в еще незнакомые языки, не воспринимая их как нечто непостижимое и не захлебываясь в их идиоматах» [13].

Представленный лингвогобелен В. Мельникова написан на языках: тлацкотек (др. Гватемала); вест-готский (др. сев. Европа); джу-инь-цзы-му (др. Манчжурия); уавниффа (центр. Африка). Автор переводит текст следующим образом: «Прозрачный панцирь пернатой черепахи – это окно в тайну самоочищения неба от звёздной чешуи. Озеро смыслов, подслащённое непереводакостями, заставляет свои донные горячие ключи клокотать с оледеневшими интонациями: их ветви плодоносят перезревшими обещаниями пепла не опадать на замерзающий в вулкане город. Его жители спасаются пониманием: посадить время за решётку календаря – значит спрятаться от себя самих внутри неспособности жить вне времени. Так отсчитывает время моллюск, чей конец света – в трещинах его раковины; но для волны, метнувшей раковину в отражение умершего штиля, – это начало штормящей бесцветности. Её видишь, когда случается заблудиться в джунглях ягуаровых размышлений, где легко оступиться в норы блаженного кроличьего бездумья. И тогда остаётся опасаться лишь пламени, выплёвывающего собственные дрова: оно не жжётся, но выжигает лики тех, кто был сожжён за владение языками пепла. Там долгие гласные не долго слышатся сквозь затвердеважность вечно остывающей пемзы-послесмыслия...» [13].

Жанр *люменоскрипт*, созданный Вилли Р. Мельниковым на стыке фотоживописи и поэзии, фотоживописи и фрактальной стереометрии (многослойной фотографии). При этом поэзия представлена посредством муфтолингвы (приема, изобретенного Вилли Р. Мельниковым) – поэтических окказионализмов-кентавров, построенных по принципу «муфты». Примером такой муфтолингвы может послужить моностих В. Мельникова, или стих-однострочник:

«Весна, мерзлятся, медитая, льдинозавры». В люменоскриптах разноязычные слова и детали художественной фотокомпозиции иллюстрируют друг друга, создавая новые измерения восприятия [13]:

И лингвогобелены, и люменоскрипты, как и кентаврическая муфтолингва, построены на соединении несоединимого, на сращении контрастов, визуальных и вербальных.

Остановимся еще на одном виде визуальной поэзии – *стихотворениях-коллажах*, в которых поэтический текст, графические и фотоэлементы находятся в синтезе. В качестве примера назовем произведение Елены Кацюбы «Бабочка из сна» [8]:

Можно выделить и другие жанры и виды современной визуальной поэзии: шрифтовые стихи, шрифтовые мозаики, фотостихи, саунд-стихи, заумь и др. Список остается открытым, т. к. визуальная поэзия еще до конца не оформилась как жанр или литературное направление.

Тем не менее, уже возможно сформулировать некоторые общие черты, свойственные визуальной поэзии рубежа веков. Визуальное стихотворение может состоять из одного повторяющегося слова или словосочетания, одного или нескольких предложений, нескольких морфем или служебных слов, звукобуквенных сочетаний. Возможно внедрение в текст геометрических фигур, математических элементов, синтез вербальных и нотных знаков и т. д. Используются различные формы, разнообразные

шрифты, игры со светом и тенью; в произведение включаются различные цвета. И если визуальные стихи, написанные, например, в XIX или начале XX века, были лишь фигурными (т. е. строки стихотворения были построены в виде какого-либо предмета или фигуры), то современные поэты используют всё многообразие доступных им невербальных и вербальных техник и приёмов.

Интересным для понимания некоторых мировоззренческих установок поэтов-визуалов нам кажутся размышления Ры Никоновой: «Она [обыкновенная вербальная литература. – Э. М., Т. П.] существует и ей всё равно, где заканчивается строка, какой она длины. А мне, например, важна даже глубина погружения шрифтов в платформу. <...> Интересны и книжная скульптура и всякие наклейки, дополнительные платформы с текстом или без. Это как бы земля для текста... Возникает проблема тяготения текста, его соотношений с платформой, на которой он существует... Следующая ступень – текст стал не нужен. Меня заинтересовала сама «земля», платформа, ведь существует земля без людей» [20, с. 396].

Проблема соотношения вербального и визуального в такой поэзии рассматривается многими авторами и получает различное решение. Некоторые считают, что в визуальной поэзии вербальное – вторично: «Слово – вечно изменяющееся, содержащее в себе миры смыслов, погибает, бесконечно суживается, помещенное в узкие рамки рисунка» [4]. И далее: «Визуальное преобладает над вербальным, слово вторично и несущественно, ибо главное – внешний вид. Это нечитаемые произведения. И чем больше отходит художник от слова, чем больше появляется, пусть довольно эффектных, визуальных приемов, тем, дальше от поэзии, если, конечно, понимать под поэзией **ритмическое словотворчество** [4]. Товий Хархур считает, что «визуальный элемент, привнесенный в языковую структуру, благодаря своей природе, не должен подчиняться закономерностям и правилам языка. Выходя за их пределы, он увеличивает «свободу» языка поэтического» [19]. Мы разделяем мнение Евгения Степанова, согласно которому приоритет всё же остаётся за словом: «В визуальной поэзии должно все-таки преобладать (играть роль первой скрипки!) вербальное начало, а не коллаж, графика или живопись. Изобразительный ряд подчеркивает важность, значимость слова, усиливает его суггестию» [17].

Существует опасность, что произойдет настолько существенный отрыв от поэзии в сторону визуализации текста, что слово утратит свою ургийность. Тогда в словосочетании «визуальная поэзия» слово «поэзия» может стать лишним.

Многие поэты-визуалисты стремятся воплотить в своих произведениях то, что не могут представить в классической форме, и усматривают в визуальной форме квинтэссенцию онтологических смыслов. Например, В. Налимов, говоря о «семантическом вакууме» визуальной поэзии, замечает: «Спрессованность смыслов – это нераспакованный (непроявленный) Мир – семантический вакуум» [15, с. 56]. Таким образом, мы можем сказать, что вакуум в визуальной поэзии особого рода: в нем будто слышен зарождающийся «гул языка».

Одним из наиболее радикальных подвидов визуальной поэзии, под которым понимаются тексты и без какого-либо словесного наполнения, и без замещения его графическим содержанием, является вакуумная поэзия (нулевая литература,

текстоотсутствие). Ры Никонова определяет вакуумную поэзию как «способ обустройства тишины» [20, с. 396]. Представляя собою чистые листы, где сложно усмотреть авторское вмешательство, эти тексты тем не менее позиционируются как явление литературы, что обычно акцентируется помещением их в контекст поэтических или прозаических сочинений и привычными элементами рамочного оформления (название, эпиграф, дата создания, сноски и комментарии) [5]. Такие произведения создают В. Казаков, М. Сапего, Ры Никонова и некоторые др.

Стремительное развитие информационных технологий не может не сказаться и на такой области деятельности, как поэтическое творчество. Прежде всего, это открывает новые пути развития для визуальной поэзии.

Мультимедийный инструментарий может позволить поэтам-визуалистам использовать широкий спектр возможностей: синтез визуальной и аудиальной поэзии, огромный выбор шрифтов, альтернативные фоновые и цветовые решения, эффект текстуры, рисование и анимация (эффекты движения и появления, исчезновение и смещение и т. д.), метаморфозы шрифтов, знаков (от языковых до графических) и как результат – смысла на разных уровнях визуального поэтического текста и многое др.

Мультимедийные технологии служат для решения не только информационных задач, но и эстетических. Это открывает в перспективе новые возможности для визуальной поэзии.

В качестве названия данного жанра мы можем предложить два варианта: 1) анимационная поэзия, в таком случае авторы текстов могут быть определены как поэты-аниматоры; 2) кибер-поэзия (авторы текстов – кибер-поэты).

Создание визуальной поэзии с помощью современных компьютерных средств является той нишей, которая еще только может быть заполнена. На сегодняшний день делаются только первые попытки в этой творческой области. Например, в этом жанре работает Е. Кацюба (стихи из сборника «Свалка»: «Фазы луны», «Календарь свалки» и др.) (см. примеры стихов на сайте [9], т. к. бумажный вариант анимационных текстов дать невозможно), Товий Хархур и некоторые др.

В одном из интервью на вопрос, что такое визуальная поэзия, К. Кедров ответил: «Границы между визуальной поэзией и просто иллюстрацией к тексту практически нет» [10]. Даже поэты-визуалисты часто сами не отличают визуальную поэзию от графических или других изобразительных произведений. Зачастую можно говорить, что это визуальная поэзия, только исходя из определения самого автора: из названия или авторского комментария.

Вероятно, поэт сам должен определять в своём произведении степень удаленности от текста, степень «спрятанности» поэтического текста за изображением. Важным, на наш взгляд, является взаимодополняемость формы и содержания, взаимодействие всех элементов. Читателю приходится интерпретировать «буквально все составляющие художественной композиции: сам текст – или отсутствие такового, его конфигурацию и особенности размещения на странице, графические и иконические элементы, цветовую гамму, шрифт, графически обозначенные мелодические, просодические или сонорные характеристики, тактильные особенности страницы или платформы, на которой

воспроизводится текст, символику словесного и изобразительного ряда, а главное – взаимодействие всех элементов произведения» [14]. По определению Валерия Колотвина, визуальная поэзия представляет собой альтернативу линейному восприятию текста [11].

Выводы. Наблюдения над современным поэтическим дискурсом позволяют утверждать, что большинство современных визуальных произведений характеризуются многослойностью, синтезом текстового и визуального дискурса. Поэты моделируют свой дискурс, используя разнообразнейшие техники и методики, создавая, таким образом, произведения, находящиеся на стыке различных жанров и видов искусства.

Список литературы

1. Авалиани Д. Листовертни [Электронный ресурс] / Д. Авалиани. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.vavilon.ru/texts/avaliani-11.html>.
2. Адлер Дж. Непрерывность традиций визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы: антология / Дж. Адлер. – Калининград, 1998.
3. Альчук А. Сказа Но: (стихи 2000-2003 гг.) // Поэтика исканий, или Поиск поэтики : материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии» / Н. Азарова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 592 с. – С. 463-467.
4. Асылбекова М. С. Визуальная поэзия: материалы к спецкурсу по анализу поэтического текста [Электронный ресурс] / М. С. Асылбекова. – Режим доступа к ресурсу: <http://festival.1september.ru/authors/100-172-014/>.
5. Вакуумная поэзия... [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/vakuum25.html>.
6. Гик Ю. Наследие Дада в современной визуальной поэзии [Электронный ресурс] / Ю. Гик. – Режим доступа к ресурсу: http://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html.
7. Гринберг Б. Блиц-интервью [Электронный ресурс] / Б. Гринберг. – Режим доступа к ресурсу: http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=921.
8. Кацюба Е. Графика-текст [Электронный ресурс] / Е. Кацюба. – Режим доступа к ресурсу: http://visualpoetry.ru/arc/2008_1/кацюба.php.
9. Кацюба Е. Стихи [Электронный ресурс] / Е. Кацюба. – Режим доступа к ресурсу: <http://flashpoetry.narod.ru/svalka>.
10. Кедров К. Стихи. Интервью [Электронный ресурс] / К. Кедров. – Режим доступа к ресурсу: <http://http://www.stihi.ru/2009/07/15/3952>.
11. Колотвин В. Визуальная поэзия – альтернатива линейной организации восприятия [Электронный ресурс] / В. Колотвин. – Режим доступа к ресурсу: http://vladivostok.com/speaking_in_tongues/Kolotvin01.htm.
12. Манкова Т. Стихографика [Электронный ресурс] / Т. Манкова. – Режим доступа к ресурсу: <http://rifma.com.ru/Publications/Mankova.htm>.
13. Мельников Вилли Р. Введение в лингвобелены на муфтолингве [Электронный ресурс] / В. Мельников. – Режим доступа к ресурсу: http://kassandrion.narod.ru/villyM/vil_glav.htm.
14. Назаренко Т. Визуальная поэзия [Электронный ресурс] / Т. Назаренко. – Режим доступа к ресурсу: http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=5&leng=ru.
15. Налимов В. В поисках иных смыслов / В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
16. Словарь поэтических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://rifma.ru/Poetic-3.htm>.
17. Степанов Е. Визуальная поэзия в современной России [Электронный ресурс] / Е. Степанов. – Режим доступа к ресурсу: <http://magazines.russ.ru/reviews/>

18. Фатеева Н. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / Н. Фатеева. – С. 79-89.
19. Хархур Товий Слияние поэзии и живописи [Электронный ресурс] / Товий Хархур. – Режим доступа к ресурсу: <http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>.
20. Шарлоте Грече. «Страница – это платформа». Интервью с Ры Никоновой // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / Грече Шарлота. – С. 396–404.

Мінаєва Е.В., Пономарьова Т.О. Сучасна візуальна поезія: у пошуках невимовного // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.512-521.

У статті означені деякі значущі ознаки сучасної візуальної поезії, здійснена спроба розгляду можливих перспектив розвитку цього літературного напрямку.

Ключові слова: сучасна візуальна поезія, анімаційна поезія, перспективи розвитку візуальної поезії.

Minaeva E., Ponomaryova T. Modern visual poetry: in search of the ineffable // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.512-521.

The article deals with some particularity's of modern visual poetry. Following are prospects of development of modern visual poetry.

Key words: modern visual poetry, animal poetry, prospects of development of visual poetry.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 821.161.1`09

ФУНКЦИЯ И ЦЕЛЬ «НЕМОЙ СЦЕНЫ» В КОМЕДИИ ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Полежаева Т.В.

Волынский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

В статье рассматривается эффект «немой сцены», его роль и место в комедии Гоголя «Ревизор». Представлены различные суждения исследователей о значении завязки, кульминации и развязки произведения, сделан вывод относительно функции и цели «немой сцены».

Ключевые слова: Гоголь, «Ревизор», апосиопесис, «немая сцена», завязка, кульминация, развязка.

Литература о гоголевском «Ревизоре» довольно велика и разнообразна. Здесь и отзывы современников Гоголя, и данные литературной и театральной критики его времени и последующих десятилетий XIX века. Особенно многочисленна библиография пьесы в литературоведении XX-XXI столетий. Среди авторов крупных работ И. Вишневская, В. Воропаев, Г. Гуковский, М. Гус, В. Звизняцкий, В. Кулешов, Ю. Лотман, Ю. Манн, Г. Макогоненко, С. Машинский, П. Михед, Г. Поспелов, А. Ревякин, Н. Степанов, М. Теплинский, М. Храпченко, П. Щипунов.

Среди многих аспектов содержания и формы комедии, ее роли в развитии литературы, других проблем, что были предметом исследования, видное место занимает и «немая сцена», апосиопесис (< гр. – умолчание), т.е. концепт «немой сцены», которой завершается текст гоголевского «Ревизора».

Несмотря на множество суждений в литературоведении XX в., рецепция «немой сцены» до сих пор проблематична, как, впрочем, и роль, и место ее в развитии сюжета. Одни исследователи в сюжете «Ревизора» видят три завязки и три развязки (не упоминая о «немой сцене»), другие – одну завязку (по-разному толкуя ее) и две развязки, третьи – одну завязку, развитие действия и одну развязку (также игнорируя «немую сцену»), четвертые обращают внимание на отсутствие экспозиции, наличие одной завязки, развития действия и одной кульминации, которую видят как раз в «немой сцене». Ясно, что причина столь разных мнений – недооценка логики сюжетного развития, объективных закономерностей структуры и специфики композиционных возможностей сюжета вообще и гоголевского в частности. В результате на пьесу все время накладывается модуль (графарет) самих реципиентов вопреки гоголевскому замыслу и гоголевскому оформлению, которые он объяснил в одной из работ, почти не замечаемой до сих пор.

Цель нашего исследования – определить место, роль и смысл «немой сцены», являющейся важным композиционным элементом гоголевского «Ревизора».

Учитывая, что пьеса – не механически, а органично связанное целое, отсюда понять «немую сцену» можно лишь в контексте со всеми известными *этапами развития сюжета*. К ним и обратимся.

О трех завязках «Ревизора» В. Кулешов, например, писал (1985): «*Первое известие* о ревизоре круто *завязывает* действие. Но это не вся завязка. Еще нет и мысли, что ожидаемый ревизор и есть чиновник, который две недели живет в гостинице и не платит. *Вторая завязка* – в сцене, когда вбегают Бобчинский и Добчинский и сообщают: «Приехал! Приехал!»... Схватившись за голову и заглывая ртом воздух, городничий... выкрикивает: «Батюшки, сватушки... в эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак, нечистота!» Но и в этой сцене еще не все завязалось, хотя страх уже направлен в определенное русло». *Третью завязку* В. Кулешов находит во «встрече городничего с Хлестаковым». Именно здесь «как только городничий «поверил», он окончательно увяз в своей ошибке» [2, с. 74-75]. Кстати сказать, В. Кулешов выделял и три кульминации, и три развязки, отказывая при этом развитию действия сюжета.

Но такая позиция не нашла поддержки в гоголеведении. В ней нет полноты: нет учета поэтической базы сюжета (т.е. конфликтности), его скрытых (имплицитных) этапов развития. Это неизбежно обернулось выборочностью и механицизмом при анализе произведения. Тут важно учитывать, что *завязка* – форма начального проявления конфликта (главного столкновения образов), и что она имеет два плана – обобщенный и конкретный. Обобщение важнее, оно и предстало в первой же реплике Городничего: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам *пренеприятное* известие. К нам едет *ревизор*». Уже в этом виден главный конфликт пьесы (его противоположные силы отмечены курсивом). Дальше этот конфликт лишь объясняется, конкретизируется, обрастает нарративно-дискурсивными деталями. Поэтому и следующие два факта, воспринятые В. Кулешовым как дополнительные *завязки*, оказываются на деле уже *этапами развития* действия, завязанного первой репликой. В общем, концепция трех завязок не нашла поддержки в науке.

И до, и после этой концепции в гоголеведении есть рецепция первой реплики как *единственной завязки*, крайне сжатой. Об этом писали: в начале XX в. – Вл. Немирович-Данченко [3, с. 246], в 1957 г. – М. Гус [4, с. 145], в 1985 г. – А. Ревякин [5, с. 403] и Г. Макогоненко [6, с. 251], в 1997 г. – М. Теплинский [7, с. 412]. Об *общей* для всего действия пьесы и потому *единственной завязке* первым писал Гоголь после постановки «Ревизора» – в «Театральном разъезде»: «Вообще ищут частной завязки и не хотят видеть *общей*... Нет, комедия должна вязаться сама собой, всей своей массою, в один большой, *общий узел*. Завязка должна обнимать все лица, а не только одно или два, – коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих». Тут же Гоголь объяснил и смысл этой общей завязки: «Правит пьесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать может все: самый *ужас*, *страх* ожидания...» [1, с. 368]. *Страх* как состояние души является двигателем развития сюжета и антиподом *смеха*. Если *смех* – положительный образ, то *страх* – образ художественный, все самое гнусное, с чем и борется *смех*. С этим согласны большинство исследователей «Ревизора». Что касается *экспозиции*, неверно считать,

что ее нет в «Ревизоре». Она в сжатом виде уже видна в первой реплике городничего: сочетание «*пренеприятное* известие» – это уже намек на «ужас, страх», о которых писал Гоголь. Дальше экспозиция как предыстория и объяснение страха, рассредоточена *по ходу действия*, т.е. проявляется ретроспективно. Такой прием в литературе встречается. Достаточно вспомнить «Маленькие трагедии» Пушкина, где «вместо длительного процесса развития дается лишь кульминационный момент его», который включает в себя остальные этапы, в том числе экспозицию [8, с. 218]. Эти соображения по поводу *завязки* и *экспозиции* «Ревизора» помогают точнее разобраться в вопросе о роли и смысле «немой сцены».

Наряду с рецепцией трех развязок в «Ревизоре» (В. Кулешов) встречаются и две (Г. Гуковский, М. Храпченко), и одна развязка (Вл. Немирович-Данченко, Н. Степанов, Ю. Манн, Г. Макогоненко, А. Ревякин), и даже ее отсутствие, т.е. рецепция финала («немой сцены») как кульминации (П. Щипунов, С. Машинский).

После сказанного, думается, ясна сомнительность трех и двух развязок (это не гармонирует с одной общей завязкой). Но и *одна* развязка сомнительна. Завязка в «Ревизоре» (столкновение беспорядков с известием о приезде ревизора) мгновенно вызывает *страх* чиновников. Однако *страх* не исчезает в финале, он усиливается. Недаром С. Машинский писал о финале как «апофеозе», высшем напряжении, т.е. как о *кульминации* [9, с. 258-259]. Наличие *развязки* не дало бы такого мощного толчка к дальнейшим именно сюжетным размышлениям у реципиентов, к попыткам с их стороны досказать, дописать развязку. К примеру, существует «пьеска», созданная князем Д. Цициановым по заданию царя после первого представления гоголевского «Ревизора» под названием «Настоящий ревизор». Постановка ее сразу после пьесы Гоголя была вменена в обязанность дирекции театров, но не имела успеха. Не писал бы и Гоголь «Театрального разезда» в том же 1836 г., а позже «Развязку Ревизора» (1846). Не было бы и споров в XX в. по поводу развязки, и тех случаев, когда позиция исследователя по поводу оформления и смысла финала (развязка это? или кульминация?) с трудом определима.

Как, например, расценивать такое скрытное противоречивое суждение: «Гоголь не исключал возможности ликвидировать их (язвы управленческой системы) с помощью ревизоров, посылаемых сверху, о чем косвенно свидетельствует *заключительная* «немая сцена», где сообщается о приезде настоящего ревизора из Петербурга. Ревизор «требует» городничего «сей же час к себе», но неизвестно, как поведет себя чиновник и *чем кончится* его приезд» [3, с. 244]. С одной стороны, здесь речь о *заключительной* фазе сюжета, но названа она «сценой», а не *развязкой* (подмена понятий), с другой – «неизвестно... чем кончится» (противоречие). Выходит, что развязка есть, но она не развязывает – и, значит, она формальна, вроде как и нет ее. Однако это не согласуется с мощным энергетическим зарядом «немой сцены». Кстати, «немая сцена» не включает в себя сообщения «о приезде настоящего ревизора», как сказано в цитате. «Немая сцена» – результат «сообщения», наступает *после* него. Очевидно, эта переакцентация и вызвала восприятие «немой сцены» как *кульминации*.

Не решают проблему и такие соображения: «Спорность толкований *финала...* закономерна. В сущности, немая сцена и нужна для утверждения мысли *возможного* обновления обличенного. Но реализм писателя не позволил показать переход *возможности* в *действительность*, показать результат обновления... Вот почему идейно-художественная структура «Ревизора» *противоречива*» [7, с. 295-296]. Однако противоречие исчезает, если апосиопесис воспринимать как финальную *кульминацию*, а не как развязку.

Приведем еще суждение: «Разве смысл приезда ревизора по именному повелению в наведении страха?.. Мне кажется, глубина финала в том, что он раскрывает трагизм просветительской веры Гоголя в справедливого монарха... В «Ревизоре» *нет результата* нравственного обновления» [7, с. 302]. Выходит, финал есть, а результата нет? Тогда «немая сцена» лишена смысла? Но это невозможно. И вновь противоречие исчезает, если учесть, что «финалом» бывает не только развязка, но и *кульминация*. Именно она стала мощным толчком для множества толкований, однако они уже не авторские, а читательские и зрительские. Одни из них уводят в сторону от истинной разгадки авторского понимания смысла «немой сцены» (как развязка, сочиненная упомянутым Цициановым). Другие, наоборот, приближают к нему, особенно если опираются на дополнительные факты, исходящие от самого автора.

В данном случае второй вариант имеет дополнительное продолжение, и оно богато авторскими откровениями. Как известно, после «Ревизора» Гоголь сам написал не только «Развязку Ревизора» (1846), не принятую М. Щепкиным, но и в 1847 г. еще более четкое «Дополнение к Развязке Ревизора» [1, с. 420-425]. Оно до сих пор остается недостаточно учтенным.

Между тем именно в «Дополнении...» Гоголь расставил окончательные акценты. Если в «Развязке Ревизора» он писал, что в пьесе «нет конца» в смысле развязки, ибо *страх* чиновников перед возможностью разоблачения не «снят» (не развязан), а наоборот, предельно *усилен* (что и указывает на *кульминацию*), то в «Дополнении...» – художественное (в виде диалога реципиентов) объяснение идейного замысла и «немой сцены». Приведем некоторые объяснения Гоголя – вначале (1.) из «Развязки Ревизора» (1846), потом (2.) из «Дополнения...» (1847):

1. (1846) «*Первый комический актер*. Да как же... вы не заметили, что «Ревизор» без конца?» – *Петр Петрович*. Позвольте... Неужели и это в законе искусства?.. Ведь это, по-моему, значит... поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?.. В таком случае нужно... дать ключ в руки. – *Первый комический актер*. Ну, а если ключ лежит тут же?.. Вспомните пристально в этот город, который выведен в пьесе! Все... согласны, что такого города нет... Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?.. Ревизор... наша проснувшаяся совесть... Думаете, не хитрей ли всякого плута-чиновника каждая страсть наша?.. даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка... Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем

государстве... Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти!..»

2. (1847) «Семен Семенч. Что это, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город? – *Михал Михалч*. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город, что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться себя... Его (писателя) дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться... Вот что он должен был сделать. А это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава богу, не дети... – *Петр Петрович*... Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоучение все... – *Михал Михалч*... Если и другие имели в виду прежде всего себя, вероятно, и они вывели бы то самое нравоучение, которое вывел и я... Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой; увидеть недостатки... любим в других, а не в себе... Но если хотите уж поступать по-христиански, обратите ту же сатиру на самого себя... И бич в руках... А смех разве не бич? Или думаете, даром нам дан смех, когда его боится даже и последний негодяй, которого ничем не прошибешь?.. Значит, он дан на доброе дело... Зачем не обратим его вовнутрь самих себя... – *Семен Семенч*. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя?.. – *Михал Михалч*... Согласитесь, смех у нас есть у всех... Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас одних только может быть возможен поворот смеха на его законную дорогу... Он добр, он честен, этот смех. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим...» [1, с. 417-425].

Выводы. Итак, «немая сцена» (апосиопесис) как финальная кульминация «Ревизора» своей энергией зовет смеяться прежде всего над собственными недостатками и пороками ради избавления от них. Иначе пороки наши способны привести нас к душевному и духовному Апокалипсису. Иначе говоря, функция и цель «немой сцены» в «Ревизоре», которая является именно *кульминацией*, – пробудить в людях энергию совестливой самокритики ради личного и всеобщего блага. И в этом благородном деле Гоголь в первую очередь надеялся на силу литературы и театра как интеллектуальных видов искусства. В этом и злободневность гоголевского апосиопесиса, и его перспективы – функциональные и смысловые.

Список литературы

1. Гоголь Н. Собрание сочинений: [в 4 т.] – Т. 2 / Н. Гоголь. – М.: Правда, 1952. – 448 с.
2. Кулешов В. И. Этюды о русских писателях / В. И. Кулешов. – М.: МГУ, 1982. – 262 с.
3. Щерблякин И. П. История русской литературы (XI-XIX вв.) / И. П. Щерблякин. – М.: Высшая школа, 1985. – 512 с.
4. Гус М. Гоголь и николаевская Россия / М. Гус. – М.: ГИХЛ, 1957. – 376 с.
5. Ревякин А. И. История русской литературы XIX века: Первая половина / А. И. Ревякин. – М.: Просвещение, 1985. – 544 с.
6. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 352 с.

7. Теплинский М. В. Литература. 9 класс / М. В. Теплинский, Ю. И. Султанов. – К.; Ирпінь: Перун, 1997. – 446 с.
8. История русской литературы XIX века. 1800-1830-е годы / Под ред. В. И. Аношкиной и С. М. Петрова. – М.: Просвещение, 1989. – 447 с.
9. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М.: Просвещение, 1971. – 512 с.
10. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – 286 с.

Полежаєва Т.В. Концепт апосіопези в комедії Гоголя «Ревізор» // Ученіє записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.522-527.

У статті розглядається ефект «німої сцени», його роль і місце в комедії Гоголя «Ревізор». Надані різні точки зору дослідників щодо значення зав'язки, кульмінації та розв'язки твору, зроблений висновок відносно функції та мети «німої сцени».

Ключові слова: Гоголь, «Ревізор», апосіопеза, «німа сцена», зав'язка, кульмінація, розв'язка.

Poleshaeva T.V. Concept of «silent scene» in the Gogol's comedy «Auditor» // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.522-527.

The article shows the effect of aposiopesis, its part and place in the Gogol's comedy «Auditor». Here is some point of view of the investigators about the significance in the work of the plot, culmination, denouement and the result.

Key words: Gogol, «Auditor», aposiopesis, «silent scene», plot, denouement, result.

Поступила в редакцію 20.04.2011 з.

УДК 811.161.237

ПОЕТИЧНИЙ ІДІОСТИЛЬ ТОДОСЯ ОСЬМАЧКИ

Романюк Л. М.

Миколаївський національний університет ім. В.О. Сухомлинського, м. Миколаїв, Україна

У статті розглядаються доміанти поетичної мови Т. Осьмачки, особливості авторської реалізації традиційних образів із метафоричною і символічною семантикою.

Ключові слова: *ідіостиль, поетична модель світу, метафора, символ, образ.*

На зоряному небосхилі української літератури зірка Тодося Осьмачки засяяла у добу Розстріляного Відродження. Художня творчість митця, і перш за все його поезія, вражає ускладненою метафоричністю, вишуканою символікою, глибокою асоціативністю, космізмом мислення, емоційною навантаженістю.

Основним об'єктом вивчення ідіостилю письменника є мова його художніх творів, сукупність мовно-виразових засобів, які вирізняють письменника як індивідуальну особистість з-поміж інших письменників. Проблема дослідження індивідуального стилю тісно пов'язана з проблемою мовної картини світу та проблемою мовної особистості письменника. Ідіостиль письменника через мову його творів став предметом дослідження мовознавців В.В. Виноградова, Г.О. Винокур, Б.О. Ларіна, Н.М. Борисенко та ін. В українському мовознавстві цій проблемі присвячені праці Н.М. Сологуб, Л.О. Ставицької, Н.С. Дужик, С.П. Бибик, В.П. Дроздовського, С.Я. Єрмоленко.

Мета статті. Дослідження мовного аспекту ідіостилю дає можливість побачити індивідуальну неповторність письменника у представленій ним естетичній картині світу, оцінити його внесок у систему вже функціонуючих словесних художніх засобів національної мови, визначити загальні закономірності й провідні тенденції розвитку літературної мови.

Для позначення сукупності характерних мовних рис творчості певного письменника у сучасній лінгвістиці вживають терміни „ідіостиль”, „ідіолект”, „індивідуальний стиль”. Особливістю вживання цього терміна в сучасній лінгвістиці є те, що він тісно переплітається з такими поняттями, як „світобачення письменника”, „мовна особистість”, „мовна картина світу” (С.Я. Ярмоленко, А.К. Мойсеєнко, Н.М. Сологуб, Ю.М. Караулов, І.І. Степанченко). Проблема мовної особистості широко представлена у вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці (В.В. Виноградов, Е. Новак, С.Є. Нікітіна, Г.О. Винокур). На думку В. Виноградова, до дослідження мовної особистості можна прийти трьома шляхами: перший – визначення стильової доміанти, особливостей поетики, закономірностей побудови художнього тексту; другий – дослідження співвідношення між індивідуальним

стилем автора і нормами загальнонародної мови; третій – вивчення ідіостилю митця у контексті відповідного літературного напрямку.

Використання мовних засобів підпорядковане розкриттю ідейних та естетичних настанов митця. У художніх творах відбиваються процеси, характерні для певного етапу розвитку літературної мови. Опис окремих ідіостилів є необхідною складовою загального дослідження історії національної художньої мови. На сьогодні серед вітчизняних лінгвістів мову і стиль окремого автора вивчають К. Голобородько, І. Зінченко, Т. Коляда, Є. Концевич, О. Муромцева, Л. Пустовіт, О. Таран та ін.

Українська поезія початку ХХ століття виявила розмаїття естетичних та світоглядних пошуків, помітні зрушення в тематиці, новаторство поетики і стилю. У добу національного культурного відродження Т. Осьмачці нелегко було внести свою оригінальну поетичну барву у цю яскраву мистецьку палітру. Символізм Т. Осьмачки свого часу досліджували О. Дорошкевич, С. Єфремов, Є. Маланюк, наголошуючи на біблійному дусі поетичного світу, таємничій символіці.

Поетичний доробок Т. Осьмачки, як поета-емігранта, довгий час залишався поза увагою вітчизняних науковців. Це поет трагічної долі, тому складний життєвий шлях не міг не позначитись на творчості митця. Незважаючи на тривале перебування Осьмачки за межами України, його вірші ілюструють міцний духовний зв'язок зі своїм народом, Батьківщиною. Критик Ю. Лавріненко писав: „Після Шевченка він вище ніж хто підняв у поезії могутній і трагічний образ українського селянства, що було найбільшою рушійною силою революції і найбільшою жертвою московської тоталітарної контрреволюції. Цій трагедії він дав космічні виміри. Звертаючись до всесвіту, він повертається назад із страшною підозрою моральної порожнечі людства й універсаму... Осьмачка був „засуджений” не на свободу власного вибору, а на один єдиний шлях безкомпромісового спротиву і погибелі задля правди відродження свого народу. Він добровільно прийняв цей присуд як свою невідкличну долю” [4, с. 221-222].

Сьогодні творчість митця є предметом досліджень таких літературознавців, як М. Слабошпицький, М. Жулинський, Н. Зборовська, М. Скорський та ін.

Перша збірка поезій „Круча” (1922) засвідчила про нахил Т. Осьмачки до символізму. Дебют митця отримав високу оцінку від С. Єфремова та Ю. Лавріненка. Останній писав, що стиль поета вражає цілковитою оригінальністю і незалежністю. Це модернізм... Якимось незбагненим чином його гіперболічна метафора багатозначний символістський образ, несамовита експресіоністична напруга внутрішніх сил, романтична туга за омісцєвєнням і водночас за динамічним поривом в універсам – поєднується з розлогістю епосу; прозорим замкненим у собі ліричним малюнком [4]. Однак далеко не всі зустріли появу на літературному небосхилі України молодого поета схвальними оцінками. Критик В. Коряк зазначав, що Осьмачка виявив відворотну тенденцію відходу від сучасності, тобто мав сильну національну свідомість.

Друга книга поета „Скитські вогні” опублікована 1925 року. Планетарний розгін поетичного мислення митця зближує його з Павлом Тичиною, Олексою Слісаренком, Яковом Савченком. „Історичні події містифікуються у Т. Осьмачки в символічних жахаючих образах „горобиної ночі”, як і в поезії Тичини „Одчиняйте

двері”, чорних круків, лютого вовка, котрий, злігши на забитого, „зуби до сонця в крові підійма” [3, с. 8]. І в той же час творча індивідуальність поета окреслюється своєю самобутністю та неповторністю. Збірка „Клекіт” (1929) була останньою, що з’явилася на Україні. У 30-ті роки Т. Осьмачка вже не міг нічого друкувати, його змусили бути ніким, бо ні в чому не пішов на компроміс із новою владою.

Збірка „Сучасникам” побачила світ у Львові (1943) й ознаменувала якісно новий етап у творчості Т. Осьмачки. На думку Н. Зборовської „У цій збірці особливо виразне руйнівне, деструктивне начало. На фоні апокаліптичної панорами й агонізуючого світу палає його повстанський дух” [3, с.13]. Символіка в пізніх поезіях митця стає спокійнішою, набуває рис неоромантизму, в них відчувається нерозривна єдність поета з українською традицією, народною поезією та міфотворчістю.

Сучасні вчені, досліджуючи художній ідіостиль, зазначають, що його опис залежить від художньо-образного аналізу твору і від того, з якими позамовними явищами дійсності співвідносяться ці одиниці. Залежно від індивідуальної естетики слова позамовний світ набуває різних мовних форм в ідіостилі, підпорядковується естетичним законам творення і сприймання художнього тексту, через що утворюються образні словесні ряди (епітети, метафори, порівняння тощо). Звідси художній текст виявляється як система художньо-зображальних засобів – тропів, як певна стилістична структура.

Поетичний ідіостиль Тодося Осьмачки становить собою особливу єдність, в якій взаємодіють традиції і новаторство, архетипне і сучасне, усталені та індивідуальні авторські образи. Це позначається на семантичних особливостях символу і метафори – важливих компонентах художнього світу митця. Метафора (гр. *metaphor* – перенесення) – це троп, у якому ознаки одного явища переносяться на інше явище за подібністю між ними. Вона є найбільш сильним засобом творення художності твору. „Метафора, становлячи єдність, нерозривність загального і конкретного в лексичному значенні слів, охоплених процесом перенесення ознак, – зазначають Л. Пустовіт і В. Дятчук, – є результатом активної пізнавальної діяльності людини. З одного боку, у метафорі узагальнюються певні ознаки, що переносяться з одного предмета на інший. З другого боку, метафора – приховане, внутрішнє порівняння, яке відрізняється конкретно чуттєвим змістом” [2, с. 136]. Ще Аристотель у своїй „Поетиці” підкреслював важливість уміння творити метафори, оскільки вони виступають найсуттєвішою „ознакою таланту”. Ця думка до цього часу не втратила своєї актуальності, хоча в багатьох наукових концепціях зазнала переосмислення [1, с. 201-218].

Поетичний світ Т. Осьмачки напрочуд розмаїтий як у плані тематичних обширів, образотворчого арсеналу, так і в галузі організації вірша. Орієнтуючись на високі зразки античного мистецтва, неперевершені здобутки середньовічної лірики, торуючи свій самобутній шлях на тлі художніх пошуків ХХ ст. і насамперед українського неокласицизму в особі М. Рильського й М. Зерова, Є. Маланюка й М. Драй-Хмари, П. Филиповича та Ю. Клена, О. Ольжича та ін., Т. Осьмачка став справжнім віртуозом у царині красного письменства.

Метафора у поетичному контексті Тодося Осьмачки набуває ознак власного естетичного буття, визначеного творчою манерою митця і сприймається кожним через призму авторського вміння побачити у буденному небуденне. Вона несе в собі креативно-пізнавальні можливості і функціонує як засіб лінгвального осмислення та репрезентації нової інформації, а отже, як засіб комунікації, у процесі якого відбувається пізнання людиною навколишнього і внутрішнього духовного світу. Серед метафор на позначення „астральної” моделі світу у поетичній творчості митця найчисленніші групи утворюють конструкції з компонентами *зірка* та *сонце*, які в авторських текстах утворюють образні паралелі: „зірки – піщинки”, „зірки – бджола; мошка”, „зірки – цвяхи”, „зірки – іскри”. Конструюючи власний образ *зірки* Т. Осьмачка спирається на архаїчні міфологічні погляди предків, звертається до традиційних образних паралелей, активно вживає перенесення, популярні серед представників символістичної течії. Метафори з астрономом *зірка* більш вживані в ранніх поезіях митця (збірки „Круча”, „Скитські вогні”), в подальшому він майже не створював „зоряних” метафор.

Сонце – джерело земного життя і світла посідає одне з центральних місць у поетичній моделі світу, характерній для ідіостилю поета. Метафорам і символам із солярними елементами притаманна висока частотність уживання, асоціативність. Тодось Осьмачка будує метафори з компонентом „сонце” на основі загальнонародних асоціацій. Поет вдається до використання таких образних паралелей, в яких *сонце* порівнюється з рослиною, квіткою, птахом, колесом, серцем, хлібом тощо. Наприклад, інтерпретацію архетипної моделі перенесення „сонце – колесо” спостерігаємо у контексті: „Із цуциком милим у житі ганяли і сонце в долині, мов колесо, гнали. А батько косили у гонах під шляхом: об сонячні жили косою бряжчали...”.

У стихії метафори Т. Осьмачка часто поєднує чуттєвоспоглядальний принцип із цикловим навантаженням метафоричного образу:

Як у цій труні, що лягла під рів,
битая в мороз, скупана в крові –
радість молода – квіти степові!
У другій труні – мати всіх людей,
тих замучених, побитих дітей...
Із грудей стримить кривавий багнет,
а на нім горить цвіт-рожа важка

У цьому випадку підтверджується семантична основа метафори, в силу чого для її реалізації передбачена предикативна позиція і цілісність створюваного образу. У наведеному уривку метафора „мати... скупана в крові” поєднується з авторським образом, прирівняним до образу-символу, „труна” – трагедії українського села („...у селах усе гине як в мішках”).

Концептуальними для поетичної мови Т. Осьмачки є символи. Символ – це умовне позначення якогось предмета, явища, процесу, художній образ, який відбиває певну думку, ідею, почуття. З літературознавчого погляду символ – це предметний або словесний знак, який опосередковано виражає сутність певного явища (*свічка* – символ вогню, життя, духовної енергії). У поетичній мові Т. Осьмачки символи

„обертаються” навколо архетипного образу матері-землі. Типовим для ідіостилю митця є вживання традиційного українського символу *степ*. „Степ Т. Осьмачки, – зазначає Н. Зборовська, – це простори грандіозної вселенської містерії, де виборюється історична доля зневаженої нації” [3, с.9]. При цьому *степ* виступає як один із компонентів символічної антитези *степ-місто*. Образ степу як „часопросторова екзистенція українського світу” (Н. Зборовська), „глибока філософія життя” (М. Скорський), якому поет співає гімн (М. Жулинський) є центральним у збірці „Скитські вогні” (1925). На українській землі ліричний герой прагне побачити минуле і прийдешнє свого народу, розмірковує над „нескінченністю бігу нашого життя”:

До тебе, степе мій, пісні мої горять,
як роси польові
або забуті кочовиська вікові!
О скити, пращури мої,
тепер я знаю, що зринають із степів
ото забуті вами у віках вогні
під арки чорні вороних ночей.

Образ українських просторів подається у химерному сплетінні містичного і реального. Поет використовує традиційну народнопісенну символіку у формі замовлянь, голосінь, дум:

Погойдніться, верби, понад берегами,
розступіться, села, з білими хатами, –
Я несучу дитину на чорні майдани,
Хай зозулі сиві кують над дворами.

Образ степу як складова земної моделі світу функціонує лише у ранній творчості митця, а в пізніх збірках – зникає. Очевидно це спричинено змінами в особистому житті поета, які вплинули на його внутрішній світ.

Висновки. Поетичний ідіостиль Тодося Осьмачки – це унікальне поєднання витоків національного світосприйняття та символістських модерних пошуків. Своєрідність стильової палітри поезії митця поцінована в літературознавстві неоднозначно. Показово, що для означення багатогранного стильового обличчя поета в ньому зафіксовано поняття „осьмачкізм” (Ю. Лавріненко) й „осьмачківський спосіб поезії” (В. Барка).

Список літератури

1. Аристотель. Сочинения: [в 4 т.] / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т.4. – 386 с.
2. Дятчук В. Семантична структура і функціонування лексики української літературної мови / В. Дятчук, Л. Пустовіт. – К.: Наукова думка, 1983. – 156 с.
3. Зборовська Н. „Танцююча зірка” Тодося Осьмачки / Ніла Зборовська. – К.: МСП „Козаки”, 1996. – 64 с.
4. Лавріненко Ю. Розстріляне відродження: Антологія 1917-1933: Поезія – проза – драма – есей / Підгот. тексту, фахове редагування і передм. проф. Наєнка М.К. – К.: Просвіта, 2001. – 794 с.
5. Осьмачка Т. Поезії / Т. Осьмачка. – К.: Радянський письменник, 1991. – 252 с.

Романюк Л. Н. Поэтический идиостиль Тодося Осьмачки // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.528-533.

В статье рассматриваются доминанты поэтического языка Т. Осьмачки, особенности авторской реализации традиционных образов с метафорической и символической семантикой.

Ключевые слова: идиостиль, поэтическая модель мира, метафора, символ, образ.

Romanyuk L. Todos' Osmachka's individual poetic style // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.528-533.

The article deals with the dominants of T. Osmachka's poetic language, the peculiarities of the authorship interpretation of traditional images possessing metaphorical and symbolic semantics.

Key words: inividual stule, poetic model of the world, metaphor, symbol, character.

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 82-1/-9

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЖАНРА МЕНИППЕИ

Шугаева В.Г.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Статья посвящена исследованию бахтинской концепции жанра мениппеи, генетически связанной с античной менипповой сатирой. Рассматриваются признаки обоих жанров при сопоставительном анализе «Сатирикона» Петрония и «Метаморфоз» Апулея.

Ключевые слова: *литературный жанр, мениппея, мениппова сатира, М.М. Бахтин, карнавализация, философский универсализм.*

В последнее время термин «мениппея» получает всё большее распространение. Газета «Слово» в обзоре выставки Андрея Будаева дает определение его фоторабот как мениппейных: «Изобразительное искусство легко обходится без термина «мениппея», но духом её оно пронизано целиком. Задача лишь в том, чтобы освоить безграничные возможности мениппейной живописи. Будаев путешествует по эпохам истории и стилям искусства с лёгкостью, которая доступна лишь подлинному энциклопедисту» [5, с. 16]. Альфред Барков убеждён, что мениппея ни больше ни меньше как особый род литературы, «что феномен мениппеи как самостоятельного рода литературы сопряжен с уникальной внутренней структурой и что все создатели таких произведений используют общий прием кодирования: наделение рассказчика особыми функциями и психологическими характеристиками» [2, с. 1]. Но чаще всего данный термин используют в дискуссиях о жанровой природе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В связи с этим возникает вопрос о генезисе мениппеи и об истории возникновения самого термина.

Мениппова сатира и мениппея. Статус этих жанров и их отношения между собой остаются спорными. Мениппова сатира как один из античных жанров несомненно существовала и имела ряд отличительных признаков. Термин «мениппея» для обозначения видоизменённого жанра менипповой сатиры был введён М.М. Бахтиным в его монографии «Проблемы поэтики Достоевского» в 1963 году. Литературоведы В. Махлин, Ю. Боров, П. Вайль, А. Генис, Т. Приходько признали научную ценность данного понятия. В «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) Т.Ф. Приходько в статье, посвященной мениппее, выделяет её как самостоятельный жанр, не тождественный менипповой сатире, хотя М.М. Бахтин отождествлял оба понятия [3, с. 145]. Но не все учёные отнеслись благосклонно к бахтинской концепции мениппеи. Б.Л. Гаспаров считает мениппею новой и небывалой литературой, «сочиненной» Бахтиным. Учёный приходит к выводу, что «в конечном счете мениппея

становится просто условным оценочным названием всего, что нравится лично Бахтину, что он считает хорошим и важным» [4, с. 1].

Цель данной работы – определить, являются ли понятия «мениппея» и «мениппова сатира» тождественными или нет, для чего выявить их жанровые признаки на названных М.М. Бахтиным образцах этих жанров/жанра – «Золотого осла» Апулея и «Сатирикона» Петрония.

Мениппова сатира имеет свою биографию. Название жанр получил от философа-киника Мениппа (III век до н.э.), определившего, по мнению М.М. Бахтина, классическую форму жанра. Сам термин был введён в I веке до н.э. римским учёным Варроном. По сохранившимся сведениям, «*saturae menippeae*» писали Антисфен, Гераклид Понтик, Бийон Борисфенит, Менипп. В этом жанре создавалось «Отыквление» Сенеки, «Сатирикон» Петрония, «Осёл» Лукиана. К характерным чертам менипповой сатиры следует отнести следующие:

- как один из сатирических жанров, мениппова сатира подвергает осмеянию ничтожество земных благ, отживших человеческих представлений, суеверий;

- относится к литературе серьёзно-смеховой, что определяет последующие особенности: 1) предмет серьёзного дан на уровне современности, даже злободневности; 2) автор опирается не на предание, а на свой опыт и свободный вымысел; 3) отсутствие стилистического единства, смешение высокого и низкого стилей, использование вводных жанров (письма, пародии, предания);

- мениппова сатира проникнута карнавальным мироощущением (театрализованность, снятие всех запретов и ограничений, фамильяризация, карнавальные снижения и непристойности, связанные с производительной силой земли и человека) с характерным для него набором символов и метафор, языком повествования;

- в некоторых случаях для менипповой сатиры характерно смешение прозы и стихов.

Используя термин «мениппея», М.М. Бахтин определил широкий круг литературных явлений разных эпох, в которых выделил сходные черты мениппеи: это и средневековые мистерии и новеллы Возрождения, произведения Рабле, Свифта, романы Гоголя и Достоевского. Согласно бахтинской концепции мениппеи, ядро жанра составляют карнавальное мироощущение и философский универсализм, а они в свою очередь определяют остальные 14 признаков. Философский универсализм выражается:

- в свободе сюжетного и философского вымысла;
- в создании исключительных ситуаций для провоцирования и испытания правды, воплощённой в образе мудреца, искателя этой правды;

- для испытания правды действие и философские диалоги переносятся с земли на Олимп (рай) и в преисподнюю;

- в стремлении автора дать последние, решающие слова и поступки человека, осветить жизнь в целом.

Карнавальное мироощущение привносит в произведение:

- смеховой элемент;

- сочетание фантастики, символики и мистико-религиозного элемента с грубым труппным натурализмом;
- наблюдение с какой-нибудь необычной точки зрения, при котором резко меняются масштабы наблюдаемых явлений жизни;
- изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний (безумий, галлюцинаций, мечтаний);
- сцены скандалов, неуместных слов, всяческих нарушений приличий;
- резкие контрасты (моральные падения и очищения, роскошь и нищета);
- элементы социальной утопии;
- использование вставных жанров (новелл, писем, легенд);
- многостильность и многотонность;
- злободневную публицистичность.

Перечисленные особенности дают основание для вывода, что мениппова сатира и мениппея – это близкие, но самостоятельные жанры, имеющие общую карнавальную природу.

Рассмотрим, как на основании приведённых жанровых черт определяется жанровая принадлежность «Сатирикона» Петрония и «Метаморфоз» Апулея: следует ли их отнести к менипповой сатире или к мениппее.

Анализируя дошедший до нас текст «Сатирикона» (141 глава), во-первых, отмечаем, что это сатирическое произведение. Петроний критикует постановку образования в риторических школах, высмеивает разросшийся дилетантизм в поэзии, нравы в среде вольноотпущенников. Многостильность произведению придают: 1) пародии на греческий любовный роман (любовный треугольник Эноклпий – Гитон – Аскилт), рассказ о матроне из Эфеса – реминисценция на историю Дидоны из «Энеиды», «Песнь о гражданской войне» пародирует «Фарсалии» Лукана; 2) вставные жанры: новелла об уступчивом мальчике, рассказ о матроне из Эфеса, стихотворная «Песнь о гражданской войне», любовные записки (переписка Киркеи и Полиэна), сказки и анекдоты (их на пире у Трихалхиона рассказывают гости); 3) речь героев изобилует пословицами и поговорками, яркими сравнениями и метафорами («рыба по суху не ходит», «где дело пошатнулось, там друзья – за дверь», «глоток горячего вина – лучшая шуба»); 4) повествование ведётся прозой, но вперемишку со стихами: один из героев – Эноклпий – постоянно вводит в свою речь стихи собственного сочинения.

Стихия карнавала воссоздана в эпизоде пира Трихалхиона: вспомним беседы на пикантные темы, связанные с производительными силами человека, дикий блюда, вынос которых сопровождается прибаутками рабов и театрализованными представлениями, вовлекающими в себя всех присутствующих. Карнавальная стихия наиболее ярко проявляет себя в этом эпизоде: большое место занимает описание обжорства, знаменательно переходящего в похороны (метафоры «еды» и «смерти» выражаются в виде прожорливости и мнимой гибели).

Совсем другое направление получает сатира у Апулея в его «Метаморфозах». Главный герой – Луций – в облики осла видит всю изнанку жизни: грабежи и нравы воров-убийц, разнузданность старых и молодых развратников и прелюбодеев, повадки плутов всех сортов. Апулей в своё повествование вводит фантастический

рассказ Аристомена о колдунье-кабатчице. Он наполнен карнавальной символикой (кровь и экскременты как метафоры жизни и смерти), содержит сказку об Амуре и Психее, связанную с романом темой страдания и нравственного очищения, даёт пример языческой молитвы (обращение Луция к богине Исиде). Все эти вставные элементы разбивают стилистическое единство романа. Наблюдение за жизнью людей в римской провинции ведётся от лица чудом превращенного в осла молодого человека, богатого и образованного, но крайне сластолюбивого. Опасности, которым подвергается Луций, размышления над поведением людей, руководимых корыстолюбием, развратом, завистью чаще, чем благодарностью и любовью, заставляют героя пережить не только физическое превращение. Апулей через испытания приводит своего героя к осознанию существования другой жизни, наполненной духовным смыслом. Луций обращается к религии. После возвращения ему человеческого облика герой получает во сне серию откровений лунного божества, которое отныне стало руководить его жизнью. Луций во время посвящений побывал за порогом смерти, видел подземные и небесные божества. В последней главе появляется мистико-религиозная символика: розы и сistr – атрибуты Изиды, пальмовая ветвь как эмблема магии, веялка – чистоты, священные числа 3 (столько раз Луций проходит обряд посвящения и в нем три ступени: преисподняя, небеса, земля) и 7 (количество молитвенных омовений), вещие сны.

Выводы. Таким образом, если произведение Петрония можно отнести к менипповой сатире, имея в виду черты сатирико-бытового, авантюрного и приапического повествования, то «Метаморфозы» Апулея, содержащие и сатирический, и фантастический, и авантюрный, и мистико-религиозный элементы, по своей жанровой структуре сложнее «Сатирикона». Следовательно, «Золотой осёл» может восприниматься как первое произведение, созданное в жанре мениппеи. Черты сходства (сатира, авантюрная и эротическая линии, использование карнавальной символики) обоих произведений свидетельствуют о том, что мениппея трансформировалась из менипповой сатиры, получив более усложненную форму. Вопрос в том, состоялась ли мениппея как отдельный жанр, разрешит анализ развития этой жанровой формы в последующие литературные эпохи.

Список литературы

1. Апулей. Золотой осёл / Апулей. – Новосибирск: Кн.изд-во, 1989. – 397 с.
2. Барков А. Мениппея: особый род литературы [Электронный ресурс] / А. Барков. – Режим доступа: <http://literarytheory.narod.ru/menippea.htm>
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 364 с.
4. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина [Электронный ресурс] / М.Л. Гаспаров. – Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924>
5. Иванов А.И. Сатана там правит бал... / А.И. Иванова // Слово, 2007 – №4. – С. 16.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Коженикова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. Петроний А. Сатирикон / А. Петроний. – М.: СП «Вся Москва», 1990. – 235 с.

Шугаєва В.Г. До питання про генезу жанру меніппеї // Ученіє запискі Таврічєского національного університєта ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціалні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.534-538.

Стаття присвячена дослідженню бахтинської концепції жанру меніппеї, яка генетично пов'язана з античною меніпповою сатирою. Розглядаються ознаки обох жанрів за допомогою зіставного аналізу «Сатирикону» Петронія та «Метаморфоз» Апулея.

Ключові слова: літературний жанр, меніппея, М.М. Бахтін, карнавалізація, філософський універсалізм.

Shugajeva V. G. On the question to genesis of genre the menippea // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.534-538.

The article is about Bakhtin's concept of such kind of genre like the menippea, which is based on the ancient Menippean satire. During the analyzing of «Satyricon» by Petronius and «Metamorphoses» by Apulej this research represents all features of both genres.

Key words: literary genre, menippea, Menippean satire, M.M.Bakhtin, carnivalesation, philosophy universalism.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абламская Елена Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии факультета филологии и журналистики Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Архипенко Людмила Михайловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украиноведения Харьковского национального экономического университета, г. Харьков, Украина
Бакулина Наталья Валериевна	научный сотрудник Института педагогики Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев, Украина
Балашова Ирина Георгиевна	старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Бессонова Людмила Ефимовна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Бобыль Светлана Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Гуманитарные дисциплины для иностранцев», Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, г. Днепропетровск, Украина
Брага Ирина Ивановна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Сумского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко, г. Сумы, Украина
Буц Надежда Владимировна	научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Варич Марина Валериевна	кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры издательского дела Киевского национального университета культуры и искусств, г. Киев, Украина
Вергазова Лариса Георгиевна	старший преподаватель кафедры менеджмента и хозяйственного права факультета менеджмента Учебно-научного института «Высшая школа экономики и менеджмента» ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, Украина
Гвоздев Владимир Николаевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Восточноукраинского национального университета им. В. Даля, г. Луганск, Украина

Гнатюк Алла Викторовна	аспирантка Волынского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина
Головина Виктория Сергеевна	аспирантка кафедры украинского языка Харьковского национального педагогического университета им. г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина
Голодникова Юлия Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Гудыма Наталья Васильевна	аспирантка кафедры украинского языка, ассистент кафедры языковых дисциплин Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина
Гузенко Светлана Валентиновна	кандидат филологических наук, доцент кафедры филологической подготовки Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Гурко Елена Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Даки Елена Анатольевна	преподаватель Измаильского государственного гуманитарного университета, г. Измаил, Украина
Данилюк Наталья Михайловна	аспирантка Университета Николая Коперника, г. Торунь, Польша
Девель Людмила Александровна	кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия
Жилинская Юлия Евгеньевна	студентка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Землякова Елена Александровна	старший преподаватель Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков, Украина
Иванова Людмила Петровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Игнатив Надежда Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казимир Иванна Ивановна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украиноведения Харьковского национального экономического университета, г. Харьков, Украина
Карташова Валентина Николаевна	доктор педагогических наук профессор, заведующая кафедрой иностранных языков педагогического профиля Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия
Кассина Татьяна Андреевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета, г. Днепропетровск, Украина
Каширина Мария Михайловна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Келарева Елена Владимировна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Кирилова Елена Алексеевна	кандидат филологических наук, преподаватель русского языка Вологодского педагогического колледжа, г. Вологда, Россия
Кобякова Ирина Карповна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии Сумского государственного университета, г. Сумы, Украина
Ковалевская Виктория Викторовна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Коваленко Борис Алексеевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина
Козырева Наталя Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Колесова Ирина Евгеньевна	кандидат филологических наук, преподаватель Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда, Россия
Колтуцкая Ирина Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии Института филологии и журналистики Волынского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина
Кольцова Юлия Ивановна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

Кондратская Виктория Леонидовна	кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Коновалова Елена Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Корчевская Ольга Валерьевна	ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Кузнецова Татьяна Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и филологии Сумского государственного университета, г. Сумы, Украина
Кузьмич Елена Ярославовна	аспирантка кафедры украинского языка Волынского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина
Кутуза Наталья Валерьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина
Лазариди Милана Исааковна	доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан
Лановая Татьяна Владимировна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Левун Нина Витальевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Малярчук Ульяна Олеговна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Мартынюк Анна Ярославовна	старший научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Марчук Людмила Николаевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой украинского языка Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Масленников Игорь Сергеевич	ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
Машенко Александр Петрович	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Мелекесцева Наталья Васильевна	аспирантка кафедры украинского языка, ассистент кафедры языковых дисциплин Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина
Меркицкая Севем Махмудовна	магистрант РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», студенческое научное общество «Полиглот», г. Симферополь, Украина
Минаева Элла Викторовна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина.
Митрохина Леся Михайловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Мозговой Владимир Иванович	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и хозяйственного права факультета менеджмента Учебно-научного института «Высшая школа экономики и менеджмента» ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, Украина
Морозова Анна Александровна	аспирантка кафедры украинского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Нагорный Игорь Анатольевич	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия
Наталич Ольга Ивановна	магистрант РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», член студенческого научного общества «Полиглот», г. Симферополь, Украина
Немогай Юрий Владимирович	аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Никульшина Татьяна Николаевна	кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Нуреева Ирина Ириковна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Петрочук Оксана Валентиновна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Киевского национального лингвистического университета, г. Киев, Украина
Подгородецкая Инна Юрьевна	преподаватель кафедры украиноведения Харьковского национального экономического университета, г. Харьков, Украина
Полежаева Татьяна Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Волынского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина
Пономарёва Татьяна Александровна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
Пономаренко Ирина Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
Похвалитова-Замилова Мария Эдуардовна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Продайко Виктор Николаевич	старший преподаватель кафедры философии Днепропетровского химико-технологического университета, г. Днепропетровск, Украина
Разумейко Мария Станиславовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Романюк Любовь Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры филологической подготовки Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Рюмшина Юлия Андреевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Салионович Людмила Николаевна	аспирантка кафедры украинского языка Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина
Сахарова Ольга Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии Киевского славистического университета, г. Киев, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Свидрук Елена Алексеевна	ассистент кафедры украинского языка Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина
Сегал Наталья Александровна	ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Семиколенова Елена Ивановна	кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Сидельников Валентин Павлович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, замдекана филологического факультета Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Скуленко Михаил Иванович	доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Запорожского Классического частного университета, г. Запорожье, Украина
Сметанина Мария Олеговна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Стеколыщикова Валентина Андреевна	преподаватель кафедры журналистики Николаевского межрегионального института развития человека высшего учебного заведения «Открытый международный университет развития человека «Украина», г. Николаев, Украина
Степаненко Елена Константиновна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры украинского языка факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Стребуль Людмила Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета, г. Днепропетровск, Украина
Субботина Ольга Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Сунь Юйминь	аспирантка Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Сурган Марина Александровна	соискатель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

Терещенко Екатерина Сергеевна	научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Ходоренко Анна Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Хруцкая Наталья Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета, г. Киев, Украина
Цымбалюк Татьяна Александровна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Чабаненко Татьяна Сергеевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Черемская Ольга Степановна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой украиноведения и языковой подготовки иностранных граждан Харьковского национального экономического университета, г. Харьков, Украина
Чернобривец Светлана Григорьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Швачко Светлана Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Сумского государственного университета, г. Сумы, Украина
Шеремет Ольга Витальевна	бакалавр РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», член студенческого научного общества «Полиглот», г. Симферополь, Украина
Шкурко Елена Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Шмыга Юлия Ивановна	кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Шугаева Виктория Григорьевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Щасливая Наталья Святославовна	аспирантка кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета им. Н.П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Щербачук Лидия Федоровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Юксель Гаяна Заировна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой литературы факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина
Яценко Татьяна Антоновна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Яяева Алиме Миметовна	доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина
Яяева Назле Миметовна	преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 4. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	3
<i>Бессонова Л.Е., Сегал Н. А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	3
<i>Иванова Л.П.</i> ОСВОЕНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ.....	9
<i>Кассина Т.А., Продайко В.Н.</i> РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА	14
<i>Келарева Е.В.</i> ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА	21
<i>Кирилова Е.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ С ДРУГИМИ МОРФЕМАМИ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ОСНОВ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ).....	27
<i>Кольцова Ю. И.</i> ЛОГОЭПИСТЕМЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА	31
<i>Лановая Т.В.</i> ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ, ЗАИМСТВОВАННОЙ В XVIII-XIX СТ.).....	37
<i>Малярчук У.О.</i> СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАДИСКУРС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЦЕНКИ.....	43
<i>Нагорный И.А.</i> ЧАСТИЦЫ И РЕЧЕВЫЕ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СЛАВЯНСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	48
<i>Немогай Ю. В.</i> БАЗОВАЯ ОСНОВА ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА РУССКОГО ЯЗЫКА.....	53
<i>Нуреева И. И.</i> СЛОВО КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ «ПРЕДМЕТНОСТЬ», «ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА», «ЧИСЛО И КОЛИЧЕСТВО».....	57
<i>Семиколонова Е.И., Каширина М.М.</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА МУЖСКУЮ И ЖЕНСКУЮ АУДИТОРИЮ	63
<i>Семиколонова Е.И., Чабаненко Т.С.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ЗНАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ КОМПАРАТИВА	70
<i>Сидельников В.П.</i> ФУНКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ	77

<i>Субботина О. А.</i> СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ АДЪЕКТИВОВ С СУФФИКСОМ -ОВАТ ⁻² /ЕВАТ ⁻² В РАМКАХ СИНКРЕТИЧНОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОДТИПА.....	83
<i>Сунь Юйминь</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТОНИМОВ, ОСНОВАННЫХ НА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕНАХ И ТЕКСТАХ	89
<i>Ходоренко А.В.</i> ФУНКЦИИ И ДЕФИНИЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ГРУПП ЛИЦ	94
<i>Цымбалюк Т. А.</i> ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ «УСЛОВИЕ» И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	99
<i>Чернобривец С.Г.</i> ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЧЛЕНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДВОЙНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	105
<i>Шкурко Е.В.</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ И СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ.....	109
<i>Щасливая Н. С.</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Д. ГРАНИНА «ЗУБР»)	114
РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ	119
<i>Абламская Е.В.</i> ЭКСПАНСИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	119
<i>Балашова И.Г.</i> ОБ ОПЫТЕ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В США	124
<i>Брага І.І.</i> СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНІ ЧИННИКИ ВИКОРИСТАННЯ СУРЖИКУ.....	130
<i>Землякова Е.А.</i> КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАНТА В ЖАНРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРПОРАТИВНОГО БЛОГА.....	136
<i>Карташова В.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	140
<i>Колесова И. Е.</i> ПРОЦЕССЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *-LEI-.....	144
<i>Колтуцкая И. А.</i> ИДИОМАТИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНКЕТИРОВАНИЯ)	149
<i>Коновалова Е.А.</i> ОБРАЩЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА	154

<i>Петрочук О. В.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	160
<i>Пономаренко И.Н.</i> НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	164
<i>Свідрук О.О.</i> МОВНІ ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ ТРАДИЦІЙНИХ ТА НОВИХ СТЕРЕОТИПІВ У СУЧАСНІЙ ЖІНОЧІЙ ПРОЗІ	169
<i>Стребуль Л. А.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ОДНОГО ВИДА НОМИНОВ В КОММУНИКАЦИИ	173
<i>Хруцкая Н. В.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА	179
РАЗДЕЛ 6. КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ	
184	
<i>Бакуліна Н. В.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНІ ЗАСАДИ КОНСТРУЮВАННЯ КОМПЕТЕНТІСТНО ОРІЄНТОВАНИХ ПІДРУЧНИКІВ З ПОЧАТКОВОГО НАВЧАННЯ МОВИ ІВРИТ ТА ІНШИХ МОВ ЕТНІЧНИХ МЕНШИН У ШКОЛАХ З УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ НАВЧАННЯ	184
<i>Бобиль С.В.</i> ФОРМУВАННЯ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ В УМОВАХ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРЕДОВИЩА	194
<i>Девель Л.А.</i> КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОХОД В ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОГО АНГЛО-РУССКОГО СЛОВАРЯ)	198
<i>Козырева Н. Ю.</i> ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ	203
<i>Мартынюк А.Я.</i> О СОДЕРЖАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ	208
<i>Меркицкая С. М.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ОРГАНИЗАЦИИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАМ МЕТОДИЧЕСКОГО ЦИКЛА В ПЕДВУЗЕ	213
<i>Мозговий В. І., Вергазова Л. Г.</i> ПРАКТИКА НАВЧАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В КОНТЕКСТІ ТЕОРІЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ МОВИ	219
<i>Мозговий В. І.</i> МЕТОДИКА ВИКЛАДАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ТА МОВНА РЕАЛЬНІСТЬ	225
<i>Наталіч О. І.</i> СИСТЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ В БИЛИНГВАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ	230

<i>Шеремет О.В.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ	236
<i>Яценко Т. А.</i> ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ» (ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ)	241
<i>Яяева А. М.</i> АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА.....	246
<i>Яяева Н. М.</i> АНАЛИЗ ШКОЛЬНЫХ ПРОГРАММ И УЧЕБНИКОВ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ ПЯТЫХ	251
РАЗДЕЛ 7. СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНЫ	256
<i>Варич М. В.</i> АРГУМЕНТАЦІЯ В ЖУРНАЛІСТСЬКИХ ТЕКСТАХ: ДІАЛОГ З ЧИТАЧЕМ ЧИ МАНІПУЛЯЦІЯ СВІДОМІСТЮ?	256
<i>Гвоздев В. М.</i> ІНТЕРНЕТ ЯК КЛЮЧОВИЙ ЧИННИК НОВОГО ІНФОРМАЦІЙНОГО ПРОСТОРУ І ТРАНСФОРМАЦІЙ МЕДІААУДИТОРІЇ	262
<i>Голодникова Ю.А.</i> ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ МЕДИА В ЖУРНАЛЕ «ХЛЕБСОЛЬ»	268
<i>Гузенко С. В.</i> АНОНСИ НОВИН ІНТЕРНЕТ-ВИДАНЬ: СИНТАКСИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА	278
<i>Ковалевская В. В.</i> ІНФОРМАЦІОННАЯ ПОЛІТИКА ІЗДАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КРИМСЬКА СВІТЛИЦЯ»	283
<i>Кондратская В. Л., Жилинская Ю. Е.</i> ЖУРНАЛІСТСЬКІЕ РАССЛЕДОВАНИЯ. ТРАНСФОРМАЦІЯ ЖАНРА В УКРАИНЕ	289
<i>Кузнецова Т. В.</i> РОЛЬ АВТОРА У ФОРМУВАННІ МЕДІЙНОЇ АКЦИОСФЕРИ.....	295
<i>Кутуза Н. В.</i> СЛОГАН ЯК ЦЕНТРАЛЬНИЙ СУГЕСТОГЕН ПОЛІТИЧНОЇ КАМПАНІЇ	300
<i>Масленников И.С.</i> КОНТАКТОУСТАНАВЛИВАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	306
<i>Мащенко А. П.</i> ОСВЕЩЕНИЕ «КРЫМСКИХ ПРОБЛЕМ» В ГАЗЕТЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»	311
<i>Похвалитова-Замилова М. Э.</i> ПРИНЦИПЫ РЕЧЕВОЙ МАНІПУЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ).....	318

<i>Рюмина Ю.А.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТА ЗА ПРАВО ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ	323
<i>Скуленко М. І.</i> ПСИХОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ПРОПАГАНДИ.....	328
<i>Сметанина М.О.</i> СПЕЦИФИКА МЕДИАПРОСВЕЩЕНИЯ: ПРАВОСЛАВИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В СМИ	335
<i>Стеколыщикова В. А.</i> МАС-МЕДІЙНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ АЛЕГОРІЇ.....	340
<i>Сурган М.А.</i> СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ПЕЧАТНОЙ ПЕРИОДИКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В УКРАИНЕ	346
<i>Шмига Ю.І.</i> РОЛЬ МОТИВАЦІЇ У ЗМІСТОУТВОРЕННІ ТЕЛЕРЕКЛАМНИХ ПОВІДОМЛЕНЬ	352
<i>Юксель Г. З.</i> КРЫМСКОТАТАРСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ.....	359
РАЗДЕЛ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	365
<i>Архипенко Л.М., Казимир І.І.</i> ОМОНІМІЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ЕКОНОМІЧНІЙ ТЕРМІНОСИСТЕМІ ЯК ПРОЯВ АСИМЕТРІЇ МОВНОГО ЗНАКА.....	365
<i>Буц Н. В.</i> ЛЕКСИЧНА АНТОНІМІЯ В ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ ЛІНИ КОСТЕНКО.....	371
<i>Гнатюк А. В.</i> ЕКСПЛІКУВАННЯ СУМНІВУ У НОМІНАЦІЯХ ОКУЛЕСИЧНИХ КІНЕМ.....	376
<i>Головіна В. С.</i> ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ХУДОЖНЬОГО ПРОСТОРУ У ПОЕЗІЇ Ю. АНДРУХОВИЧА.....	384
<i>Гудима Н. В.</i> ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНШОМОВНИХ НАЗВ ОСІБ У ЛЕКСИЧНІЙ СИСТЕМІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ.....	389
<i>Гурко О.В.</i> ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ МЕТАФОРИ В ХУДОЖНЬОМУ МОВЛЕННІ ОЛЕКСАНДРА ОЛЕСЯ.....	395
<i>Дакі О. А.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ТРАНСФОРМАЦІЯ СЛІВ У СВІТЛІ ФЛОРОНОМІНАЦІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ПІВДЕННОБЕССАРАБСЬКИХ ГОВІРОК)	401
<i>Данилюк Н. М.</i> ОРІЄНТАЛІЗМИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	408
<i>Коваленко Б.О.</i> МОВНІ ОСОБЛИВОСТІ РАННІХ ОПОВІДАНЬ М. КОЦЮБІНСЬКОГО (ЗА МАТЕРІАЛАМИ РУКОПИСНОЇ СПАДЩИНИ)	413

<i>Кузьмич О.Я.</i> ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ КОМІЧНОГО В МОВІ УКРАЇНСЬКОГО ЖУРНАЛУ «ПЕРЕЦЬ» (ОМОНІМИ, АНТОНІМИ, СИНОНІМИ)	418
<i>Левун Н.В., Степаненко О.К.</i> СЛОВОТВІРНЕ ГНІЗДО З ВЕРШИННИМ СОМАТИЗМОМ <i>СЕРЦЕ</i> В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	423
<i>Марчук Л.М.</i> ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ ГРАДАЦІЙНОЇ СВІТОБУДОВИ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	428
<i>Мелекесцева Н.В.</i> ДО ПИТАННЯ ПРО СЕМАНТИЧНУ КЛАСИФІКАЦІЮ ПРЕДИКАТИВ НАЯВНОСТІ / ВІДСУТНОСТІ	433
<i>Мітрохина Л. М., Разумейко М. С.</i> АНОРМАТИВНІ ЯВИЩА СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В ЗМІ (НА РІВНІ ГРАМАТИКИ ТЕКСТУ)	438
<i>Морозова Г. О.</i> ФОРМАЛЬНА СТРУКТУРА ТЕРМІНІВ АКУШЕРСТВА ТА ГІНЕКОЛОГІЇ	443
<i>Нікульшина Т.М.</i> ДОСЛІДЖЕННЯ ІРРЕАЛЬНОГО В МОВОЗНАВСТВІ: СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ	447
<i>Підгородецька І. Ю.</i> СТРУКТУРА ТА СКЛАД ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ ІЗ СЕМАНТИКОЮ ПОЗИТИВНОЇ ЕСТЕТИЧНОЇ ОЦІНКИ	452
<i>Саліонович Л. М.</i> ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРЕЦЕДЕНТНИХ ТЕКСТІВ В ЕПІСТОЛЯРНОМУ ДИСКУРСІ І. ФРАНКА	456
<i>Сахарова О. В.</i> МОДУСНІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ ЯК РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ	462
<i>Терещенко К. С.</i> ФУНКЦІОНУВАННЯ ЗВЕРТАНЬ У МОВІ ТВОРІВ І. С. НЕЧУЯ-ЛЕВИЦЬКОГО	467
<i>Черемська О.С.</i> ПРОБЛЕМИ ТЕРМІНОЛОГІЧНОГО НОРМУВАННЯ В ЕКОНОМІЧНІЙ СФЕРІ НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ	473
<i>Швачко С.О.</i> ЛІНГВОКОГНІТИВНІ АСПЕКТИ ЛАКУНАРНOSTІ У МОВІ ТА МОВЛЕННІ	480
<i>Щербачук Л.Ф.</i> КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ГРІХА У ФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ	485
РАЗДЕЛ 9. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Ігнатів Н. Є.</i> СВОЄРІДНІСТЬ ОПОВІДНОЇ СТРУКТУРИ НАРИСІВ-СПОГАДІВ І. С. ШМЕЛЬОВА «СТАРЫЙ ВАЛААМ»	490
<i>Кобякова И.К.</i> АВТОРСКИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	495

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корчевская О. В.</i> ФЕНОМЕН РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	499
<i>Лазариди М.И.</i> ГРЕЧЕСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. БРОДСКОГО (С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ ИЗ ГОМЕРА)	505
<i>Минаева Э.В., Пономарёва Т.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: В ПОИСКАХ НЕВЫРАЗИМОГО	512
<i>Полежаева Т.В.</i> ФУНКЦИЯ И ЦЕЛЬ «НЕМОЙ СЦЕНЫ» В КОМЕДИИ ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»	522
<i>Романюк Л. М.</i> ПОЕТИЧНИЙ ІДЮСТИЛЬ ТОДОСЯ ОСЬМАЧКИ	528
<i>Шугаева В.Г.</i> К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЖАНРА МЕНИППЕИ	534
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	539
СОДЕРЖАНИЕ	548